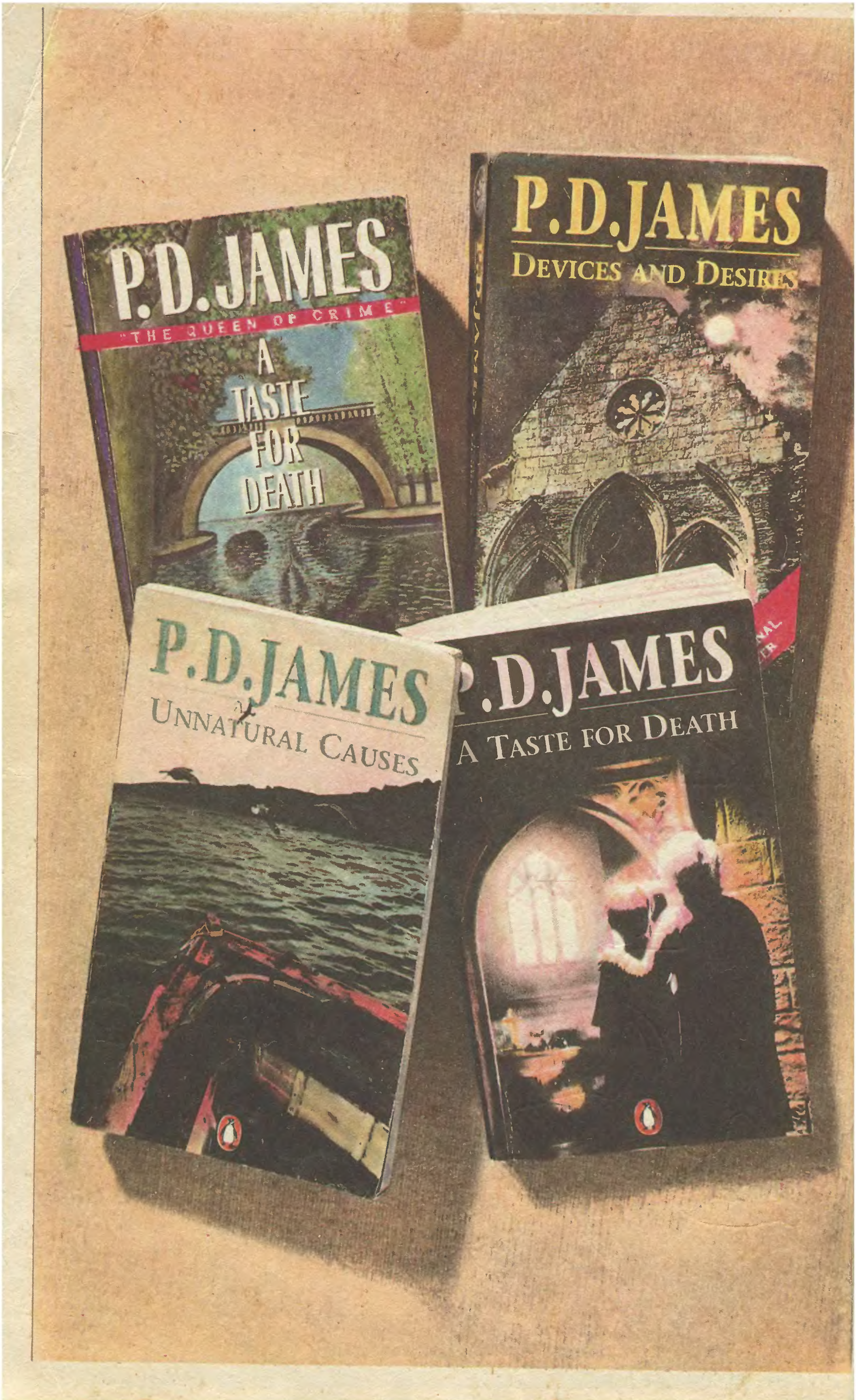
С 17 - 114

ISSN 0130-6545

11.12.1992

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЕТЕКТИВНЫЙ И КРИМИНАЛЬНЫЙ ЖАНР в мировой литературе


P.D.JAMES
"THE QUEEN OF CRIME"
A TASTE FOR DEATH
P.D.JAMES
DEVICES AND DESIRES
P.D.JAMES
UNNATURAL CAUSES
P.D.JAMES
A TASTE FOR DEATH

Главный редактор

В. Я. ЛАКШИН

Редакционная коллегия:

Л. Н. ВАСИЛЬЕВА — заведующая отделом художественной литературы
Н. Н. СКУРСКАЯ — ответственный секретарь
А. Н. СЛОВЕСНЫЙ — заместитель главного редактора
Г. Ш. ЧХАРТИШВИЛИ — заведующий отделом критики и публицистики

Коммерческий директор Л. А. ЖМЫРЕВ

Общественный редакционный совет:

С. С. АВЕРИНЦЕВ, В. П. АКСЕНОВ, М. Н. ВАКСМАХЕР, Е. Ю. ГЕНИЕВА,
В. П. ГОЛЫШЕВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА, А. Н. ЕРМОНСКИЙ, В. В. ЕРОФЕЕВ,
Я. Н. ЗАСУРСКИЙ, А. М. ЗВЕРЕВ, И. Ф. ЗОРИНА, Т. Э. ИВАНОВА,
В. Б. ИОРДАНСКИЙ, А. В. КАРЕЛЬСКИЙ, Т. П. КАРПОВА, Л. З. КОПЕЛЕВ,
Т. Л. МОТЫЛЕВА, А. С. МУЛЯРЧИК, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, М. Л. САЛГАНИК,
Е. М. СОЛОНОВИЧ, Н. Л. ТРАУБЕРГ, Б. Н. ХЛЕБНИКОВ

Международный совет:

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ — председатель Совета
ЖОРЖИ АМАДУ (Бразилия), ЭРВЕ БАЗЕН (Франция),
КРИСТА ВОЛЬФ (Германия), ТОНИНО ГУЭРРА (Италия),
МИГЕЛЬ ДЕЛИБЕС (Испания),
ЭРНЕСТО КАРДЕНАЛЬ (Никарагуа),
ЗИГФРИД ЛЕНЦ (Германия), АРТУР МИЛЛЕР (США),
АНАНТА МУРТИ (Индия), КЭНДЗАБУРО ОЭ (Япония),
ЙОРДАН РАДИЧКОВ (Болгария),
СВЯТОСЛАВ РЕРИХ (Индия),
НГУГИ ВА ТХИОНГО (Кения),
РОБЕРТО ФЕРНАНДЕС РЕТАМАР (Куба),
СЕМБЕН УСМАН (Сенегал), УМБЕРТО ЭКО (Италия)

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1955 ГОДА
УЧРЕДИТЕЛЬ ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ

ноябрь — декабрь

11-12

1992

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Д. ДЖЕЙМС — Неестественные причины *(Роман. Перевод с английского И. Бернштейн, Л. Мотылева и Г. Чхартишвили. Послесловие В. Скороденко)* 5

БУАЛО-НАРСЕЖАК — Рассказы *(Перевод с французского К. Алексашиной, А. Куличковой, М. Стебаковой)* 121

ДЖО АЛЕКС — Смерть говорит от моего имени *(Роман. Перевод с польского Л. Юрьевой. Предисловие А. Ермонского)* 137

МОРИС ЛЕБЛАН — Черная жемчужина *(Рассказ. Перевод с французского С. Кудрявицкой)* 202

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН — Машина ошибается *(Рассказ. Перевод с английского А. Кудрявицкого)* 210

ДЖЕЙМС ТЭРБЕР — Тайна убийства в «Макбете» *(Рассказ. Перевод с английского А. Ливерганта)* 220

ТЕОДОР КРАМЕР — Вырезки из газет *(Криминальные баллады. Перевод с немецкого Евгения Витковского)* 223

Документальная проза

ХЭНК МЕССИК, БЕРТ ГОЛДБЛАТ — Бандитизм и мафия. История организованной преступности в Америке *(Перевод с английского К. Старосельской)* 228

Критика

УИЛЬЯМ КИТТРЕДЖ, СТИВЕН М. КРАУЗЕР — Великий американский детектив *(Перевод с английского Л. Ермаковой)* 282

НАТАЛИЯ ИЛЬИНА — Агата Кристи на отечественном литературном фоне 293

Публицистика

АЛЕКСАНДР МЕЩЕРЯКОВ — Преступление и наказание: японский вариант 307

У книжной витрины 312

Курьер «ИЛ» 314

Содержание журнала «Иностранная литература» за 1992 г. 317

Авторы этого номера 319

© Иностранная литература, 1992 г.

В 1-м номере «ИЛ» за 1993 год

МОНТЕГЮ РОДС ДЖЕЙМС. Рассказы из сборника **«Жил да был человек у кладбища»**. На русском языке произведения этого известного английского ученого-медиевиста, исследователя древних рукописей и крупнейшего мастера «рассказов о привидениях», еще не издавались.

ГЕРБЕРТ РОЗЕНДОРФЕР. «Письма в Древний Китай». Роман. С помощью «компаса времени» китайский мандарин из X века переносится в наше время.
Этот роман в письмах, полный остроумных и глубоких наблюдений, был высоко оценен критикой в Германии.

Мы открываем новый раздел **«Литературный гид»**. Это журнал в журнале, посвященный одной теме — культурному явлению, национальной литературе или крупному писателю. Первый выпуск — **«Цветы зла»** — исследует имморалистическую традицию в европейской литературе. Читайте в нашем «Гиде»:

Вступительную статью **С. ЗЕНКИНА «Писатель в маске монстра».**

Одну из знаменитых **«Песен Мальдорора»,** созданных **ЛОТРЕАМОНОМ,** гениальным, рано умершим бунтарем-романтиком, открытым французскими сюрреалистами в нашем столетии.

Ранние, «кощунственные» стихи **ГОТФРИДА БЕННА**, самой интригующей фигуры в немецкой поэзии XX века.

«Дневник вора», автобиографическую повесть **ЖАНА ЖЕНЕ** — человека преступного мира и одновременно талантливого литератора, чья проза впервые публикуется в русском переводе.

В разделе **Публицистики** эссе **ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА «Алхимический Лимон»** — о Восточной Европе в посткоммунистическую эпоху.

На 1-й странице обложки — рисунок из журнала «МАГАЗИН ЛИТТЕРЕР» (Франция); на 2-й — книги Ф. Д. ДЖЕЙМС; на 3-й странице — книги АГАТЫ КРИСТИ;

По всем вопросам, связанным со сроками выхода и распространения журнала, редакция просит обращаться в издательство «Известия».

Художественный редактор **С. И. Мартемьянова**
Технический редактор **Г. И. Голосовская**

Адрес редакции: 109017, Москва, Пятницкая ул., 41. Телефон 233-51-47

Журнал выходит один раз в месяц

При участии издательства «Известия», Москва, Пушкинская пл., 5.

Сдано в набор 10.09.92. Подписано в печать 11.11.92. Формат 70x108¹/16.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 28,0. Усл. кр-отт. 29,4.
Уч.-изд. л. 31,55. Заказ 3114.

Тираж 140 570 экз. Цена по подписке 3 р. 75 к. Цена в розницу договорная.

Российский государственный информационно-издательский центр
«Республика». Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Ф. Д. ДЖЕЙМС

Неестественные причины

РОМАН

Перевод с английского И. БЕРНШТЕЙН, Л. МОТЫЛЕВА и Г. ЧХАРТИШВИЛИ

Часть первая

СУФФОЛК

1

В виду суффолкского побережья дрейфовала небольшая парусная лодка, на дне ее лежал труп с отсеченными кистями рук. Покойник был мужчина средних лет, маленький, молодцеватый, обряженный в элегантный темный костюм в белую полоску, так же безупречно сидящий на мертвом, как прежде сидел на живом. Сшитые на заказ штиблеты еще блестели — только носы оказались ободраны,— старательно вывязанный узел шелкового галстука лежал под выступающим кадыком. Злосчастный мореплаватель был одет весьма корректно, но для поездки в город, а отнюдь не для прогулки по безлюдным морским просторам; и уж конечно не для встречи со смертью.

Был ясный день, какие редки в середине октября, остекленелые глаза смотрели вверх на синее небо, по которому юго-западный ветер волок изорванные клочья случайного облачка. Дощатая скорлупка-лодка, без мачты и уключин, покачивалась на зыби Северного моря, и голова покойника моталась из стороны в сторону, словно в тревожном сне. Лицо его было ничем не примечательным даже при жизни, а смерть если что и добавила, то лишь жалкую бессмысленность выражения. На шишковатый высокий лоб налипли жидкие светлые волосы, нос прямой и узкий, как лезвие бритвы — того гляди, хрящом прорежет кожу; небольшой тонкогубый рот приоткрылся, обнажились два выступающих верхних резца, придавая ему сходство с убитым зазнайкой зайцем.

Ноги, еще окоченевшие, были протянуты по обе стороны поднятого шверта, руки выложены на банку. И обе кисти обрублены у запястий. Почти без крови. Только две черные струйки запеклись на жестких рыжих волосках, и банка немного измазана, словно разделочная доска. Но больше ни на теле, ни в лодке крови ни капли.

Правая кисть была отнята аккуратно, белел закругленный конец лучевой кости; а левая измочалена, раздробленная кость торчала из мяса острыми иголками. Рукава пиджака и манжеты рубашки были аккуратно завернуты, и в болтающихся золотых запонках с монограммой, взблескивая, отражалось осеннее солнце.

Маленькая лодка с давно не крашенными облупленными бортами одиноко покачивалась, как брошенная игрушка, на колышущемся пустынном море — лишь у горизонта виднелось каботажное судно, держащее курс на Ярмут; больше нигде никого. Около двух часов дня по небу к земле пронеслась черная птица, волоча за собой перистый хвост и разрывая воздух ревом моторов. Но рев замер, и снова воцарилась тишина; тихо,

только плескалась вода о борт да раздавались редкие возгласы чаек. Вдруг лодка сильно качнулась, потом выровнялась, повернулась вокруг себя. Она словно ощутила тягу прилива и обрела направление. Черноголовая чайка, присевшая было у нее на бушприте как недвижная носовая фигура, взмыла в воздух и с криками закружила над мертвым телом. Маленькое суденышко, шлепая носом по волне, медленно, неотвратимо влекло свой страшный груз к земле.

2

В то же самое время, без малого в два, суперинтендант Адам Далглиш, затормозив, свернул на травянистую обочину перед Блайборским собором и, выбравшись из своего «купер-бристоля», вошел под прохладные серебристые своды одного из красивейших церковных зданий в Суффолке. Он ехал в Монксмир-Хед, под Данвичем, где намеревался провести десятидневный осенний отпуск у незамужней тетки, своей единственной здравствующей родственницы, и Блайборо был последней остановкой на его пути. Далглиш выехал из Сити ранним утром, когда Лондон еще даже не начал просыпаться, и, вместо того чтобы двигаться прямой дорогой через Ипсич, свернул в Челмсфорде на север и въехал на территорию Суффолка со стороны Садбери. Позавтракав в Лонг-Мелфорде, он взял направление на запад и медленно покатил через Лейвенхем в самое зеленое и наименее испохабленное из графств. День был прекрасный, и на душе у него было бы не хуже, если бы не одна неотступная забота. Ему надо было принять некое решение, которое он сознательно отложил на отпуск. До возвращения в Лондон он должен был додумать до конца: делать предложение Деборе Рискоу или нет?

Честно говоря, ему было бы проще, не знай он наверняка, какова будет ее реакция. А так вся ответственность — на нем, ему предоставлялось решить, следует ли прервать нынешние достаточно комфортные отношения (достаточно комфортные для него, во всяком случае, но ведь факт, что и Дебора сейчас гораздо счастливее, чем год назад, верно?) и заменить их взаимными обязательствами, которые, насколько он понимал, раз приняв на себя, и та и другая сторона будет рассматривать как нерасторжимые, чем бы дело ни обернулось. Нет, кажется, более несчастных супружеских пар, чем те, кому гордость мешает признать, что они несчастны. Кое-какие доводы против ему были известны уже и сейчас. Ей, например, не нравится его работа. Это неудивительно и не так уж важно. Работу он выбирал сам и не нуждался ни в чьем одобрении. Но если представить себе, что всякий раз, как надо будет задержаться на работе или куда-то срочно выехать,— извольте звонить домой, отпрашиваться... Прохаживаясь под высокими четырехгранными сводами храма, вдыхая особый англиканский аромат воска, цветов и старых отсыревших молитвенников, Далглиш вынужден был признаться себе, что получил желаемое как раз тогда, когда усомнился в его желанности. Дело это обычное и не должно особенно огорчать умного человека, но все-таки неприятно. Его останавливал не страх утратить свободу — как правило, больше всего пекутся о своей свободе именно те, кто внутренне несвободен. Гораздо труднее ему было поступиться своей обособленной личной жизнью. Даже просто постоянное физическое присутствие рядом с тобой другого человека и то нелегко стерпеть. Водя пальцем по деревянным извивам резного аналоя XV века, Далглиш пытался представить себе, как это будет, когда в квартире на Куинхайте поселится Дебора — уже не дорогая гостья, а законная, документально зарегистрированная «половина».

В Скотленд-Ярде времена были трудные, не до личных проблем. Проведенная крупная реорганизация неизбежно повлекла за собой перестановки и нововведения — и значит, недовольство, брожение, слухи. А работы меж тем не убыло. Старшие сотрудники почти все вкалывали по четырнадцать часов в сутки. Последнее дело, которое Далглиш провел, хоть и завершилось успешно, совсем его измотало. Погиб ребенок, и выслеживание убийцы свелось к планомерному, упорному перебору фактов —

занятие, которое ему всегда не нравилось, не соответствовало его темпераменту. Да еще мешали своим шумным вниманием средства массовой информации и нагнетали истерическую атмосферу перепуганные соседи. Родители пропавшего ребенка цеплялись за Далглиша, как утопающие, которым нужен хотя бы глоток утешения и надежды,— он до сих пор ощущал на своих плечах почти физическое бремя их боли и вины. Приходилось быть одновременно и утешителем, и исповедником; и мстителем, и судьей. Это как обычно. Далглиш не допускал в свою душу чужое горе, в этом всегда была его сила, как иным из его сотрудников служили источником силы ненависть, ярость и сострадание. Но дался ему этот случай большим напряжением, и не так-то теперь просто будет осенним суффолкским ветрам выдуть из его памяти гнетущие образы. Женщина разумная не могла ожидать от него предложения руки и сердца, пока идет расследование. Дебора и не ожидала. А что он нашел время и вдохновение еще до того, как был произведен арест, закончить свою вторую книгу стихов — об этом у них речи не было. Далглиш был вынужден с сокрушением признаться перед самим собой, что даже маленький талант можно употребить в качестве оправдания пассивности и эгоизма. Не очень-то он нравился себе в последнее время, и едва ли краткий отпуск способен тут что-либо исправить.

По прошествии получаса он тихо закрыл за собой церковные двери и начал последний отрезок пути до Монксмира. Тетке он сообщил письмом, что появится около половины третьего, и теперь, если ничего не помешает, похоже, успевал как раз вовремя. Наверно, тетя, по своему обыкновению, выйдет в половине третьего его встречать, и ей будет видно с крыльца, как «купер-бристоль» сворачивает на мыс. Далглиш с любовью представил себе ее у дома, высокую, угловатую, прямую. История ее жизни была достаточно заурядной, кое о чем Далглиш догадался, что-то еще мальчиком усвоил из неосторожных обмолвок своей матери, а что-то просто знал всегда, с самого раннего детства. В 1918 году, за шесть месяцев до перемирия, у нее убило жениха. Она тогда была совсем молоденькая. Мать ее была томная, избалованная красавица и меньше всего подходила на роль жены деревенского священника-книгочея, о чем сама не уставала твердить, по-видимому считая, что чистосердечное признание авансом объяснит и оправдает очередное проявление ее эгоизма и расточительства. Она не выносила вида чужого горя, временно отодвигавшего ее на задний план, и потому приняла смерть молодого капитана Маскелла чрезвычайно близко к сердцу. Как бы там ни страдала ее нежная, замкнутая и, надо прямо признать, строптивая дочь, мать, уж конечно, страдала гораздо больше — и по прошествии трех недель после получения роковой телеграммы скончалась от инфлюэнцы. Едва ли она сознательно рассчитывала зайти так далеко, но наверняка осталась бы довольна произведенным эффектом. Убитый горем супруг в одночасье позабыл все, что возбуждало его озабоченность и раздражение, и сохранил в памяти только сердечность и красоту усопшей. О повторной женитьбе, понятно, не могло быть и речи, он остался вдовцом, и Джейн Далглиш, о чьей утрате уже и не вспоминали, жила хозяйкой в доме священника, покуда отец в 1945 году не отошел от дел и через десять лет после того умер. Она была женщина очень разумная и если и тяготилась цепким однообразием домашних хлопот и приходских обязанностей — изо дня в день, из года в год одно и то же, как церковный календарь,— то никогда и никому не жаловалась. Ее отец неколебимо верил в свою миссию и даже не подозревал о том, что чьи-то таланты могут пропадать даром в служении ему. Джейн Далглиш, всеми в приходе уважаемая, но не любимая, исправно выполняла свои обязанности, а отраду находила в наблюдениях за птицами. После смерти отца она опубликовала ряд статей и заметок о своих наблюдениях, и это сразу принесло ей некоторую известность; а с течением времени «хобби нашей мисс Далглиш», как снисходительно говорили о ее занятиях в приходе, принесло ей славу одного из лучших любителей-орнитологов. Пять лет назад она продала дом в Линкольншире и купила «Пентландс», каменный коттедж над самым морем на

Монксмирском мысу. Сюда Далглиш приезжал к ней не реже чем два раза в год.

И приезжал вовсе не из чувства долга, хотя он, конечно, считал бы, что на нем лежит ответственность за нее, не будь она так независима, что даже родственная привязанность и то подчас казалась оскорбительным посягательством на ее самостоятельность. Но он все равно был к ней очень привязан, и они оба это знали. Подъезжая к Монксмиру, он уже с удовольствием предвкушал скорую встречу и десять дней гарантированно спокойного, приятного отдыха.

В большом камине будет, как всегда, полыхать, благоухая на весь дом, сухой плавник. Перед камином — кресло с высокой спинкой, попавшее сюда из старого дома священника, где он родился и рос; и кожаная обивка будет приятно пахнуть детством. В его скромно обставленной комнате с видом на море и небо будет узкая, но удобная кровать, простыни, попахивающие древесным дымом и лавандой, вдоволь горячей воды и большая ванна, где есть место блаженно растянуться человеку ростом в шесть футов два дюйма. Тетя, будучи и сама шести футов ростом, по-мужски знает толк в простых удобствах. Она напоит его чаем, усадив у камина, и накормит горячими тостами с мясными консервами домашнего приготовления. Но главное — никаких трупов, о них ни слова. Джейн Далглиш, как он подозревал, находила странным, что человек его ума вздумал зарабатывать на жизнь ловлей убийц, а она была не из тех, кто станет из вежливости разговаривать на тему, которая ее не интересует. От него она не требовала ровным счетом ничего, даже внимания, и поэтому была единственной женщиной на свете, с которой ему совершенно спокойно и просто. Что́ обещал предстоящий десятидневный отдых, он знал наизусть. Они будут вместе гулять, может быть даже молча, по плотной полосе влажного прибрежного песка между пенным краем воды и галечным береговым откосом. Он будет нести ее рисовальные принадлежности, а она — шагать чуть впереди, засунув руки в карманы куртки и зорко высматривая, где села каменка, почти неотличимая от обкатанного волной голыша, куда пролетела над головами крачка или ржанка. Покой, отдых, полная свобода. И через десять дней, вернувшись в Лондон, он убедится, что с души у него свалился камень.

Он проезжал через Данвичский лес. Вдоль шоссе тянулись еловые посадки. Уже чувствовалось на расстоянии дыханье моря, соленый запах ветра перебивал смолянистые ароматы елей. Далглиша охватило волнение, как ребенка, который возвращается домой. Лес кончился. Остались позади темные ели, отрезанные проволочным ограждением от акварельных лугов и живых изгородей. Потом отодвинулись назад и они — машина ехала по Данвичскому шоссе среди вереска и дрока. Когда Далглиш свернул на мыс и покатил в гору по дороге, которая огибает здесь стену разрушенного францисканского монастыря, раздался автомобильный гудок, и мимо, обгоняя его, пронесся «ягуар». Далглиш разглядел темноволосую голову человека за рулем, поднятую в приветствии руку — «ягуар» еще раз взблеял на прощанье и скрылся из виду. Стало быть, театральный критик Оливер Лэтем проводит уик-энд в своем загородном доме. Далглишу, впрочем, это ничем не грозит, потому что Лэтем ездит из Лондона в Суффолк не для того, чтобы общаться с ближними. Для него, как и для его соседа Джастина Брайса, Монксмир — это место, где можно отдохнуть от города и от людей. Правда, Лэтем бывает здесь реже Брайса. Далглиш встречался с ним раза два или три и почувствовал в нем отчасти родственную душу: те же внутреннее напряжение и неспособность расслабиться. Было известно, что Лэтем любит мощные автомашины и быструю езду. Далглиш подозревал, что для него это единственный доступный отдых — на колесах, гоняя машину на полной скорости из Лондона в Монксмир и обратно. А иначе вообще непонятно, зачем ему загородный дом. Приезжает нечасто, женщин не привозит, обустройством не занимается — просто какой-то опорный пункт для бешеных бессмысленных гонок по окрестностям, явно, он так выпускает пары.

За поворотом показался так называемый «Дом с розмарином», и Далглиш прибавил газ. Незамеченным тут, конечно, не проедешь, но зато можно сослаться на скорость: мыслимо ли остановиться, когда едешь так быстро? Проносясь мимо, он краем глаза заметил лицо в окне верхнего этажа. Так он и знал! Селия Кэлтроп считала себя старейшиной маленького писательского поселка в Монксмире, в связи с чем присвоила себе некоторые обязанности и привилегии. Коль скоро глупые соседи не докладывают ей о своем и своих гостей прибытии и отбытии, что ж, ей приходится брать на себя труд и выяснять все самой. Она чутко улавливала на слух приближение автомобиля, расположение ее дома как раз в том месте, где от Данвичского шоссе ответвляется грунтовая дорога на мыс, позволяло ей держать все происходящее под постоянным надзором.

Мисс Кэлтроп приобрела «Амбар Броуди», позднее переименованный в «Дом с розмарином», около двенадцати лет назад. Приобрела по дешевке и методом мягкого, но упорного нажима на местную рабочую силу умудрилась, также по дешевке, из старого, но живописного каменного строения сотворить прелестное гнездышко в сентиментальном вкусе своей публики. Оно часто упоминалось в дамских журналах как «очаровательный суффолкский коттедж Селии Кэлтроп, где на мирном лоне природы она создает чувствительные романы — излюбленное чтение наших дам». Внутри «Дома с розмарином» царили претенциозная безвкусица и полный комфорт; а снаружи он был оснащен всем, что, по мнению хозяйки, характеризует настоящее деревенское жилище: тут тебе и тростниковая крыша (требующая уймы денег на содержание и страховку), и грядки лекарственных трав (неприлично запущенные; садовод из мисс Кэлтроп никакой), и маленький бассейн (в летнее время — зловонная лужа), и голубятня (куда голубей так и не удалось заманить). Имелась и долыса выстриженная лужайка, на которую летом писательская братия — выражение, принадлежащее Селии,— приглашалась пить чай. На Джейн Далглиш поначалу эти приглашения не распространялись, и не по той причине, что она менее других заслуживала писательского звания, а потому, что, как одинокая старая дева, она, по шкале ценностей мисс Кэлтроп, попадала в категорию неудачниц, как в обществе, так и в личной жизни, и заслуживала только жалости и снисхождения. Однако потом мисс Кэлтроп обнаружила, что лица вполне понимающие и почтенные относятся к соседке с большим уважением и что в ее доме подчас гостят мужчины — вопреки всем правилам приличия! — и разгуливают с нею запросто по берегу моря. А потом и того больше: оказалось, что Джейн Далглиш обедает у Р. Б. Синклера в «Настоятельских палатах»! Среди тех, кто так восхищался его знаменитой трилогией, последняя книга которой вышла больше тридцати лет назад, не все даже знали, что он до сих пор жив. А уж таких, кого бы он пригласил на обед, и вовсе можно было по пальцам перечесть. Мисс Кэлтроп не имела обыкновения упорствовать в ошибках, и мисс Далглиш за одну ночь превратилась у нее в «дорогую Джейн». Та же преспокойно продолжала называть ее «мисс Кэлтроп» и даже не подозревала о своей реабилитации, как не подозревала прежде о соседкином пренебрежении. Что она на самом деле думала о Селии, Далглиш, в сущности, не знал. Она не любила обсуждать соседей, а чтобы делать выводы самому, он слишком редко видел их вместе.

К дому Джейн Далглиш подводила грунтовая дорога, пересекавшая мыс. Съезд на нее находился в пятидесяти ярдах от «Дома с розмарином». Обычно он бывал перегорожен воротами из тяжелых слег, но сегодня они были отведены и вдавлены в живую ограду из кустов бузины, перевитых плетьми ежевики. Автомобиль вразвалку покатил по ухабам, слева и справа сначала шла колючая стерня, потом начались нескошенные луга, потом папоротники. Остались позади два одинаковых дома, стоящие один против другого через дорогу, один — Оливера Лэтема, другой — Джастина Брайса. Ни тот, ни другой хозяин не показался, хотя «ягуар» Лэтема уже стоял у крыльца, а у Брайса из трубы вился дымок. Дорога стала крутить, забирать вверх, и вдруг взгляду открылся весь мыс, золотисто-лиловый,

протянувшийся по сияющей глади моря туда, где торчали из воды скалистые рифы. Здесь, на самом высоком месте, Далглиш остановил машину, чтобы поглядеть и послушать. Он никогда особенно не любил осень, но сейчас, когда смолк мотор, он не променял бы этот благодатный покой ни на какие восторги весны. Вереск уже слегка пожух, зато дрок цвел вторично, и таким золотым, таким густым цветом, как в разгар мая. От мыса по воде тянулись голубые, лиловые, бурые полосы, с южной стороны болотистая низина птичьего заповедника добавляла нежно-зеленой и голубой краски и курилась прозрачными белыми испарениями. Воздух пропитали запахи вереска и дыма — знакомые, незабвенные ароматы осени. Трудно было поверить, что перед тобою — поле битвы, где вот уже девять столетий суша воюет против победительного моря, и что под обманчиво мирной полосатой водной гладью скрыты девять церквей затонувшего Данвича. На мысу зданий было теперь совсем немного, некоторые — недавней постройки. С северной стороны, почти не возвышаясь над береговыми скалами, виднелся «Сетон-хаус» — дом, который построил для себя автор популярных детективных романов Морис Сетон, человек одинокий и с прихотями. Южнее в полумиле от него виднелись мощные стены «Настоятельских палат», точно последний бастион на пути завоевателя-моря, и дальше, почти примыкая к птичьему заповеднику,— «Пентландс-коттедж», как бы зависший над пропастью. Оглядывая мыс, Далглиш вдруг увидел одноконную повозку, которая выехала на дорогу и бойко покатила между кустами дрока по направлению к «Настоятельским палатам». На облучке горбилась толстуха с кнутиком, похожим издалека на волшебную палочку. Должно быть, домоправительница Р. Б. Синклера ездила покупать продукты. Что-то милое, домашнее было в этом смешном экипажике, и Далглиш, любуясь, провожал его глазами, покуда он не скрылся за деревьями, что росли вокруг «Настоятельских палат». Тут из своего домика вышла его тетушка и стала смотреть на спускающуюся к ее воротам дорогу. Далглиш покосился на часы: два часа тридцать три минуты. Он включил сцепление, и «купер-бристоль» неспешно, враскачку съехал под гору.

3

Оливер Лэтем у себя на втором этаже инстинктивно отпрянул от окна в тень и засмеялся в голос, глядя на проезжающую машину. Правда, тут же спохватился, испуганный — так громко прозвучал его смех в безмолвном доме. Но все-таки кто бы мог подумать? Чудо-сыщик Скотленд-Ярда, даже не остыв после очередной кровавой забавы, явился как миленький. Вон он остановился на гребне мыса. Хорошо бы этот его чертов «купер-бристоль» наконец сломался! Да нет, похоже, Далглиш просто притормозил, чтобы полюбоваться видом. Небось бедняга радуется сдуру предстоящему двухнедельному отдыху под крылышком у заботливой тетеньки. Ничего, его ждет сюрприз. Спрашивается, разумно ли будет ему, Лэтему, оставаться в Монксмире, чтобы потешиться, наблюдая за всем этим? А что? В Лондоне его ждут только к премьере в «Придворном театре», то есть в четверг на той неделе, и было бы даже странно, если бы он едва успел приехать — и тут же обратно. А потом, любопытно все-таки. В среду, собравшись сюда, он готов был проскучать в деревне недельку. Но теперь, с Божьей помощью, можно будет, пожалуй, даже позабавиться.

•

4

Алиса Керрисон, заехав за деревья, ограждавшие с северной стороны «Настоятельские палаты», скатилась мячиком с облучка повозки и через полуразрушенную арку ворот отвела кобылу в конюшню XVI века. Кряхтя, взялась разнуздывать лошадь, деловито перебирая в памяти, все ли сделано с утра и какие домашние удовольствия еще предстоят. Сначала, сидя друг против друга перед камином, они напьются вдвоем чаю, крепкого, при-

торно-сладкого, как любит мистер Синклер. А затем, пока еще не стемнело и не поднялся туман, отправятся, как обычно, вместе пройтись по мысу. Но это будет не бесцельная прогулка. Их ждут похороны. Что ж, иметь цель — это всегда лучше, и как бы ни рассуждал мистер Синклер, человеческие останки — они и есть человеческие останки, даже если чего и не хватает, им надо честь по чести отдать последний долг. И потом, сколько же можно держать их в доме?

5

Уже подходило к половине девятого. Далглиш и его тетя, поужинав, сидели в сердечном молчании у камина в гостиной. Это была просторная комната, почти во весь нижний этаж, с низким потолком, опирающимся на могучие дубовые балки, с полом из рыжего плитняка. В открытом очаге, вспыхивая и стреляя искрами, горел огонь, рядом сушилась стопка нарубленного плавника. Запах древесного дыма расходился по всему дому, подобно ароматным воскурениям; воздух вибрировал от гулких ударов прибоя. Далглиша совсем сморил этот размеренный, сонный покой. Ему вообще нравились контрасты, и в искусстве и в природе, а здесь, в «Пентландсе», по вечерам, чуть смеркнется, контрастов хоть отбавляй. В доме — тепло, освещение, все краски и приятности цивилизованного уюта; снаружи под низкими тучами — тьма, безлюдье, тайна. Он представил себе, как внизу под стофутовым обрывом накатывает волна за волной, пенным кружевом разливаясь по студеному, плотно убитому песку; а южнее стынет под ночным небом болотистый птичий заповедник, и ни камышинка не шелохнется в стоячей воде.

Вытягивая ноги поближе к огню и поудобнее притираясь затылком к высокой спинке кресла, Далглиш посмотрел на тетку. Она сидела, как всегда, твердо выпрямив спину, но при этом видно было, что ей покойно и хорошо. Руки ее были заняты вязанием — создавалась пара ярко-красных шерстяных носков, дал бы только Бог, чтобы не для него. И вправду едва ли. Его тетя не питала слабости к домодельным знакам родственной любви. От огня по ее удлиненному лицу пробегали тусклые багряные отсветы, придавая ему схожесть с коричневой каменной ацтекской маской: глаза полуприкрыты тяжелыми веками, нос длинный и прямой, рот широкий, подвижный. Волосы, теперь уже с металлической проседью, собраны на затылке в большой пучок. Это лицо Далглиш помнил с самого раннего детства. В его глазах оно всегда оставалось неизменным. Наверху у нее в спальне за раму зеркала была небрежно заткнута выцветшая фотография 1916 года, где она снята вместе со своим вскоре убитым женихом. Далглиш вспомнил сейчас этот снимок: молодой человек в высокой фуражке набекрень и в бриджах, которые когда-то его немного смешили, но теперь представлялись как бы символом тех давних времен, забытых чувств и невосполнимых утрат; и рядом барышня, чуть повыше ростом, повернулась к нему с угловатой грацией подростка, волосы, прихваченные лентой, широко расчесаны по плечам, а из-под кромки расклешенного подола выглядывают только острые носы туфелек. Джейн Далглиш никогда не рассказывала ему о своей молодости, да он и не спрашивал. Она была самая самостоятельная и несентиментальная женщина изо всех, кого он знал. Он попробовал представить себе, как поладит с нею Дебора, как они вообще друг к другу отнесутся. Дебору было трудно вообразить где-нибудь кроме Лондона. После смерти матери она почти совсем перестала бывать в родительском доме, и в Мартингейл он тоже, по вполне понятным причинам, с ней не приезжал. И сейчас она рисовалась ему только на фоне его городской квартиры или в ресторане, в театральных фойе, в каком-нибудь из их любимых кабачков. Он привык вести жизнь на разных уровнях. На уровне работы для Деборы места не было и на уровне «Пентландс-коттеджа» пока еще тоже. Но если он на ней женится, придется с ней делиться и тем и этим. И теперь во время короткого отдыха он должен будет наконец разобраться, насколько всерьез ему этого хочется.

Джейн Далглиш предложила:

— Может быть, поставить какую-нибудь музыку? У меня есть новая пластинка Малера.

Далглиш был человек немузыкальный, но знал, что для его тетки музыка значит очень много, гостить в «Пентландсе» и не слушать пластинок было для него просто немыслимо. А теткины познания и увлеченность оказались по-своему заразительны, он даже начал в музыке кое-что открывать для себя. Сейчас настроение у него было такое, что, пожалуй, можно и Малера завести.

Но тут они услышали автомобиль.

— Будь ты неладен,— проворчал Далглиш.— Кого это Бог послал? Надеюсь, не Селию Кэлтроп.

Мисс Кэлтроп, если только ее хорошенько не отвадить, обожала ни с того ни с сего «заглянуть на минуточку», насаждая среди затворников Монксмира светские нравы столичных предместий. В «Пентландс» она особенно часто являлась, когда там гостил Далглиш. Охота на представительного холостого мужчину была для нее естественным занятием. Пусть не для себя, найдутся другие желающие, не пропадать же добру. Раз, когда он приехал к тете, она даже устроила в его честь званый вечер. Он тогда провел его не без приятности — уж очень все это выглядело нелепо и забавно. В бело-розовой гостиной у Селии собрались, будто сейчас только познакомились, немногочисленные монксмирские обитатели, хрустели жареными хлебцами, попивали дешевый херес и вежливо обменивались бессодержательными репликами, а снаружи над мысом гудел и бушевал шторм, и вся прихожая была завалена клеенчатыми плащами и фонарями. Вот уж контраст так контраст. Но потакать ей в таких затеях лучше не надо.

Джейн Далглиш сказала:

— Похоже, это ее «моррис». И, может быть, она не одна, а с племянницей. Элизабет учится в Кембридже, но сейчас дома после болезни — она перенесла инфекционный мононуклеоз. И вчера, по-моему, приехала сюда.

— Надо лежать в постели после такого заболевания. Но, по-моему, их там не двое, а больше. Это не Джастин Брайс блеет?

Блеял действительно Джастин Брайс. Когда мисс Далглиш открыла дверь, стали видны горящие фары и черные силуэты, которые, выбираясь из машины, принимали облик знакомых. Оказалось, что к ним прибыл с визитом весь Монксмир. Даже секретарша Мориса Сетона Сильвия Кедж, девушка с парализованными ногами, тяжело ковыляла на костылях от машины к свету, падающему из открытой двери. Рядом с нею, как бы оказывая моральную поддержку, медленно шла сама Селия Кэлтроп. За ними — Джастин Брайс, блея о чем-то в ночную темень. Рядом с ним — долговязый Оливер Лэтем. И позади всех, хмурая, нахохлившаяся, руки в карманах, словно бы нехотя, не шла, а тащилась Элизабет Марли, племянница, держась нарочно особняком и поглядывая по сторонам, хотя вокруг ничего не было видно. Брайс крикнул:

— Добрый вечер, мисс Далглиш! Добрый вечер, Адам! Не вините меня за вторжение. Это все Селия. Мы приехали получить профессиональный совет, мои милые. Мы — это все, кроме Оливера. Его мы встретили по дороге, он шел занять у вас немного кофе. Так он, по крайней мере, говорит.

Лэтем подтвердил:

— Да, я забыл вчера купить кофе, когда ехал из города. И решил обратиться к единственным соседям, где дадут хорошего кофе и не будут читать мораль о том, как я плохо веду хозяйство. Знай я, что у вас гости, вполне мог бы подождать до завтра.

Однако намерения уйти он не выказал.

Прибывшие втянулись в гостиную, щурясь на свет, и вместе с ними ворвался холодный ветер, так что из камина выпучилось и расплылось по комнате белое облако дыма. Селия Кэлтроп прошествовала прямо к огню и уселась в кресле Далглиша с царственным видом, как бы готовая принять поклонение подданных. Она изящно выставила достаточно стройные ло-

дыжки, являющие резкий контраст с грузной, грудастой, перетянутой фигурой и дряблыми веснушчатыми руками. Ей было, пожалуй, под пятьдесят, но на вид казалось больше. Как всегда, густо, но умело накрашенная — карминовый лисий ротик, глубоко посаженные глаза с оттянутыми книзу уголками (что на рекламных фотографиях выглядело очень «духовно») обведены голубыми тенями, на ресницах жирно положена тушь. Она сняла с головы шифоновый шарфик и обнажила последнее произведение своего парикмахера — сквозь младенчески жиденькие волосики почти неприлично просвечивала гладкая розовая кожа.

С ее племянницей Далглиш до этого виделся всего два раза и теперь, здороваясь с ней за руку, заметил, что Кембридж ее мало изменил. Та же девочка, как он ее запомнил, насупленный взгляд, тяжелые черты лица. Лицо неглупое, ему бы искру живости, могло бы даже выглядеть привлекательным.

Прежнего покоя в доме как не бывало. Удивительно, до чего много шума способны производить семь человек. Сначала усаживали Сильвию Кедж — процедура, которой властно распоряжалась мисс Кэлтроп, впрочем, лишь на расстоянии. Наружность Сильвии была примечательной, даже, можно сказать, красивой — если забыть про уродливые парализованные ноги в шинах, мощные плечи и крупные мужские кисти рук, переразвитые от постоянного пользования костылями. Лицо, смуглое, как у цыганки, и продолговатое, обрамляли черные волосы до плеч, расчесанные на прямой пробор. От природы сильное, волевое, оно у нее было всегда сложено в гримасу смирения, кротко и безропотно переносимого страдания, которая так не шла к высокому, умному лбу. Большие черные глаза рассчитанно взывали к жалости. Теперь Сильвия вносила свою лепту в общую суету — твердила, что ей вполне-вполне удобно, хотя это было явно не так, просила тоном жалобным и томным, имеющим, естественно, силу беспрекословного приказа, чтобы костыли прислонили тут же, рядом с креслом, то есть у всех на ходу, и вообще успешно внушала присутствующим чувство стыда за их незаслуженное здоровье. Этот спектакль Далглиш уже имел случай наблюдать прежде, но сегодня чувствовалось, что она играет без вдохновения, почти машинально. Она действительно выглядела сегодня больной и несчастной. Черные глаза отсвечивали тускло, как два камешка, от ноздрей к углам рта пролегли глубокие страдальческие складки. Похоже было, что она мало спала. Когда Далглиш протянул ей рюмку с хересом, оказалось, что руки у нее дрожат. В порыве искреннего сострадания он обхватил ее пальцы своими и придержал, чтобы она могла выпить. А потом с улыбкой дружески спросил:

— Ну, что такое случилось? Не могу ли я помочь?

Однако с ответом выступила Селия Кэлтроп:

— Разумеется, с нашей стороны нехорошо беспокоить вас с Джейн в первый же вечер. Я это отлично сознаю. Но мы чрезвычайно встревожены. Мы с Сильвией, по крайней мере. Мы очень обеспокоены.

— А я лично,— подхватил Брайс,— не столько обеспокоен, сколько заинтригован, чтобы не сказать обнадежен. Видите ли, пропал Морис Сетон. Хотя боюсь, это всего лишь рекламный трюк перед выходом нового шедевра, и мы скоро будем иметь несчастье опять видеть его среди нас. Впрочем, не надо смотреть на будущее так мрачно.

Надо сказать, что вид у него и в самом деле был вовсе не мрачный. Сидя раскорякой на низкой скамеечке перед камином, весь подавшись к теплу и вертя длинной шеей, он походил на вредную черепаху. В молодости у него было необыкновенное лицо: впалые щеки, широкий подвижный рот, огромные лучистые серые глаза, полуприкрытые тяжелыми веками. Но теперь, дожив до пятидесяти, он понемногу окарикатурился. Глаза словно еще разрослись, но померкли и слезились, будто он все время шел против ветра. Волосы отступили со лба, выцвели и огрубели, как старая солома. Ямы щек под торчащими скулами придавали всей голове вид мертвого черепа. Только руки не изменились, и он сейчас протягивал их к огню, мягкие, нежные и белые — совсем девичьи.

Улыбнувшись Далглишу, Брайс продолжал иронизировать:

— Пропал писатель-детективщик. В годах. Неопасен. Характер нервный. Сложения мелкого. Нос узкий, прямой. Зубы торчат. Плешь. Большой кадык. Нашедшего просят взять себе... Вот мы и явились к вам за советом, дружище. Вы ведь только-только после очередного триумфа, если не ошибаюсь. Как нам быть? Подождать, пока Морис сам объявится, и сделать вид, что не заметили пропажи? Или сыграть ему на руку и обратиться для розыска в полицию? Ведь если это действительно рекламный трюк, с нашей стороны будет только любезно пойти ему навстречу. Бедняга Морис так нуждается в помощи.

— Шутки здесь совершенно неуместны, Джастин,— сурово оборвала его мисс Кэлтроп.— И я ни на миг не допускаю, что это рекламный трюк. Иначе бы я не явилась сюда беспокоить Адама, когда ему так необходим мирный отдых после такого трудного, изматывающего расследования. Какой вы молодец, Адам, что сумели его схватить, прежде чем он совершил новое злодейство! Меня просто физически тошнило, когда я читала про это ваше дело. А теперь что с ним будет? Подержат в тюрьме на государственных хлебах и отпустят — пусть убивает других детей? Не понимаю, мы что, в этой стране все с ума посходили? Взять да повесить его ко всеобщему благу, и конец!

Далглиш был рад, что сидит лицом против света. Он слишком хорошо помнил, как был взят Поули. Маленький такой, поганый человечек, замухрышка, смотреть не на что. И вонял страхом. Год назад от него ушла жена, сморщенная заплатка на рукаве дешевого пиджачка была явно его собственной работы. И Далглиш все время смотрел на эту заплатку, словно чтобы удостовериться, что перед ним все-таки человек. Что ж, теперь зверь уже в клетке, публика и пресса вольны разливаться в похвалах полиции вообще и суперинтенданту Далглишу в частности. А Далглиш чувствует на себе пятно вины. Почему — пусть психиатры разбираются. Ему это чувство было знакомо и раньше, он сумеет с ним совладать. Особенно долго оно его никогда не мучило, и не было случая, чтобы из-за него захотелось сменить профессию. Все так, но только обсуждать этого Поули с Селией Кэлтроп он не намерен.

Он встретился взглядом с тетей на другом конце комнаты. Она спокойно спросила:

— Чего бы вы, собственно, хотели от моего племянника, мисс Кэлтроп? Если мистер Сетон пропал, то ведь это дело местной полиции, не так ли?

— А вот мы и не знаем! — воскликнула мисс Кэлтроп и залпом осушила рюмку амонтильядо, словно это был дешевый хозяйственный херес. Да еще потянулась за добавкой.— Морис мог скрыться нарочно, в своих личных целях, например, чтобы собрать материал для новой книги. Он говорил, что на этот раз пишет нечто особенное, совсем не в обычной манере классического детектива. Он вообще подходит к работе очень добросовестно, никогда не станет писать о том, чего не испытал на собственном опыте. Это у нас тут все знают. Помните, как он три месяца ездил с бродячим цирком, прежде чем написать «Убийство на натянутой проволоке»? Конечно, тут сказывается некоторый недостаток творческого воображения. Я, например, в своих книгах никогда не исхожу из личного опыта.

— Вы меня очень утешили, милая Селия. Вспомнить только, что пришлось пережить вашей последней героине! — немедленно откликнулся Брайс.

Далглиш поинтересовался, когда видели Сетона в последний раз. Мисс Кэлтроп разинула было рот, но ее опередила Сильвия Кедж. От хереса и тепла она слегка разрумянилась и успела взять себя в руки. Теперь, при молчании остальных, она стала рассказывать Далглишу:

— Мистер Сетон в понедельник уехал в Лондон, с тем чтобы пожить некоторое время у себя в клубе, это «Клуб мертвецов» на Тэвисток-сквер. Он всегда в октябре перебирается на пару недель в клуб. Любит осенний

Лондон. И за это время подбирает в клубной библиотеке материал для своих книг. С собой он захватил небольшой чемодан и портативную машинку. Уехал поездом из Хейлсворта. Он говорил мне, что задумал новую книгу, совсем в другом духе, чем обычно, и мне показалось, что он очень воодушевлен своим замыслом, но о чем именно будет книга, он мне не рассказывал. Говорил только, что все изумятся. Мы условились, что во время его отсутствия я буду приходить работать у него в доме до обеда, и если ему что-то понадобится сообщить, он будет звонить в десять часов утра. Так всегда и было, когда он уезжал работать в Лондон. Он пишет на портативной машинке через два интервала и по частям пересылает мне, а я перепечатываю. Потом он редактирует весь текст, и я перебеливаю рукопись для издательства. Эти куски, что он присылает из клуба, иногда идут не подряд, в городе он обычно пишет только городские сцены. Поэтому не знаешь, чего ждать со следующей бандеролью. Ну и вот. Во вторник он позвонил сказать, что завтра вечером надеется отправить мне новую порцию, а заодно попросил подштопать кое-что из вещей. Говорил совершенно нормальным, спокойным голосом.

Тут мисс Кэлтроп все же не вытерпела:

— Со стороны Мориса это просто безобразие — пользоваться ее услугами для штопки носков и чистки серебра. Квалифицированная секретарь-машинистка, а на что уходит ее время? Бог знает что такое! У меня у самой на диктофоне накопилась масса материала для перепечатки, ждет своей очереди. Впрочем, сейчас речь не о том. Мое отношение к этому тут все знают.

Все действительно знали. И разделяли бы негодование «милой Селии» гораздо горячее, если бы не ее очевидная личная заинтересованность. Коль скоро есть возможность попользоваться чужим трудом, тут она обязательно должна быть в очереди первая.

Сильвия Кедж словно не слышала возмущенной реплики мисс Кэлтроп. Она сидела, не отводя от Далглиша черных глаз. Он негромко спросил:

— Ну а следующее известие от мистера Сетона когда поступило?

— Следующего известия не было, мистер Далглиш. В среду, пока я работала в «Сетон-хаусе», он так и не позвонил, но это меня не насторожило. Он иногда по нескольку дней не звонит. Сегодня с утра я опять туда пришла, надо было кое-что догладить, и позвонил мистер Плант, это управляющий «Клуба мертвецов», а его жена там шеф-повар. Он сказал, что они очень встревожены: мистер Сетон вышел из клуба во вторник перед ужином и не вернулся. Постель не тронута, вещи и машинка на месте. Сначала мистер Плант не хотел поднимать шум, он думал, что мистер Сетон уехал по своим делам и мог задержаться, но когда он и на вторую ночь не вернулся и не дал о себе знать, они забеспокоились. И мистер Плант решил позвонить ему домой. А я не знала, что делать. С единокровным братом мистера Сетона я связаться не могу, он недавно переехал, и у нас нет его адреса. Больше никаких родственников нет. И потом, я не уверена, что мистер Сетон одобрил бы мои розыски. Я предложила еще немного подождать, и мы условились с мистером Плантом, что дадим друг другу знать, как только что-нибудь станет известно. Но перед обедом пришла бандероль с рукописью.

— Мы ее захватили сюда,— возгласила мисс Кэлтроп.— И конверт тоже.

Она торжественно извлекла бумаги из необъятного ридикюля и протянула Далглишу. Конверт был обычный, почтовый, светло-коричневого цвета, размером четыре дюйма на девять, адрес напечатан на машинке: «Морису Сетону, эсквайру, «Сетон-хаус», Монксмир, Суффолк». Внутри лежали три листа неумелой машинописи через два интервала.

Мисс Кедж пояснила упавшим голосом:

— Он всегда адресует бандероли с рукописью самому себе. Но это не его работа, мистер Далглиш. Не он это писал, и не он печатал.

— Откуда вы знаете?

Собственно, вопрос был излишний. Подделать чужую руку на машинке

практически невозможно, а что до стиля, то эта девушка, перепечатавшая столько сочинений Мориса Сетона, конечно, узнала бы его стиль с первого взгляда. Но она и не успела ничего ответить, опять вмешалась Селия Кэлтроп:

— Давайте я прочитаю, вам все сразу будет понятно.

Она извлекла из ридикюля большие усаженные камешками очки, водрузила на нос, поудобнее устроилась в кресле. Итак, Морис Сетон впервые удостоился публичного чтения, подумал Далглиш. Автору, конечно, польстила бы заинтересованность публики и важные ужимки Селии Кэлтроп, возможно, тоже. Получив в руки работу собрата по перу и завладев вниманием аудитории, Селия принялась за дело вдохновенно:

— «Керрадерс раздвинул портьеру из бус и переступил порог ночного клуба. Минуту он стоял в дверях, статный и, как всегда, элегантный, в хорошо сшитом смокинге, не без надменности разглядывая холодными, ироничными глазами тесно поставленные столики, дешевый псевдоиспанский декор, убогую публику. И это — логово самой опасной в Европе разбойничьей шайки! Здесь, под вывеской заурядного, обшарпанного ночного клуба, на первый взгляд ничем не отличающегося от сотни других таких же по всему Сохо, действует властный ум, чьей воле подчиняются влиятельнейшие преступные синдикаты Запада. Кажется неправдоподобным. Но и все это фантастическое приключение кажется таким же неправдоподобным. Он сел за столик прямо у двери и стал смотреть и ждать. Заказал подошедшему официанту жареных креветок, зеленый салат и бутылку кьянти. Неопрятный коренастый киприот принял заказ и без единого слова удалился. Знают ли они о том, что Керрадерс здесь? И если да, то долго ли заставят себя ждать?

В дальнем конце зала возвышалась маленькая эстрада с тростниковым занавесом и красным стулом у рампы. Вдруг свет во всех люстрах померк, пианист у эстрады заиграл медленную сладострастную музыку. И из-за тростникового занавеса вышла женщина, белокурая и прекрасная, не юная, а зрелая, полногрудая, двигающаяся с вызовом и грацией, позволяющей предположить русскую кровь. Гибко ступая, она приблизилась к стулу и начала медленно расстегивать молнию на своем вечернем платье. Вот оно соскользнуло по ногам на пол. Под платьем на ней ничего не было, кроме черного лифчика и узкой набедренной повязки. Сидя на стуле спиной к публике, женщина изогнула руки и расстегнула пуговичку меж лопаток. За столиками раздались хриплые возгласы одобрения:

— Рози! Рози! Браво, Рози! Молодцом! Давай-давай!

Мисс Кэлтроп прервала чтение. Все молчали. Слушатели были явно подавлены. Потом Брайс сказал:

— Почитайте еще, Селия! Что же это вы остановились на самом интересном месте?. Как поступает Рози? Набрасывается на высокородного Мартина Керрадерса и насилует его? Я давно считал, что он этим кончит. Или я рано радуюсь?

Мисс Кэлтроп произнесла:

— Дальше читать нет надобности. Доказательства налицо.

Сильвия Кедж снова обратилась к Далглишу:

— Дело в том, мистер Далглиш, что мистер Сетон никогда бы не дал своему персонажу имени Рози. Так звали его мать. Он сам мне как-то сказал, что не будет употреблять этого имени в своих книгах. И не употреблял.

— Тем более для какой-то проститутки в Сохо,— подхватила мисс Кэлтроп.— Мистер Сетон часто рассказывал мне о матери. Он ее обожал. Боготворил. Он чуть не скончался от горя, когда она умерла и отец женился вторично.

В голосе мисс Кэлтроп прозвучала горечь несбывшегося материнства.

— Позвольте-ка мне взглянуть,— вдруг попросил Оливер Лэтем. Селия протянула листки, и, пока он их рассматривал, все выжидательно молчали. Он вернул их, не проговорив ни слова.

— Ну что? — спросила его мисс Кэлтроп.

— Ничего. Я просто хотел посмотреть. Я знаю почерк Сетона, но это на машинке. И вы говорите, печатал не он.

— Я в этом совершенно уверена,— сказала мисс Кедж.— Но почему уверена, не могу объяснить. Он печатает не так. Хотя машинка его.

— А что можно сказать о стиле? — поинтересовался Далглиш.

Все задумались. Наконец Брайс ответил:

— Типичным Сетоном это, пожалуй, не назовешь. Он все-таки мог прилично писать, когда хотел. А это производит впечатление даже какой-то... нарочитости, вы не находите? Словно человек старался писать плохо.

Элизабет Марли, все это время молча сидевшая в стороне, как ребенок, который дуется на то, что его силком привели и посадили скучать среди взрослых, вдруг нетерпеливо сказала:

— Если это подделка, то явно рассчитанная на то, что мы сразу разгадаем. Джастин прав, стиль насквозь фальшивый. И не случайно, конечно, выбрано единственное имя, которое не может не насторожить. Ну почему обязательно Рози? Если хотите знать мое мнение, то это просто сам Морис Сетон шутки шутит. А вы все купились. Вот увидите, мы еще прочитаем описание этого случая в его новой книге. Вы же знаете, он любит сначала поставить эксперимент, а потом уж пишет.

— Действительно, такая ребяческая затея вполне в его вкусе,— согласился с ней Оливер Лэтем.— И мне совершенно не улыбается оказаться невольным участником его дурацких экспериментов. Предлагаю выбросить все это из головы. Рано или поздно он сам объявится.

— Морис — человек со странностями и очень скрытный, это правда, особенно в том, что касается его работы,— подтвердила и мисс Кэлтроп.— И вот еще что. Мне случалось подкидывать ему кое-какие полезные идеи. И он их пускал в дело, это совершенно определенно. Но хоть бы раз потом вспомнил. Я, разумеется, не ожидала формальных изъявлений признательности. Я только рада, если могу помочь собрату по перу. Но все-таки как-то странно — выходит книга, в ней использованы твои придумки, а Морис даже спасибо не скажет.

— Он небось просто забыл, что не сам это придумал,— снисходительно предположил Лэтем.

— Морис никогда ничего не забывал, Оливер. У него был необыкновенно ясный ум. И работал он очень методично. Если я ему что-то предлагала, он всегда делал вид, что не особенно заинтересовался, только буркнет, что, мол, это можно будет при случае использовать. А сам, по глазам видно, уже ухватился за подсказку и не чает поскорее примчаться домой, чтобы занести ее на каталожную карточку. Мне-то, конечно, не жалко. Но не мешало бы иногда и сказать, что спасибо, мол, очень обязан. Одну вещь я ему подсказала в прошлом месяце и держу пари, найду ее в следующей книге.

Пари никто не принял. Брайс сказал:

— Вы совершенно правы, Селия. Не вам одной случалось подкидывать ему по мелочи. А зачем? Бог весть. Просто иной раз придет в голову новый оригинальный способ убийства, вот и жаль, чтобы зря пропадал, когда бедняга Сетон явно уже исчерпал всю свою фантазию. Но, не считая хищного блеска во взоре,— ни намека на благодарность! Впрочем, теперь, как вы все сами понимаете, он от меня больше помощи не дождется. После того, что он сделал с Арабеллой!..

— Нет, я ему подсказала не новый способ убийства, а просто некоторую ситуацию,— отозвалась мисс Кэлтроп.— Мне подумалось, что получился бы очень даже неплохой зачин для книги. Я Морису все время твердила, что читателя надо захватить с первых же строк. И вот представьте себе. По морю плывет лодка, а в ней труп с отрубленными кистями рук.

В ответ ей в комнате возникла такая полная и внезапная тишина, что на бой каминных часов все резко повернули головы, будто он возвестил время казни. Далглиш смотрел на Лэтема — тот весь напрягся и замер, с силой сдавив пальцами хрупкую ножку рюмки. Что пряталось под бледной, каменной маской его лица?

Но тут раздался высокий, нервный смешок Брайса, и злые чары разрушились. Послышался всеобщий вздох облегчения.

— Селия, какая у вас необыкновенная фантазия! Кто бы мог подумать! Смотрите не давайте себе воли, моя милая, не то Романтическая лига исключит вас из своих рядов.

Лэтем сдержанным, бесцветным голосом проговорил:

— Все это не имеет касательства к обсуждаемому вопросу. Насколько я понял, мы решаем не предпринимать в связи с исчезновением Сетона никаких действий? Вполне возможно, что Элиза права, это Морис самолично придумал такую глупую шутку. А раз так, то чем скорее мы оставим мистера Далглиша предаваться покою и отдыху, тем лучше.

Он уже подымался с кресла, словно до смерти прискучив всей этой историей, как вдруг в наружную дверь громко и властно постучали. Джейн Далглиш вопросительно вскинула глаза на племянника, встала и пошла отпирать. Гости притихли, прислушиваясь без зазрения совести. Поздний посетитель был в их маленьком поселке редкостью. Если кто к кому и заглядывал после наступления темноты, то кто-нибудь свой, а всех своих безошибочно различали на слух. Так стучать мог только посторонний.

На крыльце шел приглушенный отрывистый разговор. Потом в дверях снова появилась мисс Далглиш. Сзади нее темнели фигуры двух мужчин в форменных плащах. Мисс Далглиш сказала:

— Это инспектор-детектив Реклесс и сержант Кортни из суффолкского уголовного розыска. Ищут Дигби Сетона. Его парусную лодку прибило к берегу за Тресковым мысом.

— Странно,— заметил Джастин.— Вчера в пять часов она, как обычно, стояла причаленная под Кожевенным спуском.

Все одновременно удивились: как странно, что два следователя затемно явились к людям в дом из-за какой-то найденной лодки. Но Лэтем опередил всех. Он спросил:

— А в чем, собственно, дело, инспектор?

Ответила вместо инспектора Джейн Далглиш:

— К сожалению, случилась страшная вещь. В лодке оказался Морис Сетон.

— Морис? Морис Сетон в лодке? Какая чушь! — резким авторитетным тоном возразила мисс Кэлтроп.— Этого не может быть. Морис не катается на лодке. Он не любит ходить под парусом.

Инспектор шагнул из-за порога на свет и только теперь заговорил сам:

— Он и не катался, мадам. Мистер Сетон лежал на дне лодки мертвый. Мертвый и с отсеченными кистями рук.

6

Селия Кэлтроп, словно красуясь своим упорством, в десятый раз повторяла:

— Говорю вам, я ни с кем, кроме Мориса, не делилась этой идеей. С какой стати? И не добивайтесь от меня точной даты. Месяца полтора назад. Или немного раньше. Не помню точно. Мы шли по пляжу в сторону Уолберсвика, и мне вдруг пришел в голову эффектный зачин для детективного романа: в открытое море уносит в лодке труп без рук. И я предложила его Морису. А больше до сегодняшнего дня никому даже не заикнулась. Может быть, конечно, он кому-то рассказал.

— Ясно, что рассказал! — набросилась на нее Элизабет Марли.— Не сам же он себе отрезал руки для убедительности. Или ты допускаешь, что тебя и убийцу одновременно осенила одна и та же блестящая мысль? А почему ты так уверена, что больше никому не рассказывала? Я, например, по-моему, от тебя про это слышала, мы еще тогда обсуждали, как трудно Морису дается построение сюжета.

Но тут ей, кажется, никто не поверил. А Джастин Брайс тихонько — но вполне внятно — произнес:

— Добрая Элиза! Всегда готова встать на защиту.

Оливер Лэтем рассмеялся, после чего установилось неловкое молчание. Его нарушила Сильвия Кедж. Она произнесла сипло, вызывающим тоном:

— Мне он ничего такого не рассказывал!

— Разумеется, милочка,— вкрадчиво отозвалась мисс Кэлтроп.— Есть много вещей, которые мистер Сетон с тобой не обсуждал. Разве обо всем говорят с прислугой? А он к тебе именно так относился. Почему ты позволила сделать из себя уборщицу? Где твоя гордость? Мужчинам, моя милая, больше нравятся девушки с характером.

Откуда вдруг столько злобы? Далглиш заметил, что остальные тоже смущены и недоумевают. Все опять замолчали. Далглишу было неловко смотреть на обиженную Сильвию, а она кротко понурила голову, как бы принимая заслуженный упрек, и волосы с двух сторон черным занавесом закрыли ей лицо. Он слышал ее сиплое судорожное дыхание. Но почему-то ее было не жаль. Бесспорно, Селия Кэлтроп вела себя недопустимо, но в Сильвии Кедж было что-то такое, не располагающее к сочувствию. Интересно, однако, откуда у Селии эта ярость?

Со времени появления инспектора Реклесса с сержантом прошел уже почти час, в течение которого инспектором было сказано очень мало, а собравшимися обитателями Монксмира, за исключением Далглиша и его тетки,— довольно много. И не все умно. Реклесс расположился в кресле с высокой спинкой, приставленном к стене, и сидел недвижно, как судебный пристав, зорко поглядывая вокруг своими сумрачными глазами. В комнате было жарко натоплено, но он не снимал плаща из дешевого габардина, провисающего под грузом металлических начищенных пуговиц, пряжек и заклепок. А на коленях бережно покоил пару кожаных перчаток с крагами и фетровую шляпу, словно опасаясь, как бы не отняли. Человек не в своей тарелке, эдакий мелкий чин, который попал к ним по долгу службы и даже не отваживается выпить рюмочку при исполнении обязанностей. Далглиш понимал, что именно такого эффекта Реклесс и добивается. Как всякий хороший сыщик, он умеет, когда нужно, стушеваться, стать как бы невидимым, неприметным, будто предмет обстановки. Конечно, у него и внешность подходящая — маленького росточка, только-только, должно быть, добрал до нижнего предела нормы для полицейских, и лицо боязливое, бесцветное и до того обыкновенное, их таких тысячи встретишь в субботней толпе на любом стадионе. Тусклый, невыразительный, ничем не характерный голос. А глаза, широко расставленные и холодно выглядывающие из-под нависших бровей, беспрестанно перебегают с одного говорящего на другого — манера, которая могла бы смутить собравшихся, если бы, конечно, они там соблаговолили это заметить. Подле инспектора держался сержант Кортни с видом человека, которому велено сидеть прямо, разуть глаза и уши и помалкивать, что он исправно и делает.

Далглиш через всю комнату взглянул на тетку. Она сидела в кресле на своем обычном месте и, достав вязание, словно бы совершенно отрешилась от того, что происходило вокруг. Спицы она держала на континентальный манер, стоймя, как обучила ее в свое время гувернантка-немка. Селия Кэлтроп не отводила глаз от их пляшущих блестящих кончиков, изумленно и одновременно с возмущением наблюдая заграничное искусство хозяйки дома. Сама она уже не восседала с неколебимой непринужденностью, а ерзала, то так, то эдак скрещивала лодыжки, откидывала голову, словно камин дышал ей в лицо нестерпимым жаром. И действительно, становилось слишком жарко — всем, кто был в гостиной, кроме Реклесса. Оливер Лэтем расхаживал из угла в угол, на лбу у него блестел пот, а непрестанное движение как бы еще повышало температуру в комнате. Внезапно он остановился, обернулся к Реклессу и спросил:

— Когда наступила смерть? Может быть, вы нам все-таки что-нибудь сообщите? Когда Сетон умер?

— Это будет точно известно только из заключения медэксперта, сэр.

— Иными словами, вы отказываетесь ответить. Тогда спрошу иначе: на какое время от нас потребуется алиби?

Селия Кэлтроп негодующе пискнула, но тоже обернулась к Реклессу в ожидании ответа.

— Мне понадобятся от всех вас данные о местопребывании, начиная

с того момента, когда мистера Сетона видели в последний раз, то есть, как я понял, с семи тридцати вечера во вторник и до полуночи в среду.

— Зачем же так поздно? — заспорил Лэтем.— Его же, я думаю, отправили в это плаванье задолго до полуночи. «Закат в полнеба, и звезда над мачтой, и дальний путь лежит передо мной...» Начнем с меня, что ли? Во вторник вечером я был на премьере в Новой театральной гильдии, а после на банкете, который закатил наш достославный баронет от театра. К себе на квартиру вернулся около часу и остаток ночи провел не один. С кем именно, пока не скажу, но завтра, надеюсь, смогу назвать имя. Мы встали поздно, обедали в «Плюще» и расстались, когда я вывел из гаража машину и отправился сюда. В Монксмир приехал вчера примерно в половине восьмого и с тех пор никуда не выходил, только на сон грядущий немного прогулялся по берегу. Сегодня ездил по окрестностям, запасался провиантом. После ужина спохватился, что забыл купить кофе, и решил обратиться в единственный дом, где наверняка дадут хороший и без бесплатного приложения в виде нотации о том, что, ах, мужчины совсем не умеют вести хозяйство. Короче, чтобы вам было ясно, у меня есть алиби на момент наступления смерти — если считать, что смерть наступила во вторник,— но не на то время, когда Сетон был отправлен в последнее плаванье — если принять, что это произошло вчера вечером.

На лице Селии Кэлтроп, пока он говорил, сменилась целая гамма выражений — любопытство, осуждение, сладострастный интерес и томная печаль,— словно она примеряла, которое лучше, и наконец выбрала томную печаль: добрая женщина сокрушается о мужских слабостях.

Инспектор Реклесс сказал:

— Я должен попросить вас назвать имя дамы, сэр.

— И не просите. По крайней мере, пока я с ней не переговорю. Очень, однако, любезно с вашей стороны заключить, что это была именно дама. Послушайте, инспектор, будем рассуждать здраво. Если бы я имел какое-то отношение к смерти Сетона, разве я не позаботился бы обеспечить себе алиби? А уж если бы мне понадобились чьи-то ложные показания, я бы не воспользовался помощью женщины. Во-первых, из дурацких соображений рыцарства, а во-вторых, вы бы нас быстро вывели на чистую воду. Дошло бы до подробностей, а кто их все упомнит? О чем мы с ней говорили, кто задернул шторы, с какой стороны кровати я спал, под сколькими одеялами, что было на завтрак. Меня всегда поражало, как это люди рискуют выдумывать себе алиби. Тут нужна такая память на мелочи, какой я, увы, не обладаю.

— Считайте, что с вас подозрения сняты, Оливер,— авторитетно произнесла Селия.— Дело это нешуточное, убийство как-никак. Разумная женщина не станет чинить затруднений.

Лэтем рассмеялся.

— Но она не разумная женщина, милая Селия. Это актриса. Хотя, конечно, я не думаю, что она заартачится. Отец дал мне когда-то один очень дельный совет: не ложись в постель с женщиной, если утром тебе или ей будет стыдно об этом вспоминать. Хорошее правило. Несколько ущемляет сексуальную свободу, зато оказывается иногда, как видим, очень удобным.

Свободу Лэтема оно едва ли особенно ущемляет, подумал Далглиш. В их кругу люди не боятся огласки своих связей, лишь бы они были престижны, а Оливер Лэтем, мужчина со средствами, видный собой, светский и малодоступный, котируется, надо полагать, высоко.

Брайс недовольным тоном сказал:

— Значит, вам нечего волноваться, ведь Сетон умер, по-видимому, вечером во вторник. Если, конечно, злой инспектор не возразит, что ваша дама согласилась бы подтвердить любые ваши показания.

— Ну, она-то согласится на все, если ее попросить по-хорошему,— шутливо ответил Лэтем.— Но это дело рискованное. Она же актриса. Сегодня играет бесстрашную лгунью, готовую пожертвовать добрым именем, чтобы только спасти любовника от каталажки, и я, соответственно,

в безопасности. А завтра — что, если она надумает сменить роль? Нет, пожалуй, все-таки удачно получилось, что от нее всего лишь потребуется сказать правду.

Тут Селия Кэлтроп, не в силах, как видно, дольше терпеть, что общее внимание сосредоточено на Лэтеме и его любовных делах, решительно вмешалась в разговор:

— В моих показаниях, я полагаю, вообще нет надобности. Я была бедному Морису очень близким другом, единственным истинным другом, я думаю. Однако я готова сообщить о себе все, возможно, это докажет непричастность кого-то еще. Тут ведь важна любая информация, верно? Почти все это время я была дома. Только во вторник днем возила Сильвию в Норидж, мы там обе были в парикмахерской «Эстель» на Мэддермаркет, мыли голову и причесывались. Для Сильвии такая поездка — приятное развлечение, и я тоже считаю, нельзя опускаться из-за того, что живешь в деревне. Перед тем как ехать обратно, мы выпили чаю, и около половины девятого я доставила Сильвию домой, а затем поехала к себе. Вчера с утра я работала — я наговариваю на диктофон,— а после обеда ездила в Ипсуич кое-что купить и заехала к приятельнице, леди Бриггс, в Уэлл-Уок. Просто так заехала, наобум, ее не застала, но разговаривала с прислугой. На обратном пути я слегка заблудилась и попала домой только к десяти вечера. Дома меня ждала племянница из Кембриджа, и остаток вечера мы провели вместе, она, естественно, подтвердит. А сегодня незадолго до обеда позвонила Сильвия и рассказала про полученную рукопись и про то, что Морис пропал. Я сначала растерялась и не знала, что предпринять, но вечером, когда увидела, что приехал суперинтендант Далглиш — он проехал мимо моего дома,— я позвонила мистеру Брайсу и предложила, чтобы мы все вместе собрались и посоветовались с ним. К тому времени у меня уже было предчувствие, что стряслось что-то ужасное; и, как видите, я была права.

Следующим по очереди шел Джастин Брайс. Далглиш обратил внимание на то, с какой готовностью эти подозреваемые дают о себе сведения, которых у них, между прочим, еще формально не просили. Они без запинки, упоенно, как неофиты на молитвенном собрании, перечисляли, кто из них где когда был. Завтра, конечно, спохватятся и раскаются, что так разоткровенничались. Но не Далглишу их одергивать. Он все уважительнее посматривал на Реклесса: знает человек, когда надо посидеть молча и послушать.

Брайс рассказывал:

— Я тоже до вчерашнего дня находился в городе, на своей квартире, но если Сетон умер во вторник вечером, я, мои дорогие, сразу отпадаю. Я в тот вечер два раза звонил врачу. У меня было ужасное состояние. Всё астма моя. Тяжелейший приступ. Селия вот знает, как я с ней мучаюсь. Мой врач Лайонел Форбс-Денби может подтвердить. Первый раз я позвонил около полуночи, умоляя его немедленно приехать. Разумеется, он отказался. Велел принять голубые таблетки, две штуки, а если через час не отпустит, позвонить ему опять. Чистое злодейство с его стороны. Я сказал ему, что, по-моему, я умираю. Такая астма, как у меня, очень опасна: если чувствуешь, что умираешь, то действительно можешь умереть.

— Нельзя же умереть, если Форбс-Денби не велит,— заметил Лэтем.

— Да, Оливер, но вдруг он ошибается?

— Он ведь и Мориса тоже лечил, верно? — вспомнила мисс Кэлтроп.— Морис на него молился. С его сердцем ему приходилось проявлять неусыпную осторожность, и он всегда говорил, что жив только благодаря Форбсу-Денби.

— Все равно он обязан был ко мне приехать во вторник вечером,— с обидой повторил Брайс.— Я позвонил ему вторично в половине четвертого, и в шесть он все-таки приехал, но к этому времени мне уже полегчало. Как бы то ни было, у меня полное алиби.

— Не совсем, Джастин,— возразил Лэтем.— У нас нет доказательств, что вы звонили из своей квартиры.

— Еще бы не из квартиры! Да я был на пороге смерти, я же сказал.

А кроме того, если бы я звонил Форбсу-Денби, а сам разъезжал по городу и убивал Сетона, он же мог приехать и не застать меня дома! Да он бы тогда навеки отказался меня лечить!

Лэтем рассмеялся:

— Мой дорогой Джастин! Уж если Форбс-Денби говорит, что не приедет, значит, он не приедет, и точка. Вам ли этого не знать.

Брайс кивнул и вздохнул. К опровержению своего алиби он отнесся философски. Далглиш слышал о Форбсе-Денби. Это был модный уэст-эндский врач, и притом превосходный терапевт. Его пациенты, да и он сам свято верили в непогрешимость его суждений, и, как острили в свете, никто из них не отважился бы ни есть, ни пить, ни жениться, ни родить, ни эмигрировать, ни помереть без его на то медицинского дозволения. Они гордились его чудачествами, хвастались его хамством и веселили избранное общество историями о том, как он повышвыривал в окно их привычные патентованные лекарства или выгнал их кухарку. Слава Богу, думал Далглиш, что не ему, а Реклессу или его подручным надо будет узнавать у этого нелюбезного чудака, каково было состояние здоровья погибшего, и просить подтверждения алиби одного из тех, кто попал под подозрение.

И вдруг Брайс выпалил со страстью, изумившей всех присутствующих:

— Я не убивал, но жалеть его не могу, и не просите! После того, что он сделал с Арабеллой!

Селия Кэлтроп посмотрела на инспектора Реклесса с кротким извиняющимся видом мамаши, чей ребенок ведет себя неприлично, но, с другой стороны, его тоже можно понять. И пояснила для него одного:

— Арабелла — это его сиамская кошка. Мистер Брайс думает, что Морис ее убил.

— Чего же тут думать, Селия? Это очевидно,— возразил Брайс и обратился к Реклессу: — Три месяца назад я переехал его собаку. Это был несчастный случай в чистом виде. Я люблю животных! Люблю, говорю вам! Даже Лохматку эту несносную — согласитесь, Селия,— невоспитанную и неприятную шавку. Меня это страшно расстроило. Она подвернулась мне прямо под колеса. Сетон был к ней очень привязан. И он недвусмысленно обвинил меня в том, что я будто бы переехал ее нарочно. А через четыре дня он убил Арабеллу. Вот что это был за человек! Можно ли удивляться, что у кого-то наконец истощилось терпение?

Мисс Кэлтроп, мисс Далглиш и Лэтем поспешили опровергнуть его слова, но все трое заговорили одновременно, заглушая друг друга:

— Джастин, дорогой, ведь нет никаких доказательств, что...

— Мистер Брайс, никто и не думает, что Арабелла имеет к этому какое-то отношение.

— Господи, Джастин, ну зачем же вытаскивать...

И тут прозвучал тихий вопрос Реклесса:

— А вы когда приехали из Лондона, сэр?

— В среду днем. Около четырех. И тела Сетона я с собой в машине не вез. На мое счастье, после Ипсуича у меня всю дорогу барахлила коробка передач, пришлось в конце концов оставить машину в гараже Бейнса, это сразу как выедешь из Саксмандема. Дальше добирался на такси. Молодой Бейнс меня отвез. Так что если хотите искать в моей машине пятна крови и отпечатки пальцев, она у Бейнсов. Желаю удачи.

Лэтем сказал:

— И вообще, чего это мы так стараемся? А как насчет ближайших родственников? Насчет Морисова единокровного братца? Почему полиция его не ищет? В конце концов наследник. Вот с кого надо алиби спросить.

Ему тихо ответила Элизабет Марли:

— Дигби вчера вечером был в «Сетон-хаусе». Я его сама привезла.

Это была ее вторая реплика со времени приезда инспектора, и чувствовалось, что она произнесла ее нехотя, вовсе не для того, чтобы привлечь к себе внимание. Однако эффект получился сильнейший. Среди всеобщего недоуменного молчания раздался резкий, строгий голос мисс Кэлтроп:

— Что значит «сама привезла»?

Вопрос, который напрашивался, вынужден был признать Далглиш.

Девушка пожала плечами:

— То, что я сказала. Вчера вечером я привезла Дигби Сетона домой на машине. Он позвонил мне из Ипсуича, со станции, перед тем как сделать пересадку, и попросил встретить его с поезда в восемь тридцать в Саксмандеме. Он знал, что Мориса нет дома, и не хотел, должно быть, тратиться на такси. Ну я и поехала. На «мини».

— Мне ты об этом не сообщила, когда я вернулась домой,— с упреком произнесла мисс Кэлтроп. Остальные опасливо поежились, ожидая семейной сцены. Только темная фигура в кресле у стены осталась невозмутимой.

— Не думала, что тебе интересно. И потом, было уже очень поздно, когда ты вернулась.

— Но и сегодня тоже. Почему ты до сих пор молчала?

— А зачем мне было говорить? Если Дигби хотел потом опять смыться, мне-то какое дело? И вообще, тогда еще не было известно про смерть Мориса Сетона.

— Стало быть, ты по просьбе Дигби встречала его в полдевятого на станции? — повторил Лэтем, чтобы вернуть разговор в первоначальное русло.

— Вот именно. И мало того, Оливер, он вправду приехал этим поездом. А не прятался в зале ожидания и не прогуливался по платформе. Я купила перронный билет и своими глазами видела, как он выходил из вагона. И как сдавал билет контролеру. Билет был от Лондона, он еще поворчал, что дорого. Контролер его, конечно, вспомнит. Там всего сошло человек пять-шесть.

— И надо полагать, мертвого тела у него с собой не было? — продолжал Лэтем.

— Разве что в дорожной сумке размером три фута на два.

— Ты отвезла его прямо домой?

— Ну ясно. Саксмандем — не такое место, где жизнь бьет ключом после восьми вечера, а Дигби не такой кавалер, с которым приятно выпить кружку пива,— на мой вкус, конечно. Я просто помогла ему сэкономить деньги. Я же сказала.

— А дальше, Элиза? Рассказывай, что было дальше,— подбодрил ее Брайс.— Ты доставила его в «Сетон-хаус». Ну и что?

— Ничего. Высадила у двери. В доме было тихо, окна темные. Естественно. Все знают, что Морис в октябре уезжает жить в Лондон. Дигби пригласил меня зайти выпить, но я ответила, что устала, пора домой, наверно, тетя Селия вернулась и ждет. Ну, мы попрощались, Дигби отпер дверь и вошел в дом.

— Значит, у него был ключ от дома? — уточнил Реклесс.— Они с братом, что же, были в таких близких отношениях?

— В каких они отношениях, не знаю, но ключ от дома у него был.

Реклесс обратился к Сильвии Кедж:

— А вам было известно, что Дигби Сетон имеет свободный доступ в «Сетон-хаус»?

Сильвия Кедж ответила:

— Мистер Морис Сетон дал своему брату ключ примерно два года назад. Иногда он поговаривал, что надо бы его забрать, но мистер Дигби пользовался им редко и только когда брата не было дома, наверно, мистер Морис считал, что неважно, пусть будет и у него.

— А почему, интересно знать, он думал забрать у Дигби ключ? — спросил Брайс.

Но мисс Кэлтроп, очевидно, сочла его вопрос неуместным, сделала большие глаза, как бы говоря: «Только не при слугах», и светским голосом разъяснила:

— Мне Морис тоже как-то говорил, что хочет взять у Дигби ключ от дома. Разумеется, о том, чтобы он ему не доверял, и речи нет. Просто он слегка беспокоился, что Дигби может его потерять или его могут украсть в каком-нибудь ночном клубе, которые Дигби так любит.

— Но выходит, он его назад так и не получил,— сказал Лэтем.— Вчера около девяти вечера Дигби этим ключом отпер дверь и вошел в дом. И с тех пор его никто не видел. А ты точно знаешь, что в доме никого не было, Элиза?

— Откуда мне точно знать? Я же не входила внутрь. Но было тихо и свет не горел нигде.

— Сегодня утром я там была в половине десятого,— сказала Сильвия Кедж.— Парадная дверь была заперта, и в доме никого. Кровати все застелены. Мистер Дигби даже не налил себе выпить.

Никто не высказал очевидную для всех мысль, что должно было случиться нечто из ряда вон выходящее. Трудно вообразить такое событие, по случаю которого Дигби Сетон не счел бы нужным подкрепиться глотком-другим.

Только Селия возразила:

— О, это ни о чем не говорит. У Дигби всегда с собой фляжка на поясе. Одна из странностей, которые так раздражали Мориса. Но куда же он подевался?

— Он не говорил, что куда-то еще собирается? — спросил Лэтем Элизу Марли.— Какой у него был вид?

— Нормальный вид, Дигби как Дигби. И не говорил ничего.

— Это просто какая-то нелепость! — вынесла свое суждение мисс Кэлтроп.— Дигби не стал бы, только пришел, и снова уходить из дому. Да и куда? Ты уверена, что он не обмолвился как-то о своих планах?

— Его могли вызвать,— предположила Элизабет.

— Вызвать?! — прикрикнула на нее тетка.— Но о его приезде не было известно. Кто же мог его вызвать?

— Не знаю. Просто высказываю предположение. Когда я шла обратно к машине, в доме зазвонил телефон.

— Ты в этом уверена? — спросил Лэтем.

— Что вы всё «уверена, уверена»? Вы же знаете, как бывает там наверху ночью. Безлюдье, тишина, тайна. Звуки разносятся далеко. Говорю вам, я слышала, как звонил телефон.

Остальные молчали. Она, конечно, была права. Они знали, как бывает на возвышенной части мыса, когда наступает темнота. Тишина, безлюдье, тайна и теперь ждали их снаружи. Селию Кэлтроп передернуло, как от холода, хотя в комнате было сильно натоплено. Жара сделалась просто несносной. Это Брайс, сидя на скамеечке перед камином, знай себе подбрасывал дрова в огонь, точно кочегар в аду. Могучие языки пламени, шипя, захватывали нарубленный плавник. На старинной каменной кладке стен словно проступила кровавая испарина. Далглиш встал, подошел к окну и, отодвинув ставни, поднял раму. В комнату хлынул поток чистого, холодного воздуха, завихрился вокруг его головы, сдул с места все половички, принеся с собой извне громовый грохот прибоя. Далглиш обернулся от окна, и в это время Реклесс своим тусклым, невыразительным голосом произнес:

— Пусть кто-нибудь отвезет домой мисс Кедж. Она плохо себя чувствует, я сегодня с ней разговаривать не буду.

Сильвия подняла было голову, чтобы возразить, но отозвалась Элизабет, решительно вставая:

— Я отвезу. Мне и самой домой пора. Я, вроде считается, после болезни, а тут сегодня разговоры, не очень-то полезные для выздоравливающих. Где ее пальто?

Поднялась суматоха. Все с облегчением засуетились, захлопотали, подавая Сильвии Кедж пальто, костыли и проявляя всяческую заботу. Мисс Кэлтроп милостиво протянула племяннице ключи от автомобиля и заверила ее, что сама она дойдет пешком. Оливер и Джастин ее, конечно, проводят. Сильвия Кедж в сопровождении помощников заковыляла к выходу.

Именно в эту минуту задребезжал телефонный звонок. Он прозвучал так знакомо и одновременно так зловеще, что все замерли в предчувствии

недоброго. Мисс Далглиш подошла и сняла трубку, но Реклесс мгновенно очутился рядом и, не извинившись, взял трубку у нее из рук.

Понять содержание разговора было невозможно, реплики Реклесса были отрывисты и кратки. Похоже, что он разговаривал с полицейским участком. И в основном только слушал и покряхтывал. В заключение же произнес:

— Верно. Благодарю вас. Завтра с утра в «Сетон-хаусе». Тогда и поговорим. Всего хорошего.

Повесив трубку, он обернулся к присутствующим. Лица всех открыто выражали любопытство и нетерпение. Далглиш уже было подумал, что Реклесс их сейчас разочарует, но тот с готовностью оповестил:

— Нашелся Дигби Сетон. Он позвонил в полицейский участок Лоустофта и сообщил, что вчера вечером на пути в Лоустофт угодил на машине в придорожную канаву и находится в больнице. Завтра с утра его выпишут.

Мисс Кэлтроп разинула было рот, чтобы задать естественный вопрос, но инспектор Реклесс добавил по своей инициативе:

— По его словам, вчера в самом начале девятого кто-то позвонил ему якобы из лоустофтского полицейского участка и попросил немедленно прибыть для опознания тела брата. Звонивший объяснил, что труп Мориса Сетона прибило к берегу в лодке и что у него обрублены кисти обеих рук.

— Но это невероятно,— удивленно возразил Лэтем.— Вы, кажется, говорили, что тело было найдено только сегодня под вечер?

— Именно так, сэр. И из лоустофтского участка никто не звонил. О том, что произошло с мистером Морисом Сетоном, до сегодняшнего вечера не знал никто. Кроме одного человека, понятное дело.

Он обвел их лица, одно за другим, печальным, внимательным взглядом. Они не шевелились и ничего не говорили. Словно застыли в остановившемся времени, беззащитные перед надвигающимся катаклизмом. Слова сейчас были неуместны. Напрашивалось действие, острое, драматическое. И, будто осознав, что́ от нее требуется, исполнительная Сильвия Кедж со стоном выскользнула из рук поддерживавшей ее Элизы и упала на пол в обмороке.

7

Реклесс говорил:

— Я бы сказал, что смерть наступила во вторник в полночь, плюс-минус час, судя по степени окоченения и общему виду. Удивлюсь, если медэкспертиза не подтвердит этого. Кисти рук были отняты позже. Крови вытекло мало, и похоже, что в качестве доски для рубки было использовано лодочное сиденье. Если принять, что мистер Брайс говорил правду и в среду около пяти лодка еще лежала здесь, вытащенная на берег, значит, он почти наверняка был отправлен в плаванье примерно часом позже, когда начался отлив. Руки обрубали тоже, по-видимому, уже затемно. И к этому времени он уже часов восемнадцать, как был мертв, может, и дольше. Как он умер и где, я не знаю. Но выясню.

Трое полицейских все еще сидели в гостиной. Джейн Далглиш оставила их одних под тем предлогом, что она пойдет и сварит кофе, и теперь из кухни доносилось уютное побрякиванье посуды. Гости отбыли минут десять назад. Сильвию Кедж привели в чувство без труда и быстро, и когда она и Лиз Марли уехали, возникло такое чувство, что неплохо бы и вообще положить конец этим полуночным развлечениям. Посмотрели друг на друга: лица у всех измученные, осунувшиеся. И Реклессу, который, наоборот, только теперь встрепенулся и ожил, когда попробовал обсудить с ними вопрос о возможном орудии убийства, пришлось убедиться, что они уже совсем туго соображают. Не помнят, есть ли у них в хозяйстве топор, или колун, или секач для мяса, и если есть, то где хранятся, и когда их последний раз видели. За исключением Джейн Далглиш. Но даже ее сообщение о том, что несколько месяцев назад у нее пропал топор из дровяного сарайчика, никого из них не взволновало. Было очевидно, что убийство

не убийство, а они больше не могут. Как перевозбужденные дошкольники к концу детского праздника, они теперь хотели лишь одного: домой.

Реклесс заговорил о деле, только когда мисс Далглиш вышла. Это было в порядке вещей, но Далглиш сам удивился, как его задело то, что при этом подразумевалось. Реклесс, по-видимому, не тупица и не бесчувственный идиот. Он не стал Далглиша ни о чем официально предупреждать и призывать к содействию и сохранению тайны, это естественно предполагалось само собой. Но дело вел он. Ответственность лежала на нем. И ему решать, какую часть головоломки выкладывать на рассмотрение Далглишу; кому оказывать доверие и до каких пределов. Далглиш очутился в непривычном для себя положении, и что-то оно ему не особенно нравилось.

Воздух в гостиной был по-прежнему спертый. Дрова в камине прогорели и осели пирамидой белесого пепла, но жар в четырех каменных стенах еще держался, дышал в лицо, как из топки, и было душно. Инспектор словно ничего этого не чувствовал. Он попросил:

— Расскажите мне о людях, которые здесь сегодня были, мистер Далглиш. Они что же, все считают себя писателями?

Далглиш ответил:

— Оливер Лэтем, наверно, представился бы как театральный критик. Мисс Кэлтроп хотела бы считаться романисткой «чувствительного направления», а что это, понимай как знаешь. Кем отрекомендовался бы Джастин Брайс, затрудняюсь сказать. Он издает литературно-политический журнал, основанный еще его дедом.

К его удивлению, Реклесс кивнул:

— Да, я знаю. Ежемесячник «Критическое обозрение». Мой отец его покупал. Тогда шесть пенсов была ощутимая сумма для рабочего человека. И «Критобоз» за шесть пенсов давал ориентировку и поддержку. Теперь-то он не боевитее чем «Файнэншл таймс», розовая водица — советы, куда вкладывать капитал, рецензии на неинтересные книги. Заискивает перед интеллигенцией. Но от такого журнала нынче не прокормишься.

Далглиш ответил, что, по его сведениям, Брайс не только не кормится от журнала, но, наоборот, вкладывает в него свои личные средства.

Реклесс сказал:

— Мистер Брайс, похоже, из таких, кто не боится, что его примут за гомосексуалиста. А на самом деле он как?

Это был вполне законный вопрос. Любые данные о подозреваемых представляют ценность, когда расследуется убийство. Потому что это дело явно приобретало именно такую окраску. Тем не менее Далглиш почему-то ощутил досаду. Он ответил:

— Понятия не имею. Возможно, слегка амбивалентен.

— Женат он?

— Нет, насколько мне известно. Но мы ведь еще не докатились до того, чтобы автоматически подозревать каждого холостого мужчину за сорок?

Реклесс не ответил. Возвратилась мисс Далглиш с кофе на подносе, и он принял у нее из рук чашку с выражениями благодарности, но явно без охоты. Когда она снова вышла, он поднес кофе ко рту и стал отхлебывать, устремив мрачный взгляд на противоположную стену, где висела выполненная хозяйкой акварель «Шилоклювки в полете». Потом сказал:

— Они злобный народ, голубые. Не насильники, как правило, но злобные. А в этом убийстве есть что-то особенно злобное. Эта секретарша, хромоножка, она откуда вообще, мистер Далглиш?

Далглиш, ощущая себя студентом на устном экзамене, сдержанно ответил:

— Сильвия Кедж — сирота, живет одна в домике у Кожевенного спуска. Говорят, очень квалифицированная секретарь-машинистка. Работала главным образом у Мориса Сетона, но выполняла работу и для мисс Кэлтроп, и для Брайса. Я мало что о ней знаю, да и об остальных здесь тоже.

— На сегодняшний день ваших знаний достаточно, мистер Далглиш. А мисс Марли?

— Тоже сирота. Воспитана теткой. Сейчас учится в Кембридже.

— И все эти люди — друзья вашей тети?

Далглиш не знал, как правильнее ответить. Его тетка нечасто пользовалась этим понятием и, кроме одного лица, едва ли назвала бы кого-нибудь в Монксмире своим другом. С другой стороны, не станешь же отрекаться от соседей, когда над ними нависло подозрение в убийстве. И, подавив желание дать замысловатый ответ, что, мол, здесь знают друг друга близко, но не хорошо, он уклончиво сказал:

— Лучше спросите ее сами. Но, конечно, они все знакомы. Поселок маленький, кругом никого. Как-то они между собой ладят.

— Когда не убивают друг у друга собак и кошек,— заметил Реклесс. Далглиш промолчал. Реклесс добавил:

— Нельзя сказать, чтобы они сегодня так уж расстроились, верно? За весь вечер ни слова сожаления о погибшем. Казалось бы, писатели, кто-нибудь из них мог бы произнести по этому случаю надгробную речь.

— Мисс Кедж, однако, расстроилась,— возразил Далглиш.

— Это не от горя. У нее был шок. Настоящий клинический шок. Если к утру ей не будет лучше, надо, чтобы кто-нибудь съездил за врачом.

Он, разумеется, совершенно прав, подумал Далглиш. Типичный нервный шок. Что само по себе кое о чем свидетельствует. Конечно, такое сообщение может человека потрясти. Но если оно для кого-то не новость, тогда вряд ли. А обморок под занавес выглядел вполне натурально, неподдельно и тем исключал преступную осведомленность.

Инспектор Реклесс вдруг встал с кресла, словно бы в недоумении посмотрел на пустую чашку в своей руке и аккуратно поставил ее на поднос. Сержант Кортни, лишь с минутным запозданием, проделал все то же самое. Похоже было, что они наконец собрались уходить. Однако оставалась еще одна вещь, которую надо было Реклессу сообщить. Один вполне достоверный факт, может быть, представляющий интерес, а может быть, и нет. Но Далглиш с досадой обнаружил, что говорить почему-то не хочется. А ведь предстоящие несколько дней и без того обещали быть достаточно трудными, чтобы еще из-за этого Реклесса заниматься болезненным самокопанием. Он решительно сказал:

— Относительно той поддельной рукописи. Вам, может быть, будет небезынтересно узнать, что, по-моему, я узнал, какой клуб там описан; хотя, конечно, отрывок слишком короткий, можно ошибиться — но похоже на «Кортес-клуб» в Сохо, владелец — Л. Дж. Люкер. Может, вы помните то дело? В пятьдесят девятом году. Люкер застрелил своего компаньона и был приговорен к смерти, но кассационный суд отменил приговор, и его отпустили.

Реклесс задумался:

— Д-да, Люкера я помню. Судья Бротвик, кажется, вел это дело. «Кортес-клуб» — подходящее место, если кто хочет на кого-то навести подозрение в убийстве. На Люкера, например.

Он пошел к выходу, сопровождаемый безмолвной тенью — сержантом Кортни. Но у порога обернулся и произнес на прощанье:

— Я вижу, нам здорово повезло, что вы оказались здесь, мистер Далглиш.

И это прозвучало у него как оскорбление.

8

Контраст между освещенной жаркой гостиной и холодной темнотой осенней ночи был разителен. Шаг — и словно падаешь в черную бездну. В первую минуту, когда закрылись двери «Пентландс-коттеджа», Селию охватил слепой ужас. Мрак обступал, давил, плотный — не продохнуть. Как будто бы сам воздух загустел, и надо прокладывать в нем путь, и утрачено чувство дальности и направления. Отовсюду — справа и слева, спереди и сзади — в этой черной, мистической пустоте мрачно грохотал

морской прибой, и ей было страшно шагнуть, точно мореходу, выброшенному на неведомое пустынное побережье. Земля под лучом фонарика, который зажег Лэтем и направил на дорожку, казалась нереальной и невообразимо далекой, как лунная поверхность. Не верилось, что на нее может ступить нога человека. Селия споткнулась и упала бы, но, к счастью, Лэтем неожиданно крепко ухватил ее за локоть.

Так они вместе и двинулись вверх по тропе. Селия, не предполагавшая, что придется возвращаться пешком, была в легких туфлях на высоких каблуках, ноги у нее то разъезжались на галечнике, то вязли в мягком песке, она тащилась за Лэтемом, как непослушный косолапый ребенок. Зато страх прошел. Глаза понемногу свыклись с темнотой, и рев прибоя, отдаляясь, становился с каждым шагом все слабее и глуше. Особенно ей полегчало, когда раздался ворчливый и будничный голос Брайса:

— Удивительная болезнь — астма. Такой был кошмарный вечер, человек впервые в жизни соприкоснулся с убийством — и вот пожалуйста, ни малейших симптомов! А в прошлый вторник совершенно, казалось бы, беспричинно — тяжелейший приступ. Правда, можно ждать реакции спустя какое-то время.

— Очень даже можно,— ядовито поддакнул Лэтем.— Особенно если Форбс-Денби не подтвердит вашего алиби.

— Подтвердит, Оливер, обязательно подтвердит! И боюсь, его свидетельство сочтут гораздо более веским, чем любые показания вашей дамы.

Обретя уверенность от того, что они рядом и по обычаю пикируются, Селия поспешила высказаться:

— Как это удачно, что здесь оказался Адам Далглиш! Ведь он всех нас знает. То есть не по книгам, а знаком со всеми лично. И вообще, как литератор, должен чувствовать себя среди нас в Монксмире своим человеком.

Лэтем раскатисто расхохотался:

— Ну, Селия, если вас так радует присутствие Адама Далглиша, я завидую вашим способностям к самообману! Кем вы его себе представляете? Эдаким джентльменом-сыщиком, который балуется на досуге расследованием преступлений? И беседует с подозреваемыми тоном изысканной галантности? Своего рода господин Керрадерс, герой унылой саги Сетона? Да он, милая Селия, продаст нас всех Реклессу с потрохами, если сочтет, что это к его выгоде. Страшный человек.

Он снова рассмеялся и крепко, так что стало больно, сдавил мисс Кэлтроп локоть. Он волок ее вперед, словно арестантку. Но она все же не решалась вырвать руку. Правда, здесь тропа расширялась, но под ногами по-прежнему были колдобины, камешки и песок. И если бы Лэтем не вел ее, она, спотыкаясь, оскользаясь и подворачивая лодыжки, давно бы отстала. А оставаться одной было страшно. Голос Брайса звучал как утешительное песнопение:

— Знаете, Селия, по-моему, Оливер прав. Далглиш — профессиональный следователь, один из умнейших в стране. А два томика стихов, выпущенные им, при всем моем восхищении, я думаю, ничего тут не меняют.

— Реклесс, однако, тоже не дурак,— все еще посмеиваясь, продолжал свои рассуждения Лэтем.— Заметили, как он сидел и помалкивал, болтайте, мол, языком сколько душе угодно? Я думаю, он за пять минут узнал от нас больше, чем другие сообщили бы ему в ходе многочасового формального допроса. Когда только мы научимся держать язык за зубами?

— По-моему, это не имеет значения, нам ведь нечего скрывать,— возразила Селия Кэлтроп. Право, что такое сегодня с Оливером? Он очень неприятно себя ведет. Как пьяный.

Джастин Брайс возразил:

— Уверяю вас, Селия, у каждого человека найдется что скрывать от полиции. Именно поэтому к полицейским у всех двойственное отношение. Вот погодите, Далглиш спросит, почему вы говорили о Сетоне в прошедшем времени, когда нам еще не сообщили, что обнаружено его тело. Факт,

между прочим. Даже я заметил, а уж Далглиш-то, разумеется, и подавно. Теперь сочтет своим долгом обратить на это внимание Реклесса.

Но Селия была не из тех, кто способен спасовать перед Брайсом. Она раздраженно сказала:

— Глупости, Джастин. Не верю. А даже если и так, то я просто имела в виду Мориса как писателя. Потому что, не приходится спорить, как писатель бедный Морис давно перестал существовать.

— Еще бы! — подхватил Лэтем.— Смело можно крест поставить. Конченый писатель! Да он, по-настоящему, и написал-то за всю жизнь один кусок хорошей прозы. От всей души написал. От глубины сердца и ума. И получилось нечто совершенно убийственное. Каждое слово — чистый яд.

— Вы говорите про пьесу? — спросила Селия.— Я думала, вы о ней невысокого мнения. Морис говорил, что ее убила ваша рецензия.

— Милая Селия, если бы мои рецензии могли убивать, половина нынешнего репертуара лондонских театров сошла бы со сцены сразу после премьеры.

Он так рванул Селию вперед, что Джастин Брайс на минуту отстал. И одышливо крикнул им вслед:

— Морис, выходит, был убит вечером во вторник. А его тело пущено в море в среду, через сутки. Как же убийца доставил его в Монксмир? Вы, Оливер, приехали из Лондона вечером в среду. Не в вашем ли багажнике оно сюда прибыло?

— Нет, милейший,— шутливо отозвался Лэтем.— Я что попало в багажнике не вожу.

Селия самодовольно заметила:

— Что до меня, то я вне подозрений. Сильвия подтвердит, что я во вторник до самой ночи была с нею, а это как раз и есть решающий момент. В среду вечером, правда, я была одна, но едва ли Реклесс сочтет меня способной кромсать мертвое тело. Да, кстати. Вот о чем я подумала. Есть один человек, который не представил алиби ни на вторник, ни на среду. Джейн Далглиш. И к тому же топор был ее.

— Помилуйте, зачем мисс Далглиш убивать Сетона? — усомнился Лэтем.

— А остальным из нас зачем? — возразила Селия.— И я не говорю, что она убила. Просто обращаю внимание на то, что топор, по всей видимости, принадлежал ей.

Брайс с легким сердцем признался:

— А я вот хотел. Прикончить Сетона, я имею в виду. После того как я нашел Арабеллу, я бы с удовольствием его уничтожил. Но так этого и не осуществил. Все равно мне его не жаль. Может быть, попросить, чтобы после предварительного дознания мне дали на него посмотреть? Чтобы стряхнуть с себя это явно нездоровое бесчувствие.

Лэтем думал о топоре. Он возбужденно сказал:

— Да кто угодно мог его взять! Кто угодно! Мы тут все свободно ходим друг к другу. Никто дверей не запирает. До сих пор не было нужды. И не факт, что именно он был орудием.

— Друзья,— заметил Брайс.— Успокойтесь и учтите вот что: мы не знаем, что послужило причиной смерти Мориса, и вообще совершенно не очевидно, что он был убит.

9

Они довели ее до самого порога «Дома с розмарином» и исчезли в темноте. Высокий голос Брайса и смех Лэтема еще долго доносились до нее после того, как их темные фигуры окончательно слились с тенями деревьев и кустов. В доме было темно, в гостиной — никого. Значит, Элизабет уже легла. Доехала от «Дома кожевника» домой и ушла сразу спать. Селия сама не знала, радоваться этому или огорчаться. Тянуло с кем-нибудь перемолвиться словечком-другим, однако споров и расспросов душа не принимала. Этого добра еще немало предстоит, но хотя бы не сегодня. Она так устала. Включив настольную лампу, она опустилась на

колени перед камином и попробовала разворошить огонь, тлеющий в горке золы. Бесполезно. С трудом, кряхтя по-старушечьи, поднялась и рухнула в кресло. Другое такое же стояло напротив, угнетая массивностью, изобилием подушечек и пустотой. Здесь в тот октябрьский вечер шесть лет назад сидел Морис. Днем прошло предварительное дознание; дул холодный, шквалистый ветер. А к вечеру она растопила хорошенько камин. Знала, что он придет, приготовилась, все расставила по местам. Умеренный свет от камина и одной-единственной лампы ложился точно рассчитанными бликами на полированную красную мебель, романтические тени трепетали на розово-голубых подушечках, пуфиках, ковре. Наготове стоял поднос с вином. Учтено все до последней мелочи. Она ждала. Нетерпеливо, как юная девушка перед первым свиданием. Оделась в платье из тонкой шерсти цвета перванш. Оно ее молодило, подчеркивало талию. Так и висит с тех пор в шкафу, пропала охота его носить. А он сел напротив, скованный, корректный, в трауре, такой нелепый, сумрачный человечек, при черном галстуке, с черной повязкой на рукаве, с окаменевшим от горя лицом. Она тогда не поняла, что это горе. Как он мог горевать по такой примитивной, эгоистичной нимфоманке? Конечно, его потрясло известие, что она умерла, утопилась, и потом этот ужас опознания тела, и разбор у коронера, ряды бледных, укоризненных лиц. Ведь он знал, люди говорили, что якобы это он довел жену до самоубийства. Понятно, человек подавлен, уязвлен. Но горевать? Ей и в голову тогда не пришло, что он может испытывать горе. Она почему-то была убеждена, что где-то в глубине души он ощущает облегчение. Облегчение от того, что кончены долгие годы мук и неусыпного самоконтроля, что можно теперь начать новую жизнь. А рядом будет она, Селия, готовая помочь, поддержать, как она поддерживала его советом и сочувствием, пока Дороти была жива. Он ведь писатель, художественная натура. Нуждается в понимании, тепле. Отныне он может больше не страшиться одиночества.

Была ли то любовь с ее стороны? Трудно теперь вспомнить. Может быть, нет. Может быть, и не любовь, как она ее себе представляла. Но ближе, чем тогда, ей не довелось подойти к этому загадочному катаклизму, о котором столько думалось и мечталось. Фальшивых монет она наштамповала на добрую полусотню чувствительных романов; но подлинный золотой так ей в руки и не дался.

Сидя теперь перед погасшим камином, она отчетливо вспомнила ту минуту, когда ей вдруг все стало ясно, и залилась жаркой краской. Он неожиданно заплакал, беспомощно, как ребенок. Тогда она оставила все свои расчеты и, испытывая одну только жалость, опустилась рядом на колени, обхватила его голову, забормотала что-то утешительное, любовное. Вот тут-то это и произошло. Он выпрямился, отпрянул. Взглянул на нее, передернулся. И она все прочла по его лицу: сожаление, неловкость, даже чуть-чуть страх и, что особенно трудно принять, физическое отвращение. В один горький миг полнейшей ясности она вдруг увидела себя его глазами. Он оплакивал молодую женщину, гибкую, трепетную, красивую; и именно эту минуту выбрала пожилая уродина, чтобы броситься ему на шею. Он, конечно, тут же опомнился. Между ними не было сказано ни слова. Даже его отчаянные рыдания разом пресеклись, словно плачущему ребенку вдруг дали конфетку. Селия с горечью подумала, что ничто так не помогает от душевной муки, как опасность. Она отползла с горящим лицом, грузно упала в кресло. Он еще побыл у нее, сколько требовала вежливость, она наливала ему вина, слушала его сентиментальные воспоминания о жене — Господи, неужели этот глупец уже ничего не помнит? — и притворялась заинтересованной его планами длительной поездки за границу, «чтобы все забыть». Но прошло полгода, прежде чем он в одиночку отважился снова посетить «Дом с розмарином», и еще значительно больше, прежде чем он сделал попытку проверить, примет ли она приглашение, если ему понадобится дама для выезда в свет. Перед отбытием в заграничную поездку он написал ей, что включил ее имя в свое завещание «в знак признательности за ваше сочувствие в связи с кончиной моей

дорогой супруги». Ей, конечно, все было ясно. Именно в такой грубой, бесчувственной форме он только и способен был принести ей свои извинения. Но первой ее реакцией оказалась не обида и не досада, а просто мысль: интересно, сколько? С тех пор она все чаще к ней возвращалась; а теперь вопрос обрел соблазнительную актуальность. Может быть, конечно, это всего какая-нибудь сотня. Но, может быть, и несколько тысяч. И даже целое богатство. В конце концов про Дороти все говорили, что у нее крупное состояние, а Морису больше некому его оставить. К своему единокровному братцу он всегда относился прохладно, а в последнее время они вовсе разошлись. И потом, разве он ничего ей не должен?

Из двери в коридор на ковер упала полоса света. Молча вошла Элизабет. Босиком, в красном халатике, рдеющем в полутьме. Села в кресло напротив тетки, потянулась ногами к остывающему камину, лицо в тени. Сказала:

— Я вроде слышу, ты вернулась. Приготовить тебе чего-нибудь? Молока горячего? «Овалтина»?

Не слишком, конечно, вежливо выражено, без изящества, но мисс Кэлтроп не привыкла к заботе и была тронута.

— Спасибо, дорогая, не надо. Ступай ложись в постель, а то простудишься. Я сама приготовлю питье, тебе тоже, и поднимусь наверх.

Девушка не шевельнулась. Мисс Кэлтроп снова вступила в сражение с угасшим огнем и на этот раз добилась того, что над углями зашипел язычок пламени. Лицо и ладони ощутили первое дыхание тепла. Она выпрямилась и спросила:

— Ты благополучно отвезла домой Сильвию? Как она?

— На вид неважно. Но она всегда такая.

— Я уже потом подумала, надо было настоять, чтобы она переночевала у нас. У нее действительно вид совсем больной, опасно оставлять ее одну в таком состоянии.

Элизабет пожала плечами:

— Я вообще-то сказала ей, что у нас есть свободная комната и она может там разместиться до приезда девушки, которая будет у тебя жить au pair [1]. Но она и слушать не захотела. А когда я взялась было уговаривать, то занервничала. Ну я и отстала. В конце концов не ребенок. Ей ведь уже тридцать? Насильно не переселишь.

— Да, конечно.— Селия Кэлтроп подозревала, что ее племяннице вовсе и не хотелось переселить к себе Сильвию Кедж. Женщины вообще относились к бедняжке не так сердечно, как мужчины, она это давно заметила, и Элизабет не скрывала своей антипатии.

Из глубины кресла Элизабет спросила:

— А что еще было, когда мы уехали?

— Почти ничего. Джейн Далглиш думает, что он был, возможно, убит ее топором. У нее уже больше месяца, как топор пропал.

— Разве инспектор Реклесс сказал, что его убили топором?

— Нет, но ведь очевидно...

— Значит, мы пока не знаем, как он умер. Мало ли каким способом его могли убить. А руки отрубить уже после. Вернее всего, что так. У живого человека, в сознании, не так-то просто оттяпать обе кисти. Инспектор Реклесс, конечно, знает точно. Хотя бы по количеству вытекшей крови. И время наступления смерти с точностью до часа ему, я думаю, известно без медэкспертизы.

— Но ведь смерть наступила во вторник вечером, это же ясно. Во вторник у него что-то стряслось, Морис не такой человек, чтобы, никому словом не обмолвившись, уйти из клуба и провести ночь невесть где. Он умер вечером во вторник, когда мы с Сильвией сидели в кино.

Она твердила это самоуверенно и настойчиво. Так ей хочется, и, значит, так и было. Морис умер во вторник вечером, и у нее железное алиби. Она добавила:

---

[1] Au pair (*франц.*) *здесь:* без жалованья, выполняя домашнюю работу за стол и квартиру. (*Здесь и далее - - прим. перев.*)

— Как неудачно для Джастина и Оливера, что они в этот вечер оба оказались в городе. Правда, и у того и у другого есть кое-какое алиби, но все-таки получилось неудачно.

— Я тоже во вторник вечером была в Лондоне,— тихо сказала Элизабет. И поспешила добавить, опередив тетю: — Знаю, знаю, что́ ты скажешь. Предполагалось, что я лежу в Кембридже больная. Но на самом деле мне разрешили встать раньше. И утром во вторник я первым скорым поездом доехала до Ливерпул-стрит. У меня там в ресторане была назначена встреча с одним человеком. Из Кембриджа один, ты не знаешь. Выпускник. В общем, он не явился. Меня, конечно, ждала записка, очень вежливая, с глубочайшими сожалениями. Но не надо было назначать встречу в таком месте, где нас обоих знают. Мало приятного, когда мэтр смотрит на тебя с сочувствием. Я вообще-то не удивилась. И это все неважно. Но я просто не хотела, чтобы Оливер с Джастином чесали языки насчет меня. И Реклессу тоже, я считаю, я не обязана исповедоваться. Пусть сам докапывается, если ему нужно.

«Но мне ты рассказала!» — мысленно воскликнула Селия и так вся вспыхнула от удовольствия, что порадовалась полутьме в комнате. Девочка впервые поделилась с ней своими переживаниями. Ей захотелось утешить и расспросить племянницу, но она мудро воздержалась и только сказала:

— Все же, дорогая, боюсь, неразумно было с твоей стороны на целый день уехать в город. Ты ведь еще слаба. Слава Богу, тебе это как будто бы не повредило. Ты пообедала, а дальше что?

— Да так, до вечера прозанималась в Лондонской библиотеке. Потом сходила в кино на «Новости дня». Спохватилась уже поздновато и решила заночевать в гостинице. У нас ведь с тобой не было точно договорено, когда я приеду. Поужинала в «Лайонзе» на Ковентри-стрит и по телефону сняла номер в Блумсбери в отеле «Вальтер Скотт». Прослонялась по улицам почти весь вечер, ключ взяла, по-моему, уже около одиннадцати. И легла спать.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась мисс Кэлтроп.— Дежурная сможет это засвидетельствовать. И в «Лайонзе», должно быть, кто-нибудь найдется, кто тебя запомнил. По-моему, ты абсолютно права, что пока не стала об этом распространяться. Кому какое дело? Подождем, пока объявят время смерти. Тогда можно будет все пересмотреть.

Она старалась, чтобы голос у нее не звенел от удовольствия. Вот оно — то, к чему она всегда стремилась. Сидеть вместе, разговаривать, строить планы. Племянница, пусть косвенно, пусть нехотя, но попросила у нее поддержки и совета. И надо же, потребовалась смерть Мориса, чтобы их сблизить. Она продолжала рассуждать:

— Я рада, что ты не расстроилась из-за этого несостоявшегося свидания. Теперешние мужчины абсолютно не умеют себя вести. Если он, предположим, не смог до тебя заблаговременно дозвониться, по меньшей мере за сутки, правила хорошего тона требуют, чтобы он появился лично во что бы то ни стало. Но зато ты хотя бы знаешь, на каком ты свете.

Девушка встала с кресла и молча пошла к двери. Тетка крикнула ей вдогонку:

— Я приготовлю питье и принесу тебе в комнату! Попьем вместе. Я быстро. Ты ложись пока в постель!

— Спасибо, мне ничего не надо.

— Но ты же говорила, что хочешь выпить чего-нибудь горячего. Это тебе необходимо. Сейчас заварю «Овалтин». Или лучше просто подогреть молока?

— Я же сказала, мне не надо ничего. Я ухожу спать. И оставь меня, пожалуйста, в покое.

— Но, Элиза...

Дверь захлопнулась. И ни звука. Даже шагов вверх по лестнице и то не слышно. Не слышно ничего. Только шипение дров в камине да тишина снаружи, беспросветное ночное одиночество.

10

Утром Далглиша разбудил телефон. По-видимому, тетя сразу сняла трубку, так как звонки тут же прекратились, и он опять погрузился в сладостную полудремоту, которой так приятно предаться после того, как хорошо проспал ночь. Примерно через полчаса звонки возобновились, теперь как будто настойчивее и громче. Далглиш открыл глаза — прямо перед ним в обрамлении окна переливался светом прямоугольник яркой голубизны, рассеченный волосяной линией горизонта на море и небо. Как видно, предстоял еще один погожий осенний день. Собственно, еще один погожий день уже давно начался. Часы, к великому его изумлению, показывали четверть одиннадцатого. В халате и шлепанцах он сошел вниз и успел услышать, как тетя отвечает в телефонную трубку:

— Да, инспектор, я скажу, как только он проснется. Это срочно? Нет, просто он приехал сюда отдохнуть... Ну разумеется, он с удовольствием вас посетит сразу после завтрака. Всего доброго.

Далглиш наклонился и на мгновенье прикоснулся щекой к ее щеке, крепкой и мягкой, как замшевая перчатка.

— Это Реклесс?

— Да. Он сказал, что находится в доме Сетона и будет рад, если ты проведешь там с ним сегодняшнее утро.

— А в каком качестве, он не сказал? Я должен буду работать или только любоваться, как он работает? Или, может быть, я — подозреваемый?

— Это я подозреваемая, Адам. Топор почти наверняка был мой.

— Еще бы, это, конечно, учитывается. Но все равно твой рейтинг, я думаю, ниже, чем рейтинг твоих соседей. А уж чем Дигби Сетона — наверняка. Мы, полицейские, в глубине души народ прямолинейный. Нам, прежде чем брать человека, надо определить его мотив. И из всех мотивов нам больше всего по сердцу корысть. Дигби, как я понимаю,— наследник своего единокровного брата?

— Говорят, что да. Два яйца или одно, Адам?

— Два, пожалуйста. Но я сам приготовлю. А ты посиди и поговори со мной. Я, по-моему, слышал два телефонных звонка. Кто звонил первый раз?

Джейн Далглиш ответила племяннику, что раньше звонил Р. Б. Синклер и пригласил их обоих в воскресенье к себе поужинать. Она обещала поговорить с Адамом и позвонить. Далглиш, любовно разжаривавший яичницу, был заинтригован. Но вслух ничего не сказал, только выразил согласие. Это уже что-то новенькое. Он знал, что его тетка бывает в «Настоятельских палатах»,— но не тогда, когда он к ней приезжал. Известно было, что Синклер гостей не принимает и сам ни к кому не ходит. До сих пор одна лишь Джейн Далглиш пользовалась особой привилегией. Впрочем, догадаться, почему такое новшество, было нетрудно. Синклер хочет обсудить убийство Сетона с профессионалом, от которого можно услышать квалифицированное мнение. Что великому человеку тоже не чужда такая слабость, как простое любопытство, и приободряло, и немного разочаровывало. Зловещая тема насильственной смерти оказалась притягательной даже для того, кто принципиально не принимает участия в общественных делах. Но, разумеется, ужинать Далглиш к нему пойдет. Слишком велик соблазн. Далглиш знал по опыту, что личное общение со знаменитостью грозит болезненными разочарованиями. Но в случае с Р. Б. Синклером кто бы не рискнул?

После завтрака Далглиш не торопясь вымыл за собой посуду, надел твидовую куртку поверх свитера и задержался в сенях, чтобы выбрать себе трость из груды оставленных разными гостями в залог будущего возвращения. Выбрал толстую ясеневую палку в качестве последнего штриха, довершающего облик любителя активного отдыха, но взвесил ее на ладони и отложил: все-таки не стоит переигрывать. Он крикнул тетке «до свидания» и пошел на ту сторону мыса. Быстрее всего было бы на автомобиле —

выехать на дорогу, на развилке направо, полмили по Саутуолдскому шоссе, а там свернуть на узкую, но вполне проезжую грунтовку, которая ведет поверху прямо к «Сетон-хаусу». Но Далглиш все-таки решил идти пешком. Он же на отдыхе, в конце концов, а вызов инспектора был как будто бы не срочный? Реклессу он сочувствовал. Ничего нет хуже для следователя, чем не знать, где кончаются твои полномочия. Мешает работе и сильно действует на нервы. Хотя полномочия Реклесса ведь никто не ограничивает. Даже если его начальство надумает обратиться за помощью в Скотленд-Ярд, вряд ли к делу привлекут именно Далглиша. Оно слишком близко касается его лично. Но Реклессу, конечно, мало радости вести следствие как бы под надзором у суперинтенданта из «Сентрал интеллидженс», и тем более такого знаменитого, как Далглиш. Словом, бедняга Реклесс; но и Далглишу тоже не повезло, и еще похлеще: пошли прахом его надежды на неделю безмятежного отдыха в тишине и спокойствии, когда сам собой должен был снизойти мир в его душу и принести разрешение его личных проблем. Наверно, эти надежды — не более чем пустые мечтания, плод усталости и потребности пусть ненадолго, но спрятаться от жизни. А все-таки жалко, что ничего из этого не вышло. Вмешиваться в расследование ему хотелось не больше, чем Реклессу прибегать к его помощи. Сразу пошли бы деликатные звонки из Скотленд-Ярда и обратно: мол, опыт мистера Далглиша, его близкое знакомство с Монксмиром и его обитателями — к вашим услугам. Услуги такого рода обязан оказывать полиции каждый. А если Реклесс воображает, что Далглиш жаждет принять в его работе более непосредственное участие, придется его немедленно разуверить.

Но день стоял божественный и веселил душу, раздражение Далглиша вскоре улеглось. Весь мыс купался в ласковых лучах золотого осеннего солнца. Дул ветер с моря, но не студеный, а приятно прохладный. Песчаная тропа, пружиня под ногами, то шла напрямик, через дрок и вереск, то извивалась среди низкорослого боярышника, где под тесными купами таились тени и путь прочерчивала лишь совсем узкая лента песка. Вид на море был открыт всю дорогу, кроме одного участка, где надо было пройти под серыми стенами «Настоятельских палат». Это массивное, приземистое строение было расположено в сотне ярдов от берегового обрыва, с юга отгороженное высокой каменной стеной, а с севера — островерхим строем елей. Мало того, что стоит особняком, но и само по себе неприветливое, даже жутковатое, особенно в темное время суток. Если Синклер искал тут уединения, то и вправду более подходящего жилища не придумаешь. Интересно, подумал Далглиш, сколько теперь времени пройдет, прежде чем инспектор Реклесс своими расспросами нарушит уединение писателя? Он, конечно, очень скоро проведает, что у Синклера на участке есть свой отдельный спуск к морю. Если считать, что не лодку привели вдоль берега на веслах туда, где находилось тело, а, наоборот, тело было доставлено к лодке, значит, его снесли к воде по одному из трех имеющихся в Монксмире спусков. Либо по Кожевенному проулку, мимо дома Сильвии Кедж, это напрашивалось в первую очередь, поскольку лодку видели как раз за «Домом кожевника». Либо по крутой песчаной тропке, ведущей к воде от «Пентландс-коттеджа». Но там и днем-то нелегко сойти. А в темноте просто опасно, даже привычному человеку и без ноши. Вряд ли убийца решился бы на такое предприятие. Если Джейн Далглиш и не услышала подъехавшую машину, то уж мимо дома-то никак невозможно было пройти, чтобы она не знала. Тот, кто живет один и на отшибе, чуток к любому постороннему шороху в ночи. Тетка Далглиша была самая независимая и нелюбопытная женщина на свете, жизнь птиц интересовала ее гораздо больше, чем жизнь людей. Но и она едва ли осталась бы безучастна к тому, что мимо ее дверей несут мертвеца. Кроме того, оттуда еще пришлось бы полмили тащить тело к лодке по пляжу. Если, конечно, убийца не присыпал его песком, а сам сбегал за лодкой и привел ее к месту на веслах. Но это значительно увеличило бы риск, и следы песка сохранились бы на трупе. И, что еще существеннее, понадобились бы весла с уключинами. Интересно, проверил ли все это Реклесс?

Третий путь к воде — лестница Синклера. Ступеньки вырублены в высоком береговом обрыве всего ярдах в пятидесяти от того места, где спускается к морю Кожевенный проулок,— и там волны вымыли в скальной породе углубление, как бы маленькую, уединенную бухточку. Только в ней убийца — если это действительно было убийство — имел возможность что-то делать с телом, не опасаясь быть увиденным ни с севера, ни с юга. Разве что наткнулся бы кто-нибудь из местных жителей, вздумавший прогуляться на сон грядущий по пляжу; но в этих местах после наступления сумерек по пляжу в одиночку не прогуливаются.

«Настоятельские палаты» остались позади, и началась редкая буковая рощица, прилегавшая к Кожевенному проулку. Под ногами хрустела палая листва, через решетку голых веток сквозила синь — то ли небо, то ли море. Внезапно рощица кончилась, Далглиш перебрался по перелазу через живую изгородь и очутился в проулке. Прямо перед ним стоял маленький красный кирпичный дом, где, оставшись одна после смерти матери, жила Сильвия Кедж. Весь прямолинейный, кубиком, как кукольный дом из игрушечного строительного конструктора, с четырьмя плотно занавешенными окошками и с расширенными калиткой и входной дверью — очевидно, чтобы хозяйка могла въезжать на своем инвалидном кресле. А больше никаких усовершенствований и попыток что-то пристроить, как-то навести красоту. В палисадничке, рассеченном надвое галечной дорожкой, ни цветка, двери и окна — казенного коричневого цвета. Наверно, подумалось Далглишу, в этом месте испокон веку стоял дом настоящего кожевника, один разрушался или его смывало штормом — ставили другой, чуть выше по проулку. И вот теперь эта красно-кирпичная коробочка постройки XX века вышла на позицию и ждет своего часа. Сам не зная зачем, Далглиш открыл калитку и пошел по садовой дорожке. Вдруг он услышал какой-то звук. Оказывается, не он один проводил тут рекогносцировку. Из-за дома вышла Элизабет Марли. Посмотрела на него без тени смущения и сказала:

— А-а, это вы? Я слышу, кто-то пришел шпионить. Вам чего надо?

— Ничего. Шпионство — мое естественное занятие. А вы, как я понимаю, ищете мисс Кедж?

— Сильвии нет дома. Я думала, может, она заперлась в темном чулане рядом с кухней, но там тоже нет. Меня прислала тетя. Якобы затем, чтобы справиться, как Сильвия себя чувствует после вчерашнего обморока. Но на самом деле ей нужно успеть заманить ее к себе для диктовки, чтобы не перебежали дорогу Оливер Лэтем или Джастин. Теперь за Прекрасную Кедж пойдет конкурентная борьба, а ей того и надо. Конечно, кому не захочется иметь отличную машинистку по два шиллинга за тысячу слов со своей копиркой?

— Неужели Сетон ей так мало платил? Почему же она от него не уходила?

— Такая преданная. Или изображала преданность. Не уходила, значит, имела свои причины. Ей ведь непросто найти подходящую квартиру в Лондоне. Интересно, сколько ей теперь достанется по завещанию? Она вообще обожает строить из себя эдакое трогательное существо, такая она безотказная, безответная, совсем бы перешла к тетечке с радостью, но не в силах бросить бедного мистера Сетона на произвол судьбы. Тетя, конечно, все принимает за чистую монету. Она ведь сообразительностью не отличается.

— Между тем как вы каждого видите насквозь и всех разложили по полочкам. Но вы же не хотите сказать, что кто-то убил Мориса Сетона с целью заполучить его секретаршу?

Она сердито повернулась к нему, некрасивое лицо ее пошло красными пятнами.

— Мне до этого никакого дела нет, кто убил да почему! Знаю только, что не Дигби Сетон. Потому что лично встретила его в среду вечером с поезда. А если вас интересует, где он был во вторник вечером, могу вам сказать. Пока мы ехали со станции, он мне сам признался. Он с одиннадцати вечера сидел в полицейском участке «Уэст сентрал». Задержанный за езду в пьяном виде. И отпустили его утром в среду. Так что ему повезло, он

полсуток провел на глазах у полиции, с одиннадцати вечера во вторник до одиннадцати утра в среду. Опровергните это алиби, если сможете, мистер суперинтендант!

Далглиш мягко заметил, что опровергать алиби должен Реклесс, а не он. Его собеседница пожала плечами, засунула кулаки в карманы и пяткой закрыла калитку «Дома кожевника». Они молча пошли бок о бок по проулку. Внезапно Элизабет сказала:

— Я думаю, тело доставили к воде этой дорогой. Здесь самый удобный спуск и прямо туда, где лежала «Чомга» на песке. Хотя ярдов сто напоследок пришлось бы убийце нести его на себе — проулок слишком узкий для машины и даже для мотоцикла с коляской. Он, должно быть, доехал до Коулсова луга и оставил машину на обочине. Я когда проходила мимо, там двое переодетых сыщиков ползали, искали отпечатки шин. Зря надеются. Кто-то оставил с ночи открытыми ворота, и овцы Коулса все затоптали.

Такие случаи, Далглиш знал, не были редкостью. Фермер Бен Коулс, хозяйствовавший на двух сотнях ярдов неплодородной земли с восточной стороны от Данвичского шоссе, плохо смотрел за своими воротами, и овцы со свойственным их племени слепым упорством то и дело уходили с пастбища на дорогу. Начиналось настоящее столпотворение — овцы громко блеяли, автомобилисты вовсю сигналили, стараясь оттеснить стадо с обочины, единственного места для парковки. Но эти открытые ворота могли кому-то оказаться на руку; такие овечьи набеги имели давнюю традицию: известно, что в былые контрабандистские времена овец прогоняли по прибрежным тропам каждую ночь, и они успевали затоптать конские следы, прежде чем появлялась с ежеутренним объездом береговая охрана.

Они подошли к перелазу через живую изгородь. Далглишу было дальше, на северную сторону мыса. Он остановился, чтобы попрощаться, и тут девушка неожиданно выпалила:

— Вы считаете меня неблагодарной скотиной, да? Она ведь мне еще и содержание дает. Четыреста фунтов в год вдобавок к стипендии. Да вы, наверно, знаете. Здесь, похоже, все знают.

Кого она имеет в виду, можно было не спрашивать. Далглиш готов был сочувственно ответить, что Селия Кэлтроп никогда не упустит случая воздать должное собственной щедрости. Но что его изумило, так это размер суммы. Мисс Кэлтроп повсюду провозглашала, что живет на одни гонорары: «Ах, я бедненькая, у меня ни гроша за душой, все приходится зарабатывать тяжким трудом»,— но никто не понимал этого в том смысле, что она нуждается в деньгах. Книги ее раскупались, работала она много, непомерно много по сравнению с Лэтемом и Брайсом, которые вообще считали, что милой Селии стоит только удобно расположиться в кресле и включить диктофон, как ее низкопробные творения польются свободным и весьма прибыльным потоком. Легко, конечно, ругать ее книги. Но если покупаешь любовь, а цена даже не за любовь, а просто за то, чтобы тебя худо-бедно, но хотя бы терпели, это учение в Кембридже плюс еще четыреста фунтов ежегодно — тут, пожалуй, нужда в деньгах будет немалая. Каждые полгода — по роману; каждую неделю — публикации с продолжениями в «Доме и очаге»; и участие в скучных «круглых столах» по телевидению, всякий раз как агенту удается пристроить; и новеллки под разными псевдонимами в дамских еженедельниках; и безотказное председательство на благотворительных мероприятиях, где за чай, правда, надо платить, зато реклама даровая. Далглишу стало жаль Селию. Все ее бахвальство и чванство, над которыми так потешались Лэтем и Брайс,— это лишь жалкий маскарад, прячущий тоску и одиночество. Может быть, подумалось Далглишу, она в самом деле любила Мориса Сетона? И еще ему подумалось: интересно бы узнать, причитается ли ей что-нибудь по завещанию Сетона?

Элизабет Марли не спешила распрощаться, она продолжала решительно и упрямо загораживать ему дорогу. Далглиш привык, что ему поверяют тайны. Такова сыщицкая профессия. Но сейчас он не на работе. К тому же он-то знает: кто охотнее делится, тот горше потом раскаивается. И обсуж-

дать Селию Кэлтроп с ее племянницей у него совершенно не было охоты. Хорошо бы Элизабет хоть не увязалась за ним до самого «Сетон-хауса». Он оглядел ее украдкой и увидел воочию, куда уходили в значительной части те четыреста фунтов. На ней была меховая курточка с верхом из хорошей кожи. Плиссированная юбка из тонкого твида, похоже, шитая на заказ. Туфли, хоть и уличные, тоже модные. Он вспомнил, как Лэтем однажды в его присутствии сказал, правда, вылетело из головы, по какому поводу: «Элизабет Марли бескорыстно любит деньги. В наше время, когда мы все делаем вид, будто мы выше простой наличности, это даже подкупает».

Она стояла, прислонясь спиной к перелазу, и он не мог пройти.

— Да, конечно, она устроила меня в Кембридж. Для этого нужны деньги и связи, если способности, как у меня, средние. Если ты талантливый, другое дело. Тогда тебя всюду примут. А для нас грешных все зависит от того, в какой школе учился, какие репетиторы тебя готовили и кто тебя рекомендует. Тетя даже это умудрилась устроить. Она удивительно умеет добиваться от людей, чего ей надо. И ничуть не стесняется лезть со своими просьбами, так что ей, конечно, проще.

— Почему вы ее так не любите? — спросил Далглиш.

— Да нет, лично против нее я ничего не имею. Хотя у нас с ней мало общего, вы согласны? Но эти ее писания! Одни так называемые романы чего стоят! Хорошо, что у нас разные фамилии. В Кембридже люди исключительно терпимые. Если бы она, как водовозова жена, делала вид, будто содержит бордель, а сама была скупщицей краденого, никто бы и глазом не моргнул. Но ее колонка в газете! Я готова сквозь землю провалиться. Еще хуже, чем книги. Знаете эту гадость? — Она протянула гнусавым фальцетом: — «Не уступай ему, дорогая. Всем мужчинам нужно одно».

Далглиш про себя подумал, что бывает и так, в том числе и с ним, но предпочел от этой темы уклониться. Он вдруг ощутил себя пожилым, усталым и раздраженным. Собирался человек пройтись один, а уж если не получилось, то нашлись бы спутники приятнее, чем эта надутая и капризная девица. Остальных ее жалоб он просто не слышал. Она понизила голос, а усилившийся ветер относил слова. Разобрал только заключительные фразы:

— ...абсолютно безнравственно, в самом истинном смысле слова. Нарочно хранить девственность как приманку для ловли мужа. И это — в наше время! В нашу эпоху!

— Мне тоже неблизок такой подход,— согласился Далглиш.— Хотя ваша тетя, должно быть, сказала бы, что как мужчина я — сторона заинтересованная. Зато он реалистичный. И нельзя винить вашу тетю за то, что она повторяется, к ней приходят груды писем от читательниц, которые жалуются, что вот в первый раз не послушались ее совета — теперь раскаиваются.

Элизабет дернула плечом.

— Понятно, что ей приходится выражать такие взгляды. Ее бы в этой газетенке держать не стали, если бы она рискнула писать правду. Да она и не умеет писать правду, я думаю. А отказаться от колонки она не может себе позволить. У нее ведь нет других денег, кроме гонораров, а долго ли еще будут покупать ее «чувствительные романы»?

Далглиш уловил в ее тоне нотки искреннего беспокойства. И безжалостно сказал:

— По-моему, вы можете не волноваться. Ее книги будут раскупаться всегда. Она ведь пишет о сексе. Может не нравиться упаковка, но спрос на товар останется. Так что ваши четыреста фунтов на ближайшие три года вам обеспечены.

Сначала он думал, что она залепит ему пощечину. Но она, к его удивлению, вдруг прыснула со смеху и сошла с его дороги.

— Так мне и надо! Нечего драматизировать. Простите, что нагнала скуку. Вы идете в «Сетон-хаус»?

Далглиш ответил утвердительно и спросил, что передать Сильвии Кедж, если она там окажется.

— Сильвии? Ничего. С какой стати вам сводничать для тетечки? А Дигби передайте, что, пока он не устроился, может приходить к нам, мы его всегда накормим. Правда, сегодня к обеду только салат и холодное мясо, так что он немного потеряет, если не придет, но все-таки. Я думаю, ему неприятно было бы пользоваться услугами Сильвии, они друг друга терпеть не могут. Но только не воображайте ничего, господин суперинтендант. Даже если я и соглашаюсь подвезти Дигби со станции и день-другой кормить его обедом, это ровно ничего не значит. Такие, с позволения сказать, мужчины не в моем вкусе.

— Конечно,— сказал Далглиш.— Я так и думал.

Она почему-то покраснела, повернулась и пошла. И тут-то, побуждаемый легким любопытством, Далглиш сказал ей в спину:

— А вот интересно: когда Дигби Сетон позвонил вам и попросил встретить его в Саксмандеме, откуда он знал, что вы не в Кембридже?

Она обернулась и посмотрела ему в глаза без испуга или смущения.

— Я все жду, когда кто-нибудь задаст этот вопрос. Можно было предугадать, что это будете вы. А ответ простой. Я встретилась с Дигби в Лондоне, чисто случайно. Это было во вторник утром на станции метро «Пиккадилли», чтобы уж совсем точно. Я ночевала в Лондоне, и никого со мной не было. Так что алиби у меня нет... Вы расскажете инспектору Реклессу? Хотя чего спрашивать? Конечно да.

— Нет,— возразил Далглиш.— Вы сами расскажете.

11

Морису Сетону повезло с архитектором: его дом обладал главным достоинством загородного жилища — органично вписывался в местность. Серые каменные стены словно росли из вереска, венчая собой вершину холма в самой возвышенной точке на Монксмирском мысу. Северные его окна смотрели на Палтусовую бухту, с юга лежал как на ладони болотистый птичий заповедник и открывался вид на устье Сайзуэлла. Приятное и строгое, без лишних претензий двухэтажное строение в виде буквы L, всего в пятидесяти ярдах от берегового обрыва. По-видимому, этому изысканному произведению архитектуры, точно так же как и мрачным бастионам «Настоятельских палат», было суждено когда-нибудь обрушиться в пучину Северного моря; но пока еще опасность не ощущалась. Высокий скалистый обрыв производил впечатление надежности. Юго-восточная длинная стена дома почти целиком состояла из двустворчатых стеклянных дверей, выходящих на выложенную каменными плитами террасу. Здесь чувствовалось, что Сетон сам приложил руку к планировке — едва ли архитектор по своей инициативе установил на обоих концах террасы большие изукрашенные урны, из которых торчали чахлые, скрюченные на суффолкских ветрах кусты, да еще подвесил между двумя столбами табличку с вычурной готической надписью «Сетон-хаус».

У края террасы был припаркован автомобиль. Но Далглиш и без того знал о присутствии Реклесса. Никого не видя, он чувствовал, что за его приближением наблюдают. Высокие стеклянные двери словно смотрели на него множеством глаз. Одна створка была приоткрыта. Далглиш потянул ее на себя и переступил порог. Ощущение было такое, будто вышел на сцену. Длинная узкая комната, залитая солнцем, словно светом прожекторов. Современный интерьер. В центре у задней стены — полукруглая лестница на второй этаж. Модерная функциональная дорогая мебель тоже казалась временной, как декорация. Какой-то необыкновенный письменный стол — сложное сооружение из полированного дуба чуть не вполстены, со множеством ящиков, поставцов, полок справа и слева от свободной рабочей поверхности, должно быть, специально изготовленное, чтобы соответствовать нуждам хозяина и одновременно служить символом его высокого общественного статуса. На светло-серых стенах — две репродукции известных картин Моне в строгой окантовке.

Четыре человека, обернувшихся навстречу Далглишу, тоже казались актерами, занявшими перед поднятием занавеса заранее отведенные места.

На кушетке, диагонально поставленной в центре, возлежал Дигби Сетон. Он был в лиловом вискозном халате поверх красной пижамы и вполне подходил на роль героя-любовника, если бы не серая сетка-повязка, плотно облегающая голову до самых глаз. Современные перевязочные средства, может быть, и хороши, но пострадавшего не украшают. Похоже было, что у него жар. Хотя, его бы не выписали из клиники в болезненном состоянии, да и Реклесс, следователь опытный и не дурак, не стал бы его допрашивать, не получив «добро» у врача. Но факт таков, что в глазах у Дигби был неестественный блеск, а на обеих скулах — по красному полумесяцу, так что он скорее походил не на любовника, а на циркового клоуна, привлекавшего к себе все взоры пестрым нарядом на сером фоне кушетки. Инспектор Реклесс и его неразлучный сержант Кортни сидели бок о бок за письменным столом. Сейчас, в утреннем освещении, Далглиш впервые разглядел молодого сержанта и нашел, что у него очень приятное лицо — открытое и честное, как на плакатах, где юных и честолюбивых призывают избирать банковское дело. А он вот избрал службу в полиции. И напрасно, подумалось сейчас Далглишу.

Четвертого актера, в сущности, на сцене не было. Только через приоткрытую дверь в столовую Далглиш увидел Сильвию Кедж. Она сидела в своем инвалидном кресле, перед ней был поднос со столовым серебром, и она безо всякого воодушевления чистила вилку, словно исполнительница эпизодической роли, знающая, что на нее все равно никто не смотрит. На минуту она встретилась с Далглишем взглядом, и он был потрясен страданием, написанным на ее осунувшемся лице. Но она тут же снова понурилась и возобновила работу.

Дигби Сетон спустил ноги с кушетки, подошел в носках к двери в столовую и пяткой прикрыл створку. Полицейские молчали.

Сетон сказал:

— Прошу меня извинить и все такое. Конечно, нехорошо быть грубым, но у меня от нее мурашки. Черт возьми, я же сказал, что выплачу триста, которые ей завещал Морис! Слава Богу, что вы здесь, суперинтендант! Теперь, надеюсь, дело примете вы?

Для начала хуже не придумаешь. Далглиш резко ответил:

— Нет. Это не по части Скотленд-Ярда. Инспектор Реклесс, наверно, уже объяснил вам, что главный здесь он?

Так ему и надо, этому Реклессу.

Но Сетон заспорил:

— Я думал, всегда полагается обращаться за помощью в Скотленд-Ярд, когда расследуется убийство.

— Откуда вы взяли, что тут убийство? — спросил Реклесс. Он не спеша разбирал бумаги в ящиках стола и даже не посмотрел на Сетона, когда задавал этот вопрос спокойным, ровным, равнодушным тоном.

— Ну а что же еще? Нет, вы скажите, скажите, скажите. Вы же знатоки. А я, например, не понимаю, как мог Морис сам себе отрубить руки. Одну еще куда ни шло. Но обе? Если это не убийство, то я уж и не знаю, что считать убийством. И черт возьми, у вас же тут на месте есть специалист из Скотленд-Ярда!

— На отдыхе, не забудьте,— возразил Далглиш.— Я здесь совершенно в таком же положении, как и вы.

— Ну уж нет! — Сетон присел и нашарил под кушеткой туфли.— Брат Морис не вам завещал двести тысяч. Это же с ума сойти! Прямо не верится. Какой-то мерзавец сводит старые счеты, а я получаю в наследство кучу денег! И вообще, откуда у Мориса такое богатство?

— Частично по наследству от матери, а частично — состояние его покойной жены,— ответил Реклесс. Он кончил перебирать стопку бумаг и стал внимательно просматривать карточки в каталожном ящичке, точно ученый-библиограф.

Сетон насмешливо фыркнул.

— Это вам Петигрю сказал? Петигрю! Слыхали, Далглиш? Если уж Морис нашел себе поверенного, то обязательно по фамилии Петигрю.

Бедняга! С такой фамилией только в нотариусы и идти. Человек приговорен от рождения к роли чинного провинциального нотариуса. Представляете себе? Такой сухощавый, аккуратный, лет шестидесяти и при всех причиндалах: часовая цепочка поперек живота и брюки в полоску. Надеюсь хотя бы, что он умеет составлять завещания, как положено по закону?

— Я думаю, на этот счет вы можете не беспокоиться,— сказал Далглиш. Дело в том, что он знал Чарльза Петигрю, который состоял поверенным также и у его тетки. Фирма была старинная, но нынешний ее глава, наследовавший своему деду, был энергичный и толковый тридцатилетний мужчина, которого со скукой деревенской практики мирила лишь близость моря и страсть к парусному спорту. Далглиш спросил: — Вы, стало быть, обнаружили завещание?

— Вот оно,— ответил Реклесс и протянул ему листок плотной бумаги. Далглиш пробежал текст глазами. Он был короткий, много времени на ознакомление не понадобилось. Морис Сетон сделал распоряжение, чтобы его тело было отдано на медицинские исследования, а впоследствии кремировано. Далее говорилось, что он оставляет 2000 фунтов Селии Кэлтроп «в знак признательности за сочувствие и понимание в связи с кончиной моей дорогой супруги» и 300 фунтов Сильвии Кедж «при условии, что ко времени моей смерти она проработает у меня десять лет». Остальное имущество отходило Дигби Кеннету Сетону, под опекой, пока он не женат, после женитьбы — безоговорочно. Если же он умрет прежде брата или если умрет холостым, все имущество переходит в безусловное владение Селии Кэлтроп.

Сетон сказал:

— Бедняга эта Кедж! Потеряла триста фунтов — двух месяцев недобрала. Оттого и вид у нее такой, неудивительно. А я, вот ей-богу, понятия об этом завещании не имел! То есть предполагал вроде, что буду наследником после Мориса, он как-то сам сказал, больше-то ему некому было завещать. Мы с ним были не особенно близки, но все-таки дети одного отца, а Морис старика почитал. Но двести тысяч! Видно, ему после Дороти обломилось целое состояние. Смешно, верно? Ведь если вспомнить, их брак уже висел на волоске к тому времени, когда она погибла.

— А у миссис Морис Сетон тоже не было других родственников? — спросил Реклесс.

— Вроде бы нет — на мое счастье, а? Когда она покончила с собой, были какие-то толки о сестре, что надо бы с ней связаться. Или это брат был? Не помню, хоть ты тресни. Во всяком случае, никто не объявился, а в завещании был назван один Морис. Отец у нее занимался перепродажей недвижимости и оставил ей приличный куш. И это досталось Морису. Но все равно — двести тысяч?!

— Может быть, добавились доходы от книг вашего брата? — предположил Реклесс. Он уже кончил просматривать картотеку, но остался сидеть за письменным столом и делал записи в блокноте, как будто бы не обращая внимания на реакцию Сетона. Но Далглиш видел своим профессиональным взглядом, что снятие показаний идет на самом деле точно по плану.

— Да что вы! Морис всегда жаловался, что на его гонорары не проживешь. С большой горечью он это говорил. Теперь, говорил, у нас эпоха сентиментальной дешевки. И кто не выставится на продажу, до того никому дела нет. Списки бестселлеров создаются рекламой, хорошо писать себе дороже, а из-за публичных библиотек книги не раскупают. Все, по-моему, так и есть. Но ему-то чего стараться было, когда у него двести тысяч? А знаете чего? Нравилось быть писателем. Самоуважения ему добавляло. Я думаю так. Я-то никогда не понимал, почему он так серьезно к этому относится. Но и он тоже не понимал, почему я хочу иметь собственный клуб. Вот теперь можно будет и клуб завести. Даже целую сеть клубов, если нормально дело пойдет. Приглашаю вас обоих на открытие. Можете хоть все отделение с собой прихватить. Не придется за казенные деньги просачиваться под видом частных лиц и смотреть, чтобы пили

в меру и чтобы девочки не шалили. Да еще сажать с собой женщин-сержантов, выряженных под туристок-провинциалок. Лучшие столики — в вашем распоряжении, выпивка, закуска — все за счет администрации! Представляете, Далглиш, я ведь мог так шикарно размахнуться с «Золотым фазаном»! Да вот капитала не было. Зато теперь и капитал есть.

— Этого мало, нужна еще законная жена,— безжалостно напомнил ему Далглиш. Он заметил фамилии опекунов, назначенных в завещании Сетона, и не представлял себе, чтобы эти осмотрительные и консервативные господа согласились потратить отданные под их надзор средства на такое предприятие, как новый «Золотой фазан». Он поинтересовался, почему Морису было так важно, чтобы Дигби женился.

— Морис часто поговаривал, что мне пора обзавестись семьей. Его вообще волновали такие вещи, как продолжение рода и прочее. Сам-то детей не народил, я, по крайней мере, не слыхал, и жениться вторично после фиаско с Дороти тоже небось не жаждал. Да и сердце у него было никудышное. А еще он опасался, как бы я не связался с кем-нибудь из голубых. Не хотел, чтобы его деньгами пользовался пидер. Бедняга Морис! Он небось даже и не знал толком, какие они из себя. А вот, поди ж ты, был твердо убежден, что лондонские клубы, особенно в Уэст-Энде,— это все притоны гомосеков.

— Надо же! — сухо отозвался Далглиш. Но Сетон не почувствовал иронии. Он взволнованно спросил:

— Послушайте, вы ведь не сомневаетесь насчет того телефонного звонка в среду поздно вечером? Мне действительно, едва я вошел в дом, позвонил убийца и сказал, чтобы я ехал в Лоустофт. Просто с целью выманить из дому, я считаю. Чтобы у меня не было алиби как раз на время смерти. Иначе вообще непонятно. А так у меня оказывается трудное положение. Обидно, что Лиз не согласилась зайти. Поди теперь докажи, что, когда я приехал, Мориса в доме не было и что я ближе к ночи не отправился с ним прогуляться по пляжу, вооружившись подходящим кухонным ножом. Да, кстати, орудие убийства нашли?

Инспектор ответил отрицательно. И сказал:

— Мне бы очень помогло, мистер Сетон, если бы вы могли подробнее рассказать об этом звонке.

— А я вот не помню больше ничего! — с неожиданной досадой отозвался Сетон.— Вы уж который раз меня спрашиваете, а я вам повторяю, что больше ничего не помню. Я же после этого, черт подери, знаете как шмякнулся головой! Да вы мне скажите, что никакого звонка не было, просто мне примерещилось, я бы и поверил, только, должно быть, все же звонили, иначе бы с какой стати я стал машину из гаража выводить? Устал зверски и вдруг ни с того ни с сего потащился в Лоустофт? Нет, кто-то звонил. Это я точно помню. А вот как звучал голос, уже вспомнить не могу. Не знаю даже, мужской или женский.

— И что именно сказали?

— Да я же вам говорил, инспектор! Сказали, что звонят из лоустофтского полицейского участка и что на берег выбросило труп Мориса в моей лодке и с отрубленными кистями рук.

— Отрубленными или отрезанными?

— Да не знаю я! Вроде бы отрубленными. И я должен немедленно прибыть в Лоустофт для опознания тела. Ну я и поехал. Я знал, где у Мориса ключи от машины, и бак «воксхолла» оказался полон, на счастье. Вернее, на беду. Я едва не гробанулся. Вы, конечно, скажете, сам виноват, я понимаю. Признаю, я сделал по пути пару глотков. А что, разве удивительно? Я уже был совершенно без сил, когда приехал в Монксмир. Со вторника на среду ночь провел черт знает как, полицейский участок «Уэст сентрал» — это вам не отель. А потом еще сколько часов в поезде.

— И тем не менее вы сразу же отправились в Лоустофт, не позаботившись даже проверить? — спросил Реклесс.

— А я проверил! Я когда выехал на шоссе, то подумал, надо

посмотреть, может, «Чомга» на месте, как была. Свернул в Кожевенный проулок, проехал сколько можно и спустился к воде пешком. Смотрю, лодки нет. Ну я и решил: значит, правда. Вы можете, конечно, сказать, что надо было перезвонить в полицейское отделение, но у меня и в мыслях сначала не было, что звонок из полиции мог быть туфтой. А когда пришло в голову, уже в пути, то проще всего было посмотреть, где лодка. Но вот только...

— Да? — ровным голосом отозвался Реклесс.

— Тот, кто звонил, выходит, знал, что я дома. И это не могла быть Лиз Марли, она ведь только отъезжала от ворот, когда зазвонил телефон. Спрашивается, кто еще мог это знать и откуда?

— Могли видеть, как вы входили в дом,— предположил Реклесс.— И потом, вы, наверно, сразу включили свет. А освещенные окна заметны издалека.

— Да, так-то оно так. Свет я всюду зажег, правда. В этом доме, когда темно, меня жуть берет. Но все-таки странновато.

Действительно странновато, подумал Далглиш. Хотя, должно быть, инспектор дал верное объяснение. Свет в окнах «Сетон-хауса» виден на всем мысу. А когда окна погасли, некто по этому признаку мог определить, что Дигби Сетон уехал. Но зачем понадобилось его выманивать? Что-то еще надо было сделать в доме? Отыскать и уничтожить улику? Или в это время в одной из комнат лежало тело Мориса? Но этого не могло быть, если Дигби говорит правду и лодка тогда с берега уже исчезла.

Дигби вдруг спросил:

— А что я должен делать насчет тела, чтобы передать его на медицинское исследование? Морис никогда не говорил, что интересуется медицинскими исследованиями. Но раз это его воля...

Он перевел вопросительный взгляд с Далглиша на Реклесса. Инспектор ответил:

— Об этом вам не стоит сейчас беспокоиться, сэр. Ваш брат оставил все необходимые распоряжения и оформленные бланки. Но придется повременить.

— Да, конечно, я понимаю... Просто я не хотел бы... Раз Морис так решил...

Дигби растерянно замолчал. Возбуждение его заметно спало, он выглядел очень усталым. Далглиш и Реклесс переглянулись, они оба подумали, что тело Мориса Сетона едва ли будет представлять какую-то ценность для медицинских исследований после того, как с ним разделается Уолтер Сиднем, выдающийся и методичнейший специалист и автор учебника по судебной медицине, где на первой же странице патологоанатому рекомендуется начинать с сечения от горла до паха. Разве что руки и ноги Мориса Сетона еще сгодятся для практики первокурсников, хотя вряд ли он это имел в виду. Впрочем, его тело уже послужило медицинской науке.

Реклесс собрался уходить. Он объяснил Дигби Сетону, что от него потребуется присутствие на предварительном дознании — это было встречено довольно кисло,— и стал складывать бумаги с удовлетворенным видом страхового агента по окончании удачного рабочего дня. Дигби наблюдал за ним, как ребенок, которому надоели взрослые, но все-таки лучше, чтобы они не уходили. Застегивая ремни портфеля, Реклесс задал свой последний вопрос, задал небрежно, как бы не особенно интересуясь ответом:

— Вам не кажется странным, мистер Сетон, что ваш единокровный брат назначил своим наследником вас, притом что вы как будто бы не были с ним особенно близки?

— Но я же объяснил! — чуть не взвыл Сетон.— Ведь больше же никого родных нет. И у нас вообще отношения были вполне ничего. Я всегда старался с ним ладить. Не так-то это было и трудно, надо сказать,— только подольститься немного, книги его безобразные похвалить, проявить внимание. Я вообще стараюсь с людьми ладить по возможности. Всякие там ссоры, разборы — это не в моем вкусе. Долго его переносить я бы, конечно,

не смог, но мы и общались нечасто. Последний раз виделись в конце августа, в дополнительный выходной, я же вам говорил. А он страдал от одиночества. И, кроме меня, у него никого родных не осталось. Ему хотелось верить, что мы — близкие люди.

Реклесс сказал:

— Значит, вы поддерживали с ним отношения ради денег. А он с вами — чтобы не страдать от одиночества?

— А что же. Такова жизнь,— нисколько не смутившись, ответил Сетон.— Нам всем друг от друга что-то нужно. Вас, инспектор, кто-нибудь любит просто так, ни за что?

Реклесс встал и вышел через открытую стеклянную дверь. Далглиш вышел следом, и они молча постояли на каменной террасе. Ветер посвежел, но солнце по-прежнему сияло, разливая золотой теплый свет. По сине-зеленой поверхности моря шквалистый ветер гнал, как легкие бумажки, несколько белых парусов. Реклесс присел на ступени, ведущие на узкую лужайку, позади которой берег круто обрывался к воде. Далглиш почувствовал, что, возвышаясь над сидящим Реклессом, он как бы имеет над ним лишнее преимущество, и тоже опустился рядом. Каменные ступени оказались неожиданно холодными, напомнив о том, как слабосильно тепло осеннего солнца.

Инспектор сказал:

— Тут нет спуска к морю. Казалось бы, Морису Сетону естественно было иметь свой отдельный выход на пляж. По Кожевенному проулку крюк получается.

— Здесь довольно высокий обрыв и не на всех уровнях каменный. Ступени были бы непрочные,— предположил Далглиш.

— Возможно. Странный он, похоже, был человек. Аккуратист. Педант. Взять, к примеру, ту картотеку. Он собирал сюжеты из газет, журналов, от людей. А иногда и сам придумывал. И все аккуратно заносил на карточки, вдруг когда-нибудь пригодится.

— А та идея, что ему мисс Кэлтроп подкинула?

— Ее в картотеке нет. Но это еще ничего не значит. Сильвия Кедж говорит, что при Сетоне двери обычно не запирались. Здесь, на мысу, похоже, вообще запирать двери не принято. Кто угодно мог зайти и карточку вынуть. И точно так же кто угодно мог ее прочитать. Соседи приходят, уходят, когда вздумается. Одиночество их гонит, надо полагать. Если, конечно, принять за факт, что Сетон действительно записал на карточку ее подсказку.

— И что мисс Кэлтроп действительно ему это подсказала.

Реклесс посмотрел на Далглиша.

— Вы тоже об этом подумали? А как вам показался Дигби Сетон?

— Дигби как Дигби. Довольно трудно понять душу человека, для которого предел мечтаний — открыть собственный клуб. Хотя и он, наверно, не понимает, почему мы пошли в полицейские. Насколько я знаю Дигби, он не мог замыслить такое убийство, у него на это не хватит ни ума, ни характера. Он человек прежде всего неумный.

— Дигби весь вечер во вторник и ночь на среду проторчал в каталажке, я звонил в отделение, узнал. Все чистая правда. И мало того, он еще был пьян. Без притворства.

— Как удобно для него получилось.

— Иметь алиби всегда удобно, мистер Далглиш. Но бывают такие алиби, за опровержение которых, на мой взгляд, нет смысла браться, например, это. Более того, если он сейчас не прикидывался, он ведь думает, что орудие убийства — нож. И что Сетон умер вечером в среду. А Морис не мог находиться живой в этом доме в среду, когда Дигби приехал с Элизабет Марли. Это еще не значит, что его тело не могло здесь быть. Но я не представляю себе Дигби в роли рубщика мяса и не представляю себе, зачем ему было рубить. Даже если он обнаружил в доме труп и потерял голову от страха, человек его склада просто оглоушит себя спиртом и рванет обратно в Лондон, но не станет устраивать эдакую шараду. А он свалился в канаву

на Лоустофтском шоссе, не на Лондонском. И вообще, откуда ему было знать про ту блестящую идею, что мисс Кэлтроп подкинула Морису?

— Ему могла рассказать Элизабет Марли, когда они ехали сюда.

— Зачем бы она стала рассказывать такие вещи Дигби Сетону? Неподходящая тема для разговора в дороге. Ну ладно. Допустим, она знала. И допустим, рассказала Дигби, или еще каким-то образом ему это стало известно. Он входит в дом и видит мертвое тело брата. И тут же принимает решение инсценировать загадочную картинку, как в настоящем детективном боевике, отрубает у Мориса руки и отправляет его в плаванье по морю. Но для чего? И чем он рубил? Я же видел тело и ручаюсь, что руки отрублены, не отрезаны, не отпилены, а именно отрублены. Вот вам и кухонный нож. Топор Сетона благополучно лежит в кладовке. А топор вашей тети — если это он служил орудием — был выкраден три месяца назад.

— Значит, Дигби Сетон исключается. А остальные?

— У нас было время только на предварительную проверку. Сегодня после обеда буду снимать с них формальные показания. Но похоже, у них у всех есть какое-то алиби на время смерти Сетона. У всех, кроме мисс Далглиш: оно и понятно, когда человек ведет такой замкнутый образ жизни.

Не произошло никакой перемены в монотонном, невыразительном голосе инспектора. И сумрачный его взгляд остался по-прежнему устремлен в морскую даль. Но Далглиш все понял. Так вот, значит, зачем его пригласили в «Сетон-хаус». И вот почему инспектор Реклесс неожиданно оказал ему такое доверие. Он представил себе ход мыслей Реклесса. Пожилая незамужняя женщина, живет одна, ни с кем почти не знается. Где она находилась в момент смерти Сетона и в среду, когда его тело было спущено в море, никто показать не может. Возле ее дома, почти по ее участку, проходит спуск на пляж. Где оставлена вытащенная на берег лодка «Чомга», она знала. Женщина крепкая, подвижная, не горожанка, без малого шести футов ростом, привыкла к далеким прогулкам, не боится темноты.

Правда, тут не видно мотива. Ну и что из того? Хотя Далглиш и сказал ей сегодня утром, что мотив интересует следователя в первую голову, но на самом деле это вовсе не главное. Уж он-то знает: если логично разобраться «где?», «когда?» и «как?», то неизбежно придешь и к ответу на вопрос «почему?», который сам по себе дает для следствия ничтожно мало! Как говорил учитель и шеф Далглиша, любовь, страсть, ненависть и корысть — вот и все возможные мотивы убийства. Схематически это верно. Но в реальной жизни сколько людей, столько мотивов. Сейчас, понимал Далглиш, Реклесс уже перебирает в своей отравленной памяти все аналогичные случаи, когда ростки подозрительности, одиночества и иррациональной неприязни вдруг расцветали пышным цветом насилия и смерти.

Внезапно Далглиша разобрала злость, такая сильная, что на несколько секунд парализовала речь и даже мысль. Окатила волной тошноты и отхлынула, оставив его бледным, беспомощным и дрожащим от отвращения к самому себе. Слава Богу, что со злости он на минуту онемел и не успел дать волю глупому сарказму и негодованию, не произнес напыщенно, что, мол, его тетка, разумеется, будет давать показания только в присутствии адвоката. Не нужен ей адвокат. У нее же есть он. Однако! Отдохнул, называется.

Послышался скрип колес — из стеклянной двери на террасу выкатила в инвалидном кресле Сильвия Кедж и подъехала туда, где сидели они. Она ничего не говорила, а только безотрывно смотрела на подъездную аллею. Проследив за ее взглядом, они увидели, что с шоссе к дому сворачивает почтовый фургон, маленький и яркий, как игрушка.

— Почта,— хрипло произнесла она.

Руки ее, заметил Далглиш, сжимали поручни кресла с такой силой, что побелели суставы. А когда фургон подъехал и затормозил перед террасой, она вытянулась и замерла, полупривстав в кресле. Среди тишины, наступившей, когда выключили мотор, стало слышно ее возбужденное дыхание.

Почтальон хлопнул дверцей и с бодрым приветственным возгласом подошел к ним. Девушка не отозвалась на приветствие. Почтальон отвел недоуменный взгляд от ее застывшего лица, посмотрел на неподвижных мужчин и протянул почту Реклессу. Инспектор принял коричневый конверт большого формата с машинописным адресом.

— Еще один такой же, как вчера, я ей передал, сэр,— пояснил почтальон, кивая на Сильвию. Но, так и не дождавшись ни от кого ответа, отошел, пятясь и желая всем доброго утра.

Реклесс проговорил, обращаясь к Далглишу:

— Адресовано Морису Сетону, эсквайру. Опущено либо поздно вечером в среду, либо рано утром в четверг, в Ипсуиче, штемпель вчерашний, дневной.

Он держал письмо осторожно, за один угол, по-видимому, заботясь о том, чтобы не оставить лишних отпечатков. Ловко надорвал большим пальцем конверт. И вынул лист бумаги, покрытый машинописью через два интервала.

Реклесс принялся читать вслух:

— «В виду суффолкского побережья дрейфовала небольшая парусная лодка, на дне ее лежал труп с отсеченными кистями рук. Покойник был мужчина средних лет, маленький, молодцеватый, обряженный в элегантный темный костюм в белую полоску, так же безупречно сидящий на мертвом, как прежде сидел на живом...»

Сильвия Кедж протянула руку:

— Дайте посмотреть.

Реклесс, поколебавшись, поднес листок к ее лицу.

— Это он написал,— сдавленным голосом проговорила Сильвия.— Он. И машинка его.

— Возможно,— сказал Реклесс.— Но не он отправил. Даже если письмо опущено вечером в среду, этого не мог сделать он, так как был к тому времени мертв.

Но она закричала:

— Это он печатал! Говорю вам, я его работу знаю. Печатал он! А ведь у него нет рук!

И зашлась в приступе истерического хохота. Хохот громким эхом отдался на мысу, спугнул стаю чаек, они вдруг сорвались с берегового обрыва и закружились белым вихрем, тревожно крича.

Реклесс равнодушно смотрел на выгнутое тело и разинутый рот Сильвии, не делая ни малейшей попытки как-то ее успокоить, привести в чувство. В стеклянных дверях вдруг появился Дигби Сетон, нелепая серая повязка подчеркивала бледность его лица:

— Черт, в чем дело?..

Реклесс посмотрел на него без всякого выражения и ответил своим ровным тусклым голосом:

— Мы получили письмо от вашего брата, мистер Сетон. Правда же, как чудесно?

12

Утихомирить Сильвию Кедж удалось далеко не сразу. Истерика была настоящая, без притворства. Но Далглиша удивляло, почему она так расстроена. Изо всех обитателей Монксмира всерьез потрясена и подавлена смертью Мориса Сетона была одна мисс Кедж. И ее нервный срыв не вызывал подозрений. Она и выглядела, и держалась так, как будто едва-едва владела собой — и вот сорвалась. Но потом опять с усилием взяла себя в руки и наконец оправилась настолько, что можно было везти ее домой. Сопровождал ее Кортни, которого совершенно покорило ее осунувшееся лицо и страдальческие глаза,— он покатил ее инвалидное кресло вниз по Кожевенному проулку трепетно, как молодая мать, являющая враждебному миру свое хрупкое новорожденное чадо. Далглиш вздохнул с облегчением. Он убедился, что присутствие Сильвии Кедж ему в тягость, и стыдился своего чувства, понимая, что это нехорошо с его стороны и ничем не

оправдано. Она отталкивала его физически. Для соседей Сильвия была средством удовлетворить свой инстинкт сострадания без особых затрат и зная при этом, что им вернется сторицей. Ее, как нередко бывает с убогими в обществе, одновременно и баловали, и эксплуатировали. А вот интересно, что она-то обо всех них думает? Далглиш корил себя, что не испытывает к ней должной жалости, но он не мог без неприятного ощущения наблюдать, как она ловко пользуется своей немощью. Хотя это же ее единственное оружие! И, презирая молодого сержанта за наивность и мягкосердечие, а себя — за бесчувственность, Далглиш отправился в «Пентландс» обедать. Обратно он шел по грунтовке. Так было дольше и менее живописно, но Далглиш очень не любил возвращаться по своим же следам. Путь лежал мимо жилища Джастина Брайса. И когда он поравнялся с его домом, на втором этаже открылось окно, хозяин высунул голову на длинной шее и позвал:

— Милый Адам, зайдите ко мне. Я вас специально подкарауливаю. Знаю, вы тут собираете сведения для этого вашего скучного приятеля — инспектора, ну да Бог с вами. Оставьте ваше орудие устрашения за дверью и зайдите налейте себе что по вкусу. Я сию минуту спущусь.

Далглиш, поколебавшись, толкнул дверь и вошел. Маленькая неприбранная гостиная Брайса служила своего рода хранилищем для всяких пустяков, которым не нашлось места в лондонской квартире. Решив не пить без хозяина, Далглиш крикнул наверх:

— Он вовсе не мой скучный приятель, а очень толковый полицейский офицер!

— Несомненно, несомненно,— голос Брайса звучал приглушенно, он, по-видимому, как раз натягивал через голову какую-то одежду.— Такой толковый, что мне надо глядеть в оба, не то он сцапает меня моментально. Полтора месяца назад меня задержали за превышение скорости на шоссе А 13, и офицер, с которым пришлось объясняться, эдакий ражий детина со взором василиска, держался крайне нелюбезно. Я написал жалобу начальнику полиции. И разумеется, это был роковой шаг с моей стороны. Теперь-то я понимаю. Они мне спуску не дадут, будут сводить счеты. Моя фамилия значится у них в специальном черном списочке, можно не сомневаться.

Он успел спуститься по лестнице, и Далглиш, к своему удивлению, увидел, что он действительно взволнован. Пробормотав слова утешения, Далглиш принял от него рюмку хереса — у Брайса напитки всегда были высшего качества — и уселся в прелестное викторианское кресло с высокой спинкой — недавнее приобретение в хозяйстве.

— Ну-с, Адам, как это говорится, давайте выкладывайте, что Реклессу удалось разузнать?

— Он со мной не очень-то делится. Могу вам сказать, что прибыло продолжение рукописи. Стиль уже получше. Описывается труп без рук на дне лодки, и отпечатано на этот раз самим Сетоном.

Далглиш не видел смысла скрывать новость от Брайса. Сильвия Кедж, разумеется, молчать не станет.

— Когда отправлено?

— Вчера в первой половине дня. Из Ипсуича.

Брайс застонал.

— Ну вот, этого только не хватало! Что будешь делать, если как раз был в Ипсуиче в это время? Если часто туда ездишь? За покупками, вы понимаете? И некому засвидетельствовать!

— Я думаю, не только ваши действия некому засвидетельствовать,— утешил его Далглиш.— Мисс Кэлтроп, например, тоже куда-то выезжала. И Лэтем. Да и я сам проехал через Ипсуич. И даже женщина из «Настоятельских палат» куда-то в ту сторону ездила на таратайке. Я видел, как она возвращалась.

— Это Алиса Керрисон. Домоправительница Синклера. Она, я думаю, ездила только до Саутуолда. В булочную.

— Вечером в четверг? Разве у магазинов не короткий день?

— Милый Адам, ну какая разница? Значит, ездила просто так, пока-

таться. Не будет же она гонять лошадь до самого Ипсуича, чтобы опустить в ящик какую-то подозрительную бумагу. Но Сетона она, конечно, ненавидела, это да. Она вела хозяйство в «Сетон-хаусе», пока была жива его жена. Потом, когда Дороти покончила с собой, поступила к Синклеру и с тех пор так и живет у него. Удивительная получилась история! Алиса оставалась с Сетоном вплоть до предварительного разбирательства, а когда вынесли вердикт, ни слова не говоря, собрала вещи, пришла к «Настоятельским палатам» и спросила у Синклера, не будет ли у него для нее работы. Ну а Синклер как раз достиг той стадии, когда жажда самостоятельности уже не распространяется на мытье посуды, и взял ее к себе. Насколько мне известно, ни он, ни она в этом не раскаялись.

— Расскажите мне про Дороти Сетон,— попросил Далглиш.

— О, она была прелестна, Адам! У меня где-то лежит фотография, надо будет вам показать. Психопатка, конечно, страшная, но безумно хороша. На медицинском жаргоне ее болезнь называется маниакально-депрессивный психоз. Только что веселилась до упаду — и вот уже сплошной мрак, прямо чувствуешь, как тебя заражает унынием. Мне это было, разумеется, совершенно не показано. Я и со своими-то психозами не знаю как сладить, не до чужих. Сетон, я думаю, намучился с ней страшно. Пожалуй, даже посочувствуешь ему — если бы не бедняжка Арабелла.

— А как она погибла? — спросил Далглиш.

— О, это кошмар, ужас! Сетон повесил ее на крюке для окороков, который торчит из потолочной балки у меня в кухне. Никогда не забуду это висящее тельце, вытянутое, как убитый кролик. Она была еще теплая, когда мы перерезали веревку. Пойдемте, я вам покажу.

И поволок его в кухню.

Только на полпути Далглиш сообразил, что речь идет о кошке. Он чуть не расхохотался, но овладел собой и последовал за Брайсом добровольно. Тот весь трясся от ярости, с неожиданной силой сжимая локоть Далглиша и свирепо замахиваясь на потолочный крюк, словно тот разделял ужасную вину Сетона. Теперь, когда он так горячо переживал заново гибель Арабеллы, выспрашивать его об обстоятельствах смерти Дороти Сетон было, по-видимому, бесполезно. Далглиш сочувствовал Брайсу. Он и сам любил кошек, хотя не так громогласно. Если человек действительно из мести и злобы убил сиамскую красавицу, его как-то не жаль. А главное, у такого человека наверняка имелось много врагов.

Далглиш поинтересовался, кто обнаружил Арабеллу.

— Сильвия Кедж. Она пришла поработать под мою диктовку, а я ехал из Лондона и задержался, приехал на пять минут позже нее. Она успела вызвать по телефону Селию Кэлтроп, чтобы та срезала Арабеллу, самой ей было не достать. Естественно, они обе встретили меня страшно расстроенные, Сильвию даже затошнило. Нам пришлось подкатить ее кресло к кухонной раковине, и ее вырвало прямо на мою немытую посуду. Но не буду распространяться о моих переживаниях. Хотя я думал, вам известно все в подробностях, я же просил мисс Далглиш написать вам, может быть, вы смогли бы приехать и доказать, что это дело рук Сетона. От местной полиции невозможно было добиться проку. Подумайте, какой бы поднялся шум и крик, если бы это был человек. Например, Сетон. Просто смешно. Я совсем не так сентиментален, чтобы считать, будто люди важнее, чем другие формы жизни. И вообще нас слишком много, и редко кто из нас умеет радоваться жизни и радовать других. К тому же мы безобразны. Да. Мы уроды. Вы знали Арабеллу, Адам. Ведь это такая красота! Смотришь, душа радуется. Жизнь наполняется смыслом.

Далглишу претили подобные словеса, но он высказался с надлежащей похвалой о кошке Арабелле, которая действительно была красавица и сама это прекрасно сознавала. Его тетя Джейн писала ему в свое время об этом происшествии, естественно не упомянув о просьбе Джастина Брайса, чтобы он приехал и занялся расследованием. О том, что никаких улик против Сетона не было, он сейчас Брайсу напоминать не стал. Было много злобы, вражды и подозрений, но минимум разумного анализа.

Впрочем, возвращаться к расследованию этой истории сейчас он был совершенно не склонен. Выманив Брайса из кухни обратно в комнату, он снова задал ему вопрос, как умерла Дороти Сетон.

— Дороти? Она уехала на осень отдыхать в Ле-Туке с Алисой Керрисон. К этому времени отношения у них с Сетоном совсем разладились. Она вообще без Алисы шагу ступить не могла, а Сетон, наверно, тоже считал, что пусть при ней кто-то будет для присмотра. Одна неделя прошла, и Сетону стало ясно, что жить с ней он больше не в силах. Он написал, что хочет разъехаться. Точно, что там в письме было, никто не знает, но Алиса Керрисон присутствовала при том, как Дороти его вскрыла, и она показала на предварительном разбирательстве, что миссис Сетон сразу ужасно расстроилась и велела немедленно собираться домой. Сетон писал то письмо в «Клубе мертвецов», они вернулись в пустой дом. По словам Алисы, Дороти держалась вполне нормально, спокойно и даже бодрее обычного. Алиса принялась готовить ужин, а Дороти что-то писала за своим столом. Потом поднялась и сказала, что пойдет прогуляться по пляжу, хочет посмотреть луну на волнах. Она добрела до того места, куда выходит Кожевенный проулок, разделась донага, аккуратно сложила одежду, придавила камнем и вошла в воду. Тело нашли только через неделю. Что это самоубийство, не было сомнений, под камнем она положила записку, что никому не нужна, ни себе, ни другим, она в этом убедилась и решила покончить с собой.

— А что сталось с письмом от Сетона?

— Его не нашли. Среди вещей Дороти его не было, и Алиса не видела, чтобы она его уничтожила. Но Сетон не скрывал его содержания. Он очень сожалеет, он хотел сделать как лучше. Так продолжаться больше не могло! Я только через два года понял, до чего его довела жизнь с Дороти,— когда посмотрел его пьесу. Там изображается брак с психопаткой, только убивает себя муж, а не жена. Естественно. Сетон хотел фигурировать в главной роли. Не в прямом смысле, конечно. Хотя мог бы сыграть сам себя и на подмостках. Уж наверно, вышло бы не хуже, чем у бедняги Барри. Но актеров винить нельзя. Это такая плохая пьеса, Адам! Притом что написана очень искренне и с большой болью.

— Вы присутствовали на премьере?

— Сидел в третьем ряду партера, в самой середине, мой милый. И не знал, куда деваться от неловкости. А Сетон в ложе. И с ним — Селия. Дама, надо признать, достойная кавалера, он мог гордиться: сверху до пояса практически никакой одежды и обвешана побрякушками, как рождественская елка. Может быть, Сетон хотел, чтобы ее сочли его любовницей? Мне кажется, наш Морис любил строить из себя проказника. Вы себе не представляете, мой милый, это зрелище — просто очередная королевская чета в изгнании. У Сетона была даже какая-то медаль в петлице, кажется, за службу в местной береговой охране. Я сидел с Полом Маркемом, он так тонко воспринимает искусство, он заливался слезами к концу первого акта. И, по меньшей мере, треть публики, надо признать, тоже, но они, я думаю, просто от смеха. Мы удалились в первом же антракте и остаток вечера пили в ресторане «Молони». Я готов терпеть всякие страдания, при условии, что они — чужие, но публичная казнь — это все же слишком. А Селия мужественно досидела до конца. У них даже потом был банкет в «Айви-клубе». Вспоминая этот спектакль, я говорю: о Арабелла, ты отмщена!

— А рецензия Лэтема, как я слышал, была из разряда самых зубодробительных? Как вам кажется, в его нападках не было ничего личного?

— Да нет, я бы не сказал.— Брайс смотрел на Далглиша большими, младенчески невинными глазами, но Адам знал, что за ними скрывается интеллект, к которому он питал глубокое уважение.— Оливер совершенно не выносит плохую литературу и плохую актерскую игру, а когда они сочетаются, он просто звереет. Так что если бы это Оливера нашли мертвым с обрубленными кистями, можно было бы понять. Чуть не любая из нынешних подержанных красоток без среднего образования, которые шныряют по Лондону и воображают себя актрисами, с радостью бы с ним рассчиталась таким образом, если бы умишка хватило.

— Но Лэтем был знаком с Дороти Сетон?

— Право, Адам, ну что вы так: знаком, знаком. Чересчур примитивно, мой милый. Разумеется, был. Здесь все с ней были знакомы. У нее была привычка ни с того ни с сего вдруг заявляться в гости. Иногда в трезвом виде, иногда нет, но так или иначе, это неудобно.

— Они с Лэтемом не были любовниками? — в лоб спросил Далглиш Брайса. Тот, как и следовало ожидать, не был ни шокирован, ни удивлен. Закоренелый сплетник, он питал неутолимый интерес к людям и, конечно, сам задавался аналогичным вопросом, когда видел, что знакомые мужчина и женщина проявляют склонность к общению друг с другом.

— Селия утверждала, что да, но чего же от нее еще ожидать? Бедняжка, она не в состоянии себе представить никаких других отношений между гетеросексуальным мужчиной и миловидной женщиной. И в применении к Лэтему это, по всей видимости, справедливо. Трудно осудить Дороти, запертую в стеклянном доме с Сетоном. Ведь это такая скука! И у кого бы она ни искала утешения — ее право, лишь бы не у меня.

— Но вы не думаете, что Лэтем был к ней по-настоящему привязан?

— Не знаю. Едва ли. Бедный Оливер страдает от отвращения к самому себе. Преследует женщину, а когда она влюбляется, начинает ее презирать за неразборчивость. Бедняги они все, зря стараются. Утомительно, должно быть, плохо к себе относиться. А вот я, слава Богу, нахожу себя обаятельным.

Его обаяние уже переставало действовать на Далглиша. Он взглянул на часы — без четверти час! — объявил, что его ждет обед, и собрался уходить.

— Но вы же хотели взглянуть на фотографию Дороти. Где-то она у меня есть. Даст вам представление о ее прелестной наружности.

Брайс поднял крышку бюро и стал рыться в пачках бумаг. На взгляд Далглиша, дело выглядело безнадежно. Но в хаосе у Брайса, по-видимому, была своя система, ибо не прошло и минуты, как он нашел, что искал. И поднес снимок Далглишу.

— Снимала Сильвия Кедж как-то в июле, когда мы устроили пикник на пляже. Она вообще увлекается фотографией.

Снимок был, конечно, любительский, групповой, на фоне яхты «Чомга». Вся компания: Морис и Дигби Сетоны; Селия Кэлтроп с букой-девочкой, в которой можно было узнать Лиз Марли; Оливер Лэтем и сам Брайс. Дороти Сетон в купальном костюме стояла, облокотясь о корпус яхты, и с улыбкой смотрела в объектив. Отпечатанный вполне четко, снимок, однако, мало что сказал Далглишу. Женщина как женщина, довольно хорошенькая, с неплохой фигурой, умеющая принять выигрышную позу. Только и всего.

Брайс заглянул ему через плечо. И словно заново убедившись в коварстве времени и предательстве памяти, грустно сказал:

— Надо же... Это совсем не дает о ней представления... Я думал, он гораздо лучше...

Брайс проводил его до ворот. В то время как Далглиш прощался, по улице, переваливаясь, как рыдван, подъехала автомашина-универсал и с ходу остановилась. Из нее выскочила крупная темноволосая женщина с мускулистыми ногами в белых носочках и детских сандалиях, и ее появление Брайс приветствовал радостными возгласами:

— Миссис Бейн-Портер! Неужели вы их привезли? Правда? Как это бесконечно мило с вашей стороны!

Густой аристократический дамский бас миссис Бейн-Портер, натренированный наводить страх на низшие сословия в империи и разноситься по хоккейному полю сквозь завыванье вьюг, отчетливо прогудел, сотрясая барабанные перепонки Далглиша:

— Вчера я получила ваше письмо и подумала, что надо рискнуть. Привезла вам троих самых хороших из помета. В домашней обстановке выбирать всегда вернее. И для них тоже лучше.

Была открыта задняя дверца машины, и миссис Бейн-Портер

с помощью Брайса осторожно достала три кошачьи корзинки, из которых немедленно раздались трехголосые завывания контрапунктом к басу миссис Бейн-Портер и радостному фальцету Брайса. Вокальный ансамбль скрылся в дверях дома, а Далглиш в задумчивости побрел на встречу со своим обедом. Маленькая деталь, может быть, пустячная, а может, очень многозначительная: если миссис Бейн-Портер получила от Джастина Брайса письмо в четверг, значит, оно было отправлено самое позднее в среду. А это означает, что в среду Брайс либо решил бросить вызов кошкоубийце Сетону, либо же знал, что опасности уже больше не существует.

13

В пятницу после обеда все подозреваемые, кто пешком, кто на машине, прибыли или были доставлены в маленькую гостиницу на окраине Данвича, в которой расположился Реклесс со своими сотрудниками, и там с них были официально сняты показания. В Монксмире всегда считали, что «Зеленый человечек» предназначен для обслуживания местных жителей, что он — своего рода местный клуб, и то, что инспектор сделал его своим штабом, вызвало с их стороны осуждение, нарекания: все-таки это бестактно, и вообще человек о других не думает. Особенно негодовала Селия Кэлтроп, всех реже там бывавшая. Просто безобразие, что Джордж Прайк согласился предоставить «Зеленого человечка» для таких неблаговидных целей. Нет, она лично больше не сможет покупать у него херес, ведь при каждом глотке на ум будет приходить инспектор Реклесс, и посещение бара повлечет за собой душевные травмы. Лэтем и Брайс тоже не одобряли Реклесса. Он с первого взгляда им не понравился, и теперь, присмотревшись получше, они только укрепились в своей неприязни. Возможно, как предположил Брайс, на их отношение повлияло близкое знакомство с несравненным инспектором Бриггсом, идеальным сыщиком из романов Сетона. Рядом с ним реальный Реклесс совершенно не смотрелся. Бриггс, или Бриггси, как его иногда надменно-панибратски именует в книгах его милость высокородный Мартин Керрадерс, обладает одним важным достоинством, которого нет у Реклесса: он знает свое место. Он хоть и занимает в Скотленд-Ярде важную должность, однако всегда готов играть вторую скрипку при Керрадерсе и мало того, что не против вмешательства высокородного Мартина в следствие, но даже сам его приглашает, когда требуется его авторитетное мнение. А так как тот является неоспоримым авторитетом по части вина, женщин, геральдики, помещичьих родов, экзотических ядов и некоторых подробностей творчества малоизвестных поэтов-елизаветинцев, его мнение очень часто оказывалось незаменимым. Инспектор Бриггс, ворчал Брайс, не выживает людей из их любимых кабаков и не смотрит на них в упор черными, сумрачными глазами, словно слышит из того, что ему говорится, дай Бог половину, да и тому не верит. И не обращается с писателями как с обыкновенными смертными, разве что умеющими сочинить себе алиби позаковыристее. У инспектора Бриггса подозреваемые, если им и приходится давать официальные показания, могут делать это в удобной обстановке у себя дома, а полицейские чины им подобострастно прислуживают, и тут же находится Керрадерс, всегда готовый тактично одернуть Бриггса, если тот все-таки зарвется.

Они являлись к Реклессу поодиночке, стараясь меньше попадаться друг другу на глаза; если в четверг разговор шел в открытую, прямой, то теперь в их поведении появилась некоторая настороженность. За сутки хватило времени собраться с мыслями, и смерть Сетона воспринималась уже не как причудливое вторжение литературного вымысла в реальность, а как обескураживающий, но бесспорный факт. Поневоле напрашивались кое-какие неприятные выводы. Последний раз живым Сетона видели в Лондоне, однако его изуродованный труп спущен на воду в Монксмире. Чтобы в этом убедиться, не требовалось сложных расчетов, лоций и данных о силе и направлении ветра, скорости прилива и отлива. Сам Сетон, возможно, погиб в Лондоне во время одной из своих экскурсий в криминальный мир «за материалом», но подделанная рукопись, отрубленные руки, телефонные

звонки в «Сетон-хаус» имели скорее местную окраску. Селия Кэлтроп страстно поддерживала гипотезу о шайке лондонских злодеев, но даже и она затруднилась мало-мальски убедительно объяснить, откуда преступники узнали место стоянки «Чомги» и зачем им было привозить труп в Суффолк. «Чтобы навести подозрение на нас» — единственное, что она могла сказать, но это, по всеобщему мнению, влекло за собой больше вопросов, чем предлагало ответов.

Дав показания, они начали усиленно перезваниваться. Осторожно — а то вдруг все-таки подслушивают? — обменивались разрозненными сведениями, слухами, догадками, которые, будучи сопоставлены, могли бы дать общее представление о происходящем. Видеться друг с другом они сейчас опасались, чтобы не услышать и тем более не брякнуть лишнего. Но очень хотелось знать новости.

В «Пентландсе» на звонки всякий раз вежливо и скупо отвечала неумолимая Джейн Далглиш. Прямо попросить к телефону Адама и тем выдать себя с потрохами никто не отваживался, кроме Селии Кэлтроп, однако и она ничего не добилась и предпочитала думать, что ему просто нечего им сообщить. Но между собой они все время переговаривались, ища повод облегчить душу и узнать что-нибудь новенькое и раз от разу все больше теряя бдительность. Обрывочные сведения, часто искажаемые при передаче и нередко подменяющие действительное желаемым, давали вместе весьма неполную и невразумительную картину. Все подозреваемые твердо придерживались своих первоначальных показаний, и ничье алиби на вечер вторника пока не было опровергнуто расследованием. Дама Лэтема действительно с готовностью подтвердила его алиби, но поскольку Реклесс вообще помалкивал, а Лэтем отмалчивался из соображений рыцарства, имени ее, несмотря на общее любопытство, суждено было, похоже, так и остаться неизвестным. Когда обнаружилось, что Элиза Марли, по ее собственному признанию, со вторника на среду ночевала в Лондоне, все пришли в радостное возбуждение, тем более что Селия всем назойливо и неубедительно объясняла, что ее племяннице срочно понадобилось посетить Лондонскую библиотеку. Как заметил Брайс в разговоре с Лэтемом, другое дело — если бы девочка училась в каком-нибудь из новых муниципальных университетов, но в Кембридже, помнится ему, чего-чего, а уж книг всегда хватало. У Брайса и у Лэтема полиция произвела тщательный осмотр автомобилей, но ни тот ни другой особенно не протестовали, и в Монксмире пришли к выводу, что, значит, им нечего скрывать. Еще говорили, доктор Форбс-Денби в присутствии Брайса отбрил по телефону инспектора Реклесса, заявив ему, что никого не касается, звонил ему его пациент или нет, это врачебная тайна. И только когда Брайс почти впал в истерику, умоляя ответить, тот удостоверил, что да, действительно, такое обращение по телефону имело место. Сообщение Селии, что это она подсказала Морису мысль про плывущего по морю мертвеца, получило подтверждение от одного старого уолберсвикского рыбака, который явился к Реклессу с рассказом о том, что мистер Сетон не так давно справлялся у него, куда вынесет приливом лодку с мертвым телом, если пустить ее в море с монксмирского пляжа. Но так как это показание Селии никто не подвергал сомнению, рассказ рыбака особого интереса не вызвал. Поскольку все дружно желали, чтобы возобладала версия о «лондонской шайке злодеев», самое огорчительное было то, что никто, кроме Брайса, не видел в среду в Монксмире никого посторонних. Он вышел в восьмом часу вечера во двор принести дров из сарая, и в это время в проулок с шоссе с ревом въехал мотоцикл и стал разворачиваться у самой его калитки. Для Джастина мотоциклы — это ужасно, шум был немыслимый, и он возмущенно закричал на парня, а тот в отместку несколько раз проехался туда-сюда у него перед домом, сопровождая катание, как выразился Брайс, неприличными жестами. А потом издал на прощание истошный гудок и умчался. Отношение Реклесса к этому свидетельству неизвестно, хотя факт, что он спросил у Брайса, как выглядел мотоциклист, и, наверно, занес бы описание в протокол, сумей Брайс ему вразумительно ответить. Но мотоциклист был

весь в черной коже, на голове шлем и защитные очки, и Брайс сказал только, что тот, по-видимому, был молод и безусловно дурно воспитан. Селия не сомневалась, что это — член шайки. Иначе что бы ему понадобилось в Монксмире?

В субботу к полудню слухи разрослись и приумножились. Дигби получил в наследство сто тысяч, двести тысяч, полмиллиона; сообщение о вскрытии задерживается, так как доктор Сиднем никак не определит причину смерти; Сетон утонул, его задушили, отравили, он истек кровью, умер от удушья; Форбс-Денби заверил Реклесса, что Сетон мог бы еще прожить добрых лет двадцать; что у Сетона сердце могло остановиться в любую минуту; Адам Далглиш с инспектором Реклессом не разговаривают; Реклесс готов арестовать Джейн Далглиш, ему только мотива не хватает; Сильвия Кедж капризничает и отказывается принять от Дигби 300 фунтов наследства; Реклесс со своими подручными явился в пятницу поздно вечером в «Настоятельские палаты», их видели с фонариками на спуске к пляжу; предварительное разбирательство состоится в среду в половине третьего. Разночтений не было только по последнему пункту. Предварительное разбирательство действительно было назначено на среду. На него вызывались Дигби Сетон и Сильвия Кедж. Остальные, получив право выбора, сомневались, как будет воспринято их присутствие, не возбудит ли излишнего любопытства, или, наоборот, развеет подозрения, или просто элементарное благоразумие требует, чтобы они явились из уважения к памяти усопшего.

Утром в субботу стало известно, что инспектор Реклесс ночью выехал на машине из Монксмира в Лондон и ожидается обратно только в воскресенье. Цель его поездки — проверить лондонские алиби, а также ознакомиться с «Клубом мертвецов». Что он выделил на это всего сутки, никого не удивило, он, похоже, уже четко представлял себе, что ищет. Но даже и краткое его отсутствие было облегчением. Словно туман развеялся над Монксмирским мысом. Сумрачный, молчаливый разоблачитель уехал, и стало легче дышать. Но после себя он оставил в сердцах тревогу, и она требовала действий. Все вдруг устремились прочь из Монксмира. Даже Джейн Далглиш с племянником, испытывавших воздействие Реклесса в меньшей степени, чем остальные, рано утром видели у моря — они шагали в сторону Сайзуэлла, обвешанные этюдниками, биноклями и рюкзаками, и было очевидно, что до наступления темноты им не обернуться. Вскоре после этого выехал Лэтем; его «ягуар» пронесся мимо «Дома с розмарином» на скорости шестьдесят пять миль в час, и Селия имела повод колко заметить, что Оливер предпринимает очередную попытку сломать себе шею. Она и Элиза собрались взять с собой Сильвию Кедж и устроить пикник под Олдборо, но Элиза в последнюю минуту передумала и отправилась одна пешком в сторону Уолберсвика. Какие планы были у Дигби Сетона, никто не знал, но когда мисс Кэлтроп позвонила в «Сетон-хаус», чтобы зазвать его с ними на пикник, телефон не ответил. Брайс объявил во всеуслышание, что поедет на распродажу в одну усадьбу под Саксмандемом, где надеется приобрести фарфор XVII века. В половине девятого он уже был далеко, и Монксмир остался в распоряжении приезжих, которые прибывали по одному и по двое в течение дня, оставляли машины в проулке за «Домом кожевника» и разбредались по холмам, да редких пеших туристов из Данвича или Уолберсвика, шагающих через дюны по направлению к птичьему заповеднику.

Но Реклесс, должно быть, возвратился еще в субботу, потому что, когда рассвело, его машина опять стояла у «Зеленого человечка», а в начале десятого сержант Кортни уже обзванивал всех подозреваемых, приглашая прибыть в гостиницу. Тон у него при этом был безупречно вежливый, но ни у кого не возникло ложного впечатления, что будто бы можно явиться, а можно — нет, как захочешь. Впрочем, выполнять приказ никто не торопился, и все, по молчаливому уговору, прибывали порознь. Сильвию Кедж доставил, как и в предыдущие разы, сержант Кортни в полицейской машине. Вообще Сильвия от всего этого явно получала удовольствие.

В гостинице «Зеленый человечек» их ждала портативная пишущая машинка Мориса Сетона. Она стояла на отдельном дубовом столике в баре, низенькая, поблескивающая металлическими частями, словно вышла из рук специалистов по отпечаткам пальцев и экспертов по машинкам новее, чем была. И казалась в одно и то же время заурядной и жуткой, безвредной и убийственной. Из всего имущества, оставшегося от Сетона, это была, пожалуй, самая его близкая, личная вещь. Глядя на блестящие клавиши, невозможно было не подумать с содроганием о кровавых обрубках его рук, не задаться вопросом, куда делись отнятые кисти. Зачем их всех пригласили, догадаться было нетрудно. Каждому было предложено напечатать два прозаических отрывка: про то, как Керрадерс посещает ночной клуб и как по морю в лодке плывет мертвец без рук.

Сержант Кортни, проводивший следственный эксперимент, чувствовал себя исследователем человеческой природы, наблюдения за реакциями испытуемых давали ему очень богатый материал. Сильвия Кедж довольно долго устраивалась за машинкой, а когда приступила к делу, ее сильные, костлявые мужские пальцы молниеносно запрыгали по клавишам, и чуть не мгновенно появились на свет оба отрывка, четко и красиво перепечатанные без единой помарки. Отличная работа всегда внушает уважение, и сержант Кортни смотрел на перепечатанный Сильвией текст почтительно и немо. Мисс Далглиш, появившаяся в «Зеленом человечке» на двадцать минут позже, неожиданно оказалась вполне умелой машинисткой. Когда-то ей приходилось перепечатывать проповеди отца и расписание служб, и она овладела этим искусством с помощью самоучителя. Она печатала, как полагается, всеми пятью пальцами, но не быстро и, в отличие от мисс Кедж, не поднимая глаз от клавиш. Мисс Кэлтроп посмотрела на машинку так, будто впервые видит подобное приспособление, объявила, что печатать не умеет — она работает с диктофоном — и не понимает, зачем ей попусту терять время. Когда же ее все-таки удалось уговорить, провозилась полчаса, результатом чего явились две никуда не годно напечатанные страницы, и она протянула их сержанту с видом отмщенной страдалицы. А сержант Кортни, глядя на ее длинные ногти, дивился, что она вообще все же как-то ударяла по клавишам. Брайс не сразу приступил к работе, но печатал быстро и правильно, хотя и отпускал попутно язвительные замечания о стилистических достоинствах этой прозы. Хмурый Лэтем оказался мастером не хуже мисс Кедж, только стрекот стоял. Мисс Марли предупредила, что машинописью не владеет, но согласна попробовать. Отказавшись от помощи сержанта, она минут пять присматривалась, соображала что и как, а потом взялась за дело и напряженно, слово за словом, перепечатала весь текст. Вышло неплохо, и сержант Кортни мысленно аттестовал ее как вполне толкового работника, вопреки мнению родной тетки, оценивавшей ее способности на «посредственно». У Дигби вообще ничего не получалось, и заподозрить в этом притворство было невозможно. В конце концов, ко взаимному облегчению, сержант его от дальнейших попыток освободил. Как и следовало ожидать, все пробы, в том числе и не состоявшееся произведение Дигби, вышли совершенно не похожими на выданные образцы. Да и удивительно было бы, если бы оказалось иначе,— так считал сержант Кортни, он был убежден, что второй отрывок, а может быть, и первый напечатаны лично Морисом Сетоном. Правда, последнее слово было не за ним. Пробы предназначались теперь к отсылке эксперту, который должен был провести более тщательное сопоставление. Этого сержант подозреваемым не сообщил. Впрочем, их и незачем было просвещать: даром, что ли, они читали романы Мориса Сетона?

Прежде чем жители писательского поселка уехали из «Зеленого человечка», у них сняли отпечатки пальцев. Мисс Кэлтроп, когда очередь дошла до нее, выразила глубокое возмущение. И в первый раз пожалела, что поскупилась пригласить своего адвоката. Зато она щедро поминала его звания и фамилию, а также фамилии местного члена парламента и начальника полиции. Но сержант Кортни так старался ее успокоить, так

очевидно нуждался в ее помощи и был любезен, не сравнить с грубияном-инспектором, что она в конце концов все же сменила гнев на милость и согласилась. «Старая дура,— думал сержант, нажимая по очереди на ее толстые пальцы.— Если и остальные будут так артачиться, я тут провожусь с ними до самого возвращения шефа».

Но остальные вообще не артачились. Дигби Сетон плоско шутил, норовя спрятать нервозность за преувеличенным интересом ко всей этой процедуре. Элиза Марли подчинилась молча, а Джейн Далглиш явно думала о другом. Всех больше недоволен был Брайс. Ему чудилось что-то непоправимо жуткое в этом акте отдачи в посторонние руки знака уникальности собственной личности. Недаром же первобытные люди так заботились, чтобы ни один их волос не достался врагу. С брезгливой гримасой он прижимал к листу палец за пальцем и чувствовал при этом, что жертвует собой.

Оливер Лэтем тыкал пальцем в чернильную подушечку, словно в глаз проклятому Реклессу. А подняв голову, и вправду увидел перед собой инспектора, который неслышно вошел и наблюдал за ним. Сержант Кортни вскочил. Реклесс сказал:

— Добрый вечер, сэр. Это всего лишь формальность.

— Благодарю. Осведомлен. Сержант произнес для моего успокоения все, что в таких случаях полагается. Хотелось бы знать, до чего вам удалось докопаться в городе. Надеюсь, не без приятности провели время, допрашивая мою, как вы тут выражаетесь, «знакомую»? И швейцара в доме, где я живу в Лондоне? Данком, надо надеяться, был готов к сотрудничеству?

— Да, сэр. Все шли мне навстречу, благодарю вас.

— Не сомневаюсь. Даже с радостью. Жизнь в Лондоне сейчас спокойная, скучноватая. А тут такое развлечение благодаря мне, есть о чем посудачить. Ну а поскольку мы все так открыты к сотрудничеству с вами, может быть, и вы нам слегка откроетесь? Или есть какие-то возражения против того, чтобы я знал, как именно умер Сетон?

— Ни малейших, сэр,— в свое время. Мы пока еще не получили заключение медэксперта.

— Вот как? Медленно он у вас работает.

— Напротив, сэр, доктор Сиднем работает очень быстро. Но надо еще сделать некоторые анализы. Случай не вполне очевидный.

— Мягко выражаясь,— кивнул Лэтем.

Он вынул носовой платок и стал тщательно обтирать и без того чистые кончики пальцев. Наблюдая за ним, инспектор негромко сказал:

— Если вам так не терпится, мистер Лэтем, могли бы поспрашивать знакомых. Вы ведь не хуже меня знаете, что кому-то в Монксмире точно известно, как именно умер Морис Сетон.

14

Дигби Сетон после смерти брата зачастил в «Дом с розмарином». Он там обедал и ужинал, а «воксхолл» дожидался его на травянистой обочине перед домом, вызывая пересуды соседей. Что Селия будет поощрять визиты богатого мужчины, тут вопросов не было, но вот чего надо ему, об этом приходилось гадать. Что он прельстился чарами хмурой, неприветливой Элизы или даже что просто избрал ее в качестве средства для овладения капиталом Мориса, таких предположений все же никто не выдвигал. Преобладающее мнение было, что он предпочитает есть домашнюю стряпню Селии — хотя стряпуха из нее никакая,— чем дважды в день кататься в Саутуолд или готовить себе самому. И еще — что он прячется от Сильвии Кедж. Со времени убийства от этой девушки в «Сетон-хаусе» совсем не стало житья, она появлялась там снова и снова с упорством профессиональной плакальщицы, которой забыли уплатить за участие в похоронной процессии. Все безумное тщание, прежде отдаваемое работе Мориса, она теперь обратила на его дом: убирала, мыла, чистила, пересчитывала белье и перебиралась на костылях из комнаты в комнату с влажной тряпкой в руке, словно с минуты на минуту может вернуться хозяин и провести для проверки пальцем по

подоконнику. Это жутко действует на нервы, жаловался Дигби Элизе Марли. Ему вообще никогда не нравился «Сетон-хаус» — вроде бы современный, светлый дом, а угнетает, что-то в нем есть зловещее. Да еще из любого закоулка или чулана на тебя могут сверкнуть два черных глаза, будто два тлеющих угля,— ну прямо кажется, что участвуешь в греческой трагедии и за сценой ждут своего выхода бешеные евмениды.

Последняя фигура речи привлекла внимание Элизы, так как выходило, что Дигби вовсе не такой толстокожий остолоп, каким считался. Он ее по-прежнему нисколько не волновал как мужчина, но слегка заинтересовал после этого, даже, пожалуй, заинтриговал. Просто удивительно, как меняет человека обладание двумястами тысячами фунтов. На нем лежала уже легкая патина успеха, самоуверенности и самодовольства, неизменно рождаемых в человеке властью или богатством. Перенесенная ею болезнь оставила после себя слабость и подавленное состояние духа. В таком настроении, когда и не работается, и безделье раздражает, радуешься всякому обществу. Элиза, хоть и презирала тетку за легкость, с какой та переменила мнение о Дигби и видела теперь в нем уже не Морисова непутевого братца, а милейшего молодого человека,— несмотря на все это Элиза и сама начала подумывать, что, пожалуй, в Дигби Сетоне все-таки что-то есть. Что-то, но не бог весть что.

Он не принял приглашения мисс Кэлтроп к воскресному ужину, но в начале десятого вдруг объявился и уходить явно не спешил. Было уже почти одиннадцать, а он все сидел за пианино, крутился то вправо, то влево на вертящемся табурете и наигрывал обрывки каких-то мелодий своего и чужого сочинения. Элиза забралась с ногами в кресло у камина, смотрела, слушала, и ей было хорошо. Дигби прилично играл. Таланта настоящего у него, конечно, не было, но когда он, вопреки обыкновению, старался, выходило довольно приятно. Морис, припомнилось ей, одно время даже поговаривал о том, чтобы выучить Дигби на пианиста. Бедный Морис! Он тогда еще не оставил попыток доказать самому себе, что у его единокровного брата и единственного родственника есть хоть какие-то качества, достойные такого родства. Любыми успехами Дигби, даже самыми скромными, когда, например, он выиграл школьные соревнования по боксу, Морис хвастался словно величайшим триумфом. Чтобы брат Мориса Сетона и не имел никаких талантов — разве такое мыслимо? Да он и вправду был небесталанный. Однажды один, по своим чертежам выстроил парусную лодку «Чомгу» и два сезона увлеченно ходил под парусом. Но потом остыл. Впрочем, спортивный азарт, проявленный Дигби Сетоном в этом деле и в общем-то для него самого нехарактерный, совсем не отвечал запросам Мориса с его интеллектуальным снобизмом. В конце концов Морис вынужден был смириться, как смирилась и Селия Кэлтроп с тем, что ее племянница нехороша собой и никогда в жизни не будет пользоваться успехом как женщина. Элиза покосилась на свою увеличенную и раскрашенную фотографию, разоблачавшую унизительные, смехотворные претензии тетки. Ей на этом снимке одиннадцать лет — три года, как она осталась без родителей. Густые черные волосы закручены в идиотские колбаски и перевиты лентой, белое платье из органди стянуто широким розовым кушаком, и все это вульгарно и совершенно не к лицу такому непривлекательному, насупленному ребенку. Естественно, что в ее красоте тетя разуверилась довольно быстро. Но на смену этому самообману пришел другой: милочка Элиза, раз она не может быть хорошенькой, должна быть умной. Теперь говорилось так: «Моя племянница, вы знаете, удивительно способная девушка. В Кембридже учится». Бедная тетя Селия! С Элизиной стороны было бы нечестно отказывать ей в этом маленьком интеллектуальном удовольствии, загребаемом чужими руками. В конце концов деньги-то ее. Но Дигби Сетону Элиза сочувствует. Они с ним оба в каком-то смысле жертвы давления чужой индивидуальности, оба пользуются благами в награду за качества, которых не имеют и никогда не будут иметь, оба не оправдали чьих-то расчетов. Вдруг, неизвестно зачем, она спросила:

— Как, по-твоему, кто из нас убил твоего брата?

Он в это время делал попытку воспроизвести синкопированный мотивчик из нового лондонского мюзикла. Получалось не очень похоже и чересчур громко. Чтобы она услышала, ему пришлось чуть ли не проорать в ответ:

— Это ты мне скажи. Ты же у нас умная.

— Ну, не такая умная, как изображает тетя. Но хватает ума заинтересоваться: почему это ты именно мне позвонил и попросил встретить тебя в Саксмандеме? Вроде мы никогда особенно не дружили?

— А может, я решил подружиться. И потом, если я хотел доехать на дармовщинку, кому же еще было звонить?

— Это верно. А также — если хотел заручиться свидетелем, что приехал на поезде.

— Я и так могу доказать. Контролер меня запомнил. И в вагоне у меня был интересный разговор с одним пожилым джентльменом, рассуждали про распущенность современной молодежи. Тоже, наверно, меня узнает. Так что я могу доказать свое алиби без твоей помощи, крошка.

— Да, но где ты садился?

— На Ливерпул-стрит. Там была толкучка, так что вряд ли кто-нибудь меня заметил, но пусть Реклесс попробует доказать, что меня там не было. И вообще, откуда вдруг такие подозрения?

— Никаких подозрений. По-моему, ты не мог этого сделать.

— И на том спасибо. В полицейском участке «Уэст сентрал» тоже так считают.

Элизу вдруг передернуло. Она взволнованно произнесла:

— Я думаю про его руки... Ужасно! Это такое злодейство! Понимаешь? Тем более когда человек был писатель. Это страшное, осмысленное надругательство. Не представляю себе, чтобы ты его так сильно ненавидел.

Он снял руки с клавиш и повернулся к ней лицом.

— Я его вообще не ненавидел. Черт возьми, Элиза! Разве я похож на убийцу?

— Почем мне знать. Ты — единственный, у кого есть мотив. На целых двести тысяч мотива.

— Для этого еще нужно женой обзавестись. Ты как, не интересуешься вакансией?

— Нет, благодарю. Мне нравятся только такие мужчины, у которых умственное развитие не ниже моего. По крайней мере. Мы друг другу не подходим. Тебе для твоего клуба нужна шикарная блондинка, бюст сорокового размера, золотое сердце не слишком высокой пробы и ум наподобие счетной машины.

— Ну уж нет,— серьезно возразил он.— Что мне нужно для моего клуба, это я сам знаю. И теперь, когда есть средства, смогу купить. Мне нужен класс.

Дверь в кабинет приоткрылась. В щель просунула голову мисс Кэлтроп, посмотрела на них растерянно. И сказала племяннице:

— Куда-то подевалась моя последняя пленка. Ты не видела?

Элиза только равнодушно пожала плечами, но Дигби вскочил и стал искать по всей комнате, словно ожидая, что кассета сейчас материализуется из воздуха и окажется на крышке пианино или среди диванных подушек. Наблюдая его лихорадочные поиски, Элиза думала: «Смотрите-ка, какие мы вдруг стали джентльмены. Что-то я не помню, чтобы он раньше уделял тетечке сколько-то внимания. Интересно, что за игру он затеял?» Поиски, естественно, ни к чему не привели, и Дигби с милой, обезоруживающей улыбкой обратился к мисс Кэлтроп:

— Увы. Нигде не видно.

Селия, нетерпеливо дожидавшаяся конца этого представления, поблагодарила и, втянув голову обратно, ушла. Как только дверь закрылась, Дигби заметил:

— Она мужественно отнеслась, верно?

— К чему?

— Как к чему? К Морисову завещанию. Ведь не будь меня, она бы сейчас стала очень богатой дамой.

Неужели он воображает, дурень, что они этого не понимают, что такая простая мысль не приходила им в голову? Элиза покосилась на Дигби, но поймала на его лице лукавое, довольное, даже злорадное выражение. Не иначе как он что-то узнал про смерть Мориса, подумалось ей, не просто же так он ухмыляется от удовольствия, что они остались с носом, а ему привалила удача. Она уже готова была предостеречь его: ведь если он действительно что-то знает, тогда ему грозит опасность. Такие дурни, стоит им наткнуться на какую-то часть правды, тут же ее и ляпнут, вместо того чтобы держать язык за зубами. Но она все-таки ничего не сказала, раздраженная его злорадной ухмылкой. С чего это ей примерещилось? Вряд ли он мог что-то узнать. Ну а если и узнал, пусть Дигби Сетон сам заботится о себе, как и все остальные.

15

Трапеза в «Настоятельских палатах» подходила к концу. Далглиш был приятно удивлен. Он ожидал сам не зная чего. То ли парадного обеда из шести перемен на севрском фарфоре, то ли, наоборот, ореховых котлеток на деревянных тарелках с последующим совместным мытьем посуды. А им подали очень вкусное цыплячье рагу, тушенное с пряностями, а потом салат и сыры. Красное бордо было дешевое и немного терпкое, зато в изобилии, а Далглиш вовсе не разделял мнения винных снобов, будто пить можно либо первоклассное вино, либо не пить никакого. И теперь он сидел ублаготворенный, почти счастливый и осоловелым взором обводил огромную комнату, в которой они совсем терялись, сидя вчетвером посредине за простым дубовым столом.

Что дом принадлежал когда-то к монастырским строениям, было видно невооруженным глазом. Эта комната, например, служила монахам трапезной. Похожа на гостиную в «Пентландсе», только во много раз просторнее, прокопченные временем дубовые балки под потолком, футах в двадцати, напоминали раскидистую древесную крону на четком фоне неба, и лишь над самым столом колыхался шар матового света от шести горящих свечей. И очаг был каменный, такой же, как в «Пентландсе», но в увеличенном виде, он походил на небольшую пещеру, внутри которой ровно, как угли, горели цельные бревна. Шесть сводчатых окон, обращенных к морю, были сейчас закрыты ставнями, но все-таки слышался рокот прибоя и по временам жалобно взвывал ветер — собирался шторм.

Алиса Керрисон за столом сидела против Синклера — спокойная полная женщина, сдержанная, уверенная в себе и в своем месте и озабоченная, как казалось Далглишу, главным образом тем, чтобы старый писатель побольше ел. Когда знакомились, у Далглиша возникло чувство, что он ее уже знал раньше, и очень хорошо. Ему почти сразу же стало ясно, откуда это ощущение: просто она была вылитая миссис Ной из игрушечного ковчега, который стоял у него в детской. Те же гладкие лоснящиеся волосы, словно намалеванные черной краской, расчесанные на прямой пробор и стянутые в узел на затылке. Та же плотно сбитая фигура, перехваченная надвое в поясе, и лицо-шарик, такое запомнившееся, с блестящими глазками-бусинками и румяными щечками. Даже одета так же: в черное простое платье с длинными рукавами, украшенное у ворота и манжет узкими полосками кружев. Ее вид напомнил Далглишу детство, томительные воскресенья в родительском священническом доме, как напоминали церковные колокола и чистый запах шерстяного белья по утрам.

Она разливала кофе, а Далглиш смотрел на нее и старался понять, какие между нею и Синклером отношения. Не разберешь. Она держалась с ним не как с гением, а он с ней — не как с прислугой. Видно было, что ухаживать за ним ей нравится, но делает она это спокойно и деловито и без избыточной почтительности, будто ничего тут особенного нет. Порой, вдвоем внося очередное блюдо, как у них, по-видимому, было заведено, или озабоченно переговариваясь о том, когда и какое подавать вино, они походили на заговорщиков. Интересно, думал Далглиш, что побудило ее тогда, шесть лет назад, собрать пожитки и перебраться от Мориса Сетона

к Синклеру? Алисе Керрисон, надо полагать, известно о Сетоне и его жене́ больше чем кому бы то ни было. А что ей еще известно? — вот вопрос.

Далглиш перевел взгляд на Синклера, сидевшего спиной к камину. Знаменитый писатель оказался меньше ростом, чем представлялось по фотографиям, но широкие плечи и длинные, чуть ли не обезьяньи руки производили впечатление изрядной физической силы. Лицо огрубело и слегка расплылось с возрастом, стало похоже на смазанный недодержанный снимок. Кожа свисала жирными складками, усталые глаза запали так глубоко, что совсем спрятались под взъерошенными бровями, но гордая посадка головы осталась, и пышная шапка белоснежных волос, горевшая сейчас, как неопалимая купина, в отсветах каминного огня, придавала Синклеру вид древнего бога Саваофа. Сколько ему лет? Последний роман из его великой трилогии вышел в свет свыше трех десятилетий назад, а он и тогда уже был немолод. Для славы, которая его окружает, три романа — не такой уж солидный фундамент. Селия Кэлтроп, обозленная тем, что Синклер, несмотря на все ее старания, отказывается принять участие в устраиваемом ею Монксмирском литературном фестивале, не дает ей позволения посвятить ему очередную книжку и даже не приглашает к себе на чашку чаю, любила повторять, что его слава раздута, величие писателя — не только в качестве, но и в количестве. В последнем, пожалуй, Далглиш склонен был с ней согласиться. И все же, открывая любой из томов трилогии, всякий раз испытываешь изумление. Они стоят как три могучие скалы над урезом моря, где столько литературных репутаций давно разрушилось, точно песочные замки, размытые приливами и отливами литературной моды. «Настоятельские палаты», в которых Синклер живет, рано или поздно исчезнут, поглощенные морем, но имя его в литературе останется.

Далглиш был не настолько наивен, чтобы думать, будто великий писатель непременно должен оказаться и первоклассным говоруном, и, конечно, он не имел нахальства предполагать, что Синклер станет занимать его застольной беседой. Однако ужин прошел далеко не в молчании. Хозяин даже со знанием дела и вполне уважительно отозвался в разговоре о двух стихотворных сборниках Далглиша, притом чувствовалось, что не из желания быть приятным. В нем была какая-то чисто детская прямота и увлеченность. Исчерпав интересовавшую его тему, он сразу же переходил к другой. Говорили, главным образом, о литературе, хотя собственные произведения Синклера, похоже, больше не занимали, а любимым его легким чтением были детективы. К событиям в мире он был совершенно равнодушен. «Люди, дорогой Далглиш, либо вынуждены будут научиться любить друг друга, в сугубо практическом, несентиментальном смысле этого слова, либо кончат самоуничтожением. Повлиять на исход в ту или иную сторону давно уже не в моей власти». Но при всем том сказать, что он изверился, впал в безнадежность, Далглиш бы не мог. Он отошел от мира, но не с отвращением или отчаянием; просто человек достиг такой глубокой старости, когда ему стало все равно.

Сейчас он разговаривал с Джейн Далглиш, они обсуждали вопрос, будет ли в этом году шилоклювка садиться на гнездо. К этой теме, в отличие от всех прочих, оба относились с самой упоенной серьезностью. Далглиш смотрел через стол на свою тетку. На ней была темно-вишневая блуза из тонкой шерстяной материи с закрытым горлом и узкими рукавами на пуговках чуть не до локтя. Очень подходящий костюм для выхода в гости на восточном побережье осенью, и она носила его с небольшими изменениями, сколько Далглиш себя помнил. Но теперь, вследствие необъяснимого хода вещей, так одеваться стало модным, и к ее природной непринужденной элегантности добавился оттенок современного шика, что, по мнению Далглиша, никак к ней не шло. Она сидела, подперев щеку левой ладонью. Ее длинные смуглые пальцы были унизаны фамильными перстнями, которые она надевала только по вечерам. В рубинах и брильянтах вспыхивали от огня свечей разноцветные искры. Теперь разговор перешел на человеческий череп, который Синклер недавно подобрал на береговой отмели. Затонувшие кладбища обыкновенно понемногу возвращают сгину-

вшие с ними останки, после шторма люди, гуляя по пляжу, находят в песке то берцовую кость, то лопатку, выбеленные морем и хрупкие от древности. Но целые черепа встречаются редко. Синклер рассуждал о возрасте своей находки, причем довольно здраво. Однако о другом мертвеце, недавнем, до сих пор речь не заходила. Далглиш уже готов был признать, что неправильно объяснил себе полученное от Синклера приглашение. Похоже, хозяин дома вовсе не интересуется убийством Сетона. Хотя все-таки трудно себе представить, чтобы ему просто вдруг пришла охота познакомиться с племянником Джейн Далглиш. В это время Синклер повернулся к нему и своим рокочущим голосом, растягивая слова, спросил:

— Вас, я думаю, многие спрашивают, почему вы избрали профессию следователя?

Далглиш сдержанно ответил:

— Из тех, кому бы я стал объяснять, немногие... Мне нравится эта работа; она у меня сравнительно неплохо выходит; она удовлетворяет мое любопытство и, по крайней мере, не наводит скуку.

— О да, скука! Ничего нет страшнее для писателя. Но, может быть, это еще не все? Мне кажется, служба в полиции ограждает вас от людей. Дает как бы профессиональный предлог для обособленности. Полицейские — люди не такие, как все. К ним относятся, как и к служителям церкви: внешне дружески, а по существу с недоверием. По-моему, вы принадлежите к тем, кому дорого одиночество.

— Выходит, мы с вами в одинаковом положении,— отозвался Далглиш.— Моя крепость — моя работа, ваша — «Настоятельские палаты».

— Однако они не оградили меня сегодня,— сказал Синклер,— от визита вашего коллеги инспектора Стенли Джеральда Реклесса. Расскажите об этом мистеру Далглишу, Алиса.

Далглишу уже надоело открещиваться от Реклесса, но было интересно, каким способом Синклер выяснил полное имя инспектора. Наверное, простейшим: взял да спросил.

Алиса Керрисон сказала:

— Реклесс. Это не суффолкская фамилия. И вид у него какой-то больной. Язвенник, вернее всего. Слишком много работы, поди, и нервы...

Насчет язвы она, возможно, права, подумал Далглиш, недаром он такой бледный, и глаза страдальческие, и глубокие борозды от носа к уголкам рта. Алиса ровным голосом продолжала:

— Он явился сюда, чтобы спросить, не убили ли мы мистера Сетона.

— Надеюсь, вопросы он задавал тактично?

— Тактично, в меру своего разумения,— ответил Синклер.— Но цель у него была именно такая. Я объяснил ему, что даже не был лично знаком с Сетоном, правда, делал попытки читать его романы. Но у меня он не бывал. Из того, что я больше не могу писать, вовсе не проистекает обязанность общаться с теми, кто и никогда не был на это способен. К счастью, мы с Алисой можем засвидетельствовать алиби друг друга и на вторник вечером, и на среду вечером — ведь именно об этом времени, насколько мы поняли, идет речь. Я сообщил инспектору, что ни она, ни я не выходили из дому. Хотя не убежден, что он мне до конца поверил. Кстати, Джейн, он интересовался, не одалживали ли вы нам топор. Из чего я заключил, что вы, сами того не ведая, поставили орудие убийства. Мы продемонстрировали инспектору два наших собственных топора, оба, рад отметить, в исправном состоянии, и он мог лично убедиться, что их никто не использовал для отсекновения рук у бедного Мориса Сетона.

Алиса Керрисон вдруг убежденно произнесла:

— Он был плохой человек, и правильно, что он умер. Но убийство непростительно.

— А чем он был плохой? — немедленно спросил Далглиш.

Мог бы и не спрашивать. Было ясно, что рассказ Алисы Керрисон ему так или иначе выслушать придется. Он чувствовал на себе заинтересованный иронический взгляд Синклера. Значит, вот для чего его пригласили. Не получить от него сведения хотел Синклер, а наоборот — сам ему кое-что

сообщить. Алиса Керрисон взволнованно выпрямилась на стуле, лицо ее пошло пятнами, руки под столом были стиснуты. Устремив на Далглиша сердитый и умоляющий взгляд смущенного ребенка, она забормотала:

— Какое письмо он ей написал! Плохое письмо, мистер Далглиш. Он погубил ее. Все равно как если бы загнал в море и держал ее голову под водой.

— Значит, вы читали это письмо?

— Не целиком. Она его мне протянула не подумав, но потом опомнилась и забрала назад. Такое письмо ни одна женщина по своей воле не дала бы прочесть другой. Там были такие вещи, что я в жизни никому не смогу пересказать. Рада бы их позабыть, да никак. Он хотел свести ее в могилу. Он ее убил.

Далглиш спросил:

— А вы уверены, что это он писал?

— Почерк был его, мистер Далглиш. Все пять листков исписаны его рукой. Только ее имя сверху впечатано на машинке, и больше ничего. Я почерк мистера Сетона знала хорошо.

Естественно, подумал Далглиш. А жена Сетона и того лучше. Значит, Сетон сознательно довел жену до самоубийства? Если это правда, здесь проявилась та же злобная жестокость — хотя и большего масштаба, но одинаковой природы,— что и в убийстве кошки Брайса. Однако портрет расчетливого садиста выходил как бы слегка не в фокусе. Далглиш встречался с Сетоном только два раза, но тот совсем не производил впечатления чудовища. Чтобы этот педантичный, нервный маленький человечек с большим самомнением, так безнадежно не дотягивавший талантом до собственной славы, накопил в душе столь мощный заряд ненависти,— что-то не верилось. Хотя не исключено, что это неверие у него от зазнайства: возомнил себя великим диагностом зла. А ведь даже если не считать доктора Криппена, чья вина, допустим, не доказана, все равно известно сколько угодно других нервных и неловких мужей, которые действовали вполне ловко, когда им нужно было избавиться от жен. Разве он после двух встреч может состязаться в понимании внутренней сущности этого человека с Алисой Керрисон, знавшей его так близко? Тут имеется доказательство — письмо, которое, между прочим, Сетон, чья переписка в машинописных дубликатах аккуратно хранится в его доме, почему-то счел нужным написать от руки...

Далглиш открыл было рот, чтобы спросить, что Дороти Сетон сделала с письмом, но тут раздался телефонный звонок. В тишине огромной, тускло освещенной комнаты он прозвучал пронзительно и надсадно. Только теперь Далглиш осознал, что в глубине души думал, будто в «Настоятельские палаты» вообще не проведено электричество. Он стал искать глазами телефонный аппарат. Звон как будто бы исходил от книжного шкафа в дальнем конце комнаты. Ни Синклер, ни Алиса Керрисон и не подумали встать и ответить. Синклер объяснил:

— Не туда попали. Нам не звонят. Мы держим телефон исключительно на экстренный случай, наш номер даже в телефонной книге не значится,— и самодовольно посмотрел в сторону надрывающегося аппарата, словно радуясь его исправному состоянию.

Далглиш поднялся.

— Прошу меня простить,— сказал он,— но могут звонить мне.

Он протянул руку и среди всевозможных безделушек на крышке шкафа нащупал гладкую и прохладную телефонную трубку. Звон прекратился. Снова установилась тишина: казалось, что всем находящимся в комнате слышен голос инспектора Реклесса:

— Мистер Далглиш? Я говорю из «Пентландс-коттеджа». Случилось кое-что, о чем я хотел бы поставить вас в известность. Вы не могли бы прямо сейчас прийти?

И добавил, так как Далглиш замялся:

— Я получил заключение медэкспертизы. Думаю, вам будет интересно.

Он словно его заманивал. Но как бы то ни было, идти, конечно, придется. Вежливый, ровный тон вызова его не обманывал. Если бы они вместе расследовали одно преступление, тогда суперинтендант Далглиш вызывал бы к себе инспектора Реклесса, а не наоборот. Но они не расследуют вместе одно преступление. И если инспектор Реклесс желает допросить подозреваемое лицо — или пусть даже племянника подозреваемого лица,— право выбора времени и места принадлежит ему. Впрочем, небезынтересно было бы узнать, что он делает в «Пентландсе»? Мисс Далглиш, собираясь в «Настоятельские палаты», дверь дома, разумеется, оставила незапертой. В Монксмире вообще не принято запирать дома, и вероятное убийство соседа не заставило его тетку изменить свои привычки. Но чтобы Реклесс так запросто расположился в отсутствие хозяйки в чужом доме, это на него не похоже.

Далглиш принес Синклеру извинения, каковые тот с готовностью принял. Далглиш подозревал, что, не привыкший к иному обществу, помимо общества Джейн Далглиш, тот рад был теперь, что их снова остается трое. Для чего-то Синклеру было нужно, чтобы он выслушал рассказ Алисы Керрисон, и теперь, когда дело сделано, старик отнесся к уходу гостя с облегчением и удовольствием. Только напомнил, чтобы Далглиш, уходя, захватил из прихожей свой фонарик, и обещал, что они с Алисой проводят его тетю до дому, так что ему не нужно за ней возвращаться. Джейн Далглиш выразила с этим полное согласие, хотя с ее стороны, подумал Далглиш, это могло быть просто щепетильностью. Реклесс позвал только его, и тетя не хотела быть нежеланной гостьей в собственном доме.

Никем не провожаемый, Далглиш вышел за порог и погрузился в непроглядную тьму, в которой глаз поначалу вообще ничего не различал, кроме белесой садовой дорожки непосредственно под ногами. Потом облака соскользнули с лица луны, и ночь обрела очертания, проступили тени, полные тайны и пропитанные запахом моря. Далглиш шел и думал о том, что в Лондоне человеку редко случается по-настоящему ощутить ночь, ее разгоняют огни и суета человеческая. А здесь она дышит, почти живет, и Далглиш чувствовал, как у него по жилам ползет атавистическая боязнь темноты, неизвестности. Даже сельский суффолкский житель, которому не привыкать к здешним ночам, и тот, проходя тропой над береговым обрывом, непременно ощутит что-то вроде мистического трепета. Здесь легко понимаешь, как возникли местные легенды, что будто бы иногда, осенней ночью, слышен во мраке приглушенный стук конских копыт — это контрабандисты везут тюки и бочонки со стороны Сайзуэлла, чтобы спрятать их на болоте или переправить в глубь страны через уэслтонские верещатники. Или что в такую ночь, если напрячь слух, можно уловить доносящийся с моря звон колоколов давно затопленных церквей — Святого Леонарда, Святого Иоанна, Святого Петра и Всех Святых,— погребальный звон за упокой душ усопших. А теперь, наверное, еще прибавятся новые легенды, будут наводить страх на местных жителей, чтобы сидели затемно по домам. Октябрьские легенды — о нагой женщине, в бледном лунном свете уходящей через прибой от берега навстречу своей смерти; и о мертвеце без рук, уносимом в открытое море.

Назло страхам Далглиш решил идти по-над морем. Так получится минут на пятнадцать дольше, но Реклессу в «Пентландсе» невредно подождать лишних четверть часа. Посветив вокруг, Далглиш нашел тропу и зашагал, ведомый, будто болотным огоньком, падающим под ноги пятном от карманного фонарика. Один раз он обернулся. «Настоятельские палаты» темной массой заслоняли край ночного неба, только из щелей ставен на окнах нижнего этажа сочился свет — признак жизни, да вверху ярко сияло круглое окно, одиноко, как глаз циклопа. Пока Далглиш смотрел, окно погасло. Очевидно, кто-то в доме, вернее всего — Алиса Керрисон, поднимался наверх.

Тропа подводила к самому обрыву. Снизу громче доносился грохот прибоя, где-то пронзительно вскрикнула морская птица. Ветер заметно посвежел, похоже, что собирался шторм. Здесь, наверху, казалось, будто

и земля, и небо, и море охвачены общим непрестанным волнением. Извилистая тропа становилась все у́же, справа и слева подступали кусты дрока и ежевики, цепляясь за ноги колючими побегами. Далглиш подумал, что, наверное, правильнее все-таки было бы идти нижней дорогой. Неплохо, конечно, заставить Реклесса ждать, но это желание, детское и бессмысленное, не стоит пары добротных брюк. Если тело Сетона несли к воде из «Настоятельских палат» вот по этой тропке, на колючках наверняка остались следы. Реклесс, конечно, все здесь прочесал. Интересно, что ему удалось обнаружить? И не только заросли составляли препятствие. Там дальше на обрыве — штук сорок хлипких дощатых ступеней, подводящих к воде. Синклер, несмотря на возраст, мужчина крепкий, и Алиса Керрисон — здоровая деревенская жительница, но все-таки тело Сетона, даже при его малом росте,— изрядный груз, и проделать с ним этот путь крайне трудно, почти немыслимо.

Слева среди кустов что-то забелело. Это был один из последних надгробных камней, оставшихся от обрушившегося в море старого кладбища. Почти все старинные могилы уже давно были на дне морском, и приливы, взимая с них дань, выносили иногда на пляж вместе с мусором человеческие кости. Но этот до сих пор устоял. Далглиш, свернув в сторону, подошел посмотреть. Камень оказался выше, чем виделось с тропы, и глубоко высеченная на нем надпись хорошо сохранилась. Далглиш присел и, посветив фонариком, прочел:

В память
о Генри Уил. Скривнере,
коего застрелили контрабандисты,
когда он проезжал верхом в здешних местах
сентября 24-го дня 1786

Убитый пулею внезапною в пути,
Я не успел молитву вознести.
Помедли, путник, не дано нам знать,
Когда Господь захочет нас призвать.

Бедняга Генри Скривнер! Какой злосчастный случай занес его, одинокого всадника, на пустынную данвичскую дорогу? Он был, по-видимому, человеком состоятельным: вон какой прекрасный памятник ему соорудили. Сколько еще времени пройдет, прежде чем этот Скривнер, со своим памятником и благочестивой надписью, тоже канет в забвение на дне морском?

Далглиш стал подниматься с корточек, потерял равновесие, луч фонарика качнулся и осветил могилу. Далглиш с удивлением увидел, что ее незадолго перед тем разрывали. Дерн был уложен на место, цепкие плети ежевики заново переплетены и густо нависали сверху, но земля безусловно была недавно разрыта. Далглиш опустился на колени и стал пальцами в перчатках разгребать рыхлый неутрамбованный грунт. Здесь до него поработали еще чьи-то руки. За несколько секунд он докопался до большой берцовой кости, потом вынул обломанную лопатку и, наконец, череп. Генри Скривнеру не придется скучать в могиле одному. Впрочем, Далглиш тут же догадался, в чем дело. Так Синклер или Алиса Керрисон распоряжаются человеческими останками, которые находят на пляже. Все кости были очень старые, выбеленные морской водой. Кому-то из них, вернее всего что Алисе, захотелось вновь предать их земле в освященном месте.

Он сидел, думая об этой своеобразной паре, обитающей в «Настоятельских палатах», и вертел в руках старый череп, как вдруг его слух уловил мягкие удары шагов. Зашуршали кусты, и над ним возникла темная человеческая фигура, заслоняя ночной небосвод. Шутливо-иронический голос Оливера Лэтема произнес:

— Все еще следопытствуете тут, суперинтендант? Вы похожи, смею сказать, на Первого Могильщика в любительском исполнении. До чего же вы ненасытный труженик! Но бедному Генри Скривнеру-то почему не даете почивать с миром? Теперь браться за расследование обстоятельств его убийства, пожалуй, поздновато, а? И потом, вы как будто незвано проникли на чужую территорию?

— В меньшей мере, чем вы в настоящее время,— спокойно ответил Далглиш.

Лэтем рассмеялся.

— Значит, вы ужинали у Р. Б. Синклера! Надеюсь, оценили оказанную вам честь? Каковы же были комментарии нашего апостола любви по поводу крайне неприглядной кончины Мориса Сетона?

— Очень немногословные.

Далглиш принялся ладонью сгребать землю и хоронить череп — земля сыпалась на белую лобную кость, набивалась в глазницы и между зубами. Не прерывая работы, он сказал:

— Я не знал, что вы любитель ночных прогулок.

— Обзавелся этой привычкой совсем недавно. Весьма благодарное занятие. Чего только не увидишь.

Далглиш завершил погребение, уложил на место куски дерна. Лэтем молча наблюдал за ним. А когда дело было сделано, повернулся и, ни слова не говоря, зашагал прочь. Далглиш негромко задал ему в спину вопрос:

— Дороти Сетон прислала вам перед смертью письмо?

Темная фигура остановилась, медленно обернулась. Лэтем тихо спросил:

— Вас это каким-то образом касается? — и так как Далглиш промедлил с ответом, добавил: — Тогда зачем спрашивать?

После чего в полном молчании снова повернулся и растаял в темноте.

16

Фонарь над крыльцом горел, но в доме было почти совсем темно. Перед догорающим камином в скромном, беспросветном одиночестве сидел инспектор Реклесс, как гость, который не уверен, что ему будут рады, и старается расположить к себе хозяев экономией электроэнергии. При появлении Далглиша он встал и включил маленькую настольную лампу.

Они стояли друг против друга, полуосвещенные ее слабым мягким светом.

— Вы вернулись один, мистер Далглиш. Должно быть, неловко было уйти.— Голос инспектора звучал ровно, без выражения. Ни вопроса, ни укора — просто две фразы.

— Ничего, отпустили. Я шел долговато: поверху, над морем. Как вы узнали, где меня найти?

— Ни вас, ни мисс Далглиш не оказалось дома, и я предположил, что вы ушли куда-нибудь по соседству в гости. Начал с наиболее вероятного места. Дело в том, что объявились некоторые новые обстоятельства, о которых я хотел поставить вас в известность, но не по телефону,

— Что ж, ставьте. А как насчет того, чтобы чего-нибудь выпить?

При всем старании получилось покровительственно, фальшиво. Он чувствовал себя экзаменатором, которому нужно подбодрить способного, но застенчивого ученика. Хотя Реклесс держался вполне непринужденно. Его сумрачные глаза смотрели на Далглиша безо всякого смущения и подобострастия. «Вот дьявольщина, что это со мною? — подумал Далглиш.— Почему я так скован в присутствии этого человека?»

— Нет, благодарю вас, мистер Далглиш, сейчас не хочется. Я думал, вас заинтересует заключение медэкспертизы, полученное сегодня после обеда. Доктор Сиднем, должно быть, всю ночь над ним работал. Не попробуете угадать причину смерти?

«Нет,— мысленно ответил Далглиш.— Не попробую. Это твое расследование, вот и проводи его сам. А я вовсе не в настроении играть в угадайку». А вслух сказал:

— Асфиксия?

— Причина смерти была естественная, мистер Далглиш. Он умер от инфаркта.

— Что-что?

— Ни малейших сомнений в этом. Он страдал несильной формой стенокардии, осложненной пороком левого желудочка. То есть у него было больное сердце, и оно не выдержало. Ни асфиксии, ни отравления,

и никаких следов насилия на теле, кроме отрубленных кистей рук. И кровью он не истек. И в воде не захлебнулся. Принимал пищу за три часа до смерти. И умер от инфаркта.

— А что ел? Хотя я мог бы и не спрашивать.

— Жареные креветки под соусом «тартар». Зеленый салат с французской заправкой. Черный хлеб с маслом, датский зеленый сыр, сухое печенье и кьянти.

— Едва ли он все это ел в Монксмире,— заметил Далглиш.— Типичная лондонская ресторанная еда. Кстати, что насчет рук?

— Отрублены через несколько часов после смерти. Доктор Сиднем предполагает, что это было проделано вечером в среду, и действительно, так все получается логично, мистер Далглиш. Рубили на сиденье в лодке. Много крови вытечь не могло, а сколько вытекло, сразу можно было смыть, море за бортом. Дело это злое, подлое, кто его учинил, я найду. Но об убийстве тут речь не идет. Он умер естественной смертью.

— Сильное потрясение могло его убить.

— Да, но насколько сильное? Знаете, как с сердечниками. Один из моих сотрудников имел беседу со знаменитым доктором Форбсом-Денби, и тот говорит, Сетон мог еще прожить годы и годы, при соблюдении осторожности. Сетон все соблюдал. Не перенапрягался, не летал на самолетах, питался умеренно, жил в комфорте. Люди с сердцем послабее, чем у него, доживали до глубокой старости. У меня тетка была сердечница, так ее дом разбомбило, два раза попали, а она ничего. Нарочно потрясти человека до смерти невозможно. С больным сердцем переносят сильнейшие потрясения и остаются в живых.

— Да. И помирают от легкого несварения. Знаю. Его последняя трапеза была не слишком подходящей для сердечника, но нельзя всерьез предположить, что кто-то пригласил его поужинать и нарочно так накормил, чтобы вызвать смертельное расстройство желудка.

— Его никто не приглашал ужинать, мистер Далглиш. Он ужинал там, где вы и думали. В «Кортес-клубе» в Сохо, у Люкера. Приехал туда прямо из «Клуба мертвецов». И притом один.

— И уехал тоже один?

— Нет. Там у них есть бандерша, блондинка такая, зовут Лили Кумбс. Правая рука Люкера. Присматривает за девицами и за выпивкой, подбадривает клиентов, кто застенчивый. Да вы, я думаю, ее знаете, она была у Люкера и в пятьдесят девятом, когда он застрелил Мартина. По ее словам, Сетон подозвал ее к своему столику, сказал, что ему порекомендовал обратиться к ней один знакомый. Он собирает материал по торговле наркотиками и получил сведения, что она может в этом помочь.

Далглиш сказал:

— Лил, конечно, не годится в учительницы воскресной школы, но, по моим сведениям, наркотиками она никогда не занималась. И Люкер до сих пор тоже. Этого своего знакомого Сетон ей, разумеется, не назвал?

— Она говорит, что спрашивала, но он не сказал. Тем не менее она прикинула, что можно будет разжиться парой фунтов, и они вдвоем покинули клуб в половине десятого. Сетон ей сказал, что к нему в клуб нельзя, туда женщинам вход запрещен. Это правда, женщин не пускают. Поэтому они минут сорок катались в такси по Уэст-Энду и вокруг Гайд-парка, он отсчитал ей пять фунтов за информацию — что уж она там ему наплела, не знаю — и вышел у станции метро «Паддингтон-стейшн», а она на такси возвратилась в «Кортес». В пол-одиннадцатого уже была на месте и до часу ночи оставалась на виду у трех десятков посетителей.

— Но зачем им понадобилось уезжать? Она разве не могла наплести ему то же самое прямо у него за столиком?

— По ее словам, ему не терпелось поскорее убраться. И официант подтвердил, что он вроде беспокоился, нервничал. К тому же Люкер не одобряет, чтобы она подолгу задерживалась возле одного клиента.

— Насколько я знаю Люкера, он бы еще неодобрительнее отнесся к тому, что она оставила клуб на сорок минут, чтобы покататься вокруг Гайд-парка. Но все так добропорядочно, честь по чести; Лил, похоже,

сильно изменилась с прошлых времен. По-вашему, как, правду она показывает?

— Я работник провинциальной полиции, мистер Далглиш. Я не считаю, что в Сохо все проститутки — обязательно вруньи. На мой взгляд, она рассказала правду, хотя, возможно, не всю. К тому же мы и таксиста разыскали. Он подтверждает, что они сели к нему вблизи клуба в половине десятого, а минут через сорок у метро «Паддингтон-стейшн» Сетон вышел. В машине они всю дорогу серьезно о чем-то разговаривали, и пассажир делал записи в книжечку. Спрашивается в таком случае, где она, эта книжечка? На теле, когда я производил осмотр, никакой записной книжки не было.

— Вы работали очень оперативно, инспектор,— сказал Далглиш.— Теперь вами установлено, что последний раз живым его видели примерно в десять десять. А через два часа после этого он уже умер.

— Естественной смертью, мистер Далглиш.

— Я думаю, так было кому-то нужно.

— Может быть. Но факты есть факты. Сетон умер в полночь со вторника на среду, а причиной смерти послужило то, что у него было слабое сердце и оно остановилось. Таково заключение доктора Сиднема, и я не собираюсь тратить общественные средства на то, чтобы его оспаривать. Вы говорите, сердечный приступ кто-то у Сетона сознательно вызвал. Возможно, что так. Я только говорю, что нет доказательств. У меня еще не сформировалось по этому делу окончательное мнение. Многое пока остается неизвестным.

Это — мягко говоря, подумал Далглиш. Реклессу пока остаются неизвестными такие подробности, которые не менее важны, чем та же причина смерти. Можно перечислить вопросы, до сих пор не получившие ответа. Почему Сетон вышел из такси у станции метро «Паддингтон»? Не собирался ли он с кем-то встретиться и если да, то с кем именно? Где он умер? Где находилось его тело после полуночи со вторника на среду? Кто перевез его в Монксмир и зачем? Если смерть его действительно была сознательно вызвана, каким образом убийца сумел придать ей такой убедительно естественный вид? А отсюда проистекал вопрос, на взгляд Далглиша, самый непостижимый: почему, добившись своей цели, убийца не бросил умершего где-нибудь на лондонской улице, чтобы его потом подобрали и узнали в нем пожилого второстепенного писателя-детективщика, который ходил куда-то по своим личным, никому не известным делам и по дороге его хватил инфаркт? Для чего было перевозить тело в Монксмир и устраивать какую-то дикую инсценировку, которая наверняка возбудит толки и привлечет внимание всей суффолкской полиции?

Словно прочтя мысли Далглиша, Реклесс сказал:

— У нас нет доказательств того, что смерть Сетона и изувеченье его трупа напрямую связаны. Умер он естественной смертью. Где именно, мы рано или поздно выясним. И тогда выйдем на того, кто сделал все остальное: изуродовал тело, позвонил Дигби Сетону — если действительно был такой звонок; прислал мисс Кедж два машинописных листа — если они действительно были ей присланы. Где-то в этой колоде имеется джокер, и у него малоприятное чувство юмора; но джокер — шут, а не убийца.

— Так вы думаете, что это все — розыгрыш? Но с какой целью?

— Со зла, мистер Далглиш. Со зла на умершего или на живых. В расчете отвести от себя подозрение и бросить на другого. Навредить кому-то. Мисс Кэлтроп, например. Она не отрицает, что плывущий по морю труп без рук — это ее блестящая идея. Или Дигби Сетону. Он больше всех выигрывает от смерти своего единокровного брата. И даже мисс Далглиш. В конце концов, топор-то ее.

Далглиш возразил:

— Это чистое умозрение. Топор исчез — вот и все, что нам известно. Доказательств, что именно он послужил орудием, ведь нет.

— Есть. Дело в том, что его возвратили. Включите свет, мистер Далглиш, и вы сами увидите.

Топор действительно возвратили. В дальнем конце комнаты стоял придиванный столик XVIII века, изящная старинная вещица из бабушкиного гостиного гарнитура, которую Далглиш помнил с детства. Теперь в самом центре полированной столешницы, почти расколов ее надвое и задрав кверху топорище, торчал топор. Под верхней лампой на лезвии были отчетливо видны бурые пятна крови. Разумеется, его пошлют на анализ. Исключат всякие догадки. Но Далглиш не сомневался, что это — кровь Мориса Сетона.

Реклесс объяснил:

— Я пришел сообщить вам результаты медэкспертизы. Полагал, что вам будет интересно. Дверь оказалась приоткрыта, я позвал вас и вошел. И почти сразу же заметил топор. Тогда я решил позволить себе такую вольность и остался до вашего прибытия.

Если Реклесс и был доволен произведенным эффектом, то виду не показал. Далглиш даже не думал, что инспектор обладает таким театральным чутьем. Вся сцена была срежиссирована очень ловко: тихий разговор в полумраке, внезапная вспышка света, вид прекрасного, уникального изделия, бессмысленно, варварски погубленного. Интересно, а в присутствии Джейн Далглиш он бы тоже устроил это представление? Хотя почему бы и нет? Она же могла, по мнению Реклесса, всадить топор в столик в последнюю минуту, когда они уходили в «Настоятельские палаты». Женщина, способная для забавы отрубить кисти рук у мертвеца, не пожалела бы для той же цели какой-то предмет мебели. Так что в режиссуре Реклесса была своя логика: он хотел увидеть в первое мгновенье глаза подозреваемой и убедиться, что в них не мелькнуло ни растерянности, ни испуга. Ну что ж, реакция Далглиша ему ничего не сказала. Весь похолодев от бешенства, Далглиш принял внезапное решение. И как только совладал со своим голосом, произнес:

— Я завтра с утра еду в Лондон. Буду вам признателен, если вы тут пока присмотрите. Больше чем на одну ночевку я не задержусь.

— Я, мистер Далглиш, присматриваю в Монксмире за всеми. У меня еще будут для них вопросы. А вы с вашей тетей в котором часу вышли из дому?

— Приблизительно без четверти семь.

— Вы уходили вместе?

— Да. Если вы хотите спросить, не возвращалась ли моя тетка в дом одна взять чистый носовой платок, ответ будет «нет». И, чтобы не оставалось недомолвок, когда мы уходили, топора на том месте, где сейчас, не было.

— А я приехал без малого девять. У него было свыше двух часов. Вы кому-нибудь говорили, что собираетесь в гости, мистер Далглиш?

— Нет. И моя тетя, уверяю вас, такие темы ни с кем не обсуждает. Но это не имеет значения. Мы в Монксмире всегда определяем, кто дома, а кто нет, по свету в окнах.

— Да, и всегда оставляете двери незапертыми. Необыкновенно удобно. И, как повелось в этом деле, у всех окажется алиби. Или, наоборот, ни у кого.

Реклесс подошел к диванному столику, вынул из кармана большой белый носовой платок, обернул топорище и выдернул лезвие из столешницы. С топором в руке он направился к двери, но обернулся.

— Он умер в полночь, мистер Далглиш. В полночь. Когда Дигби Сетон уже час сидел в участке; Оливер Лэтем пировал на театральном банкете на глазах у двух почетных рыцарей и трех почетных леди Британской империи и половины всех околокультурных прихлебателей Лондона; когда мисс Марли, насколько мы знаем, уже спала у себя в гостиничном номере; а Джастин Брайс сражался с первым приступом астмы. По меньшей мере двое из них имеют железное алиби, но и остальные двое держатся вполне уверенно... Да, забыл вам сказать. Пока я тут сидел, вам звонил некий мистер Макс Герни. Просил позвонить, как только вы сможете. Номер телефона, он сказал, у вас есть.

Далглиш удивился. Вот уж от кого он на отдыхе не ожидал звонка, так

это от Макса Герни. Но между прочим, Герни был старшим компаньоном в издательстве, печатавшем сочинения Сетона. Интересно, известно ли это Реклессу? По-видимому, нет, иначе бы он не промолчал. Инспектор работал с бешеной оперативностью и успел опросить чуть ли не всех, кто знал Сетона. Но то ли до издателя очередь еще не дошла, то ли ничего полезного от него узнать не надеялись.

Реклесс наконец снова повернул к двери:

— Доброй ночи, мистер Далглиш... Передайте, пожалуйста, вашей тете, что я очень сожалею насчет столика... Если вы правы и это — убийство, нам известна про убийцу одна подробность: он прочел слишком много детективов. Вы согласны?

И ушел. Как только смолк удаляющийся шум его машины, Далглиш позвонил Максу Герни. Тот, очевидно, ждал, так как сразу же снял трубку.

— Адам? Молодец, что быстро позвонил. В Скотленд-Ярде никак не хотели мне ответить, где ты, но я сам сообразил, что в Суффолке. Когда ты возвращаешься? Я хотел бы повидаться с тобой, как только ты окажешься в городе.

Далглиш ответил, что будет в Лондоне завтра. И услышал в голосе Макса облегчение.

— Тогда, может, пообедаем вместе? Чудесно. Скажем, в час. Есть у тебя на особой примете какой-нибудь ресторан?

— Макс, ты, помнится, состоял когда-то в «Клубе мертвецов»?

— И сейчас состою. Хочешь пообедать у них? Супруги Планты кормят отлично. Тогда в час у «Мертвецов». Устраивает тебя?

Далглиш ответил, что вполне.

17

На первом этаже «кукольного домика» в Кожевенном проулке Сильвия Кедж услышала свист усиливающегося ветра, и ей стало страшно. Она не любила штормовые ночи, когда вверху и вокруг все выло и гудело, а тут, в расселине берегового обрыва, где притулился ее дом, держалась неестественная глубокая тишь. Воздух тут оставался неподвижным и затхлым, даже если разыгрывалась настоящая буря, как будто «Дом кожевника» испускал особые, тяжелые миазмы и стихиям было не под силу их развеять. Косяки и рамы у Сильвии в доме почти никогда не дребезжали, не трещали балки перекрытий. И кусты бузины под окнами на задах разве что лениво колыхались, будто им никак не дотянуться до стекол. Бывало, мать, уютно устроившись в кресле у камина, изрекала:

— Кто бы что ни говорил, но нам тут живется очень покойно. В такую ночь не хотела бы я сидеть наверху, в «Пентландсе» или в «Сетон-хаусе».

Это была любимая фраза матери: «Кто бы что ни говорил...» Произносилась всегда язвительным тоном обиженной вдовицы, предъявляющей бесконечные претензии белому свету. Мать обожала все маленькое, уютное, надежное. Природу она воспринимала как оскорбление, и «Дом кожевника» служил ей укрытием не только от штормов, но и от собственных мыслей. А вот Сильвия была бы рада, чтобы напоенный морскими брызгами ветер ломился в окна и двери. Она бы чувствовала, что внешний мир вправду существует, и себя бы чувствовала его частью. По крайней мере, не так обидно, как сидеть в этом противоестественном безветрии, отрезанной ото всего за стенами дома, где даже природа как бы не удостаивает тебя вниманием. Но в эту ночь она ощутила не просто одиночество, обособленность от мира, а именно панический, животный страх. Она боялась, что ее убьют. Началось со знобкого, почти приятного предчувствия опасности, которым она сознательно, отмеренными дозами себя развлекала. Но потом неожиданно воображение вышло из-под контроля. И вместо мыслей о страхе явился сам страх. Она одна в доме. Она беззащитна. Она боится. Она представляла себе темный Кожевенный проулок, песчаную проезжую колею, высокие черные кусты, стоящие стеной справа и слева. Вздумай убийца прийти к ней сегодня, она даже не услышит его шагов. Инспектор Реклесс несколько раз ее спрашивал, и она отвечала одинаково. Ночью мимо «Дома

кожевника», если человек ступает осторожно, вполне можно пройти и остаться незамеченным. Ну а если человек несет труп? Это труднее сказать, но она все-таки думает, что тоже можно. Когда она спит, то спит крепко, с закрытыми окнами и задернутыми шторами. Но сегодня он не будет нести труп, он придет за нею свободный. С топором в руке, может быть, или с ножом, или поигрывая концом веревки. Она попыталась представить себе его лицо. Лицо должно быть знакомым. Она и без вопросов инспектора знала, что Морис Сетон убит одним из обитателей Монксмира. Но сегодня вместо знакомого лица ей виделась только бледная, застывшая маска хищника, бесшумно подкрадывающегося к жертве. Возможно, вот прямо сейчас он уже стоит у калитки, положил ладонь на деревянную ручку и не решается открыть. Потому что знает: у нее калитка скрипучая. Это в Монксмире все знают. Но чего ему беспокоиться? Ну, закричит она. Все равно же никто не услышит, некому услышать. И он ведь знает, что она не может убежать.

Сильвия в отчаянье осмотрелась вокруг, примериваясь к массивной темной мебели, которую привезла в дом мать, когда выходила замуж. Хорошо бы загородить дверь большим резным книжным шкафом или угловым буфетом, да как их сдвинешь? Она ничего не может. Она приподнялась на своей узкой кровати и, повиснув между костылями, перебралась в кухню. Из застекленной дверцы посудного шкафчика на нее взглянуло собственное отражение: бледный круг лица, глаза, как два черных провала, и прямые черные волосы обвисли, как на голове утопленницы. Лицо ведьмы. Триста лет назад они бы меня заживо сожгли, подумалось ей, а теперь даже не боятся. Трудно сказать, что хуже — когда жалеют или когда боятся. Выдвинув один из ящиков кухонного стола, она достала несколько ложек и вилок. Уложила их в ряд по краю подоконника, хрипло дыша прямо на оконное стекло. Подумав, поставила еще тут же два или три стакана. Если он попробует забраться в окно, по крайней мере она загодя услышит металлический дребезг и звон разбиваемого стекла. Теперь она стала искать оружие. Может быть, разделочный нож? Нет, он слишком неуклюжий и тупой. Кухонные ножницы? Она развела лезвия и попыталась разнять их совсем, но болт сидел слишком прочно, не поддавался даже под ее мощными пальцами. Тут она вспомнила про старый обломанный ножик для чистки картофеля и других овощей. Сточенный клинок был всего шести дюймов, но твердый и острый, как игла, и ручка короткая, удобная, по руке. Она несколько раз провела им туда-сюда по шершавому краю раковины. Попробовала пальцем лезвие. Ладно, годится. Вооружившись, она почувствовала себя спокойнее. Проверила еще раз замки на входной двери, выложила вдоль подоконника в гостиной стеклянные безделушки из углового буфета. И улеглась на кровать, прямо в шинах, высоко поставив подушки, положив рядом тяжелое стеклянное пресс-папье и зажав в руке картофельный ножик. Так она возлежала на подушках и ждала, когда уймется этот пароксизм страха, и сердце ее колотилось, сотрясая все тело, слух напрягался, ловя сквозь стоны ветра, не скрипнула ли калитка, не звякнуло ли, разбиваясь, стекло.

Часть вторая
ЛОНДОН

1

На следующее утро, после раннего одинокого завтрака, справившись по телефону у Реклесса о лондонском адресе Дигби Сетона и названии отеля, где останавливалась Элизабет Марли, Далглиш отправился в путь. Он не объяснил Реклессу, зачем ему нужны эти сведения, и тот сообщил их, ничего не спросив, только пожелал мистеру Далглишу приятной и успешной поездки. Далглиш ответил, что не слишком-то верит в ее приятность

и успешность, но благодарит инспектора за помощь. Оба не скрывали иронии. Даже телефонный провод, казалось, вибрировал от их взаимной неприязни.

Беспокоить Джастина Брайса в такую рань было, конечно, жестоко, но Далглиш хотел взять у него фотографию пляжной компании. Хотя снимок сделали несколько лет назад, Сетоны, Оливер Лэтем и сам Брайс были на нем вполне узнаваемы.

Услышав стук в дверь, Брайс, пошатываясь, спустился вниз. Столь раннее вторжение, похоже, лишило его как разума, так и дара речи, и Далглишу стоило изрядных усилий втолковать ему, что от него нужно, и получить снимок. Отдав его, Брайс вдруг задался вопросом, следовало ли это делать. Когда Далглиш уже уходил, он с озабоченным видом засеменил вслед, скуля: «Адам, вы только не рассказывайте Оливеру, что я его вам дал. Он придет в ярость, если узнает о сотрудничестве с полицией. Боюсь, Оливер капельку вам не доверяет. Приходится взывать к вашей щепетильности».

Далглиш промычал нечто успокоительное и посоветовал пойти еще подремать, но он был слишком хорошо знаком с фокусами Джастина, чтобы принимать их за чистую монету. Позавтракав и набравшись сил для дневных передряг, он почти наверняка позвонит Селии Кэлтроп, чтобы по-соседски обменяться мыслями о том, чего можно теперь ждать от Адама Далглиша. К полудню весь Монксмир, и Оливер Лэтем в том числе, будет знать, что он уехал в Лондон, взяв с собой фотографию.

Дорога была не слишком утомительной. Он выбрал кратчайший маршрут и в полдвенадцатого уже въезжал в город. Он не предполагал, что вернется в Лондон так скоро. Смахивало на преждевременный конец безнадежно испорченного отпуска. Суеверно отгоняя эту мысль, он поборол искушение заехать в свою квартиру на Куинхайте с видом на Темзу и сразу направился к Уэст-Энду. Около полудня он остановил свой «купер-бристоль» на Лексингтон-стрит и зашагал по направлению к Блумсбери и «Клубу мертвецов».

«Клуб мертвецов» представляет собой типично английское заведение, назначение которого, трудноопределимое хоть с какой-нибудь степенью точности, прекрасно понимают все посвященные. Он был основан в 1892 году неким адвокатом и служил местом встреч людей, интересующихся убийствами, а после смерти основателя по завещанию получил во владение его уютный дом на Тэвисток-сквер. Состав клуба исключительно мужской — женщинам не разрешается становиться его членами и даже посещать его. Ядро клуба образуют писатели-детективщики, избираемые скорее по степени известности издателей, чем по тиражам изданий, один-два отставных офицера полиции, с десяток практикующих адвокатов, трое ушедших на покой судей, а также многие известные криминалисты-любители и судебные репортеры; прочие же члены — заурядные люди, способные аккуратно платить членские взносы и глубокомысленно рассуждать о степени вины Уильяма Уоллеса или о тонкостях линии защиты Маделайн Смит. Хотя ввиду сугубо мужского характера клуба за его пределами оказались лучшие писательницы детективного жанра, это никого не смущает; руководство убеждено, что их присутствие не оправдает расходов на сооружение дополнительных туалетов. Сказать по правде, водопровод и систему канализации в «Клубе мертвецов» не меняли с тех самых пор, как в 1900 году он переехал на Тэвисток-сквер; однако слух о том, что ванны приобрел еще Джордж Джозеф Смит, не более чем «утка». Приверженность старине проявляется тут во всем; само ограничение состава членов объясняется убежденностью в том, что убийство — не тема для обсуждения в присутствии женщин. И убийство, как таковое, предстает в «Клубе мертвецов» неким изящным раритетом, отделенным от обыденности временем или панцирем закона и не имеющим ничего общего с подлыми или отчаянными преступлениями, которые большей частью приходилось расследовать Далглишу. Убийство здесь ассоциируется с опрятной служанкой викторианской эпохи в чепце с лентами, подглядывающей в дверь спальни за тем, как Аделаида

Бартлетт готовит мужу лекарство; с грациозной ручкой, протягивающей сквозь решетку эдинбургского полуподвала чашку какао, куда, может быть, подмешан мышьяк; с доктором Лэмсоном, потчующим гостей пирогом на предсмертном чаепитии своего богатого свойственника; с Лиззи Борден, жарким массачусетским летом крадущейся с топором в руке по тихому дому в Фолл-Ривер.

У каждого клуба есть своя «изюминка». У «Клуба мертвецов» это — Планты. Если завсегдатай спрашивает: «Что с нами будет, если мы лишимся Плантов?» — то звучит это как «Что с нами будет, если на нас сбросят атомную бомбу?» Не то что эти вопросы вовсе лишены смысла, но заостряют на них внимание только люди с больным воображением. Судьба подарила мистеру Планту — можно подумать, из особой благосклонности к клубу — пять здоровых и ухватистых дочек. Три старшие — Роза, Лилия и Гортензия — уже замужем и регулярно приходят помогать; две младшие — Магнолия и Примула — работают официантками в столовой. Глава семейства исполняет должность управляющего, а его жена, по общему мнению,— одна из лучших поварих Лондона. Именно Планты поддерживают в клубе дух городского фамильного гнезда, благополучие которого вверено семейству преданных, сметливых и выдержанных слуг. Членов клуба, живших в свое время в таких домах, греет уютное чувство, что они вернулись в собственное детство; прочие же остро ощущают, чего были лишены. Чудачества Плантов только делают их интереснее, не ставя под вопрос их деловитость, а это можно сказать лишь о немногих клубных служащих.

Хотя Далглиш и не был членом клуба, он иногда там обедал и с Плантом был знаком. Хорошо было и то, что по необъяснимому сродству душ Плант ему симпатизировал. Плант без возражений показал ему все, что он хотел увидеть, и ответил на все вопросы; Далглишу не было нужды слишком уж упирать на свой неофициальный статус. Сказано между ними было немного, но этого хватило, чтобы они великолепно друг друга поняли. Плант провел Далглиша в маленькую спальню окном на улицу на первом этаже, которую неизменно занимал Сетон, и пока Далглиш изучал комнату, он не спускал с него глаз. Если бы не привычка работать под чужими взглядами, Далглиша могло бы смутить столь пристальное наблюдение. Наружность у Планта была запоминающаяся. Рост — шесть футов три дюйма, плечи широкие, лицо бледное и мягкое, как замазка, левая скула по диагонали рассечена тонким шрамом. Эта полученная в юности отметина, результат заурядного падения с велосипеда на железные перила, так сильно напоминала дуэльный шрам, что Плант, не устоявший перед искушением усилить эффект, постоянно носил пенсне и стриг волосы ежиком — это делало его похожим на офицера-злодея из фильма про нацистов. Униформа была под стать такому образу: темно-синий шерстяной костюм с миниатюрными черепами на обоих лацканах — эта вульгарная и вычурная деталь, введенная в употребление в 1896 году основателем клуба, ныне, как и сам Плант, освящена временем и обычаем. Во всяком случае, члены клуба всегда несколько недоумевают, слыша замечания гостей по поводу странного вида Планта.

В спальне смотреть было почти не на что. Сквозь тонкие териленовые занавески пробивался тусклый свет октябрьского дня. Гардероб и комод были пусты. На стоявшем у окна небольшом письменном столе светлого дерева лежали только чистый блокнот и стопка писчей бумаги с эмблемой клуба. Узкая свежезастеленная кровать дожидалась нового жильца. Плант сказал:

— Офицеры из суффолкского уголовного розыска забрали его пишущую машинку и одежду, сэр. Они искали бумаги, но не нашли ничего стоящего. Только пачку коричневых конвертов, листов пятьдесят чистой бумаги и пару листочков копирки — вот и все. Он ведь был аккуратист, сэр.

— Это правда, что он из года в год жил здесь в октябре?

— Вторую половину месяца, сэр. Каждый год. И всегда в этой комнате. На этом этаже у нас только одна спальня, а высоко подниматься по лестнице

он не мог из-за сердца. Здесь, конечно, есть лифт, но он говорил, что не доверяет лифтам. Так что эта комната была за ним.

— Он здесь работал?

— Да, сэр. Почти каждое утро с десяти до половины первого. Потом обедал. И снова работал с половины третьего до половины пятого. Это если ему надо было печатать. Читать и делать выписки он ходил в библиотеку. Но печатать в нашей библиотеке не разрешается, чтобы не беспокоить других читателей.

— Во вторник вы слышали стук машинки?

— Мы с женой слышали, что кто-то печатает, и, естественно, полагали, что это мистер Сетон. На двери была табличка «Не беспокоить», но мы и так бы не вошли. Когда член клуба работает, это исключено. Инспектор, кажется, допускает, что тут мог быть кто-то другой.

— Вот как? А что вы об этом думаете?

— Пожалуй, это возможно. Жена слышала машинку в одиннадцать утра, я — часа в четыре. Но мы не можем поручиться, что это был мистер Сетон. Стук был быстрый и уверенный, но мало ли что? Инспектор все выспрашивал, мог ли кто сюда пробраться. Мы никого чужих не видели, но в обеденное время и почти всю вторую половину дня мы были очень заняты и сюда не поднимались. Вы знаете, сэр, что люди тут ходят взад-вперед совершенно свободно. Конечно, женщину заметили бы. Если бы в клубе оказалась женщина, кто-нибудь из членов это бы запомнил. А так — я не мог лгать инспектору и доказывать, что это место хорошо охраняется. Он полагает, что мы мало заботимся о безопасности. Но я сказал ему, сэр, что клуб — не полицейский участок.

— Но вы заявили об его исчезновении только на третий день?

— Увы, сэр. Да и тогда я позвонил не в полицию. Я позвонил ему домой и переговорил с его секретаршей мисс Кедж. Она попросила меня ничего не предпринимать и сказала, что постарается найти брата мистера Сетона. Сам я никогда его не видел, но мистер Морис Сетон как-то мне о нем упомянул. Насколько я помню, в клубе он ни разу не был. Инспектор особо меня об этом спрашивал.

— Наверно, он спрашивал и про мистера Оливера Лэтема и мистера Джастина Брайса?

— Да, сэр. Они оба — члены клуба, и я ему об этом сказал. Но я давно не видел ни того ни другого, и я не думаю, что они могли прийти и уйти, не сказав ни слова ни мне, ни жене. Хотите взглянуть на ванную и туалет? Пожалуйста. Мистер Сетон пользовался вот этими. Инспектор даже заглядывал в бачок.

— Правда? Надеюсь, он нашел там то, что искал.

— Он нашел поплавок, сэр; молю Бога, чтобы теперь ничего там не испортилось — этот бачок, знаете, с норовом. Думаю, вы захотите пройти в библиотеку. Там мистер Сетон работал, когда не печатал. Вы, наверно, помните — она выше этажом.

От посещения библиотеки, конечно, нельзя было отказаться. Инспектор Реклесс работал основательно, а Плант — не тот человек, который позволит своему подопечному удовольствоваться меньшим. Когда они втиснулись в давяще тесный лифт, Далглиш задал последние несколько вопросов. Плант сказал, что ни он, ни прочие служащие не отправляли почту для мистера Сетона. Никто не убирал его комнаты и не выкидывал бумаг. И, насколько Планту известно, там нечего было выкидывать. Если не считать пишущей машинки и одежды Сетона, комната в таком же состоянии, в каком была в вечер его исчезновения.

Библиотека, расположенная с южной стороны и выходившая окнами на площадь, была едва ли не самой приятной комнатой дома. Первоначально она служила гостиной и, если не считать книжных полок, занимавших всю западную стену, почти не изменилась с тех пор, как здание передали клубу. Занавески были копиями прежних, стены покрывали выцветшие обои с прерафаэлитским орнаментом, письменные столы, поставленные в простенках между четырьмя высокими окнами, были настоящие викторианские. Книги

на полках составляли небольшую, но достаточно представительную «библиотеку преступлений». Среди них были известные серии «Британские судебные процессы» и «Знаменитые судебные процессы», учебники судебной медицины, токсикологии и судебной патологии, воспоминания судей, адвокатов, патологоанатомов и офицеров полиции, ряд книг криминалистов-любителей о самых знаменитых или загадочных убийствах, руководства по уголовному праву и процедуре полицейского расследования и даже несколько трактатов о социологических и психологических аспектах убийства и на́силия, которые, по всей видимости, почти никто не открывал. На полках, отданных художественной литературе, стояло несколько первых изданий По, Ле Фаню и Конан Дойла; было представлено большинство английских и американских детективных авторов, причем те писатели, что состояли в клубе, явно сами дарили ему свои книги. Далглиш с интересом обнаружил, что книги Мориса Сетона были в особых переплетах с монограммами золотого тиснения. Он также заметил, что, хотя клуб не допускал женщин в число своих членов, запрет не распространялся на их книги, так что библиотека давала неплохое представление о детективной литературе последних ста пятидесяти лет.

У противоположной стены стояли два выставочных стеллажа, которые образовали настоящий маленький музей убийств. Так как все экспонаты были подарены или завещаны членами клуба в течение многих лет и приняты с неизменной и некритической благодарностью, они сильно различались по значимости и, как заподозрил Далглиш, по подлинности. Никто и не пытался разместить их в хронологическом порядке, подписи были составлены небрежно, и расположение предметов на стеллажах было подчинено не логике, а эстетике. Там находился кремневый дуэльный пистолет с серебряной инкрустацией и позолоченными полками, который, как гласила подпись, использовал преподобный Джеймс Хэкман, казненный в Тайберне в 1779 году, для убийства Маргарет Рей, любовницы графа Сандвичского. Далглиш подумал, что это маловероятно. Он заключил, что пистолет был сделан лет на пятнадцать позже. Но он вполне допускал, что эта красивая блестящая вещица имеет зловещую историю. А вот следующий экспонат не оставлял никаких сомнений в своей подлинности — это было потемневшее и истончившееся от времени письмо Мэри Блэнди своему возлюбленному с благодарностью за «порошок для полировки шотландских самоцветов», а на деле — мышьяк, убивший ее отца и приведший ее на эшафот. На том же стеллаже были выставлены Библия с подписью «Констанс Кент» на форзаце, измочаленная пижамная куртка, в которую якобы заворачивали тело миссис Криппен, маленькая хлопчатобумажная перчатка, принадлежавшая, как гласила подпись, Маделайн Смит, и склянка с белым порошком — «мышьяком, обнаруженным у майора Герберта Армстронга». Окажись это зелье подлинным, его бы хватило, чтобы превратить всю клубную столовую в мертвецкую,— а стеллажи стояли незапертые. Но в ответ на замечание Далглиша Плант улыбнулся:

— Это не мышьяк, сэр. То же самое, что и вы, сказал девять месяцев назад сэр Чарльз Уинкворт. «Плант,— сказал он,— если это действительно мышьяк, надо его либо убрать, либо запереть». И мы взяли немного порошка и без лишнего шума послали на анализ. Это питьевая сода, сэр, ничего больше. Я не хочу сказать, что она не имеет отношения к майору Армстронгу, и я понимаю, что не сода убила его жену. Но, как бы то ни было, это штука безвредная. Мы ее тут оставили и ничего никому не сказали. В конце концов, тридцать лет она сходила за мышьяк, сойдет и дальше. Как сказал сэр Чарльз, только начните рассматривать экспонаты слишком пристально, и от музея ничего не останется. А теперь, сэр, прошу меня извинить, но мне пора быть в столовой. Если, конечно, вы не хотите посмотреть что-нибудь еще.

Далглиш с благодарностью отпустил его. Но сам еще на несколько минут задержался в библиотеке. Им овладело смутное и томительное чувство, что где-то, и совсем недавно, он видел разгадку смерти Сетона — подсознание ухватило этот беглый намек, но он упрямо отказывался про-

биться наружу и быть распознанным. Ощущение не было новым. С ним знаком всякий настоящий сыщик. Изредка оно приводило Далглиша к одному из тех, казалось бы, необъяснимых успехов, на которых во многом основывалась его репутация. Гораздо чаще это мимолетное впечатление, когда он его припоминал и анализировал, оказывалось не идущим к делу. Но подсознание своевольно. Разгадка, если это была она, пока от него ускользала. Каминные часы ударили один раз. Его ждали к обеду.

В столовой в камине теплился огонь, почти невидимый в лучах осеннего солнца, косо падавших на столы и ковер. Комната была простая и удобная, как раз подходящая для такого серьезного занятия, каким является еда, с массивными свободно расставленными столами без цветов, на которых сверкали белоснежные скатерти. На стенах висели подлинные иллюстрации «Физа» к «Мартину Чезлвиту» — висели только потому, что они недавно были подарены видным членом клуба. Сойдет, подумал Далглиш, как замена изображениям казней в старом Тайберне, которые Совет клуба, неравнодушный к прошлому, снимал, видимо, с некоторым сожалением.

На обед и ужин в «Клубе мертвецов» готовят только одно главное блюдо — миссис Плант полагает, что при столь ограниченном персонале совершенство несовместимо с многообразием. В конце концов, для желающих всегда есть салат и холодное мясо, а кому не подходит ни это, ни главное блюдо, тот может попытать счастья в другом месте. В сегодняшнее меню, как было сказано на доске объявлений в библиотеке, входили дыня, бифштекс, пудинг с почками и лимонное суфле. Посетителям уже подавали первые пудинги, завернутые в салфетки.

За угловым столиком его поджидал Макс Герни, обсуждавший в эту минуту с Плантом выбор вина. Увидев Далглиша, он поднял пухлую руку жестом священника, одновременно как бы приветствуя гостя и благословляя хлеб насущный как таковой. Смотреть на него было одно удовольствие. Макс Герни всегда так действовал на людей. Мало кто мог противостоять его очарованию. Светский, общительный и щедрый, он умел радоваться жизни и людям, и радость эта была заразительной и стойкой. Несмотря на высокий рост, он казался очень легким, бегал вприпрыжку на маленьких, изящно выгнутых ступнях, отчаянно жестикулировал, сверкал белками черных глаз из-за огромных роговых очков. Он так и лучился навстречу Далглишу.

— Адам! Все замечательно. Мы с Плантом решили, что нам как нельзя лучше подойдет коллекционный йоганнисбергер урожая пятьдесят девятого года, если только вы не предпочтете что-нибудь полегче. Прекрасно. Не люблю говорить о вине дольше, чем нужно. А то я могу почувствовать себя высокородным Мартином Керрадерсом.

Это был новый взгляд на роман Сетона. Я не знал, сказал Далглиш, что Сетон разбирался в винах.

— Бедный Морис в них, увы, не разбирался. Он и не пил их почти. Считал, что с его сердцем это опасно. Нет, он все почерпнул из книг. Вследствие чего, конечно, вкусы Керрадерса оказались прискорбно банальными. А вы прекрасно выглядите, Адам. Я боялся, что созерцание чужого расследования плохо на вас скажется.

Далглиш серьезно ответил, что пострадала в основном его гордость, а не здоровье, хотя положение не из приятных. Обед с Максом, как всегда, подействует на него благотворно.

В последующие двадцать минут о смерти Сетона никто не заговаривал. Оба были заняты едой. Но когда подали пудинг и разлили вино, Макс сказал:

— Так вот, Адам, о Морисе Сетоне. Должен сказать, что, услышав о его смерти, я испытал потрясение и,— тут он подцепил на вилку сочный кусок мяса, маленький шампиньон и половинку почки,— возмущение. Разумеется, не только я — все издательство. Нам вовсе не улыбается столь эффектно терять авторов.

— Глядишь, теперь его будут больше покупать,— ехидно заметил Далглиш.

— Отнюдь нет! Ошибаетесь, мой милый. Это общее заблуждение. Даже если бы смерть Сетона произвела сенсацию, что, согласитесь, для бедного Мориса было бы чересчур, я не уверен, удалось ли бы продать хоть один лишний экземпляр. Десяток-другой старых дам заказали бы в библиотеке его последнюю книгу — вот и все. Кстати, вы ее читали? «Щепотка на галлон» — убийство путем отравления мышьяком, происходящее на керамическом заводе. Достоверности ради он в апреле три недели учился делать горшки — такой уж был добросовестный. Но вы, я думаю, не читаете детективную литературу.

— Не читаю, но отнюдь не из высокомерия. Скорее из зависти. Удивляюсь — как это детективным романистам удается не только арестовывать преступников, но и получать чистосердечные признания, располагая уликами, с которыми я не мог бы и ордер на арест попросить. Хотел бы я, чтобы настоящих убийц так легко можно было брать на пушку. И еще одна мелочь: никто из писателей-детективщиков и слыхом не слыхал о таких вещах, как постановление суда.

— Ну, кто-кто, а высокородный Мартин — настоящий джентльмен. Вам у него учиться и учиться. Всегда наготове подходящая цитата и совершенно неотразим для женского пола. Все в высшей степени прилично, но какую бы женщину он ни подозревал, она так и кинулась бы к нему в постель, если бы только Сетон позволил. Бедный Морис! Думаю, это была своего рода компенсация.

— Что вы можете сказать о его стиле? — спросил Далглиш, который начал думать, что зря так ограничил свой круг чтения.

— Напыщенный и правильный. Но в наши дни, когда каждая полуграмотная дебютантка мнит себя великой писательницей, как я могу бросить в него камень? Он писал, похоже, со словарем Фаулера по левую руку и тезаурусом Роджета по правую. Скучно, плоско и, увы, уже почти убыточно. Когда пять лет назад он ушел от Максвелла Доусона, я не хотел его брать, но остался в меньшинстве. К тому времени он практически уже исписался. Но мы привыкли всегда иметь под рукой одного-двух детективщиков — вот и купили его. Думаю, обе стороны потом об этом пожалели, но до развода дело так и не дошло.

— А что он был за человек? — спросил Далглиш.

— Трудный был. Очень трудный, бедняга. Разве вы его не знали? Педантичный, самолюбивый, капризный человечек, вечно на взводе из-за своих тиражей, своей рекламы и своих обложек. Переоценивал свой талант и недооценивал чужие — его популярности это не шло на пользу.

— Короче, типичный писатель,— ехидно заметил Далглиш.

— Ну, Адам, это уж слишком. Не ожидал такое услышать от писателя. Вам ли не знать, что средний писатель так же трудолюбив, талантлив и приятен в общении, как и просто средний нормальный человек. Нет, он не был типичен. Слишком уж был несчастным и беззащитным. Временами его становилось жалко, но это благородное побуждение в его присутствии испарялось за десять минут.

Далглиш спросил, не говорил ли Сетон, что собирается менять жанр.

— Говорил. В последний раз мы виделись месяца два с половиной назад, и мне пришлось выслушать обычный обличительный монолог о снижении уровня и засилье секса и садизма. Но потом он заявил, что сам собирается написать триллер. Теоретически, конечно, я был за, но на практике я не мог себе представить, как бы он с этим справился. Тут и язык нужен особый, и навык. Дело в высшей степени профессиональное, а Сетон, едва выходил за пределы личного опыта, тут же начинал пускать пузыри.

— Для детективного писателя это, наверно, крупный недостаток?

— Сам он, конечно, никого не убивал — во всяком случае, в литературных целях. Дело в другом: он цеплялся за привычные характеры и привычную обстановку. Вы понимаете, о чем я говорю. Уютная английская сельская или провинциальная жизнь. Местные жители передвигаются, как шахматные фигуры,— по строгим правилам, обусловленным их общественным положением. Весь набор утешительных иллюзий: насилие — нечто

исключительное, все полицейские честны, классовая структура английского общества за последние двадцать лет не изменилась, убийцы — не джентльмены. Но в деталях он был безукоризненно точен. У него, например, никогда не убивали из огнестрельного оружия, потому что он в нем не разбирался. Зато прекрасно разбирался в ядах и был весьма силен в судебной медицине. Его необычайно занимало трупное окоченение и тому подобные вещи. Его раздражало, что рецензенты этого не отмечают, а читателям и вовсе плевать.

Далглиш поинтересовался:

— Значит, вы виделись два с половиной месяца назад. Как это было?

— Он написал мне письмо с просьбой о встрече. Потом специально приехал в Лондон, и мы встретились в издательстве после четверти седьмого, когда почти все уходят. И отправились сюда ужинать. Как раз об этом-то я и хотел с вами поговорить, Адам. Он собирался изменить завещание. Прочтите это письмо и все поймете.

Он вынул из бумажника сложенный лист и протянул его Далглишу. Сверху на нем было обозначено: «Сетон-хаус», Монксмир, Суффолк». Письмо, датированное тридцатым июля, было напечатано на машинке, и работа показалась Далглишу хотя и аккуратной, но непрофессиональной — было нечто неуловимое в величине пробелов и переносе слов, что выдавало неопытную руку. Далглиш немедленно отметил, что недавно видел текст, напечатанный тем же человеком. Письмо гласило:

«Дорогой Герни!

Думая о нашем разговоре в пятницу — тут я должен отклониться от темы и вновь поблагодарить Вас за великолепный ужин,— я пришел к выводу, что мое первое побуждение было верным. Делаешь что-нибудь — делай до конца. Чтобы Сетоновская литературная премия могла послужить тем великим целям, с которыми я ее связываю, денежный вклад должен быть адекватным — не только для того, чтобы обеспечить размер премии, соответствующий ее значению, но и для того, чтобы финансировать ее в будущем. У меня нет родных, имеющих законное право на мое состояние. Кое-кто, возможно, думает, что имеет такое право, но это уже другое дело. Мой единственный здравствующий родственник получит сумму, которую упорный труд и бережливость смогут приумножить, если только он захочет придерживаться этих добродетелей. Я считаю, что с него достаточно. За вычетом этой и других небольших сумм, которые я оставляю разным людям, получается примерно 120 000 фунтов премиального фонда. Я сообщаю Вам это для того, чтобы Вы представляли себе мои намерения. Вы знаете, что здоровье мое не в порядке, и, хотя я могу прожить еще много лет, я хочу, не затягивая, дать этому делу ход. Моя точка зрения Вам известна. Премия должна вручаться раз в два года за выдающиеся работы в области художественной литературы. Я не хочу давать какие-то особые преимущества молодым. Мы уже по горло сыты чувствительностью юных авторов, настоянной на жалости к себе. Натурализм мне тоже не по душе. Роман должен быть плодом творческого воображения, а не набором скучных прописей из записной книжки работника социальной службы. И я не хочу ограничиваться детективной литературой — то, что я так называю, больше не существует.

Обдумайте, пожалуйста, эти планы и сообщите мне Ваши предложения. Конечно, нам будут нужны доверенные лица, и я посоветуюсь с адвокатами по поводу деталей нового завещания. Пока, однако, я не делился этими мыслями ни с кем и надеюсь, что Вы поступите так же. После детальной разработки все это, конечно, станет достоянием широкой публики, но я решительно против любых скоропалительных заявлений. На вторую половину октября я, как всегда, приеду в «Клуб мертвецов», и тогда мы, надеюсь, сможем встретиться.

Искренне Ваш
Морис Сетон».

Пока Далглиш читал, он постоянно чувствовал на себе острый взгляд черных глаз Герни. Закончив, он протянул назад письмо со словами:

— Похоже, он многого от вас хотел. Что фирма могла с этого иметь?

— Да ничего, милый мой Адам. Только массу суеты к вящей славе Мориса Сетона. Он даже не захотел ограничиться нашими авторами. Хотя в этом-то он, пожалуй, был прав. Он думал привлечь действительно крупные имена. Его очень беспокоило, захотят ли наши корифеи стать соискателями. Я посоветовал увеличить размер премии — тогда прибегут, как миленькие. Но сто двадцать тысяч фунтов! Я и не думал, что он так богат.

— Его жена была состоятельная женщина... Вы не знаете, Макс, говорил он еще кому-нибудь об этих планах?

— Думаю, нет. В этом вопросе он вел себя по-детски. Строжайшая секретность — мне запрещалось даже говорить с ним об этом по телефону. Но вы понимаете, что меня теперь смущает. Надо или нет передать письмо полиции?

— Конечно надо. Точнее говоря — инспектору Реклессу из суффолкского уголовного розыска. Я дам вам адрес. Сообщите ему по телефону, что отослали письмо.

— Я надеялся, что вы сами сообщите. Разумеется, все ясно до очевидности. Но возникают всякие дурацкие сомнения. Кто его теперешний наследник — я не знаю. Но это письмо дает ему увесистый мотив.

— Еще бы. Но у нас нет доказательств, что наследник знал о письме. Скажу для вашего успокоения, что человек, обладающий самым сильным денежным мотивом, имеет и самое сильное алиби. Когда Морис Сетон умер, он был в полицейском участке.

— Очень умно с его стороны... Итак, я не могу просто передать это письмо вам, Адам?

— Мне очень жаль, Макс. Обойдитесь лучше без меня.

Герни вздохнул, положил письмо обратно в бумажник и вновь принялся за еду. Они не говорили о Сетоне до тех пор, пока не покончили с обедом и Макс не стал облачаться в необъятный черный плащ, который он неизменно носил с октября по май и в котором был похож на мага-любителя, знававшего лучшие дни.

— Мне пора, а то опоздаю на заседание нашего правления. Мы сделались такими официальными, Адам, такими деловыми. Любое решение требует одобрения всего правления. Это все наше новое здание. В былые дни мы сидели взаперти по пыльным каморкам и действовали на свой страх и риск. Конечно, это несколько размывало политику фирмы, но, может, это было не так уж и плохо... Подбросить вас куда-нибудь? Кого вы допрашиваете после меня?

— Спасибо, Макс, я пройдусь пешком. Направляюсь в Сохо поболтать с убийцей.

Макс опешил.

— Неужто убийцей Сетона? А я-то думал, вы вкупе с суффолкским уголовным розыском вконец сбиты с толку. Так ради чего же я сражался с собственной совестью?

— Нет, Сетона он не убивал, хотя, думаю, никаких моральных препятствий у него бы не было. Кто-то явно хочет создать у полиции впечатление, что он замешан. Это Л. Дж. Люкер. Помните такого?

— Это он застрелил своего компаньона посреди Пиккадилли и вышел сухим из воды? В пятьдесят девятом или около того.

— Он самый. Кассационный суд отменил приговор, сославшись на то, что присяжные получили неправильное напутствие. Судья Бротвик по какому-то непонятному наваждению сказал им, что человеку, не отвечающему на обвинения, вероятно, есть что скрывать. Должно быть, он понял, каковы будут последствия, едва эти слова слетели у него с губ. Но что сказано — то сказано. И Люкер вышел на свободу, как он и предрекал.

— Но что у него общего с Морисом Сетоном? Трудно представить себе двоих столь непохожих людей.

— Вот это,— сказал Далглиш,— я и хочу выяснить.

2

Далглиш шел через Сохо к «Кортес-клубу». Освеженный чистотой и безлюдьем Суффолка, он нашел эти улицы-ущелья, в предвечерний час еще сравнительно тихие, более угнетающими, чем обычно. Трудно было поверить, что когда-то ему даже нравилось разгуливать по этому отвратительному лабиринту. Теперь даже месячное отсутствие не делало возвращение более радостным. Конечно, это вопрос точки зрения, поскольк-

ку тут умеют угодить любым вкусам, предлагая на выбор все, что покупается за деньги. Можно посмотреть так, можно этак. Место, куда имеет смысл пойти поужинать; космополитическое поселение у самой Пиккадилли, живущее своей таинственной жизнью; средоточие лучших лондонских продовольственных магазинов; самый отвратительный во всей Европе рассадник преступности. Даже заезжие журналисты не знают, что сказать по поводу здешних контрастов. Проходя мимо клубов со стриптизом, мрачных подвальных лестниц, силуэтов скучающих девиц за занавесками в окнах верхних этажей, Далглиш подумал, что, если заставить любого мужчину ежедневно ходить по этим мерзким улицам, он непременно сбежит в монастырь — не столько от телесного отвращения, сколько от невыносимой скуки, от однообразия похоти, от ее безрадостности.

«Кортес-клуб» был не лучше и не хуже прочих. Снаружи красовались обычные фотографии, а рядом стояла неизменная группа слегка пришибленных мужчин средних лет, разглядывавших их с деланной безучастностью. Заведение было еще закрыто, но он толкнул незапертую дверь и вошел внутрь. Маленькая касса пока пустовала. Он спустился по узкой лесенке, покрытой грязноватым красным ковром, и отодвинул нити с бусинами, за которыми находился ресторан.

Здесь мало что изменилось. «Кортес-клуб», как и его хозяин, был чертовски живуч. Клуб теперь выглядел поприличнее, хотя в электрическом свете бросались в глаза безвкусица псевдоиспанского интерьера и грязь на стенах. Помещение было чуть не впритирку заставлено столиками, многие из которых были слишком малы даже для двоих. Впрочем, посетители приходили в «Кортес-клуб» не на семейные ужины, и не еда их больше всего здесь интересовала.

В дальнем конце зала он увидел маленькую сцену с единственным стулом и большой плетеной ширмой. Крышка пианино, стоявшего слева от сцены, была завалена исписанными листами бумаги. Над инструментом склонился худощавый молодой человек в свитере и широких брюках; правой рукой он записывал мотив, который наигрывал левой. Несмотря на неудобную позу и скучающее выражение лица, он был совершенно поглощен своим занятием. Когда Далглиш вошел, пианист бросил на него беглый взгляд и тут же вновь принялся долбить по клавишам.

Кроме него, в зале был только африканец, лениво возивший шваброй по полу. Он сказал мягким тихим голосом:

— У нас еще закрыто, сэр. Обслуживать начнут в шесть тридцать.

— Меня не нужно обслуживать, спасибо. Здесь мистер Люкер?

— Я узна́ю, сэр.

— Узнайте, пожалуйста. И еще я хотел бы видеть мисс Кумбс.

— Я узна́ю, сэр. Не уверен, что она здесь.

— Ну, я думаю, мы сейчас убедимся, что она здесь. Скажите ей, пожалуйста, что с ней хочет поговорить Адам Далглиш.

Уборщик ушел. Пианист продолжал свои импровизации, не поднимая глаз, а Далглиш уселся за столик у самой двери, рассчитывая, что Люкер продержит его здесь минут десять. Он провел это время в размышлениях о человеке, находившемся наверху.

Люкер сказал, что убьет компаньона — и убил. Он сказал, что его за это не повесят — и не повесили. Так как он вряд ли мог заранее рассчитывать на содействие судьи Бротвика, остается предположить в нем либо незаурядный дар предвидения, либо необыкновенную веру в свою счастливую звезду. Иные из историй, которые стали рассказывать о нем после суда, несомненно, выдуманы, но он отнюдь не старается их опровергнуть. Не принадлежа к числу преступников-профессионалов, он известен и принят в их кругах. Эти люди, точно знающие и соблюдающие разумную меру риска, относятся к нему, одним отчаянным шагом преступившему все мыслимые пределы, с суеверным почтением. Человек, стоявший так близко к последней, страшной черте, внушает благоговейный страх. Далглиш иногда с досадой замечал, что это чувство разделяет и полиция. Не верилось, что Люкер, с такой легкостью убивший человека из личной неприязни,

может удовлетвориться управлением несколькими второсортными ночными клубами. От него ждали чего-то куда более впечатляющего, нежели манипуляции с лицензиями и налогами или не слишком крутые эротические зрелища, демонстрируемые скучной публике, развлекающейся на казенный счет. Но если за ним что-нибудь еще и водилось, никто об этом не знал. Может, ничего и не водилось. Может быть, предел его мечтаний как раз и была эта спокойная полуреспектабельность вкупе с дутой репутацией, эта свобода ничейной земли меж двух миров.

Ровно через десять минут появился негр и сказал, что Люкер ждет. Поднявшись на два лестничных пролета, Далглиш вошел в большую комнату, откуда Люкер управлял не только «Кортес-клубом», но и прочими своими заведениями. В ней было жарко и душно — слишком много мебели и слишком мало вентиляции. Посреди комнаты стоял письменный стол, у одной из стен — пара шкафов с деловыми бумагами, слева от газового камина — огромный сейф; рядом с телевизором размещались диван и три мягких кресла. Один угол занимал маленький умывальник. Помещение явно должно было служить и конторой, и комнатой отдыха, а получилось ни то, ни се. В нем находились три человека: сам Люкер, его главный помощник по «Кортес-клубу» Сид Мартелли и Лили Кумбс. Сид, сняв пиджак, грел себе на газе молоко в маленькой кастрюльке. На лице у него было обычное смиренно-страдальческое выражение. Мисс Кумбс, уже в черном вечернем платье, сидела в кресле у плиты и красила ногти. Она приветственно подняла руку и одарила Далглиша широкой беззаботной улыбкой. Далглиш подумал, что текст на листочках бумаги, кто бы его ни сочинил, описывает ее довольно точно. Текла ли в ней русская аристократическая кровь, определить было невозможно, но он доподлинно знал, что Лил выросла не восточнее Уайтчепел-роуд [1]. Это была крупная пышущая здоровьем блондинка с крепкими зубами и толстой бледноватой кожей — такое лицо долго не стареет. Ей было, похоже, лет сорок с небольшим, но точно сказать было трудно. Она ничуть не изменилась со времени их первой встречи пять лет назад. Вполне вероятно, что еще через пять лет она будет все такая же.

А Люкер заметно раздался. Дорогой костюм чуть не трещал в плечах, шея вздувалась над воротником безукоризненно чистой рубашки. У него было неприятное непроницаемое лицо, до того гладкое и лоснящееся, что казалось полированным. И совершенно необычные глаза. Радужные оболочки, серыми камушками посаженные точно посреди белков, были столь безжизненны, что превращали все лицо в уродливую маску. Жесткие черные волосы спускались вниз к середине лба, придавая лицу что-то нелепо-женское. Коротко подстриженные, они блестели, как грубая собачья шерсть. Внешность его была под стать сущности. Но стоило ему заговорить, как голос выдавал происхождение. В нем слышалось все: дом провинциального пастора, любовно пестуемая утонченность, частный интернат. Он доказал, что способен меняться. Но голос изменить он не смог.

— А, суперинтендант Далглиш. Весьма польщен. У нас сегодня, кажется, все занято, но Майкл уж как-нибудь изыщет для вас столик. Я уверен, что представление вам понравится.

— Спасибо, но мне не нужны ни ужин, ни представление. Ваша еда пошла не впрок одному моему знакомому, который на днях тут ужинал. И я предпочитаю нормальных женщин кормящим бегемотихам. Фотографий в витринах мне хватило с лихвой. Где это вы таких откапываете?

— Да никого мы не откапываем. Милые девушки, осознавшие, что имеют, скажем так, естественные преимущества, сами к нам приходят. Не будьте слишком строги, суперинтендант. У каждого из нас — свои личные эротические фантазии. И если ваши не находят тут отклика, это не значит, что у вас их вовсе нет. Что там говорится в Писании о сучке и бревне? Вы не забыли, что я, как и вы, пасторский сын? Хотя судьба довольно далеко нас разбросала.

---

[1] Уайтчепел — один из беднейших районов Ист-Энда.

Он помедлил, как бы размышляя о различии судеб, и непринужденно продолжил:

— Нам с суперинтендантом одинаково не повезло, Сид. Мы оба — пасторские детки. Никому не пожелаю так начинать жизнь. Если папаша искренне верит, презираешь его как глупца; если нет — записываешь в лицемеры. Так ли, этак ли — шансов у него нет.

Сид, рожденный умственно отсталой судомойкой от бармена-киприота, с жаром закивал.

Далглиш сказал:

— Я хотел потолковать с вами и мисс Кумбс о Морисе Сетоне. Я не веду это дело, так что вы не обязаны отвечать на вопросы. Но вы, конечно, и сами это знаете.

— Ваша правда. Захочу — буду нем как рыба. А, бывает, накатит на меня — рад-радешенек помочь человеку. Вперед никогда не угадаешь. Попробуйте — может, что и получится.

— Вы ведь знаете Дигби Сетона, правда?

Далглиш ясно увидел, что вопрос оказался неожиданным. Мертвые глаза Люкера мигнули. Он ответил:

— Дигби работал тут несколько месяцев в прошлом году, когда от меня ушел пианист. Его клуб тогда прогорел. Я дал ему в долг — думал, выкарабкается,— но все без толку. Тут нужна особая сноровка. А пианист он неплохой.

— Когда он тут был последний раз?

Люкер развел руками и обернулся к своим сотрудникам:

— Он работал у нас неделю, когда Рикки Карлис не рассчитал дозу,— когда это было, в мае? С тех пор он не появлялся.

Тут вмешалась Лил:

— Появлялся раз или два, Эл-Джей. Вас как раз тут не было.— Подчиненные, обращаясь к Люкеру, всегда употребляли инициалы. То ли, думал Далглиш, это должно было подчеркнуть теплоту их отношений, то ли Люкеру нравилось чувствовать себя этаким американским боссом. Лил, горевшая желанием помочь, продолжала:

— Сид, а летом он не приходил с компанией?

Сид придал лицу выражение мрачной задумчивости.

— Не летом, Лил. Скорее, в конце весны. Кажется, он приходил с Мэйвис Мэннинг и ее девочками в мае, когда ее программа накрылась.

— Это был Рикки, Сид. Ты его путаешь с Рикки. Дигби Сетон никогда не был с Мэйвис.

У них тут все отрепетировано, подумал Далглиш, как в хорошей труппе. Люкер растянул гладкие щеки в улыбке:

— А что толку копать под Дигби? Ведь никакого убийства не было, а если и было, Дигби тут ни при чем. Возьмите факты. У Дигби имеется богатый братец. Везение для обоих. У братца никудышное сердце — может отказать в любую минуту. Ему не позавидуешь, но для Дигби — опять же везение. И в один прекрасный день оно таки отказывает. Все естественные причины, суперинтендант, если только это выражение что-нибудь значит. Кто-то будто бы отвез тело в Суффолк и пустил по волнам. А перед этим, говорят, сотворил с ним всякие гадкие и нехорошие вещи. Выглядит так, будто мистера Сетона не все его соседи-литераторы горячо любили. И меня удивляет, суперинтендант, что ваша тетя преспокойно живет себе среди этой публики, да еще оставляет топор на самом видном месте.

— Вас хорошо информировали,— сказал Далглиш. Хорошо и, главное, быстро, подумал он. Интересно, кто это держит его в курсе событий.

Люкер пожал плечами:

— По-моему, это не запрещается. Друзья иногда сообщают мне о том о сем. Они знают, что меня может заинтересовать.

— Особенно если на них сваливается двести тысяч фунтов.

— Послушайте, суперинтендант. Когда мне нужны деньги, я их зарабатываю, и зарабатываю честно. Сколотить состояние незаконными способами может любой дурак. А вот чтобы все было по закону — для этого сейчас

надо шевелить мозгами. Дигби Сетон может, если хочет, вернуть мне тысячу пятьсот фунтов, которые я ему одолжил, когда он пытался спасти «Золотой фазан». Впрочем, я его не тороплю.

Сид обратил к боссу свои лемурьи глаза. В них читалась преданность, доходившая почти до неприличия.

Далглиш сказал:

— Морис Сетон ужинал здесь перед смертью. Дигби Сетон связан с этим заведением. И Дигби получает по наследству двести тысяч фунтов. Вполне естественно, что к вам приходят и задают вопросы,— учтите еще, что последним человеком, видевшим Мориса живым, была мисс Кумбс.

Люкер повернулся к Лил:

— Ты лучше держи язык за зубами, Лил. А еще лучше — обзаведись адвокатом. Я позвоню Берни.

— На кой хрен мне ваш Берни? Когда приходил этот полицейский, я выложила все, как на духу. Что мне скрывать? Майкл и другие ребята видели, как он позвал меня к своему столику, и мы сидели до девяти тридцати, а потом вместе вышли. В десять тридцать я вернулась. Ты же видел меня, Сид, и весь этот чертов клуб меня видел.

— Так точно, суперинтендант. Лил вернулась в пол-одиннадцатого.

— Лил не должна была уходить из клуба,— сказал Люкер мягко.— Но с этим разбираться буду я, а не вы.

Неудовольствие Люкера, по-видимому, не произвело на мисс Кумбс никакого впечатления. Как и все сотрудники, она точно знала пределы дозволенного. Немногочисленные правила были просты и доходчивы. Отлучиться на час, если посетителей немного, вполне простительно. Убить человека тоже может быть простительно — смотря по обстоятельствам. Но если кто-нибудь в Монксмире рассчитывает навесить это убийство на Люкера, его ждет разочарование. Не такой человек Люкер, чтобы убивать по чьему-то заданию, и не в его правилах заметать следы. Убив, он демонстративно оставил на месте преступления отпечатки пальцев.

Далглиш спросил Лил, как было дело. Об адвокатах больше речь не заходила, и она охотно принялась рассказывать. Далглиш успел увидеть, как, прежде чем начать, она быстро переглянулась с боссом. По причине, известной только ему самому, Люкер позволил ей говорить.

— Ну вот, он пришел часов в восемь и сел за столик у самого входа. Я сразу его приметила. Смешной такой человечек, одетый с иголочки и весь какой-то нервный. Я подумала, чиновничишка пришел поразвлечься. Кого я только тут не видала. Постоянные клиенты чаще приходят компаниями, но бывают и всякие странные одинокие типы. Такому обычно девочка нужна. Ну, мы здесь этим не занимаемся, и моя обязанность так им и говорить.— Мисс Кумбс придала лицу непреклонно-благочестивое выражение, которое никого не могло обмануть, да и не претендовало на это. Далглиш осведомился, что было дальше.

— Майкл принял у него заказ. Он попросил жареных креветок, зеленый салат, хлеб с маслом и бутылку «Руффино». Похоже, точно знал, что ему нужно. Без всяких там сомнений. Когда Майкл ему подавал, он сказал, что хочет со мной поговорить. Ну, я подошла, и он спросил, что я буду пить. Я попросила джин с лимонным соком и потягивала его, пока он ковырялся в своих креветках. То ли аппетит у него пропал, то ли он взял еду, просто чтобы было чем возить по тарелке во время разговора,— словом, только под конец он что-то в себя впихнул без всякого удовольствия. Хотя вино-то он пил. Чуть не всю бутылку усидел.

Далглиш спросил, о чем они говорили.

— О наркоте́,— откровенно сказала мисс Кумбс.— Вот что, оказывается, его интересовало. Дурь. Не для себя, заметьте. Я, конечно, сразу поняла, что он не из этих — да он тогда и не пришел бы ко мне. Они сами знают, где достать что им нужно. В «Кортес-клуб» они не ходят. А этот стал говорить, что, дескать, он писатель, очень известный, настоящая знаменитость, и что он пишет книгу о торговле наркотиками. Как его зовут, он не сказал, и я не спросила. Так вот, от кого-то он прослышал, что я могу дать

полезные сведения, если буду заинтересована. Этот его приятель будто бы сказал: хочешь узнать что-нибудь о Сохо — иди в «Кортес-клуб» и разыщи там Лил. Очень мило, ничего не скажешь. Это я-то — специалист по наркотикам. Но я подумала: выходит, кто-то хочет дать мне подзаработать. Человек готов был заплатить и, что бы я ни наплела, проглотил бы, как миленький. Ему нужно было одно: понапихать в книгу побольше ярких подробностей, и я подумала — почему бы и нет? В Лондоне все что хочешь можно купить, если ты при деньгах и знаешь, куда сунуться. Вы, милый мой, это понимаете не хуже меня. Я бы могла ему назвать одно-два места, где, говорят, водится дурь. Но что ему с этого? Ему подавай необычайное да таинственное, а что там необычайного и таинственного в торговле наркотой и в этих несчастных развинченных? Я и говорю: дескать, пожалуйста, я дам вам сведения, а сколько вы заплатите? Он сказал — десять фунтов, и я говорю — согласна. Разве я кого-нибудь обманула? Он получил, что ему нужно было.

Далглиш сказал, что от мисс Кумбс всегда можно получить то, что нужно, и она, секунду поколебавшись, благоразумно решила пропустить замечание мимо ушей. Далглиш спросил:

— Вы поверили, что он писатель?

— Нет, дорогуша. Во всяком случае, не сразу. Не впервой мне это слышать. Вы не поверите, сколько сюда ходит всяких разных типов, которым нужна девочка, «чтобы получить материал для нового романа». Или будто бы он социологический опрос проводит. Как же, социологический опрос! Он был похож на одного из этих. Знаете — мелкий такой, нервный и как будто ему невтерпеж. Но когда он сказал, что возьмет такси — мол, вы мне там все продиктуете, а я запишу,— я тогда начала удивляться. Я сказала, что не могу уйти из клуба больше чем на час, и давайте, если хотите, поедем ко мне домой. Не знаешь, что к чему,— держись ближе к дому, я так считаю. Так что я предложила поехать на такси ко мне. Он сказал — хорошо, и мы вышли примерно в девять тридцать. Так ведь было, Сид?

— Так, Лил. Ровно в девять тридцать.— Сид поднял печальные глаза от стакана с молоком. Он уныло разглядывал морщинистую пенку, которая начала образовываться на его поверхности. В спертом воздухе распространился сытный тошнотворный запах горячего молока. Люкер сказал:

— Бога ради, Сид, либо пей, либо выливай. Ты меня нервируешь.

— Выпей, дорогой,— подбадривала его мисс Кумбс.— Вспомни о своей язве. А то с тобой случится то же, что с бедным Солли Гольдштейном.

— Солли умер от коронарной недостаточности — молоко тут не помогает. Скорее вредит. Оно вообще радиоактивное. Содержит стронций-девяносто. Так что подумай, Сид.

Сид просеменил к умывальнику и выплеснул молоко. Подавив желание распахнуть настежь окно, Далглиш спросил:

— Как вел себя мистер Сетон, когда вы с ним сидели в клубе?

— Нервничал, дорогуша. Возбужден был и напуган одновременно. Майкл хотел пересадить его за другой столик — там от двери дует,— но он и не подумал пересесть. И все поглядывал на дверь, пока мы говорили.

— Ждал кого-нибудь?

— Нет, милый мой. Скорее хотел убедиться, что она на месте. Я бы не удивилась, если бы он дал деру. Чудак, одним словом.

Далглиш спросил, что произошло, когда они вышли из клуба.

— Я уже рассказывала этому полицейскому из Суффолка. Мы сели в такси на углу Грик-стрит, и только я собралась дать шоферу мой адрес, как вдруг мистер Сетон сказал, что лучше просто покататься вокруг — мол, не против ли я? В общем, в штаны наложил. Меня испугался, несчастный шибзик. Мне-то без разницы, так что мы чуток покружили по Уэст-Энду, а потом заехали в Гайд-парк. Я наплела ему всяких баек о наркобизнесе, а он записывал в блокнот. Если хотите знать, он был слегка под мухой. Вдруг полез ко мне целоваться. Я уже была по горло им сыта, а он, видите

ли, лапать меня вздумал. Вообще-то это было только так, жест — он решил, что вроде так полагается. Я тогда сказала, что мне пора обратно в клуб. Он попросил высадить его у станции «Паддингтон» и сказал, что поедет на метро. Как говорится, расстались друзьями. Он дал мне две пятерки и еще фунт на такси.

— Он сказал, куда двинется дальше?

— Нет. Мы ехали по Сассекс-гарденс — на Пред-стрит теперь одностороннее движение — и высадили его у линии Дистрикт. Но он мог перейти на другую сторону к Бейкерлоо [1]. Я не посмотрела. Мы распрощались в четверть одиннадцатого у метро «Паддингтон», и больше я его не видела. Все чистая правда.

Правда или нет, подумал Далглиш, опровергнуть такой рассказ очень трудно. Слишком много подкрепляющих свидетельств, и к тому же кто-кто, а Лил никогда не поддастся панике до такой степени, чтобы изменить хорошую версию. И зачем он сюда пришел — только время потерял. Хотя Люкер был необычайно, почти подозрительно покладист, Далглиш не узнал ничего такого, что Реклесс не рассказал бы ему в два раза короче.

Вдруг он ощутил такую же неуверенность и неудовлетворенность собой, какая мучила молодого офицера уголовного розыска Далглиша почти двадцать лет назад. Без всякой надежды он достал фотографию пляжной компании, взятую у Брайса, и протянул собеседникам. Он почувствовал себя торговцем, звонящим в двери и предлагающим никому не нужный хлам. Они стали рассматривать снимок с доброжелательным видом. Возможно, они даже его жалели, подобно терпеливым домохозяевам. С безнадежным упрямством он допытывался, не приходил ли кто-нибудь из сфотографированных здесь людей в «Кортес-клуб». Лил щурилась в мучительном усилии, держа снимок на расстоянии вытянутой руки — так и захочешь, ничего не увидишь. Лил, подумал Далглиш, ведет себя, как большинство женщин. Ложь лучше всего ей удается, когда она может убедить себя в том, что, в сущности, говорит правду.

— Нет, миленький, не узнаю никого. Конечно, кроме Мориса Сетона и Дигби. Но это не значит, что их тут никогда не было. Лучше, наверное, их самих об этом спросить.

Не столь щепетильные Люкер и Сид лишь бросили на фотографию беглый взгляд и заявили, что в жизни этих людей не видели.

Далглиш обвел глазами всю троицу. У Сида был страдальчески-озабоченный вид маленького заморыша, брошенного, как в море, в зловредный мир взрослых. Люкер, подумалось Далглишу, сейчас, должно быть, втайне над ним смеется, если только он способен смеяться. Лил смотрела на него ободряющим, материнским, почти жалостливым взором, который, с горечью подумал он, она обычно приберегает для клиентов. Из этих больше ничего не выжмешь. Он поблагодарил их за помощь — холодную иронию Люкер, возможно, все же способен был воспринять — и отправился восвояси.

3

Когда Далглиш покинул комнату, Люкер дернул головой в сторону Сида. Не говоря ни слова и не оглядываясь, маленький человечек вышел. Люкер подождал, пока на лестнице не смолкли его шаги. Оставшись наедине с боссом, Лил не выказала особенной тревоги, лишь устроилась поудобнее в потертом кресле слева от камина и устремила на него равнодушно-ласковый кошачий взгляд. Люкер подошел к сейфу. Пока он орудовал с кодовым замком, она смотрела на его широкую неподвижную спину. Когда он повернулся к ней, она увидела у него в руках бандероль размером с обувную коробку, обернутую в бумагу и свободно перевязанную белой бечевкой. Он положил ее на свой письменный стол.

— Ты это раньше видела? — спросил он.

Лил не снизошла до выражения любопытства:

---

[1] Дистрикт, Бейкерлоо — линии лондонского метро.

— Кажется, это принесли сегодня с утренней почтой. Сид принимал. Что-нибудь не в порядке?

— Наоборот, все в полном порядке. Прелестная бандеролька. Как ты видишь, я ее разворачивал, а когда она только пришла, глаз было не оторвать — такая аккуратная. Что там в адресе написано? Л. Дж. Люкеру, эсквайру. Аккуратные безликие печатные буквы, шариковая ручка. Поди разбери, чья рука. «Эсквайр» мне нравится. В моем роду не было ни одного оруженосца, так что отправитель тут слегка перегнул палку, но, так как он разделяет эту ошибку с моим налоговым инспектором и половиной торговцев в Сохо, мы не сможем его разыскать по этому признаку. Теперь бумага. Совершенно обычная оберточная бумага; продается в любом канцелярском магазине. И бечевка. Есть в ней что-нибудь примечательное, Лил?

Лил признала, что ничего примечательного в ней нет. Люкер продолжал:

— Что удивляет — это стоимость наклеенных на нее марок. У меня выходит, что, по крайней мере, на шиллинг больше, чем нужно. Можно предположить, что марки наклеили загодя и просто сунули пакет в окошко в бойкое время дня. Чтобы не ждать, пока его взвесят. Так меньше шансов быть замеченным.

— Откуда ее отправили?

— Из Ипсуича, в субботу. Говорит это тебе о чем-нибудь?

— Только о том, что она проехала черт-те сколько миль. Ипсуич — это где-то рядом с тем местом, где нашли Мориса Сетона?

— Ближайший к Монксмиру крупный город. Ближайшее место, где можно не беспокоиться, что будешь замечен. Где-нибудь в Уолберсвике или Саутуолде тебя наверняка потом припомнят.

— Ради Бога, Эл-Джей, что там внутри?

— Открой сама и посмотри.

Осторожно, но не без напускной беспечности Лил приблизилась к пакету. Слоев оберточной бумаги оказалось больше, чем можно было ожидать. Под ней обнаружилась обычная белая коробка из-под обуви, с которой были сорваны все наклейки. Она выглядела очень старой — такую коробку можно найти почти в каждом доме в дальнем углу шкафа. Руки Лил медлили над крышкой.

— Если отсюда на меня прыгнет какой-нибудь поганый зверек, я вас убью, Эл-Джей. Ей-богу, убью. Ненавижу эти глупые шуточки. А чем это от нее разит?

— Формалином. Давай открывай.

Он смотрел на нее пристально, в холодных серых глазах читался интерес, чуть ли не веселье. Удалось-таки ее пронять. На мгновение их глаза встретились. Она отступила от стола на шаг и, нагнувшись вперед, быстрым движением руки откинула крышку.

Над столом поднялся сладковато-едкий запах операционной. Отрубленные кисти рук, покоившиеся на влажной вате, были сложены как бы в молитве — ладони слегка касались друг друга, кончики пальцев были соединены. Дряблая кожа — точнее, то, во что она превратилась,— приобрела меловую белизну и так сморщилась, что руки казались одетыми в старые перчатки, которые ничего не стоит снять. Плоть уже начала отходить от перерубленных костей, и ноготь на правом указательном пальце сдвинулся с места.

Женщина смотрела на руки, не отрывая глаз,— зрелище и завораживало, и отталкивало ее. Потом схватила крышку и с размаху захлопнула коробку. Картон смялся под ее рукой.

— Это не было убийство, Эл-Джей. Клянусь, не было! Дигби тут ни при чем. У него кишка тонка.

— Я и сам так думал. Ты сказала мне правду, Лил?

— Еще бы! Все, как на духу, Эл-Джей. Посудите сами: как он мог? Во вторник он всю ночь просидел в каталажке.

— Все это я знаю. Но кто же, если не он? Двести тысяч фунтов — хорошая приманка.

Лил внезапно сказала:

— Он говорил, что его брат умрет. Однажды я это от него слышала.
Она смотрела на коробку в священном ужасе.
Люкер сказал:
— Конечно, ему суждено было умереть. Рано или поздно. Ведь сердце у него было ни к черту, правда? Но это не значит, что Дигби отправил его на тот свет. Тут естественные причины.
От Лил не укрылась нотка неуверенности в его голосе. Взглянув на него, она быстро сказала:
— Он всегда хотел войти с вами в долю, Эл-Джей. Вы это знаете. А теперь у него двести тысяч фунтов.
— У него еще их нет. И может, никогда не будет. Не хочу иметь дело с дураками — ни с богатыми, ни с бедными.
— Если он отправил Мориса на тот свет и представил это как естественную смерть, он не такой уж дурак, Эл-Джей.
— Может быть. Посмотрим, как он вывернется.
— А что делать с... этими? — спросила Лил, мотнув головой в сторону безобидной на вид коробки.
— Назад в сейф. Завтра Сид запакует их и пошлет Дигби. Тогда, может, что-нибудь прояснится. Мы добавим сюда изящный штрих — вложим мою визитную карточку. Пришло время нам с Дигби Сетоном кое о чем потолковать.

4

Закрыв за собой дверь «Кортес-клуба», Далглиш глотнул воздух Сохо так жадно, как будто это было дуновение моря на мысе Монксмир. Люкер всегда распространял вокруг себя какую-то невидимую заразу. Далглиш радовался тому, что на него не давят спертый воздух конторы и этот неживой взгляд. Пока он сидел в клубе, прошел, видимо, небольшой дождь: машины с шипением проезжали по мокрой мостовой, и тротуар под ногами был липкий. Сохо теперь пробуждался, и узкая улица, как поток, несла и кружила пестрый людской сор. Резкий ветер на глазах сушил мостовую. Он подумал, не начинается ли ветер на мысе Монксмир. Может быть, как раз сейчас тетя закрывает на ночь ставни.
Он медленно шел к Шефтсбери авеню и думал, каким будет следующий шаг. Пока что этот бросок в Лондон, вызванный раздражением, не дал почти ничего такого, чего нельзя было узнать в Суффолке с меньшими усилиями. Даже Макс Герни мог все рассказать по телефону, хотя он, конечно, до безобразия осторожен. Впрочем, Далглиш не очень-то расстраивался; просто позади был трудный день, и новых трудов ему не хотелось. Тем неприятнее было чувство, что необходимо сделать еще что-то.
Что именно — решить было нелегко. Ни одна из возможностей не казалась заманчивой. Он мог наведаться в дом с роскошными и дорогими квартирами, где жил Лэтем, и попытаться выжать что-нибудь из швейцара, но при его теперешнем неофициальном статусе надежд на успех было мало. Кроме того, Реклесс или кто-нибудь из его людей наверняка там уже побывали, и если алиби Лэтема можно опровергнуть, они это сделали. Он мог попытать счастья в чрезвычайно респектабельном «Блумсбери-отеле», где Элиза Марли якобы провела ночь со вторника на среду. Там тоже его вряд ли примут с распростертыми объятьями, и туда тоже, без сомнения, уже приходил Реклесс. Ему уже надоело следовать за инспектором по пятам, подобно собачонке.
Едва ли стоило и ехать в Сити, где жил Джастин Брайс. Так как Брайс все еще находился в Суффолке, у Далглиша не было возможности войти внутрь дома, а его наружный осмотр мало что мог дать. Он и так хорошо его помнил — дом был частью одного из лучших архитектурных ансамблей Сити. Брайс занимал квартиру над редакцией «Критического обозрения» близ Флит-стрит в маленьком дворике восемнадцатого века, так любовно сохраненном, что он выглядел игрушечным. Выйти оттуда на улицу можно только через Пай-краст-пэсседж, узенький проулок, куда и машина-то не въедет. Далглиш не знал, где Брайс держит свою машину, но явно не в дворике. Он вдруг вообразил, как этот щуплень кий человечек ковыляет по

проулку с трупом Сетона, перекинутым через плечо, а затем прячет его в багажник машины под пытливыми взглядами уличных регулировщиков и половины всей полиции Сити. Хотелось бы в это поверить.

Можно было, конечно, провести вечер иначе. Позвонить на работу Деборе Рискоу — она как раз сейчас кончает — и пригласить ее к себе. Без сомнения, она приедет. Мучительно-сладкие дни, когда он не мог быть в этом уверен, остались позади. Как бы она ни собиралась провести сегодняшний вечер, она приедет. Досада, раздражение, неуверенность — все это отступит, и он найдет хотя бы физическое успокоение. Но завтра проблема появится вновь и бросит свою тень между ним и первыми лучами рассвета.

Вдруг он принял решение. Круто повернув в сторону Грик-стрит, он остановил первое попавшееся такси и попросил отвезти его к станции метро «Паддингтон».

Он решил пройти от нее пешком к дому Дигби Сетона. Если Морис Сетон отправился именно туда, он мог сесть на автобус или даже взять другое такси (интересно, проверил ли это Реклесс, подумал Далглиш), но мог и пойти пешком. Далглиш засек время. Через шестнадцать минут быстрой ходьбы он увидел кирпичную арку с осыпающейся штукатуркой, которая вела в Кэррингтон-Мьюз. Морису Сетону понадобилось бы больше времени.

В мощенной булыжником подворотне было темно, неприветливо, и там сильно пахло мочой. Никем не замеченный (вокруг явно не было ни души), Далглиш миновал арку и оказался в просторном дворе, освещенном только голой лампочкой над одним из тянувшихся справа и слева гаражей. Как явствовало из обрывков старых объявлений на гаражных дверях, здесь раньше была школа автовождения. Но теперь перед этим местом стояла более благородная задача — способствовать смягчению хронического жилищного кризиса. Проще говоря, гаражи переделывали в темные, тесные и чрезмерно дорогие коттеджи, и, без сомнения, реклама скоро будет предлагать эти «изящные городские жилища» тем, кто готов терпеть любые неудобства и любую дороговизну ради лондонского адреса и репутации человека, идущего в ногу со временем. Сдвоенные гаражи делили пополам, оборудуя комнату на первом этаже, где после этого оставалось еще место для небольшой машины; чердаки расширяли, так что наверху получалась еще пара клетушек — спальня и ванная.

Дигби Сетон жил в единственном готовом коттедже, внешний вид которого был до тошноты банален. На двери, выкрашенной в оранжевый цвет, красовался дверной молоток в форме русалки, под обоими квадратными окошками были приделаны ящики с землей, над дверью — фонарь на кронштейне из кованого железа. Фонарь не горел, чему трудно было удивляться: насколько Далглиш мог судить, к нему не были подведены провода. Эта бесполезная вульгарность, эта непривлекательная скаредность как нельзя лучше характеризовали стиль всего дома. Оранжевые ящики под окнами едва выдерживали вес спекшейся земли. В свое время в них были высажены хризантемы, красота и свежесть которых, надо думать, обошлась жильцу в пару лишних гиней в месяц. Но желтые лепестки давно осыпались, мертвые листья источали запах тления.

Он обошел кругом мощенный булыжником двор, направляя в темные окна луч карманного фонарика. Сейчас переоборудовались и надстраивались два гаража рядом с домом Дигби. Там полностью меняли отделку, и двойные наружные двери были сняты, так что он смог войти внутрь, где с интересом отметил, что гостиная и гараж будут соединены дверью. В помещении стоял запах свежего дерева, кирпича и краски. Бог весть, когда еще этот район станет не то что фешенебельным, но хотя бы приличным, но, похоже, он на подъеме. Дигби просто одним из первых уловил что к чему.

И тут, конечно, возникал интересный вопрос: почему он выбрал именно этот дом? Удивляться такому выбору было трудно. Во многих отношениях это убогое жилище могло служить символом всей жизни Дигби. Но можно ли считать случайным совпадением то, что дом так удобен для убийства? Отсюда не более двадцати минут ходьбы до того места, где Морис Сетон

вышел из такси; дом стоит в темном глухом дворе, где вечером, когда уходят рабочие, Дигби остается один; здесь есть гараж, в который можно войти прямо из комнаты. И еще одно обстоятельство — самое, может быть, важное. Дигби Сетон переехал сюда совсем недавно и не сообщил никому в Монксмире своего нового адреса. Сильвия Кедж не знала, как его найти, когда хотела связаться с ним после смерти Мориса. А это значит, что Морис, если Лили Кумбс послала его именно сюда, в Кэррингтон-Мьюз, не знал, что тут его дожидается Дигби. К тому же Морис отправился навстречу смерти из «Кортес-клуба». А Дигби — единственный человек из всех подозреваемых, имеющий с этим клубом связь.

Но все это — не более чем предположение. Настоящих улик нет. Как доказать, что Лил направила Мориса именно сюда? Пусть это так — Лил все равно способна держаться выгодной для себя версии с упорством, достойным лучшего применения. Чтобы ее расколоть, нужны средства, которых английская полиция применять не вправе. Не доказано и то, что Морис вообще сюда приходил. Далглиш не мог войти в запертый коттедж, но Реклесс или его люди наверняка там побывали; если бы там что-нибудь можно было найти, они бы нашли. Не доказано даже то, что Мориса убили. Реклесс в это не верит, начальник полиции — тоже, и никто, может быть, не верит, кроме глупого упрямца Адама Далглиша, вопреки всему слепо цепляющегося за свои подозрения. И, если все-таки Морис был убит, вставал главный вопрос. Он умер в полночь, а на это время Дигби Сетон и едва ли не все остальные подозреваемые имеют неопровержимые алиби. Так что, пока нет ответа на вопрос «как?», нет смысла ломать голову над вопросом «кто?».

Далглиш в последний раз обвел лучом фонарика безлюдный двор, прикрытые брезентом штабеля досок и кирпичей, двери гаражей с обрывками объявлений. Потом вышел через арку так же тихо, как и вошел, и зашагал к Лексингтон-стрит, где стояла его машина.

Близ Ипсуича его одолела усталость, и он понял, что дальше в таком состоянии ехать небезопасно. Надо было подкрепиться. После сытного обеда с Максом прошло много времени, и с тех пор он ничего не ел. Он не имел ничего против ночлега в машине, но ему не улыбалось проснуться перед рассветом от сосущего голода без всяких надежд на скорый завтрак. Обычные забегаловки были уже закрыты, и его не привлекали загородные клубы и маленькие гостиницы, хозяева которых всегда твердо настроены подавать еду только в определенные часы, да еще по такой цене и такого качества, что лишь умирающий с голоду не убоится. К счастью, проехав милю или две, он увидел придорожное кафе и по веренице стоящих рядом грузовиков и свету в маленьких окошках понял, что оно работает круглосуточно. Внутри набилось много народу, воздух был сизый от табачного дыма и дрожал от громких голосов и бренчания музыкального автомата; но он нашел в дальнем углу чистый, хотя и без скатерти, столик и без помех съел свой ужин, состоявший из яичницы, сосисок, хрустящей жареной картошки и большой кружки горячего сладкого чая.

Потом он отправился на поиски телефона, который оказался неудобно расположенным в узком проходе между кухней и стоянкой машин, и позвонил в «Пентландс». Особой необходимости звонить не было. Уезжая, он не обещал тете вернуться к определенному сроку. Но он вдруг забеспокоился о ней и понял, что, если никто не снимет трубку, ему придется ехать дальше. Он пытался внушить себе, что это все нелепые страхи. Она может сейчас ужинать в «Настоятельских палатах» или даже гулять в одиночестве по берегу моря. Он не обнаружил ничего, что предвещало бы для нее опасность, и все же его не покидало ощущение неблагополучия. Скорее всего, просто сказывались усталость и досада; но, так или иначе, ему необходимо было убедиться, что все в порядке.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он услышал в трубке знакомый спокойный голос. Если звонок и удивил ее, она ничем этого не выдала. Они недолго поговорили под стук грязной посуды и рев отъезжающих грузовиков. Когда она положила трубку, он почувствовал, что немного успокоился, хоть и не до конца. Он взял с нее обещание запереть

входную дверь — слава Богу, она была не из тех, кто спорит, задает вопросы или иронизирует по такому мелкому поводу,— и это было все, что он мог сделать. Он досадовал сам на себя, поскольку знал, что тревога беспричинна, в противном случае он поехал бы дальше, несмотря на усталость.

Он еще не вышел из телефонной будки, когда ему пришла в голову новая мысль, и он снова принялся шарить в карманах в поисках мелочи. На этот раз дозваниваться пришлось дольше, и на линии были помехи.. Но в конце концов он услышал голос Планта и задал ему вопрос. Да, мистер Далглиш совершенно прав. Плант звонил в среду вечером в «Сетон-хаус». Жаль, что он позабыл об этом сказать. Точнее, он звонил в тот вечер через каждые три часа в надежде застать мистера Сетона. В какое время? Насколько он помнит, примерно в шесть, девять и двенадцать. Не за что. Плант всегда рад быть ему полезным.

Было ли это сообщение действительно полезным? Трудно сказать. Оно доказывало только то, что звонок, который слышала Элизабет Марли, когда оставила Дигби в «Сетон-хаусе», мог быть безответным звонком Планта. Время как раз совпадало, а выявить еще одного звонившего Реклессу пока не удалось. Но это не означало, что другого звонка не могло быть. Требовались более сильные улики, чтобы доказать, что Дигби Сетон солгал.

Через десять минут Далглиш поставил машину за живой изгородью на ближайшей стоянке и устроился в ней на ночлег с той степенью удобства, какая была возможна при его росте. Несмотря на неудобоваримый ужин и изрядное количество выпитого чая, он заснул почти мгновенно и проспал без сновидений несколько часов. Проснулся он от пронзительного воя ветра и стука по окнам машины, в которые швыряло мелкий сор. Часы показывали три пятнадцать. Разыгрывался нешуточный шторм — машина слегка раскачивалась, хоть и стояла в укрытии. Луна светила в разрывы облаков, которые неслись по небу, как черные фурии; длинные ветви живой изгороди стонали и кланялись, как толпа безумных ведьм. Он вышел из машины и сделал несколько шагов по безлюдной дороге. Прислонившись к воротам, он посмотрел на плоские темные поля — от ветра, бившего в лицо, перехватывало дыхание. Вот так же подростком во время одиноких велосипедных путешествий он выходил из палатки пройтись в ночи. Одним из величайших наслаждений было для него это ощущение полного одиночества, когда не только никого нет рядом, но и никто в целом мире не знает, где ты находишься. Одиночества в равной мере телесного и душевного. Закрыв глаза и вдыхая густую сырость земли и травы, он вообразил себя вновь юным — запахи не изменились, и ночь была та же, и наслаждение столь же острое.

Через полчаса он снова лег спать. Но прежде чем он начал погружаться в дремоту, кое-что произошло. Его сонное сознание без усилий скользило по обстоятельствам убийства Сетона. Это было всего-навсего неторопливое пережевывание событий прошедшего дня. И вдруг необъяснимым образом он понял, как убийство могло быть совершено.

Часть третья

СУФФОЛК

1

В «Пентландс» Далглиш вернулся в начале десятого. Дома никого не было, и на миг его вновь, как минувшей ночью, охватило недоброе предчувствие. Потом он заметил записку на кухонном столе. Тетушка писала, что позавтракала рано и отправляется гулять вдоль берега по направлению к Сайзуэллу. На столе стоял один прибор; на плите — полный кофейник. Далглиш улыбнулся. Весьма типично для тетушки. Утренние прогулки по

пляжу — ее давняя традиция, ей бы просто в голову не пришло изменять своим привычкам только из-за того, что племянник мечется между Лондоном и Монксмиром в поисках какого-то там убийцы и ему, видите ли, не терпится поделиться с тетей новостями. А позавтракать взрослый мужчина, находящийся в добром здравии, вполне может и сам. Но, как обычно в «Пентландсе», все было в полном порядке: кухня тепла и уютна, кофе крепок, в голубой миске — свежие яйца, а домашние булочки недавно вынуты из духовки. Тетушка явно поднялась ни свет ни заря.

Далглиш наскоро позавтракал и решил отправиться ей навстречу — размять ноги после долгой автомобильной поездки.

Он полувприпрыжку спустился по неровной каменистой тропе к берегу. Море до самого горизонта щетинилось белыми гребнями — бескрайняя серо-коричневая масса вздымающейся воды, ни единого паруса, и лишь у самой кромки — квадратный силуэт траулера. Прилив быстро набирал силу. Он уже взял в кольцо утесы и подбирался к полосе гальки, что тянулась почти до самых зарослей тростника, за которыми начиналось болото. Идти по берегу было легче, чем по тропе, но время от времени приходилось останавливаться, чтобы, отвернувшись от ветра, перевести дыхание. Слегка оглушенный и забрызганный пеной, Далглиш то ковылял по мокрой гальке, то с облегчением выбирался на твердый песок; иногда он делал паузы, глядя на гладкие, зеленые подбрюшья катящихся к берегу валов — они вскидывались в последнем порыве и рассыпались у самых ног, окатывая его колючим душем из брызг и мелких камешков. Берег выглядел пустынно, заброшенно, бесприютно, словно самый что ни на есть дальний край земли. Ничто не пробуждало сейчас в Далглише ностальгических воспоминаний о детстве и каникулах на берегу моря. Здесь не было ни причудливых лагун среди скал, ни экзотических раковин, ни поросших лохматыми водорослями волноломов, ни желтых песчаных отмелей. Лишь море, небо, болото и пустынная полоска берега — миля за милей унылой гальки с редкими пятнами плавника да ржавые остатки береговых укреплений.

Вообще-то Далглиш любил этот простор, это слияние моря и неба, но сегодня пейзаж вселял в его душу беспокойство. Он внезапно увидел знакомую картину новыми глазами: суровый, жутковатый, враждебный край. Далглишем вновь овладела тревога минувшей ночи, и он с немалым облегчением увидел среди песчаных дюн знакомую фигуру, прямую и несгибаемую, словно флагшток; красные концы шарфа трепетали на ветру.

Тетушка тоже заметила Далглиша и зашагала ему навстречу. Они остановились лицом друг к другу и какое-то время молчали, пережидая, пока стихнет внезапно налетевший шквал. Над самыми их головами с гортанным криком пролетели две цапли, натужно рассекая воздух тяжелыми крыльями. Далглиш проводил птиц взглядом. Длинные их шеи были вытянуты, стройные коричневатые ноги отставлены назад наподобие рулей высоты у самолета.

— Цапли,— с шутливой торжественностью объявил племянник.

Джейн Далглиш засмеялась и протянула ему свой полевой бинокль.

— А что ты скажешь вон о тех?

Небольшая стая серо-коричневых птиц сидела на гальке. Далглиш успел только рассмотреть белые хвосты и черные, изогнутые книзу клювы — стая разом взмыла вверх и светлым облачком понеслась по ветру вдаль.

— Чернозобики? — предположил Далглиш.

— Этого ответа я от тебя и ждала. Действительно, они похожи на чернозобиков. Но это кроншнепы.

— Но, тетя, в прошлый раз, когда ты мне показывала кроншнепов, они были с розовыми хохолками,— запротестовал племянник.

— Так то было летом. А к осени молодые птицы подрастают, и хохолок становится коричневатым. Вот почему их так легко спутать с чернозобиками... Твоя поездка в Лондон была успешной?

— Большую часть дня я бездарно тащился по стопам Реклесса. Но во время затянувшегося обеда с Максом Герни в «Клубе мертвецов» узнал

кое-что новенькое. Оказывается, Сетон намеревался почти весь свой капитал завещать на учреждение литературной премии. Он отчаялся добиться славы при жизни и задумал приобрести бессмертие иным путем. И скряжничать не собирался... Между прочим, я теперь более или менее представляю, как убили Сетона, но Реклесс вряд ли скажет мне спасибо, потому что доказать мою версию практически невозможно. Наверно, надо будет ему позвонить, когда мы вернемся в дом,— без энтузиазма заключил Далглиш.

Тетушка искоса посмотрела на него, но спрашивать ни о чем не стала и поскорее отвернулась в сторону, чтобы племянник не прочел на ее лице тревогу и не рассердился бы.

— А Дигби знал, что ему предстоит лишиться наследства? — помолчав, все же спросила она.

— Никто не знал. Кроме Макса. Самое странное то, что Сетон сообщил ему об этом письмом. Причем, судя по всему, напечатал письмо лично. Однако в доме Сетона Реклесс не обнаружил копии этого послания — иначе он сказал бы мне. И непременно расспросил бы Сильвию Кедж и Дигби.

— Но Морис мог напечатать письмо в одном экземпляре, без копирки, если хотел сохранить свое намерение в тайне.

— Копирка была подложена. Ее нижний край завернулся, и несколько слов отпечатались на листке сзади. Да и сверху осталось смазанное пятно от копирки. Возможно, конечно, что Сетон потом уничтожил копию, но это маловероятно — слишком уж аккуратно вел он свою переписку. Кстати говоря, это не единственная загадка, связанная со вторыми экземплярами. Считается, что Сетон напечатал тот кусок, где его герой посещает «Кортес-клуб», в Лондоне. Однако слуга из «Клуба мертвецов» уверяет, что никакой копии в его комнате не осталось. Возникает вопрос: где она?

Тетушка задумалась. Далглиш впервые обсуждал с ней детали расследования, и она была одновременно заинтригована и слегка польщена. Однако тут же напомнила себе, что ведь это, собственно, не его дело, а Реклесса. Инспектору самому предстояло решить, насколько существен факт отсутствия второго экземпляра в комнате Сетона. Джейн Далглиш с удивлением поняла, что эта загадка вызывает у нее нешуточный интерес.

— Есть, очевидно, несколько вариантов,— начала она.— Возможно, Сетон работал без копирки. Но в этом я сомневаюсь, зная его педантичность и обстоятельность. Вторая возможность: он сам или кто-то, имевший доступ в комнату, уничтожил копию. Третий вариант: Сильвия показала не ту рукопись, которую получила от Сетона. Реклесс наверняка узнавал у почтальона, действительно ли Сильвия получила длинный пакет коричневого цвета. Но кто подтвердит, что там была именно эта рукопись? Если же Сильвия говорит правду, можно предположить, что кто-то подменил рукопись еще в клубе, прежде чем она попала на почту. Интересно, это возможно? Или он отнес рукопись на почту сам?

— Я спрашивал об этом у Планта. Никто из обслуживающего персонала клуба не ходил по поручению Сетона на почту. Но конверт с рукописью мог, конечно, пролежать в комнате достаточно долго, чтобы содержимое успели подменить. Или же Сетон мог попросить отнести пакет не кого-то из прислуги, а постороннего. Однако подобный поворот дела предвидеть было невозможно, а мы знаем, что убийство планировалось загодя. Во всяком случае, я в этом убежден. Реклесса еще надо убеждать, что речь вообще идет об убийстве.

— Нет ли еще какого-нибудь варианта? — спросила Джейн Далглиш.— Мы знаем, что Сетон не мог отправить по почте вторую рукопись, в которой описывается труп в лодке. К тому времени он был уже мертв. У нас нет даже оснований утверждать, что этот текст написан им. Нам известно об этом лишь со слов Сильвии Кедж.

— Думаю, писал действительно Сетон. Когда Макс Герни показал мне его письмо, я узнал ту же манеру печатать. Обе рукописи напечатаны одним и тем же человеком.

Разговаривая, они непроизвольно свернули с продуваемого ветрами

пляжа на дорожку, что, петляя между дюнами, вела к птичьему заповеднику. Оставалось два десятка шагов до ближайшего наблюдательного пункта, откуда заповедник отлично просматривался. У Далглиша и его тети давно вошло в привычку во время прогулок по берегу доходить именно до этого места, поэтому оба не сговариваясь направились туда. Десятиминутное наблюдение в бинокль за тростниковыми зарослями под завывание злого восточного ветра было непременным ритуалом, свято соблюдавшимся во время осенних визитов племянника в Монксмир. Наблюдательный пункт представлял собой самое обычное сооружение подобного рода: будка из грубо сколоченных досок с тростниковой крышей, скамейкой, на которой можно было передохнуть после ходьбы, и смотровой щелью, выходившей в сторону болот. Летом здесь пахло прогретым на солнце деревом, влажной землей и травами. Даже в холодное время года тепло не уходило полностью — деревянные стены, казалось, удерживали жар и запахи лета.

Тетя с племянником поравнялись с будкой, и Джейн уже собиралась шагнуть в узкий вход, но Далглиш вдруг воскликнул:

— Стоп! Ни шагу больше!

Еще миг назад он брел словно в полудреме, но внезапно мозг его проснулся, реагируя на сигнал, посланный натренированным зрением: к двери наблюдательного пункта вела цепочка мужских следов, четко отпечатавшихся на песке. И еще запах — тошнотворное зловоние, не имевшее ничего общего с ароматом травы и земли. Тетушка замерла на месте, а Далглиш осторожно обошел ее и заглянул внутрь.

Телом он заслонил свет и поэтому сначала почувствовал запах смерти, а увидел ее уже потом. Отвратительный смрад блевотины, крови и поноса ударил ему в нос; казалось, маленький домик насквозь пропитан испарениями мерзости и зла. Далглиш не впервые вдыхал этот запах, но, как всегда в таких случаях, с трудом подавил приступ тошноты. Он наклонился, в низенькую дверь проник свет, и Далглиш смог как следует разглядеть лежащего.

Дигби Сетон забился перед смертью в самый угол будки, как бездомный пес. И смерть его явно была нелегкой. Застывшее тело скрючилось: колени поджаты почти к самому подбородку, голова запрокинута, остекленевшие глаза выпучены, словно в последней отчаянной попытке поймать ускользающий свет. В предсмертных муках Дигби прокусил нижнюю губу, и на подбородке, на вороте некогда щегольского пальто черной коркой застыла кровь пополам с рвотой. Умирающий рыл земляной пол пальцами: ногти его были сорваны, лицо перепачкано, даже изо рта торчали комья земли, как будто он пытался хоть как-то остудить пылающую гортань. Рядом с трупом лежала плоская фляга с отвернутой крышечкой.

— Кто это, Адам? — раздался из-за спины Далглиша спокойный тетушкин голос.

— Дигби Сетон. Не входи. Помочь ему мы ничем не сможем. Он мертв по меньшей мере часов двенадцать. Судя по тому, как он мучился, бедолаге подсыпали какого-то разъедающего яда.

Тетушка вздохнула и пробормотала что-то невнятное. Потом спросила:

— Мне сходить за инспектором Реклессом? Или будет лучше, если я останусь здесь?

— Иди лучше ты. Я останусь.

Очевидно, он сэкономил бы десять, а то и пятнадцать минут, если б отправился за инспектором сам, но Дигби Сетона, так или иначе, уже не воскресить, а оставлять тетю одну в этой зловонной обители смерти Далглишу не хотелось. К тому же шаг у тетушки твердый и скорый — не так уж много времени будет потеряно.

Джейн Далглиш отправилась немедленно; Адам смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом он поднялся на дюну, нашел песчаную нишу и уселся, прислонившись к охапке тростника. Отсюда был виден не только домик, но по правую руку — линия берега, а слева — дорожка

к заповеднику. Временами меж дюн появлялась и исчезала долговязая фигура Джейн Далглиш. Она шла весьма споро, но все же вряд ли раньше чем минут через сорок следовало ожидать появления Реклесса и его людей с носилками и прочими причиндалами. К берегу автомобилю не подобраться — только к «Пентландсу», а оттуда короче всего было идти этой же самой тропой. Полицейским, нагруженным необходимым оборудованием, придется двигаться против ветра.

Далглиш провел в будке всего несколько минут, но в его памяти запечатлелось все до малейших деталей. В том, что Дигби Сетона убили, сомнений быть не могло. Он не обыскивал труп (это дело Реклесса) и даже почти его не касался — лишь определил, что тело холодное и посмертное окоченение наступило довольно давно,— но никакой предсмертной записки, конечно же, там не окажется. Вряд ли молодой, легкомысленный балбес вроде Дигби, по-детски радовавшийся неожиданному богатству и строивший планы создания шикарных ночных клубов, стал бы лишать себя жизни. К тому же даже у него хватило бы мозгов найти способ самоубийства полегче, чем прожигать себе желудок едкой гадостью. Рядом с трупом не было бутылки — только фляжка. Почти наверняка отрава содержалась в ней. И доза, судя по всему, была немалой. Далглиш попытался угадать, что там. Мышьяк? Сурьма? Ртуть? Свинец? Симптомы подходили ко всем четырем ядам. Но это все были домыслы. Точный ответ дадут патологоанатомы — и тип яда, и дозу, и время смерти. Дальше пусть думает Реклесс.

Однако если во фляге действительно яд, кто убийца? Это, несомненно, человек, имевший доступ и к ядам, и к фляге Дигби. Кто-то, близко знакомый с жертвой. Кто-то, знавший, что Дигби, оказавшись в одиночестве и томясь от скуки, непременно отхлебнет из фляги, прежде чем под пронизывающим ветром отправится домой. Значит, убийца уговорился с ним о встрече в этом уединенном месте. Иначе зачем бы Дигби сюда потащился? Никому из монксмирских обитателей не приходилось слышать, чтобы молодой человек увлекался пешими прогулками или наблюдением за птицами. Да и одежда его мало подходила для подобных занятий. Бинокля с собой тоже не было. Нет, это явное убийство. Даже Реклессу не придет в голову утверждать, что Дигби Сетон умер естественной смертью и некий шутник-извращенец нарочно подкинул его труп в будку, чтобы напугать Адама и его тетю.

Далглиш не сомневался в том, что два эти убийства как-то связаны, но до чего же второе не походило на первое! Словно задумали и осуществили их два совершенно разных человека. Убийство Мориса Сетона было невероятно сложным — сверх всякой меры. Сама смерть, может быть, и была, как утверждал патологоанатом, естественной, но все обстоятельства вокруг нее уж во всяком случае естественными не назовешь. Трудность заключалась не в отсутствии следов и улик — их как раз было более чем достаточно. Создавалось впечатление, что преступник хотел не только укокошить Мориса Сетона, но и продемонстрировать свою изобретательность.

Однако второе убийство выглядело просто, почти безыскусно. Здесь о естественных причинах смерти не могло идти и речи. Убийца действовал наверняка. Он даже не удосужился сымитировать самоубийство, изображая, что Дигби не вынес угрызений совести, одолевших его после смерти брата. Конечно, инсценировать самоубийство было бы непросто, но преступник даже не попытался сделать это. И Далглиш, кажется, начинал догадываться почему. Он мог предположить по меньшей мере одну важную причину, заставившую преступника отказаться от искушения изобразить Дигби раскаивающимся грешником.

На ложе из сухого тростника Далглишу было на удивление удобно и тепло. Он слышал, как завывает меж дюн ветер, как монотонно шумит прибой. Но в убежище среди зарослей травы было тихо и уединенно, звуки моря и ветра, казалось, доносились из какого-то дальнего далека. Сквозь

ширму тростника Далглиш видел будку — хорошо знакомый ему, ничем не примечательный домик, совершенно такой же, как полдюжины других наблюдательных пунктов, что располагались вокруг заповедника. Ощущение нереальности и одиночества стало вдруг таким острым, что Адам едва удержался от абсурдного желания пойти и посмотреть, не исчез ли труп.

Джейн Далглиш не подвела. Меньше чем через сорок пять минут после того, как она отправилась в путь, Адам увидел на тропе фигурки людей, быстро шагавших навстречу ветру. Они скрылись за дюнами и во второй раз возникли уже гораздо ближе. Вот последний поворот, и небольшая группа, навьюченная оборудованием, борясь с ветром, вышла к будке. Шествие это напоминало скверно организованную и несколько павшую духом экспедицию. Впереди, конечно же, шествовал Реклесс, угрюмый и ссутулившийся от ярости; всегдашний плащ инспектора был наглухо, до самого подбородка застегнут. Следом шли: медэксперт, сержант, фотограф и два молодых констебля из уголовной полиции — они тащили носилки и свернутую парусиновую ширму.

Состоялась весьма непродолжительная беседа. Далглиш прокричал то, что было нужно, на ухо инспектору и вернулся в свое убежище. Возиться с трупом не входило в его обязанности. И потом, к чему лишней паре ног топтать и без того уже достаточно затоптанный песок вокруг места преступления?

Полицейские взялись за работу, отчаянно крича и жестикулируя. Ветер, словно из вредности, завывал все громче, и даже в относительно тихом месте, между дюнами, расслышать слова соседа было почти невозможно. Реклесс с врачом скрылись в будке. Там, по крайней мере, ветра нет, подумал Далглиш. Зато душно и пахнет смертью. Пусть нюхают.

Минут через пять они вышли, и в домик шагнул фотограф; он был высок ростом и согнулся чуть ли не вдвое, протаскивая в дверь свое оборудование. Тем временем констебли безуспешно пытались установить вокруг будки защитную ширму. Парусина рвалась из рук, а при сильных порывах ветра обматывалась вокруг ног. Далглиш так и не понял, зачем они вообще возятся с этой ширмой. Зевак на этом пустынном берегу отроду не водилось, а песок вокруг будки вряд ли чем-то помог бы следствию. К двери вело всего три следа: Далглиша, его тети и еще один — очевидно, самого Дигби Сетона. Отпечатки ног уже измерили, сфотографировали, и, несомненно, вскоре их так или иначе заметет песком.

Прошло полчаса, прежде чем тело вынесли из домика и уложили на носилки. Констебли насилу пристегнули рвущееся под ветром из рук прорезиненное покрывало. Тем временем Реклесс поднялся к Далглишу.

— Мне позвонил вчера ваш приятель,— сказал инспектор.— Некий Макс Герни. Похоже, он утаивал очень любопытную информацию, связанную с завещанием Мориса Сетона.

Начало было неожиданным. Далглиш ответил:

— Мы обедали с ним, и он спросил, следует ли сообщать об этом вам.

— Да, так он и сказал. Вообще-то мог бы и сам сообразить. Ведь тело Сетона имело явные следы насилия. Ясно, что следствию небезынтересна денежная сторона дела.

— Возможно. Макс, как и вы, считает, что смерть была естественной,— предположил Далглиш.

— Возможно. Но об этом не ему судить. Как бы то ни было, он наконец соизволил позвонить и, признаться, удивил меня. Ведь в доме Сетона никаких записей подобного рода не найдено.

— Сетон напечатал письмо под копирку. Когда Герни пришлет первый экземпляр, вы увидите на обороте характерные следы. Очевидно, второй экземпляр кем-то уничтожен.

— Кем-то,— мрачно повторил Реклесс.— Может быть, самим Сетоном. Я еще не переменил своего мнения относительно той смерти, мистер Далглиш. Но допускаю теперь, что вы, возможно, и правы. Особенно учитывая это обстоятельство.— Он кивнул головой в сторону носилок.—

Тут-то сомнений нет. Очевидное убийство. Так что давайте выбирать: один убийца и один нехороший шутник; один убийца и два убийства; наконец, два убийцы.

Далглиш заметил, что последнее предположение маловероятно ввиду немногочисленности местных обитателей.

— И все же не будем исключать и такой возможности, мистер Далглиш. Ведь две эти смерти так мало похожи одна на другую. На сей раз никаких ухищрений и выдумок. Кто-то просто засадил здоровенную дозу яда во флягу Дигби Сетона, твердо зная, что рано или поздно бедняга приложится к горлышку. Единственное, о чем следовало позаботиться убийце,— чтобы жертва в момент отравления находилась в уединенном месте, подальше от медицинской помощи. Правда, судя по виду трупа, врач вряд ли смог бы тут помочь.

Интересно, подумал Далглиш, как убийце удалось заманить Дигби в будку? Убеждением или угрозами? Кого он ждал здесь — врага или друга? А если врага, то почему пришел безоружный и один? Или, возможно, дело обстояло как-нибудь иначе? Так ли уж много в Монксмире людей, ради которых Дигби Сетон соизволил бы прошагать целых две мили в холодный осенний день, да еще при таком ветре?

Носилки наконец тронулись. Один из констеблей остался возле будки, на посту. Остальные вытянулись гуськом за носилками, как разношерстная и потрепанная похоронная процессия. Далглиш и Реклесс шли рядом, но молчали. Носильщики медленно двигались по неровной тропе; прикрытый труп плавно покачивался в такт их шагам. Покрывало ритмично надувалось и опадало, словно парус, а в небе парила морская птица; она издала пронзительный крик, как раненая душа, описала широкую дугу и исчезла среди болот.

2

Был уже вечер, когда Далглиш смог вновь потолковать с Реклессом наедине. Большую часть дня инспектор провел, беседуя с подозреваемыми и наводя справки о действиях Дигби Сетона в последние несколько дней. В «Пентландсе» Реклесс появился около шести. Он вновь хотел расспросить мисс Далглиш, видела ли она вчера на берегу кого-нибудь, кто шел бы в направлении Сайзуэлла, и не знает ли она, что могло привести Дигби в наблюдательную будку. Инспектор, собственно, уже получил ответ на оба эти вопроса — несколько ранее Адам и его тетя встретились с Реклессом в «Зеленом человечке», где подробно описали обстоятельства, при которых был обнаружен труп. Джейн Далглиш заявила тогда же, что весь вечер понедельника провела дома и никого не видела. При этом она заметила, что Дигби — да и вообще любой — мог запросто пройти к будке, обойдя «Пентландс»: есть тропинка в дюнах, можно и берегом; обе эти дороги из коттеджа почти не просматриваются.

— И все-таки,— настаивал Реклесс,— он должен был пройти мимо вашего дома. А тогда вы непременно его заметили бы.

— Конечно, заметила бы — если б он держался поближе к скалам. Между местом, откуда я спускаюсь к берегу, и началом тропинки всего ярдов двадцать, и я должна была бы увидеть Дигби. Но не увидела. Возможно, он хотел остаться незамеченным.

— Стало быть, тут какие-то секреты,— пробормотал инспектор, как бы разговаривая сам с собой.— Что ж, так мы и думали. Не тот он человек, чтобы ходить на птичек любоваться. Да, наверно, и темно уже было. Мисс Кедж говорит, что вчера он пил чай в одиночестве — утром она обнаружила в раковине грязную посуду.

— Только чай, без ужина? — поинтересовалась тетушка.

— Да, мисс Далглиш. Непохоже, что Сетон успел поужинать. Точно будем знать после вскрытия.

Джейн Далглиш извинилась и отправилась на кухню. Адам догадался, что тетя тактично оставляет его наедине с Реклессом. Как только они оказались вдвоем, Далглиш спросил:

— Кто видел Дигби Сетона последним?

— Лэтем и Брайс. Однако почти все местные показали, что вчера его видели. Мисс Кедж — после завтрака, когда делала уборку. Она так и осталась там в роли этакой горничной-секретарши. Похоже, Дигби помыкал ею так же, как прежде его единокровный брат. Потом Сетон обедал в «Доме с розмарином» в обществе мисс Кэлтроп и ее племянницы. Ушел вскоре после трех. По дороге домой зашел к Брайсу посплетничать о топоре вашей тети и заодно выяснить, зачем вы поехали в Лондон. Надо сказать, что ваша поездка вообще всех заинтриговала. У Брайса как раз находился Лэтем и оставался до самого ухода Сетона. Это произошло в начале пятого.

— Во что он был одет?

— В то же самое. Фляга могла быть в кармане пиджака, брюк или пальто. В «Доме с розмарином» он, конечно, снимал пальто, и мисс Кэлтроп повесила его в шкаф в прихожей. У Брайса он бросил пальто на стул. Фляги вроде бы никто не видел. На самом деле яд мог положить любой из них — и Кедж, и Кэлтроп, и Марли, и Брайс, и Лэтем. И необязательно вчера.

Адам отметил про себя, что в этом перечне отсутствует мисс Далглиш. Но это еще ничего не значило.

— Трудно двигаться дальше, пока нет заключения патологоанатома,— продолжал Реклесс.— Я пока не знаю, что это был за яд. Вот когда узнаю — дело пойдет. Думаю, определить его происхождение труда не составит. Это вам не микстура из аптеки.

Далглиш подумал, что более или менее представляет себе и тип яда, и откуда он взялся. Но говорить ничего не стал. В этом деле и так теоретизирования было куда больше, чем фактов. Разумнее подождать результатов вскрытия. Однако, если он прав, выяснить, кому принадлежал яд, окажется непросто. К данному источнику имели доступ практически все в Монксмире. Далглишу стало даже жаль инспектора.

С минуту они сидели молча. Пауза вышла довольно неловкая. Далглиш чувствовал, как между ними растет напряжение. О настроении Реклесса он мог только догадываться, но, со своей стороны, ощущал к инспектору неприязнь и еще — бессильное раздражение на собственную неуклюжесть. Далглиш рассматривал собеседника с отвлеченным интересом, мысленно составляя словесный портрет. Широкие плоские скулы; кожа у рта белая и гладкая; углы глаз опущены книзу; верхние веки слегка подергиваются (единственное свидетельство того, что у Реклесса есть нервы). Подчеркнуто заурядное, какое-то анонимное лицо. И все же, несмотря на явную усталость и мешковатый плащ, инспектор производил впечатление личности, причем личности сильной. Возможно, не слишком симпатичной, но яркой.

Внезапно Реклесс, очевидно приняв какое-то решение, нарушил паузу:

— Начальник полиции графства намерен обратиться за помощью в Скотленд-Ярд. Он сказал, что окончательное решение примет утром. Но думаю, решение уже принято. Кое-кто скажет, что даже поздновато.

Далглиш не нашелся что на это ответить. Реклесс, не глядя на него, добавил:

— Начальник, похоже, разделяет вашу точку зрения, что два эти преступления связаны.

Уж не обвиняет ли он меня в том, что я склонил на свою сторону начальника полиции, подумал Далглиш. Собственно говоря, он не имел еще возможности изложить инспектору свою «точку зрения», но связь двух преступлений и в самом деле казалась ему очевидной. Далглиш повторил это и сказал:

— Когда я вчера был в Лондоне, мне вдруг пришло в голову, как могли убить Мориса Сетона. Пока это чистая догадка. Понятия не имею, можно ли будет найти доказательства. Но мне кажется, я не ошибаюсь.

Он коротко изложил свою версию, изо всех сил стараясь говорить очень ровным тоном, чтобы инспектору в его голосе не послышалось критических или, того пуще, самодовольных интонаций. Реклесс выслушал молча, потом спросил:

— Почему вы так думаете?

— Трудно сказать. Несколько мелких деталей: завещание Сетона; его поведение за столом в подвале «Кортес-клуба»; непременное желание останавливаться в одной и той же комнате в «Клубе мертвецов»; наконец, сама архитектура его дома.

— Допустим, так оно и есть. Но нам никогда этого не доказать. Разве что убийца запаникует и расколется сам.

— Можно поискать орудие убийства.

— Уж больно оно чудно́е, мистер Далглиш.

— Но вполне надежное.

Реклесс вынул из кармана карту и разложил ее на столе. Они склонились над ней, и карандаш инспектора зашарил по двадцатимильному сектору вокруг Монксмира.

— Здесь?

— Или здесь. На месте убийцы я предпочел бы место поглубже.

— Но только не в море,— заметил Реклесс.— Может вынести приливом на берег. Хотя вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову связывать это со смертью Мориса Сетона.

— А вам? Нет, убийца не стал бы рисковать. Лучше уж запрятать эту штуку так, чтобы ее не нашли, а если нашли, то очень нескоро. Значит, надо искать в какой-нибудь заброшенной шахте, в канале или в реке.

Реклесс сделал на карте три маленьких крестика.

— Сначала попробуем здесь. Надеюсь, мистер Далглиш, что вы не ошибаетесь. Иначе мы попусту потратим время, а ведь на нас висит еще одна смерть.

Инспектор сложил карту и, не произнося более ни слова, удалился.

3

После ужина появились гости. Селия Кэлтроп, ее племянница, Лэтем и Брайс, как сговорившись, один за другим потянулись к надежному и спокойному камельку Джейн Далглиш — кто, невзирая на непогоду, пришел пешком, кто приехал на машине. «Пентландс» был чем-то вроде нейтральной территории, здесь возникала умиротворяющая иллюзия нормальности, здесь было извечное укрытие, светлое и теплое, от враждебного мрака ночи. Ветер попеременно то визжал, то стенал; быстро прибывающий прилив грохотал на берегу, пересыпая гальку. Даже из гостиной «Пентландса» это рокотание было отчетливо слышно. Временами из-за туч выглядывала луна и заливала Монксмир своим мертвенным сиянием; тогда из окна можно было разглядеть бурю во всей ее красе: гнущиеся и стонущие в муке деревья, белую и тревожную равнину моря.

Гости, которых никто не приглашал, согнувшись, шли по дорожке к входной двери, похожие на спасающихся от погони разбойников.

К половине девятого в сборе было все общество. Если не считать Сильвии Кедж, за которой никто не удосужился заехать, в гостиной собрались все те, кто сидел здесь пятью днями ранее. Далглиша поразило, насколько изменились все эти люди. В прошлый раз они были заинтригованы и совсем чуть-чуть обеспокоены исчезновением Сетона. Теперь же всех одолевали тревога и страх, неотвязные видения смерти и крови. Страх ощущался в каждом, несмотря на браваду и старания держаться как ни в чем не бывало.

Морис Сетон умер далеко, в Лондоне, и к тому же, возможно, своей смертью. Во всяком случае, тот, кто его убил (если это было убийство) или изуродовал уже мертвое тело, мог находиться не в Монксмире, а в Лондоне. Однако смерть Дигби произошла здесь, и уж ее-то естественной счесть было никак нельзя. Селия Кэлтроп, правда, предприняла попытку такого рода. Она сидела в кресле у камина, неграциозно вывернув колени и положив ладони на свои массивные ляжки.

— Какая страшная трагедия! Бедный мальчик. Мы, видно, никогда не узнаем, что толкнуло его на этот ужасный шаг. А ведь у Дигби было все: молодость, богатство, талант, красота, обаяние.

Поразительно нереалистичную характеристику покойного присутствующие встретили гробовым молчанием.

Потом Брайс сказал:

— Богатство у него, может, и было. Или какие-никакие перспективы на богатство. А в остальном, Селия, согласиться с вами не могу. Бедняга был бездарным, самовлюбленным, пошлым ничтожеством с малоприятной внешностью. Не то что бы я испытывал к нему антипатию, но факт остается фактом. Да и потом, кто поверит, что Дигби покончил самоубийством.

— Какое к черту самоубийство! — взорвался Лэтем.— Селия и сама в это не верит. Почему бы вам хоть раз в жизни не сказать правду, а? Признайтесь, что вы перепуганы не меньше, чем остальные.

— И вовсе я не перепугана,— с достоинством возразила Селия.

— А зря,— язвительно заметил Брайс, сверкнув глазами. Его гномоподобное лицо злорадно исказилось, он как-то сразу оживился и уже не походил на утомленного жизнью старика.— Ведь от смерти Дигби вам прямая выгода. Даже после двукратной выплаты налогов по завещанию вам достанется кругленькая сумма. Если я не ошибаюсь, Дигби часто наведывался к вам в последнее время. Постойте, да ведь он у вас вчера обедал! Вам ничего не стоило подсыпать ему во флягу какой-нибудь порошочек. Вы ведь единственная из всех нас знали, что Дигби всегда ее с собой носит. Помните, вы рассказывали нам — в этой же самой комнате?

— И где же, по-вашему, я могла достать мышьяк?

— Ага, Селия! А мы и не знали, что это был мышьяк. Какая опрометчивая фраза! Ладно бы здесь были только я и Оливер, но вдруг дойдет до инспектора? Надеюсь, вы не рассказывали ему про мышьяк?

— Я никому ни о чем не рассказывала. А инспектору я просто отвечала на вопросы — подробно и правдиво. И вам с Оливером следует вести себя так же. Я не понимаю, почему вам хочется, чтобы смерть Дигби непременно была убийством? Просто вы оба испытываете пристрастие ко всяким мерзостям.

— Мы испытываем мерзкое пристрастие к фактам,— сухо заметил Лэтем.

Но на Селию его слова не произвели ни малейшего впечатления.

— Что ж, если это было убийство, нашей Джейн Далглиш очень повезло, что она нашла труп не одна, а в присутствии Адама. А то могли бы возникнуть подозрения. Но рядом был суперинтендант из Скотленд-Ярда, а уж он-то, конечно, знал, какое значение имеют следы и всякие там улики, оставленные на месте преступления.

Далглиш даже не нашелся, как отреагировать на столь двусмысленное замечание, и подумал, уж не забыла ли Селия, что он тоже сидит в гостиной. И действительно, никто из присутствующих на Адама даже не взглянул.

— Какие такие подозрения могли бы возникнуть? — вкрадчиво спросил Лэтем

Брайс засмеялся:

— На вашем месте я не стал бы подозревать мисс Далглиш, Селия. Иначе вскоре вам придется столкнуться с очень деликатной проблемой. Ведь наша хозяйка как раз готовит сейчас кофе для нас. Вы свою чашку выпьете или потихоньку выльете содержимое в цветочный горшок?

Элиза Марли вспыхнула:

— Да заткнитесь вы оба! Дигби Сетон умер, и умер ужасной смертью. Может, вы его и недолюбливали, но он тоже был человеком. Больше того, Дигби умел по-своему получать удовольствие от жизни. Вы, допустим, живете по-другому, но что с того? Дигби нравилось мечтать про свои дурацкие ночные клубы, про то, как он поступит с деньгами. У вас это вызывало презрение, но он ведь ничего плохого вам не сделал. И вот он мертв. Причем убил его кто-то из нас. Я не вижу в этом причины для шуток.

— Не расстраивайся, милочка,— звучным, прочувствованным голосом пропела Селия, бессознательно переходя на ту интонацию, с которой

диктовала наиболее трогательные пассажи из своих произведений.— Мы все привыкли к Джастину. Они с Оливером всегда терпеть не могли ни Мориса, ни Дигби. Разве можно от этих людей ожидать соблюдения приличий, не говоря уж об уважении к памяти усопших! Боюсь, эти двое никого, кроме самих себя, не любят. Чистой воды эгоисты. Эгоисты и завистники. Они не могли простить Морису его писательского таланта. Сами-то они умеют только критиковать написанное другими и глумиться над творческим даром. О, это весьма распространенное явление — зависть окололитературного паразита к художнику. Вспомните пьесу Мориса. Оливер просто растерзал ее, ибо не мог смириться с чужим успехом.

— А, вы о той пьеске! — рассмеялся Лэтем.— Дражайшая Селия, если Морису хотелось эмоционально разрядиться, следовало сходить к психиатру, а не выплескивать все это в виде драматического произведения на бедного зрителя. Для того чтобы быть драматургом, требуются как минимум три вещи: уметь писать диалоги, понимать, что такое драматический конфликт и иметь хоть какое-то представление об устройстве сцены.

Это был излюбленный конек Лэтема, и на Селию реплика не произвела ни малейшего впечатления.

— Только умоляю, Оливер, не надо говорить мне о профессиональном мастерстве. Когда напишете что-нибудь, в чем будет хоть малая искра творческого начала и оригинальности, тогда и поговорим на эту тему. К вам, Джастин, это тоже относится.

— А как же мой роман? — обиделся Брайс.

Селия с состраданием взглянула на него и тяжело вздохнула. О романе Брайса она явно предпочитала не высказываться. Далглиш сообразил, о чем идет речь: имелось в виду давнее и весьма скромное по объему сочинение, отличавшееся изысканной чувствительностью и хорошо встреченное критикой; на повторное свершение подобного рода энергии у него уже не хватило.

Элиза Марли засмеялась:

— А-а, та самая книжонка, про которую писали, что в ней чувства и действия на средний рассказ? Да это, собственно, и был не более чем рассказ. Подумаешь — даже я могла бы расчувствоваться на сто пятьдесят страниц.

Далглиш не стал ждать, пока Брайс разразится воплями протеста. Спор превращался в литературную перебранку. Адам давно знал эту писательскую склонность, но участвовать в сражении ему не хотелось. А следующим этапом непременно будет обращение к нему как к арбитру. Затем спорщики рьяно возьмутся за безжалостный разбор его собственных стихов. Конечно, привычная перепалка отвлекала присутствующих от мыслей об убийстве, но все же это был не самый лучший способ скоротать вечер.

Далглиш открыл дверь, чтобы впустить тетушку, принесшую из кухни поднос с кофейником, и, воспользовавшись случаем, выскользнул из гостиной. Бросать тетю в подобной ситуации было не очень красиво, но Адам знал, что она менее, чем он, чувствительна к колкостям гостей.

В его комнате, надежно отделенной каменным полом и дубовыми досками от голосов спорщиков, было мирно и очень тихо. Далглиш открыл задвижку на окне, выходящем в сторону моря, и с трудом, обеими руками распахнул створки — так сильно дул ветер. В комнату ворвался вихрь, зашелестел складками покрывала на кровати, смел со стола бумаги, быстро, словно невидимой рукой, перелистал страницы томика Джейн Остин на тумбочке. Адам, чуть не задохнувшись, прижался грудью к подоконнику, с облегчением подставил лицо холодным брызгам и сразу же ощутил на губах привкус соли.

Когда он вновь закрыл окно, тишина стала еще более всеобъемлющей. Рев прибоя превратился в приглушенный стон, который доносился откуда-то издалека, с неведомого берега.

Было холодно. Далглиш накинул на плечи халат и включил

электрообогреватель. Потом подобрал разбросанные ветром бумаги, с преувеличенной заботливостью сложил их в ровную стопку и положил на маленький письменный стол. Белые прямоугольные листы, казалось, взирали на Адама с укором, и он вспомнил, что так и не написал Деборе. Не то что бы он ленился или был так уж сильно занят расследованием. Далглиш прекрасно понимал, в чем тут дело. Он просто трусил. Боялся еще больше связать себя, пока не принял окончательного решения. А оно казалось сегодня столь же далеким, как в день приезда в Монксмир. Когда Адам прощался с Деборой, он не сомневался: она понимает значение этой поездки для них обоих; знает, что он сбегает из Лондона не просто отдохнуть после треволнений предыдущего расследования. Иначе Дебора не отпустила бы его в Монксмир одного — не так уж занята она была своей работой. Но Адам не позвал ее с собой, и она ничего не сказала. Только на прощание произнесла: «Будешь в Блайборо — вспомни меня». Она училась там в школе, хорошо знала и любила Суффолк. Далглиш вспоминал о ней. И не только в Блайборо. Ему вдруг очень захотелось ее увидеть. Так сильно захотелось, что все опасения и соображения отошли на задний план. Увидеть ее лицо, услышать ее голос, а все остальное — страхи, недоверие к себе — несущественно и нереально, как жуть ночного кошмара в лучах утреннего солнца. Хорошо было бы поговорить с Деборой по телефону, но аппарат находился внизу, в гостиной. Далглиш включил настольную лампу, сел и отвернул колпачок авторучки. Слова, как это иногда с ним случалось, пришли без всякого усилия, сами. Адам записал их, почти не думая, даже не спрашивая себя, насколько он сейчас искренен.

«Будешь в Блайборо, вспомни меня»,—
Ты сказала, как если бы было
В мире средство надежнее силы,
Что к тебе привязала меня.
Околдован мой разум тобой,
Снова жаждет он в месте священном
Вспомнить лик, без того незабвенный,
Ищет он новой встречи с тобой.

И в Блайборо, и где угодно
Не быть душе моей свободной.

«Это метафизическое сочинение, как большинство малозначительных стихов, написано с задней мыслью. И ты знаешь, с какой именно. Не стану утверждать, будто хотел бы, чтобы ты была здесь, со мной. Но я определенно хотел бы быть там, с тобой. Тут витает дух смерти и дух мерзости. Не знаю, какой из них хуже. Если только позволит Господь и суффолкская полиция, вечером в пятницу буду в Лондоне. Был бы рад, если в это время ты оказалась бы в Куинхайте».

Очевидно, письмо заняло больше времени, чем казалось Далглишу. Тетя постучала в дверь и сказала:

— Адам, гости уходят. Ты не хочешь с ними попрощаться?

Далглиш спустился вниз вместе с ней. Гости и в самом деле были уже у дверей. Адам с удивлением заметил, что на часах двадцать минут двенадцатого. На его возвращение никто не обратил внимания, как прежде никто не заметил его исчезновения. Огонь в камине погас, оставив кучку белого пепла. Брайс как раз помогал Селии Кэлтроп надеть пальто.

— Ах, как некрасиво было с нашей стороны засиживаться допоздна,— сказала та.— А ведь мне так рано вставать. Вечером позвонила Сильвия из «Сетон-хауса» и попросила отвезти ее с утра в гостиницу к Реклессу. Она хочет сообщить ему нечто очень важное.

Лэтем, уже стоявший на пороге, обернулся.

— Что она имеет в виду?

— Откуда мне знать, дорогой Оливер? — пожала плечами мисс Кэлтроп.— Она намекнула, что ей известны какие-то обстоятелства, связанные

с Дигби. Скорее всего, бедняжка Сильвия просто выдумывает, вы ведь ее знаете. Но разве я могла ей отказать?

— И она даже не пояснила, в чем дело? — настаивал Лэтем.

— Нет. А мне не хотелось доставлять ей удовольствие расспросами. Впрочем, сильно торопиться утром я, пожалуй, не буду. Если буря не стихнет, вряд ли мне удастся ночью выспаться.

Лэтем явно хотел еще о чем-то спросить Селию, но она уже вышла. Тогда он рассеянно попрощался с хозяйкой и последовал за остальными. Вскоре до слуха Далглиша донесся приглушенный стук захлопываемых дверец и шум автомобильных моторов.

4

Далглиша разбудил вой ветра. Часы в гостиной как раз отзвонили трижды, и первой мыслью было: как странно, что такой нежный и ненавязчивый звук способен прорваться сквозь какофонию ненастья. Адам лежал и слушал. Сон понемногу уходил, ему на смену пришло сначала неопределенно приятное ощущение, потом легкое возбуждение. Далглиш любил эти монксмирские штормы. Удовольствие было знакомым и понятным: привкус опасности; иллюзия парения над хаосом и бездной, контраст между уютом постели и неистовством ночи. Адам не испытывал ни малейшей тревоги. «Пентландс» уже четыреста лет выдерживал натиск суффолкских ветров. Не рухнет он и сегодня. За минувшие годы Далглишу не раз приходилось слышать те же звуки. Четыреста лет люди лежали ненастными ночами под этим кровом и прислушивались к реву моря. Один шторм похож на другой; описать их можно лишь при помощи избитых клише.

Адам лежал и слушал, как ветер бешеным зверем бьется о стены, как неумолчно рокочет прибой, как монотонно шелестит дождь, как в редкие минуты затишья с крыши на подоконник осыпается мелкая галька. Без двадцати четыре шторм, казалось, вдруг угомонился. В какой-то момент стало так тихо, что Далглиш слышал собственное дыхание. Вскоре он задремал.

Проснулся он от порыва ветра столь свирепого, что дом весь содрогнулся. Море загрохотало так яростно, словно намеревалось обрушить свои валы прямо на крышу «Пентландса». Ничего подобного Далглишу прежде слышать не приходилось, даже в Монксмире. Спать при подобном грохоте было невозможно. Адама охватило неудержимое желание встать и одеться.

Он включил лампу, и тут в дверях его комнаты появилась тетушка, ее старый клетчатый халат был застегнут на все пуговицы, волосы тяжелой волной перекинуты через плечо.

— Пришел Джастин,— сказала тетушка.— Он считает, что нужно проведать Сильвию Кедж. Возможно, придется вытаскивать ее из дома, так как море хлынуло на берег.

Далглиш потянулся за одеждой.

— Как он вошел? Я ничего не слышал.

— По-моему, это неудивительно. Наверно, ты спал. Джастин пришел пешком. Он говорит, что дорогу залило, на машине не проехать. Нам придется идти через мыс. Джастин пробовал дозвониться до береговой охраны, но с ними нет связи.

Тетушка вышла, и Далглиш, бормоча проклятья, поспешно оделся.

Одно дело лежать в тепле и уюте, прислушиваясь к звукам бури; другое — карабкаться по открытому всем ветрам мысу в поисках приключений, которые пришлись бы по нраву разве что мальчишке, любителю острых ощущений или неисправимому романтику.

Адам не мог подавить абсурдное раздражение против Сильвии Кедж, словно она сама была во всем виновата. Уж кому, как не ей, следовало бы знать, способен ее дом выдержать бурю или нет! Скорее всего, Брайс драматизирует. Если уж «Дом кожевника» выдержал наводнение 1953 года, то как-нибудь устоит и сегодня. Но ведь девушка — калека. Действительно, надо проверить, как она там. И все-таки прогулка предстояла преотвратная. В лучшем случае утомительная, неприятная и бесполезная. В худшем

случае, особенно если учесть присутствие Брайса, она грозила превратиться в фарс.

Когда Далглиш спустился вниз, тетушка уже ждала в гостиной. Она успела собрать рюкзак, приготовить термос и полностью одеться. Очевидно, когда она заходила в комнату к племяннику, халат был надет поверх платья. Далглиш вдруг понял, что приход Брайса не явился для тетушки неожиданностью и что Сильвия Кедж, возможно, в самом деле находится в опасности.

Брайс, наряженный в тяжелый, длинный клеенчатый плащ и огромную зюйдвестку, стоял посреди комнаты — мокрый и блестящий, он напоминал живую рекламу рыбных консервов. В руках Брайс держал моток толстой веревки, причем имел при этом вид профессионального спасателя, всецело преданного своему благородному делу.

— Если придется добираться вплавь, вся надежда на вас, дорогой Адам,— объявил он.— У меня, увы, астма.— Брайс покосился на Далглиша и скорбно добавил: — Да и плавать я, по правде говоря, не умею.

— Конечно, конечно,— кисло пробормотал Далглиш. Неужели Брайс в самом деле думает, что в такую ночь придется еще и плавать? Однако затевать дискуссию не имело смысла. Далглиш испытывал ощущение человека, ввязавшегося в заведомо дурацкое предприятие, отказаться от которого не хватает духа.

— Лиз и Селии я звонить не стал,— продолжал Брайс.— Проку от них мало. Да и дорогу затопило — им бы все равно не добраться. А Лэтема не оказалось дома. Так что придется нам с вами действовать вдвоем.

Отсутствие Лэтема, похоже, нисколько Брайса не удивило. Далглиш решил пока воздержаться от вопросов на эту тему. Проблем хватало и так. И все же куда мог отправиться Лэтем в такую ночь? Неужели все обитатели Монксмира посходили с ума?

Они поднялись на мыс; ходьба отнимала все силы, поэтому Далглишу стало не до Лэтема. Идти в полный рост было невозможно — приходилось продвигаться согнувшись в три погибели, по-звериному, то и дело давая отдых немеющим мышцам: все трое опускались на колени, упирались ладонями в землю и ждали, пока восстановится дыхание; потом шли дальше. Правда, было теплее, чем вначале показалось Далглишу, да и дождь, несколько поутихший, скорее освежал лицо. Временами, когда кустарник создавал защиту от ветра, идти становилось легче, и тогда они бесплотными духами легко скользили сквозь теплую, пахнущую листвой тьму.

В очередной раз выбравшись на открытое место, они увидели на берегу «Настоятельские палаты». В окнах горел свет, и дом напоминал океанский корабль, плывущий по бурному морю.

— Думаю, будет лучше, если мисс Далглиш зайдет к Синклеру,— крикнул Брайс, затащив Адама и его тетю обратно в укрытие за кустами.— Они не спят и могут нам помочь. Нужна длинная лестница. Лучше всего будет, если вы, Адам, попробуете по Кожевенному проулку подобраться прямо к дому — вдруг вода поднялась не очень высоко. А они пусть обойдут кругом и попытаются спуститься сверху, с северной стороны. И лестницу пусть прихватят.

Брайс еще не закончил излагать свой на удивление точный и решительный план, а мисс Далглиш без лишних слов уже зашагала по направлению к «Настоятельским палатам». Адам был несколько ошарашен и внезапно доставшейся ему героической миссией, и переменой, произошедшей с Брайсом. Коротышке в повседневной жизни явно не хватало действия. Даже его всегдашняя манерность куда-то исчезла. Ощущение подчиненного, выполняющего приказ, было для Далглиша новым и, пожалуй, не лишенным приятности. Однако он так и не мог заставить себя до конца поверить, что опасность действительно существует. Если же дом Сильвии Кедж в самом деле под угрозой, план Брайса вполне разумен.

То, что опасность реальна, стало ясно, когда они вышли на край крутого склона и увидели внизу «Дом кожевника». В лунном свете затоп-

ленный спуск казался белоснежным от пены; садовая дорожка скрылась под водой; волны подбирались уже к самой двери. На первом этаже горел свет. Приземистый, неприглядный дом казался одиноким и беззащитным. Однако Брайс явно ожидал худшего.

— Вода еще не очень поднялась,— прошипел он в ухо Далглишу.— При помощи веревки вы пройдете. Странно, я был уверен, что все уже затоплено. Может быть, вода вообще больше прибывать не будет. Пока особенной опасности нет. Но вам, наверно, все же следует туда наведаться.

В голосе Брайса звучало чуть ли не разочарование.

Вода оказалась невероятно холодной. Далглиш знал, что будет холодно, но все равно в первую минуту у него перехватило дыхание. Он скинул плащ, куртку и остался в одном свитере. Вокруг пояса Адам обвязал веревку, другой конец которой Брайс крепко держал в руках и понемногу, дюйм за дюймом, отпускал. Быстрое течение толкало Адама в грудь, и он с трудом удерживался на ногах. Иногда он спотыкался о какую-нибудь выбоину и терял равновесие. Тогда приходилось барахтаться и хвататься за веревку, чтобы не уйти под воду. Плыть при таком течении было невозможно. Наконец Далглиш добрался до крыльца и привалился спиной к двери. Ноги по щиколотку оставались в воде, и каждая последующая волна карабкалась все выше. Задыхаясь, Адам махнул рукой Брайсу, чтобы тот отпустил веревку. В ответ фигурка на противоположном берегу жизнерадостно замахала руками, но веревка не ослабла — Брайс привязал ее к дереву. Очевидно, жестикуляция должна была выражать ликование по поводу того, что Адам достиг цели. Далглиш выругал себя за то, что ринулся в воду, предварительно не условившись с Брайсом, кому потом достанется веревка. Кричать было бесполезно. Если Адам не собирался вечно торчать на крыльце, привязанный к дереву (ситуация и без того представлялась достаточно комичной), веревку следовало уступить Брайсу. Далглиш отвязался, и фигурка на том берегу энергично заработала руками, наматывая веревку кольцами.

Ветер немного ослаб, но на крик Далглиша из дома никто не ответил. Он толкнул дверь — не поддается. Что-то изнутри мешало ей открыться. Адам навалился, и створка медленно сдвинулась с места, толкая собой нечто тяжелое, вроде мешка. Когда щель стала достаточно широкой, Далглиш протиснулся в прихожую и увидел, что на полу лежит вовсе не мешок, а Оливер Лэтем. Тело заняло почти весь маленький коридорчик; голова покоилась на первой ступени лестницы, что вела на второй этаж. Похоже было, что Лэтем стукнулся о косяк — за левым ухом запеклась кровь, а ссадина над правым глазом еще кровоточила. Далглиш присел на корточки. Лэтем был жив и начинал приходить в сознание. Почувствовав на лице чью-то руку, он застонал, дернул головой; его вырвало. Серые глаза открылись, безуспешно попытались сфокусироваться и закрылись вновь.

Далглиш оглянулся и осмотрел ярко освещенную гостиную. На диване напряженно застыла девичья фигура. Овальное лицо в обрамлении черных волос казалось мертвенно-бледным. Огромные черные глаза внимательно и оценивающе смотрели на Далглиша. Девушка не обращала ни малейшего внимания на воду, которая уже перекатывалась волнами по полу.

— Что произошло? — спросил Далглиш.

— Он пришел убить меня,— спокойно ответила Сильвия.— У меня под рукой оказалось только пресс-папье. Я кинула, и он упал. По-моему, еще и стукнулся головой. Думаю, он мертв.

— Жив,— коротко бросил Далглиш.— Ничего страшного. Но придется перетащить его отсюда. Потом я вернусь за вами.

Она слегка пожала плечами:

— А почему бы нам просто не уйти отсюда вместе, по дорожке? Вы же каким-то образом прошли.

Далглиш резко ответил:

— А потому, что вода уже доходит мне до подмышек и почти сшибает с ног. Я не могу тащить двоих — вы беспомощны, и он в полуобморочном

состоянии. Нет, мы перебираемся на второй этаж. Если понадобится, вылезем на крышу.

Он взвалил тело Лэтема на плечо и с трудом выпрямился. Лестница была крута, плохо освещена и узка, но это последнее обстоятельство как раз оказалось кстати. Можно было не придерживать Лэтема руками, а хвататься за перила и подтягиваться. К счастью, пролет был всего один. На верхней площадке Далглиш нащупал выключатель, и в коридоре второго этажа вспыхнул свет. Адам постарался припомнить, в какой комнате находится окно, выходящее на крышу. Потом толкнул ту дверь, что была слева, и опять зашарил по стене рукой в поисках выключателя. Это заняло несколько секунд. Он стоял на пороге, прижимал левой рукой к плечу обмякшее тело Лэтема, правой ощупывал стену и вдыхал душный, заплесневелый, болезненно-сладковатый, подгнивающий воздух комнаты. Наконец свет зажегся, и голая лампочка, висевшая под самым потолком, осветила помещение. Очевидно, тут раньше была спальня миссис Кедж, и, похоже, с тех пор никто здесь ничего не трогал. Тяжелая уродливая мебель. Огромная застеленная кровать почти во всю стену. Запах сырости и разложения. Далглиш осторожно положил Лэтема на кровать и подошел к окну. Он не ошибся — оно располагалось в скошенном потолке и выходило на крышу. Маленькое, квадратное, расположенное с той же стороны, что сад и спуск. Выбраться из дома теперь можно было только через него.

Далглиш спустился в гостиную за девушкой. Вода доходила уже до пояса, и Сильвии пришлось забраться на диван — она стояла, держась руками за полку. Адам заметил, что на шее у нее висит маленькая пластиковая сумка. Очевидно, там находилось все самое ценное. Сильвия как раз окидывала взглядом комнату — не забыла ли она еще что-нибудь. Далглиш с трудом добрался до дивана — даже здесь, в четырех стенах, течение оставалось сильным. Дом вряд ли мог долго выдерживать такой напор. Конечно, несколько утешала мысль, что он выстоял во время всех предыдущих наводнений, но разве можно предсказать, насколько мощной окажется буря на этот раз? Возможно, в прежние годы вода поднималась и выше, но едва ли натиск ее был столь же яростен. Далглишу показалось, что стены дома колеблются.

Он молча поднял Сильвию на руки. Она оказалась удивительно легкой. Правда, тяжелые металлические скобы на ее ногах тянули книзу, но верхняя часть туловища девушки казалась невесомой, бескостной и какой-то бесполой. Тем страннее было ощущать жесткость ребер и упругую твердость груди. Сильвия без движения висела у Далглиша под мышкой. Он перенес ее наверх и только теперь вспомнил о костылях. Говорить о них Адаму почему-то показалось неудобным, но Сильвия, словно читая его мысли, сама сказала:

— Извините. Я должна была вам напомнить. Они на каминной полке.

Это означало, что придется совершить еще один поход вниз. Впрочем, он так или иначе вряд ли сумел бы поднять наверх и девушку, и костыли сразу.

Далглиш хотел положить Сильвию на ту же кровать, где беспокойно метался все еще не пришедший в себя Лэтем, но она с внезапным ожесточением заявила:

— Нет! Только не туда! Оставьте меня здесь.

Далглиш осторожно прислонил ее к стене. Какое-то мгновение глаза их были на одном уровне, и они обменялись долгим безмолвным взглядом. Что-то такое Адам прочел в этих черных глазах, но так и не понял — предостережение или мольбу.

Костыли удалось добыть без особого труда. Вода достигла уже уровня каминной полки, и они плавали на поверхности. Далглиш схватил их за каучуковые подмышечники и закинул на второй этаж. Когда он поднимался по лестнице, через разбитую входную дверь в дом вкатилась большая волна и сбила его с ног. Перила на лестнице затрещали, обвисли длинной лентой и рассыпались. На сей раз сомнений быть не могло: стены явно качнулись.

Далглиш вернулся в спальню матери Сильвии. До окошка в потолке было добрых десять футов — с пола не достать. Массивную кровать сдвинуть с места вряд ли удалось бы, но квадратный, основательный комод вполне годился на роль подставки. Далглиш подтащил его к нужному месту.

— Если вы подсадите меня, я выберусь первой и помогу вам вытащить на крышу... этого,— сказала девушка.

Она покосилась на Лэтема, который кое-как уселся на кровати и сидел, стиснув голову руками и охая.

— У меня сильные руки и плечи,— добавила Сильвия и, словно в доказательство, вытянула вперед свои некрасивые ладони. Собственно, то же самое собирался предложить и Далглиш. Перетащить Лэтема на крышу представлялось задачкой не из простых. Вряд ли без помощи Сильвии это было бы возможно.

Окно заросло паутиной и побурело от пыли — с ним еще надо было повозиться. Но стоило Далглишу посильнее дернуть, и насквозь прогнившее дерево неожиданно легко поддалось. Рама выскочила из пазов, и ветер моментально унес ее. В маленькую комнату ворвалась ночь, а с нею освежающе холодный, сладкий воздух. Свет вдруг погас, в спальне стало темно, как в яме, и наверху — серый квадрат неспокойного неба с пятнистым диском луны.

К Далглишу, шатаясь, приблизился Лэтем.

— Какого черта?.. Зачем выключили свет?

Адам отвел его назад к кровати.

— Сидите здесь, не расходуйте попусту силы. Они вам еще понадобятся. Нам нужно выбраться на крышу.

— Ну уж это без меня. Я останусь тут. Вызовите врача. Я хочу врача. Господи, что с моей головой?

Далглиш оставил раскачивающегося и хнычущего от жалости к себе Лэтема в покое и вернулся к Сильвии. Он встал на стул, подпрыгнул, ухватился за край окна и подтянулся. До конька крыши было всего несколько футов, но скат оказался круче, чем ожидал Далглиш, а печная труба, на которую он рассчитывал, располагалась, по меньшей мере, в пяти футах слева.

Он спрыгнул на пол и сказал девушке:

— Постарайтесь добраться до конька крыши, сядьте верхом и двигайтесь к трубе. Если что не так — замрите на месте и ждите, пока я приду на помощь. С Лэтемом я справлюсь, вы только подтяните его сверху. Но я подам вам его не раньше, чем вы прочно там усядетесь. Когда будете готовы — крикните. Костыли вам нужны?

— Да,— спокойно ответила Сильвия.— Костыли мне нужны. Я зацеплюсь ими за ребро крыши.

Далглиш обхватил покрепче железные опоры, сковывавшие ноги девушки от щиколотки до бедра, и подтолкнул ее подальше вверх. Сильвия поползла по скату, вцепилась в конек, подтянулась и перекинула одну ногу на ту сторону. Тут же ей пришлось низко пригнуться — ветер неистовствовал, длинные волосы девушки развевались. Кивком головы Сильвия дала понять, что готова. Она наклонилась и протянула к Далглишу руки.

И в этот момент безошибочным инстинктом он ощутил исходящую от нее опасность. Инстинкт был столь же неотъемлемой частью его профессионализма, как знание огнестрельного оружия или чутье на неестественную смерть. Этот инстинкт не раз спасал Далглишу жизнь, и он привык ему доверять. Сейчас не было времени для рассуждений и обоснований. Чтобы не погибнуть, следовало им всем троим поскорей оказаться на крыше. Но Далглиш понял, что оставлять там Лэтема наедине с Сильвией нельзя.

Протиснуть Лэтема в окошко было совсем не просто. Оливер так окончательно и не пришел в себя — даже вид воды, начавшей заливать пол спальни, не привел его в чувство. Он хотел только одного — уткнуться лицом в подушку и справиться с одолевавшей его тошнотой. Но все же мертвым грузом он быть перестал и мог хоть как-то помочь Далглишу.

Адам снял с себя и с него башмаки, поставил Лэтема на комод и протолкнул в окно. Сильвия крепко взяла раненого под мышки, но Далглиш не выпустил его из рук, а продолжал толкать вверх по скату. Наконец Лэтем схватился за ребро крыши, подтянулся и обмяк, полуперевалившись на ту сторону. Девушка отпустила его и, упираясь костылями, отодвинулась назад, чтобы опереться спиной о печную трубу. Далглиш стал сам выбираться на крышу.

Тут это и случилось. Воспользовавшись тем, что Далглиш больше не держит Лэтема, Сильвия нанесла удар — Адам едва заметил быстрое и яростное движение закованной в металл ноги. Удар пришелся Лэтему по пальцам — тот дернулся и заскользил вниз по скату. Отчаянным рывком Далглиш схватил Лэтема за запястье и едва сам не полетел вниз — таким тяжелым оказалось тело. Сильвия ударила вновь и вновь, на сей раз по рукам Далглиша. Они закоченели от холода, и боли он не чувствовал, но видел, как из разбитых костяшек течет кровь. Еще несколько таких ударов, и он не сможет удерживать Лэтема. А потом наступит и его черед. Сильвия удобно устроилась возле трубы; железные скобы на ногах и костыли служили ей отличным оружием. Сверху того, что происходило на крыше, было не видно — темно, да и конек заслонял. Если б кто-то и наблюдал эту сцену, то ничего, кроме смутных силуэтов, не разглядел бы. Когда найдут два мужских трупа, все ссадины отнесут за счет камней и бурных волн. Шанс на спасение был только один — выпустить Лэтема. В одиночку Далглиш, вероятно, сумел бы отобрать у Сильвии костыли. Но она отлично знала, что раненого он не выпустит. Эта девушка всегда точно рассчитывала поведение противника. Осыпаемый градом ударов, Далглиш держался из последних сил.

Однако они оба забыли о Лэтеме. Видимо, девушка думала, что он не пришел в себя. Но тут из-под ноги Оливера вылетела черепица, он вдруг получил точку опоры, и в нем пробудился инстинкт самосохранения. Лэтем внезапно высвободил запястье из ослабших пальцев Далглиша, рванулся вверх и схватил Сильвию за ногу. От неожиданности она покачнулась, и как раз в этот миг налетел новый шквал. Лэтем дернул. Девушка покатилась вниз по черепице. Далглиш успел вцепиться в сумку, висевшую у нее на шее, но шнурок лопнул, и Сильвия покатилась дальше. Тяжелые ортопедические ботинки мешали ей нащупать опору, железные скобы тянули книзу. Тело, перевернувшись несколько раз, ударилось о водосточный желоб, подскочило и рухнуло во тьму — лишь ноги безжизненно, как у куклы, взмахнули в воздухе. Дикий крик. Тишина. Далглиш сунул сумочку в карман и обессиленно опустил голову на окровавленные руки. Тут прямо ему в спину ткнулось что-то твердое — сверху спустили приставную лестницу.

Если б Далглиш не был ранен, теперь добраться до безопасного места ничего бы не стоило. Но руки почти не слушались. Пальцы не сгибались и начали отчаянно ныть. Вряд ли он сумел бы взяться ими за перекладину. Лэтем, очевидно, истратил все силы на борьбу с Сильвией и снова впал в полуобморочное состояние. Прошло несколько минут, прежде чем Далглишу удалось растормошить его и подтащить к лестнице.

Адам полез вперед спиной, стараясь придерживать Лэтема своими бесполезными руками. Их лица находились всего в нескольких дюймах друг от друга, и Далглиш ощутил запах пота, кисло-сладкий винный перегар. С горечью он спросил себя: неужто последним открытием в его жизни станет новость, что у Лэтема дурно пахнет изо рта? Ей-богу, в жизни еще есть более важные явления и открытия. Да и более симпатичные способы смерти тоже. Ну почему Лэтем висит мешком?! Неужто нельзя приложить хоть какое-то усилие? Далглиш то ругался, то подбадривал своего спутника, и Лэтем наконец собрался с силами, сам схватился за перекладину и с трудом подтянулся на несколько дюймов. Вдруг перекладина треснула, выскочила из пазов и, описав дугу, бесшумно упала в воду. Тошнотворно долгое мгновение Далглиш и Лэтем смотрели в образовавшуюся дыру на волны, пенившиеся в двадцати футах внизу. Потом Оливер прислонил голову к лестнице и пробурчал:

— Вы бы лучше спустились обратно. Двоих лестница не выдержит, зачем же мокнуть обоим.

— Лезьте и помалкивайте,— сказал Далглиш.

Он засунул руки Лэтему под мышки и приподнял его. Лестница затрещала и прогнулась. Немного отдышавшись, они сделали еще один рывок. На сей раз Лэтем оттолкнулся ногой от перекладины с такой неожиданной прытью, что Адам чуть не сорвался вниз. Налетел новый шквал, лестница закачалась. Было слышно, как ее конец скользит по крыше. Пока шквал не пронесся, Далглиш и Лэтем боялись пошевелиться. Потом снова поползли вверх. Оставалось уже немного. Внизу темнели кроны деревьев. Далглиш подумал, что сверху могли бы и крикнуть, но, кроме рева бури, не доносилось ни звука. Наверно, все там затаили дыхание, не решаясь отвлекать их от опасного подъема даже подбадривающими возгласами. Внезапно все закончилось. Кто-то схватил Адама за руки и вытянул на безопасное место.

Он не испытал облегчения — лишь крайнюю усталость и отвращение к самому себе. Тело совершенно обессилело, но голова работала ясно, и мысли в ней бродили довольно горькие. Он недооценил опасность предприятия, позволил Брайсу втянуть себя в идиотскую, рискованную историю, вел себя глупо и импульсивно. Что за нелепая бойскаутская затея — вдвоем спасать от потопа несчастную девицу. В результате девица все-таки утонула. И нечего было вообще лезть на крышу — отсиделись бы на втором этаже, вода бы и сама сошла. Шторм явно начинал стихать. К утру их бы вызволили спасатели. Ну, намерзлись бы, зато все трое были бы живы и целы.

И тут, словно в ответ на эти мысли, внизу раздался треск, перешедший в оглушительный грохот. Люди наверху завороженно смотрели, как «Дом кожевника» с неуклюжей грациозностью оседает в воду. Рокот прокатился вдоль всего мыса, и волны неистово вспенились над бесформенной грудой кирпичей. Высоко взметнулся столб брызг, долетевших до безмолвных зрителей. А потом грохот стих, и обломки «Дома кожевника» скрылись под водой.

Наверху толпилось множество людей, вокруг Далглиша сновали какие-то темные силуэты, заслоняя его от ветра. Люди разевали рты, что-то кричали, но Адам ничего не слышал. Он увидел развевающуюся седую гриву Р. Б. Синклера на фоне луны; потом разобрал по-детски капризный голос Лэтема, требовавшего немедленно привести к нему доктора. Хотелось опуститься на мягкую землю и тихо лежать, пока не перестанут болеть руки, пока не пройдет ужасная ломота во всем теле. Но кто-то держал Далглиша, не давая лечь. Очевидно, это Реклесс, подумал Адам. Сильные руки сжимали его подмышки; пахло мокрым габардином, и что-то жесткое царапало щеку.

Постепенно окружающие перестали казаться марионетками, бессмысленно открывающими и закрывающими рты; Далглиш начал разбирать слова. Кто-то спросил, как он себя чувствует, еще кто-то (кажется, Алиса Керрисон) предложил отправиться в «Настоятельские палаты». Третий заметил, что есть «лендровер» и что на нем, пожалуй, можно добраться до «Пентландса», если мисс Далглиш предпочитает отвезти племянника домой. Далглиш разглядел в отдалении силуэт автомобиля. Наверно, это машина Билла Коулса, а вон тот здоровяк в желтом дождевике сам Билл Коулс и есть. Как он сумел сюда проехать? Белые, расплывчатые лица, похоже, добивались, чтобы Адам принял какое-то решение.

— Я хочу домой,— объявил он. Стряхнул чужие руки, подошел к «лендроверу» и, помогая себе локтями, взобрался на заднее сиденье. На полу стояли зажженные штормовые фонари, освещая желтоватым светом сидящих в машине людей. Далглиш заметил среди них тетушку. Она придерживала рукой припавшего к ее плечу Лэтема, который, как отметил про себя Адам, напоминал сейчас романтического героя из викторианской мелодрамы: длинное бледное лицо, закрытые глаза и белая повязка на лбу с проступающим пятном крови. Последним в «лендровер» залез Реклесс и уселся рядом с Далглишем. Машина запрыгала по ухабам.

Адам протянул вперед свои изувеченные руки — как хирург медсестре, чтобы надела перчатки,— и сказал Реклессу:

— Попробуйте залезть ко мне в карман. Там должна быть сумочка, которая наверняка вас заинтересует. Сам я достать ничего не сумею.

Он наклонился, чтобы инспектор, отчаянно подскакивающий на сиденье, смог засунуть руку ему в карман. Реклесс извлек сумочку, развязал шнур и высыпал содержимое себе на колени: пожелтевшую фотографию женщины в овальной серебряной рамке, катушку магнитофонной пленки, сложенное брачное свидетельство и золотое кольцо.

5

Сквозь сон в глаза Далглишу бил яркий свет. Разрезая разноцветные слои беспамятства, он всплыл на поверхность, с усилием разлепил спекшиеся веки и увидел, что уже день. Кажется, он сильно проспал, солнечный луч, падающий на лицо, по-дневному грел кожу. Далглиш еще немного полежал, осторожно вытягивая ноги и почти с удовольствием ощущая, как возвращается боль в перетруженные мускулы. Руки под одеялом были налиты тяжестью. Он выпростал их и с остраненным недоумением ребенка повертел перед глазами двумя толстыми белыми грушами. По-видимому, эти профессионально сделанные повязки наложила его тетка, хотя как это происходило, он толком не помнил. И еще мазью какой-то противной смазала — под бинтами было скользко. Обе кисти, как он осознал теперь, болели, но суставы сгибались, и концы трех средних пальцев, одиноко торчащие из повязки, выглядели нормально. Так что переломов как будто нет.

Далглиш изловчился, просунул руки в рукава халата и подошел к окну. На дворе опять погожее, тихое утро — точно такое же было тогда, когда он проснулся в первый раз по приезде. Штормовая ночь словно бы отодвинулась в область истории и местных преданий, где хранилась память о бедствиях минувших времен. Но нет, следы ее были налицо. Оконечность мыса, видная в восточное окно, представляла собой картину полного разорения, словно там протопала целая армия, оставив после себя обломанные ветви деревьев и выкорчеванные кусты. И хотя ветер стих и искореженная растительность почти не колыхалась, но волнение на море далеко еще не улеглось: огромные, обремененные песком валы, грузно плюхаясь, катились к горизонту, и мутная, клокочущая вода, не способная отражать синеву небес, была бурого цвета. Природа страдала от внутреннего разлада, море из последних сил продолжало сражение с самим собой, земля лежала, изнемогшая, под безучастными небесами.

Далглиш отвернулся от окна и обвел комнату свежим взглядом. Оказалось, что на спинке кресла под окном лежит сложенное одеяло, к подлокотнику прислонена подушка. Очевидно, тетя Джейн провела ночь в кресле. Едва ли из беспокойства за племянника. Далглиш теперь припомнил, что они привезли с собой ночью в «Пентландс» Лэтема. И, значит, тетя уступила ему свою комнату. Сообразив это, Далглиш почувствовал раздражение, хотя неужели он настолько мелочен, что его задевает теткина забота о человеке, который ему неприятен? Но даже если и так, что тут такого? Антипатия между ними взаимная, если на то пошло. А день и без того обещает немало болезненных открытий, не к чему заниматься еще и самобичеванием. Но хорошо бы сейчас обойтись без Лэтема. Слишком живы в памяти события минувшей ночи, чтобы теперь сидеть с ним вместе за завтраком и говорить о том о сем как ни в чем не бывало.

Спускаясь тихонько по лестнице, Далглиш услышал голоса. Привычно по-утреннему пахло кофе и беконом, однако гостиная оказалась пуста. Значит, тетя с Лэтемом завтракают в кухне. Голос Лэтема, высокий и заносчивый, внизу был слышен вполне отчетливо, но тихие ответы Джейн до него и здесь не долетали. Далглиш шел крадучись, на цыпочках, как будто был чужим в этом доме. Хотя встреча с Лэтемом ему так или иначе неизбежно предстоит, придется выслушивать его извинения, объяснения, может быть,

даже, упаси Бог, изъявления благодарности. А там, оглянуться не успеешь, нагрянет весь Монксмир — с вопросами, доводами, спорами и возгласами. Для Далглиша в их сообщениях не будет открытий, а радоваться новым доказательствам собственной правоты он разучился. Он давно уже понял — кто, и еще в понедельник сообразил — как. Но для всех, на ком лежало подозрение, это будет день оправдания и торжества — большое событие. Люди испытали страх, неудобства, унижение. Безбожно было бы теперь лишить их праздника. Все так. Однако пока что он старался ступать как можно неслышнее, пусть праздник еще поспит.

В камине трепыхался слабый огонь, почти бесцветный под лучами солнца. Часы показывали начало двенадцатого. Уже прибыла почта, на каминной полке, прислоненное к стене, стояло письмо, адресованное ему. Даже через всю ширину комнаты Далглиш сразу узнал крупный наклонный Деборин почерк. Он достал из кармана свое неотправленное письмо к ней и приставил конверт к конверту — его мелкие ровненькие буковки рядом с размашистыми слитными. Конверт тонкий, один листок. Далглиш вдруг ясно представил себе, что могла написать ему Дебора на четвертушке бумаги, ее письмо легло как бы в один ряд с прочими предстоящими неприятностями, и открывать его сейчас стало трудно и совсем необязательно. Он еще стоял так, злясь на себя за колебания, побуждая себя преодолеть их и выполнить такое простое и естественное действие, когда раздался шум подъезжающей машины. Значит, они уже приехали и, конечно, сгорают от любопытства и полны приятных предвкушений. Однако в подъехавшей машине Далглиш узнал «форд», которым пользовался Реклесс, и увидел, что инспектор прибыл один. Хлопнула дверца. Реклесс помедлил минуту перед дверью, словно собирался с духом. Под мышкой у него был диктофон Селии Кэлтроп. День начался.

Пять минут спустя они вчетвером уже слушали признание убийцы. Реклесс сидел у диктофона и поглядывал на него озабоченно и сердито, видно, опасался, как бы это устройство сейчас, в ответственный момент, не сломалось. Джейн Далглиш расположилась в своем всегдашнем кресле слева от камина, неподвижная, руки сложила на коленях, будто слушает пластинку. Лэтем — в картинной позе у камина, одну руку свесив с каминной доски, забинтованную голову откинув на серую каменную стену. Ну просто бывшая театральная знаменитость перед фотоаппаратом, подумалось Далглишу. Сам он сидел во втором кресле с подносом на коленях, старательно поддевая на вилку маленькие кубики-тосты, специально приготовленные тетей, и поднимая в обеих забинтованных ладонях, благо нечувствительных к горячему, дымящуюся кружку с кофе.

В обращенном к ним голосе погибшей девушки не слышалось обычного неприятного самоуничижения — он звучал четко, уверенно, спокойно. Лишь изредка на миг прорывались нотки какого-то восторга — и сразу же подавлялись. То была песнь ее торжества — и однако она вела свой жуткий рассказ с уверенностью и бесстрастием радиодикторши, читающей вечернюю сказку для малышей.

«Я уже в четвертый раз диктую свое признание. В четвертый, но не последний. Одну и ту же пленку можно использовать снова и снова. И вносить исправления. Это еще не окончательный вариант, как говорил Морис Сетон, трудясь над своими жалкими книжонками, как будто они вообще стоили труда, как будто не все равно, какое слово он в конце концов выберет. И большей частью это бывало мое слово, которое я ему так неназойливо, исподволь нашепчу, чтобы он, не дай Бог, не понял, что это звучит человеческий голос. Он и за человека-то меня не считал. Я была у него просто машиной для стенографирования и перепечатки, для штопки его одежды, мытья посуды, даже иногда для готовки пищи. Не очень надежная машина, я ведь не могу ходить. Но ему от этого было только проще. Он относился ко мне как к бесполому существу. Мало того, что не как к женщине, это-то ясно, но я вообще была для него существо не женского пола. Меня можно было допоздна задержать за работой, оставить ночевать, вынудить пользоваться его ванной. Никто не посмотрит косо.

Никто и не косился. Никому дела не было. А что такого? Невозможно же вообразить, что кого-то потянет ко мне прикоснуться. Так что он был со мной в полной безопасности. И я с ним, видит Бог, тоже.

Ему бы показалось смешно, скажи я ему, что я была бы ему хорошей женой. Да нет, не смешно. А противно. Все равно как взять в жены слабоумную. Или животное. Почему уродство отталкивает? Ведь он не один так ко мне относился. То же выражение я видела и на других лицах. Например, у Адама Далглиша. Почему я называю его? Потому что он видеть меня не может. Он как бы говорит: «Я люблю, чтобы женщины были красивы. И грациозны. А тебя мне жаль, но ты мне противна». Я и самой себе противна, суперинтендант. Противна самой себе. Но ни к чему тратить пленку на предисловия. Предыдущие мои признания все были слишком многословны, плохо скомпонованы. К концу даже скучны. Но будет еще время все выправить, довести текст до совершенства, и я смогу слушать пленку снова и снова сколько захочу, всю жизнь, и каждый раз испытывать острое чувство удовлетворения. А может быть, я ее в конце концов сотру. Но потом, не сейчас, может быть, никогда. Неплохая мысль — оставить ее потомкам. Единственный недостаток тщательно продуманного и безупречно осуществленного убийства — в том, что его некому оценить по достоинству. Остается одно утешение, пусть и ребяческое, что имя мое замелькает в газетных заголовках после того, как я умру.

Замысел был, конечно, сложный, но это только приятно. Вообще говоря, ничего нет трудного в том, чтобы убить человека. Каждый год это проделывают сотни людей и, ненадолго прославившись, оказываются забытыми, как вчерашние новости. Я могла бы убить Мориса Сетона когда мне вздумается, тем более после того, как мне в руки попали пять граммов белого мышьяка. Он унес их из музея в «Клубе мертвецов», подменив содой в склянке, он тогда писал «Смерть в кухонном горшке». Бедняга Морис был просто помешан на достоверности. Даже об отравлении мышьяком не мог написать без того, чтобы не подержать это вещество в руках, понюхать его, убедиться, как быстро оно растворяется, ощутить волнение игры со смертью. Эта его страсть к реалистическим подробностям, к знакомству с предметом на собственном опыте занимала в моем замысле центральное место. Именно она привела его, обреченного на гибель, к Лили Кумбс в «Кортес-клуб». И прямо в руки к убийце. Морис хорошо разбирался в чужих смертях. Хотелось бы посмотреть, как ему понравилась своя? Он, разумеется, собирался мышьяк вернуть, взял только на время. Но пока собрался, я успела тоже произвести подмену, и в клубный музей на место соды Морисом была подсунута — сода же. А мышьяк, я решила, может мне при случае пригодиться. И не ошиблась. Он очень даже пригодится, и совсем скоро. Подсыпать порошок во фляжку. которую всегда носит при себе Дигби, для меня не проблема. А что потом? Подождать той неотвратимой минуты, когда он, предоставленный самому себе, почувствует, что не может больше выносить одиночества и должен немедленно выпить? Или объявить ему, что Элизе Марли известно нечто о смерти его брата и она назначает ему тайное свидание на пляже? Оба варианта подходят. Так и эдак результат один. Он умрет, и попробуйте тогда что-нибудь доказать. Немного погодя я попрошусь на прием к инспектору Реклессу и сообщу ему, что Дигби жаловался на живот и я видела, как он рылся в аптечке Мориса. И что Морис в свое время взял в «Клубе мертвецов» мышьяк, а потом, как он мне сказал, положил на место. Ну а вдруг не положил? Вдруг не смог себя заставить? Это на него похоже. И все подтвердят. Все знают, как он писал «Смерть в кухонном горшке». Сделают анализ порошка в музейной витрине, обнаружат, что это не яд. И получится, что смерть Дигби Сетона — трагическая случайность, а виноват в ней его брат Морис. По-моему, шикарно, комар носу не подточит. Даже жаль, что самого Дигби, который, несмотря на тупость, все же способен был оценить мои находки,— что его нельзя посвятить в этот последний план.

С Морисом я могла бы легко разделаться посредством этого же мышьяка и увидеть своими глазами, как он будет умирать в мучениях.

Это-то совсем просто. Даже слишком. Просто и бездарно. Смерть от отравы не отвечает ни одному из необходимых требований, которые выдвигает убийство Мориса, а именно из-за этих требований его было так интересно планировать и так приятно приводить в исполнение. Прежде всего, его смерть должна иметь совершенно естественные причины. Иначе Дигби, как наследник, в первую очередь оказывается под подозрением, а мне важно, чтобы наследство досталось Дигби без всяких заминок.

Далее, он должен был умереть не в Монксмире, чтобы никому даже в голову не могло прийти заподозрить меня. С другой стороны, мне нужно было, чтобы между его смертью и жителями поселка просматривалась определенная связь: чем больше они натерпятся неудобств, подозрений, страха, тем лучше. Мне надо свести с ними все счеты. И я хотела держать расследование под своим надзором. Так что меня не устраивало, если это убийство будет проходить по лондонскому ведомству. Интересно и на подозреваемых посмотреть, как они будут себя вести, но главное — это не упускать из виду действия полиции. Мне надо было находиться рядом и при случае дать им нужное направление. Не все получилось в точности так, как было мною задумано, но почти все происходило с моего ведома. Ирония в том, что сама я не всегда вела себя так, как было надо, зато все остальные поступали в полном согласии с моим планом. Кроме того, требовалось учесть пожелания Дигби. Ему важно было, чтобы от убийства тянулась ниточка к Л. Дж. Люкеру и «Кортес-клубу». У него были другие цели, чем у меня. Необязательно даже, чтобы Люкер попал в число подозреваемых. А просто чтобы он убедился, что не один он смог совершить убийство и избежать ответственности. Дигби нужна была такая смерть, которую полиция признала бы естественной — потому что она и есть естественная,— а Люкер бы знал, что это убийство. Для того и были ему отправлены отсеченные кисти. А сначала я кислотой сняла почти все мясо — очень кстати оказался фотографический чулан в доме и кислотные реактивы,— хотя все равно не нравилась мне эта посылка. Глупость и напрасный риск. Но я, так и быть, уступила его капризу. По традиции смертнику полагается потакать. Исполнять те его желания, которые безвредны.

Прежде чем я перейду к описанию того, как умер Морис, надо еще разъяснить два обстоятельства, хотя и не имеющих прямого отношения к делу. Оба совершенно не важны, я останавливаюсь на них просто потому, что они косвенно связаны с убийством Мориса и благодаря им удалось бросить подозрение на Лэтема и Брайса. Я не приписываю себе заслугу смерти Дороти Сетон. Это, конечно, моя работа, но я не ставила себе целью ее убить. К чему зря стараться убивать женщину, которая сама рвется навстречу своей гибели? Ей все равно оставалось жить недолго. Выпила бы она пузырек снотворного, или свалилась бы с обрыва в море во время какой-нибудь из своих дурацких ночных прогулок, или сломала бы шею, гоняя по окрестностям в машине с любовником, или просто бы упилась до смерти — так или иначе, это был только вопрос времени. Меня это даже не особенно интересовало. Но потом, вскоре после ее отъезда с Алисой Керрисон в Ле-Туке, я вдруг наткнулась на исписанные от руки страницы. Это была великолепная проза. Мне жаль, что люди, которые говорят, что якобы Морис Сетон не умел писать, лишены возможности ее прочесть. Если затронуты его чувства, он умел находить такие слова, что от них тлела бумага. А тут все его чувства были затронуты — обида, оскорбленное мужское самолюбие, ревность, злоба, жажда отомстить. Кто лучше меня мог понять, каково ему? Должно быть, выразив это все на бумаге, он испытал большое облегчение. И конечно, не на машинке, не мог же он допустить, чтобы какая-то механика была посредником между его болью и его словами. Ему нужно было видеть, как строки образуются под рукой. Он, понятно, не собирался посылать это. Послала я. Расклеила над паром очередное письмо к ней, он писал аккуратно раз в неделю, и добавила эти страницы. Теперь, вспоминая, я даже сама не знаю, чего, собственно, ждала. Просто, должно быть, не удержалась, забавно было. Даже если бы она не уничтожила письмо, а привезла и предъявила ему, он не мог быть на сто

процентов уверен, что не сам положил его по оплошности в конверт. Я ведь хорошо его знала. Он всю жизнь боялся своего подсознания, был убежден, что рано или поздно оно его выдаст. На следующий день я получила удовольствие, наблюдая, как он переполошился — искал повсюду, мучился, посматривал на меня: не знаю ли? На вопрос, не выбрасывала ли я его бумаг, я спокойно ответила, что сожгла какие-то ненужные обрезки. Лицо у него сразу просветлело, он предпочел думать, что я отправила его письмо в печку, не прочитав. Всякая иная возможность была бы для него невыносима, вот он и верил, что дело обстояло так, как ему приятней, верил до самой смерти. Письмо это так и не было обнаружено. Я, мне кажется, знаю, куда оно делось. Но весь Монксмир уверен, что Морис Сетон написал своей жене что-то такое, из-за чего она покончила с собой. А у кого, на взгляд полиции, больше причин для мести, чем у ее любовника Оливера Лэтема?

Едва ли есть необходимость объяснять, что кошку Брайса убила я. Он бы и сам это сразу сообразил, если бы не кинулся в отчаянье резать веревку — где уж ему было заметить, что она завязана скользящим узлом. Если бы он не потерял голову, а осмотрел веревку и петлю, то убедился бы, что мне, чтобы придушить его Арабеллу, надо было только чуть-чуть приподняться в кресле. Но, как я и рассчитывала, ни хладнокровия, ни здравого смысла у него не нашлось. Что виноват Морис Сетон, он ни на минуту не усомнился. Может показаться странным, что я трачу время на разговоры об умерщвлении кошки, но дело в том, что смерть Арабеллы занимала в моем плане определенное место. Благодаря ей легкая взаимная антипатия между Морисом и Брайсом усилилась до настоящей вражды, так что у Брайса, так же как у Лэтема, появилась причина для мести. Правда, смерть человека за смерть кошки — это многовато, и я не надеялась, что полиция станет всерьез заниматься Брайсом. Но вот изуродовать мертвое тело — другой разговор. Когда медэкспертиза покажет, что Морис умер естественной смертью, сразу начнут искать, почему у него отрезаны кисти. Главное, чтобы никто не заподозрил, зачем это на самом деле было нужно. И тут очень удобно, что в Монксмире нашлось по меньшей мере два человека, раздраженных, плохо к нему относящихся, и у обоих с ним счеты. Но есть еще две причины, почему я убила Арабеллу. Во-первых, мне хотелось. Она была бесполезное существо. Жила, как Дороти Сетон, за счет мужчины, который ее холил и ласкал, считая, что красота, даже безмозглая, даже никуда не годная, имеет право на существование, просто потому что она — красота. Две секунды агонии на веревке — и конец этим глупостям. А кроме того, смерть Арабеллы послужила мне своего рода генеральной репетицией. Я хотела проверить, какая из меня актриса, испытать себя в сложных условиях. Не будем сейчас тратить время на рассказ о том, что я в себе открыла. Но я этого никогда не забуду — такое ощущение собственной силы и вседозволенности, такая упоительная смесь из страха и восторга! После того случая мне еще не раз доводилось это испытывать. Вот и сейчас, например, Брайс наглядно описал, в какое я пришла расстройство при виде снятого с веревки тела,— со всеми малоаппетитными подробностями моего состояния. И не все там было притворством.

Но вернемся к Морису. Совершенно случайно я узнала о нем одну вещь, которая оказалась решающей для моего намерения,— он страдал сильнейшей клаустрофобией. Дороти должна была, конечно, об этом знать. Ведь были же такие ночи, когда она милостиво соглашалась делить с ним спальню. И, наверно, он не раз будил ее своими кошмарами, как однажды разбудил меня. Я часто думаю, а что вообще ей было известно и делилась ли она с Лэтемом? Тут пришлось мне пойти на риск. Но хотя, даже если делилась, что из того? Нет никаких доказательств, что я это знала. Факт таков, что смерть Мориса Сетона вызвана естественными причинами, и с этим не поспоришь.

Хорошо помню ту ночь два с небольшим года назад. Весь день лило, дул шквалистый сентябрьский ветер. К вечеру, когда стемнело, непогода совсем разбушевалась. Мы работали с десяти утра. Дело шло туго. Морис бился над последним из серии коротких рассказов для одной вечерней

газеты. Рассказы — не его жанр, он сам это знал. А тут еще срочно. Такую работу он вообще терпеть не мог. За весь день я оторвалась только два раза — в полвторого собрала легкий обед и в восемь приготовила сандвичи и суп. К девяти, когда мы кончили ужинать, ветер выл надрываясь, и слышно было, как на берегу грохочет прибой. Даже Морис не мог не понимать, что в такую погоду, затемно, я в своем кресле до дому не доберусь. Но отвезти меня на машине он не предложил, а то ведь пришлось бы завтра ехать за мной — хлопотно. Пусть я лучше останусь ночевать. Не поинтересовался, хочу ли я этого. Ему и в голову не пришло, что я могу не согласиться, что я предпочитаю пользоваться своей собственной зубной щеткой, своими собственными туалетными принадлежностями и даже спать на своей собственной кровати. Всякие там тонкости и деликатности — это не про меня. Он просто сказал, чтобы я достала простыни и постелила себе в комнате его жены, и сам зашел поискать, что мне надеть на ночь. Почему сам, я не знаю. Наверно, он впервые после смерти жены отважился открыть ее шкафы и выдвинуть ящики с ее бельем, а мое присутствие давало ему повод для нарушения этого запрета, ну и поддержку. Теперь я захочу — могу надеть любую из ее вещей, а могу изорвать в клочья, если мне вздумается, и мне уже почти смешно вспоминать ту ночь. Бедный Морис! Он совсем забыл, какие они хорошенькие, эти ажурные, кисейные нарядные вещички из шелка и нейлона и как не подходят для моего скрюченного тела. Я видела, какое у него было выражение лица, когда его руки так трепетно их перебирали. О том, чтобы дать их мне, он и подумать не мог. Наконец, на самом дне нашлось то, что он искал: старая шерстяная ночная рубашка Алисы Керрисон. Дороти один раз, по Алисиному настоянию, ее надевала, когда болела гриппом и лежала в поту. Эту рубашку и протянул мне Морис. Была бы его судьба другой, поступи он в ту ночь иначе? Наверно, нет. Но мне приятно думать, что его руки, робко поднимавшие слой за слоем эту разноцветную дребедень, на самом деле выбирали между жизнью и смертью.

А в начале четвертого меня разбудил его вопль. Спросонья я сначала подумала, что это орут чайки. Но вопль повторился снова и снова. Я нашарила костыли и вошла к нему. Он стоял у окна, испуганно прижался спиной и смотрел, не соображая, как разбуженный лунатик. Я попробовала уложить его обратно в постель. Это оказалось совсем не трудно. Он пошел со мной за ручку, будто маленький. А когда я его укрывала, вцепился в мой рукав и попросил: «Не уходи! Подожди немножко! Мне опять приснился кошмар, то же, что всегда. Будто меня хоронят заживо. Побудь здесь, пока я не усну». И я осталась. Сидела и держала его руку, покуда пальцы не окоченели от холода и все тело не заныло. Он много тогда рассказал мне в темноте о себе, о своем маниакальном страхе, но постепенно пальцы его разжались, он перестал бормотать и заснул мирным сном. Подбородок у него при этом отвис, вид стал дурацкий, уродливый и жалкий. Я никогда раньше не видела его спящим. Его безобразие и беспомощность меня радовали, я чувствовала свою власть, это было так упоительно, что даже страшно. В ту ночь, сидя у его постели и слушая его ровное дыхание, я начала прикидывать в уме, как употребить то, что я о нем узнала, себе на пользу. Начала строить планы, как я его убью.

Наутро он ни словом не обмолвился о том, что было ночью. Так я не знаю, может быть, он начисто забыл свой кошмар и мой приход. Но не думаю. Вернее всего, не забыл, а просто предпочел не вспоминать. Разумеется, ведь ни извинений, ни объяснений от него не требовалось. Перед прислугой и домашней живностью не оправдываются в своих слабостях. Потому-то так удобно, так полезно иметь в доме ручную душу.

Время на обдумывание у меня было не ограничено, когда он умрет, не имело значения. И от этого только увлекательнее — можно спланировать такое сложное, научное убийство, какого нипочем не придумать, если поджимают сроки. Тут я согласна с Морисом. Впопыхах шедевр не создашь. Под конец, правда, пришлось немного поторопиться, когда я обнаружила и ликвидировала копию письма к Максу Герни, в котором Морис

сообщал о своем намерении изменить завещание. Но к тому времени мой окончательный план был уже месяц, как полностью готов.

С самого начала было ясно, что мне понадобится сообщник, и кто им должен стать, тоже очевидно. Идея использовать Дигби Сетона для того, чтобы уничтожить сначала его единокровного брата, а потом и его самого, была так великолепно дерзка, что иногда просто дух захватывало. Но риск был вовсе не так велик, как кажется. Я хорошо знала Дигби, знала его слабости и его силы: Он гораздо менее глуп и гораздо более жаден, чем считается, довольно практичен, но с небогатым воображением, не особенно храбр, зато упрям и настойчив. Но главные его черты — это слабая воля и большое тщеславие. Я использовала как его способности, так и недостатки. Манипулируя им, я почти не делала ошибок, ну а что кое в чем я его недооценила, так это не страшно, можно было ожидать худшего. И выход проще простого. В настоящее время он стал мне не только обузой, но и помехой, впрочем, терпеть уже недолго. Если бы он был надежнее и не так действовал мне на нервы, я, наверно, оставила бы его жить еще год-полтора. Чтобы не платить налог на наследство как дальняя родственница. Но из соображений экономии делать глупости я, конечно, не стану.

Я не стала выкладывать Дигби Сетону прямо сразу план убийства Мориса, а подошла тоньше. Предложила вроде как бы хитрый розыгрыш. Он, понятно, не долго в это верил, но долго и не требовалось. Просто, когда мы с ним это дело обсуждали, слово «убийство» не произносилось. Он знал, и я знала, но вслух не говорили. А делали вид, будто ставим эксперимент, пусть и небезопасный, но совершенно без злого умысла — хотим показать Морису, что человека можно тайно перевезти из Лондона в Монксмир, и притом даже без его ведома и согласия. Эта версия в случае чего могла послужить нашим оправданием. Если бы дело провалилось и нас бы обнаружили с телом на руках, у нас уже было заготовлено объяснение — и поди его опровергни. Якобы мистер Сетон предложил нам пари, что мы не сумеем захватить его и силком переправить в Монксмир — полиция нас задержит. Он будто бы собирался использовать такой сюжетный ход в своей очередной книге. Нашлось бы много свидетелей, которые подтвердят, что он любил все описываемое лично опробовать и очень пекся о достоверности. И если в пути он неожиданно умер от разрыва сердца, мы-то чем виноваты? Смерть в результате несчастного случая — возможно. Но уж никак не убийство.

По-моему, какое-то время Дигби в это чуть ли не всерьез верил. И я старалась его веру поддерживать. Редко кто из мужчин имеет мужество и силу духа, чтобы хладнокровно строить план убийства, Дигби далеко не из таких. Ему нужно подавать неприятную правду в нарядной упаковке. На реальность он закрывает глаза. Как, например, он закрывал глаза на правду обо мне.

Он убедил себя, что речь идет просто о безобидной игре с несложными правилами, где нет опасности, а выиграть можно двести тысяч фунтов, и уж после этого стал обсуждать со мной детали плана. Я поручала ему только то, что было в пределах его специфических талантов; и нисколько не торопила. Во-первых, он должен был раздобыть подержанный мотоцикл с продолговатой коляской в форме торпеды. Купить их порознь, за наличные и в такой части Лондона, где его не знают. Потом купить или снять квартиру, по возможности на отшибе и с ходом в гараж, и чтобы Морис не знал адреса. Все это было сравнительно просто, и я в целом осталась довольна тем, как действует мое живое орудие. Для меня это, пожалуй, было самое трудное время. От меня самой почти ничего не зависело. Я могла взять дело в свои руки и направлять развитие событий только после того, как труп Мориса попадет в Монксмир. А пока оставалось полагаться на то, что Дигби точно выполнит данные ему инструкции. В «Кортес-клубе» он все устроил сам, мне лично не очень нравился его план заманивания Мориса на Кэррингтон-Мьюз. По-моему, так было слишком сложно и опасно. Можно бы придумать что-нибудь понадежнее и попроще. Но Дигби непременно хотелось подключить «Кортес-клуб». Он жаждал

произвести впечатление на Люкера. И я решила, пусть делает по-своему, мне-то это ничем не угрожало. И надо признать, получилось все буквально так, как он задумал. Дигби вроде бы поделился с Лили Кумбс насчет пари — будто бы Морис побился на две тысячи, что его не сумеют похитить,— и попросил ее помочь, за сотню наличными. От нее только требовалось проследить, когда появится Морис, наболтать ему что-нибудь про торговлю наркотиками и подсунуть адрес на Кэррингтон-Мьюз, мол, там он сможет получить подробные сведения. Не попался бы он на удочку — не надо. У меня было в запасе еще несколько способов заманить его в Кэррингтон-Мьюз, какой-нибудь другой бы сработал. Но он, конечно, попался. Разве он мог не поехать? Ведь это надо для его новой книги. Во имя служения искусству. Дигби, навещая брата, в своих рассказах всегда старался лишний разок упомянуть «Кортес-клуб» и Лили Кумбс; Морис, понятное дело, уже завел на нее отдельную карточку, авось пригодится. Так что, когда он осенью перебрался, как обычно, на две недели в Лондон, можно уже было с уверенностью предсказать не только то, что он остановится в «Клубе мертвецов», в своей постоянной комнате, куда не надо подыматься в невыносимо тесном для клаустрофоба лифте, но и то, что непременно выберет вечерок и заявится в «Кортес-клуб». Дигби даже дату угадал, когда он приедет, и предупредил Лили Кумбс. Словом, Морис приманку проглотил. А как же. Во имя служения искусству он был готов отправиться хоть в ад. В ад и попал.

А после того как Морис появился на пороге Кэррингтон-Мьюз, задача у Дигби была совсем простая. Быстрый удар кулаком как раз такой силы, чтобы отправить гостя в нокаут, но при этом не оставить следов — плевое дело для бывшего чемпиона по боксу. Переделка мотоциклетной коляски в небольшой гробик на колесах — пара пустяков для того, кто в одиночку построил парусную лодку. Коляска уже стояла готовая, в гараж был ход прямо из дома. Малорослый, тщедушный Морис, без сознания, тяжело дышащий — Лили, как было условлено, позаботилась, чтобы он выпил лишнего,— был уложен в узкую коляску, и крышка отверстия забита гвоздями. В бортах, разумеется, были просверлены отверстия. В мои планы вовсе не входило, чтобы он задохнулся. После этого Дигби выпил полбутылки виски и отправился обеспечивать себе алиби. На какие часы оно понадобится, мы точно предсказать, понятно, не могли, и это внушало некоторое беспокойство. Обидно было бы, если бы Морис умер слишком рано. Что он умрет, и умрет в муках, не подлежало сомнению. Вопрос был только в том, сколько будут длиться эти муки и когда они начнутся. Но я велела Дигби сделать так, чтобы его задержали сразу же, как только он окажется на безопасном расстоянии от дома.

На следующее утро, когда его выпустили, Дигби сел на мотоцикл с коляской и отправился в Монксмир. На Мориса он смотреть не стал. Я не велела ему открывать коляску, да его, я думаю, и не тянуло. Он все еще жил в мире успокоительного вымысла насчет пари, который я для него сочинила. Предугадать, как он себя поведет, когда нельзя будет больше притворяться, я, конечно, не могла. Но в то утро он наверняка выехал из Кэррингтон-Мьюз в приятном возбуждении, как школьник, которому отлично удался невинный розыгрыш. По пути у него не было никаких неприятностей. Черный клеенчатый комбинезон, шлем и защитные очки сделали его, как я и рассчитывала, совершенно неузнаваемым. В кармане у него лежал железнодорожный билет от Ливерпул-стрит до Саксмандема, предварительно он еще отправил из Уэст-Энда в «Сетон-хаус» мое описание «Кортес-клуба». Я его напечатала заранее на машинке Мориса, надев на правую руку варежку, а пальцы левой перебинтовав. При перепечатке, разумеется, все можно подделать, кроме самой машинки. А отрывок про изуродованный труп, плывущий в лодке по морю, был напечатан Морисом и найден мною в его бумагах. Мысль воспользоваться им в качестве тонкой добавки к моему плану пришла мне в голову, когда я услышала, что это мисс Кэлтроп подсказала Морису такое начало для книги. Она сделала

подарок не только Морису, но и мне. Он дал направление всему моему замыслу, и я употребила его с блеском.

Но была еще одна важная деталь моего плана, о которой я до сих пор не упомянула. Как ни странно, хоть я ожидала трудностей, но уговорить Дигби Сетона жениться на мне оказалось проще всего. Я опасалась, что на это понадобятся недели хитроумных уламываний. А у меня этих недель не было. Обо всем надо было условиться в те редкие выходные, когда Дигби приезжал в Монксмир. Я разрешила ему писать мне, так как знала наверняка, что его письма будут сожжены, но сама не писала никогда, и по телефону мы тоже не разговаривали. Да и вообще, оказать на него воздействие, чтобы он согласился с этой частью моего плана, пусть и неприятной, но необходимой,— такие дела по почте не делаются. Я даже подумывала, как бы из-за одного этого пункта все не лопнуло. Но тут я его недооценила. Он все же был не совсем уж дурак. Иначе я бы никогда не воспользовалась его помощью, чтобы его же уничтожить. Но он умел смириться перед неизбежностью. И в конце-то концов, это ведь было в его интересах. Чтобы получить деньги, ему требовалась жена. На примете у него никого не было. Жена, которая стала бы предъявлять претензии и вмешиваться в его личную жизнь и, может быть, даже захотела, чтобы он с ней спал, ему уж никак не была нужна. И самое главное, он понимал, что должен жениться на мне вот из каких соображений. Доказать, что мы убили Мориса, возможно было бы только в том единственном случае, если бы дал показания один из нас, а жена против мужа давать показания не может. Разумеется, мы условились, что через приличное время разведемся, и я согласна была удовольствоваться после развода самой скромной суммой. Не совсем уж мизерной, чтобы не возбуждать подозрений, но скромной. Могла себе позволить. Ему нужен был брак со мной, чтобы гарантировать мое молчание и чтобы прибрать к рукам денежки. А мне нужен был брак с ним, чтобы все его состояние досталось мне. Как его вдове.

Мы зарегистрировались в Лондонской конторе гражданских актов 15 марта. Он взял напрокат машину, заехал за мной рано утром. Как мы выехали, никто не видел. Естественно, ведь Селия Кэлтроп была в отъезде и не могла неожиданно нагрянуть в гости. Оливер Лэтем и Джастин Брайс отправились в Лондон. Где находилась в это время Джейн Далглиш, не знаю, не имеет значения. А Морису я позвонила и предупредила, что больна и работать не приеду. Он подосадовал, но не выразил беспокойства, а что он заявится навестить больную, можно было не опасаться. Морис болезни терпеть не мог. Если бы это его собака занемогла, он бы, конечно, забеспокоился. Но ведь собаку он любил. Мне приятно думать, что он, возможно, был бы сейчас жив, если бы относился ко мне лучше, заехал проведать и, не застав, задумался бы, куда я делась и почему солгала.

Но время и пленка подходят к концу. С Морисом Сетоном я счеты свела. И теперь торжествую, а не оправдываюсь. Осталось еще кое-что, о чем надо рассказать.

Дигби на мотоцикле с коляской приехал к «Дому кожевника» без чего-то шесть вечера в среду. Уже темнело, никто ему не встретился. Здесь не гуляют после наступления темноты. Морис был, конечно, давно мертв, Дигби, когда выдирал гвозди и вскрывал крышку коляски, побледнел как полотно. Наверно, ожидал увидеть лицо покойника, искаженное гримасой ужаса, и укоризненно выпученные глаза. В отличие от меня, он не читал собранные Морисом пособия по судебной медицине и не знал, что после смерти происходит расслабление мышц. А обнаружив, что лицо у его жертвы спокойное, обыденное, совершенно неосмысленное, не выражающее ни гнева, ни укора, он сразу заметно приободрился. Правда, я забыла его предупредить насчет трупного окоченения. И он не был готов к тому, что придется ломать застывшие коленные суставы, чтобы усадить труп в мое инвалидное кресло и в таком виде свезти к воде. Эта необходимая пустячная операция ему была не по душе. До сих пор помню, как он смеялся дрожащим тонким голосом, когда оказалось, что тощие ноги Мориса в дурацких полосатых брючках торчат вперед — ну просто соломенное

чучело на шестах! Потом, когда Дигби стукнул хорошенько, они освободились и стали болтаться, не доставая подножки, как у маленького. После этого небольшого акта насилия над трупом с Дигби произошла перемена. Кисти я собиралась отрубить сама, хотелось размахнуться и тяпнуть топором от души. Но Дигби у меня его отнял и молча ждал, чтобы я выложила руки на банку. Я бы, мне кажется, рубила поаккуратнее. Но навряд ли с большим упоением. Потом я у него их взяла и спрятала в прорезиненный мешочек для губки. Дигби они были еще нужны — он задумал отослать их Люкеру. Но сначала я должна была обработать их у себя в темном чулане. А пока повесила мешочек на шею, и мне было приятно ощущать, как эти мертвые руки болтаются, словно шарят у меня на груди.

Напоследок Дигби столкнул «Чомгу» в воду и отвел на глубину, чтобы подхватило приливом. Насчет следов крови можно было не опасаться. У мертвых кровь едва сочится. А если остались пятна на мотоциклетном комбинезоне, то их все равно смыло водой. Дигби вышел ко мне из ночного моря, весь блестя мокрой клеенкой, сжимая руки над головой, будто совершил ритуальное омовение. Когда он вез меня домой, мы оба всю дорогу молчали. Повторяю, я кое в чем его недооценила, и только тогда, во время этой безмолвной поездки по узкой тропе, до меня вдруг дошло, что он может быть опасен.

Остальная часть работы трудности не представляла. По плану, Дигби должен был гнать на полной скорости в Ипсуич, по дороге остановиться в безлюдном месте на берегу Сайзуэллского шлюза, отцепить коляску и утопить где поглубже. А в Ипсуиче бросить мотоцикл в каком-нибудь тихом переулке, сняв предварительно номер. Старая машина, вряд ли кто станет из-за нее беспокоиться, разыскивать хозяина. Но если бы и вышли на Дигби и даже нашли коляску, у нас все равно оставалась вторая линия обороны: это было экспериментальное похищение и безобидное пари, а что оно привело к такому трагическому результату, то кто же мог знать? У нас и свидетельница для этой версии была — Лили Кумбс.

Инструкции я дала Дигби самые ясные. Бросив мотоцикл, он должен был прежде всего отослать по почте страницу Морисовой рукописи с описанием плывущего в море безрукого трупа. А потом, оставаясь в комбинезоне, пойти на станцию и купить перронный билет, чтобы контролеру не запомнился пассажир, севший в поезд в Ипсуиче с билетом от Лондона. Дигби должен был с толпой пройти на перрон, сесть в Саксмандемский поезд, переодеться в уборной, комбинезон засунуть в кейс и в восемь тридцать прибыть в Саксмандем. А там взять такси до «Сетон-хауса», где я буду ждать, не зажигая света, чтобы выслушать его отчет и дать дальнейшие указания. Это, как я уже говорила, было все одни пустяки, я и не чаяла ничего худого. Но Дигби почуял свою силу. И сделал две глупости. Соблазнился отцепить коляску и прокатиться на полной скорости по поселку, даже попался на глаза Брайсу. А во-вторых, попросил Лиз Марли встретить его с поезда в Саксмандеме. В первом случае было просто мальчишеское лихачество. А вторая глупость могла кончиться провалом. К тому времени я была измучена до предела и совсем не готова к подобной самодеятельности. Я услышала, как подъехала машина мисс Марли, стала наблюдать за ними, не раздвигая штор, а в это время зазвонил телефон. Теперь-то я знаю, что звонил Плант, хотел справиться, дома ли мистер Сетон. А тогда меня это совершенно ошарашило. Два непредусмотренных события одновременно, а я не подготовлена ни к тому, ни к другому. Будь у меня время взять себя в руки, я бы, конечно, нашла правильный ход. А так я только страшно поругалась с Дигби. Не стоит пересказывать, что мы наговорили друг другу; кончилось тем, что он в бешенстве уехал на ночь глядя, сказав, что возвращается в Лондон. Но я ему не поверила. Слишком велика была ставка, чтобы он вот так вдруг вышел из игры. Просто сделал сгоряча глупый ребяческий жест, чтобы подчеркнуть свою независимость и напугать меня. Я до глубокой ночи все ждала, не вернется ли его «воксхолл», сидела в темноте — опасалась включить свет — и думала:

неужели один взрыв бешенства погубит все, что было мною так тщательно подготовлено? Может быть, есть еще способ исправить дело? Домой добралась только в третьем часу. А пораньше с утра уже снова была в «Сетон-хаусе». Но автомобиль так и не появился. О том, что произошло, я узнала только вечером в среду, когда из полиции позвонили в «Пентландс». И мне даже не понадобилось изображать потрясение. Приятно сознавать, что Дигби Сетон скоро заплатит за все, что я из-за него пережила в продолжение тех двадцати четырех часов. Он проявил неожиданную смекалку. Рассказ о том, как его выманили из дому фальшивым телефонным звонком,— просто находка. Теперь если он что и сболтнул насчет смерти Мориса, пока был не в себе, то вот и объяснение. И алиби его подкреплено. А жителям поселка — новые неприятности. Я оценила его находчивость, его выдумку. И поняла, что теперь очень скоро он захочет отделаться и от меня.

Больше особенно рассказывать нечего. Вернуть Джейн Далглиш топор было не труднее, чем выкрасть. Клеенчатый комбинезон, изрезанный на полоски, унесло отливом вместе с клубками водорослей. С кистей рук Мориса я удалила мышечную ткань кислотой из моего фотографического чулана, и Дигби отослал их Люкеру. Все проще простого. Как было предусмотрено планом. И теперь остался последний этап. Дня через два-три можно будет надиктовать финал. Я не испытываю к Дигби ненависти. Буду рада, когда он умрет, но готова удовольствоваться своим воображением, мне необязательно видеть его смерть в натуре. А вот что я не видела, как умирал Морис, это мне обидно.

И кстати, последнее объяснение. Почему я не могла оставить его труп в Лондоне, просто сбросить, как узел тряпья, в какую-нибудь паддингтонскую канаву, и пусть валяется? Да очень просто. Необходимо было убрать кисти. Его кисти с ободранными до мяса костяшками пальцев, которыми он колотил изнутри в крышку своего гроба».

Голос смолк. Несколько секунд пленка бежала вхолостую. Потом Реклесс наклонился, щелкнул выключателем диктофона. И еще выдернул вилку из сети. Джейн Далглиш встала с кресла, что-то тихонько сказала Лэтему и вышла в кухню. Сразу стало слышно, как полилась вода, звякнула крышка чайника. Что она затеяла? — недоуменно подумал Далглиш. Неужели пошла готовить обед? Или хочет сварить кофе гостям? Чем заняты ее мысли? Теперь, когда все позади, интересует ли ее еще хоть сколько-нибудь эта история бешеной ненависти, нарушившей ход стольких жизней, включая ее собственную? Одно он знал точно. Если она когда-нибудь еще примет участие в будущих разговорах о Сильвии Кедж, то от нее не услышат сентиментальных сожалений на тему о том, что «ах! если бы мы только знали!» и «как же это мы не оказали ей поддержки!» Для Джейн Далглиш человек таков, какой он есть, и пытаться его переделать — глупо, а жалеть — неприлично. Никогда еще ее отстраненность не выступала так наглядно и не казалась такой страшной.

Лэтем медленно отодвинулся от стены, сел в освободившееся кресло. Проговорил, с усмешкой качая головой:

— Вот бедняга. Убит из-за неверного выбора ночной рубашки. Или это был неверный выбор спальни?

Реклесс промолчал. Он аккуратно смотал шнур диктофона, взял ящик под мышку. И только у порога обернулся к Далглишу:

— Мы выудили мотоциклетную коляску. Она лежала в двадцати ярдах от указанного вами места, мистер Далглиш. Еще одна чудесная догадка, сэр.

Далглиш представил себе, как это все было. Безлюдный берег заводи перед плотиной, раннее солнечное утро, зелень и тишина, только из отдаления, с шоссе, долетает шум машин да звенит падающая вода. Грубые голоса мужчин, разбирающих на берегу снаряжение, чавканье грязи под подошвами резиновых сапог. И вот, наконец, из воды показывается поднимаемый объект, похожий на огромный полосатый кабачок, увешанный водорослями, с него стекают ручьи черной грязи, обнажая лоснящиеся бока. Но, конечно, на взгляд запыхавшихся полицейских, подводящих его к бере-

гу, он совсем не огромный, а, наоборот, маленький. Ведь Морис Сетон был маленького росточка.

После ухода Реклесса Лэтем с вызовом произнес:

— Должен поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь.

— Разве? Я бы сказал, как раз наоборот. Ведь это вы спихнули ее с крыши.

— Случайно. Я не думал, что она свалится,— поспешил защититься Лэтем.

Ну, разумеется, случайно, подумал Далглиш. Уж кто-кто, а Лэтем не способен жить с сознанием, что убил женщину, пусть и спасая свою жизнь. Что ж, если он намерен запомнить этот эпизод в такой трактовке, то лучше приступить к перекраске сразу, не оставляя на потом. Да и не все ли, черт возьми, равно? По его понятиям, Лэтему пора удалиться. О какой благодарности между ними может идти речь? Смешно и неловко. А провести утро за пустопорожней светской беседой — увольте. Слишком много ссадин на душе и на теле. Но была одна подробность, которую Далглишу еще хотелось уточнить. Он спросил:

— Я все думаю, что привело вас вчера ночью в «Дом кожевника». Должно быть, вы видели их, Дигби и Кедж?

Два конверта белели у него перед глазами, прислоненные к серой каменной стене. Подходит время вскрыть Деборино письмо. Стыдно и дико, что его так и подмывает бросить конверт в огонь не распечатав. То, что было, не отменишь одним решительным жестом и ни в каком огне не сожжешь. Далглиш расслышал ответ Лэтема:

— Именно. В тот самый вечер, когда приехал в Монксмир. Я, кстати, приврал насчет времени своего приезда. В самом начале седьмого я уже был здесь. Пошел пройтись по высокому берегу. И разглядел сверху двух людей возле лодки. Сильвию я узнал, и мне показалось, что мужчина — Сетон, хотя наверняка я сказать не мог. Было темно, что они там делали, не разберешь, но, бесспорно, сталкивали лодку в море. И что за куль лежал на дне лодки, я не разглядел, но позже легко догадался. Меня это нимало не взволновало. По мне, так Морис получил по заслугам. Как вы, похоже, догадались, Дороти Сетон дала мне прочесть последнее письмо Мориса. Наверно, ждала, что я за нее отомщу. Увы, она не за того меня принимала. Я довольно насмотрелся на дурных актеров в этой смехотворной роли, чтобы еще на потеху публике играть ее самому. Но если кто другой за меня это сделал, то ради Бога. Однако, когда был убит Дигби, я подумал, что надо поговорить с Кедж, выяснить, какую игру она ведет. Услышал от Селии, что Сильвия собирается утром к Реклессу, и решил предвосхитить их разговор.

Что толку было говорить Лэтему, что он мог бы спасти Дигби, если бы раньше нарушил молчание? Да и так ли это? Убийцы запаслись второй версией: пари с Морисом; испуг, когда обнаружилось, что он умер; решение отрезать у него ободранные руки, чтобы скрыть следы. Без признания невозможно было бы доказать, что Морис Сетон умер не естественной смертью.

Далглиш зажал письмо Деборы между большим пальцем и забинтованной ладонью левой руки и попробовал свободными кончиками пальцев правой надорвать конверт. Прочная бумага не поддавалась. Лэтем нетерпеливо сказал:

— Дайте-ка я.

Длинные, желтые от никотина пальцы легко вскрыли конверт. Лэтем протянул его Далглишу со словами:

— Пожалуйста, не стесняйте себя моим присутствием.

— Да неважно,— ответил Далглиш.— Я знаю, что там написано. Не к спеху,— а сам между тем уже разворачивал единственный листок. Письмо состояло из восьми строк. Дебора никогда не отличалась многословием, даже в любовных письмах. Но скупость этих отрывистых финальных фраз была совершенно беспощадной. Что ж, вполне естественно. Перед людьми всегда встает этот выбор. Надо либо всю жизнь прожить бок о бок, на

собственной шкуре проверяя его правильность. Либо же обойтись восемью строками и подвести черту. Далглиш стоял и машинально считал и пересчитывал слова, с бессмысленной тщательностью анализировал разгон строк, особенности написания букв. Она сообщала, что ей предложили работу в американском филиале фирмы и она дала согласие. К тому времени, когда он получит это письмо, она уже будет в Нью-Йорке. У нее нет больше сил висеть между небом и землей на периферии его жизни и ждать, пока он что-то надумает. И она полагает, что едва ли им еще доведется когда-нибудь увидеться. Так будет лучше для них обоих. Обороты традиционные, почти условные. Ни оскорбленного самолюбия, ни вызова. А если и писано с болью, то на крупном, уверенном почерке это никак не отразилось.

Голос Лэтема, высокий и заносчивый, звучал на заднем плане — он толковал что-то о предстоящей поездке в ипсуичскую больницу, где ему назначен рентген головы, почему бы Далглишу тоже не поехать, пусть посмотрят его руку; злорадно рассуждал о том, сколько у Селии уйдет на адвокатов, прежде чем удастся прибрать к рукам наследство Сетонов; и снова старался ребячески неуклюже оправдаться в смерти Сильвии Кедж. Далглиш повернулся к Лэтему спиной, снял с каминной полки свое письмо, сложил оба конверта вместе и в сердцах попытался разорвать. Но сил не хватило, пришлось бросить их в огонь целиком. На сожжение писем потребовалось время — страничка за страничкой занималась огнем и обугливалась, заворачиваясь в свиток, чернила выцветали, у него перед глазами стихи начинали отливать на черном серебром, упрямо не соглашаясь умирать, а он даже не в состоянии был взять в руки кочергу и поворошить, чтобы они рассыпались и обратились в пепел.

Ф. Д. Джеймс: больше чем детектив

«В виду суффолкского побережья дрейфовала небольшая парусная лодка, на дне ее лежал труп с отсеченными кистями рук».

Отменное начало для детективного романа — и немудрено, ведь он принадлежит перу несравненной Филлис Дороти Джеймс, бесспорной и признанной королеве жанра в современной английской литературе, прямой наследнице таких блистательных ее соотечественниц, как Марджори Эллингем, Дороти Сэйерс, Джозефина Тэй и Агата Кристи. Критика, искренне полагая польстить Ф. Д. Джеймс, нередко именует ее «второй» или «новой» Агатой Кристи — и наталкивается на несогласие со стороны самой писательницы. Последняя готова быть наследницей и даже признать, что в свое время испытала влияние Дороти Сэйерс или Марджори Эллингем, но указывает при этом, что не меньшее, а то и большее воздействие оказали на ее творчество другие авторы, например, англичане Ивлин Во и Грэм Грин, классики русского романа Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, а в первую очередь — мастер английской трагикомедии нравов, знаток сердца человеческого Джейн Остин, предвосхитившая своими книгами великий расцвет английского романа XIX столетия.

Итак, наследница. Но не продолжательница и уж тем более не подражательница. Ф. Д. Джеймс считает — и справедливо,— что во многих отношениях «переросла» А. Кристи. В большом интервью Дэвиду Солвеку, опубликованном в американском журнале детективистики «Ключи» [1], она обстоятельно изложила свои литературные взгляды, и к этому авторскому тестаменту здесь придется обращаться еще не раз. В частности, признав заслуги А. Кристи перед жанром и отметив у нее мастерство живых диалогов и описания места действия, Ф. Д. Джеймс подчеркнула отсутствие психологизма и шаблонность в персонажах в прозе старшей и ныне покойной коллеги по ремеслу. Разумеется, эти недостатки отчасти восходят к канону детективного жанра, но вот с каноном-то у Ф. Д. Джеймс как раз особые отношения.

Не без проницательной иронии останавливается она на некоторых его стереотипах, давая в настоящем романе «портрет» канонического детектива, какие пишет Морис Сетон,

[1] «Clues. A Journal of Detection». Bowling Green, Ohio, Vol. 6:1, Spring/Summer 1985, pp. 31—50.

один из персонажей: «Уютная английская сельская или провинциальная жизнь. Местные жители передвигаются, как шахматные фигуры... Весь набор утешительных иллюзий: насилие — нечто исключительное, все полицейские честны, классовая структура английского общества за последние двадцать лет не изменилась, убийцы — не джентльмены». Правда, она тут же с похвалой отзывается об обязательном для канона требовании точности: «Но в деталях он (Сетон.— *В. С.*) был безукоризненно точен. У него, например, никогда не убивали из огнестрельного оружия, потому что он в нем не разбирался. Зато он прекрасно разбирался в ядах и был весьма силен в судебной медицине».

Следует добавить, что в ядах, судебной медицине и преступлениях сама Ф. Д. Джеймс разбирается наверняка лучше, чем даже ее персонаж,— недаром она более десяти лет проработала в системе британской полиции на высоких постах. И подробностям, как, несомненно, заметил читатель, она уделяет первостепенное внимание. Но все это, наряду с еще одной выигрышной, с ее точки зрения, и ею наследованной особенностью детектива английского типа — в нем «привлекателен резкий контраст между обычной жизнью и чудовищной пагубой, называемой преступлением»,— относится, в ее понимании, скорее к формальной стороне канона, нежели к сути писательства и содержанию произведения литературы.

Ф. Д. Джеймс пишет не ради денег; чтобы заработать, она в свое время, когда ее муж вернулся с войны инвалидом, пошла служить — и прослужила тридцать лет. Пишет она по другой причине, о которой сказала в упомянутом интервью: «Писательство — это зуд в крови; сама личность пишущего заставляет его браться за перо». Материал интервью позволяет предположить, что взяться за перо ее заставил острый, в чем-то, возможно, болезненный интерес к истокам и психологическому «климату» преступления, своеобразная завороженность тем фактом, что оно вообще существует на свете. Она говорит: «...Почти каждый из нас способен на убийство в определенных обстоятельствах или будучи спровоцированным». Например, спасая ребенка или защищая собственную жизнь. И уточняет: «Мы все способны убить человека, но, слава Богу, решительно не способны на умышленное убийство».

Однако же преступления, в том числе умышленные убийства, происходят в жизни, к сожалению, отнюдь не редко. Почему? Создается впечатление, что Ф. Д. Джеймс, обратившись к детективному жанру, и стремится подойти к ответу на этот вопрос. Но подобная задача крайне серьезна, ее решение предполагает проникновение и в социальные, и в психологические, и, если угодно, в философские «корни» преступления, в метафизику зла, и тут жанр становится тесен. Ф. Д. Джеймс то ли его по необходимости видоизменяет, то ли раздвигает его границы. «Мне кажется, что в этих ограничительных рамках (детективного канона.— *В. С.*) я стараюсь написать роман, который мог бы претендовать на принадлежность к серьезной литературе».

По ее убеждению, она пишет не детективы в общепринятом понимании, а реалистические романы о преступлении, и с этим можно согласиться. Во всяком случае, основания отнести их к серьезной литературе имеются. Недаром одну из ее последних книг, «Вкус к смерти» (1986) — социально-философский роман в форме остросюжетного детектива,— критик лондонской «Таймс» назвал совершенной прозой, а обозреватель «Дейли телеграф» сравнил с «Лунным камнем» Уилки Коллинза. И уж, безусловно, назвать книги Ф. Д. Джеймс всего лишь детективами было бы так же несправедливо, как назвать «Преступление и наказание» всего лишь романом о разоблачении убийцы.

У нее, как у Грэма Грина, автора «Доверенного лица» или «Ведомства страха», при детективной интриге доминирует экзистенциальная проблематика — смысл жизни и смерти, невеселый удел человека в этом мире, необходимость сопротивляться и противостоять обстоятельствам,— и соответствующая ей интонация повествования: чуть усталая, безнадежная, умудренно-трагическая.

Любой литературный канон условен уже по определению. Отход от него или его видоизменение, таким образом, неизбежно связаны с преодолением условности, то есть с максимально допустимым приближением вымышленной действительности литературного произведения к действительности реальной. Это вопрос не внешнего правдоподобия и даже не просто соблюдения логики причин и следствий (и то и другое в детективе обязательно) — это вопрос изначальной жизненности, реальности изображаемого. Иными словами, не заданной, пусть изящно выстроенной и логически безупречной головной схемы действия, но самой жизни со всей ее непредсказуемостью и подчас нелогичностью. Вероятно, Ф. Д. Джеймс с самого начала своей литературной деятельности понимала неизбежность такого парадокса и поэтому решила разрабатывать собственную разновидность детектива.

С первой же книги, «Закройте ей лицо» (1962), стал очевиден ее интерес далеко не к одному лишь преступлению — к жизни как таковой, «сырой» жизни, которую требовалось ввести в русло повествования. Это, конечно, установка изобразительная, не сенсационная, присущая классическому детективу А. Кристи. Тут Ф. Д. Джеймс ломает канон, чтобы добиться полноты и пластичности в раскрытии реальной жизни, отдельных ее сторон. Подобное уже было в истории жанра — «крутой» детектив американцев Дэшила Хэммета и Реймонда Чандлера. Так что очень теплое отношение Ф. Д. Джеймс к этим писателям, высокая оценка их наследия не удивляют.

Эта установка, кстати, продиктовала и выбор фигуры героя-дознавателя, суперинтенданта Адама Далглиша, центрального для всех романов Ф. Д. Джеймс, за исключением двух. «...Мне хотелось по крайней мере создать видимость реальной действительности, поэтому я сочла нужным взять в герои профессионала — сотрудника полиции; ведь в реальной действительности частным лицам не приходится постоянно натыкаться на трупы»,— поясняет она все в том же интервью.

Правда, в двух романах — изданном на русском «Неженском деле» (1972) и «Черепе под кожным покровом» (1982) — действует частный детектив Корделия Грей, духовная сестра неприкаянных сыщиков Хэммета и Чандлера, однако и тут в каждом случае ее участие в расследовании мотивировано не случайным совпадением, а характером преступления и самой мисс Грей.

И еще об одной симпатичной особенности книг Ф. Д. Джеймс, которая хоть и критикует английский жанровый канон, но писательница английская. Атмосфера и облик какого-нибудь уголка родной страны не только придают им «местный колорит», но и являются полноправными участниками (и соучастниками) изображенной драмы страстей, раскрытой как детективное действо. В романе, с которым читатель только что познакомился, это восточный берег графства Суффолк. Отвечая на вопрос журналиста, не навеян ли сюжет «Неестественных причин» пейзажем в районе Данвича, писательница сказала: «Это и в самом деле весьма необыкновенное место. В средние века там был большой морской порт, но теперь все его церкви и кладбища покоятся на дне морском. Осталась обезлюдевшая разрушенная деревушка. У меня там рядом коттедж, так что я знаю эту часть восточного побережья, и дух того края так на меня подействовал, что я поняла: здесь обязательно произойдет действие одного из моих романов. Для меня выбор места действия крайне важен. Часто именно он дает мне творческий импульс».

Возможно. Впрочем, спор о том, ландшафт ли подвигает писательницу на воссоздание описанной жизненной драмы, или сама писательница находит пейзажное «оформление», в совершенстве отвечающее изображенным ею психологическим (и уголовным) конфликтам, едва ли продуктивен. Пусть каждый читатель сам решает для себя эту проблему. Зато бесспорно другое: и в этом, одном из ранних своих романов Ф. Д. Джеймс наглядно демонстрирует, что между детективом и «серьезной», по ее определению, литературой границы действительно нет.

В. СКОРОДЕНКО

БУАЛО-НАРСЕЖАК

Рассказы

С французского

Шизофрения

Профессор Лаварен внимательно смотрел на молодую женщину, только что вошедшую в его кабинет: хороша собой... лет двадцать пять-тридцать... одета довольно элегантно, хотя все куплено в магазине готового платья... общественное положение — сразу не скажешь, вероятнее всего, невысокое... очень смущается, напряжена... пришла не ради себя, иначе, скорее всего, попросила бы какую-нибудь родственницу или соседку проводить ее хотя бы до приемной.

— Садитесь.

Профессор взял чистую карточку. Посетительница боком присела на краешек кресла, уткнувшись коленями в письменный стол. «Явно избегает моего взгляда. Собирается сказать что-то очень важное»,— подумал Лаварен.

— Ваше имя, мадам?

— Жюльетта Маре.

— Ваш адрес?

— Доктор, дело в том, что мой муж... Он сумасшедший!

Она судорожно сжимала сумочку руками в перчатках и горестно качала головой.

— Он сошел с ума... Просто не знаю, как мне жить дальше!

— Полноте, мадам Маре, успокойтесь... расслабьтесь и отвечайте на мои вопросы... Ваш адрес?

— Улица Кардине, 92.

— Профессия мужа?

— Он работает в банке. Должность у него не очень высокая, но мы могли бы спокойно существовать, если бы...

— Ну, ну... возьмите себя в руки. Сколько ему лет?

— Тридцать четыре года.

— А вам?

— Двадцать восемь. Мы женаты четыре года. Детей у нас нет. Я знаю, о чем вы думаете, доктор... Нет, мы прекрасно ладим, никогда даже голоса друг на друга не повышаем. Я делаю все возможное, чтобы он был счастлив. Он этого заслуживает.

— А когда вы выходили за него замуж, вы считали его... скажем, нормальным человеком?

— Абсолютно нормальным. Может быть, немножко замкнутым, иногда немножко мрачноватым. Но надо сказать, доктор, что у него была нелегкая юность. Родители Шарля погибли в автомобильной катастрофе, когда ему было всего пятнадцать лет. Он вынужден был пробиваться сам. Хотел учиться, был очень способным. Но пришлось зарабатывать на хлеб.

— И помочь было некому?

— Нет. У него, правда, есть дядя по отцу. Но братья были в ссоре. И потом, Шарль такой гордый.

— Будь у него иные возможности, какую бы он предпочел профессию?

— Преподавание. Он обожает историю. Другие мужчины на досуге

что-нибудь мастерят, он же — никогда, гвоздя забить не умеет. Он читает, читает без конца. Он знает, можно сказать, все. Однажды чуть было не выиграл тридцать тысяч франков... знаете, есть такая радиовикторина, где задают разные вопросы. У него спросили...

— Неважно. Меня больше интересует, почему ему захотелось участвовать в этом конкурсе?

— Как это?..

— Чтобы выиграть деньги или чтобы продемонстрировать свою образованность? Я упрощаю, но вы понимаете, что́ я имею в виду.

— Возможно, и то и другое, доктор. Все-таки, тридцать тысяч франков — сумма немалая.

— Когда вы впервые заметили тревожные признаки?

— Примерно полтора года назад... да-да, как раз через несколько дней после неудачи на радио...

— Так-так. Интересно. Продолжайте.

— Однажды утром, бреясь, он разговаривал сам с собой. Я прислушалась. Он обращался к кому-то, но я не смогла разобрать к кому...

— Быть может, к своему отражению?

— Да нет же, Шарль говорил так, как если бы в ванной находился кто-то еще. Он был очень раздражен. В другой раз я застала мужа, когда он, завернувшись в халат, стоял на коленях на кафельном полу и бил себя в грудь. Затем он поднялся, протянул правую руку и сказал: «Клянусь, я это сделаю».

— Так и сказал?

— Да. Представляете, как я встревожилась?

— И много было таких... приступов?

— Постоянно, доктор... Нет, не каждый день, я преувеличиваю. Но раз или два в неделю. И всегда по утрам: он умывается и думает, что его никто не слышит. Иногда Шарль накидывает халат, не продевая руки в рукава... или какое-нибудь покрывало. И говорит, говорит, словно проповедь читает. Но так быстро и так тихо, что трудно разобрать слова...

— И обязательно во что-нибудь наряжается?

— Да.

— Любопытно. А после припадка?

— Он совершенно нормален.

— А на службе?

— На него никогда не жаловались. Наоборот. Понимаете, я ведь за ним все время наблюдаю. Так вот, приступы бывают только по утрам.

— Сколько примерно они продолжаются?

— Всего минуты три-четыре. А кончаются всегда одинаково: Шарль хватает первый попавшийся под руку предмет — позавчера это оказалась зубная щетка — и наносит им удары в пустоту.

— Подождите, я запишу. Это очень существенно... а потом?

— Потом, обессилев, выпивает стакан воды, и все.

— А вы не пытались вмешаться, окликнуть его, похлопать по плечу?

— Нет, никогда... Я очень боюсь.

— Чего же?

— Вдруг он меня ударит. В такие минуты он ужасен!

— Что значит «ужасен»?.. Он злобен, агрессивен?

— Нет. Я не смогу как следует объяснить. Скорее... возбужден. Сумасшедший, одним словом!

И Жюльетта Маре разрыдалась. Никогда еще профессор не слышал столь необычной истории. Дав своей собеседнице успокоиться, он сказал:

— Ну что же, мадам Маре, посмотрим, что я могу для вас сделать. Уверен, вы в точности передали свои впечатления. Однако самый лучший рассказ не заменит непосредственных наблюдений.

— Приходите к нам домой... прошу вас, доктор. Это единственный способ. Я долго колебалась, прежде чем пригласить вас. Вам обязательно нужно прийти. У нас есть комната для гостей, куда Шарль никогда не заходит. Она сообщается с ванной через дверь, которая всегда заперта.

А в небольшое окошко можно увидеть все, что происходит в ванной. Доктор, если вы не возражаете, я позвоню вам как-нибудь утром. Живем мы совсем близко... Вы бы смогли сами все увидеть и услышать. Нужно что-то делать, доктор. Это просто ужасно!

Профессор Лаварен на цыпочках шел за Жюльеттой Маре. Она провела его в комнату для гостей. Под окошком уже стояла стремянка; Лаварену оставалось только подняться на третью ступеньку. Он, конечно, ругал себя, но любопытство пересилило. Подождав, пока Жюльетта тихонько прикроет дверь, профессор стал смотреть.

Шарль Маре неподвижно стоял посреди ванной, наряженный в старый женский халат. Он был погружен в раздумья. Это был щуплый человечек с лицом землистого цвета и редкими волосами. Заложив руки за спину, он пристально смотрел в одну точку между раковиной и вешалкой для полотенец. Лаварен сразу позабыл о всякой щепетильности, он подмечал множество красноречивых деталей: уши чуть оттопырены, подбородок безвольный, губы подергиваются, глубоко посаженные глаза блестят. Маре вздохнул и что-то пробормотал. Лаварен вздрогнул: так ли? «Генрих Третий»?.. Маре невнятно произнес еще что-то, но профессор не расслышал и теперь затаил дыхание.

— Я спасу их,— отчетливо сказал Маре.— На то воля Божия!.. Но столько крови, столько крови!..

Он сцепил руки, закрыл глаза. «Мистический бред»,— подумал Лаварен. Шарль Маре огляделся, взял свой воротничок, но, увидев во что одет, казалось, пришел в замешательство. Он с опаской снял халат, бросил его в угол и стал приводить себя в порядок. Провел по лицу влажной губкой, некоторое время разглядывал себя в зеркале и, наконец, вышел из ванной. Лаварен осторожно спустился с лесенки. Минут через десять пришла Жюльетта и выпустила его.

— Ну как? — воскликнула она.

— Он ушел? — спросил Лаварен.

— Да. И вид у него был довольно веселый.

— Случай странный,— сказал профессор.— Ваш муж, без сомнения, отождествляет себя с каким-то историческим лицом, и, по всей видимости, с женщиной. Но с кем именно? По-моему, роль должна меняться от припадка к припадку. Если бы нам удалось узнать хоть одну из этих женщин, было бы легче проанализировать навязчивую идею, которой страдает мсье Маре.

— Это очень серьезно?

— Не знаю. В поведении вашего мужа есть необычные особенности. Разумеется, я еще не совсем разобрался, но случай весьма любопытный... весьма. Я могу прийти еще раз?

На сей раз Маре держал халат в вытянутой руке, словно обмякшее, безжизненное тело. В другой руке сжимал нож. Он посмотрел в потолок и проговорил:

— Он изменник! — размахнулся и рассек ножом ткань халата сверху донизу. Через несколько секунд халат превратился в клочья, которые Маре отшвырнул в угол.

— Теперь я обнажен,— сказал он.— Я свободен!

Он погрузился в раздумья, прерываемые короткими тирадами. Затем захохотал. «Театральный смех»,— подумал Лаварен.

— Нантский эдикт [1],— воскликнул больной.— Нет, это уж чересчур! Король не должен объявлять войну папе!.. Никогда!

И вдруг, снова придя в неистовство, он накинулся на другой махровый халат, висевший на крючке, и трижды ударил его ножом; явно испытав облегчение, бросил оружие на столик и залпом выпил стакан воды. Успокоившись, Маре надел пиджак и вновь превратился в скромного,

[1] Нантский эдикт был подписан Генрихом IV в 1598 г. и узаконил протестантизм во Франции. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

педантичного служащего. Он почистил ногти, ощупал карманы, проверяя, не забыл ли носовой платок, ключи, кошелек. Заметил обрывки халата на полу и вздохнул: «Ох уж эта Жюльетта! До чего неряшлива!» Последний взгляд в зеркало, и он спокойно удалился. Жюльетта тут же зашла к Лаварену.

— Ну, дорогая мадам Маре,— сказал Лаварен,— по-моему, я начинаю кое-что понимать. Нас ввел в заблуждение длинный халат. Не правда ли, мы думали, что речь идет только о женщинах. Оказывается, это вовсе не обязательно. Порой ваш муж воображает себя, например, монахом. Вот сегодня он играл роль Равальяка [1]: убил Генриха Четвертого, прежде символически уничтожив свою «рясу»... Вы там найдете останки халата. А в прошлый раз он был Жаком Клеманом [2] и готовился заколоть Генриха Третьего.

— Ужасно,— простонала Жюльетта.

— Нет, мадам, логично. Во всяком случае, для него. Человек рано теряет мать, и вскоре ему начинает казаться, что его не понимают, унижают, не дают занять подобающее место. И тогда он погружается в чтение, копит знания, однако в тот единственный раз, когда появляется возможность доказать окружающим, что и он чего-то стоит — вспомните радиовикторину! — он терпит поражение. На этой почве и возникла классическая картина — невроз. Отождествляя себя с разными историческими лицами — причем все они носят длинную одежду, все — в своем роде поборники справедливости — Шарль, сирота, мелкий банковский служащий, берет реванш...

— Ну, значит, так и есть! Он сошел с ума.

— Да нет же... Поверьте, мы его вылечим. Только необходимо действовать без промедления. Оставлять его в таком состоянии опасно. Я подумаю, что предпринять.

Жюльетта проводила профессора. Когда она вернулась в гостиную, Шарль ждал в дверях.

— Ну что? — спросил он.

— Отлично! Он поверил. Дорогой, ты сыграл замечательно.

Но оставалось самое главное. Дядя Андре был еще жив. Шарль продумывал план несколько недель. Он прочел огромное количество работ по психиатрии и до тонкости изучил феномен раздвоения личности. Психиатра можно провести. Симулировать влечение к убийству — несложно. Иначе говоря, если Шарля уличат, он попадет в сумасшедший дом. А из сумасшедшего дома можно убежать, особенно, если ты в здравом уме. Но Шарль попадаться не хотел и тщательно разрабатывал «идеальное преступление». «Операция Лаварен», как он говорил в те редкие минуты, когда позволял себе расслабиться, была предусмотрена на крайний случай. Благодаря ей Маре избежал бы эшафота. Но он очень надеялся, что без этого можно будет обойтись, и найдется изящный и надежный способ сплавить дядюшку на тот свет, а самому остаться вне подозрений. В сущности, задача сводилась к тому, чтобы придать убийству вид несчастного случая или самоубийства. Достаточно было хорошенько порыться в книгах по криминалистике — и Шарль искал. Примеров нашлось достаточно: на каждой странице по дядюшке с наследством, втихомолку удавленному или отравленному. Тем не менее Шарль еще колебался. Утопить — это казалось ему лучше всего. Попадались захватывающие истории с утоплением в ванне. Дядюшка Андре как раз любил понежиться в ванне. Решение практически созрело. Но от последнего шага Шарля удерживали рассуждения этого умника профессора. Отождествление с матерью... фрустрация... потребность компенсации... Все это, конечно, чушь, но... какой-то осадок в душе оставался.

---

[1] Франсуа Равальяк (1578—1610) — монах, убивший Генриха IV во имя «спасения государства и религии».

[2] Жак Клеман (1567—1589) — член Лиги, фанатичный католик, убивший короля Генриха III.

Все решил случай. Шарль с ошеломленным видом повесил трубку.

— Что случилось? — спросила Жюльетта.

— Дядя...— пробормотал Шарль,— дядя Андре... умер. Звонила служанка. Она вернулась из магазина и нашла его мертвым.

— Что ты говоришь?

— Да... Несчастный случай. Настоящий... Он читал, лежа в ванне, и ему стало плохо. Наверное, он хотел подняться, позвать на помощь, а в руке держал нож для разрезания страниц. И упал прямо на него. Смерть наступила мгновенно.

Супруги посмотрели друг на друга: дух захватило от радости.

— Мы богаты! — сказала Жюльетта.

— Все-таки хорошо быть невиновным! — сказал Шарль.

Прокурор внимательно слушал профессора.

— Никаких сомнений,— заключил Лаварен.— На сей раз он пошел до конца. Теперь я вам все объяснил, и вы понимаете: о несчастном случае не может быть и речи.

— Жак Клеман... Равальяк,— задумчиво проговорил прокурор.

— А теперь этот несчастный, заколотый в ванне,— продолжил профессор.

— Марат, конечно,— сказал прокурор.

— И Шарлотта Корде [1]. Все та же навязчивая идея — платье.

— Я сейчас же распоряжусь.

— Господин прокурор, если это зависит от вас, я бы просил, чтобы Маре поместили в мою клинику. Можете не сомневаться, он будет под строжайшим надзором. Всякая возможность побега исключена. Случай довольно необычный... Мне чрезвычайно интересно было бы его понаблюдать!

Перевод К. АЛЕКСАШИНОЙ

Маньяк

— Алиса, чашечку кофе!

За стойкой никого не было. Мадам Муфья за кассой читала газету; Алиса с грохотом собирала грязную посуду, быстро протирала тряпкой столики, сдвигала стулья. Она налила кофе и, проходя мимо кассирши, шепнула:

— Он никогда не пьет кофе! Что это с ним сегодня!

Дезире Ламбурден никак не мог оторваться от первой страницы «Франс суар», где жирным шрифтом значилось:

МАНЬЯК ЗАДУШИЛ ГОРНИЧНУЮ
ПОЛИЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ БЕССИЛЬНА

Уже четыре жертвы! И все четверо, как водится, изнасилованы! Ламбурден вздохнул и бросил зубочистку. Алиса отодвинула его тарелку, на которой осталась только обглоданная косточка да обвившаяся вокруг нее яблочная кожура, и поставила на стол чашку.

— Не часто вы пьете кофе,— сказала она.

Ламбурден устремил на девушку долгий, пристальный взгляд, потом облизнул губы и тихо проговорил:

— Верно. Но сегодня я чувствую себя в форме. Почему бы нам с вами не сходить в кино, Алиса?

Официантка выпрямилась и от души расхохоталась. Кофточка обтянула ее грудь, и Ламбурден потупился. Маленькими, торопливыми глотками он выпил кофе, тщательно вытер салфеткой усы, потом сложил ее и заправил в самшитовое кольцо.

---

[1] Марат, один из лидеров Французской революции, был заколот в 1793 г. в ванне Шарлоттой Корде.

— Доброй ночи, г-н Ламбурден,— не поднимая головы от газеты, сказала кассирша.

Он встал из-за стола, машинально поправил узел галстука и поля шляпы. Алиса посыпáла пол опилками.

— Сегодня не могу,— мимоходом бросила она.

Ламбурден вышел на улицу. Поднял воротник плаща, почесал шею в том месте, где начинал зудеть прыщик. Улица блестела под густым мелким дождиком, и красно-синие огни кинотеатра острыми зигзагами отражались на тротуаре. Он взглянул на афишу: шел фильм «Привет, мафия!». Ламбурден не любил детективов, к тому же сеанс уже начался, а значит, ему достанется плохое место — сбоку и слишком близко от экрана. Уж лучше пойти домой.

Прижимаясь к стенам, чтобы не промокнуть, он спустился по темной улице, вздрагивая всякий раз, когда капли с крыши падали ему на плечи. Опять синоптики наврали. Никому нельзя верить, все врут... В том числе и Алиса. Кормит обещаниями, это проще всего!

Ламбурден дошел до аптеки, облицованной искусственным мрамором. Остановился, рассматривая свое отражение на гладкой поверхности камня. Ну что ж, совсем неплóхо. Ростом, правда, не вышел, да и лицо не очень выразительное. Зато какой волевой рот! Усы старят, придают вид мелкого служащего, но это как посмотреть: ведь служащий — это вполне респектабельно. Мадам Дезире Ламбурден — это звучит! Может быть, когда-нибудь она и согласится стать мадам Дезире Ламбурден.

Он пошел дальше, свернул на улицу Мокшьен. Мостовая тут была неровная, под ногами — сплошные лужи. Ламбурден достал электрический фонарик.

Время от времени он включал его и перешагивал через выбоины и лужи, с отчаянием думая о промокших ботинках. Все кругом предали. Преда...

Вдруг из переулка вылетел человек и чуть не сбил Ламбурдена с ног.

— Могли бы извиниться,— огрызнулся Ламбурден и включил фонарик.

Но незнакомец тут же выбил фонарик у него из рук. Фонарик упал и погас. Человек помчался дальше, чуть сбавив скорость на повороте. Внезапно его топот оборвался.

От волнения Ламбурден еле переводил дыхание. Облик незнакомца отчетливо запечатлелся в его памяти — так бывает, когда слишком долго и пристально смотришь на что-нибудь яркое: волосы ежиком, безумные голубые глаза, тонкая, словно карáндашом нарисованная ниточка усов и странный раздвоенный подбородок, напоминающий две половинки абрикоса.

Ламбурден поднял фонарик — стекло цело. Конус света был ровным и ярким. Он посветил в темноту переулка, да так и подскочил: там, подальше, на тротуаре кто-то лежал.

Вряд ли спящий. В такой позе! Ламбурден сделал два шага вперед и инстинктивно прикрыл фонарик ладонью. Свет, зажатый меж пальцами, напоминал жуткий кровавый цветок. У Ламбурдена вновь перехватило дыхание, но совсем по другой причине. Уступая непреодолимому любопытству, он убрал ладонь и увидел женщину с перекошенным лицом, черным провалом разинутого рта и торчащими зубами... Сунув невыключенный фонарик в карман, он, пошатываясь, пошел прочь. Ему не хватало воздуха, мучила жажда, ноги были как ватные. Улица была пустынна, и только фонари туманно светились под дождем. Достав из нагрудного кармана платок, Ламбурден вытер лоб, уши и затылок. Ай! Проклятый прыщ! Слишком много мяса ем... Постой-ка, да ведь это был он! Маньяк!

Тогда-то Ламбурден и понял, что совсем не испугался. Сначала — да, было малость, когда этот тип ударил его по руке. Ламбурдену вовсе не улыбалось, к примеру, расстаться с кошельком. Зато потом, когда догадался, почему у парня такой мутный, отрешенный взгляд... Нет, он не испугался! Волосы ежиком... глаза... тонкие усики... Теперь Ламбурден словно шагал рядом с этим человеком, подробно и критически его оглядывая.

Обыкновенный бабник!

Придя домой, Ламбурден тщательно запер дверь, сунул ноги в мягкие шлепанцы. Повесил плащ на спинку кресла, прошел на кухню, снял тапочки и, чтобы согреть озябшие ноги, включил батарею. Ну и погодка!.. И все же любопытно, что он наткнулся прямо на этого типа из уголовной хроники, которого разыскивает не имеющая даже описания примет полиция... Ламбурден поставил чайник на плиту, вытащил из буфета бутылку рома, положил в чашку три кусочка сахара. Только насморка не хватало... И вовсе он не страшный, этот маньяк. Если бы женщина не сопротивлялась... Вечно им нужно сопротивляться!

Он включил транзистор, передавали последние известия: полиция напала на след маньяка. В разных концах города произведены обыски.

Ламбурден недовольно выключил радио. Может, ему повстречался не тот маньяк? А того, настоящего, вот-вот поймают?.. Но ведь и радио тоже врет! Эх, черт побери! Хорошая вещь — горячий грог. Да нет же! Тот был настоящий! Ламбурден слегка захмелел, совсем как в тот день, когда узнал о своем повышении по службе. Он разделся, прополоскал рот, разглядел наконец в трехстворчатом зеркале, где именно вскочил проклятый прыщ, и смазал его дезинфицирующей мазью. Он вообще не выносил боли, но этот коварный, позорный прыщ на затылке казался еще и унизительным. Он же не работяга какой-нибудь. Прежде чем погасить ночник, Ламбурден немного поразмышлял в постели. Ничто, в принципе, не мешало ему сообщить в участок, однако он побаивался грубых полицейских: год назад в банке он сам видел, как два инспектора с пристрастием допрашивали какого-то беднягу из-за ерундовой растраты. Дикари, лезущие своими грязными лапами прямо в душу! «Это моя тайна! — решил Ламбурден.— Я ее хозяин. Только я».

Он грызг мятную пастилку и заснул.

Юное, нежное, свежее солнышко ласково обнимало за плечи, золотило фасады домов, отражалось в мокрой листве каштанов и радостно улыбалось прохожим. Газеты пестрели заголовками:

ПЯТАЯ ЖЕРТВА МАНЬЯКА
ОЧЕРЕДНОЕ УБИЙСТВО СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Ламбурден вошел в парикмахерскую. Мастер пожал ему руку с особой теплотой, вкладывая в этот жест невысказанную боль.

— Ну как, г-н Ламбурден, читали? Ей всего-то двадцать было. Ведь это неподалеку от вашего дома случилось. Вы ее знали? Такая милая, серьезная девушка. На прошлой неделе моя жена ей как раз завивку делала. Вас постричь как обычно? И куда, спрашивается, смотрит полиция?! Получается, что мы совсем беззащитны. И заметьте, это наверняка сумасшедший. Знаете, что они обнаружили?

Он наклонился к Ламбурдену и что-то шепнул ему на ухо.

— Клянусь, это правда! Такая милая крошка! Ни за что ни про что! А уж как ладно была сложена! Так, сейчас ушки откроем... В какое жуткое время мы живем! Как будто нам одних левых мало! Теперь еще и маньяк. И ведь никто его даже не видел! Никто не знает, какой он из себя.

— Такой же, как мы с вами,— буркнул Ламбурден.

Парикмахер отшатнулся и, щелкая ножницами в воздухе, уставился на Ламбурдена в зеркале.

— Нет, г-н Ламбурден, тут я с вами не согласен. Это же маньяк, понимаете, маньяк!

— Ну и что? — поморщился Ламбурден.— Маньяк — это просто-напросто человек, обуреваемый более сильными страстями, чем остальные.

— Вы философ,— вежливо промолвил парикмахер.— А мне от таких историй что-то не по себе. Я, сударь, воевал. Но доведись мне, не дай Бог, встретить маньяка, я бы умер от страха... А вы?

Ламбурден прикрыл глаза и тихо сказал:

— Знавал я одного такого.

Ножницы снова замерли. Парикмахер не отрывал взгляда от лица клиента, казавшегося очень бледным на фоне белого полотенца.

— Это было давно,— поспешил добавить Ламбурден.

— Ну и ну,— сказал парикмахер.— Вы, знаете ли, странный человек... Усы подровнять?

— Да, укоротите, а то слишком отросли. Мне хотелось бы оставить как бы намек на усы, понимаете?

— Понимаю. Хотите выглядеть моложе... Женщины это обожают. Такой, знаете ли, шик! Ну вот! Взгляните. Ого, да вы теперь просто неотразимы!

Ламбурден внимательно изучил свою физиономию в зеркале. Неплохо, очень даже неплохо. Он вальяжно откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу и, величественно взмахнув рукой, сказал:

— Тогда заодно и волосы ежиком подстригите.

Когда Ламбурден пришел в банк, швейцар Фирмен, поздоровавшись с ним, вдруг сильно покраснел.

— Никак г-н Ламбурден? Вот это да! А я вас сразу и не узнал... Ну надо же, до чего вы изменились.

Машинистки при виде Ламбурдена стихли как по команде. Их восхищенное молчание провожало его до самых дверей кабинета.

— Меня ни для кого нет, Гюстав, понятно? Вы свободны,— сказал он вошедшему на звонок секретарю.

— Да-да, конечно! — пролепетал тот.

Ламбурден надел рабочий пиджак, достал карманное зеркальце и улыбнулся своему отражению. Затем приступил к разбору почты. В десять часов он позавтракал булочкой и плиткой шоколада, прохаживаясь при этом из угла в угол, чего раньше за ним не водилось. Но сегодня усидеть на месте ему казалось трудно. Время от времени он проводил ладонью по волосам, радуясь их жесткости, густоте и пружинной упругости. Усевшись за письменный стол, он небрежно отодвинул груды деловых бумаг и вынул из ящика чистый листок. На мгновенье застыл в раздумье и принялся строчить стремительным, округлым почерком.

«Г-н прокурор!

Я знаю, кто убийца...»

В некотором смысле действительно знал! Пораженный новым ощущением, Ламбурден даже выронил ручку. Человек, за которым полиция гонится по пятам, и одного этого письма достаточно... Он в моей власти! Я играю с его жизнью, как с монетой. Решка — жизнь. Орел — смерть. Стоит мне захотеть, и этот человек, перед которым трепещут все, окажется у моих ног. Я ему Бог и судья!

Ламбурден скомкал листок и выбросил его в корзину. Он не привык размышлять о таких высоких материях и чувствовал легкую усталость.

Часы показывали всего одиннадцать. Ну и ладно. Разок можно. Он схватил шляпу, повертел ее в руках и бросил на стул. Никаких шляп!

— Уже уходите, г-н Ламбурден? — осведомился у дверей Фирмен.— Вы не заболели?

Ламбурден пожал плечами и нарочито медленно спустился по лестнице. Так обычно в кинохронике министры выходят из Елисейского дворца. Около газетного киоска он заметил девочку-цветочницу и купил у нее гвоздику. С цветком в петлице Ламбурден зашел в кафе «Сиди-Брагим», сел за столик на террасе и заказал чинзано.

Кругом только и разговоров было что о маньяке. Ламбурден почувствовал смутное удовольствие, будто речь шла о его собственном прославившемся родственнике.

— За поимку маньяка обещано десять тысяч франков,— ворчал какой-то старик.— Плевал я на это! Нынче одна облигация Пине [1] стоит восемьдесят пять!

[1] Антуан Пине — министр финансов, выпустивший в начале 50-х гг. облигации 3,5% золотого займа.

Музыканты в красных, как у цирковых укротителей, костюмах наигрывали нежную мелодию, полускрытые листвой декоративных растений. Ламбурден размечтался. А разве здесь не джунгли? Конечно же джунгли, прекрасные, трепещущие, где хищники пожирают свои жертвы, гуляют среди цветов, вынюхивают самок...

— Убивать таких надо, как бешеных собак,— сказал кто-то у него за спиной.

— Дурак! — буркнул Ламбурден.

Расплатившись, он не торопясь дошел до знакомого ресторана. Посетителей в этот час еще не было. Мадам Муфья приветствовала его с деланным радушием, потом заохала, засуетилась.

— Алиса, Алиса! — крикнула она.— Посмотри-ка на г-на Ламбурдена. Вот так сюрприз! Вы бесподобны, г-н Ламбурден! Не зря я говорила... Но я где-то уже видела такое лицо. Ей-богу, это были вы!

При виде Ламбурдена Алиса прыснула.

— Я вам не нравлюсь?

— Какой же вы все-таки чудак! — с трудом выговорила девушка.

Однако она казалась заметно смущенной, и смех у нее был какой-то неестественный. Стремясь скрыть это, она бросилась обслуживать Ламбурдена.

— Меню! — громогласно потребовал он.

— Ну и ну! Вы что ж, наследство получили?

— Может, скоро и получу.— Он взял девушку за руку и прошептал: — Алиса... Если бы я разбогател... вы пошли бы со мной в кино?

Она снова прыснула, повела плечами, но руки́ не отняла.

— Где уж вам разбогатеть!

— А почему бы и нет? Прославлюсь и разбогатею.

— Да ладно, будет вам сказки-то рассказывать!

Он улыбнулся и провел рукой по волосам.

— Начну-ка я с устриц и стаканчика мюскаде.

— Совсем спятил,— вполголоса сказала Алиса, проходя мимо кассы.— Говорит, что прославится. Представляете?

Ничего не скажешь, Ламбурден пообедал на славу. Завсегдатаи ресторана завистливо на него поглядывали.

— Ты глянь,— сказал Громила соседу.— Ишь как наворачивает за казенный счет. Уж я-то знаю, как платят в банках — особенно не разбежишься. А он наел на тридцатку, никак не меньше.

Но тут вошел Длинный, и все внимание переключилось на него. Его двоюродный брат работал в редакции «Лимузин либере», и Длинный всегда был в курсе последних новостей.

Алиса поставила перед ним тарелку с хлебом и получила легкий шлепок по заду.

— Что новенького? — осведомилась она.

— Ничего особенного. Опять забастовки.

— А что слышно о маньяке?

Длинный расстегнул ворот рубашки и налил себе полный стакан вина.

— Плохо его дело: полиция знает приметы.

— Да что вы!

Вилки повисли в воздухе, и тридцать пар глаз уставились на Длинного. Тот не спеша допил вино, вытер губы тыльной стороной ладони, затем снял пиджак и повесил его на спинку стула.

— Говорю вам, он влип. Брат узнал об этом от одного инспектора. Тоже мне злодей! Хромой, да еще вдобавок и косой, просто задохлик какой-то!

— И вы верите в это? — вмешался Ламбурден.

— Это факт! Уж не хотите ли вы сказать, что на такие преступления способен нормальный человек?

От обильной пищи Ламбурден раскраснелся́, и сыр в него уже не лез.

— По-моему, чтобы убить всех этих женщин, надо иметь недюжинную силу. Ваша версия хромает.

— А вот и неправда! — заявил Длинный.— Вам бы только острить...
— Что?
— Ведь хромает не версия, а маньяк!

Длинный зашелся в хохоте и остановиться уже не мог; лицо его побагровело, глазки осоловели, но он успокаивающе махал рукой, как бы говоря: ничего, мол, страшного, это просто приступ добродушного веселья. Ламбурден скомкал салфетку и с раздражением бросил ее на стол.

— Зря смеетесь. Согласен, он убил пятерых женщин. Но, во-первых, у него наверняка были на то свои причины. А во-вторых, не забывайте, что сейчас его обложили со всех сторон. Хотел бы я посмотреть, что делали бы вы на его месте. Ручаюсь, он парень не промах. Да и вообще, где уж хромому...

— А, все-таки он хромает!

Длинный уже не веселился: в нем закипала злость.

— Чушь!— сказал Ламбурден.— Я уверен, что это сделал не хромой.

— Почем вы знаете? — заорал Длинный.— Вы же его не видели! Ну вот...

Ламбурден еле сдержал раздражение. Стиснув зубы, он с ненавистью посмотрел на всех. «Вот дебилы!» — думал он.

— Если бы он был просто садистом,— продолжал разглагольствовать Длинный,— это могли бы счесть за смягчающее обстоятельство. В конце концов, это дело вкуса. Но он еще и грабитель. Сегодняшнюю жертву, например, он обобрал до нитки.

«Это уж чересчур»,— мысленно согласился Ламбурден. Такого он от своего маньяка не ожидал. И, чтобы поразмыслить над новой стороной дела, он заказал рюмку дорогого коньяка.

— Принести счет или записать в кредит? — с подвохом спросила Алиса.

— Предпочитаю платить наличными,— вызывающе заявил Ламбурден.

Порывшись в бумажнике, он достал купюры и веером разложил их перед Алисой. Заметив, что никто больше не обращает на него внимания, Длинный снова принялся за еду. Ламбурден сказал так, чтобы все слышали:

— Сдачи не надо, малышка.

Алиса покраснела как маков цвет. Ламбурден встал из-за стола, стряхнул с пиджака крошки и небрежно отшвырнул спичку, закурив сигарету.

— До вечера, Алиса,— сказал он, глядя поверх голов сидящих.

Было видно, как у дверей ресторана он поймал такси и укатил.

Длинный насупился.

— Поразительно, до чего переменился этот парень,— шепнул Громила на ухо своему соседу и, ухватив за подол проходившую мимо Алису, спросил:

— Скажите-ка, а Ламбурден, часом, не играет на бегах?

— Да что вы! Ведь он такой жмот! — ответила девушка.

— Тут дело нечисто,— заметил Громила.— Не нравится мне этот тип.

Ламбурден вылез из такси у городского сада и уселся в тени на скамейку. Он хотел все обдумать, но вскоре понял, что почти неосознанно выбор уже сделал. Отступать поздно. Маньяка необходимо выдать полиции. А жаль! Ламбурден чуть ли не симпатизировал ему. Но, с другой стороны, десять тысяч франков! А может быть, дадут и больше, если маньяку придет в голову счастливая мысль придушить еще парочку девчонок. В любом случае торопиться некуда. Ламбурден прошелся по тенистой аллее; никто не обращал на него внимания. Недели через две его будут узнавать все! Ба, да это Ламбурден! Вы же видели — в газете. Тот самый, что засадил маньяка!

Ламбурден зашел в какое-то кафе и спросил листок бумаги. Текст письма был уже готов:

«...Бросьте гоняться за калекой. На вашем месте я бы искал человека еще нестарого, элегантно одетого, весьма мужественной внешности, со

спортивной стрижкой... С привлекательными чертами лица... усики ниточкой...»

Так! На первый раз хватит. Отрезав маникюрными ножницами верхнюю часть листа с названием кафе, он вложил письмо в простой конверт и сверху написал адрес городского суда. На секунду он представил себе, как маньяк рыщет по улицам города, то и дело озираясь и ожидая опасности. Это было восхитительно. «Прости, старик»,— мысленно произнес Ламбурден, бросая письмо в почтовый ящик.

Вечером Ламбурден пришел в ресторан раньше обычного. Алиса раскладывала на столиках гофрированные бумажные салфетки и расставляла приборы.

— Я взял билеты. У нас очень хорошие места,— самым непринужденным тоном сказал он.

— Но, г-н Ламбурден...

— Полноте! Зовите меня просто Дезире.

Он заказал заливное из телячьей головы и порцию кролика по-охотничьи. «В конце концов, плачу не я! — подумалось ему. При мысли, что маньяк помогает ему завоевать сердце Алисы, Ламбурден развеселился.— Уж этот должок он мне заплатит. А как же иначе! Я же его раньше не выдал!»

Алиса согласилась пойти в кино. «Исключительно, чтобы доставить вам удовольствие»,— заносчиво повторяла она. Места ей не понравились — слишком далеко от экрана. «Ах, не трогайте меня». Однако, когда свет в зале погас и Ламбурден обнял ее за талию, она не посмела возражать.

— Нам ведь так хорошо вдвоем, правда? Вы больше меня не боитесь? Я буду вас баловать, моя красавица,— прошептал он и попытался поцеловать девушку, но та отвернулась.— Ну что с вами, милочка? Будьте умницей. Ведь я вас действительно очень люблю.

— У меня уже есть друг,— пролепетала Алиса.

— Ну и что? Заведите себе еще одного.

— Это неудобно... Пустите меня. Пустите, или я закричу!

Ламбурден отодвинулся и оскорбленно пробормотал:

— Чего вы боитесь, я же не сумасшедший!

Кругом зашикали.

— Эй вы, заткнитесь! — крикнул кто-то.

Алиса вскочила.

— Останьтесь,— сгорая от стыда, схватил ее за руку Ламбурден.— Не доводите меня до крайности! Я способен на все.

Девушка вырвалась и тут же растворилась в темноте зала. Ламбурден дрожал от обиды и злости, однако не решился броситься в погоню: пришлось бы беспокоить зрителей, ругаться с билетершей. К тому же за билеты было уплачено.

И он остался.

Дома он выпил несколько глотков отвара ромашки, но тщетно — сон упорно бежал его. Что делать дальше? Выдать маньяка окончательно, сообщив в новом, на сей раз анонимном, письме его точные приметы? Но чего ради, раз деньгами Алису не добудешь. Пусть уж лучше бродит на свободе. Вон сколько девчонок вокруг, и все они одинаковы — такие же, как эта дрянь Алиса. Одной больше, одной меньше... В конечном счете маньяк по-своему прав. Он всего лишь избавляет мир от недостойного жалости отродья. И если бы Алиса попалась ему в лапы...

Ламбурден начал задремывать, но, внезапно вздрогнув, пробудился и принял-таки снотворное. Теперь несколько дней будут болеть почки и желудок. Ну ничего, Алиса заплатит и за это!

Проснулся он ни свет ни заря, совершенно разбитым, чувствуя себя хуже, чем если бы провел ночь на вокзальной скамье. А злость ничуть не прошла. Он едва пригубил кофе и с раздражением выплеснул его в раковину.

Вскормленный простудой давешний прыщ созрел и свербил. «Не миновать фурункула!» — подумал Ламбурден и, пытаясь рассмотреть себя в зеркале сбоку, заметил землистого цвета дряблые щеки и воспаленные веки. Может быть, съесть не спеша рогалик на свежем воздухе?

Он зашел в ближайшую булочную. Продавщица читала газету.

— Нынче ночью обошлось без жертв,— сообщила она.

— Очень жаль! — буркнул Ламбурден.

— Ой, не надо так говорить. Если вас услышат...

— Ну и что? Я с полным правом утверждаю, что этот маньяк — благодетель человечества. Да-да, я не шучу.

С этими словами он удалился. Продавщица вышла на порог, поглядела ему вслед и покачала головой. Ламбурден, сутулясь, шагал по улице, на ходу пережевывая рогалик. Как бы узнать, кто этот Алисин дружок? И где его разыскать? Единственный способ — выследить ее. У рогалика был какой-то противный привкус. Ламбурден швырнул его в первую попавшуюся урну и направился к автобусной остановке. На работе он обдумывал различные планы мщения, которые, по зрелом размышлении, оказывались практически неосуществимыми. Никогда еще не приходилось ему строить зараз столько планов. Потом он вновь отправился в ресторан с твердым намерением довести дело до конца.

Алисы там не оказалось.

— Чем вы ее обидели, г-н Ламбурден? — тихо спросила кассирша.— Она все время плачет. Сегодня вместо нее работает Анжела.

— Я напугал ее,— гордо ответил Ламбурден.

— Я так и знала! Вы страшный человек, г-н Ламбурден.

— Вам еще не все известно,— подмигнул он и сел за свой столик, посматривая на мадам Муфью, которая тоже выглядела какой-то испуганной. Все женщины одинаковы, это факт. С ними только силой и можно сладить. Анжела не смела поднять на него глаза и, принеся очередное блюдо, тут же убегала. Да и все остальные — все эти ничтожества! Громилы, Длинные, какие-то жалкие приказчики — все избегали его взгляда.

— Анжела, стакан вувре!

Официантка нервничала и не могла вытащить пробку.

— Анжела, зеленый горошек недожарен!

— Да, сударь.

Она была тише воды, ниже травы.

Заказанное на десерт ванильное мороженое с персиками вызвало среди посетителей тихую панику. Длинный злобно ощерился.

— Ну, что слышно о маньяке? — жизнерадостно осведомился Ламбурден.

— Скоро узнаем кое-что новенькое,— угрожающе отозвался Длинный.

— Старая песенка! — ухмыльнулся Ламбурден.

Как и накануне, он неспешно вышел на улицу. И тут же заметил Алису. Черт возьми! В обеденный перерыв пошла навестить своего дружка? Ламбурден кинулся вдогонку. Девушка шла быстро, не оборачиваясь, очень стройная в облегающем синем костюме. Ламбурден позабыл о своих планах и намерениях. Уже начиная задыхаться, он неуклюже бежал за Алисой по бульвару. Она вошла в какой-то дом на углу. На первом этаже помещался табачный киоск, куда и юркнул Ламбурден. Купив пачку «Житан», он замер в растерянности, не зная, что делать дальше. Потом ему пришло на ум осмотреть почтовые ящики в коридоре. «Г-н Жорж Вальнев. 6-й этаж». Сомнений быть не может — это он, единственный в доме холостяк! Ламбурден спустился в киоск и спросил анисовой водки.

— Чем занимается этот Вальнев с шестого этажа? — спросил он, потягивая напиток.

Сдвинув кепку на затылок, хозяин киоска почесал лоб и ловко передвинул окурок во рту.

— Вальнев? По-моему, он художник. А что?

— Да так, ничего.

Не допив водку, Ламбурден ушел.

Воображение рисовало ему гнусные сценки. Художник! Конечно, она ему позировала обнаженной, еще бы, с такой-то фигурой! Он разглядывал ее и... Прошу прощения!

Он и не заметил, как налетел на какого-то солдата, который разразился смачной бранью. Нет, хватит. Раз так... Ламбурден сел на скамейку. Сияющие автомобили проносились мимо, обдавая его выхлопом. Мысли путались, кровь тяжело стучала в висках. Раз так...

Когда Алиса вышла из дверей, он уже поджидал ее, прислонившись плечом к стене. Заметив его, девушка в страхе заслонилась локтем, однако Ламбурден не шелохнулся. Она пошла по улице быстрым шагом. Он двинулся следом, чувствуя отвращение и усталость. В висках глухо стучало. Алиса спешила, то и дело оглядываясь. Ему надоела эта идиотская погоня, он свернул и стал бродить по улицам, порой останавливаясь перед витринами и бессмысленно их разглядывая. Через некоторое время он вышел к родному банку, ведомый инстинктом старой лошади, за версту чующей свое стойло и меру овса. Заметив знакомого швейцара, он, однако, свернул за угол и пробродил до вечера, ожидая наступления темноты.

Когда на крыльях автомобилей зажглись габаритные огни, он направился к ресторану. Он был уверен, что Алиса опять пойдет к своему приятелю, и притаился в подворотне.

Девушка прошла мимо, ничего не заметив. Ламбурден вышел из своего укрытия и, повторяя в уме заранее приготовленные фразы, устремился за нею вслед.

Художник ждал Алису внизу, у табачного киоска. Они обнялись и поцеловались. Кругом почти никого не было, лишь у тротуара стоял черный «ситроен». Сохраняя спокойствие, Ламбурден огляделся, сунул руки в карманы и, перейдя улицу, приблизился к парочке.

Мужчина обернулся. Ламбурден сразу узнал и волосы ежиком, и голубые глаза, и ниточку усов, и странный раздвоенный, как половинки абрикоса, подбородок. Стиснув зубы, Ламбурден бросился вперед, и тут раздались выстрелы.

Он упал на колени, пытаясь одной рукой достать Алису. Огни закружились у него в глазах, мостовая почему-то встала дыбом, и он, словно со стороны, услышал, как его собственная голова стукнулась о тротуар.

Из «ситроена» метнулись какие-то тени. Ослепительно ярко вспыхнул свет фонаря.

— Вы узнаете его, мадемуазель? — спросил кто-то.

— Да, это он,— откуда-то издалека донесся голос Алисы. Кругом было темно.

— Забирайте его,— сказал другой, тоже далекий голос.— Вам повезло. Он мог бы вас обоих укокошить.

— Вы уверены, что не ошиблись? — спросил еще кто-то. (Может быть, сам приятель Алисы.)

— Ошибки быть не может,— отозвался один из полицейских.— Во-первых, этот мерзавец прислал нам провокационное письмо. А во-вторых, вел такие речи... Вот и барышня может подтвердить. А то, как он сорил деньгами? Понятно, откуда они у него взялись. Вы только посмотрите на эту садистскую рожу!

Снова ослепительный свет в лицо.

— По-моему, он мертв,— продолжал полицейский.— Что это там блестит у него на щеке? Честное слово, похоже на слезу.

— Пошли,— шепнул Алисе художник и увлек ее за собой в переулок.

Перевод А. КУЛИЧКОВОЙ

Угрызения совести

В книгах и в кино часто изображается, как любовники, решив избавиться от докучливого мужа, немедленно приступают к реализации своего замысла. Во всяком случае, так происходит в кино и в книгах определенного сорта. Однако в реальной жизни человеку не так-то легко решиться на преступление. Тьери убедился в этом на собственном опыте. И был уверен, что Ивонна, конечно, тоже...

Нет, в том-то все и дело, что он в этом уверен не был. А как было бы хорошо. Он бы сказал: «Дорогая, я долго думал и пришел к выводу, что мы не должны совершать этого кошмарного поступка. Мы не смогли бы больше смотреть друг другу в глаза, и вскоре угрызения совести задушили бы нашу любовь». А Ивонна ответила бы: «Ты прав, дорогой. Я тоже об этом немало думала. Наш план был безумен. Пусть все остается как есть... В конце концов Филипп не так уж нам мешает!..»

Увы! Он вовсе не был уверен, что не увидит на лице Ивонны столь хорошо знакомую ему гримаску обиды и не услышит совсем другие слова. «Я так и знала,— скажет она.— Языком болтать не страшно — это каждый может... А как доходит до дела... Вот если бы ты действительно меня любил...»

И это было бы несправедливо. Тьери действительно любил Ивонну. Но означает ли в подобном случае понятие «действительно» то, что мужчина ради женщины должен идти на преступление?..

Мучительная альтернатива! Тьери приходилось выбирать между жутким поступком и отказом от него, а отказ навеки разочарованная любовница воспримет как оскорбление. Он шагал все медленнее, так что к вилле Делоров приблизился едва передвигая ноги, словно только начинал ходить после тяжелой болезни. Долго стоял, держа руку на звонке и не решаясь нажать. Наконец позвонил. Дверь распахнулась, и Ивонна бросилась ему на грудь.

— Тьери!... Если б ты только знал... Филипп... Филипп...

— Что случилось? Что с Филиппом? Не пугай меня.

От волнения Ивонна не могла говорить.

— Ну отвечай же. Он не?..

Нет, Филипп Делор не умер. Но был близок к тому. Сердечный приступ случился с ним, когда он принимал ванну...

— Я вызвала Родийо... Инфаркт... Он сделал ему два укола... Днем еще раз зайдет... Нет никакой надежды... Врач считает, что часы его сочтены... Филиппа нельзя даже перевезти в больницу...

У Тьери так дрожали ноги, что пришлось прислониться к стене. Инфаркт... часы сочтены... Чудесное, нежданное избавление! Он искал, что́ бы сказать, но не мог найти слов. Сочувствие показалось бы сейчас чудовищным лицемерием, а радость — отвратительным цинизмом. Он хранил молчание, предоставляя своей любовнице понимать это как ей заблагорассудится. Впрочем, она снова заговорила сама:

— Ты пойдешь к нему?

— Разумеется,— ответил Тьери.

Хриплое, прерывистое дыхание Филиппа наполняло комнату. Глаза у него были закрыты, руки на груди переплетены удивительным образом, бледные запавшие щеки беспрестанно подергивались. Тьери приблизился, виновато опустив голову, остановился в ногах умирающего, положил руки на спинку кровати; слезы навертывались ему на глаза. Бедняга Филипп, всегда такой доверчивый, такой простодушный, такой деликатный... Самому себе он мог признаться — никогда у него не хватило бы храбрости... И вот Филипп уходит сам, в решающий момент. Можно больше не бояться ни презрения Ивонны, ни мучительного раскаяния преступника.

Да, убийцей он не стал, а вот предателем...

Тьери был знаком с Филиппом лет тридцать, еще с начальной школы, он и свидетелем был у него на свадьбе. Смешно! Тогда Ивонна не произвела

на него особого впечатления. Хорошенькая, конечно, но не более того. Если бы кто-то тогда сказал, что ей суждено стать женщиной его жизни... Тьери вспомнил, на какие приходилось им идти хитрости, на какие уловки, на какой обман! А как пугал их порой Филипп, самыми невинными вопросами заставляя заподозрить худшее. Он снова представил себе то ужасное утро, когда обезумевшая Ивонна примчалась у нему. «Он все знает. Я уверена, что ему все известно...» А как смеялись они потом над своей напрасной тревогой! Простофиля Филипп! Как могли они тревожиться — достаточно было взглянуть в его доброе, честное лицо, увидеть мягкий, застенчивый, словно постоянно удивленный взгляд. «Мой большой пес»,— говорила о нем Ивонна.

Тьери медленно провел ладонью по лбу. «Бедняга Филипп, я предал тебя; я долго злоупотреблял твоим доверием, твоим благородством, а теперь вот готовлюсь окончательно занять твое место». Он испытывал стыд и отвращение к самому себе. Слова раскаяния готовы были сорваться с его губ, но он вовремя вспомнил, что Ивонна стоит рядом. Он повернулся к ней. Две блестящие дорожки тянулись по щекам молодой женщины, и Тьери понял, что она мысленно проделала тот же самый путь. Любовники обменялись смущенной улыбкой.

Раздался звонок в дверь, и Ивонна вышла из спальни. А мгновенье спустя Филипп открыл глаза. Его взгляд, мутный, с трудом обретающий осмысленность, бродил с предмета на предмет, пока, наконец, не остановился на Тьери. Что-то похожее на радость отразилось на желто-восковом лице.

— А! Это ты, Тьери!

Тьери наклонился и положил свою руку на сложенные вместе руки умирающего. Он больше не мог сдерживать слезы:

— Филипп, старина Филипп!

В глазах Филиппа промелькнуло странное грустное выражение.

— Я думаю... что со мной все кончено... Нет, не перебивай меня... У меня осталось так мало сил... Подойди ближе... Сюда... Где Ивонна?

— Там кто-то пришел. Хочешь, я...

— Нет... Наоборот... Слушай меня... Видишь ли, Тьери... я не всегда был таким безупречным мужем... каким казался... Это давно закончившееся приключение... так, глупость... у меня нет времени рассказывать тебе подробно... Короче, остались письма, фотографии... засушенные цветы... Ты же знаешь мою сентиментальность... Я хранил их в маленькой черной шкатулке...

Филипп выдохся и замолчал. Его черты были столь неподвижны, а дыхание таким тихим, что Тьери подумал: все уже кончено. С кухни послышались голоса Ивонны и, похоже, ее соседки.

— Маленькая черная шкатулка...— снова с трудом заговорил Филипп.— В нижнем ящике письменного стола... Возьми... Если случится чудо и я выкарабкаюсь... ты мне ее вернешь... А если нет... сожги... Не хочу, чтобы Ивонна ее нашла, понимаешь?.. Не хочу, чтобы она узнала...

Тьери задыхался от нежности, жалости и благодарности. Это потрясающее, немыслимое откровение снимало с его совести тяжелый камень. Филипп обманывал Ивонну, скорее всего с какой-нибудь из ее же подруг. Так что супруги были квиты. И неважно, кто из них изменил первым. Тьери больше не чувствовал себя виноватым — измена Филиппа стала отпущением его, Тьери, грехов.

Внезапно голос умирающего стал тревожным и настойчивым.

— Ты обещаешь мне, Тьери?.. Где ты?

Тьери сжал холодеющие руки.

— Я здесь, Филипп. Обещаю... Все, что ты просишь... Но я уверен, что еще верну тебе шкатулку... Вот увидишь.

Филипп чуть заметно качнул головой, с облегчением, почти счастливо.

— Спасибо, старик... Теперь об Ивонне... Я хочу, чтобы ты...

Конца фразы Тьери не суждено было услышать. В коридоре раздались шаги Ивонны. Она вошла и больше уже не выходила из спальни — меньше чем через час Филипп умер.

Тьери легко нашел шкатулку. Это был небольшой скромно украшенный ящичек черного дерева с резным замком. Он запихнул его в карман пальто. Ивонна уже обзванивала сестер. «Я должна сообщить тебе ужасную новость...» Значит, скоро здесь соберется все семейство. Осторожность и приличия требовали, чтобы Тьери покинул дом. Не решившись обнять Ивонну в спальне, он вывел ее в прихожую, но и там едва коснулся губами ее щеки, словно застенчивый кузен.

Он направился прямо в скромный флигель меньше чем в миле от виллы Делоров, который снял давно, в самом начале их романа. Спустившись в подвал, Тьери не без труда вытащил шкатулку из кармана. Он исполнит последнюю волю друга. Ивонна никогда ни о чем не узнает...

Тьери открыл дверцу печки, мгновение смотрел, как пляшут рыжие отблески пламени на полированной поверхности черного дерева, и бросил шкатулку в огонь. Никогда в жизни у него не было так легко на душе. Вместе с этими фотографиями, письмами, засушенными цветами исчезала память о его собственных дурных поступках. Одним движением он как бы стирал прошлое; открывалось светлое, очищенное от угрызений совести будущее.

Взрыв был слышен на целую милю в округе, из окон соседних домов посыпались стекла. Пожарным понадобилось целых два дня, чтобы извлечь из-под груды обломков тело Тьери. Разумеется, следствие быстро установило, что причиной несчастного случая послужила взрывчатка, оказавшаяся в печке. Но никто так и не узнал, как она туда попала. Никто, даже Ивонна.

Перевод М. СТЕБАКОВОЙ

ДЖО АЛЕКС

Смерть говорит от моего имени

РОМАН

Перевод с польского Л. ЮРЬЕВОЙ

Детектив, если он плох, то плох не потому, что детектив, а потому, что он — просто-напросто скверная литература. Мысль, сознаюсь, плоская, истина из разряда прописных, но у нас она почему-то нередко воспринимается с недоверием.

Не оттого ли, что, скажем, в нашей традиции принято как бы упускать из виду, что литература, искусство — не только трибуна или амвон, но еще — и игра воображения и ума, наслаждение выдумкой, радость творения собственного мира, возможность прожить непрожитое, испытать неиспытанное, переиначить уже свершившееся? Не оттого ли серьезному литератору чуть ли не запрещалось опускаться до детектива, которому вход в салоны изящной словесности был заказан?

Тема, конечно, интереснейшая, она заслуживает отдельного разговора. Мне же хочется всего лишь сказать несколько слов о Джо Алексе, роман которого предлагается вашему вниманию. О Джо Алексе, которого нет, потому что он фикция, игра фантазии, откровенный маскарад.

Есть Мачей Сломчиньский, один из самых известных и почитаемых в Польше знатоков англосаксонской литературы, переводчик, в частности, «Улисса» Джойса (1969 г.) и «Потерянного рая» Мильтона (1975 г.), дважды удостоенный премии польского ПЕН-клуба. Он уже не молод: был солдатом Армии Крайовой в годы нацистской оккупации Польши, дебютировал в 1946 г. как поэт, писал прозу, пьесы, произведения для детей и юношества.

В 1959 году появился первый детективный роман Джо Алекса «Я вам скажу, как он погиб». Затем под этим псевдонимом (а также под «польским» именем Казимеж Квасьневский) полицейские романы М. Сломчиньского стали выходить регулярно, один за другим, много переиздавались.

Книги Джо Алекса — всегда несколько ироничная стилизация под традиционный английский детектив. Стилизация уверенная и добротная: по крайней мере в Польше далеко не каждый его читатель замечал, что покупает не классическую «переводную» книжку.

В случае с Джо Алексом успех, думаю, объясняется еще и тем, что его романы неизменно отличаются качествами хорошо сделанной литературной работы. А это не так уж мало — ведь жесткие каноны детективного жанра требуют особой писательской дисциплины, профессионализма, свободного владения своим ремеслом.

По всему судя, Мачей Сломчиньский отлично это понимает. Он, приверженец «интеллектуальных» загадок и психологических парадоксов, предпочитает бытописательству и вульгарно понятой социальности скорее театральность и размышления о природе и мотивах человеческого поведения в обществе. Он не особенно скрывает, что забавляется сочинением криминальных историй, хотя педантично заботится о соблюдении всех законов и правил жанра. Он насмешлив, но не позволяет себе высокомерно отшучиваться от реальных проблем своих придуманных героев. Он не чурается морализаторства или желания немножечко «просветить» читателя, что типично для детективов. Но он не бывает скучен. Ибо Джо Алекс, играючи придумывая заковыристые житейские головоломки, серьезно, иначе говоря, профессионально относится и к своему слову, и к своему читателю.

А. ЕРМОНСКИЙ

Старик: Не я буду говорить...
Он скажет от моего имени.
Вот увидишь.
Старуха: Это случится сегодня вечером?

Эжен Ионеско. «Стулья».

I. Чересчур большая сумка

Когда инспектор Бенджамен Паркер, решительно не похожий в своем превосходно сшитом костюме на инспектора Скотленд-Ярда, позвонил у дверей Джо Алекса, тот как раз завязывал галстук. Хозяин квартиры тоже не напоминал автора детективных романов. Был он высок, молод, недурен собой и нрава скорее веселого, к тому же вовсе не охотник помолчать, что, как правило, отличает сыщиков-любителей.

Точно так же, встретив Кэролайн Бикон впервые, вряд ли кто признал бы в ней подающего надежды археолога. Эту милую, обаятельную, с собранными в длинный хвост светлыми волосами девушку можно было принять за молоденькую актрису, а не за начинающего ученого. Сидя в вечернем платье на подлокотнике кресла, она наблюдала за тем, как Алекс, стараясь не касаться манишки пальцами, сражается с галстуком.

— В конце концов ты победишь...— заметила она.— Человек всегда в конце концов побеждает материю...

— С годами я все меньше верю в это.— Алекс улыбнулся своей очаровательной приятельнице. Продолжая возиться с галстуком, покосился на часы.— Пора бы уж Бену Паркеру позвонить в дверь.

И инспектор в самом деле позвонил. Алекс представил его Кэролайн, жестом пригласил сесть в кресло, но вдруг завопил, размахивая рукой:

— Да помоги же!

Инспектор завязал ему галстук, и все расселись.

— У нас еще есть полчаса, моя машина перед самым домом,— сказал Алекс.— Езды нам пять минут. Тебе сейчас в самый раз немножечко поддержать свои подорванные силы...— повернулся Алекс к инспектору, а потом перевел взгляд на Кэролайн: — Ты выпьешь с нами?

— Я могу и одна,— скромно улыбнулась мисс Бикон.— Вам, господин инспектор, конечно же, виски без содовой? И мне тоже, только порцию поменьше.

Джо наполнил стаканы и сел.

— Хорошо, что вы наконец-то познакомились,— искренне радовался он.— Люблю, когда мои друзья бродят стадами.

Кэролайн улыбнулась, а Паркер слегка склонил голову.

— Весьма польщен знакомством с вами, мисс,— прошептал он, а затем уже обычным голосом прибавил: — Я о вас много слышал, и не только от Джо. Мне, однако, сдается, в газетах я читал о вашем отъезде. Я, наверное, ошибаюсь, но когда писали об экспедиции, которая отправляется в Иран, упоминалась, кажется, и ваша фамилия.

— Нет. Вы не ошибаетесь. Но мы так и не отплыли, поскольку руководитель экспедиции сэр Томас Додд тяжело заболел. Это потянуло за собой цепь перемен, и все отодвинулось на два месяца. Говорят, дела у него пошли на поправку, но я не верю, что он поедет. Сэра Томаса прооперировали, рак... Но не будем об этом, история невеселая. Давай-ка, Джо, быстренько еще по стаканчику, и едем! Очень мне хочется посмотреть эти самые «Стулья». Хорошо, что вы нас пригласили, инспектор. Мы сели в машину утром в Торквее и тряслись в ней до самого обеда, у меня едва хватило времени заскочить домой переодеться...

Инспектор обратил внимание, что, говоря это, Кэролайн Бикон слегка покраснела, а Алекс потянулся к бутылке и принялся торопливо разливать виски. Паркер мгновенно сопоставил эти свои наблюдения с тремя чемоданами, которые он заметил в холле, и сообразил, что Кэролайн Бикон и в самом деле целый день ехала в машине с Джо Алексом, но наверняка еще не была у себя дома и, по всему судя, сегодня туда уже не попадет. Его занимало, отчего это двое интересных, одиноких молодых людей, которые вот уже год, как не могут прожить друг без друга, не

поженятся. Но инспектору Паркеру в жизни приходилось сталкиваться и не с такими загадками, а эту, к счастью, разгадывать ему было не надо. Он только вдруг вспомнил, что Кэролайн и Джо сошлись ровно год назад, когда приятели вместе разгадали загадку смерти их общего знакомого и товарища времен войны Яна Драммонда... «Стало быть, уже целый год...» — удивленно подумал инспектор, как это нередко случается с людьми, которых внезапно настигает мысль о стремительно летящем времени. И, спохватившись, что разговор может вот-вот совсем заглохнуть, Паркер заметил:

— По-видимому, спектакль этот очень, ну, прямо очень современный. Сознаюсь, рядовому полицейскому современное искусство немножечко не по зубам...

— Я читала эту пьесу...— сказала Кэролайн,— и думаю, что в ней нет ничего странного. Она всего лишь говорит о том, что жизнь человеческая бессмысленна, что она ни к чему не ведет, ничему не служит, что никто никого не запомнит и никто никому никогда ничего не объяснит.

— Гм...— отозвался Паркер,— если в подобном отношении человека к жизни нет ничего странного, то...— Он осекся и посмотрел на часы.— Однако нам уже пора. Впрочем, надеюсь, вы растолкуете мне это после спектакля, если будете так любезны, к тому же своими, понятными словами.

— Смелей! — проворчал Алекс, напутствуя то ли инспектора, то ли Кэролайн. Девушка встала и взяла Паркера под руку.

— Современное искусство помогает проникать в подсознание человека и доискиваться скрытых побуждений его поступков...

— А значит, оно служит достижению примерно той же цели, что и полиция! — рассмеялся Алекс.

Молодые люди спустились к машине и уже через несколько минут остановились на Кросби-стрит перед ярко освещенным зданием, по фронтону которого на высоте второго этажа, помигивая, бежали буквы: СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»... СЕГОДНЯ «СТУЛЬЯ»...

Они вошли в театр.

— Еще только одну сигарету! — заявил Алекс.— Пожалуй, успеем. Иначе я изведусь к концу первого акта. Я без курева больше часа не выдерживаю.

В курительной народу было еще порядочно. Они сели за столик в самом углу, закурили.

— Народу тьма! — констатировал Паркер.— Похоже, писатель, который сообщает людям, что их жизнь не имеет смысла, заработает на этом столько, что по крайней мере собственная его жизнь станет осмысленнее.

Алекс засмеялся. Кэролайн неодобрительно покачала головой и уже собралась что-то возразить, но ее внимание привлекла небольшая группка людей почти у самых дверей. Она взглядом указала на них Алексу.

— Это как раз они, семейство сэра Томаса Додда. Жена, дочь и жених дочери.

— Это Энн Додд? — спросил Паркер, кивнув в сторону молодой, симпатичной девушки в простом, отлично скроенном платье.

— Да. Вы о ней слышали?

— Немного. Только то, что писали в газетах. Уже две недели, как она одна из самых богатых барышень в Англии. Кажется, какое-то наследство.

— Да. Умер ее двоюродный дедушка, сэр Хью Гэрри, угольный король. Похоже, больше всех удивлена этим наследством была она сама, так как познакомилась с сэром Хью в детстве, а потом видела его всего-то не то пять, не то шесть раз. Но, говорят, когда девочка однажды гостила у него, он болел, и она ухаживала за ним, не отходя от деда ни на шаг, плакала, не позволяла взрослым увести себя. Спустя несколько дней сэр Хью выздоровел, и казалось, происшедшее не удержится в его памяти. Тем не менее он написал, что то был единственный за последние сорок лет его жизни случай, когда кто-то из его родственников бескорыстно выразил ему свою симпатию. Что поделаешь, деньги не всегда приносят радость. Вот так она оказалась единственным человеком, который сострадал ему, не рассчитывая на его богатство, а он и отписал ей все. Впрочем, сэр Хью был старый холостяк и мог распорядиться собственными деньгами как угодно.

— Да. Я читал. Это самое короткое завещание. Газеты напечатали его полностью: «Все мое состояние, без каких-либо изъятий, завещаю моей родственнице Энн Додд, а если, упаси Бог, она умрет, не получив его, состояние перейдет

в собственность моих более дальних родственников, причем наследовать могут только те из них, кто связан со мною узами крови, а не свойства...» Таким-то образом эта милая девушка стала обладательницей астрономической суммы в двадцать пять миллионов. Если не ошибаюсь, вступление в права наследования должно состояться через несколько недель.

— А что, молодой человек получит эту сумму вместе с рукой мисс Энн? — спросил Джо.

— Да. К счастью, он и сам достаточно богат, и это избавляет его от подозрений в том, что он охотился за ее наследством. Кстати, когда было объявлено об их помолвке, никому и в голову не могло прийти, что на Энн свалится такое богатство. Дело тогда выглядело так, что именно он женится на не очень состоятельной барышне. Это Чарльз Крессуэлл, второй сын лорда Контропа.

— Из лучших наших стрелков и фехтовальщиков...— проговорил Паркер.— Я как-то встречался с ним по делу одного из его молодых друзей. Славный парень. Спортсмен, хороших кровей и без профессии, словом, при нем все, что требуется англичанину, принадлежащему к высшему обществу.

— Что-то непохоже, чтобы эти двадцать пять миллионов очень уж их осчастливили,— заметил Алекс.— Лица у них всех такие, будто это люди с годовым доходом в тысячу фунтов.

— Может, сэру Томасу опять стало хуже,— предположила Кэролайн,— но тогда почему они в театре?.. Да еще мамаша Додд с такой кошмарной сумочкой.

— Бросим-ка сплетничать о своих ближних. Хватит и того, что они сплетничают о нас...— сказал Алекс, но все же внимательно посмотрел на сумку, которую Анжелика Додд, мать Энн, держала в руке.

Сумка и в самом деле размерами своими в несколько раз превышала обычные театральные малютки и, видимо, была набита чем-то до отказа. На выразительном лице маленькой Анжелики Додд еще сохранялись следы былой красоты. Выглядела она, пожалуй, привлекательнее дочери, хотя щеки ее и не дышали той свежестью, которая бывает в неполных двадцать лет. Она стояла между молодыми людьми, вяло обмахиваясь программкой. Кивнула Энн, и они направились в фойе.

— Пошли! — Кэролайн легко поднялась с кресла и двинулась за исчезнувшей в дверях троицей. Зазвенел звонок.

Зал был полон. Свет чуть притушили, словно напоминая, что нужно поскорее занимать места. Алекс купил две программки, одну протянул Кэролайн, другую — Паркеру. Сели. У них были билеты в середину четвертого ряда. Перед ними, чуть левее, поместилась Анжелика Додд, между Энн и ее женихом.

— Места великолепные,— улыбнулась Кэролайн Паркеру.— Я больше всего люблю четвертый и пятый ряды. Грим почти не замечаешь, зато во всех подробностях видишь мимику актера. Кстати, знатоки утверждают, что пьесу и нужно смотреть с этих мест — именно в четвертый или пятый ряд на репетициях садится режиссер.

Алекс наклонился к девушке и заглянул в программку, которая лежала на коленях Кэролайн. Прочитал список действующих лиц и исполнителей:

СТАРИК 95 лет — Стивен Винси
СТАРУХА 94 года — Эва Фарадей
ОРАТОР 45—50 лет — Генри Дарси
И МНОЖЕСТВО ДРУГИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
Режиссер: ГЕНРИ ДАРСИ

Свет в зале погас. Все погрузилось во мрак, который разрывало лишь мерцание красных лампочек над входными дверями.

В тот же миг за спинами зрителей зажглись два больших прожектора и бросили на занавес два ярких пятна. Занавес незаметно для публики поднялся, и свет прожекторов выловил в пустоте сцены фигурки двух стариков, сидевших на стульях. Одеты оба были диковинно. На Старике свободная серая блуза, сшитая, казалось, из мешка. К плечам ее прицеплены эполеты. На темно-синих брюках красные лампасы. И Старик, и Старуха были в изношенных теплых шлепанцах. Бесформенное, мешковатое платье Старухи покроем и цветом напоминало блузу Старика.

Засмотревшись на костюмы и декорации, Алекс пропустил первые реплики, но вскоре текст приковал к себе. Старик встал со стула и подошел к одному из окон, расположенных слева и справа.

— ...Лодки на воде, как пятна на солнце... [1]— мечтательно произнес он.
— Какие там лодки, когда солнца нет. Темно, душенька.
— Зато тени остались...

Реплика сменяла реплику быстро, цепляясь одна за другую, и Алекс сразу, с первых же услышанных им слов понял, что стал свидетелем незаурядного события в искусстве. Текст откровенно и страшно обнажал трагедию современного человека, напоминая о его неосуществленных надеждах, беспредельном одиночестве, куцых мечтах и плоской реальности бытия, у которого одно предназначение — могила. Режиссерская концепция была современней некуда. Актеры, игравшие стариков, носили на лицах маски, наподобие греческих, которые выражали расхожие представления о старости. Голос и жесты не подчинялись законам старости, но говорили о вечной, трагической молодости и наивности человека перед лицом рока. Так что актерам не надо было играть стариков, они были заняты на сцене делом, куда более важным: показывали синтез старости, играли всех стариков, которые существовали и существуют, что ставило эту поразительную пьесу чуть ли не вровень с греческой трагедией.

Алекс бросил взгляд на Паркера. Инспектор весь подался вперед, полуприкрыл глаза и время от времени едва заметно одобрительно покачивал головой. Кэролайн так и замерла в кресле, но глаза ее сверкали, словно две синие звезды.

Теперь по пьесе наступил момент, когда Старик, пригласив всех, кого он знал когда-то и кто хоть что-нибудь значит в сегодняшней его жизни, ждет их появления. Разумеется, не пришел никто, но видения стариков продолжаются. Воображаемые гости начинают съезжаться, а старики через две двери принимаются таскать на сцену стулья для этих теней прошлого. Стивен Винси был неподражаем, он кланялся пустоте, протягивал руку, так естественно брал под локоть невидимок, что весь этот пустой театр призраков, казалось, заполняется реальными существами. Сейчас он как раз вводил нового воображаемого гостя: Мадам прелестницу. Бархатный, глубокий голос актера вдруг преобразился в голубиное воркованье:

— ...Я так взволнован. И очарован! Вы нисколько не изменились. Я вас любил, я вас люблю...

И, чуть не плача, Винси продолжал:

— ...Но где же прошлогодний снег?

Завороженный голосом актера, захваченный трагикомической ситуацией, Алекс вдруг услышал тихое, короткое всхлипывание. Он на миг оторвал взгляд от сцены. Кто это плачет? В Англии редко встретишь человека, у которого в театре во время спектакля по щекам текут слезы. Это не Италия, а спокойный, уравновешенный Лондон.

К своему удивлению, Алекс обнаружил, что плачет госпожа Анжелика Додд. Она, собственно, по-настоящему и не плакала, только утирала платочком увлажнившиеся от слез глаза.

«Странное дело...— подумал Джо, страстью которого было с первого взгляда оценивать человека.— Могу поклясться, что эта женщина умеет скрывать свои чувства, не говоря уж о волнениях, вызванных словами на сцене».

Но госпожа Додд уже выпрямилась, и Алекс заметил, что, повернув голову к дочери, она одарила ее слабой, извиняющейся улыбкой.

Первая часть спектакля вскоре завершилась, и в зале зажегся свет.

II. Вин-си! Вин-си! Вин-си!

Звонок, призывающий в зал, прозвенел еще раз — долго и пронзительно. Кэролайн допила кофе, который Алекс принес ей из буфета. Курительная гудела возбужденными голосами. Люди спорили ожесточенно, страсти кипели.

Молодые люди встали. Паркер покачал головой.

— Смотрю я на все это,— в его голосе послышалось удивление, которое, казалось, он только сейчас испытал,— и совершенно не понимаю, зачем люди идут на преступления. Простите мне мою профессиональную ущербность, но преступление как-никак очень серьезное событие в жизни убийцы, чаще всего решающее. Зачем убивать? Зачем уничтожать другого человека, если и он, и я, все мы так

[1] Э. Ионеско. «Стулья». Перевод М. Кожевниковой, см. сб. «Лысая певица». «Библиотека «Иностранной литературы», 1990 г.

безнадежно, так ужасно обречены на смерть? Разве не порядочнее было бы спокойно отбыть жизнь, стараясь, чтобы она была сносной и для нас, и для других, обреченных точно так же, как и мы? Ведь после этой пьесы мир представляется чуть ли не тюремной камерой, из которой есть только один выход: на эшафот. А в камере должна царить солидарность.

— Убийца рассуждает похоже, но чуточку иначе,— возразил Алекс.— Если он даже и мыслит подобно Ионеско, полагая, что все люди должны исчезнуть и после них не останется ничего личного, то он может прийти к выводу, что в таком случае можно убивать людей, которых ненавидишь, поскольку это лишь ускоряет их неизбежный конец, но вместе с тем скрашивает его собственную жизнь. У всякого преступления есть некий главный мотив. Уничтожая кого-нибудь, убийца что-то приобретает: сокровища, любовь, удовлетворяет свой инстинкт мести. Порой это больше, чем самооборона, порой это страсть. Но любой из подобного рода мотивов может быть истолкован как абсолютная необходимость, и чем больше литература будет убеждать людей в том, что их существование преходяще, что оно не так уж и важно, тем больше появится у убийц оснований оправдывать себя в собственных глазах. К счастью, убийцы редко выходят из среды поклонников современной литературы.

— Довольно! — запротестовала Кэролайн.— Один из вас убивает людей на бумаге, а другой ловит убийц в жизни. Но помните, девяносто девять процентов людей на свете никогда не видели убитого человека, и если бы не газеты, никогда и не слышали бы о нем. Преступления всегда случаются где-нибудь далеко, и никто не верит в них всерьез, пока сам не столкнется с ними лоб в лоб. Отношение к преступлению не входит в круг тех основных черт, которые формируют мировоззрение человека.

— Не очень-то я в этом уверен,— заметил инспектор.

Помолчали.

— Переменим тему,— предложила Кэролайн,— надо признать, что и режиссура замечательна. Но Винси в роли Старика превосходит самого себя.

— Раз так, мы займемся похвалами Эве Фарадей. Ты знаешь, что ей 25 лет? — подхватил Алекс.— Огромный талант.

— Да, но...

В зале стемнело. Кэролайн впилась глазами в опущенный занавес, словно хотела пробуравить его взглядом и отыскать за ним героев спектакля. Зажглись прожектора.

Перерыв не задержал развития действия. В антракте на сцене появились стулья, это были целые горы и ущелья из стульев, среди которых, словно в кошмарном пейзаже, двигались актеры. Толпа воображаемых гостей приобрела уже фантастические размеры. Двести, триста стульев... а старики все втаскивали и втаскивали новые. Напряжение росло. Старик и Старуха разговаривали с отсутствующими, корили их, осыпали похвалами, провожали к предназначенным для них местам. Но Алекс, который не спускал глаз с актеров, почувствовал несколько иной тон, чем в первой части спектакля. Винси стал резче, он был больше символом, чем человеком, он произносил свой текст, словно хотел сказать зрителю не «Это Я, актер, и вот я вживаюсь в образ, который вы видите!» — а скорее так: «Я только изображаю этого Старика и с его помощью хотел бы поделиться с вами мыслью автора!»

Алексу больше пришлось по вкусу второе решение. Оно было менее мелодраматическим и ближе современному, думающему человеку. А вот Эва Фарадей немного терялась в своей роли и, казалось, не выдерживала бремени той честолюбивой концепции, которую она отстаивала в первой части спектакля. Но, может, это только блистательная, с каждым мгновеньем набиравшая силу игра партнера попросту отодвинула ее на второй план? Под феерическими лучами человеческой мысли, которые исходили от Винси, она немного поблекла.

Финальная сцена самоубийства обоих стариков превратилась, однако, в настоящий концертный дуэт. Их прощание на подоконнике, а потом прыжок в шумящее внизу море потрясали. Так кончает всякий человек, говорил зрителям Ионеско, вне зависимости от того, много или мало сил вложит он в собственную жизнь и насколько она у него удастся. Но Винси так выполнил свой самоубийственный прыжок, что он неожиданно производил впечатление вызова и веры, оптимизма и дерзкой

наивности. Прыжок в будущее, не в небытие. Эва Фарадей свалилась, словно вещь, которая принадлежит человеку.

Ветер вынес теперь оконные занавески на сцену, и они трепыхались, как флаги. Лампы стали постепенно накаляться, потом загорелись, и свет их, отражаясь от белых, голых стен декорации, бил зрителям прямо в глаза. В огромные двери в центре задника вошел тот, которому предстояло передать миру мысли и идеи Старика.

Вошел Оратор. Одет он был точно так же, как и Старик, но маски на нем не было. Большая черная шляпа покрывала его голову. И только теперь разыгралась настоящая драма. Изо рта Оратора вырвалось нечленораздельное бормотание. Несколько раз приступал он к тому, что должно было стать его речью. Потом смирился и беспомощно огляделся по сторонам. Подле него стояла огромная черная доска. Оратор взял мел в левую руку и попробовал писать, но и буквы стали складываться в такое же бормотание, содержанием которого могло быть только одно: «Ни в чем нет никакого смысла, существование человека бессмысленно, оно трагично из-за его бессилия действовать и его бессилия договориться...»

Занавес медленно опускался. Какое-то время в зале еще удерживалась сосредоточенная тишина. И наконец она взорвалась громом рукоплесканий.

Занавес взметнулся ввысь, посреди сцены стоял Оратор. Овации явно предназначались ему как режиссеру этого потрясающего спектакля. Оратор — Генри Дарси — сдержанно поклонился. Но публика не переставала аплодировать. Ждали двух героев вечера.

Занавес упал и вновь пошел вверх. Из левой кулисы на сцену легкой, молодой походкой вышла Эва Фарадей. Маску она держала перед собой. Актриса стояла выпрямившись, давая публике возможность рассмотреть свое красивое, чистое лицо, так не похожее на то, которое она держала в руке и которое еще минуту назад казалось чуть ли не ее собственным. Рукоплескания опять загремели и стихли. А потом снова набрали силу.

— Вин-си! — раздался чей-то крик, его поддержали другие голоса: — Вин-си! Вин-си! Вин-си!

Все взгляды обратились к правой кулисе, из которой, по законам сценической симметрии, он должен был выйти.

Занавес упал еще раз и еще раз поплыл вверх, но на сцене по-прежнему были только Эва Фарадей и Генри Дарси. Публика аплодировала неутомимо. Восклицания «Вин-си! Вин-си!» сбивали ритм рукоплесканий и снова растворялись в них. Еще трижды поднимался и опускался занавес, Эва Фарадей и Генри Дарси стояли неподвижно, словно пристыженные овацией, устроенной отсутствующему. Наконец занавес опустился в последний раз. В зале зажгли свет. Стивен Винси так и не появился. Несколько разочарованная публика неспешно двинулась к выходу.

— Странно все-таки,— говорила Кэролайн, просовывая руку в рукав пальто, которое подавал ей Паркер,— вроде бы для людей, так упорно добивающихся признания публики, появление на сцене в минуты подобного триумфа должно быть настоящим удовольствием. Я много раз видела Винси, и у меня сложилось впечатление, что ему это ужасно нравится. На некоторых спектаклях он даже вел себя немного старомодно. Прикладывал руку к сердцу, кланялся низко, как это делали актеры в прошлом веке. А ведь такую стихийную овацию и припомнить трудно. Зал ведет себя подобным образом нечасто. А Винси сегодня не вышел.

— Может, у них это такие штучки...— предположил Алекс.— Если уж, мол, я вам так нравлюсь, сделаю-ка вид, будто мне ваши хлопки безразличны. И тогда, дескать, помимо восхищения я заслужу и ваше уважение. Может, он и так рассуждает. А может, просто куда-нибудь торопился? На свидание или на поезд?

Они вышли в толпе зрителей, возбужденных еще больше, чем в антракте. Сели в машину. Клуб «Зеленое перо», членом которого состоял Алекс, был довольно далеко от Камерного театра, и они добрались туда только через четверть часа. Ехали молча, каждый думал о спектакле. Только когда устроились за столиком на удобных, мягких стульях и Алекс заказал закуску, настроение поднялось.

— Я вам очень признательна за приглашение,— начала разговор Кэролайн, обращаясь к Паркеру.— Незабываемый вечер. Думаю, мы еще не раз вспомним его... Да, но я забыла, что наша экспедиция скоро отправляется в путь...— Она задумалась на мгновенье, а потом посмотрела на Алекса.— А может, господа, вы приедете туда, когда инспектор получит отпуск?

Паркер улыбнулся.

— Мы знакомы без малого двадцать лет, вот этот самый Джо Алекс и я, вместе пережили тысячи печальных и веселых приключений. Но в Иране вместе еще не бывали. Я, разумеется, не говорю об удовольствии, какое доставила бы мне встреча с вами. Программа экспедиции уже разработана и утверждена? Я о том, знаете ли вы уже, что́ хотите откопать и где конкретно?

Завязался разговор об археологии, и Алекс с удовольствием и некоторым удивлением слушал Кэролайн, которая из хорошенькой, не очень умной и не слишком сообразительной девушки вдруг преобразилась в человека, способного весьма уверенно рассуждать об очень сложных вещах и обрушивать на собеседника, словно из рога изобилия, даты и факты, относящиеся ко временам, о коих сам он имел туманное представление, вынесенное из школы и чтения брошюр на исторические и географические темы. Кэролайн-ученый, Кэролайн-исследователь была совершенно не похожа на Кэролайн в вечернем платье с глубоким декольте и длинным хвостом волос, укрепленным высоко на затылке. Казалось, одна Кэролайн должна быть уродлива, умна и носить очки в проволочной оправе, а другая — мило щебетать о модной современной пьесе, восхитительно танцевать и служить неотягощающей радостью для мужчины, в поте лица своего зарабатывающего хлеб. До сих пор Алекс видел перед собою только вторую, теперь же понял, что Кэролайн была, честно говоря, пообразованнее его самого. Джо ни разу не перебил ее. Слушал, как она объясняла Паркеру старые проблемы Ближнего Востока так понятно и легко, а вместе с тем так обстоятельно, что в беседе с невеждою проявился ее огромный педагогический талант. Она и сама увлеклась, конский хвост начинал ходить ходуном, когда она раскачивала головой, сидевшей на тонкой, нежной шее, синие, молодые глаза то загорались, то задумчиво затуманивались. Паркер тоже слушал ее с напряженным вниманием. Кэролайн оборвала себя и рассмеялась.

— Налей мне чего-нибудь, Джо! — попросила она.— Я зарапортовалась. Археология не только моя профессия, но и великая, единственная любовь. Я могу заморочить ею голову кому угодно, если он мне только это позволит сделать.

И Джо вдруг сообразил, что она еще никогда не говорила с ним об этих проблемах... «Я, видно, ей не позволял»,— удивленно подумал он.

— Кэролайн,— сказал он,— ты самая большая неожиданность этого вечера!

Но он ошибся, ибо именно в этот момент над их столиком склонился официант и тихо произнес:

— Господина Паркера просят к телефону.

— Прошу прощения.— Инспектор встал и отошел от столика.

— Кэролайн,— проговорил Джо — о, моя прекрасная Кэролайн!

— Правда? Я не уродливая? Я тебе немножечко нравлюсь?

— Больше жизни! — серьезно ответил Алекс.

Она засмеялась.

— Нет. Не бойся. Я не поймаю тебя на слове и не выйду за тебя замуж. Так будет лучше. Мы принадлежим друг другу ровно в той мере, в какой сами этого хотим. И никто нас ни к чему не принуждает. Если бы я вышла за тебя, мне пришлось бы вечно вытирать пыль и открывать окна. А когда я делаю это сейчас, надеюсь, есть в этом немножечко женского очарования, ведь в конце концов я все равно отправляюсь к себе, в свой собственный дом, а ты остаешься один и можешь делать, что тебе заблагорассудится. Но с тобой мне хорошо...

— И мне с тобой...— подхватил Джо Алекс.— Пора бы уже и домой. .Ты заваришь чай, и мы послушаем музыку по радио. Знаешь, такой тихий джаз.

— Ох, изумительно. А потом мы заснем, а радио будет играть до самого утра... Когда проснемся, оно тихонечко расскажет нам о выращивании свеклы или о съезде почтовых чиновников. Отлично, Джо! Покончим с ужином и поедем...

Но она ошиблась, к столику уже подошел Бен Паркер и, не садясь, проговорил:

— Вам придется меня извинить, но я ухожу.

— Чего так? — спросил Алекс.— Неужели твоя служба не может и на час оставить тебя в покое? Что-нибудь стряслось?

— Да,— ответил Паркер. Сел, придвинулся к ним поближе и тихо сказал: — Стивен Винси, исполнитель роли Старика в сегодняшнем спектакле «Стулья», только что обнаружен в своей театральной уборной *с кинжалом в сердце*.

III. Помни, у тебя есть друг

Кэролайн замерла с поднесенной к губам рюмкой вина, потом осторожно поставила ее на стол, но так и не проронила ни слова.

— Как это? — Джо вскочил и тут же опять сел.— Когда это произошло? Ведь...— он осекся.— Уже известно, кто его убил?

— Пока не известно ничего. Сейчас сюда за мной придет машина. Сержант Джонс уже на месте. Ночной вахтер обнаружил труп и сразу позвонил директору театра, мистеру Дэвидсону, а тот знает меня, так что он немедленно набрал мой номер в Скотленд-Ярде. Дежурил сержант Джонс. Я приказал ему ехать на место преступления, благо от нас до Камерного театра рукой подать, а потом отослать машину сюда. Она вот-вот должна быть здесь...— Паркер взглянул на часы, потом на Алекса.— Хочешь поехать со мной, Джо? — спросил он безо всяких предисловий.

— Я? Конечно, если ты полагаешь, что...

— Твое знание этой среды может очень пригодиться. Ты гораздо лучше меня знаешь театр. Кроме того, мы сегодня были там с тобой на спектакле.— Он повернулся к Кэролайн: — Извините, мисс Бикон, я, наверное, веду себя очень невежливо. Мы пришли сюда все вместе, а теперь вдруг покидаем вас оба... Но...— он развел руками.

— Разумеется! — Кэролайн поднялась.— Пошли. Дай мне только ключи от твоей машины, Джо. Я поеду домой, а утром приведу ее тебе...— Когда Паркер отправился в гардероб за пальто, она тихо добавила: — Давай скорее ключи от твоей квартиры, мои — в твоем чемодане.

— Подожди меня...— Джо коснулся ее руки.— Я не могу отказать Паркеру, и кроме того... через час я уже наверняка буду дома.

— Нет. Не будешь, но это не беда. У мужчин свои страсти, как и у женщин. Я буду спать без задних ног, когда ты придешь. Разбуди меня, ладно? Я заварю чай, и мы послушаем джаз, ты же этого хотел. Это тебе непременно поможет, ведь через несколько минут тебе предстоит взглянуть на мертвеца. Человеку не дано безнаказанно смотреть на мертвецов. Это всегда напоминает нам о самом очевидном... Господи, я, кажется, ужасно устала... Какой же это кошмар... Убили человека, которого мы видели и которому хлопали два часа назад... а я думаю о том, чтобы лечь и уснуть. Меня, конечно же, доконало это путешествие... Давай ключи! — поспешно добавила она, видя, что Паркер уже несет им пальто.

Джо незаметно передал ей ключи.

— До свидания, Кэрри,— он улыбнулся ей сердечнее, чем сам того хотел. Их отношения не отличались особой сердечностью. Они считали себя приятелями, порой друзьями, но влюбленными — никогда.

Вышли все вместе. Девушка села в машину Алекса и запустила мотор. Помахала им обоим рукой, и автомобиль рванулся, словно торпеда. На перекрестке он едва не столкнулся с большим черным лимузином, который, визжа покрышками, вывернул на полном ходу из-за угла и подкатил к Паркеру.

— Садись! — крикнул Бен.

На сей раз путь в театр оказался много короче. Машина летела так, будто они ехали не по городу, а по глухому деревенскому проселку. Дважды, приближаясь к оживленным перекресткам, водитель включал сирену, и машина неслась дальше, едва не чиркая по бамперам резко тормозивших автомобилей.

— Восхитительная девушка! — ни с того ни с сего проговорил Паркер.

— Что? — встрепенулся занятый своими мыслями Алекс.— Кто?

— Мисс Кэролайн Бикон. Я еще не встречал женщины, которая, услышав подобную новость, не задала бы сотни нелепейших вопросов. А она молча села в машину и укатила. Сокровище!

— Ты в самом деле сейчас над этим раздумывал? — удивленно спросил Алекс.

— Нет. Но мне не хочется думать об убийстве, пока я не узнаю побольше. Ничто так не мешает следствию, как заранее сложившееся подозрение или предубеждение. Тогда человек невольно стремится подтянуть факты к своей версии, а это может привести к роковым последствиям, поскольку острота зрения притупляется и легко разминуться с правдой, которая выглядит совсем не так, как мы поначалу думали. Вот я и стараюсь отвлечься от этого убийства. В газетах начнется большой шум... Легко ли, трудно ли это будет, все равно мне хотелось бы через двадцать четыре часа посадить убийцу за решетку...

— Ты даже еще не знаешь, может, есть уже факты, которые позволят тебе посадить его за решетку через полчаса.

Паркер покачал головой.

— Мне уже теперь это не очень нравится. Если актер не вышел кланяться, а потом остался в своей уборной, и никто из коллег и даже костюмеров не обратил внимания на то, что происходит нечто неладное, стало быть, убийца действовал не в состоянии аффекта, но расчетливо, выбрал подходящий момент, чтобы замести все следы... Не будем, однако, забегать вперед, сначала факты.

— Вот именно. Не стоит опережать события. Он ведь мог погибнуть и через час после спектакля. К нему мог кто-нибудь прийти, кто-то мог подстеречь его...

Паркер приложил палец к губам.

— Не будем гадать. Подождем.

Машина резко притормозила. Выглянув в окно, Алекс понял, что они миновали фасад театра и теперь сворачивают в какую-то крохотную улочку. Еще с десяток ярдов — и приехали.

Паркер и Алекс вышли из машины. Прямо перед ними — боковой вход в Камерный театр. Улочка узкая и тихая. Несколько каменных ступенек вели к застекленным, предохраняемым тонкой работы решеткой дверям, подле которых сверкала табличка: КАМЕРНЫЙ ТЕАТР. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖАЩИХ ТЕАТРА. Паркер стремительно ринулся вверх, перескакивая через две ступеньки. Визг тормозов выманил из дверей рослого, плечистого парня в полицейском мундире.

— Вы к кому, господа?..— полицейский осекся и, отступив на шаг, вытянулся в струнку и отсалютовал: — Добрый вечер, господин инспектор. Извините, не узнал вас.

— Добрый вечер, Макгрегор,— ответил Паркер и огляделся по сторонам.

Вход в театр освещался сильной лампой над затянутым желтой занавеской окошечком в комнатушке вахтера. Дальше несколько ступенек вверх, там маленькая площадка. Слева закрытая дверь с надписью: «Гардероб технического персонала», затем уходящий влево коридор. Оттуда вынырнул молоденький круглолицый сержант Джонс.

— Добрый вечер, шеф! — он заметил Алекса, и брови у него поначалу удивленно поползли вверх, но тут же лицо его просветлело: — Добрый вечер! Опять мы с вами встречаемся в кошмарных обстоятельствах. Пожалуй, новая книжка получится, правда?

— Джонс! — оборвал его Паркер.— Свои литературные интересы вы удовлетворите в нерабочее время. А теперь выкладывайте, что тут произошло.

— Слушаюсь, шеф! Тело обнаружил ночной вахтер...— Джонс скосил глаза на часы,— двадцать минут назад, в двенадцать ноль пять, когда, сменив коллегу, он обходил здание, проверяя, все ли в порядке и не оставил ли кто непотушенного окурка. Он сразу же позвонил директору Дэвидсону, который связался с нами. Директор Дэвидсон у себя в кабинете и ждет вас, шеф, как вы хотели. Стивен Винси был убит ударом кинжала, судя по тому, что я видел. А может, и покончил с собой, хотя на это и не похоже. Он лежит в своей артистической на кушетке. Пока мне больше нечего добавить. Врач, фотограф и эксперт оповещены и сейчас будут здесь. Ни директор Дэвидсон, ни вахтер никому о преступлении не говорили, так что, кроме нас и их, пока никто ничего не знает.

— Знает еще один тип, который всадил кинжал в Стивена Винси,— мрачно усмехнувшись, добавил Паркер,— но, будем надеяться, он скоро узнает, что есть множество куда менее приятных для него вещей, чем убийство актеров в их уборных. Пошли!

Они поднялись по ступенькам и свернули в коридор. Там была только одна дверь, с левой стороны, довольно далеко от выхода, затем еще один коридор, поперечный. Напротив стена, а на ней огромная черная надпись: «ТИШИНА!».

— Это там, шеф! — сказал Джонс, показывая на единственную в коридоре дверь. Перед нею стоял широкоплечий мужчина в штатском. Завидя инспектора, он вытянулся.

— Уборная Винси?

— Да, шеф!

— Стивенс!

Человек в штатском подошел и встал по стойке «смирно».

— Идите к директору Дэвидсону, который ждет меня, и скажите, что ему придется подождать еще, мне надо покончить с кое-какими формальностями.

— Слушаюсь, шеф!

Детектив Стивенс исчез в конце коридора, свернув направо.

— Где ночной вахтер, тот, который обнаружил тело?

— Он у себя. Но я приказал ему сидеть за закрытой занавеской и не шастать по зданию. Дожидается, когда вы его вызовете, шеф. Пригласить?

— Еще рано. Мы осмотрим место преступления, пока нет врача и других. Пусть нам никто не мешает, Джонс. Предупреди меня, когда они приедут. Пойдем, Джо.

— Слушаюсь, шеф,— ответил Джонс.

Паркер подошел к неплотно прикрытой двери на левой стороне коридора и легонько толкнул ее ногой. Узенькая полоска яркого света выпрыгнула в коридор. Инспектор пропустил вперед Алекса, заботливо оберегая дверную ручку.

В артистической Стивена Винси было необычайно тесно. Освещали ее лампа в несколько сот свечей, висевшая под потолком, и еще две яркие лампы по обеим сторонам большого зеркала на низеньком туалетном столике, перед которым стоял удобный прямой стул с высокой спинкой. Справа огромный, почти во всю стену, закрытый двустворчатый шкаф. Слева столик и два небольших стула, а против двери кушетка, обтянутая светлой цветастой тканью.

На кушетке лежал Стивен Винси. Он вытянулся во весь рост, левую руку положил на сердце, правая безжизненно свисала к полу, касаясь его. Рядом с ним, перед кушеткой, стояла огромная корзина красных роз, стройных и элегантных, как балерины.

Инспектор подошел к кушетке и наклонился над телом. Подошел и Алекс, стоя, с минуту они молча разглядывали покойника.

Лежавшая на груди рука убитого обхватила рукоятку позолоченного кинжала, словно хотела вырвать его из груди или же отдыхала, нанеся самоубийственный удар. Это был, по-видимому, последний, импульсивный жест умирающего: стремление освободиться от торчавшего в груди чужеродного тела. Рана наверняка страшная, кинжал вошел в грудь по самую рукоятку.

— На самоубийство не похоже...— пробормотал Паркер.— Когда человек лежит навзничь, ему непросто так глубоко всадить нож в собственную грудь. Скорее, его убили... Врач, пожалуй, скажет то же самое... Хотя, разумеется, было бы лучше, если бы это оказалось самоубийством...— Он немного помолчал и опять забормотал: — Было бы куда как лучше... Когда человек лишает себя жизни сам, он хоть и совершает глупость, но отнимает у себя то, что принадлежит ему. Но вот когда он отбирает жизнь у другого...— Паркер снова смолк.— Да. Все-таки это, пожалуй, убийство. Убийца наклонился и ударил сверху, всей тяжестью своего тела умножив силу удара. Винси умер мгновенно... А ты что думаешь?

Алекс промолчал, продолжая вглядываться в красивое, почти совершенно спокойное лицо мертвого актера. Редкая седина на висках. Густые, темные брови. Большой, чувственный рот. Прямой, великолепный нос. Как же не похоже это лицо на то, которым была его маска вечером на спектакле. То — старое и неподвижное. Это, даже мертвое, выражало жажду жить...

Винси лежал в своем странном одеянии, полувоенном, полустариковском. Серая мешковатая, бесформенная блуза с жесткими эполетами на плечах. Брюки с красными лампасами, и шлепанцы на ногах. Вокруг того места, где торчал кинжал, виднелась узенькая темная влажная каемочка. Больше крови нигде заметно не было. Но на правой стороне груди — на светло-серой ткани блузы — четко обозначилась яркая красная полоска. Паркер склонился над ней.

— Это ведь грим, да? — спросил Алекс, по-прежнему стоявший неподвижно.

— Да...— инспектор выпрямился.

— Никакого отношения к преступлению,— бросил Алекс.— Эта полоска появилась во время спектакля, когда Старуха обняла Старика и прижалась лицом к его груди... Эва Фарадей намного ниже... была намного ниже Винси, и она просто испачкала его...— Он показал на лицо актера.— Оба они сильно загримированы, поскольку режиссер в этом спектакле использует чрезвычайно сильные прожекторы. Присмотрись к нему: у него толстый слой помады на губах и щедро подведены

брови и ресницы. Хотя само лицо не накрашено, так как он играл в нейлоновой маске.

— Да...— Паркер опять склонился над Винси. Не прикасаясь к кинжалу, прочитал надпись на нем: — «Помни, у тебя есть друг».

— Что? — Алекс не понял. Не говоря ни слова, инспектор поманил его рукой. Джо наклонился. Вдоль рукоятки кинжала бежала выгравированная надпись, которую только что прочитал Паркер.

— «Помни, у тебя есть друг»,— инспектор почесал в затылке.— Надеюсь, это смерть не от руки члена какого-нибудь тайного общества или секты... Такого не бывает. Последний раз нечто подобное произошло в 1899 году. Двадцатый век куда менее романтичен. Люди убивают исключительно по мотивам личного характера. Подождем, однако... А может, все-таки самоубийство?

Не услышав в ответ ни слова, Паркер повернул голову, любопытствуя, что там с Алексом. Джо стоял перед корзиной с цветами и разглядывал розы.

— Изумительные...— прошептал он,— они тут решительно к месту. «Покойный утопал в цветах...» Так ведь об этом пишут в газетах? — Он еще раз оглядел корзину, потом нагнулся. Затем улегся на пол возле кушетки.

— Ты чего? — спросил инспектор.— Смотри ни к чему не притрагивайся.

Алекс молча покачал головой, потом полез под кушетку, стараясь рассмотреть слегка согнутую, касающуюся пола руку покойника с другой стороны.

— Он что-то держит...— проговорил Алекс,— какой-то смятый листок бумаги.

— Да? — Паркер опустился на колени.— С этим, к сожалению, придется подождать. Я не хочу ничего трогать до прихода эксперта и врача...

Раздался стук в дверь, в комнату втиснулось круглое лицо сержанта Джонса.

— Все уже в сборе, шеф: врач, фотограф и эксперт.

— Давай их сюда,— бросил Паркер, направляясь к двери, и вышел в коридор. Алекс стряхнул пыль с костюма и осмотрелся.

Чего-то в этой картине не хватало. Но чего? Чего? Он замер, стал переводить взгляд с предмета на предмет, морща брови и стараясь поймать замаячившую было у него в мозгу мысль, но она никак ему не давалась. Алекс потер лоб. Он не знал. А ведь готов был поклясться, что знает, что вот-вот завопит: «Знаю!»

Он подошел к двери и, еще раз оглянувшись на труп Стивена Винси, вышел в коридор, где Паркер приглушенным голосом инструктировал группу окруживших его людей.

— Посмотрим, господа! — сказал инспектор.— Я прежде всего хочу увидеть листок, который покойник держит в руке. Позовите меня, когда можно будет его взять. Я не буду входить туда и мешать вам, и так достаточно людей будут одновременно толочься в артистической.

Он кивнул Алексу, и они направились к комнатушке вахтера.

IV. В театре его все ненавидели

Они подошли к комнате вахтера, инспектор открыл дверь и взглядом приказал дежурному полицейскому удалиться. Тот поправил ремешок под подбородком и исчез.

Паркер сел и жестом предложил занять место на другом стуле седому, бледному человеку, который вскочил на ноги, когда они вошли.

— Вы ночной вахтер этого театра, не так ли?

— Да, господин инспектор! — старик сорвался со стула, на который только что присел, но инспектор жестом опять вынудил его сесть.

— Как ваша фамилия?

— Соумс, господин инспектор, Джордж Соумс.

— Вы давно здесь работаете?

— Тридцать восемь лет, господин инспектор.

— В этой должности?

— Да, господин инспектор.

— Расскажите-ка нам, как вы обнаружили труп.

Паркер вытащил блокнот. Алекс стоял, прислонившись к стене и разглядывая лицо вахтера. Смерть Винси, а может, и сам факт, что это он первым обнаружил труп, явно произвели на Соумса сильное впечатление.

— Ну, стало быть, господин инспектор, я, как обычно, пришел в двенадцать, чтобы сменить Галлинза...

— Галлинза? Это что, дневного вахтера?

— Да, господин инспектор, раз в две недели у нас очередность дежурств меняется, то он выходит в ночь, а я работаю днем, то наоборот.

— Ясно. Пришли вы, значит, сменить Галлинза и что?

— Я вошел, господин инспектор, а он уже ждет. Поговорили мы чуток о том о сем, как обычно...

— Сколько времени вы так разговаривали?

— Может, с минуту, господин инспектор, может, две. Потом он ушел, а я запер за ним дверь и поднялся наверх, чтобы обойти все артистические уборные и сцену, так у нас по инструкции положено. Надо постоянно проверять, не оставил ли кто непотушенную сигарету и нет ли где короткого замыкания. Это же театр, господин инспектор, тут много людей работает, а среди них может попасться какой-нибудь рассеянный... Бывает, где-нибудь несколько часов тлеет, прежде чем пожар разойдется...

— Понятно. Значит, вы начали обход...

— Я открыл дверь в гардероб для технического персонала и заглянул туда, потом пошел дальше...

— А если бы в тот момент кто-нибудь позвонил в театр, что тогда?

— Знаете, господин инспектор, по ночам обычно ни у кого нет причин приходить в театр, если нет ночной репетиции. Но даже если бы что-нибудь такое случилось, то ночной звонок очень резкий, и когда в театре никого нет, его повсюду хорошо слышно, господин инспектор. Я бы наверняка не прозевал.

— Хорошо. Что было потом?

— Ну, пошел я дальше по коридору, и первая артистическая уборная по пути была как раз мистера Винси. Вижу в замочной скважине свет, и хотя Галлинз мне не говорил, что мистер Винси еще тут, я все-таки решил постучать. За тридцать восемь лет в театре я всякого навидался. У мистера Винси мог кто-нибудь быть. У актеров иногда случаются такие вот поздние гости. Дамы какие-нибудь, которые приходят... Знаете, господин инспектор, атмосфера артистических уборных так притягивает...

— Да. Знаю. И что же?

— Ну, я постучал. Никто не отвечает, я еще постучал. Когда и на этот раз никто не отозвался, я открыл дверь и решился войти, потому как подумал, что мистер Винси, выходя, наверное, забыл потушить свет.

— Дверь была заперта на ключ?

— Нет. Я только нажал на ручку, и дверь открылась. Я сперва подумал, что мистер Винси спит, а может даже, господин инспектор, и выпил чуточку через край. Я такое не раз видал. Тогда вызываешь такси и вместе с шофером укладываешь парня в машину, чтобы он проснулся у себя дома.

— Понятно. Но мистер Винси не спал...

— То-то и оно, господин инспектор. Так вот, когда я подошел и увидел, что у него этот кинжал всажен в сердце, я струхнул, всего прямо в дрожь бросило, не мог я ни пошевелиться, ни глаз от него отвести. Но потом взял себя в руки и решил посмотреть, может, он еще жив. Заставил себя дотронуться до него...

— К чему вы прикасались?

— Ко лбу, господин инспектор. Положил ему руку на лоб, но он уже был совершенно холодный. Я понял, что это труп, и у меня тогда волосы встали дыбом. Я же во всем здании один был, а убийца мог где-нибудь тут притаиться. Ну, я выскочил из уборной и давай со всех ног к себе, заперся на ключ и позвонил господину директору Дэвидсону, а потом так и сидел сиднем до прибытия полиции и господина директора, только молился и ждал...

— А за это время убийца, если он был в здании, мог улизнуть?

— Вы говорите, улизнуть, господин инспектор? — Старик задумался.— Никоим образом, господин инспектор. Два года назад театр перестроили, и все пространство за сценой теперь отгорожено от зрительного зала стеной из огнеупорного материала. В ней есть только три маленьких прохода из коридора за кулисы и в узенький коридорчик в фойе. Но там везде стальные двери и автоматические замки, а после спектакля помощник режиссера запирает их и отдает ключ вахтеру, так что выход только здесь. И на окнах решетки, еще с тех пор, когда тут был театрик комедии, пятьдесят лет назад... Ясно помню, мальчишкой тогда был...

— Минутку...— Паркер вышел в коридор, и Джо услышал, как он говорит Джонсу: — Возьмите людей и прочешите весь театр от подвалов до крыши, надо убедиться, не мог ли убийца выйти отсюда и нет ли где выломанной оконной решетки или двери.

— Слушаюсь, шеф!

Паркер вернулся в комнату вахтера.

— А этот Галлинз, ваш коллега, не мог ли он, скажем, проморгать кого-нибудь постороннего, не заметить его?

— Не знаю, господин инспектор. Думаю, нет, ведь отсюда всю лестницу видно, господин инспектор, а когда персонал уходит, дверь запирается, так что, пожалуй, нет.

— А зачем ему было запирать дверь, если мистер Винси еще не ушел?

— Вот этого-то я и не знаю, господин инспектор...— старик пребывал в нерешительности.— Она заперта была, когда я пришел...

— Можете ли вы еще что-нибудь добавить? — быстро спросил Паркер.

— Нет, нет, ничего...— Старик опять поколебался немного.— Нет, господин инспектор.

— Не забудьте, здесь убили человека! — инспектор встал и подошел к нему.— Если вы обратили внимание на какую-нибудь мелочь, пусть самую ничтожную мелочь, не скрывайте, даже если вам и кажется, что она не имеет никакого значения.

— Слушаюсь, господин инспектор,— вахтер суетливо вскочил и вытянулся в струнку.

— Садитесь,— Паркер положил ему руку на плечо и заставил сесть. Не убирая руки, склонился над вахтером.— Говорите, Соумс, только говорите всю правду, иначе вас могут привлечь к ответственности за сокрытие от полиции существенных для следствия фактов.

— Да это, господин инспектор... Это несущественно, так как...

— Об этом мне судить. Говорите же.

— Ну, господин инспектор, дело только в том, что у Галлинза вчера ребенок родился... ночью родился. Сыночек... И он всю предыдущую ночь не спал, а потом, разумеется, на работу пошел...

— Ясно. И что?

— Значит, когда я постучал в дверь, он не ответил. Пришлось звонить несколько раз. Только тут он и проснулся. Вы только не говорите господину директору Дэвидсону, а то Галлинза с работы выгонят... А он... жена ему как раз третьего ребенка родила. И это было бы для него ужасно.

— Понимаю. Об этом не узнает никто, кому этого знать не надо. А какое, по-вашему, это имеет значение?

— А такое, господин инспектор, что он, Уильям Галлинз, был обязан без четверти двенадцать обойти все артистические уборные и сцену, чтобы после этого передать мне театр. Такова инструкция. Коли спал, значит, не обошел. Так как, если бы обошел, обнаружил бы мистера Винси... Кроме того, он, конечно же, плохо соображал спросонья и не посмотрел на щиток, иначе бы заметил, что от одной уборной ключа нет. А если бы заметил, должен был проверить, почему это так. Все, уходя, ключи сдают. Ключи от артистических уборных всегда сдают костюмеры, они чуть позже уходят, чтобы привести в порядок костюмы. Не знаю, как обстояло дело сегодня. Наверное, мистер Винси отпустил Раффина...

— Кто такой Раффин?

— Оливер Раффин, костюмер, который в «Стульях» обслуживает мистера Винси.

— Ага, значит, по-вашему, Галлинз спал. А раз спал, мало ли что тут могло стрястись. Ведь так?

— Так, господин инспектор... Но вы только, пожалуйста...

— Можете быть спокойны. Речь идет о том, чтобы найти убийцу, а не о нарушении инструкции вашим коллегой, который очень утомился накануне ночью, ожидая появления своего потомка. Не бойтесь, ничего ему не будет, если он расскажет нам всю правду. И, будьте уверены, он ее расскажет. Директор Дэвидсон об этом не узнает.

— Благодарю вас, господин инспектор...— Старик поднялся.— Мне идти, господин инспектор, или оставаться до конца дежурства?

Паркер пристально посмотрел на него.

— Вы женаты?

— Вдов, господин инспектор.

— А дети у вас есть?

— Две дочки, господин инспектор.

— Они с вами живут?

— Нет, господин инспектор. Обе замужем. Одна в Швеции, а другая аж в Австралии. Ее муж нашел там работу...

— Так вы один живете?

— Да, господин инспектор.

— Хорошо. Ступайте домой, но вам нельзя и пикнуть никому об этом до завтра, пока утром сюда не явитесь. А теперь немного отоспитесь. Сегодня ночью в ваше отсутствие театр будет охранять полиция.— Он улыбнулся.— Но помните, вы обязаны молчать.

— Слушаюсь, господин инспектор.

— И не трудитесь предостерегать Галлинза о том, что полиции известна его чрезмерная склонность спать на работе, за ним все равно сейчас пойдет машина, она вас опередит.

Старик встал столбом, потом по его морщинистому лицу пробежала бледная улыбка.

— Но господин Дэвидсон не узнает, ведь правда?

— Я вам уже сказал.

— Ну, тогда я могу спокойно отправляться спать и буду держать язык за зубами. Покойной ночи, господа!

— Покойной ночи, Соумс!

Вахтер вышел. В окошечке показалось лицо дежурного полицейского. Паркер утвердительно кивнул. В дверь постучали.

— Это я, шеф! — отозвался сержант Джонс.— Прочесали театр, словно стог сена, но иголки нигде нет. Все двери и окна в порядке. У них тут даже сигнальное устройство есть, тоже не тронуто. Убийца должен был выйти здесь, через эту дверь.

— Хорошо. Пусть кто-нибудь немедленно поедет за дневным вахтером, Уильямом Галлинзом... У вас его адрес есть?

— У нас есть адреса всех служащих и всех актеров. Сию минуту за ним поедут.

— А когда его привезут, пусть дожидается меня здесь.

— Слушаюсь, шеф!

Паркер повернулся к Алексу.

— Сейчас я познакомлю тебя с господином директором Джоном Дэвидсоном, самодержавным властителем этого театра и моим постоянным поставщиком мест в первых рядах. Пошли.

Они двинулись по коридору мимо уборной Винси. Дверь в нее была прикрыта неплотно, судя по возне и голосам, там работали люди. Заслыша шаги Паркера и Алекса, из уборной выглянул врач и крикнул:

— Мне хотелось бы взять его к себе и провести тщательное вскрытие, правда, все ясно, кажется, и так.

— Ладно. Забирайте его. Самоубийство исключается, не так ли?

— Исключается. Никто не в состоянии нанести себе такой удар, лежа навзничь. Убит одним ударом. Смерть наступила мгновенно.

— И когда примерно он погиб?

— На глазок, между девятью и десятью, но, пожалуй, ближе к девяти, чем к десяти.

— В девять пятьдесят я еще видел его на сцене...— вежливо заметил инспектор,— и стоящий рядом со мною мистер Джо Алекс тоже его видел, я уж не говорю о восьмистах иных лиц, коих мы также можем взять в свидетели.

— Правда? — Брови врача поползли вверх.— В таком случае он, разумеется, должен был умереть позднее. Но не позже десяти, причем и этот срок кажется мне не очень-то правдоподобным. Мышцы головы уже начинают затвердевать, а ведь...— он посмотрел на часы,— сейчас только без четверти час.

— Это уже ваше царство, доктор...— Паркер поднял руки, словно отмахиваясь.— Ждем вашего диагноза. Мне хотелось бы как можно скорее узнать поточнее время его смерти.

— В таком случае я должен его забрать сразу, как закончат делать снимки.

— Хорошо, забирайте. Жду вашего звонка.

Врач покачал головой и вернулся в артистическую. Паркер и Алекс отправились дальше. Когда дошли до конца коридора, инспектор остановился. Они увидели следующий коридор, шедший поперек, одна его стена. судя по всему, примыкала к сцене, так как здесь были только четыре узеньких стальных двери с надписями: «ТИШИНА!». На другой — никаких надписей не было, потом, через несколько метров — еще один коридорчик, параллельный тому. по которому они пришли.

— Хорошо театр построен,— сказал Алекс,— нет ни одной двери против стены, за которой сцена. А значит, возможность того, что треск хлопающих дверей и шум разговоров будут слышны там, сводится к минимуму.

Они зашагали дальше. Во втором коридорчике, которым они прошли, было по три двери с каждой стороны. Затем опять голая стена и, наконец, открытая дверь с табличкой: «ГАРДЕРОБ БЕЛЬЭТАЖА. ДИРЕКЦИЯ. БУФЕТ». В дверях стоял детектив в штатском, вытянувшийся при виде Паркера. За дверями начиналась крутая лестница на второй этаж. Они поднялись вверх, миновали буфет, утопавший во мраке, затем еще несколько дверей и в конце концов оказались перед последней, на которой было написано: «ДИРЕКЦИЯ». Паркер постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь.

— Прошу вас, господа, заходите! Очень рад...— директор Дэвидсон был высокий, смуглый мужчина с продолговатым, нервическим лицом. Он стремительно встал из-за стола и подошел к Паркеру, подал ему руку, затем бросил взгляд на Алекса.

— Это господин Джо Алекс, известный автор детективных романов и мой неофициальный сотрудник,— откровенно признался Паркер.

— Ну, кто же вас не знает,— директор Дэвидсон сердечно потряс руку Алекса.— Я прочитал, кажется, все ваши книги! Я всегда говорю, что для деловых людей детектив больше, чем отпуск. Можно отдохнуть парочку часов и подумать о чем-нибудь, что не имеет отношения к этим проклятущим делам...— Он обратился к Паркеру.— Господи! — воскликнул он.— Боже ты мой! Что вы на все это скажете, господин инспектор?

— Что скажу? — Паркер, как он это любил делать, беспомощно развел руками.— Сначала мне хотелось бы от вас услышать, что обо всем этом думаете вы? Ведь вы здесь занимаете такое место, что все нити театральной жизни сходятся на этом столе. Не могли бы вы, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать нам покойного, охарактеризовать его отношения с коллегами, рассказать о последних событиях тут и так далее. Может, у покойного были враги? Может, случилось что-то такое, что позволит хоть чуточку прояснить дело? Прежде, чем я начну допрашивать актеров и служащих театра, мне нужно, чтобы вы поделились с нами своими мыслями обо всем этом.

— Что я об этом думаю? — директор привычным жестом указал на глубокие, обитые кожей кресла, подвинул коробку сигар. Затем потер рукой подбородок.— Сказать откровенно, я размышляю обо всем этом уже битый час, с той самой минуты, когда Соумс позвонил мне... Были ли у Винси враги? Были. Если честно, Винси все в театре ненавидели, и я знаю нескольких человек, которые, пожалуй, могли бы совершенно спокойно убить его. Еще сегодня утром у меня было сильное желание спустить его с лестницы...— он осёкся.— Страшно так говорить о покойном!

— Еще страшнее не говорить о покойном, когда убийца находится на свободе, а действия полиции зависят от того, сколько информации ей удастся собрать,— сухо проговорил Паркер.— Расскажите-ка нам коротко все, что, с вашей точки зрения, может быть существенно: расскажите о Стивене Винси, о его работе и отношениях с людьми в театре.

Дэвидсон раздумывал с минуту. А затем начал свой рассказ.

V. Рассказ директора Дэвидсона

— Я в состоянии рассказать и очень много, и очень мало, как мне представляется. Мне не известно ничего, что могло бы навести хотя бы на след убийцы, но я знаю очень много о самом Винси и его отношениях с людьми.

— Может, для начала вы попробуете набросать нам его психологический портрет, хорошо? — тихо заметил Паркер.— Мне все это хотелось бы как-то собрать воедино...— с извиняющейся улыбкой добавил он.— Первым делом мне надо знать, что он был за человек, затем, что вам известно о его личной жизни и, наконец, как складывались его отношения с коллегами и дирекцией здесь, в театре, договорились?

— Хорошо. Тогда начну с первого пункта: что за человек был Стивен Винси...— Директор задумчиво помолчал.— Очень трудно ответить на этот вопрос. Я не знаю, можно ли вообще применительно к Винси говорить об определенном психологическом типе, то есть о том, обладал ли он сложившимся, твердым характером, хотя вроде бы и должен уже был им обладать, ведь ему вот-вот стукнуло бы пятьдесят. Очень самонадеянный, даже надменный, но такое вообще свойственно многим актерам, это скорее их профессиональная, а не его личная черта. Она вырабатывается как реакция самозащиты. Человек, которому постоянно устраивают очную ставку с сотнями зрителей, чью благосклонность он всю жизнь всякий раз стремится завоевать заново, должен верить, что стоит большего, чем другие, что он незаменим, что он неповторим. Только наиболее интеллигентные актеры знают о собственных недостатках, хотя и они признаются в них неохотно. Но Винси интеллигентен — в расхожем смысле этого слова — не был. По-актерски хитрый, он умел разговаривать с людьми, очаровывать, когда хотел кого-нибудь привлечь к себе. Но мне кажется, вряд ли можно было бы его назвать глубокой натурой. Откровенно говоря, я считал его человеком весьма ограниченным. У него не было также того, что мы называем этикой поведения. То, что могло принести ему выгоду, было для него важнее всего, и он всякую минуту был готов на любое свинство, чтобы только поправить свои дела. Знаю, что лет пятнадцать назад он был замешан в каком-то карточном скандале, правда, его замяли. Жулил за покером, и его схватили за руку. И еще я знаю, что его содержала жена одного очень богатого человека, с которой он жил исключительно из-за денег. Она давала ему большие суммы, но он промотал их, как промотал полученные от нее «роллс-ройс» и дом в пригороде. Но это тоже старая история. Примерно десятилетней давности. Самое паршивое во всем этом то, что Винси, не таясь, направо и налево рассказывал всем, кто хотел и кто не хотел его слушать, об этой женщине во всех подробностях. Ему, по-видимому, казалось, что она подобным образом воздает должное его красоте и актерскому искусству. Он, кстати, был очень способный, тут спору нет, но не гениальный артист. По-настоящему великим он так и не стал. По-моему, ему мешали как раз его тщеславие и неумение подчиняться хорошим, думающим режиссерам. Он был актер старой школы, куда более старой, чем того позволяла дата его рождения. Эдакая звезда прошлого века, те ни во что не ставили автора пьесы и ее текст, партнеров и целостность представления, а также его главную мысль, их занимала лишь собственная персона на сцене. Винси крайне болезненно воспринимал малейшую попытку хоть чуточку затмить его в какой-нибудь мизансцене, в которой выдвижение его на первый план было бы бессмыслицей. Он не любил подчиняться режиссерской концепции, что во второй половине двадцатого века вряд ли позволит ему когда-нибудь сыграть великие роли, ибо никому не хочется, чтобы актер не вписывался в общий замысел, мешал нормально вести репетиции. Может, потому он и не попал ни в один крупный театр и никогда не войдет в историю английской сцены, хотя, как знать, у него были к этому определенные основания, поскольку талантом он обладал незаурядным. В «Стульях» он великолепен, хотя если бы вы спросили мистера Дарси, он порассказал бы вам, как с ним намучился. Вся концепция этой роли принадлежит не ему, а Дарси. Но вернемся к психологическому портрету Винси, я думаю, человек он был слабый, ограниченный и бессовестный. Но в обаянии ему не откажешь, особенно в отношениях с женщинами, которые очень много помогли ему в жизни и, полагаю, много принесли ему бед, испортив его... Скандалов и скандальчиков с дамами у него было хоть отбавляй.

— Так,— Паркер задумался.— Не думаете ли вы, что у Винси были какие-нибудь связи с преступным миром?

— Пожалуй, нет. Не думаю. У него к этому не было никаких причин. Ну, разве что... Но и это никакая не улика...

— Что? — заинтересовался Паркер.

— В последнее время, примерно с неделю, Винси превзошел самого себя. Многим поначалу показалось, что он спятил. Он всем и каждому рассказывал, что собирается открыть собственную киностудию, благодаря которой наконец-то предстанет перед всем миром как Лоуренс Оливье. Когда допытывались, откуда он возьмет деньги, Винси загадочно улыбался и пожимал плечами, говоря, что это, мол, пустяки. Естественно, когда мне об этом рассказали (как вы догадываетесь, господа, в театре директору всегда обо всем рассказывают), я рассмеялся. Никто лучше меня не знал о состоянии его дел. Мне надо быть в курсе всех этих вещей, я ведь постоянно имею дело с актерами и должен знать, чего каждый из них «стоит», как говорится. Но Винси менялся со дня на день, и вот наконец приходит он сегодня ко мне утром сюда, в кабинет, и, всем своим видом выказывая презрение и ко мне, и к самой идее Камерного театра, который, как вы знаете, привержен исключительно современной драматургии и ее пропаганде, требует прямо-таки астрономическую сумму за свою игру, заявляя, что в нынешних условиях за меньшие деньги выходить на сцену в подобного рода вздорных пьесах ему неинтересно. В противном случае он разрывает контракт. Я сдержался, хотя вел он себя совершенно идиотски, и спокойно сказал, что он вправе разорвать с театром контракт, вправе уйти хоть завтра, но, разумеется, ему придется покрыть все убытки, а это кругленькая сумма, поскольку я потребую от него компенсировать все, что было затрачено на постановку пьесы и вознаграждение актерам, техническому персоналу и т. д., а также заплатить за неизбежный простой, связанный с необходимостью подыскать ему равноценную замену и подготовить ввод нового актера в спектакль. Однако сейчас, после начала сезона, после подписания контрактов во всех театрах, сделать это не так просто. Кстати, и теперь, когда он погиб, я ломаю себе над этим голову — с той самой минуты, как мне сообщили ужасную новость. Актеры суеверны. Не знаю, согласится ли кто ввестись в спектакль, чтобы заменить убитого коллегу...

— Да. Разумеется...— Паркер откашлялся.

— Прошу прощения! Я отдалился от темы. Так вот, мой ответ немножечко охладил его, но тем не менее Винси заявил об уходе из театра и сказал, что, отыграв «Стулья», будет считать себя свободным от обязательств сотрудничать с нами, на что, впрочем, в соответствии с контрактом, он имел бесспорное право и о чем он вообще мог мне не говорить. Но это были не единственные симптомы того, что люди за глаза поначалу легкомысленно определяли покручиванием пальца около виска, но во что спустя несколько дней все, не исключая меня, поверили. Ведь актер никогда не заявляет, да еще таким тоном, директору театра о своем отказе работать, если у него нет значительно лучшей перспективы. Ну, я учинил тайное расследование и могу с полной уверенностью утверждать, что ни одна киностудия, ни один театр не вели с ним никаких переговоров. В таком случае дело это для меня совсем непонятное. Не знаю, откуда он собирался взять необходимые средства. Разумеется, не с доходов, связанных с актерской работой.

— А не афишировал ли Винси свое будущее богатство или радужные перспективы еще как-нибудь? — спросил инспектор.

— Ну конечно же! Атмосфера в театре уже давно очень тяжелая. Эва Фарадей до знакомства с Винси была чуть ли не невестой Генри Дарси, который отыскал ее в одном из любительских коллективов и сделал из нее актрису. Однако потом она, видимо, влюбилась в Винси, а может, он просто вскружил ей голову, во всяком случае, Эва порвала с Генри и стала бывать всюду только с Винси. Произошло это недели через две после начала репетиций «Стульев», три месяца назад. Винси на женщин производил огромное впечатление. Она, наверное, все-таки полюбила его, хотя Генри один из самых лучших и талантливых людей в театральном мире. Если бы она вышла за него замуж, была бы счастлива и знаменита. Но кто поймет женщину? Так или иначе, Дарси, что называется, и бровью не повел, хотя ему приходилось ежедневно видеть их вдвоем, ибо судьбе было угодно, чтобы они оба играли в пьесе, где заняты только два актера. Дарси поставил спектакль и играет в нем эпизодическую роль Оратора. Ему пришлось постоянно быть с ними, учить их, встречать их дважды на дню... Но я и не такое в театре видел! С Эвой он по-прежнему был очень сердечен. Наверное, все еще любит ее. А у нее свет клином на Винси сошелся. Судя по всему, Винси обещал жениться, предлагал Эве свить семейное гнездышко и говорил, что остепенится. Впрочем, кто может знать, что он ей обещал и как на нее воздействовал? Думаю, он прямо и родился с тем страшным

свойством, которым обладает клейкая бумага от мух. Женщины липли к нему, а потом оторваться не могли. Он же бросал их без колебаний, как только они ему наскучивали или переставали быть нужны. Так и с Эвой. Несколько дней назад они крупно поссорились в театре. Вернее, Эва вроде бы не принимала участия в скандале, один он, Винси. Кричал на нее и обзывал самыми последними словами, говорил, что она виснет на нем, мешает ему жить, что у нее нет на него никаких прав, что она словно гиря у него на ногах. Произошло это через день или два после того, как он начал распускать слухи о своем богатстве. Посчитал, видно, что брак с молодой, уже известной, но не самой знаменитой артисткой никакого смысла для него теперь не имеет. Голова его была забита фантастическими проектами, в которых ей не находилось места... После скандала он порвал с Эвой и перестал с ней разговаривать, общались они только на сцене. Там он вел себя так, будто имел дело со змеей. Кстати, во время скандала случилось и еще кое-что. Когда Винси стал орать на Эву, Дарси в театре еще не было. Ах да, полагаю, Винси сам выбрал такой момент. Ему хотелось публично унизить Эву и вместе с тем не получить по зубам. Ведь Дарси уж точно не позволил бы Винси так вести себя по отношению к Эве, независимо от того, бросила она его ради Винси или нет... Так вот, есть у нас в театре помощник режиссера, Джек Сэйер, молодой, довольно хилый паренек, студент, подрабатывающий, чтобы получить медицинское образование. Помреж был тогда недалеко, и когда Винси обозвал Эву каким-то непарламентским словом, Сэйер подошел к нему и сказал, что мужчина не имеет права вести себя таким образом с женщиной. Вам следует знать, господа, что Стивен Винси служащих театра вообще за людей не считал. Он относился к ним, как феодал к своим подданным, а скорее, и того хуже, он их вообще не замечал. Винси и Генри Дарси мужчины рослые, статные, а помреж замухрышка. Ну, Винси, не раздумывая, и съездил его по лицу. Оскорбленный паренек схватился за топорик, который наш пожарный положил на стол в коридоре, и, наверное, долбанул бы им Винси, если бы люди не вмешались и не удержали его. Дело, естественно, могло для Винси кончиться очень скверно, но по моей просьбе Сэйер согласился принять письменные извинения Винси, которому я пригрозил, что тот может за это попасть на несколько месяцев за решетку. В тюрьму бы, разумеется, он не сел, но штраф ему заплатить пришлось бы. Я хотел как-нибудь все сгладить. В театре подобные споры и скандалы чудовищно осложняют работу и моментально сказываются на игре актеров и качестве спектакля. Но и это еще не все. Эва, конечно, повалилась в обморок, и ее пришлось полчаса приводить в чувство, после чего она впала в истерику, и спектакль мы начали с опозданием на пятнадцать минут. А когда пришел Дарси, который появляется на сцене лишь в самом финале, и сразу же обо всем узнал, он в антракте отправился в уборную Винси и спокойно объявил ему, что если еще раз он скажет Эве Фарадей хотя б одно грубое слово, он, Дарси, прибьет его, как собаку. И, не дожидаясь ответа, вышел. Костюмер Раффин, который при этом присутствовал,— ему постоянно надо находиться во время спектакля в артистической Винси, хотя он и боится его больше всего на свете, поскольку тот относится к нему по-свински,— так вот, Раффин рассказал мне, что Винси побелел как полотно и еще долго прямо-таки трясся от страха, только объявление по радио об окончании антракта и приглашение на сцену заставили его прийти в себя. Тотчас же после этого он формально извинился перед Эвой, но их отношения, как выяснилось, были разорваны окончательно...

— Так...— Паркер черкнул что-то в блокноте и встал.— Я вам очень признателен, господин директор. То, что вы нам рассказали, во всяком случае необычайно любопытно. Открывает простор множеству домыслов, которых я, разумеется, хотел бы избежать...— Он помолчал.— Ночь,— нерешительно начал он снова.— Вы не думаете, что вам неплохо бы немного поспать? В ближайшие часы, судя по всему, вы нам не понадобитесь, до самого утра. Если случится что-нибудь непредвиденное, мне, как это ни прискорбно, придется позвонить и разбудить вас. Но я допускаю, что, скорее всего, ничего подобного ночью не произойдет...

— Я могу заночевать здесь,— ответил Дэвидсон.— Я часто тут ночую, когда много работы или идут генеральные репетиции с длинными перерывами. У меня здесь диванчик, можно и прикорнуть, а дежурный вахтер будит меня по телефону.

— Как вам будет угодно, господин директор. Только одна просьба, вы, пожалуйста, по-прежнему никого не ставьте в известность о случившемся. Завтра

газеты все равно пронюхают, но чем позднее доберутся до нас репортеры, тем лучше. Вы, конечно, временно отменяете спектакли?

— «Стулья» — да. Но у нас есть другая пьеса, она почти совсем готова, работа над ней велась параллельно со «Стульями» — я ведь решительно не знал, как их примет публика. Подобного рода пьесы могут либо принести огромный доход, либо после двух спектаклей сойти со сцены. У этой был большой успех...

— И, думаю, теперь она будет иметь еще больший...— заметил Паркер,— насколько я знаю людей.

— Я тоже так думаю,— Дэвидсон закивал головой,— хотя в театре никогда ничего нельзя предвидеть...

— Как свидетельствует о том нынешняя ночь,— с мрачной иронией заключил инспектор.— И еще одно, господин директор. Формальности ради я хотел бы знать, как вы провели сегодняшний вечер.

— Я? Ну да, конечно. Был на приеме у лорд-мэра. Прием начался в пять вечера и затянулся до одиннадцати... Потом с двумя друзьями я вернулся домой... Это был прием для театральных директоров... Контакты городского совета с людьми искусства. Директоры театров «Битл» и «Пародия» выпили у меня еще по рюмочке, а затем разъехались по домам, за пять минут до звонка Соумса... К счастью, а то я бы не удержался и рассказал им о новости, так что весь Лондон уже гудел бы сейчас от пересудов, а репортеры брали бы приступом дверь внизу. С ужасом думаю о том, на сколько вопросов мне придется отвечать завтра...

— Я тоже! — вздохнул Паркер.— Но люди хотят читать газеты, а газеты хотят печатать последние новости. Тут уж ничего не поделаешь. Еще раз спасибо вам, господин директор. Вы, стало быть, здесь останетесь?

— Да. Буду все время у себя, чтобы вам не мешать. Но не знаю, засну ли...

— Во всяком случае, постарайтесь,— сказал инспектор Бенджамен Паркер и вышел из кабинета, Джо Алекс — за ним.

VI. Эта дама вошла в четверть одиннадцатого

На лестнице Паркер остановился.

— Ни слова пока, Джо. Дело может оказаться труднее, чем я предполагал. Мы еще ничего не знаем...

— Я и не собирался...— проворчал Алекс.— Целый день в дороге, потом театр и ресторан. Я встал в семь утра. Теперь час ночи. Неужели ты полагаешь, что в подобных обстоятельствах мне непременно захочется почесать язык? Кстати, разве я вообще-то был когда-нибудь болтлив?

Паркер улыбнулся.

— Нет. Никогда не был. Это правда. Но ты что, действительно хочешь сейчас уйти?

— Ни за что на свете! Я ведь этого и не говорил.

— Хорошо! — Они стали спускаться. Бен и Джо давно знали друг друга, они вместе прошли войну, летали на британском бомбардировщике. Было время, им казалось, что они ближе, чем братья. Алекс чувствовал, что хотя Паркер и улыбается, он озабочен.

— Сейчас допрошу дневного вахтера, а потом остальных, если он нам ничем не поможет. Но у меня такое ощущение, что он расскажет что-то новенькое. Если убийца смог проникнуть в театр и выйти из него, только пройдя мимо окошечка вахтера...

В главном коридоре за сценой они встретили сержанта Джонса.

— Этого вахтера уже привезли, шеф!

— Уильяма Галлинза?

— Точно, шеф! Он у себя в комнате. За ним присматривает полицейский. Малый трясется весь, жена в больнице. Только родила. Он там плачет, шеф. Вот я и шел к вам, не знаю, что с ним делать.

— Сейчас он перестанет плакать,— бросил Паркер и прибавил шагу.

Когда они вошли в комнату, полицейский, который стоял над всхлипывавшим человеком, стремительно выпрямился, всем своим видом показывая, что не знает, как ему вести себя с этим странным типом, обхватившим голову руками. Инспектор опять жестом приказал полицейскому удалиться, а когда дверь за ним затворилась, наклонился к вахтеру и совершенно спокойно проговорил:

— Галлинз, вас вызвали сюда, чтобы допросить в связи с совершенным убийством. Если это сделали вы, у вас есть все основания оплакивать свою судьбу. Если же не вы, то вы только попусту крадете время у себя и у нас. После допроса я собираюсь отвезти вас на машине домой. Мужчине полагается быть дома с детьми, когда жена в больнице. Ну, а прежде всего будьте мужчиной!

Словно по мановению волшебной палочки, человек, сидевший на низеньком стуле, поднял голову и опустил руки. Лицо его было все в слезах, но не отчаяние, а беспредельное изумление отражалось на нем.

— Убийство?..— прошептал он.— Господи, как это?.. Театр ведь не обокрали? Ведь не обокрали?..

— Нет! — твердо произнес Паркер и сел против него.— Театр не обокрали, хотя вы и уснули на работе. Когда за вами приехала полиция и отказалась о чем бы то ни было с вами разговаривать, вы посчитали, что случилось именно такое, и вас привлекут к ответственности за халатное отношение к своим обязанностям или заподозрят в сговоре с грабителями. Ничего подобного, Галлинз! Между десятью и половиной одиннадцатого в своей артистической уборной убит актер Стивен Винси, и мы хотели бы услышать от вас как можно более обстоятельный рассказ о том, что вы делали вечером и на что обратили внимание.

— Мистер Винси убит?..— пролепетал Галлинз.— Мистер Винси! А я был тут, за стенкой... О Боже... Вы сказали: между десятью и половиной одиннадцатого?

— Да. Я это сказал.

— Значит, она!

— Что еще за она? — подавшись вперед, быстро спросил инспектор.

— Эта... эта дама, которая пришла в четверть одиннадцатого, пробыла там несколько минут, а потом ушла.

— Итак, некая дама была здесь в это время?

— Да... мистер Винси предупредил, что она придет, я ее и пропустил. Она не первая, которую я так пропускал... Но она была постарше остальных... Всех остальных...

— Сколько ей могло быть лет?

— Может, сорок? А может, и больше? У этих состоятельных дам не разберешь. Так они хорошо ухожены, что порой выглядят моложе.

— Весьма справедливо. А как она была одета?

— Черное легкое пальто и маленькая шляпка, такая модная, полукруглая, серая... И, кажется, туфли на очень высоком каблуке... Но сама она росту небольшого...

— Узнали бы вы ее, если бы увидели еще раз?

— Пожалуй... пожалуй, да, господин инспектор.

— Ладно. А вас в ней ничего не поразило? Может, в одежде или в поведении?

— Она была вроде как немного смущена... Но я не обратил на нее внимания, она ведь не из театра, а посторонние часто робеют за кулисами, господин инспектор.

— Хорошо. Больше вы ничего о ней сказать не можете?

— Пожалуй, нет, господин инспектор... Ага! Одно только, да это, наверное, не имеет значения... У дам всегда к вечернему платью бывает такая маленькая сумочка из золотой парчи или серебряной нитки, а может, еще из чего, но непременно крохотная. Жена как-то обратила на это мое внимание, когда однажды сидела тут у меня, вот, говорит, какая это красивая жизнь, если можно в сумочке не носить ничего, кроме пудры, губной помады и носового платочка...

— Ясно. Права ваша жена, такая жизнь куда как удобнее. Ну, а что с этой дамой?

— Вот именно, господин инспектор. У дамы была большая, вместительная сумка, совсем не такая, как у них у всех к вечернему платью. Держала она ее низко, из окошечка-то я и не заметил. Но я выглянул и посмотрел на даму, когда она поднималась по лестнице, тут и сумку заметил. Тогда я об этом и не подумал. А у нее, верно, был в ней револьвер.

Паркер бросил долгий взгляд на Алекса, который тихо присвистнул сквозь зубы.

— Мистер Винси был убит кинжалом...— пробормотал инспектор.

— Так, наверное, там у нее этот кинжал и лежал, господин инспектор. Но мог ли я о таком подумать?

— Нет. Не могли. Вы, правда, могли потом обойти театр, тогда не плакали бы сейчас и вас не донимала бы совесть. Есть у вас тут телефонная книга?

— Что? — переспросил Галлинз.— Да, господин инспектор! Есть, конечно! — он вскочил и протянул инспектору книгу. Паркер передал ее Алексу.

— Найди, будь добр, номер Чарльза Крессуэлла, хорошо, Джо?

Алекс молча кивнул и принялся листать справочник.

— Теперь ответьте-ка мне побыстрее, как вы провели этот вечер, от начала спектакля и до того момента, когда ваш коллега без пяти двенадцать разбудил вас.

— Слушаюсь! — Галлинз сел и задумался.— Значит, когда начался спектакль, все было как обычно, никто из посторонних не приходил. Потом, минут, наверное, через десять после начала, зашел ко мне костюмер мистера Винси, Оливер Раффин. Поговорили мы с ним немножко, он не спешил. Мистер Винси выпроводил его сразу после того, как Раффин помог ему надеть костюм, и приказал больше в артистическую носа не совать, у него, дескать, будет гостья. Велел Раффину предупредить меня, что к нему придет дама, и я ее должен пропустить, но он не знает, когда она придет, в антракте или после спектакля... Потом был антракт, Раффин все сидел у меня. Тут пришел рассыльный из цветочного магазина с корзиной роз для мистера Винси. Раффин все сидел у меня, он был нужен только после спектакля, помочь раздеться мистеру Дарси. Мистер Дарси выходит в этой пьесе в самом конце, но после скандала между мистером Винси и мисс Фарадей он стал приходить в театр перед спектаклем и сразу же переодеваться. У него, кстати, точно такой же костюм, как у мистера Винси, только он без маски играет, зато в шляпе, так что у Раффина с ним мало забот. В этих современных пьесах, как говорит Раффин, одно то хорошо, что костюмы шьют из чего попало, никаких там кружев или вышивок, какие раньше бывали. Словом, не надорвешься.

Паркер метнул взгляд на Алекса и раскрыл было рот, собираясь оборвать говорившего, но Джо еле заметно отрицательно покачал головой. В руке он держал захлопнутую телефонную книгу, заложив пальцем нужную страницу. Не сказав ни слова, Паркер опять уставился на Галлинза.

— Ну, посидел у меня Раффин еще немного после антракта, потом пришла сестра моей жены, прямо с поезда, она приехала из Манчестера помочь по дому, жена ведь родила вчера, а я работаю по двенадцать часов в сутки, да тут еще днем... Ну, когда она пришла с чемоданом, Раффин сказал, что ему надо в артистическую мисс Фарадей, та сейчас на сцене, а он поболтает с Сьюзен.

— Кто такая Сьюзен?

— Костюмерша мисс Фарадей, жена Малькольма Сноу, он поднимает и опускает занавес, болтушка каких свет не видывал. Все в театре гадали, чем закончится скандал между мисс Фарадей и мистером Винси, ведь мисс Фарадей раньше, как говорится, ходила с мистером Дарси... Ну, Раффин пошел перекинуться словечком с Сьюзен, а меня оставил с сестрой. Потом спектакль кончился; он недолго идет, пьеса-то вроде даже одноактная, но мистер Дарси сделал посередке перерыв, чтобы можно было побольше этих стульев на сцену натаскать. С ними вечно морока, непросто их расставить в строго определенном порядке... Двести пятьдесят стульев надо вытащить на сцену во время антракта, тут так нагорбатишься, чтобы успеть... О чем это я?.. Ах да. Значит, после спектакля я отослал сестру домой на такси, хоть с деньгами у меня туговато, но ведь и боязно оставлять дома детей без присмотра. Одному десять, вроде он и потолковее, зато другому только четыре годика, а им самим надо спать укладываться и ужин приготовить. Ну, сестра села в такси и поехала. А я стал ждать, пока все выйдут. Все уже почти прошли, когда заглянула эта дама... спросила, здесь ли мистер Винси. Я ответил, что здесь, и она пошла наверх. Больше никто, кажется, не выходил, а я сижу, глаза начинают слипаться, я же всю предыдущую ночь не спал, а утром пошел на работу. Помню, дама эта вышла, а я уж совсем носом клевал, запер за нею дверь, сижу у окошечка, ключ в руке, голову положил на локоть. Вот, думаю, вздремну капельку, а когда мистер Винси захочет выйти, он меня разбудит, я вскочу и открою ему. Ну, не успел я глаза закрыть, в дверь звонит Соумс. Так мне по крайней мере показалось, я ведь, наверное, часа полтора проспал, никак не меньше. Но после всех моих передряг и нервотрепки прошлой ночи я мог бы, думаю, проспать дней пять... Теперь-то у меня это прошло...— Галлинз сам немного удивился: — Теперь мне совсем спать не хочется.

— Ладно. Еще захочется,— проговорил Паркер.— Но сначала вам придется закончить свое повествование.

— Ну, это, пожалуй, и есть конец моего повествования, господин инспектор. Соумс позвонил, а я был такой дурной со сна, что совершенно позабыл о мистере Винси и о том, что надо еще сделать обход театра перед сменой. Впрочем, я знал, что Соумс это сразу же сделает, он ведь очень добросовестный человек. Да и кому могло прийти в голову, что в этот именно вечер в театре такое стрясется? Соумс, верно, понял, что я спал, но не удивился, все же знали, что у меня сын родился. По этому поводу даже немного деньжат ему на подарок собрали... Это очень приятный театр, господин инспектор, и отношения тут на самом деле отличные и товарищеские. Люди тут не обращают внимания, кто технический сотрудник, а кто артист. Хорошая атмосфера, можно сказать, ну, и из нас никто не позволяет себе фамильярности, мы все понимаем, что режиссер или артист — это не вахтер. Но все друг с другом вежливы. Может, один только мистер Винси был... Да о покойнике не положено плохо говорить. Умер, и что бы кто против него ни имел, каждый должен простить ему теперь, ведь правда, господин инспектор?

— Несомненно,— кивнул Паркер.— Идите, Галлинз, домой и отоспитесь. Может, мне и удастся не сообщать директору Дэвидсону о том, что вы дрыхли на работе, когда все это произошло. Но помните, в следующий раз у вас может быть куда больше неприятностей. Вам, отцу троих детей, побольше бы добросовестности.

— Благодарю вас, господин инспектор,— голос Галлинза предательски задрожал,— я же так страшно нервничал, что...

— Все в порядке. Ступайте...

— Покойной ночи, господа...

— Покойной ночи, покойной ночи...— Паркер дал знак дежурному, который выпустил трясущегося, но робко улыбающегося Галлинза.

— Что теперь? — спросил Джо.— Едем к Чарльзу Крессуэллу, жениху Энн Додд?

— И я так думаю.— Паркер выглянул в коридор и отдал какие-то распоряжения. Спустя несколько минут они уже сидели в машине, которая рванула с места и выскочила на длинную, прямую улицу, по обеим сторонам которой вытянулись высокие старые каменные дома. Потом они куда-то свернули и, проехав две или три улицы поуже, оказались в окраинном районе, застроенном особняками. Вскоре машина остановилась перед утопающим в зелени домом, наполовину спрятанном высокими деревьями сада. Калитка была заперта. Паркер вышел из машины и нажал на кнопку звонка. В доме было по-прежнему темно. Инспектор позвонил еще раз, в окне на первом этаже зажегся свет. Потом где-то рядом тихо скрипнула дверь.

— Кто там? — услышали они хриплый, старческий голос.

— Дома ли мистер Чарльз Крессуэлл? — громко спросил Паркер.

— Что там еще? — кто-то медленно шел шаркающей походкой, и на дорожке, на которую падал свет из окна и от стоявшего невдалеке фонаря, появилась согбенная темная фигура в длинном халате.— Кто вы такой?

Алекс отметил, что и на втором этаже тоже засветилось окно.

— Полиция,— ответил Паркер, когда старик подошел поближе и не надо было кричать.— Мы хотели бы повидаться с мистером Чарльзом Крессуэллом, если он дома.

— Полиция...— Старик подошел еще ближе. Стал их разглядывать.

— Вот мое удостоверение,— между прутьев железной решетки Паркер протянул ему маленькую темную карточку. Старик взял ее в руки и, посвечивая фонариком, который достал из кармана халата, прочитал то, что на ней написано.

— Так...— замялся он,— почему полиция? — как-то недоверчиво прошептал он себе под нос.— Никогда еще тут не было ни одного полицейского...

Но на дорожке снова послышались шаги, более быстрые и решительные.

— Что там происходит, Джон? — спросил молодой мужской голос.

— Я инспектор Скотленд-Ярда,— резко заговорил Паркер,— и обращаю ваше внимание на то, что нахожусь в данный момент при исполнении своих служебных обязанностей. Мне нужно видеть Чарльза Крессуэлла, если он дома. Если его нет, прошу нам сказать...

— Это я,— прервал его молодой человек и подошел к ним.— Открой, Джон.

Старик полез за ключом и отпер калитку. Проходя мимо него, Паркер вытянул из старческих пальцев свое удостоверение.

— Простите, что мы вынуждены побеспокоить вас в этот ночной час,— вежливо сказал Паркер,— но произошло довольно-таки драматическое событие, и мы предполагаем, что вы могли бы сообщить нам кое-что об этом.

— Я? — Чарльз Крессуэлл рассмеялся. В темноте Алекс разглядел два ряда его белых, ровных зубов.— Боюсь, тут какая-то ошибка. Но раз уж вы, господа, при исполнении своих служебных обязанностей, мне не остается ничего иного, как...— Он отступил на шаг в сторону и жестом пригласил их следовать по дорожке, покрытой гравием, к дому.

Паркер двинулся первым, хозяин рядом. Алекс шел за ними по мрачному саду. Загадка никак не поддавалась. Да, теперь это, пожалуй, уже не имело ни малейшего значения... Но в ту же минуту Алекс понял, что́ не давало ему покоя с тех пор, как он переступил порог артистической уборной убитого. Не она ли взяла?..

Они уже были около самого дома, и Крессуэлл, войдя в дверь первым, зажег в холле свет. Молча указал на дверь справа. За ней — небольшая комната, нечто среднее между кабинетом и библиотекой. Алекс с удовольствием бросил взгляд на красивый маленький гобелен на стене.

— Льеж? — спросил он машинально.

— Да! — Чарльз Крессуэлл с интересом взглянул на Алекса.— У вас довольно оригинальные для полицейского пристрастия.

Алекс собрался было объяснить причины своего присутствия в этом доме, но Паркер предостерегающе поднял руку вверх. Все сели.

— Слушаю вас,— начал Крессуэлл.— Я действительно искренне изумлен вашим визитом, господа... У меня никогда еще не было встреч с...

— Были,— вежливо прервал его Паркер,— насколько я припоминаю, три года назад я беседовал с вами о Клоде Клейвиридже, вашем друге, который впутался в кое-какие... гм... дела. Я ведь, кажется, не ошибаюсь?

— Так это вы! — рассмеялся Крессуэлл.— Мне сразу почудилось, что я вас откуда-то знаю! Но я и не предполагал, чтобы... Да, в самом деле, вы беседовали со мной три года назад о бедном Клоде.

— Вот именно. Но сегодня я хотел бы попросить вас, чтобы вы нам рассказали, как вы провели вчерашний день и вечер, вот до этой самой минуты.

— Я?

— Да. Есть кое-какие предположения, что, совершенно о том не догадываясь, вы стали чуть ли не свидетелем убийства и, во всяком случае, в состоянии многое прояснить, если сообщите, что вы делали вчера днем и сегодня вечером. Ничего не хочу вам подсказывать, дабы вы не чувствовали себя ничем связанным.

— Мне все это представляется совершенно невероятным...— сказал Крессуэлл,— ведь вчера с обеда и до вечера...— Он пожал плечами.— Не стали бы вы, однако, будить меня среди ночи, чтобы разыграть, правда же? Тогда я вам расскажу все, что произошло. А не произошло ничего... В четыре я поехал к моей невесте, Энн Додд, и пробыл у нее до без четверти восемь. Скоро наша свадьба, и мы обсуждали наибанальнейшую из всех тем: маршрут свадебного путешествия. Мы хотим выбраться из Англии на несколько месяцев и прокатиться вокруг света. Но, как вы знаете, делать это можно по-разному. Словом, мы очень мило провели время, просмотрев гору красочных проспектов, которые я прихватил с собой, и весьма жарко споря. Затем вместе с миссис Анжеликой Додд, матерью моей невесты, посидели за своего рода поздним чаем. Муж миссис Додд серьезно болен, его с нами не было. Он спустился только к кофе, который мы пили перед самым отъездом в театр. Отправились мы на «Стулья» Ионеско. После спектакля я отвез Энн домой, а сам вернулся прямо сюда. Мне расхотелось теперь бывать одному в ночных ресторанах, а моя невеста не всегда может из-за болезни отца... Вернулся домой, поужинал, помылся и лег спать. Разбудили меня голоса в саду. Вот и все.

— Весьма вам благодарен.— Паркер встал.— Еще только один маленький вопрос: в театре вы были вдвоем с невестой?

— Нет,— Крессуэлл поднял брови,— с нами была и ее мать.

— Но вы только что употребили выражение: «я отвез Энн домой». Его надо понимать так, что вы отвезли домой также и свою будущую тещу?

— Нет. После спектакля миссис Додд попрощалась с нами, сказав, что у нее по соседству есть еще какие-то дела и она вернется на такси. Так что мы поехали одни.

— Еще раз благодарю вас и приношу самые искренние извинения за то, что мы

подняли вас среди ночи с постели.— Паркер улыбнулся.— У меня такое впечатление, что вы много помогли мне, хотя, разумеется, я еще в этом не уверен. Всего хорошего, мистер Крессуэлл!

И он вышел, оставив изумленного хозяина истуканом стоять на месте. Не проронивший ни слова Алекс выскользнул вслед за другом.

VII. Пустой конверт

Они вышли за калитку, Паркер остановился у машины, оперся рукой на крыло.

— Что бы ты сейчас сделал на моем месте? — спросил он.

— Если бы я был на твоем месте, я вернулся бы в театр, чтобы узнать о том, каковы результаты вскрытия, снятия отпечатков пальцев и прежде всего, что за листок держит в руке Винси. Кроме того, остается еще один вопрос, на который мне хотелось бы получить ответ, но я пока, впрочем, воздержусь от него.

— А что бы ты сделал потом?

— Потом я бы отправился к миссис Анжелике Додд и спросил ее, что она делала после окончания спектакля «Стулья», с момента, когда простилась с дочерью и будущим зятем, до возвращения домой.

— Да, ты прав. На своем месте я сделаю то же самое.— Паркер невесело усмехнулся и сел в машину. Едва тронулись, он заговорил, обращаясь не то к себе самому, не то и к Алексу тоже:

— Мы знаем, что в 10.15 в артистическую Винси вошла некая дама. Пока врач именно этот момент — приблизительно этот — считает наиболее поздним вероятным временем смерти, хотя что-то ему тут и не нравится, говорит, слишком уж поздно. Но факты свидетельствуют о другом. Медицинская наука не может работать с точностью хронометра. Спектакль начался в восемь, в девять антракт, который продолжался примерно до четверти десятого, затем Винси снова вышел на сцену. В десять спектакль кончился. Знаю, потому что сам посмотрел на часы. За сколько минут перед финалом Винси мог уйти со сцены?

— Думаю, минут за семь-восемь,— рассеянно отозвался Алекс.

— Вот так-то! Стало быть, примерно в 9.52 он еще на виду. Какое-то время нужно, чтобы дойти до артистической. В дверях его не убили. Он должен был сперва прилечь и взять в руки листок, на который мы вскоре поглядим. Все вместе могло занять четыре-пять минут. Значит, он еще жил в 9.56. Никакой врач в мире не убедит меня в том, что спустя несколько часов после смерти он в состоянии установить ее время с точностью, большей, чем плюс-минус полчаса. Иначе говоря, Винси мог умереть даже в 10.25. Тут все сходится.

— Абсолютно,— пробормотал Алекс.

— То-то и оно. Абсолютно! К тому же у миссис Додд была эта странная сумочка. На нее обратила внимание мисс Бикон. К счастью, женщины таких вещей не пропускают. Крессуэлл не отвозил ее домой. Бог ты мой, какие же такие дела могли у нее быть в тех краях, кроме визита к Винси? Она переждала, пока выйдут актеры и служащие, и через четверть часа вошла. Винси ее ждал...

— А она его убила...— снова буркнул Алекс.— Ежели ко всему этому ты еще присовокупишь тот факт, что Винси с неделю трезвонил об ожидающем его огромном богатстве, а затем и другой факт, что дочь миссис Додд унаследовала двадцать пять миллионов, то вполне можешь прийти к еще одному выводу.

— А я уже к нему пришел, мой дорогой. Скорее всего Винси шантажировал миссис Додд. На чем строился шантаж, я пока не знаю. А может, он ее любовником был?

— Такое тоже не исключается...— зевнул Алекс.— Он мог быть и любовником ее дочери, которая, выходя замуж, захотела выкупить у него свои любовные письма. Миллионерша в состоянии хорошо заплатить за подобного рода компрометирующие документы куда больше, чем скромная дочь археолога, каковой она была еще несколько дней назад. Она могла попросить мать уладить дело...

— И такое вероятно. Пожалуй, даже скорее, чем первое. А может, и еще что-то сюда впутано, но я убежден, что не ошибаюсь, рассуждая таким образом. А могло это быть так: она вошла и, сообразив, что подвертывается удобный случай, избавилась от шантажиста, потом убежала.

— И это возможно... Хотя меня поражает ее глупость. Войти в пустой театр,

спросить вахтера о мистере Винси, столкнуться с этим вахтером лицом к лицу в ярко освещенном помещении, а затем убить. По всему судя, миссис Додд больше верила в глупость полиции, чем в свою собственную. Наивная женщина, убедившая сама себя в том, что, придя столь приметно одетой после спектакля, на котором ее странную сумочку наверняка кроме нас видело множество ее знакомых, можно убить этого типа и раствориться в лондонском тумане, какового, кстати, сегодня и в помине нет. Но, кто знает, может, все именно так и было?

— Ты в этом сомневаешься? — спросил Паркер.

— Да. Сомневаюсь.

— У тебя есть какие-нибудь еще версии? Ведь после миссис Додд никто больше в театр не входил и никто из него не выходил. Если это сделала не она, то после нее мог это сделать только вахтер, Уильям Галлинз, которого можно заподозрить в чем угодно, но уж не в том, что спустя двадцать четыре часа после рождения третьего ребенка он решил поиграть в убийцу.

— Винси мог быть уже мертв, когда вошла миссис Додд,— прошептал Алекс.

— Так почему же она не подняла шум? Обнаруживает труп и, никому не говоря ни слова, выходит вон? С чего бы это, скажи ради Бога?

— Если дело обстоит так, как ты предположил сначала, и Винси шантажировал ее или дочку, то, думаю, вид его тела со всаженным в грудь по самую рукоятку кинжалом вызвал у нее по меньшей мере чувство облегчения. Она могла задержаться еще на несколько минут, ища эти письма или еще что-то, что он должен был ей вернуть в обмен на то, что она принесла в набитой до отказа сумочке. А потом ушла, мечтая о том, чтобы никто никогда ее не нашел. Но, естественно, она могла его и убить... Хотя... Да... В сущности, ты прав. В мою пользу только один довод, связанный с обстоятельствами происшествия, и кроме того, мы еще мало знаем. Думаю, это она там была. Надо поскорее к ней поехать. Все это так. Но мне кажется, убила не она, правда, присягнуть в этом я не мог бы.

— А ты пошел бы на пари?

— Да. Я бы держал пари, что не она, причем поставил бы солидную сумму. В этом случае я бросаю на чашу весов только мое убеждение и, как я тебе уже говорил, одну связанную с обстоятельствами дела подробность.

— Жаль, что я всего лишь скромный инспектор полиции...— проговорил Паркер.— Мне кажется, я мог бы сегодня неплохо заработать, пойдя с тобою на спор. Ты автор детективов и полагаешь, что люди, убивая, всегда поступают абсолютно логично. В жизни не так: и само ожидание момента преступления, и сам факт его совершения связаны с огромным нервным напряжением, вот почему убийца, как правило, действует нерационально, оставляя следы, которые мог бы и не оставить... Убийцы в принципе не гении. Преступления совершают не гении, а рядовые гнусные люди...

— Боюсь, этот убийца интеллигентнее, чем ты думаешь.

— В самом деле?

В свете проносившихся мимо уличных фонарей Алекс поймал на себе пристальный взгляд инспектора.

— А у тебя есть еще какие-нибудь версии? — спросил Паркер.

— Пока, к сожалению, у меня их две...— ответил Джо.— Версия «А» и версия «Б».

— Миссис Додд — она «А» или «Б»?

— Миссис Додд «в», причем маленькое «в», не прописное. Вся трудность в том, что некоторые мои наблюдения подходят для «А», а некоторые — для «Б». Но наблюдений этих все еще слишком мало. Полагаю, решающим может стать одно... обыск в артистической уборной Винси.

— Что ты надеешься там найти?

— Речь о том, чего я надеюсь там не найти,— Алекс задумчиво потер рукой лоб.— Но пока мы знаем еще слишком мало. Я немножечко витаю в облаках. Ты прав. Вернемся в театр, узнаем то, что должны узнать от врача и эксперта, придем к каким-то выводам, обыскав артистическую и прочитав бумажку, которую Винси держал в руке. А потом посмотрим, фантазирую ли я как автор детективов, или же я прав.

— Ты меня поражаешь...— в голосе Паркера уверенности было куда меньше, чем в тот момент, когда он начинал свой монолог в машине. Они остановились перед уже знакомой лестницей, ведущей к дверям бокового входа в Камерный театр.

Сержант Джонс сидел на складном стульчике в коридоре перед уборной покойного и дымил сигаретой.

— Что нового? — спросил Паркер.

— Уже есть отпечатки пальцев, шеф. То есть их нет. На дверной ручке — только старого вахтера, который вошел в артистическую в двенадцать... Соумса. В самой уборной отпечатки пальцев покойного и другие, которые оказались отпечатками пальцев костюмера Раффина. Я привел его сюда, шеф, чтобы снять отпечатки пальцев. И задержал, подумав, а может, вы захотите с ним побеседовать. На орудии преступления следов никаких. Убийца был в перчатках.

— Хорошо! — проворчал Паркер. Вернулся к вахтеру и позвонил врачу.

— Слушаю! — отозвался тот.— Исследую его второй раз. Позвоню через полчаса. Когда, вы говорите, самое раннее он мог умереть?

— В 9.56 вечера.

— В таком случае или я никудышный врач, или вы никудышный сыщик, или мои химические препараты никудышные.

— А, по-вашему, когда он умер?

— Скажу вам через полчаса! — трубку на том конце провода положили.

— Черт возьми,— пробормотал Паркер. В двух словах передал Алексу, болтавшему с Джонсом, разговор с врачом.

В артистической Стивена Винси по-прежнему горели все лампы. Алекс первым делом посмотрел на кушетку у стены. Она была пуста. Труп увезли. Стивен Винси никогда больше не вернется сюда и не сядет к зеркалу, чтобы взять в руки коробочку с гримом...

— О Господи! — вздохнул инспектор и подошел к двери.— А что с бумажкой, которую он держал в руке?

— Это была не бумажка...— Джонс развел руками.— Это был белый конверт, совершенно пустой и ненадписанный.

— На нем никаких отпечатков?

— Только его пальцы.

— Замечательно...— бросил Паркер и закрыл дверь. Повернулся. Алекс стоял перед открытым ящиком туалетного столика. Там были комочки грима в простой деревянной коробочке, заячья лапка вся в пудре, записочки, полученные в день премьеры и подписанные женскими именами. Паркер отложил их в сторону. Затем проспекты фирм «Мерседес-Бенц» и «Кадиллак», а кроме того, куча фотографий Стивена Винси, на которых сам он заранее поставил свои автографы. Подпись была несколько манерной, в стиле, бытовавшем лет двадцать назад. Немного денег: двенадцать фунтов бумажками и мелочь. Оплаченный счет за телефон. Плохонькая фигурка Будды с круглым животиком, наверное, какой-нибудь старый талисман, неожиданный здесь снимок взрыва атомной бомбы на атолле Бикини, ключи: от английского замка, обычный, и маленький, от почтового ящика...

— Пошлю-ка я людей в его квартиру...— пробормотал Паркер.— Если, разумеется, миссис Додд не признается.

— А если признается? — Алекс стоял перед большим шкафом, который он только что открыл.— Думаю, она даже наверняка признается...

— Да. Тогда и следствие продолжать не нужно, разве что ради сбора доказательств вины. Но квартира Винси может еще несколько часов подождать. У нас есть дела поважнее.

Он подошел к Алексу, и они вместе принялись шарить по карманам одежды покойника. Тут были лишь всякие мелочи, ничего не значащие, и вырванный из блокнота листок, на котором рукой Винси выписана длинная колонка цифр:

Покупка студии — 200 000
Жалованье актерам и персоналу
первого фильма — 40 000
Реклама — 20 000
Костюмы и декорации...— 50 000
Непредвиденное — 20 000
Всего — 310 000 (330 000)
Необходимый резерв — 170 000 Всего: полмиллиона!

Эта последняя сумма была несколько раз подчеркнута красным карандашом. Паркер поднял голову и посмотрел на Алекса.

— Ты видел когда-нибудь такое? Преспокойненько, на листочке он подсчитал, во сколько ему обойдется киностудия! Полмиллиона фунтов! Пустячок!

— Думаю, у него к этому были некоторые основания...— сказал Алекс, озираясь по сторонам. Потом он наклонился и заглянул в шкаф, в котором стояло несколько пар ботинок. Затем улегся на пол и заглянул под шкаф. Встал и покачал головой, словно хотел сказать, что так он, собственно, и предполагал. Паркер с любопытством наблюдал за ним, продолжая держать в руке листок с расчетами покойного.

— Чего ты ищешь? — спросил он.

— Сейчас уже ничего. Мне кажется, я знаю все. Но, естественно, это может оказаться совершеннейшей чепухой, и ты не обращай на меня внимания. Ты взял меня с собой, поскольку думал, что я тебе пригожусь. Я буду стараться оспаривать все твои подозрения, если ты сочтешь это уместным. Но пока мы еще бродим в тумане. С того момента, как мы сюда приехали, прошло немногим более ста минут. Никто не требует от тебя схватить неведомого убийцу за столь короткое время. У нас еще почти ничего нет. И еще не допросили персонал. Мы не были у миссис Додд. Может, она просто пошла к портнихе, а в сумочке у нее был отрез на платье. Портниха и ее пятеро барышень в состоянии засвидетельствовать ей такое железное алиби, что его не пробьет вся твоя убежденность. А кроме того, в конце концов это могла быть совершенно другая дама. Тогда все придется начинать сызнова. Мы мало что знаем об орудии преступления. Полагаю, следует допросить костюмера. Если кинжал принадлежит Винси, костюмер непременно должен был хотя бы раз его видеть. Впрочем, мог не видеть, если вчера Винси принес его в первый раз. Но в таком случае, откуда убийца мог взять кинжал? Почему Винси лежал, когда получил удар? И еще один вопрос, на который, представляется, необходимо ответить и о котором, я уже говорил тебе, не хочу сейчас распространяться, чтобы мы еще больше не запутались. Что же до миссис Додд, то у меня есть своя личная, на первый взгляд, глупенькая концепция, суть которой в том, что она не могла убить. Но, разумеется, могла. Это не совсем исключено...

— Так...— Паркер кивнул головой. Подошел к столику и положил на него листок с расчетами покойника. На столике уже лежал завернутый в белую полотняную тряпочку кинжал, а подле него пустой, смятый конверт, белый и ни о чем не говорящий.— Да. Да. Так и я думаю...— он показал Алексу свой блокнот. На последней его страничке крупным почерком были выведены две короткие фразы:

Допросить костюмера Раффина... Кинжал!

Миссис Додд: была ли и зачем?

— Разумеется! — кивнул головой Джо.— Это прежде всего. К тому же нам не надо забывать о том, что говорил директор Дэвидсон. Винси в театре ненавидели. Он ударил по лицу паренька, который потом хотел долбануть его топориком пожарного. Он бросил приятельницу, которую перед тем отбил у приятеля. Он устроил ей безобразный скандал. Он оскорблял костюмера. А сколького мы еще не знаем?

— В конце концов мы узнаем все,— Паркер подошел к двери.— Джонс!

— Я, шеф!

— Давай сюда этого костюмера, Раффина!

— Слушаюсь, шеф!

Паркер подошел к туалетному столику, сел и задумчиво уставился на пустую кушетку, рядом с которой стояла корзина красных роз, все еще наполнявших комнату нежным сладковатым ароматом, немного напоминавшим запах крови.

VIII. Я знаю, где эта маска

Костюмер Оливер Раффин был крохотным человечком с лицом, которое Алекс про себя назвал мордочкой напуганной мыши. Входя в артистическую, Раффин зажмурился, потом все-таки заставил себя открыть глаза.

— Садитесь,— предложил ему Паркер и показал на маленький стульчик.

Алекс продолжал неподвижно стоять, прислонившись к закрытой двери. Инспектор принялся не спеша мерить комнату широкими шагами. Неожиданно он остановился. Подошел к гримерному столику и развернул белую тряпку.

— Вам это знакомо? — спросил Паркер, нагнувшись к сидевшему и прямо глядя ему в глаза.

— Знаю ли я это? — Раффин посмотрел на кинжал, губы у него задрожали.— Значит, этим убили... убили мистера Винси?

— Не задавайте вопросов мне, а сами отвечайте на мои вопросы,— спокойно сказал Паркер.— Так мы скорее покончим с вашим допросом. Я спросил, знаете ли вы этот предмет?

— Да... д-да. Это кинжал мистера Винси. Он всегда лежал у него в ящике туалетного столика... вон там...— Раффин боязливо протянул руку к столику перед огромным зеркалом.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Когда?.. Вчера, когда наводил порядок в артистической. Я всегда после спектакля прячу коробочку с гримом в ящик стола, вот и увидел.

— Это точно?

— Точно, господин инспектор. Это же такой необычный кинжал, что его трудно спутать с другим. На нем написано: «Помни, у тебя есть друг»... Боже мой! — он снова прикрыл глаза.

— Не говорил ли мистер Винси вам, а может, кому-нибудь еще в вашем присутствии, откуда он у него?

— Нет, господин инспектор. Хотя однажды при мне он сказал мисс Фарадей, что это подарок школьного друга. Он считал кинжал талисманом, который приносит ему счастье, он, наверное, и подумать не мог, что...

— Конечно, не мог. Расскажите нам теперь, Раффин, что вы делали вчера — с той самой минуты, как вошли в театр, и до той, когда из него ушли.

— То, что и всегда, господин инспектор... Ну, не совсем то, что всегда, все немного по-другому получилось. Обычно я прихожу раньше артистов и проверяю, все ли почищено и поглажено. В «Стульях» я обслуживаю мистера Винси и мистера Дарси, так как оба они во время спектакля не переодеваются, а мистер Дарси выходит на сцену лишь на минутку в самом финале. У них одинаковые костюмы, очень простые, и с ними нет особых хлопот. Ботинки тоже чистить не надо, оба ходят в таких чудных шлепанцах. Режиссер хотел, чтобы костюм был как бы чем-то средним между военным мундиром и нищенским одеянием...— Раффин пожал плечами.— Но публике такое нравится...— не без удивления заметил он. Потом, словно вспомнив, чего хочет от него инспектор, быстро добавил: — Ну, пришел я и первым делом все разложил в уборной мистера Винси, а потом отправился в артистическую мистера Дарси и тоже все приготовил. Затем заглянул к Сьюзен Сноу, она костюмерша у мисс Фарадей. Мисс Фарадей уже пришла, актрисы, это известно, всегда приходят раньше актеров. У них, наверное, больше забот с прической. Ну, я к ней не входил, мы с Сьюзен поболтали немного в коридоре, и я пошел к Галлинзу, мы говорили о футбольном тотализаторе. Выиграть хочется, а угадать очень трудно, господин инспектор. Галлинзу тоже хотелось обязательно выиграть, а то у него уже третий ребенок родился. Кстати, у нас весь театр играет, а вчера как раз была пятница, последний день делать ставки... Ну, сидел я там и ждал мистера Винси и мистера Дарси. Первым пришел мистер Винси, я поднялся за ним в артистическую и помог ему одеться. Потом он велел мне пойти к Галлинзу и предупредить его, что ждет одну даму, которая придет или в антракте, или после спектакля. Вот тут он мне и сказал, что я ему больше не понадоблюсь и в его артистическую могу больше не заходить. Я только спросил, как быть с маской. Ее после каждого спектакля нужно промывать спиртом. Артист потеет в такой нейлоновой маске, и ее сразу после спектакля необходимо промыть, иначе пот засохнет и маска станет шершавой... Но мистер Винси сказал, что...— Раффин осекся, заметя, что инспектор на него не смотрит.

Паркер повернулся к Алексу, который, улыбаясь, так и продолжал, не меняя позы, стоять у двери. Инспектор покачал головой, словно сокрушаясь по поводу собственной ненаблюдательности.

— Это тот самый вопрос, на который ты хочешь найти ответ? — тихо спросил Паркер.

Молча, не переставая улыбаться, Алекс кивнул. Паркер повернулся к Раффину:

— Продолжайте.

— Ну, я спросил мистера Винси, надо ли мне прийти после спектакля за маской, чтобы промыть ее, но мистер Винси сказал, что сам промоет, а я чтобы и не думал путаться у него под ногами. Кончил я, значит, одевать мистера Винси и,

когда он вышел на сцену, отправился в артистическую мистера Дарси, который только что появился в театре. С мистером Дарси у меня тоже мало работы, раздевается и одевается он всегда сам. Стыдлив, как женщина. Никогда не разрешает мне при этом присутствовать. Так что я только щеточкой его почистил. Сказал, что все время буду у него, так как мистер Винси хочет остаться один, ждет гостя. Но он сказал, что ему я тоже не нужен, поэтому я положил на столик шляпу, поскольку мистер Дарси выходит в такой огромной, черной шляпе, он играет Оратора, который ничего не говорит, ну, я и вышел. Спектакль уже начался. Я заглянул к Сьюзен, и мы немного поговорили о скандале между мистером Винси и мисс Фарадей, когда наш молодой помреж хотел звездануть его топориком. Мог он его тогда убить... Впрочем, от судьбы никуда не денешься.

— А что вы делали потом?

— Пошел к Галлинзу в его комнатку и просидел там до антракта и весь антракт, так как мистер Винси запретил мне показываться на глаза, а мистеру Дарси еще рано было выходить на сцену.

— Во время антракта кто-нибудь приходил в театр?

— Никто не приходил, господин инспектор, только рассыльный принес цветы для мистера Винси, ну, я показал ему его артистическую уборную и вернулся к себе. Мы потолковали о том о сем, потом пришла сестра Галлинза, которая приехала к нему из Манчестера, чтобы в отсутствие его жены присмотреть за детьми. Тогда я вышел, подумал, надо же родственникам поговорить. Направился в артистическую мистера Дарси, но его еще не было. Он любит смотреть спектакль из-за кулис, вот и ушел пораньше на сцену. Тогда я заглянул к Сьюзен Сноу, которую всю трясло, потому что мистер Винси опять не сдержался и, когда мисс Фарадей случайно испачкала на сцене ему костюм гримом, цыкнул на нее прямо во время спектакля, мол, это ни в какие ворота или что-то в таком же духе... Мисс Фарадей теперь и ерунды достаточно, комок нервов, вот она и вернулась в уборную вся в слезах. Мистер Дарси ее провожал, она еле на ногах держалась, они с Сьюзен успокаивали ее. Он вроде очень ругал мистера Винси. Мы, значит, поговорили с Сьюзен о том, как в течение всего антракта она сидела с мисс Фарадей, а затем проводила ее до сцены. Ну, а потом спектакль кончился, и мистер Винси не вышел раскланиваться. Всех это очень рассердило, но никто и слова не сказал, в конце концов это его дело. Мы с Сьюзен стояли около артистической, а когда мистер Дарси пришел со сцены вместе с мисс Фарадей, я подождал в коридоре, пока меня позовут, сложил его театральный костюм, щеткой почистил пиджак на нем и подал пальто. Мистер Дарси после этого спектакля разгримировывается немного дольше, чем мисс Фарадей, он играет без маски и грим накладывает на все лицо. Когда он разгримировался, я тоже был готов. Он умылся и постучал к мисс Фарадей. Мисс Фарадей была уже одета, они вышли вместе, а я еще подождал в коридоре, там же был муж Сьюзен, Малькольм Сноу, он у нас поднимает занавес. С ним еще Джон Найт, суфлер. Потом, вчетвером, мы вышли из театра и двинулись к ночному тотализатору, так как Сьюзен тоже свято верит, что судьба в конце концов улыбнется ей, вот и играют они с мужем по отдельности.

— Из ваших слов следует, что ни после спектакля, ни в антракте вы и минуты не оставались в одиночестве.

Раффин задумался.

— Выходит, так, господин инспектор. Ни минуты. Так уж получилось.

— Хорошо. А теперь дайте мне маску мистера Винси.

— Сейчас, господин инспектор,— Раффин встал и подошел к шкафу. Открыл его и, даже не глядя, протянул руку. Пошарил немного в шкафу, потом сунул туда голову.

— Наверное, мистер Винси положил ее куда-нибудь в другое место.— Он посмотрел по сторонам. Подошел к туалетному столику, выдвинул ящик, постоял в растерянности. Наклонился.

— Ни под шкафом, ни под кушеткой ее нет...— сказал Алекс.

— Так где же она может быть? — спросил Раффин.

Паркер хотел что-то сказать.

— Это не имеет значения,— к немалому удивлению инспектора, ответил Алекс. Паркер посмотрел на друга, Алекс едва заметно покачал головой.

— Вы свободны пока...— проговорил Паркер.— Можете идти домой. Помни-

те, до завтрашнего утра нельзя никому рассказывать о том, что здесь произошло. Понимаете?

— Да, господин инспектор. Разумеется, господин инспектор. Покойной ночи, господа.

Раффин бочком двинулся к двери и исчез за ней.

— Бога ради, Джо. Я ведь веду себя по отношению к тебе лояльно. Я не подумал об исчезновении маски. Ты же с самого начала знал об этом. Но должно же это что-нибудь значить? Где она? Почему ты не хотел, чтобы я продолжил его допрос? В конце концов маска может оказаться очень важна для следствия. Если она была на Винси, когда он сюда входил, а потом, кроме убийцы, в артистической никого не было, маску мог забрать только убийца. Зачем? И еще, зачем тебе надо было, чтобы я прервал допрос? Я верю тебе, Джо, ты еще никогда не оставлял меня в дураках. Но я же все-таки чиновник, отвечающий за ведение следствия. Я пока еще мало знаю, это правда. Такое впечатление, что у тебя есть что-то на уме. Хочу верить, что так. В любом случае важно одно: схватить убийцу и передать его в руки правосудия. У меня нет никаких честолюбивых мотивов, если говорить о сотрудничестве с тобой, но...

— Но я всего-навсего скромный наблюдатель, ищущий тем для своих книг. Это ты арестуешь убийцу. Ты знаменитость в своем деле, не мне же ты своей славой обязан. Это наша с тобой общая игра, Бен. Только мы вдвоем и знаем об этом. Но на сей раз, как мне кажется, я увидел правду раньше тебя. Разреши мне еще час или два не делиться этим с тобой. Ты ведь и сам в состоянии напасть на след, а кроме того, я могу ошибаться. Я все время прямо дрожу от страха, что ошибаюсь. Правда чересчур фантастична, чтобы могла быть правдива. Но в то же самое время...

— В то же самое время?

— В то же самое время я вижу две версии: «А» и «Б». Эта маска подходит к версии «А», но в пользу версии «Б» тоже есть несколько доводов, которые необъяснимы, если верна версия «А». Кстати, сию минуту я знаю, кто убийца «А», но не имею ни малейшего представления о том, кто убийца «Б». Редко такое бывает, что следы ведут в две противоположные стороны.

— И миссис Додд по-прежнему ни «А», ни «Б»?

— Ни «А», ни «Б»,— вздохнул Алекс.— Но я бы ничуть не удивился, если бы в конце концов выяснилось, что убила Винси именно она. Во всем этом деле есть какая-то чертовщина, отчего мороз по спине пробегает. Порой мне даже кажется, что факты начинают беспорядочно кружить у меня в голове.

Паркер нетерпеливо побарабанил пальцами по столику.

— Ну хорошо! Не хочешь, не говори об этих твоих фактах. Так или иначе, но ты знаешь их не больше, чем я, мы ведь с тобой не расставались. Хотелось бы верить, что небеса помогают тебе и ты отыскал дорогу в этом лабиринте. Но мне надо ехать к миссис Додд.

— Вне всякого сомнения! — решительно поддержал его Алекс.— Думаю, это очень важно для дела.

— Если окажется, что убила этого типа она, а здравый смысл заставляет подозревать ее, и только ее, хотя мы и нашли для нее какое-то, неведомое мне алиби... тебе придется поставить мне бутылку хорошего вина. Сегодняшняя ночь в твоей компании стоит мне немалых нервов...— Паркер вдруг смолк.— А что с этой маской? — как бы нехотя спросил он.

— Я знаю, где эта маска...— проворчал Алекс.— Ее, разумеется, взял убийца «А». Убийце «Б» она была бы совершенно ни к чему.

— Ты знаешь, где она?!

— Ну, я не был там, где она лежит, но могу голову дать на отсечение, что найду ее, как только захочу. Если не найду, можешь назвать меня ослом, а потом прогнать домой и велеть проспаться.

— А не пора ли мне это сделать? — Паркер почесал в затылке.— Знаю, есть у тебя что-то на уме, но это твое бормотание мешает мне думать... Не хочешь ли ты прямо сейчас проводить меня туда, где лежит маска?

— Зачем? Пусть лежит. Думаю, нам сейчас следовало бы поехать туда, куда уже полчаса зовет нас чувство долга — к Анжелике Додд.

— Наконец-то я слышу разумные слова,— буркнул Паркер и направился к двери.

IX. Кинжал

Комната, в которой они сидели, поджидая Анжелику Додд, была невелика, но обставлена с безупречным вкусом. Когда слегка перепуганная и заспанная горничная прикрыла за ними дверь, Паркер взглянул на часы.

— Два,— процедил он.— Паршивое время для визитов к невиновным людям. Уже хотя бы по одной этой причине миссис Додд обязана оказаться убийцей.

— Чтобы позволить полиции не нарушать светских приличий. Да. Это причина.

— Боюсь, у нее была еще парочка других...— пробормотал, понизив голос, Паркер.— Теперь вот, наверное, одеваться будет полчаса...

Не успел он договорить, как дверь отворилась и вошла миссис Додд. Она была в скромном темном платье, в чулках и туфлях на высоком каблуке, и прическа ее свидетельствовала о том, что она еще не ложилась. Алекс нимало не удивился, отметив про себя все это.

— Чему обязана, господа? — спросила она, еще раз взглянув на визитную карточку инспектора, которую держала перед собой. Затем резко вскинула голову.— Пожалуйста, присаживайтесь.

Она хорошо владела собой, хотя от тренированного взгляда обоих мужчин не укрылось, что держится она с некоторым напряжением. Анжелика Додд села первой и маленькой, красивой рукой указала им на стулья.

Паркер тяжело опустился на стул и помолчал, разглядывая стол, на котором стояли две керамические пепельницы.

— Дело выглядит таким образом,— неожиданно начал Паркер, подняв на хозяйку глаза,— что целая цепочка улик указывает...— Он осекся, потом вздохнул и продолжал: — Хочу быть с вами совершенно откровенным. Несколько часов назад в своей артистической уборной был убит актер Стивен Винси. Есть улики, свидетельствующие, что человек, который мог совершить убийство, находится в этом доме. Мне хотелось бы, чтобы вы откровенно рассказали обо всем, что вы можете на сей счет сообщить.

Анжелика Додд, не мигая, смотрела на инспектора. Алексу показалось, что, когда Паркер назвал фамилию Винси, дыхание у нее перехватило.

— И это все, с чем вы пришли ко мне? — спросила она.

— Нет. Не все. Женщина, наружность которой и одежда, по описанию, сходны с вашей наружностью и туалетом, посетила Винси в его артистической уборной примерно в то самое время, когда произошло убийство. Ее хорошо запомнил вахтер, и он берется опознать ее на очной ставке. Кроме того, мы знаем, что в этот вечер вы были на представлении «Стульев», а затем попрощались с дочерью и ее женихом, сказав им, что у вас недалеко есть какое-то дело. Можете ли вы нам сказать, что это было за дело?

— Могу,— Анжелика Додд кивнула головой.— Мне надо было кое-что уладить в театре.

— Что именно?

— Мне надо было пройти в уборную Стивена Винси, так как я хотела убить его.

После этого ее спокойно прозвучавшего ответа воцарилось молчание, которое неожиданно нарушил Алекс.

— И вы его убили?

— Да. Разумеется. Ведь я туда за этим и пошла. Я давно ждала этой минуты.

Паркер поднял голову, и Алекс поймал его быстрый, торжествующий взгляд.

— Значит, вы признаетесь в убийстве Стивена Винси, вчера вечером, в его артистической уборной, находящейся в здании Камерного театра? — инспектор перешел на официальный тон.

— Мне нечего сказать вам больше того, что вы, господа, услышали от меня.

Анжелика Додд встала, словно желала дать им понять, что даму можно приговорить к смертной казни, но ее не следует ни о чем расспрашивать, если она того не желает.

— Минутку...— вмешался Алекс.— И вы убили его кинжалом?

— Да... кинжалом с золотой рукояткой, на которой написано: «Помни, у тебя есть друг».

— А зачем вы его убили?

— Боюсь, господа, этого вы не узнаете никогда.

— Наоборот,— Алекс стоял прямо против Анжелики Додд и спокойно смотрел ей в лицо.— Я уже знаю, почему Стивен Винси шантажировал вас и вынудил вас прийти на представление «Стульев» для заключения некоей сделки. Вы согласились навестить его в антракте, чтобы передать драгоценности и деньги, которые он требовал от вас немедленно, угрожая в противном случае навредить вашей дочери. Потому-то вы и захватили с собой такую большую сумку. В маленькую, театральную, кроме бинокля и платочка, ничего не положишь. Ведь так это было, не правда ли?

Анжелика Додд изумленно, во все глаза смотрела на Алекса. Но не проронила ни слова.

— Впрочем, это было ясно с самого начала.— Алекс пошевелил пальцами.— Меня другое интересует: как вы успели прочитать надпись на кинжале?

— Я ее тысячу раз читала...— миссис Додд успокоилась.— Я этот кинжал отлично знаю.

— Вы его вытащили из ящика?

Она опять изумленно посмотрела на Алекса, но тотчас же утвердительно кивнула головой.

— Да! Из ящика стола моего мужа.

— Что? — начал было Паркер, но Алекс жестом прервал его.

— Вы можете показать нам, где вы взяли кинжал?

— Да... разумеется... Муж держал его вместе со множеством ненужных мелочей, которые есть у всякого мужчины. Он лежал здесь, в столе.

— Где именно?

Миссис Додд еще раз еле заметно пожала плечами, а потом подошла к столу и выдвинула средний ящик.

— Он лежал тут, на самом верху...

Она протянула руку и машинально последовала за ней взглядом. И вдруг замерла, словно окаменела. Потом пошатнулась. Паркер бросился к миссис Додд и успел поддержать ее.

— Обморок, кажется...— сказал он и заглянул в ящик стола. И тоже словно окаменел. Подошел Алекс и удовлетворенно кивнул головой.

На дне ящика лежал кинжал, как две капли воды похожий на тот, который всадили в грудь актера Стивена Винси.

X. Родители Энн Додд

Алекс, оглядевшись вокруг, увидел на столе графин, налил воды и поднес стакан к губам миссис Додд, которая как раз открыла глаза. Отстранив руку поддерживавшего ее Паркера, она, пошатываясь, добрела до стула. Села и закрыла лицо руками. Плечи ее задрожали, она беззвучно заплакала.

Паркер бросил взгляд на Алекса поверх ее головы. В его взгляде были такая растерянность и изумление, что Джо едва сдержал улыбку. Не обращая внимания на слезы миссис Додд, он направился к выдвинутому ящику и достал из него кинжал. Паркер подошел к другу.

— Точно такой же...— прошептал он.

И тут оба они, как по команде, обернулись. В дверях стоял невысокий седеющий сухощавый мужчина в пижаме, поверх которой был наброшен халат.

— Что тут происходит? — спросил он спокойно.— Вы что, грабители?

— Совсем наоборот.— Паркер шагнул ему навстречу.— Я инспектор Скотленд-Ярда, а это мой сотрудник. Мы приехали сюда в связи с убийством актера Стивена Винси.

— Что? — откликнулся мужчина в халате.— Стивен убит? — Он схватился рукой за дверной косяк. Алекс подумал было, что сэр Томас Додд тоже упадет в обморок, как его жена. Но тот овладел собой. Выпрямился, вошел в комнату и прикрыл за собой двери. Только теперь, когда свет упал на его лицо, Паркер и Алекс заметили, как он бледен. Он, видимо, и в самом деле был тяжело болен — кожа землистого цвета, лихорадочный блеск в глазах. Анжелика Додд подняла голову, быстро вытерла слезы и встала.

— Зачем ты поднялся, Том? Ты же знаешь, что тебе нельзя! — Она бросилась к нему и, взяв под руку, повела к стулу. Но сэр Томас высвободил руку и уселся сам, улыбнувшись жене.

— Ты ведь понимаешь, что это не имеет ровно никакого значения,— ворчливо сказал он. Потом взглянул на Алекса, все еще державшего кинжал.— А зачем вы достали это из моего ящика?

— Видите ли, господа,— Паркер замялся,— весьма сожалею, что мне придется выступать здесь в своей официальной роли, но, к несчастью, совершено преступление, и мы должны докопаться до истины. Ваша жена минуту назад призналась в убийстве Стивена Винси...

— Вздор! — перебил его сэр Томас и повелительным жестом призвал всех к молчанию.— Ты говорила что-нибудь подобное, дорогая? Если этот человек лжет, я сейчас же свяжусь с соответствующим министром и...

— Нет, он не лжет. Я сказала это.

— Что? — лицо знаменитого археолога побледнело еще больше.— Как же так? Зачем?

— Потому... потому что...

— Стало быть, вы отказываетесь от своих слов? — спросил Паркер.

— Да. Отказываюсь.— Она осушила носовым платком последние слезы. К ней вернулось былое хладнокровие.

— Ну, хорошо...— Паркер тоже вынул платок и вытер пот со лба.— Очень сожалею, сэр. Я знаю, что вы недавно перенесли операцию и чувствуете себя не лучшим образом. Я не хотел бы теперь, посреди ночи, затягивать эту тягостную сцену. Но вы, миссис Додд, должны пояснить нам целый ряд обстоятельств. Из ваших слов явствует, что на месте преступления вы были. Вы мне сказали даже, чем именно был убит Винси. Затем собирались показать мне место, откуда вы взяли орудие убийства, и действительно предъявили мне кинжал, как две капли воды похожий на орудие преступления. И тогда вы упали в обморок. Я прошу вас и вашего мужа отдавать себе отчет в том, что я должен узнать всю правду, иначе, к моему великому сожалению, я буду вынужден арестовать вас, миссис Додд, по подозрению в убийстве, и назавтра вся английская пресса будет трубить об этом, на первых полосах поместят фотографию миссис Додд на полколонки и обольют грязью всех членов вашей семьи. Если же вы не убивали Стивена Винси и можете доказать это, то говорите. Объясните мне также, каким чудом в вашем доме оказался точно такой же кинжал, каким убит Стивен Винси? Тем более что кинжал этот уже давно был его собственностью. Мне также необходимо знать, что лежало в той большой сумке, которую вы принесли в уборную Винси, и зачем вы вообще туда ходили втайне от дочери и будущего зятя. Мне нужна вся правда, и моя обязанность докопаться до нее во что бы то ни стало. Только зная правду, я смогу найти убийцу. Так угодно ли вам поведать нам эту правду, которая все равно выйдет наружу, или вы предпочитаете, чтобы она выяснилась сама собой, потом, при скандальных обстоятельствах — ведь убийство такого актера, как Винси, отзовется громким эхом и станет лакомой поживой для газет...

— Может быть, лучше я вам все расскажу...— тихо произнес сэр Томас Додд.

— Том! — закричала его жена.— Эти люди не имеют права! Никому не позволено...

— Боюсь, дорогая, что они все равно дознаются,— муж ее развел руками.— Существуют даты, документы... Если уж полиция возьмется за дело, то в конце концов докопается... Да ты, наверное, и не захочешь быть обвиненной в этом убийстве теперь.— Он показал на кинжал в руках Алекса и, ласково улыбнувшись ей, прошептал: — Мое бедное, глупенькое дитя... Ведь достаточно было спросить меня...

— Если я правильно понял, вы хотите дать показания? — Паркер сел и раскрыл блокнот.

— Показания? — Сэр Томас невозмутимо взглянул на него и снисходительно усмехнулся.— Два месяца назад меня оперировали, раковая опухоль на руке... Считалось, что после этой операции у меня будет по крайней мере один спокойный год. Но вот уже несколько дней у меня опять боли...

— Том! Почему ты мне не сказал?! — В глазах миссис Додд Паркер и Алекс увидели неподдельный ужас. Она стиснула зубы.— Глупости...— произнесла она почти спокойно.— Наверно, это еще последствия операции. Бывают послеоперационные боли, которые потом стихают...

— Нет, дорогая. Когда вы уехали в театр, я позвонил Джорджу Эмстронгу и попросил принять меня.— Он взглянул на Паркера.— Эмстронг — один из лучших наших онкологов. Это он делал мне операцию.— Паркер молча кивнул.— Однако мы отвлеклись,— продолжал сэр Томас.— Вы меня спросили, хочу ли я дать показания. В десять вечера мой друг, доктор Эмстронг, сказал мне, что я... поправлюсь. Но когда я потребовал правды, когда я сказал, что человеку нужно приготовиться к своему последнему путешествию, когда я объяснил ему, что по причинам личного и профессионального свойства мне надо знать все, он несколько изменил свое суждение, хотя и ничего не сказал прямо, а только предупредил, что при раке человек должен быть ко всему готов. А я уже знаю эту боль, и меня трудно обмануть...— Его жена закрыла глаза. Он погладил ее по голове и выпрямился на стуле.— Понимаешь, дорогая, я сейчас, как видно, отношусь к жизни несколько иначе, чем прежде. Я знаю, почему ты призналась в убийстве. Вошла в его уборную и, увидев этот кинжал, решила, что это я убил его. Потому и призналась, когда сюда пришли эти господа... Моя глупенькая, отважная девочка... А между тем твоя жертва была совершенно не нужна.

— Так все и было? — спросил Паркер.

Миссис Додд молча кивнула головой.

— А позвольте спросить: почему ваша жена решила, что это вы убили Винси? Меня этот вопрос тоже очень интересует, как и все остальные, на которые вы, господа, пока не ответили.

— Думаю, что вряд ли удастся ответить на каждый вопрос в отдельности...— возразил сэр Томас ровным, усталым голосом,— либо вы узнаете все, либо ничего... Думаю, что в этой ситуации скрыть правду не удастся.— Он бросил взгляд на жену.— Я только хотел бы заметить, что речь пойдет о чести двух женщин и одного мужчины, а также о счастье и будущем всей моей семьи. Можете ли вы поручиться за свое умение хранить чужие тайны, если я соглашусь сообщить вам то, о чем не знал никто, кроме Стивена Винси?

— Я был офицером воздушных сил Его Величества, а теперь офицер полиции Соединенного Королевства,— ответил Паркер.— Присутствующий здесь мой сотрудник во время войны тоже был летчиком, он кавалер многих высших орденов, но прежде всего он — английский джентльмен. И все же могу обещать вам лишь одно: никто не узнает ни слова из нашего разговора, если миссис Додд невиновна. В противном случае я буду вынужден повторить юридическую формулу: «Вы подозреваетесь в убийстве Стивена Винси, и от лица закона я предупреждаю вас, что с этой минуты каждое ваше слово может быть использовано против вас. Обращаю также ваше внимание, что вы не обязаны давать какие-либо показания, не посоветовавшись с адвокатом...» — Он развел руками.— Я же выступаю от имени закона, сэр. В этой ситуации мне нечего больше прибавить.

— Этого довольно,— кивнул сэр Томас.— Мне остается поверить вам обоим, господа, и я рад, что вы ответили мне именно таким образом. Это был честный ответ...— Он взглянул на жену.— Может быть, тебе лучше пойти лечь, дорогая?

Паркер изумленно поднял брови, но миссис Додд опередила его:

— Нет. Я останусь. Если мы должны через это пройти, то пройдем вместе.

— Хорошо.— Сэр Томас склонил голову.— Чтобы вам было понятно случившееся сегодня вечером, необходимо вернуться на двадцать с лишним лет назад. Я учился в одной школе со Стивеном Винси...— Он подумал немного.— Мы были не только однокашники, но и друзья. Неразлучные друзья. Теснее всего связывала нас любовь к театру. Мы вместе бывали на всех спектаклях, вместе основали драматический кружок в школе, и оба были его звездами, потому что, хоть это может показаться вам забавным, я, видимо, тоже был наделен артистическим даром. После окончания школы я отправился в Оксфорд, потому что мой отец, археолог, и слышать не хотел о том, чтобы я подвизался на сцене. Да, в сущности, археология тоже с детства влекла меня. В доме нашем жили ушедшие столетия, и он был забит до отказа глиняными сосудами, статуэтками и древней утварью, и все это отец научил меня понимать и любить. Винси же пытался поступить в какой-нибудь театр. При расставании мы заказали себе эти два кинжала. Все это, конечно, было мальчишеством, но кинжалы должны были означать, что каждый может всю жизнь рассчитывать на дружбу другого. Стивену удалось пристроиться в один из провинциальных театров, а позже, когда я уже окончил Оксфорд, он оказался

в Лондоне, но здесь ему не очень везло. В то время он часто бывал у меня. После смерти отца я унаследовал этот дом и небольшое состояние. Стивен некоторое время жил у меня, я помогал ему, когда ему не хватало на жизнь (а не хватало ему постоянно), и старался, как умел, поддерживать нашу дружбу. Так шло до той поры, пока я не встретил Анжелику Кроуфорд — девушку, которую полюбил и на которой мечтал жениться; она платила мне взаимностью. Вот тогда это и случилось, то, что бросило тень на всю нашу жизнь, и эта тень сейчас снова на нашем доме. Разумеется, я познакомил их в надежде, что мой единственный друг и моя единственная девушка тоже станут друзьями. Так и вышло. И даже более того. Однажды я получил от Анжелики краткое письмо, поразившее меня словно гром среди ясного неба. Она ушла от меня к Стивену. Я выдержал это, потому что должен был выдержать. Стивен к тому времени уже съехал от меня. Я не стал его разыскивать. Впрочем, известность его быстро росла. Прошло полгода, потом еще год. Как-то я поехал на юг Англии. Мы вели раскопки курганов друидоических времен неподалеку от городка, где мы, участники экспедиции, поселились. Там я и встретил Анжелику. Мы столкнулись на улице. Она хотела пройти мимо. Я остановил ее. Я ни о чем еще не знал. Спросил о Стивене... И узнал правду. Вместе с ребенком, крошечной двухмесячной девочкой, она жила у какой-то старухи, которой сказала, что она вдова, а муж ее погиб сразу после свадьбы в автомобильной катастрофе. Я пошел к ней. Мы стояли над детской кроваткой и смотрели друг на друга. Я все еще любил ее. Думаю, что и она меня любила, даже тогда. Но мы смотрели друг на друга так, словно пережили бурю, которая разметала наш дом и наши надежды. А между нами лежал маленький спящий ребенок. Дочь Стивена Винси, который бросил Анжелику и даже не интересовался, что стало с ней и его дочуркой. Разумеется, он на ней не женился. Как раз тогда он пошел в гору. Зачем ему нужно было связывать себя семьей?.. Через какое-то время мы обвенчались. Я как раз собирался с экспедицией в Египет на два года. Анжелика с девочкой поплыли на другом судне. Мы оформили брак в Каире, почти тайно. Потом мне удалось устроить так, что Энн получила документы на полтора года позже. В конце концов трудно точно определить, сколько девочке — три года или четыре с половиной. Египет тут очень пригодился, никто ни о чем не догадывался. Я тогда был молодым безвестным ученым. Моя жизнь никого не интересовала. Поэтому я много путешествовал по свету, и не было оснований подозревать, что Энн — не мой ребенок. Шли годы, прошло почти двадцать лет. И как раз теперь, когда умер кузен моего отца, оставив столь огромное состояние, Винси объявился. Он знал правду, хотя это его и не интересовало. Как-то давно он встретил Анжелику на улице и весело спросил, как ее успехи. Наверно, она поступила опрометчиво, выложив ему все и обойдясь с ним как с негодяем, которым он, впрочем, и был. Винси пустился было в объяснения, но она не стала слушать и ушла. Думаю, это его успокоило. С тех пор прошло несколько лет. На той неделе он позвонил Анжелике и попросил о встрече. Когда она отказалась, он пригрозил, что все раскроет. Энн, само собой, не имеет понятия о том, что она... что его связывают с ней узы родства. Я — ее отец и, Бог свидетель, заслужил называться так в тысячу раз больше, чем кто-либо иной... Анжелика рассказала мне о звонке Винси. Мы стали ломать голову, как быть. Скорее всего запоздалые отцовские чувства пробудило в нем сообщение в прессе о наследстве Энн. Но у Винси на руках было немало козырей. Во-первых, он мог раскрыть нашу тайну, чем навлек бы несчастья на нашу семью, ведь, думаю, для девочки это был бы страшный удар, тем более что отец ее — такой прохвост. Во-вторых, ее двоюродный дед, умирая, объявил, что наследовать ему могут только его родственники, но не свойственники. Если Энн моя дочь, она ему родственница, но если она — дочь Винси, то тогда не имеет к нему никакого отношения. Какая страшная ирония: теперь, когда девочке улыбнулась судьба, внезапно является этот негодяй.

К тому же Энн очень привязана к молодому Крессуэллу, который, по-моему, влюблен в нее по уши. К счастью, это было очевидно и раньше, до того, как зашла речь о наследстве. Если бы Винси раструбил повсюду о нашей истории, боюсь, Крессуэлл отправился бы к нему и надавал пощечин, но тогда юноша попал бы в весьма щекотливое положение — неизвестно, как отнеслась бы к этому его консервативная семья. Он сын лорда, а Энн вдруг оказалась бы внебрачным ребенком актера... Все это было ужасно. Винси регулярно звонил дважды в день. Наконец мы решили уступить. В конце концов, что такое деньги в сравнении

с бедами, которые нас ожидали. К тому же я очень болен, и нам была непереносима мысль о том, что Энн может остаться почти без средств к существованию, утратить положение в обществе, да еще столько натерпеться на самом пороге жизни, которая начинала складываться так чудесно. Три дня назад Энн передали драгоценности стоимостью в полмиллиона фунтов. Это замечательная коллекция бриллиантов. Она, разумеется, составляет только часть наследства, но у меня было ощущение, что Винси удовольствуется не слишком большой суммой. Анжелика встретилась с ним в кафе... Он цинично объявил ей, что раз уж дочь его, без всякого на то права, стала наследницей огромного состояния, то она обязана поделиться со стареющим отцом. Анжелика сказала ему, что восемьдесят процентов этого состояния вложены в рудники и недвижимость, а наличных денег не так уж много. Винси ответил, что полмиллиона фунтов открыли бы ему дорогу к подлинной славе в этом мире, где ни один талант не пробьется через преграды, которые ему ставит посредственность в лице тупоумных критиков. Если он получит полмиллиона, то обязуется никогда не напоминать Энн о своих правах на нее. Анжелика согласилась, но предупредила, что на это ей потребуется какое-то время. Тогда Винси достал из кармана газету и сказал, что готов подождать денег несколько недель, но с условием, что возьмет в залог драгоценности. У него их никто не украдет, так как никому в голову не придет, что у него может храниться что-нибудь в этом роде... Драгоценности Энн положила в банковский сейф на мое имя. Я взял их оттуда. Сегодня Анжелика должна была сделать вид, что идет в театр вместе с Энн и Чарльзом. А там — отнести Винси в его уборную сумку с бриллиантами. Ему хотелось, чтобы это произошло в театре. Может, его ошеломила ценность этой сумки, и он понял, какое в ней огромное состояние, может, боялся, что Анжелика затеяла какую-то нечистую игру. Во всяком случае, он уперся на своем, и Анжелике опять пришлось уступить. Вчера вечером она поехала с Энн и Чарльзом в театр, потом сказала им, чтобы они возвращались домой без нее, так как у нее есть еще дела поблизости, и отправилась в уборную Винси. Что было дальше, я не знаю. Когда в одиннадцать я вернулся домой, она уже была здесь и сказала мне только одно: «У меня голова болит. Расскажу тебе обо всем завтра утром...» — Он обернулся к жене, которая все это время сидела неподвижно, с бледным, застывшим лицом.— Остальное знаешь ты, дорогая...

— Я мало что могу добавить.— Она глубоко вздохнула.— Мне все время было не по себе. И еще... еще эта пьеса меня расстроила. Все мое прошлое... все то, что было, стояло перед глазами, когда он играл Старика. Я расплакалась. Потом успокоилась. Во втором действии я уже не чувствовала никакого душевного контакта с ним. Он стал строже, рассудительнее, и мне это помогло. Я все прижимала к себе сумку, нелепую в сочетании с моим платьем, доверху набитую бриллиантовыми колье, которые я завернула в кусок полотна. Но к бриллиантам я была равнодушна. Хотелось только, чтобы все было уже позади, чтобы я оказалась дома... И... и еще... я боялась... Не верила ему. Не верила, что он на этом остановится. Боялась, что когда-нибудь он напьется и проболтается или попросту начнет рассказывать, что Энн — его дочь... Мне чудилось, что я слышу его слова: «Энн Додд? Да это моя дочурка... Отвалила мне от своего состояньица полмиллиончика...» Он любил уменьшительные...— Она закрыла лицо руками, но тут же быстро овладела собой.— А потом я вошла в его уборную и увидела его лежащим на кушетке. Это поразило меня, потому что дверь была заперта, и, чтобы войти, мне пришлось повернуть ключ, торчавший снаружи. Не могла же я ждать в коридоре, где меня мог увидеть кто-нибудь из знакомых. Он не пошевелился. Я еще ничего не понимала. Прикрыла за собой дверь и подошла. И тогда увидела, что в груди его торчит кинжал с позолоченной рукояткой...

XI. Время убийства строго определено

— ... Точно такой, какой вы много раз видели у себя дома. Вы не знали, что восторженные юнцы когда-то давно заказали два одинаковых кинжала и велели выгравировать на них надпись в память о дружбе. Кинжалы на много лет пережили эту дружбу,— ни с того ни с сего вставил Алекс,— однако вы этого не знали. Вы сразу подумали — а может быть, это не мысль, а инстинкт подал сигнал тревоги,—

что муж побывал здесь до вас и убил Винси. И что вы тогда стали делать? Сразу выбежали за дверь?..— Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Скорее всего, нет. Вы ведь не только жена, но и мать. Вы, я полагаю, лихорадочно искали то, за чем пришли,— свои давние письма, в которых вы ему сообщали, что у вас будет ребенок. Может быть, вы написали ему сразу после родов. Вам тогда могло казаться, что независимо от отношений мужчине надо дать знать о таком событии, ведь это предоставляет ему последний шанс сохранить свою честь... Вам же хотелось, чтобы он оказался лучше, чем был на самом деле. Это естественно. Даже если вы осознали свою ошибку. Когда много лет назад вы писали это письмо, вами руководил тот же инстинкт, который теперь толкал вас обыскать вещи убитого. Я понимаю вас. Но писем вы не нашли, не так ли?

К удивлению Паркера, Анжелика Додд тихо ответила:

— Да, не нашла, хотя не представляю, откуда вы все это знаете.

— Простое рассуждение,— Алекс покачал головой.— Винси не мог бы так нагло вас шантажировать, если бы у него не было никаких доказательств. А могут ли быть более убедительные доказательства, чем письма, написанные вашей рукой? Не найдя их, вы ушли из театра и поехали домой на такси. Теперь все, не так ли? Мужа еще не было, и вы притворились, что у вас болит голова, чтобы не видеть его. Вы боялись встретиться с ним, думая, что это он убил Винси. И еще вы считали, что никто ничего не узнает. Но когда мы пришли сюда, вы решили, что человек, которого вы любите, который любит вашего ребенка, может быть, больше, чем любил бы свое родное дитя, который стольким пожертвовал для вас и так заботился о вас всю свою жизнь,— что такой человек не должен расплачиваться за свою последнюю попытку защитить себя. Поэтому вы сказали: «Это я убила» — и были готовы принять на себя последствия ваших слов. Муж ваш болен. Вам было невыносимо думать о предстоящем ему долгом мучительном следствии и унижениях на суде, когда все тайное станет явным. Вы решили сочинить какую-нибудь историю про себя и Винси, чтобы сохранить отцу дочь, а дочери — отца... Может быть, вы еще не продумали всего до деталей. Но вы готовились ответить перед полицией за все то, чему были до некоторой степени причиной много лет назад. И вдруг вы видите кинжал... Тут вы поняли, что ваш муж невиновен, и отказались от своих показаний. Не так ли?

Анжелика Додд молча кивнула. Ее муж закрыл лицо руками.

— Дорогая,— прошептал он чуть слышно.

— Мне очень жаль...— Алекс поднялся.— Жаль, что пришлось говорить об этом. Однако правда должна быть установлена, и вам ничего не оставалось, как рассказать все как было.— Он взглянул на Паркера.

Инспектор захлопнул блокнот и тоже встал. Видно было, что он все еще сомневается.

— К сожалению,— сказал он.— К сожалению...— Тут он посмотрел на Алекса. Джо стоял неподвижно, но подал ему почти незаметный предостерегающий знак глазами.

— К сожалению,— Паркер с облегчением вздохнул, словно нашел разгадку мучившего его вопроса,— я всего лишь полицейский, и хотя мне хочется верить вам, но миссис Додд была последним человеком, который видел убитого, и даже в ваших собственных показаниях есть серьезные свидетельства, которые бросают тень...

Алекс громко кашлянул.

— Поэтому я, к сожалению, буду вынужден...— И Паркер быстро договорил: — Поставить у вашего дома полицейского в штатском, а миссис Додд обязать не отлучаться из дому ни при каких обстоятельствах... до того момента, пока этот запрет не будет отменен... Это все, что я могу сделать в настоящее время.

Сэр Томас Додд встал и протянул ему руку.

— Благодарю вас,— произнес он сердечно.— Понимаю, что ваше рыцарское поведение идет вразрез с кое-какими предписаниями. Но уверяю вас, что... что...— он запнулся,— что вы истинный джентльмен.

Паркер покраснел и поспешил в прихожую. На улице, перед тем как сесть в машину, он позвал агента Стивенса.

— Я привез вас сюда, Стивенс, чтобы произвести арест и доставить убийцу куда следует. Сожалею, но теперь вам придется остаться здесь на полчаса, пока вас не сменит сотрудник из управления. Проследите, чтобы этот дом не покидала

миссис Додд, невысокая шатенка лет сорока пяти. Если у дома есть черный ход и она выберется на другую улицу, не принимайте этого слишком близко к сердцу. Тогда мы посадим в кутузку вместо нее мистера Джо Алекса, самого наивного человека на свете!

— Слушаюсь, шеф,— сказал Стивенс, улыбнулся Алексу и принялся прохаживаться вдоль стены.

— Ты не пожалеешь об этом...— пробормотал Алекс.

— Я поступил так только потому, что по выражению твоего лица заключил, будто убийца уже у тебя в кармане. Твоя проницательность меня ошеломляет. Но всего ты не знаешь. Не знаешь, например, куда мы сейчас отправимся.

— Думаю, что к доктору Джорджу Эмстронгу, известному онкологу...— вполголоса произнес Джо.— Или я ошибаюсь?

Паркер открыл рот, потом закрыл и наконец тихо сказал:

— Боже праведный и всемогущий! — Затем, наклонившись к шоферу, почти со злостью крикнул: — Коламбус-стрит, четыре!

Оказалось, что поднятый с постели доктор Эмстронг ведет книгу приемов с превеликой тщательностью. В последней графе стояло: «Сэр Томас Додд. Время приема с 9.20 вечера до 10.45»,— а дальше цепочка латинских слов.

— Вы всегда с такой точностью — до минуты — записываете время приема пациентов? — спросил пораженный Паркер.

— Да,— ответил Эмстронг.— Меня интересует проблема рациональности медицинского обследования. Я даже пишу сейчас об этом брошюру. Мне представляется, что врачи тратят много времени впустую... Эти данные помогают мне определить, сколько времени занимают обследования при разных заболеваниях.

— А как вы оцениваете состояние здоровья сэра Томаса Додда?

— Принимая во внимание вашу должность, я скажу вам всю правду. Но думаю, что скоро и так все будет ясно. Я считаю положение сэра Томаса безнадежным. Сразу после операции у меня еще была надежда. Теперь опухоль опять растет. Вероятно, через несколько дней наступит ухудшение. Если не дней, то недель. Все зависит от того, как быстро будет развиваться раковая ткань. Боюсь, что у Додда это произойдет очень быстро. Сегодня он приехал ко мне на своей машине. Я давно уже запретил ему это. Он в любой момент может внезапно лишиться сил... В таких случаях нельзя играть с жизнью, ведь речь идет и о жизни других — прохожих, например. Я сам отвез его домой...

Паркер поблагодарил его, и они вышли. На улице инспектор хлопнул себя по лбу.

— Зачем я, собственно, сюда приехал? — воскликнул он.— Ведь Додд не мог его убить. Если с 9.20 он был на обследовании, то у него стопроцентное алиби. И ведь он не входил за кулисы Камерного театра. Его там вообще не было! Вахтер видел всех входящих, а другого входа там нет. Я, верно, свихнулся!

— Главный недостаток у вас, профессиональных криминалистов, в том и состоит, что вам во что бы то ни стало надо удостовериться в правдивости всех допрашиваемых. Непременно вам надо поймать кого-нибудь на лжи. А ведь убийцу не найдешь, не отыскав мотива. Там, где есть убитый, должен быть тот, кто его убил. И у него должна быть причина для убийства. Если такие причины есть у нескольких людей, то надо искать человека, который мог совершить преступление тем способом, каким оно было совершено, и в таких обстоятельствах, которые сопутствовали убийству. И если каким-нибудь чудом этих людей окажется двое, то одного всегда можно исключить. Об этом я как раз и думаю. У меня на примете двое убийц, а убил-то один. Только вот не знаю который.

— А как ты, например, исключил миссис Додд? — без всякой иронии спросил Паркер.— Ты мне сегодня нравишься, старина. Моя совесть полицейского не позволяет мне поверить тебе, но сам я как частное лицо начинаю думать, что ты и в самом деле разобрался в этой путанице за прошедшие...— он посмотрел на часы,— неполных три часа. Но ответь мне на мой вопрос о миссис Додд.

— Стесняюсь,— прошептал Алекс.— Мой довод так легковесен, что я готов вернуться и арестовать ее...

— Нет! — возразил Паркер.— В конце концов, она от меня не скроется. Даже если ты ошибся и она ускользнет от Стивенса, полиция ее отыщет. На этот счет я спокоен. Говори же!

— В ее невиновности меня убедило то обстоятельство, что Винси был убит, когда лежал.

— И что из этого? Разве женщины не убивают мужчин, лежащих навзничь? Я мог бы привести тебе дюжину примеров...

— Разумеется, но не *эта* женщина, не *этого* мужчину, а, главное, не в *этих* обстоятельствах.

— Это почему же?

— Тут уж мы вторгаемся в область фантазии, но все для меня так реально, словно я при этом присутствовал, разве что ты найдешь изъян в моих рассуждениях. Вот представь себе ситуацию: ты — Стивен Винси и ждешь женщину, которая должна передать тебе ювелирные изделия на головокружительную, астрономическую сумму в полмиллиона фунтов. Ты знаешь, сколько они стоят, знаешь, что эта женщина придет. С ее визитом ты, по понятным соображениям, связываешь свои надежды на крутую перемену в судьбе. И что дальше? Неужели же ты, даже если бы ты смог прилечь хоть на минутку, а не расхаживал по комнате в ожидании,— неужто ты и в самом деле лег бы и не вскочил на ноги, когда она пришла? Неужели во время ее краткого визита ты был бы способен лечь, держа в руках эту сумку, полную сокровищ? Может ли человек, попав в такие фантастические обстоятельства, вдруг взять и улечься на кушетку? Разве только ради того, чтобы женщина, которая принесла драгоценности, могла открыть ящик за его спиной и достать кинжал, о существовании которого она не подозревала. Нет. Винси просто-напросто *не мог лежать* в таких обстоятельствах. А Анжелика Додд такая маленькая и явно такая хрупкая женщина, что трудно предположить, будто она способна хладнокровно нанести ему столь сильный удар в грудь, а потом втащить труп на кушетку, уложить его на ней и инсценировать самоубийство. Да и медицинская экспертиза свидетельствует, что он скончался лежа, не так ли? Нет, мой дорогой, хотя такой аргумент представляется слабым и суд долго раздумывал бы над ним, с психологической точки зрения я более чем уверен в нем. Миллионов не берут лежа, да еще в театральной уборной, второпях, зная, что принесшее их лицо сразу же уйдет. Винси открыл бы сумку и проверил содержимое, прежде чем отдавать письма. А потом, у Анжелики Додд не было бы причин оставаться, если бы он улегся подремать... Да и зачем дремать? Зачем отдыхать? Ведь спектакль уже кончился. Он мог пойти домой. У него — полмиллиона! Он уже должен был быть одет и разгримирован! Прошло двадцать минут с тех пор, как он покинул сцену, ведь миссис Додд вошла в четверть одиннадцатого, а он ушел со сцены примерно в девять пятьдесят. Ты можешь это объяснить?

Паркер кивнул.

— Разумеется, это трудно объяснить. А у тебя самого есть ответ?

— Говорю же тебе, что у меня их два. Винси мог убить один из двоих, кого я подозреваю. Правда, результаты допросов могут радикально изменить мои представления. В ходе следствия может обнаружиться нечто, о чем мы не знали и чего не предвидели. Однако, исходя из того, что нам известно к нынешнему моменту, возможны две версии. Или «А» или «Б». Миссис Додд я исключаю. Стивенс зря тратит время, торча у ее дома. Но Бог с ним, со Стивенсом. Что ты теперь намерен предпринять?

— Я хотел бы допросить весь персонал театра, а потом подумаем,— пробормотал Паркер.— Честно говоря, сегодня я как никогда доволен тем, что пригласил тебя сотрудничать с нами. Дело это какое-то скользкое... Но, в конце концов, еще и трех часов не прошло. Ты прав, никто не ждет, что мы схватим неведомого убийцу через пару часов после преступления...

Они помолчали. Машина летела по опустевшим городским улицам.

— Да...— Джо Алекс прикрыл глаза.— Это незаурядное дело. И я все еще не понимаю одного...

— Чего?

— Иногда мне кажется, будто его убили два разных человека независимо друг от друга... Никогда еще не видел такого, чтобы следы вели в двух противоположных направлениях. Почему-то два человека ведут себя так, словно они его убили и хотят замести за собой следы. Но почему? Почему? Ведь убийца был только один и действовал без помощников.

— Пусть меня прирежут как собаку! — прошептал Паркер.— Пусть меня прирежут и закопают без отпевания, если я вижу здесь хоть одного убийцу...

— Увидишь,— задумчиво проговорил Алекс. И вдруг подскочил на сиденье.— А все-таки, что там со временем убийства? Ведь это просто невозможно, чтобы врач так долго возился... Наверно, что-то у него не сходится. Вот посмотришь, медицинское заключение будет сенсационным.

— Думаешь?

— Уверен. Мы просто ахнем, когда узнаем, в какое время Винси умер на самом деле... Но что это даст? Боюсь, это не подскажет нам, кто его убил...

— Прелестно! — сказал Паркер.— Прекрасно! Замечательно! Я воодушевлен твоим оптимизмом. Люблю веселых и беззаботных парней.

— Бен...— тихо сказал Алекс.

— Что?

— Когда будешь говорить с врачом, спроси его, так, на всякий случай, мог ли Винси убить левша... то есть левой рукой...

— Что такое? — Паркер помотал головой и посмотрел на Алекса. Но, к своему изумлению, Алекс увидел, что инспектор широко улыбается.— Джо, я беспомощен как ребенок. Но кое-что уже начинаю понимать. Начинаю понимать, Джо!

— Значит, у тебя есть преимущество передо мной. Я еще не понял.

Но инспектор потер руки и присвистнул.

— Да...— сказал он то ли себе, то ли другу.— У меня промелькнула одна мысль, когда мы говорили с Дэвидсоном, но потом я позабыл об этом. Слишком много думал о миссис Додд. Все казалось так ясно...

— Ясно? — Алекс открыл глаза и посмотрел на него. В эту минуту он был крайне серьезен.— Мне в этом деле еще ничего не ясно, хотя порой кажется, что я знаю все, абсолютно все.

Машина остановилась. Паркер по-мальчишески резво выскочил из нее и, вбежав в комнату, тут же схватился за телефонную трубку.

— Это вы, доктор?.. Да... Так... Что? Так... Это явно освобождает от подозрений одну весьма милую даму, которой я в глубине души симпатизирую... Но весьма осложняет дело... А мог убийца быть левшой?.. Что?.. Нет... Вы это исключаете... Да... Спасибо... Спокойной ночи, доктор...

Он положил трубку на рычаг и взглянул на Алекса, который, стоя в дверях, достал из выпуклого кожаного портсигара сигарету «Голд флейк» и закурил.

— Знаешь, Джо, что он сказал?

— Сказал, что левша не мог совершить этого убийства. А как со временем преступления?

— Он сказал буквально следующее: «Убийство произошло между 9.00 и 10.00; не раньше и не позже». По его убеждению, преступление совершилось задолго до десяти, но приходится смириться перед лицом фактов. Он сказал: «Буду выступать как эксперт в любом суде, и если кого-нибудь обвинят в совершении этого преступления хотя бы на минуту позже указанного срока, я под присягой подтвержу его невиновность!» Удар Винси нанесли правой рукой. Об этом свидетельствует угол раны и рисунок ее краев. Знаешь, ведь у каждого удара есть определенная специфика и прочее?

— Знаю...— Алекс кивнул.— Это упрощает дело. Но в любом случае ты уже можешь послать машину за Стивенсом, а также позвонить миссис Додд и сообщить ей, что она освобождена из-под домашнего ареста. В 10.00 она сидела в двух ярдах от меня в зрительном зале.

Паркер тут же стал звонить, и когда он клал трубку на рычаг, видно было, что он испытывает искреннее облегчение.

— Независимо от того, кто убил Винси, я рад, что эта несчастная женщина ни при чем. Она, я думаю, немало настрадалась в жизни, и все по вине покойника... А теперь я хочу разбудить директора Дэвидсона, если он уже спит, и поговорить с ним о тех людях, которых нам предстоит допросить. Нам будет легче задавать им вопросы.

— Хорошая идея,— согласился Алекс.

— Идем! — Паркер открыл двери, и они снова пошли по коридору мимо уборной Стивена Винси, где все еще горел яркий, резкий свет.

XII. Второй разговор с директором Дэвидсоном

В коридоре они встретили сержанта Джонса, который прохаживался мерным шагом вдоль надписей «Тишина!», громко и фальшиво насвистывая «Que sera, sera».

— Джонс!

— Слушаю, шеф!

— Напиши мне разборчиво список всех членов труппы. Через четверть часа я хочу видеть здесь Генри Дарси, а потом по очереди и всех остальных. Затем приведешь мне Эву Фарадей. Я не хочу, чтобы они встречались друг с другом. Тут достаточно пустых помещений. Размести их всех так, чтобы они не виделись и чтобы те, кого уже допросили, не могли рассказать другим, о чем шла речь.

— Слушаюсь, шеф,— Джонс направился к комнате вахтера.

Стоящий на посту в конце коридора у лестницы полицейский, завидев Паркера, выпятил грудь.

— Директор Дэвидсон спускался?

— Нет, господин инспектор.

— А к нему входил кто-нибудь?

— Тоже нет, господин инспектор. Никто, кроме наших сотрудников, по зданию не ходил.

— Хорошо.

Они поднялись по лестнице. На их стук в дверь Дэвидсон тотчас же отозвался:

— Входите!

Видно было, что он не ложился и вообще не сомкнул глаз. Сидел у журнального столика под лампой и читал.

— Детективный роман! — Он вздохнул и решительным движением отложил книгу.— Не мог уснуть. Вы уже что-нибудь знаете?

— Знаем,— кивнул Паркер.— Довольно много знаем. К сожалению, не знаем еще, кто убил Стивена Винси. Поэтому нам приходится снова отнимать у вас ваше драгоценное время. Прошу вас кратко рассказать, что вам известно о членах труппы и о тех служащих, которые были вчера в театре во время совершения преступления.

— Боюсь, что о техническом персонале я почти ничего не знаю. У меня есть управляющий, который занимается наймом и увольнением технических работников и тех, кто работает в мастерских — пошивочной, столярной и художественной. Вызвать его?

— Нет. Пока не надо. Но об актерах вы могли бы нам немного рассказать?

Дэвидсон на минуту задумался.

— Я могу рассказать вам только о троих: Генри Дарси, Эве Фарадей и помощнике режиссера Джеке Сэйере. Остальных я практически не знаю.

— Ну, что ж... Тогда, пожалуй, расскажите о них. Не только с точки зрения следствия, а вообще.

— Хорошо. Итак, Дарси... Этому молодому человеку в жизни пришлось хлебнуть всякого. Родился в цирке, в семье фокусника и имитатора голосов животных. Уже в семь лет сам вышел на арену. Как водится в таких семьях, стал выступать вместе с родителями. Цирковое ремесло часто переходит от отца к сыну. Он, видимо, обладал хорошими способностями. После смерти отца бросил цирк и стал с успехом выступать в мюзик-холлах — фокусы и имитаторство. Он весьма умен и уже тогда, наверно, много читал, иначе теперь, в свои едва тридцать пять, не был бы таким образованным. Когда началась война, он пошел на фронт, был тяжело ранен. Из госпиталя в Индии его как инвалида отослали на родину. Он мне когда-то все это рассказывал. Говорил, что занимался с утра до ночи, хотел стать театральным режиссером. Ранение и очевидные способности помогли ему сразу после войны поступить в театральное училище. Его там любили. Те, кто его учил, и те, кто вместе с ним учился, всегда отзываются о нем наилучшим образом. Пожалуй, с тех пор он не изменился. Он удивительно одарен. Думаю, что он, пожалуй, самый талантливый режиссер нашего молодого поколения. Все время ищет, на основе пьесы строит собственную, оригинальную концепцию. Его мнение высоко ценят в театральном мире. В последнее время он вошел в моду, а постановка «Стульев» принесла большой успех, что отмечает и критика. Даже театральные консерваторы признали, что в спектакле есть гениальные находки... Что еще? Историю с Эвой Фарадей вы уже знаете. Они познакомились, когда его пригласили

на встречу с любительской труппой какой-то прядильной фабрики в провинции. Он туда поехал и вернулся, пораженный талантом одной из девушек. Ей было тогда двадцать два года. Это и была Эва Фарадей, кстати, таково ее настоящее имя. Дарси сделал из нее актрису. Думаю, он очень ее любит. История с Винси — для него страшный удар. Я бывал на всех репетициях, и почти каждый день мы с ним обсуждали все, что связано с подготовкой премьеры. Я видел, чего все это ему стоит. Но он сохранял полное спокойствие. Он человек неслыханного самообладания. Как будто у него вовсе нет нервов. Я ни разу не слышал, чтобы он повысил голос на актера, а ведь с другими режиссерами такое часто случается. Никакой истеричности, свойственной многим людям театра.

Он замолчал и задумался. Видно, рассказал о Дарси все, что считал важным.

— А как шли репетиции «Стульев»? — спросил Алекс явно скучающим тоном, но Паркер, хорошо его знавший, поднял брови и взглянул на него с интересом.

— То есть? — не понял Дэвидсон.

— Я спрашиваю о том, была ли у него концепция спектакля еще до начала репетиций или он вносил изменения по ходу дела?

— Да, кое-какие изменения он вносил. Сначала он собирался играть пьесу без перерыва, поскольку Ионеско написал ее как одноактную. Но потом понял, что двое актеров не сумеют вынести на сцену нужное число стульев, поэтому решил прервать спектакль и дать публике отдохнуть. А за это время рабочие устанавливают на сцене стульев двести или триста, выстраивая их в самые причудливые коридоры... Кроме того, у него были сложности с Винси. Тот сначала ни за что не соглашался играть в маске. Хотя маски эти тонкие, нейлоновые, плотно облегающие лицо, но никакой мимики актера не допускают. Генри терпеливо и настойчиво внушал ему, что еще в древней Греции Эсхила, Еврипида — и кто там еще? — играли в масках. В конце концов он пообещал, что хоть Винси и не покажет лица, рецензии на его игру в этом спектакле будут просто исключительные. Винси поверил. И предсказание оправдалось.

— А зачем он сам стал играть Оратора, а не поручил кому-нибудь из актеров?

— Для него этот спектакль был чрезвычайно важен, а он считал, что присутствие режиссера на каждом спектакле заставляет держаться актеров в заданных рамках. Знаете, как актеры «разыгрываются» к десятому или двенадцатому представлению. Меняют движения, интонации, весь спектакль разъезжается по швам. Генри Дарси — приверженец принципа полного подчинения актеров общей режиссерской концепции.

— А интересно, почему Оратор выходит без маски? — сказал Алекс.— Разумеется, к следствию это не относится, но я об этом задумался еще во время спектакля.

— О, об этом и я его спрашивал. Он мне ответил, что Оратор — это не кто иной, как сам Старик, или то, что после него остается. Старик верит, что смысл его жизни станет ясен из того, что после него останется. Поэтому Оратор одет точно так же, как Старик. Только без маски, потому что маска ему не нужна. Он же не Старик, а лишь идея, тень человеческой мысли. Поэтому на нем большая бархатная шляпа, как у богемного художника. Он показывает, что эта тень человеческой мысли не в состоянии вступить в контакт с живущими. Бормочет что-то и уходит со сцены.

— Да...— кивнул головой Алекс.— Понимаю.

— А Эва Фарадей? — спросил Паркер.— Она тоже считает его большим талантом?

— Наверняка. Она верит в него, как в Бога. Думаю, что для них обоих это была страшная трагедия. Она тоже очень его любила и, может быть, любит до сих пор. Думаю, что любит. И он ее. Такой человек, как Дарси, не перестает любить женщину, когда она его бросает. Уж поверьте мне. Не знаю, что было в Винси такого, но он подхватил ее, как вихрь, она и опомниться не успела. Наверно, и сама не понимала, как это случилось. Но в этом человеке было нечто, чему женщины не в силах противиться. Очарование его было неотразимо. Эва — очень способная девушка. Она сдержанная, спокойная, умная... Такие качества редко встретишь у восходящей звезды театра или кино. Я к ним обоим отношусь с большой симпатией. Однако, что из них получится, покажет время.

— У нас еще остался Джек Сэйер...

— Это короткая история. Джек Сэйер — сын моего школьного товарища. Изучает медицину. Я дал ему возможность работать в театре, потому что отец его

умер и молодой человек должен теперь содержать свою мать-старушку. Кроме того, это дает ему возможность заработать средства для завершения образования, а мы стараемся устроить так, чтобы его присутствие в театре в утренние часы не совпадало с лекциями. Он просто боготворит Дарси. В театре со всеми делами управляется отлично. Быть помрежем не так легко, как может показаться. Вы знаете о его ссоре с Винси, господа?

— Да,— Паркер встал.— Большое спасибо, господин директор. Вы позволите в случае надобности еще заглянуть к вам?

— Разумеется. Я холостяк. Этой ночью я все равно бы один не высидел дома. Останусь здесь. Вряд ли смогу уснуть. А с утра должен крутиться — искать Винси замену. И вдобавок — репортеры! Об этом и думать не хочется!

— И мне тоже.— Паркер направился к двери.— А может быть, все же попытаетесь заснуть? Если бы не служба, спал бы я сейчас крепким сном.

Он улыбнулся и вышел, Алекс, не говоря ни слова, последовал за ним, как преданная и неотступная тень.

XIII. Только не спрашивай их о маске!

Паркер сел к журнальному столику в артистической уборной убитого и принялся вполголоса читать список тех, кто находился в театре во время и после спектакля:

1. Стивен Винси — актер
2. Генри Дарси — режиссер
3. Эва Фарадей — актриса
4. Джек Сэйер — помощник режиссера
5. Ричард Карутерс — электрик-осветитель
6. Малькольм Сноу — рабочий сцены, ответственный за занавес
7. Оливер Раффин — костюмер
8. Саймон Формз — пожарный
9. Уильям Галлинз — вахтер
10. Джон Найт — суфлер
11. Сьюзен Сноу — костюмерша

Паркер приписал:

12. Анжелика Додд — (имеет алиби) пришла в 10.15

— Кроме того, двое рабочих сцены, которые после перерыва, поставив стулья, ушли домой. Их зовут Стенли Хигинс и Джошуа Брэддон. На всякий случай впишу и их.

— Это все? — спросил Алекс.

— Теперь абсолютно все.

— Хорошо.— Алекс чуть заметно улыбнулся и посерьезнел.

— Что улыбаешься? — спросил Паркер.— Хочешь что-нибудь сказать?

— Нет, ничего не хочу. Ну, может быть, только — не спрашивай никого из них о маске Винси.

— Не спрашивать? А почему?

— Сделай это для меня. Через час я тебе все о ней расскажу. Во всяком случае, надеюсь, что расскажу.

Паркер заколебался.

— Ладно,— проворчал он наконец.— Сегодня бразды правления в твоих руках. Главное, чтобы ты оказался великим и мудрым властелином.

— Попробую...— скромно сказал Алекс вполголоса,— заслужить признание полиции Ее Королевского Величества. Но если мне не повезет, сгорю со стыда...

— Тогда попробуем обойтись без чудес, зато будем рассудительны и осторожны,— сказал инспектор.— Но давай же, Бога ради, начнем. Джонс!

— Слушаю, шеф!

В проеме двери показалась круглая, коротко стриженная под Жерара Филипа голова сержанта.

— Пригласи сюда Генри Дарси.

— Есть, шеф!

Через минуту в комнату вошел Генри Дарси. Это был высокий, еще довольно молодой человек, которого можно было бы назвать красивым, если бы не

слишком высокий выпуклый лоб, своими размерами нарушавший пропорции черепа. Алекс видел его впервые, не считая эпизода в спектакле, но тогда часть лица была скрыта полями большой черной шляпы. Он заметил, что Дарси обвел уборную спокойным, почти равнодушным взглядом, ни на секунду не задержавшись на кушетке.

— Садитесь, пожалуйста...— Паркер указал ему на стул.— Должно быть, вы уже знаете, кто мы такие. Я веду расследование убийства одного из ваших коллег, Стивена Винси. Можете ли вы что-нибудь сообщить мне в связи с этим делом?

Дарси медленно покачал головой.

— Нет, сэр.

Голос у него был низкий и приятный.

— Вы не заметили ничего необычного во время спектакля или позже?

— Нет.

— Хм...— задумался Паркер.— Что ж, в таком случае опишите подробно, по минутам, ваш вчерашний вечер в Камерном театре.

— Пожалуйста,— Дарси спокойно кивнул.— Я пришел в театр за несколько минут до начала. Я ведь выхожу в конце второго действия и, собственно, завершаю спектакль, поэтому мне было незачем торопиться. Мне, однако, хотелось быть в театре во время спектакля. В труппе возникли некоторые трения... между мисс Фарадей и покойным Стивеном Винси. А поскольку именно они играли две главные и, собственно, единственные роли, я предпочитал быть на месте, чтобы в случае надобности исправить возможные недоразумения, которые могли сказаться на спектакле.

— И вы пришли только поэтому? — невозмутимо спросил Паркер.

— Нет. Это была «производственная», так сказать, причина. Личная заключалась в том, чтобы оградить Эву Фарадей от грубости покойного Винси. Он был трус, а поскольку я пригрозил ему, что убью его, как собаку, если он еще раз обидит ее, мое присутствие в театре должно было сдерживать Винси.

— Значит, вы грозили ему убийством только потому, что он был груб с мисс Фарадей?

— Да.

— Но почему, ради всего святого?

— Не потому, что я хотел его убить... не думаю, что я вообще способен убить человека... даже Винси, хотя он, по-моему, немногого стоил. Полагаю, что никто не вправе убивать другого человека, по какому бы то ни было поводу, разве что в целях самообороны, и то в самом крайнем случае. И, естественно, непреднамеренно. В голове порядочного человека не может родиться мысль об убийстве, потому что оно не устраняет несправедливости. Убийство посягает на все человечество, на самую его сущность. Я считаю преступлением даже смертную казнь по приговору суда.

— Браво! — тихо сказал Алекс.

Дарси быстро взглянул на него, но, увидев, что тот не иронизирует, кивнул головой, словно благодаря.

— Но вы спрашивали о другом. Я заговорил об этом потому, что, как я уже сказал, Винси был мерзавцем, и я был готов на все, чтобы он не причинял боли человеку, который мне близок. Я люблю Эву Фарадей и думаю, что это служит мне оправданием.

— Хорошо...— кивнул Паркер.— Спасибо за откровенность. Продолжайте, пожалуйста.

— Я сразу переоделся и загримировался, чтобы потом об этом не думать. Когда начался спектакль, я встал за кулисами и наблюдал за игрой актеров. Я видел, что Винси нервничает, несколько раз он «проглотил» пару фраз текста, чего зрители не заметили — актер он опытный и в таких ситуациях не теряется. Но я почувствовал, что он не в форме, и решил не уходить, опасаясь, как бы чего не стряслось... И действительно, в тот момент, когда Старуха, то есть Эва, обнимает Старика и прижимается к нему, я увидел, что он ее почти оттолкнул и, когда ставили стулья, прошептал ей что-то на ухо. Зрители и этого заметить не могли, но я, зная в этом спектакле модуляцию каждого слова, сразу понял, что Эва сама не своя... Когда первое действие закончилось и занавес наконец опустился, Винси тотчас же скрылся за кулисами, а Эва заметалась по сцене и, плача, стала срывать маску.

Я подбежал к ней и отвел в ее уборную. Выяснилось, что она испачкала ему костюм губной помадой.— Дарси на мгновение замолчал, задумавшись.— Да...— начал он опять,— проводил ее в уборную и успокаивал вместе с костюмершей. Она разрыдалась и никак не могла успокоиться. Актрисы очень остро переживают истории такого рода, ведь во время спектакля нервы и так на пределе. Потом в дверь уборной постучал один из рабочих, которого прислал помощник режиссера. Что-то у них там не получалось со стульями, и он хотел удостовериться, правильно ли они их расставили. Я вместе с рабочими отправился на сцену и пробыл там несколько минут. Потом пересек сцену и направился прямо к уборной Винси. Там я столкнулся с осветителем Карутерсом. В конце первого действия что-то случилось с кабелем одного из прожекторов. Освещение в моем спектакле играет чрезвычайно важную роль, поэтому я, идя по коридору, слушал Карутерса. Правда, слышал немного, потому что был просто в бешенстве. У дверей Стивена я отослал Карутерса. Ведь уже через три минуты пора было поднимать занавес. Я вошел к Винси... Он сидел на кушетке и смотрел на корзину с цветами... Вот на эту самую. Я подошел к нему. Не знаю, наверно, я хотел его ударить. Но он быстро поднялся и стал просить прощения. Сказал, что у него сегодня ужасный день, что его мучает головная боль, и еще у него какие-то там неприятности... И он клянется, что такое никогда не повторится. При этих словах злость моя прошла. А говорить он умел необычайно убедительно. Как бы там ни было, я молча вышел, уверившись, что такое никогда не повторится.

— И действительно,— шепнул Алекс.

Дарси взглянул на него и продолжал:

— Весь второй акт я простоял в темной кулисе и смотрел на сцену, пока не настал мой выход. Потом начались овации. Винси не вышел. Я думал, что это из-за головной боли, или, может, он все же обиделся и хочет дать понять мне как режиссеру, что презирает и меня и эту роль. В последнее время он вообще держался как-то странно и все говорил, что хватит с него этих бредней с масками и что он уволится из театра... Я ушел со сцены вместе с Эвой Фарадей, потом разгримировался, переоделся и вызвал костюмера, чтобы тот почистил мой костюм. Вошел к Эве, которая уже переоделась, но еще сидела у зеркала — туалет у женщин всегда занимает больше времени. Потом мы вместе вышли из театра. Это все.

— И вы не заметили ничего необычного?

— Нет... разве только... Но это, наверно, мелочь. Когда мы выходили и шли мимо дверей Винси, я наступил на какой-то предмет... Нагнулся посмотреть. Это был ключ. Я глянул на дверь и увидел, что замочная скважина светится. Тогда я вставил ключ в замок. Подумал, что, может быть, Винси, уходя домой после спектакля, так хлопнул дверью, что ключ вылетел. За дверью была полная тишина, так что мы с Эвой решили, что он уже ушел. Теперь уж точно все.

— Из вашего рассказа следует, что начиная с того момента, когда вы ушли со сцены, и до ухода из театра вы постоянно находились вместе с кем-нибудь и ни на минуту не оставались одни, правда?

— Нет. В уборной я был один. Костюмер ждал в коридоре, когда я его позову.

— У вас в уборной нет другого выхода?

— Там даже окна нет.

— Так. Благодарю вас, мистер Дарси. Мы попросили бы вас сейчас пойти в свою уборную и подождать — может быть, мы вас вызовем. Сожалею, что вынужден просить об этом в половине четвертого утра, но, возможно, нам понадобится снова обратиться к вам за разъяснениями. Еще раз спасибо.

— Я в вашем распоряжении...— Дарси встал. Паркер проводил его до дверей и кивнул Джонсу.

— Помощник режиссера Джек Сэйер здесь?

— Здесь, шеф.

— Позови его сюда минут через пять.

— Слушаюсь, шеф.

Инспектор вернулся и сел.

— Что скажешь, Джо?

— Мне кажется, теперь я знаю, кто убил Стивена Винси. Но все-таки еще не вполне в этом уверен.

XIV. Никто не мог его убить

Когда закрылась дверь за последним из девяти опрошенных технических служащих Камерного театра, Паркер тяжело вздохнул.

— Осталась только Эва Фарадей,— проворчал он.— Просто не знаю, что я сделаю, если она сейчас же не явится сюда и не объявит с обворожительной улыбкой, что она убила этого субъекта. А в общем-то, даже если бы она и призналась, я бы ей не поверил! Смотри! Если исключить Стивена Винси, который убит, и Анжелику Додд, которая вошла за кулисы после совершения преступления, у нас останется двенадцать человек. Давай разберемся, что с ними происходило после того, как Винси покинул сцену.

1. *Генри Дарси:* вышел на сцену через несколько секунд после ухода Винси, стало быть, не мог убить его в уборной, потому что не успел бы вернуться вовремя. Потом прочел свой невнятный монолог, потом проводил Эву Фарадей до ее уборной, а сам пошел в свою, что подтверждает его костюмер, который не отходил от его дверей и ждал, когда его позовут. Еще там были: рабочий при занавесе Малькольм Сноу и суфлер Джон Найт, ждавшие, когда Сьюзен Сноу закончит одевать Эву; у Дарси — трое свидетелей, не отходивших от его уборной, а потом видевших, как он входил к Эве. Уборная Эвы тоже без окон, единственная ее дверь — напротив двери Дарси. Откуда они вышли вместе с Эвой и поехали на его машине ужинать. Аминь! Ни минуты в одиночестве!

2. *Эва Фарадей:* еще не давала показаний, но у нас есть свидетельства Дарси, костюмерши Сьюзен Сноу и других. Уйдя со сцены, стояла за кулисами. С ней рядом был помощник режиссера, а также суфлер. Потом она вышла кланяться. Сразу же после этого вместе с Дарси отправилась в свою уборную. Далее... смотри выше. Ни минуты в одиночестве. Аминь!

3. *Оливер Раффин*, костюмер: до того как Винси ушел со сцены, сидел в уборной Эвы Фарадей и разговаривал с Сьюзен Сноу, пока они не услышали криков «браво» по окончании спектакля. Тогда оба вышли и ждали возвращения актеров. Потом... смотри выше. Ни минуты в одиночестве! Аминь!

4. *Сьюзен Сноу,* костюмерша: смотри выше, ни минуты в одиночестве! Аминь!

5. *Малькольм Сноу,* рабочий, ответственный за занавес,

6. и *Джон Найт,* суфлер: оба утверждают, что в момент, когда Винси покидал сцену, они стояли вместе и обсуждали футбольный тотализатор. Весь театр помешан на тотализаторе! Потом они вместе вышли в коридор, остановились около уборных Эвы Фарадей и Дарси и заполнили купоны, пока ждали Сьюзен Сноу. После чего вместе с ней и Раффином вчетвером отправились в ночное бюро тотализатора. Ни минуты в одиночестве! Аминь!

7. *Джек Сэйер,* помощник режиссера: во время спектакля намаялся. Сначала Винси вывел из себя Эву Фарадей, потом добрую половину антракта рабочие не могли справиться с расстановкой стульев, даже сам он запутался, и пришлось вызывать режиссера. На время после спектакля у него алиби, связанные с № 8 — *Саймоном Формзом,* театральным пожарным, и № 9 — *Ричардом Карутерсом,* осветителем. В первом действии у Карутерса были неполадки с прожектором. В антракте он пытался устранить неисправность, но не удалось. Увидев Дарси, идущего по сцене, он подошел к нему спросить, как быть, если прожектор погаснет, но Дарси производил впечатление не вполне вменяемого и отвечал сбивчиво. Карутерс проводил его до дверей уборной Стивена Винси и тут же поспешил назад, так как через минуту начинался спектакль. Только он добрался до своего балкончика, как подняли занавес. С Дарси он расстался минуты за три до этого. Во втором акте поврежденный прожектор стал мигать еще чаще, и Карутерс почувствовал запах паленой резины. Он подал знак пожарному Саймону Формзу и помощнику режиссера. До самого конца спектакля пришлось возиться с этим прожектором, зато потом они втроем проверили весь кабель, нашли поврежденное место, где резина начала тлеть, привели все в порядок и отправились в гардероб для персонала, где пожарный оставлял свою шляпу, поскольку работал в шлеме. После спектакля эти трое ни на минуту не расставались. Аминь!

10. *Уильям Галлинз,* вахтер: до конца спектакля сидел с сестрой, которую отправил домой на такси в десять минут одиннадцатого; те четверо, которые вышли, чтобы сдать купоны тотализатора, видели, как она садилась в машину,

и кто-то пошутил, что Галлинзу играть не обязательно, он и так возит барышень на такси. А после десяти часов Винси был уже трупом, как собирается показать под присягой наш патологоанатом. Значит, и Галлинз не убийца! Аминь!

11 и 12. Рабочие *Стенли Хиггинс и Джошуа Брэддон,* расставив на сцене стулья, постояли немного с помощником режиссера, а потом ушли из театра, так как декорации разбирали обычно перед спектаклем. Да и декорация в этой пьесе все время одна и та же, единственное, что меняется,— это стулья, которые ставят в антракте. Поэтому рабочих рано отпускают, делать им в спектакле все равно нечего. Ко времени смерти Винси их уже полчаса как не было в театре, что подтвердил вахтер Галлинз, видевший, как они выходили. Аминь! Никто не входил в театр через двери, ведущие в зрительный зал, так как у них ручка только со стороны кулис, и каждый желающий войти должен позвонить. Звонок же со вчерашнего дня был неисправен, а Карутерс забыл его починить! Это чтобы посмешнее было! Никто не посещал актеров за кулисами. Никто не прошел мимо вахтера ни до спектакля, ни во время, ни после него. Единственным посетителем была Анжелика Додд. Круг замкнулся. Стало быть, *никто не мог убить Стивена Винси.*

— Не унывай,— мрачно усмехнулся Алекс.— Он все-таки убит.

— Да, это правда,— вздохнул Паркер.— Он убит, и кроме того, мы еще не допросили Эву Фарадей... Джонс!

— Да, шеф?

— Попроси сюда мисс Эву Фарадей... Или нет... Может быть, лучше где-нибудь в другом месте. Есть тут еще свободная артистическая?

— Да, шеф.

Джонс проводил их. Они миновали главный коридор и вошли в другой, параллельный тому, где находилась уборная Винси. Первая пара дверей вела в уборные, где находились Эва Фарадей и Генри Дарси. В остальных комнатах, перед которыми расхаживал детектив Маллинз, Джонс разместил допрашиваемых, лишь одна уборная не была занята. Туда он и привел инспектора и Алекса. Через минуту вошла Эва Фарадей. Это была молодая, среднего роста девушка с лицом спокойным и красивым, обрамленным длинными, прямыми, темными волосами. Ее большие, зеленоватые глаза покраснели от слез. Паркер пригласил ее сесть и произнес вежливую формулу, с которой привык обращаться к допрашиваемым женщинам. Потом попросил ее описать прошедший вечер. Но ее показания не принесли ничего нового. Она только подтвердила все то, о чем говорили Дарси и прочие.

— А теперь прошу вас вспомнить, не показалось ли вам что-нибудь странным во время спектакля, до или после него?

— Нет... Ничего...— она явно колебалась.

— Так что же все-таки? — Инспектор сделал приглашающий жест рукой.— Даже если что-то кажется вам пустяком, все равно расскажите нам. Пока следствие не окончено, никогда не известно, что может пригодиться.

— Ну, разве что только одно... но это мелочь... Во втором действии есть такой момент, когда я — то есть Старуха,— испугавшись мысли о смерти, бегу через всю сцену к Старику и крепко обнимаю его, прижимаясь к нему изо всех сил... В первом действии есть похожая сцена, только я не бегу, а обнимаю его, стоя перед ним. Как раз в первом действии Стив... мистер Винси оттолкнул меня, когда я испачкала его помадой... Так вот, во втором действии я побежала к нему и, помня об этом, отвернула голову в сторону. Поэтому получилось, что я прижалась к нему еще сильнее... и...

— И почувствовали в нагрудном кармане его блузы какой-то небольшой твердый предмет, да? — сказал Алекс.

— Да! Но откуда вы знаете?

— Я это предполагал.

Паркер с недоумением взглянул на него, но не сказал ни слова.

— А как Винси держался во время спектакля? Нас это очень интересует. Вам не показалось, что в первом действии он был сильно возбужден, а во втором это прошло, словно причина для тревоги отпала?

— Да! — Эва Фарадей решительно кивнула.— Я примерно так и подумала. Я боялась второго действия, нервы совсем расходились и... Боялась, что расплачусь

на сцене, если он что-нибудь скажет или сделает... Актер умеет порой сделать или сказать что-нибудь так ловко, что зрители об этом не догадываются, а партнер-то все отлично замечает... Я тряслась от страху, ведь это было бы хуже всего... Личные дела актеров никого не касаются, но если в разгар спектакля приходится опускать занавес, только актер способен понять, что это значит.

— Мы все же постараемся понять. А каковы были ваши впечатления во втором действии?

— Винси переменился. Играл в хорошем темпе. Ни разу не сбился, не спутал текста. Был гораздо сдержаннее... Никогда еще мне не было так легко с ним играть... Под конец я даже забыла о всех наших ссорах. Была просто заворожена и поэтому сама, может быть, играла хуже... но он меня просто ошеломил...

— Так,— Алекс понимающе кивнул.— А вы не подумали, например, как мило было с его стороны стереть следы вашего грима.

— Нет,— Эва удивленно подняла брови.— Почему я должна была так подумать? Ведь об этом заботится костюмер. Просто отметила про себя, и все. Какое отношение это имело к тому, что произошло между нами? То есть мне не пришло в голову, что это могло быть каким-то жестом с его стороны. В конце концов, это и не было жестом...

— Разумеется,— Алекс встал. Паркер тоже поднялся.

— Спасибо, мисс Фарадей,— сказал инспектор.— Если вы не слишком устали, мы просили бы вас подождать еще немного в своей уборной. Ваши показания еще могут понадобиться. Вы ведь там можете прилечь, правда?

— Ох, я теперь, наверное, никогда не смогу заснуть! — воскликнула Эва Фарадей с внезапным отчаянием, отвернулась и вышла, глотая слезы.

— Бедняжка...— Алекс посмотрел ей вслед.— Так хорошо держалась во время допроса. Но стоило сказать слово о чем-нибудь другом, житейском, например о сне, и не выдержала...

— Бог с ней, с мисс Фарадей и ее сном! — возбужденно проговорил Паркер.— Можешь ты мне, наконец, объяснить, куда ты ведешь меня, а за мной и все следствие?

— Мы все движемся по короткой, узкой тропке, ведущей к убийце Стивена Винси...— задумчиво прошептал Джо Алекс.— А следующим моим шагом по этой тропке будет одна небольшая просьба к тебе.

— Какая?

— Мне нужен карманный фонарик и ключи от дверей, ведущих на сцену из коридора.

Паркер повернулся.

— Джонс!

— Да, шеф? — Сержант появился в дверях, словно фигурка, которая выскакивает из шкатулки, когда нажмешь на пуговку.

— Фонарик и ключи от дверей на сцену!

— Слушаюсь, шеф!

Голова сержанта исчезла.

— Сейчас получишь фонарик...— сказал Паркер.— Что тебе еще нужно, чтобы довести меня до того места, куда я стремлюсь добраться с 12.25, то есть с момента моего прихода сюда?

Алекс взглянул на часы.

— Сейчас двадцать пять минут шестого. Обещаю тебе, что через час ты узнаешь, кто убийца, хотя сам я еще не до конца уверен, кто же он все-таки. Но нам прежде всего должен помочь тот факт, что Винси не мог умереть, а тем не менее умер. Ну, подумай же...

— Во-первых...— начал инспектор и осекся.— Боже милостивый! — завопил он.— О Господи!

— Позовем его сюда, хорошо? Но с твоего разрешения на этот раз я с ним поговорю...

— Согласен! — заявил Паркер и поспешил к дверям, чтобы отдать распоряжение сержанту Джонсу.

XV. Смерть говорит от моего имени

— И давно ты догадался? — спросил Паркер.

— Первое подозрение шевельнулось во мне в тот момент, когда...

Джонс постучал в дверь и пропустил Генри Дарси.

— Садитесь, прошу вас,— любезно предложил Алекс.— К сожалению, нам снова приходится вас потревожить. Нам хотелось бы кое-что уточнить в ваших показаниях. Так вот, судя по итогам предварительного расследования, Стивен Винси не мог быть убит после спектакля ни одним из находившихся в театре людей... С одной стороны, у всех подозреваемых, как выяснилось, есть алиби, с другой — медицинская экспертиза весьма жестко ограничивает временные рамки совершения преступления. Винси мог погибнуть самое позднее через пять-семь минут после того, как ушел со сцены, но это-то и невозможно, поскольку в те самые пять, ну пусть десять минут никто из находившихся в театре его убить не мог. Напрашивается только один вывод, правда?

Он умолк. Генри Дарси, молча к нему присматривавшийся, кивнул головой.

— Единственный логический вывод — это утверждение, что Стивен Винси был убит до окончания спектакля,— продолжал Алекс.— На первый взгляд, это представляется невозможным. Инспектор Паркер, присутствующий здесь, и я случайно оказались на вчерашнем спектакле и собственными глазами видели, как он доиграл пьесу до конца... Таким образом, мы сталкиваемся с некоей неразрешимой проблемой, которая представляет собой не только криминальную, но и театральную загадку. Ведь такое случается впервые — *актер играет свою роль после смерти.* Как вы полагаете, это возможно?

— Думаю, вряд ли...— Дарси невольно усмехнулся, но тут же посерьезнел и сжал губы.

— Вот именно! — Алекс поудобнее устроился на стуле.— И я так думал. Это невозможно, а с другой стороны, я видел это собственными глазами, стало быть, у этой загадки есть разгадка. Могли бы вы, человек театра, подсказать нам ее?

Генри Дарси пожал плечами.

— И долго вы еще собираетесь молоть такую чепуху, ведь пять утра, а я глаз еще не сомкнул?

— Нет. Уже недолго. К тому же скоро обнаружится, что это вовсе не чепуха. Так вот, единственная разгадка этой тайны, которую вы не захотели нам открыть, состоит в следующем: *актер не может играть после смерти, значит, его кто-то должен был заменить*. Но знаете ли вы кого-нибудь из труппы, кто умеет подражать голосам, кто знает наизусть всю пьесу, все тончайшие оттенки игры и мизансцены, кто, наконец, того же роста, что Винси, и примерно того же телосложения, и у кого была возможность войти в уборную Винси, взять маску, выйти в ней на сцену и сыграть его роль. Тут требуется довольно много разных качеств сразу. Ну-ка, подумайте.

Дарси еще раз пожал плечами.

— Это полная бессмыслица. Я все время наблюдал за игрой актеров и должен вам сказать, у меня нет ни малейших сомнений относительно того, кто играл!

— Ну, разумеется, сомнений у вас быть не может. А теперь мне хотелось бы, чтоб вы помогли нам воссоздать одну ситуацию. Ведь вы как режиссер назубок знаете весь ход спектакля...

Дарси молча поднялся. Также молча они дошли до дверей с надписью «Тишина!». Инспектор распахнул их. За дверями было совершенно темно.

— Зажгите, пожалуйста, все лампы на сцене и за сценой,— попросил Алекс.

Дарси исчез в темноте, они услышали щелчок выключателя. Все еще было темно, но со сцены за кулисы проникал тусклый свет. Они последовали за Дарси.

— Вы зажгли все, что можно?

— Все лампы, которые обычно зажигают во время спектакля,— сказал Дарси, стоявший рядом в полумраке.— За кулисами всегда темно, иначе свет пробивался бы на сцену.

— Да, но, вероятно, можно осветить и все помещения за сценой. Во время репетиций затемнение ни к чему, и актерам трудно было бы передвигаться в темноте.

— Разумеется...— Дарси пошарил левой рукой по стене и повернул еще два

выключателя. Высоко наверху засветилась цепь слабых лампочек. Оказалось, что они стоят теперь в длинном узком проходе, идущем вдоль сцены. Его образовывал спадавший с потолка тяжелый черный задник. По обе его стороны были кулисы.

— Перейдем налево, к тому месту, откуда Винси уходил со сцены...— Алекс пошел первым, Дарси и Паркер за ним.

Они оказались в широком пустом пространстве кулис. К нему примыкала дуга освещенного края сцены. Чтобы пройти на сцену, надо было подойти к самой стене, отделяющей кулисы от зрительного зала. Там был узенький проход. Алекс протиснулся туда и остановился. Перед ним находилась полукруглая стена собственно сцены, а в стене — несколько дверей и открытое окно, занавешенное кисейными занавесками.

— Сюда выпрыгивает Старик, когда в финале совершает самоубийство, не так ли?

— Да,— кивнул Дарси.

— А Старуха выпрыгивает с противоположной стороны и потом его уже не видит до той минуты, когда они каждый из своей кулисы выходят кланяться. А Оратор?

— Оратор выходит в двери посередине, которые ведут в тот коридор за сценой, по которому мы сюда пришли.

— Значит, Оратор тоже не встречается за сценой со Стариком? А где находится во время спектакля суфлер, на этой стороне?

— Бывает по-разному. Винси часто забывал текст. Суфлер знал эти моменты. Еще на репетициях суфлеры подчеркивают в тексте места роли, особенно трудные для запоминания... Хороший суфлер обычно старается держаться поближе к актеру в такие опасные минуты. А в принципе он чаще всего располагается с правой стороны кулис. Там проход на сцену пошире и оттуда лучше видно, что на ней делается. Та сторона устроена иначе, потому что там хранятся стулья, которые в антракте выносят на сцену...

— Так. Но в конце концов это не важно. Старик выпрыгивает из этого окна... он все еще в маске... Оратор входит через проход позади сцены. Примерно через сколько времени?

Дарси вздохнул.

— Не знаю, зачем вам все эти сведения, но если уж они вам нужны, то Оратор появляется на сцене секунд через двадцать... ну, может, через двадцать пять... Требуется время для постепенного усиления освещения... и еще надо пустить ветер на занавески и тому подобное.

— Так... двадцать пять секунд... В крайнем случае даже тридцать...

Алекс подошел к проходу между сценой и кулисами и внезапно исчез из виду. Затем удивленный Паркер увидел, как он выпрыгивает из окна, пробегает за кулисой и пропадает за задником, Дарси стоял неподвижно, всматриваясь в какую-то невидимую точку на занавеске.

— Вот и я! — воскликнул Алекс и снова появился в том же самом окне, из которого только что выпрыгнул.— Всего пятнадцать секунд! Еще десять — на маску! Но этого я еще не проверил... Пойдем! Не согласитесь ли вы сопровождать меня, я хотел бы еще кое о чем вас спросить...

Дарси пошел с ним рядом, а Паркер, сунув руки в карманы, за ними. Когда они оказались в широком темном пространстве за кулисами, Алекс остановился.

— Во время спектакля здесь совсем темно, правда?

— Да...

Джо огляделся. Внизу у стены он заметил высокий огнетушитель, а около него ящик с песком.

— Это может быть только здесь...— сказал он вполголоса и подошел к ящику. Осмотрел его, посветил фонариком. Потом покачал головой.— Неужели я ошибаюсь? — Вдруг он нагнулся и сунул руку под огнетушитель.— Есть! Конечно есть! Больше ей негде быть!

— Что там? — спросил Паркер, хотя уже знал, какой услышит ответ.

— Она! — закричал Алекс. Он расправил в руках мятый белый кусок нейлона и осветил фонариком жуткую, искаженную личину Стивена Винси, которую держал за седые нейлоновые волосы.— Маска!

XVI. Убийца «А»

Они возвращались в артистическую в гробовом молчании, только Алекс насвистывал.

— Садитесь...— сказал Алекс, когда Паркер, вошедший последним, закрыл двери. Лицо инспектора было сосредоточенным и напряженным. Он не спускал глаз с Дарси, который спокойно сел и выжидательно поднял голову.

— Думаю, мне мало что осталось прибавить к состоявшемуся эксперименту,— начал Алекс.— Дело ясное. Разумеется, в той его части, которая касается вас. Во время спектакля я заметил разницу в игре Винси в первом и втором действии. Но я полагаюсь не только на собственное мнение. Одна дама, которая чувствовала живой душевный контакт с Винси и знала его долгие годы, призналась на допросе: «Во втором действии этого контакта уже не было...» Миссис Фарадей рассказала: «Винси переменился. Играл в хорошем темпе: Ни разу не сбился. Никогда еще мне не было так легко с ним играть. Я была просто заворожена...» Однако поначалу история казалась слишком уж фантастической. У нас не было никаких оснований предполагать, что Винси умер раньше. Правда, доктор настаивал, что смерть наступила раньше... Вдобавок маски в уборной Винси мы не обнаружили. Разумеется, ее мог взять костюмер. Только позднее, когда мы убедились, что к Винси после спектакля никто не входил, кроме одной особы, которая его *не убивала* и у которой не было ни малейшего повода брать маску, дело начало понемногу проясняться. Мы узнали еще кое-какие детали. Фантастическую версию, что Винси был убит в антракте, а сыграл за него кто-то другой, можно было принять лишь при соблюдении следующих условий:

1. Человек, играющий роль вместо Винси, примерно того же роста и телосложения.

2. Он так же одет, раз после убийства Винси остался в том же театральном костюме.

3. Он умеет имитировать его голос и движения.

4. Знает наизусть текст пьесы.

5. Владеет актерским ремеслом.

6. Знает до мельчайших подробностей все мизансцены, иначе его партнерша сразу бы заподозрила что-то неладное.

7. У него есть возможность занять место Винси, то есть во время спектакля он находится за кулисами.

8. Знает, что Винси умер во время антракта, то есть уверен, что Винси убит и не выйдет на сцену одновременно с ним.

9. Может устроить все так, чтобы труп не был обнаружен, пока он заменяет Винси на сцене. Если бы труп нашли, весь этот маскарад стал бы тяжелым обвинением против играющего роль.

10. Должен забрать маску из уборной убитого и спрятать ее, потому что позже туда входить нельзя, чтобы не лишиться алиби. Алиби же основано прежде всего на том, что убийство будто бы совершено почти на час позже, чем это было в действительности.

В ходе допросов выяснилось, что человек, удовлетворяющий всем вышеперечисленным требованиям без исключения, существует. Этот человек — вы. Итак, если бы вы намеревались убить Стивена Винси, то, будучи режиссером «Стульев», вы должны были замыслить такую инсценировку:

1. Придумать такую концепцию спектакля, чтобы Винси играл в маске, а вы без маски.

2. Сделать в этой одноактной пьесе перерыв минут на двадцать, во время которого вы могли бы убить Винси.

3. Предусмотреть небольшую паузу в спектакле между уходом со сцены Винси в маске и появлением Оратора; которого играете вы — без маски.

4. Оратор, естественно, должен играть в таком же костюме, как Винси.

При такой концепции спектакля вам оставалось только дождаться удобного случая, когда вы были бы уверены, что Винси один в своей артистической уборной. Тогда вы могли бы спокойно отправиться туда, убить его и доиграть за него роль.

А убить его в его собственной уборной вы были бы вынуждены потому, что:

1. Вам надо было взять маску.

2. Запереть дверь его уборной, чтобы никто не вошел туда, пока вы на сцене.

Когда вы сказали, что, идя по коридору с Эвой Фарадей, вы наступили на ключ и вставили его в замочную скважину, я сразу понял, что вы держали ключ в руке и, наклонившись, лишь сделали вид, что поднимаете его. Но где был ключ, пока вы играли роль Старика во втором акте? Эва Фарадей рассказала, что когда она прижалась к Старику, то ее поразила одна мелочь, я перебил ее и спросил, не показалось ли ей, что в кармане его блузы лежит какой-то небольшой твердый предмет. Она с удивлением подтвердила. Это и был тот самый ключ, который вы позже «нашли» перед уборной Винси.

Как все происходило, я продемонстрировал вам минуту назад на сцене и при этом обнаружил маску в том месте, где она только и могла быть. Вероятно, там же была спрятана ваша шляпа до той минуты, когда вы сунули туда маску и достали шляпу, чтобы сыграть в последней сцене Оратора, а затем раскланиваться перед публикой и с деланным недоумением ждать, когда же появится Винси, хотя вам-то было отлично известно, что он никогда больше не выйдет на вызовы восторженных зрителей. После этого вам надо было провести оставшееся время в театре таким образом, чтобы ни минуты не быть одному до выхода на улицу и позже, так как вы предполагали, что труп обнаружит вахтер только во время обхода.

Поэтому вы пригласили Эву Фарадей на ужин и создали себе абсолютное алиби, поскольку считали, что все пребывают в убеждении, будто Винси убит после спектакля, то есть тогда, когда вы его убить не могли... Сначала я думал, что все это невозможно, хоть и кажется правдоподобным. И все-таки нет. Различия в игре все равно были — человек не способен стать точной копией другого. Тут я должен сделать вам комплимент: вы играли гораздо лучше Винси, который в первом акте тоже был великолепен. Но вы не опасались, что эту разницу заметит Эва Фарадей. В конце концов маска плотная, с искусственными волосами, а вы с детства профессионально занимались имитацией человеческих голосов и криков животных. Манеру Винси после многомесячных репетиций вы изучили до тонкостей и сами подсказывали ему необходимые краски в зависимости от сценической ситуации. Текст пьесы вы знали наизусть, оказалось, даже лучше, чем Винси, который часто сбивался... Вы забыли только одну мелочь: первое действие закончилось ссорой между Винси и Эвой из-за того, что она измазала его блузу гримом. Во втором действии костюм его был уже чист. Это подтвердила сама Эва Фарадей, когда я не без умысла спросил ее об этом. Тогда я уже стал понимать, что она не была вашей сообщницей. Я только заметил, что вы, давая показания, на миг словно бы запнулись, когда вспомнили об этом. Готов держать пари, что час назад, вернувшись после первого допроса в свою уборную, вы нарочно испачкали свою блузу гримом, чтобы сбить полицию с толку, если ей удастся напасть на след... Мне остается лишь добавить, что у вас была весьма существенная причина, чтобы убить Стивена Винси, причина, из-за которой совершено уже множество преступлений на этом терзаемом страстями свете...— Алекс умолк. Воцарилась мертвая тишина.— Можете ли вы найти изъян в моих рассуждениях?

— Нет,— развел Дарси руками.— Вы в некотором роде гений. Никогда не думал, что в полиции могут найтись такие мозги...

Алекс хмыкнул и искоса глянул на Паркера, который заерзал на стуле, встал и проговорил:

— Значит, вы признаетесь в том, что убили Стивена Винси в этой уборной вчера между 9 и 9.15 вечера?

— Нет,— сказал Генри Дарси и тряхнул головой.— Не признаюсь.

— О,— замахал рукой Алекс.— Да у меня и в мыслях не было, что вы его убили. Я знаю, что вы не убивали.

На этот раз он не посмотрел на Паркера. Услышал только сдавленное «что?», а потом скрип стула под повалившимся на него инспектором.

— Вы знаете, что я не убивал? — Дарси потер лоб.— Но тогда... значит... Но... Я его убил!..— сказал он вдруг с отчаянием, вмиг утеряв свое былое хладнокровие.

Алекс услышал, что Паркер снова заерзал на стуле.

— Нет. Вы его не убивали. И чтобы успокоить вас, скажу, что алиби Эвы Фарадей безупречно. Даже если бы она очень того хотела, убить Винси она бы не могла, во время антракта она ни на минуту не оставалась одна... И вся ваша рискованная игра, которая доставила мне столько хлопот, оказалась напрасной.

— Уже на сцене я понял, что поступил как законченный идиот...— сказал Дарси.— Эва не могла бы играть так спокойно, если бы убила его. Я ее слишком хорошо знаю... Но в первую минуту...

— Да, конечно. Стоя в уборной Винси и глядя на его тело, вы подумали, что убила его она, женщина, которую вы любите. И тогда вы поняли, что выход лишь один: играть вместо него и устроить все после спектакля так, чтобы у нее было абсолютное алиби... Но об этом позже...

Паркер кашлянул.

— Отлично,— сказал он,— но я хотел бы знать, почему мистер Дарси не мог убить Стивена Винси, хотя прекрасно понимаю, что признаваться в этом у него особого желания нет. Какие аргументы в пользу вашей невиновности вы можете предъявить, принимая во внимание, что доводов для обвинения так много, что их хватило бы на пятерых профессиональных убийц и еще кое-что осталось бы для скромного дилетанта.

— Может быть, вы сами скажете? — обратился к Дарси Алекс. Тот недоуменно взглянул на него.

— Я-то лично знаю, что убил его кто-то другой, и поэтому существует настоящий убийца, но не представляю, как вам это доказать. Ведь я вел себя как преступник, давно замысливший этот план... хотя было как раз наоборот — это стечение обстоятельств подсказало мне мысль... Если бы я не был одет точно так же, как Винси, и если бы Винси не играл в маске, и если бы Оратор не выходил на сцену через полминуты после ухода Винси, мне бы такого никогда и в голову не пришло... Но как это докажешь? Я рассуждаю так, полиция — иначе... Нет, могу сказать только одно — ищите другого убийцу.

— Скажите, вы левша? — спросил Алекс.— Я видел, что в роли Оратора вы взяли мел в левую руку, пытаясь по ходу спектакля писать на доске. Но таков мог быть режиссерский замысел. Оратор таким образом стремится показать, что мысли Старика невозможно передать другим людям. Это можно было истолковать так, что человек, которому Старик доверяет свое завещание, не только не способен говорить, но даже не знает, в какой руке держат мел... Но когда за сценой вы повернули выключатель левой рукой, я понял, что для вас это естественно. А мистер Дэвидсон рассказал нам, что вы были ранены на фронте и вас отправили на родину...

— Я калека,— тихо сказал Дарси.— Мне чудом удалось избежать ампутации правой руки. Я ею почти не владею. С трудом могу пошевелить пальцами и согнуть в локте... Да и сгибаю, собственно, с помощью протеза... Японцы в джунглях выстрелили в меня пулей дум-дум. Она разрывная. Из-за этого мне пришлось поставить крест на актерской карьере, и это побудило меня потом заняться режиссерской работой. Я не могу правой рукой сделать ни одного свободного движения, хотя научился управлять ею так, словно она здоровая... Но какое же это алиби... Левая рука у меня чрезвычайно сильная. Я ее разработал: Правой я и мухи не могу прихлопнуть, зато левой... левой способен убить.

— Не могли бы вы показать нам вашу раненую руку? — спросил Алекс.— Понимаю, вам это неприятно, но вы же видите, дело слишком серьезное. Винси не мог быть убит левой рукой.

— Не мог?!

— Нет.

Дарси молча уставился на него, потом встал и сбросил пиджак. Расстегнул рубашку, снял ее и положил на стул. Паркер тихо присвистнул. Все правое предплечье Дарси было изуродовано — разворочено когда-то до самой кости. Сейчас кость уже заросла, и к ней двумя кожаными ремешками крепился протез. Несколько длинных тонких стальных пружинок, закрепленных пониже локтя, заменяли мышцы предплечья.

— Ясно. Это решает дело.

Дарси подвигал рукой и опустил ее. Потом надел рубашку и стал завязывать галстук, но руки у него задрожали, он опустил их.

— Вы... вы в этом уверены? — спросил он.— Что убить могли только правой рукой?

— Я стараюсь обманывать людей как можно реже...— прошептал Алекс.— И хотя это не всегда получается в нашем так называемом цивилизованном обществе, в данном случае я сказал вам чистую правду.

Дарси повязал галстук и тяжело опустился на стул.

— Повезло! — сказал он искренне.

— Ох,— Алекс снова сделал неопределенный жест рукой,— я знал, что вы не могли его убить, даже если бы обе руки были у вас целы.

— Что?! — воскликнули одновременно Паркер и Дарси.

— Ну, как же еще! В таком деле, как это, думать надо много и быстро, потому что факты открываются то с одной, то с другой стороны. Однако решает тут другое, и я не устаю повторять: убить мог только тот, а) у кого была причина, б) у кого нет алиби, в) кто мог совершить убийство в тех обстоятельствах и именно тем способом, каким оно было совершено. В начале следствия мы сталкиваемся с уравнением, где неизвестная величина — убийца, а известные — убитый и обстоятельства обнаружения тела, и есть только один способ решить это уравнение: подобрать убийцу к убийству. А между тем:

1. Если говорить о самом преступлении, то известно было только одно: что вы вошли в артистическую за три минуты до начала второго действия. Все остальное происходило после убийства. Об этом сообщил осветитель Карутерс, который едва успел вернуться на свой балкончик, проверить прожекторы и дать свет, и тут же занавес пошел вверх. К тому же вы довольно долго пробыли в уборной Эвы Фарадей, а потом несколько минут на сцене, таким образом, на убийство Винси, прилаживание маски и возвращение на сцену времени у вас оставалось в обрез. Примерно сто восемьдесят секунд, и все.

2. Вы убили Винси его собственным кинжалом, значит, вам надо было войти в уборную, схватить кинжал, ударить им Винси, а потом молниеносно надеть маску, посмотреться в зеркало, удостовериться, что Винси мертв, выйти, запереть дверь, добраться до сцены и занять там строго определенное место. В конце концов, это было бы возможно, но при одном условии: Винси, когда вы вошли к нему в уборную, должен был спокойно лежать и позволить зарезать себя, как овцу. И в самом деле, Винси был найден на кушетке, в момент нанесения удара он лежал, удобно растянувшись.

Но возможно ли такое?

Винси был трус. Несколько дней назад вы пригрозили ему, что если он еще раз оскорбит Эву Фарадей, вы убьете его. Он, конечно, мог не поверить в это, но наверняка допускал, что вы намереваетесь дать ему пощечину. Он знал, что вы любите Эву Фарадей и что сам он в этой истории ведет себя недостойно. Увидев вас, он должен был вскочить с кушетки. Да и с чего бы это ему лежать в своей артистической за три минуты до начала второго акта, если до сцены надо идти несколько десятков метров по разным коридорам? Если бы он при виде вас и не вскочил на ноги, то по крайней мере сел бы. Но он бы не умер лежа. Так мне, во всяком случае, казалось.

3. Вы узнали от Раффина, что Винси выставил его из уборной. Но выставил прежде всего потому, что в антракте или после спектакля ожидал визита некоей дамы. Стало быть, входя к нему, вы рисковали застать ее там, или же она могла появиться в момент совершения преступления. А до убийства запереть дверь вы никак не могли. Иначе трудно поверить, что Винси остался бы лежать. Если в комнату входит человек, который меня ненавидит, и запирает за собой дверь на ключ, я невольно встревожусь и тут же переменю положение, в котором я беззащитен, и быстро встану. Или хотя бы сяду. Если ваш план, сногсшибательный и чуть ли не гениальный, был разработан до мельчайших деталей много месяцев назад, зачем подвергать его такому риску? Разумнее было бы не убивать Винси в его уборной в тот момент, когда он ожидал гостью.

4. Кроме того, если вы такой предусмотрительный и ловкий убийца, тщательно все планирующий, то тогда во время антракта вы вели себя нелепо. Потратили уйму времени, утешая Эву Фарадей в ее уборной. Задержались на сцене, потом позволили себя проводить почти до самых дверей осветителю Карутерсу, вместо того чтобы отделаться от него у входа в коридор. Зачем? Вы сокращали себе время для маневра и исполнения плана. Потому что осуществить его за три минуты можно было, если бы Винси действовал с вами заодно или вовсе никак не реагировал на ваше появление. Другое дело, если б вы вошли к нему на пять минут раньше. Тогда вы могли бы выждать и убить его в подходящий момент, твердо зная, что вы все успеете. Во всяком случае, так бы вы это замыслили.

5. Кинжал! Вы явились без своего орудия убийства, секунд за двести до выхода на сцену! А если бы ящик был заперт или Винси забрал кинжал домой, да могла произойти тысяча разных случайностей, кинжала не оказалось бы на месте, где вы рассчитывали его найти. Что тогда? Разве вы могли расхаживать по уборной Винси и искать кинжал, а Винси, не обращая внимания на вас и не думая о приближающемся начале второго действия, преспокойно лежал бы себе за корзиной роз и даже не взглянул на вас? И неужели он не закричал бы, увидя у вас в руках кинжал? Стены здесь толстые и разговоров через них не слышно, но голос испуганного человека разнесся бы эхом по всему театру. Кроме того, кинжал, независимо от того, принадлежал он Винси или нет, как орудие убийства в столь отработанном плане преступления кажется просто идиотизмом. Имея столь гениальный план и обеспечив себе стопроцентную возможность его реализации, неужели вы поставили бы его решающую фазу в зависимость от стольких случайностей? Винси был убит одним ударом и не крикнул. Но ведь мог закричать. Если бы кинжал не угодил точно в сердце, Винси мог бы даже вскочить и стонать от боли...

6. Кроме того, почему Винси еще лежал, когда пора было натягивать перед зеркалом маску? Вы едва успели добежать до сцены, не убивая Винси. Если бы вы должны были еще убить, то опоздали бы к началу второго акта. Но у Винси не было никаких причин ждать до последней секунды, а потом мчаться по коридору, прилаживая маску на бегу. Он должен был сам ее надеть перед зеркалом и удостовериться, что все в порядке, а тут еще и костюмера не было рядом. К тому же Винси лежал, а до начала оставалось минуты три, а то и меньше. Значит, вы не убивали его. Ведь вам надо было бы сначала запереть дверь, потом пойти за кинжалом, взять его, вернуться к Винси и нанести удар. Это заняло бы какое-то время. А он бы смирно лежал, ожидая смерти. Почему? Но ведь и в самом деле он лежал и не обращал на все ни малейшего внимания. Нет, это не укладывается ни в какие рамки. При всем желании отрежиссировать это мне не удалось. Преступник и жертва не соответствовали обстоятельствам совершения убийства. Значит, его совершил кто-то другой.

— Браво! — произнес Дарси, помолчав.— Но если я его не убил, то кто-то же сделал это!

— Вот именно. Мы это знаем и теперь должны выяснить — кто. Но надо признать, что вы сделали все, что в ваших силах, чтобы спутать нам карты и навлечь на себя подозрения. Прошу вас, расскажите теперь подробно все, с самого начала, но уже не искажая ни фактов, ни обстоятельств.

— Теперь, разумеется, не буду. Значит, так. Когда Эва ушла со сцены после первого акта, я очень переживал. Эва рыдала в уборной. Кричала, что ненавидит его, что такого мерзавца убить мало, что она ему за все отплатит. Словом, была вся в слезах, возмущенная, когда в дверь постучал один из рабочих и сказал, что Сэйер просит меня прийти на сцену.

— Сколько времени вы пробыли у мисс Фарадей?

— Минут пять-шесть. Трудно сказать точно. Я прошел вместе с рабочим на сцену и спросил Сэйера, что случилось. Оказалось, он потерял листок, на котором я нарисовал, как расставляются на сцене стулья во время антракта. Сначала он попробовал ставить по памяти, но скоро они с рабочими поняли, что запутались. Я показал ему как и что. Убедившись, что он разобрался, я направился к уборной Винси. Разумеется, ничего плохого я ему делать не собирался, хотя был в полном бешенстве. Может быть, и ударил бы его, не знаю. Я и впрямь начинал ненавидеть этого человека...— Он замолк.— Это был мерзкий тип...— объявил Дарси искренне.— С гнильцой. Гнусный, мелкий эгоист, бессовестный, безмозглый... Я и сам не знал, что сделаю, когда войду. Пьеса была сыграна только наполовину, а я, как каждый серьезный человек, работающий в театре, ставлю спектакль выше того, что происходит за сценой. Спектакль — дело священное, и мне доводилось видеть актрис, играющих комедийные роли, когда дети их бредили дома в жару. Видел людей, которые играли назавтра после смерти близкого человека; сойдя со сцены, они еле держались на ногах и рыдали, но выходя на сцену, опять прекрасно владели собой и вели роль безупречно... У меня даже мелькнула мысль, что если я не сдержусь и сейчас его ударю, то он, глядишь, не в состоянии будет выйти на сцену, и мы сорвем спектакль... Это странно, что такие мысли приходят в голову, когда ты вне себя от ярости и глаза наливаются кровью. Но так это было. Тут меня увидел

осветитель Карутерс, он стоял с кем-то за кулисами, что-то случилось с кабелем одного из прожекторов: Спрашивал, нельзя ли приспособить другой прожектор, послабее, который в этой пьесе не используется. Хотя я придаю огромное значение освещению, все прожекторы мира, включая театральные, в ту минуту для меня не существовали. Но мне надо было что-то ответить. Я предложил ему попытаться дотянуть до конца с поврежденным. Он удивленно посмотрел на меня, но отошел. Мы как раз стояли перед дверями уборной Винси. Я был еще взвинчен, но все же немного поостыл, поскольку отвлекся на другие дела. Когда я брался за ручку двери, то уже вполне овладел собой. Обычно я умею держать себя в руках. Входя в комнату, я собирался обругать Винси, но ударить уже не смог бы... разве что он сказал бы что-нибудь такое, что снова возбудило бы мою ярость... Но он ничего не сказал. Лежал мертвый. Видимо, умер совсем недавно — когда я стоял над ним, как зачарованный, то увидел, что кровь вокруг лезвия кинжала ярко-красная и еще не запеклась... Рядом на стуле лежала его маска. Она словно ухмылялась мне в лицо и казалась более живой, чем он сам. Вдруг я почувствовал, что дрожу от ужаса. И не могу избавиться от возникшей мысли. Это Эва выбежала из своей уборной и ворвалась к нему, чтобы высказать ему все, пока я еще был на сцене! Я не рассуждал, возможно это или нет. Решил, что она пришла сюда, когда он лежал, и, наверно, он снова встретил ее каким-нибудь оскорбительным словом, она схватила его кинжал, который я хорошо знал, так как Винси мне много раз его показывал... убила его, а потом убежала. Я стоял и ломал себе голову, как ее спасти. С минуты на минуту все могло обнаружиться. И вдруг меня осенило! Идея была не нова. Уже неделю Винси грозил уходом из театра. И я подумывал о том, чтобы поговорить с директором и предложить ему, что я сыграю за Винси эту роль. Из-за руки и ограниченности в движениях я не стал актером. Но в моем собственном спектакле я мог все построить так, чтобы рука мне не понадобилась. Последние несколько дней репетировал дома перед зеркалом. Для развлечения даже имитировал голос Старика. В мгновение ока я понял, что могу спасти Эву, если выйду отсюда в качестве Винси, сыграю за него роль, а потом буду при ней неотлучно до полуночи или до той минуты, когда в конце концов кто-нибудь обнаружит его тело. Я знал от костюмера Раффина, что Винси запретил ему приходить в уборную после спектакля, так как ждал какую-то даму. Так пусть эта дама и найдет его, а я постараюсь, чтобы Эва ни на минуту не оставалась одна после того, как вместе со Стариком покинет сцену. Рассказываю я вам об этом гораздо дольше, чем все это сложилось у меня в голове. Я взял маску, подбежал к зеркалу и натянул ее. Она была в самый раз. Сверху у нее искусственные волосы, поэтому никто меня сразу узнать не мог. Теперь надо было как можно скорее выбираться отсюда. Я быстро вышел, но в дверях сообразил, что не смогу играть, зная, что он лежит в незапертой уборной. Ничто не мешало мне в качестве Стивена Винси запереть дверь и взять ключ с собой, хотя никто никогда в театре этого не делает. Я запер дверь и пошел за кулисы. По дороге никто мне не встретился. Когда занавес начал подниматься, я испугался, что Эва может узнать меня или, скорее, догадаться, что это не Винси. Однако оказалось, что это не так-то легко... Потом я выпрыгнул из окна и поступил именно так, как вы показывали. Потом стоял и кланялся зрительному залу, с ужасом думая о том, что он там лежит. Только тогда, доиграв его роль, я уразумел всю правду и осознал, что совершил. Больше всего поразила меня Эва. Если это она убила Стивена Винси, то, надо сказать, держалась она на сцене, как самый хладнокровный убийца, какого только можно себе вообразить. Позже, когда мы ушли со сцены, я внимательнейшим образом стал наблюдать за нею. Она сказала о Стивене что-то колкое и презрительное... что он не вышел на аплодисменты... Потом мы вместе отправились ужинать. Я обсуждал с ней следующую роль... Медеи и постепенно полностью уверился, что совершил страшную ошибку. Эва не убивала Стивена! Она не могла бы так вести себя. Это было исключено. Я слишком хорошо ее знаю, понимаю каждый ее жест, выражение ее лица. От меня этого ей не удалось бы скрыть. И вообще, каким потрясением должно было бы стать для нее появление Винси на сцене после антракта! Я подумал об этом только за ужином. Ведь если бы она его убила, то должна была считать, что тело его лежит в уборной, занавес не поднимается, а в театре вот-вот начнется переполох. Между тем убитый появился на сцене и как ни в чем не бывало занял место рядом с ней, и она приняла это совершенно спокойно... Но сделанного не вернешь. Кроме того... мне и в голову не пришло, что

полиция может об этом дознаться, раз ни моя партнерша, ни кто-либо из труппы ничего не заметили. Оказалось, я ошибся...— Он наклонил голову в сторону Алекса.— Это все.

— Так.— Паркер встал и начал прохаживаться по комнате.— История просто неслыханная... Неслыханная...— Он остановился.— За сколько минут до конца антракта вы сюда вошли?

— За две или, может, три? Так, как вы сами установили. Мне трудно сказать точнее. В таких обстоятельствах время течет совершенно иначе. Когда я вошел, помощник режиссера вызывал по радио Винси и Эву Фарадей на сцену. У нас все уборные радиофицированы. Актер может следить за ходом спектакля у себя в артистической.— Дарси показал на маленький ящичек на стене.— В этой пьесе радио не требуется, поскольку Старуха и Старик ни на минуту не покидают сцену. Так что это могло быть минуты за три до конца антракта.

— А сколько точно длится антракт?

— От шестнадцати до семнадцати минут. Примерно столько времени нужно, чтобы расставить стулья.

— Так... Значит, вы чуть не опоздали?

— Да. Только я вошел на сцену и встал на место, где должен находиться Старик, и тут же рабочий по знаку помощника режиссера начал поднимать занавес.

— А в этой комнате вы ничего не заметили, что могло бы показаться вам странным? Необычным?

— Нет...— Дарси покачал головой.— Нет. У меня не было времени осмотреться. Я был совершенно подавлен случившимся. Был в шоке при виде трупа Стивена и при мысли, что Эва могла его убить. Нет... нет.

— Попробуйте еще раз как можно точнее припомнить все, что вы здесь делали,— попросил Алекс.

— Я вошел, закрыл за собой дверь. Еще не понял, что Винси мертв... Подошел к кушетке. Увидел кинжал. Наклонился посмотреть, действительно ли он умер... Я так много видел погибших во время войны, что сразу понял... Да и кинжал этот так глубоко вошел прямо в сердце... Потом я подумал, что могу сыграть за него, и резко повернулся. И окаменел. Мне показалось, что мертвец схватил меня за брючину. Но это я зацепился за шип розы из этой корзины... Потом схватил маску... Нет. Сначала побежал к двери и запер ее изнутри, и потом взял маску и бросился к зеркалу... Надел... Пошел к выходу, но тут вспомнил, что оставил на туалетном столике свою шляпу, которую до этого держал в руке... К счастью, она сделана из мягкого фетра, так что я ее свернул и сунул сбоку за резинку, которая придерживает брюки вместо пояса. Блуза довольно широкая, и я надеялся, что никто этого не заметит. Потом вышел и запер за собой дверь. Ключ сунул в карман блузы. Добежал до сцены, когда занавес поднялся...

— Так...— Алекс кивнул.— Большое вам спасибо. Теперь уже можно утверждать, что мы знаем убийцу Стивена Винси. Вы нам разъяснили все или почти все.

— Я? — с недоумением спросил Дарси.

— Да. Вы... Вы свободны, если инспектор Паркер ничего не имеет против. Советую вам теперь отправиться в уборную мисс Фарадей и отвезти ее домой. После такой тяжкой ночи ей необходимо хорошо отдохнуть...— Алекс встал и протянул Дарси руку: — Действовали вы неразумно, но мужественно и хладнокровно. Надеюсь, что мы когда-нибудь еще встретимся при более благоприятных обстоятельствах. Прошу передать наши извинения мисс Фарадей. Вы тоже можете спать спокойно. Больше вы нам не понадобитесь...

После ухода Дарси Паркер воззрился на Алекса почти с ужасом:

— Слушай, Джо. Я выпустил это дело из своих рук и доверился тебе. Честно сказать, есть во всем этом что-то, чего я никак не ухвачу. Я не стыжусь этого. Думаю, что многие из следователей у нас и на континенте уже спустя час после всего этого впали бы в полное отчаяние или арестовали бы двоих-троих невинных людей, а потом, краснея от стыда, вынуждены были бы выпустить их с извинениями и объяснениями, и первой была бы миссис Додд... Казалось, что это безусловно она убила Винси. У нее был мотив, она к нему пришла... но ты освобождаешь ее от подозрений только потому, что Винси убили, когда он лежал... Потом все улики свидетельствовали против Дарси. Я считал, что это дьявольски умный убийца, но, к счастью, ты оказался умнее его... И вот выясняется, что он, как по заказу, ранен на

поле брани, притом так, что не смог бы нанести этот удар кинжалом, даже если бы ты отвел ему на это полчаса. Хорошо! Дарси — белая невинная овечка и пусть до конца своих дней резвится на зеленых лужайках с мисс Фарадей. Пусть они поженятся, родят семерых сыновей и семь дочерей, пусть старятся и богатеют, окруженные всеобщим уважением... Пусть, в конце концов, оба отправляются ко всем чертям! Но я хочу знать, где убийца Стивена Винси. Пока же ты потратил ночь, чтобы придумать алиби всем подозреваемым. А кто же убил? Я спрашиваю: кто убил Стивена Винси? Потому что меня интересует только это. И я не хочу знать, кто его не убивал, потому что его не убивал никто из живущих на свете... кроме одного человека.

— Ты хочешь, чтобы я назвал тебе этого одного человека?

— Если знаешь, кто он.

— Знаю. Теперь уж знаю наверняка. Но для порядка нам надо проверить алиби всего персонала театра во время антракта. Не забудь, что до сих пор мы интересовались их действиями после ухода Винси со сцены и окончания спектакля. Теперь нам известно, что он погиб во время антракта, в промежутке между той минутой, когда он вошел в уборную, и до того момента — минуты за три до начала второго действия,— когда к нему пришел Дарси. И даже чуть раньше, потому что убийца успел выйти прежде, чем явился Дарси. Значит, Винси был убит в те 11 или 12 минут, которые он провел у себя в комнате до прихода Дарси.

— Да,— кивнул Паркер.— Надо все начинать сначала. Дарси отпадает, Эва Фарадей и Сьюзен Сноу тоже, потому что они успокаивали друг друга весь антракт, а потом костюмерша проводила Эву на сцену. Анжелика Додд нас тоже не может интересовать, потому что в антракте была в зрительном зале. Остаются, стало быть...— Он подошел к двери.— Джонс!

— Да, шеф?

XVII. Убийца «Б»

Целый час проходили через артистическую уборную убитого усталые, перепуганные люди. Их было девять. Инспектор Скотленд-Ярда Бенджамен Паркер отер пот со лба и выпрямился на стуле. В руке он держал густо исписанный лист бумаги.

— Джо, я начинаю верить в привидения...— сказал он тихо.— А может, нам все это только снится?

— Почему же? — спросил Джо Алекс. Его клонило в сон. Он потер глаза и полез в карман за портсигаром, чтобы взять еще один «Голд флейк».

— Как это почему? Вот послушай:

1. *Генри Дарси* не мог убить по физическим причинам. Он калека.
2. *Уильям Галлинз,* вахтер, весь антракт просидел с
3. *Оливером Раффином,* костюмером, в вахтерской.
4. *Джек Сэйер,* помощник режиссера, во время антракта был занят расстановкой стульев на сцене, что подтверждает один из рабочих, 5. *Джошуа Брэддон,* который с ним не расставался. Второй рабочий, 6. *Стенли Хиггинс,* отошел только на минуту, чтобы вызвать Дарси из уборной Эвы Фарадей, а 7. пожарный *Саймон Формз* показал ему, где она находится, и смотрел на него, стоя в дверях, ведущих со сцены в главный коридор, потому что волновался, что они не успеют. Пожарного Саймона Формза все время видели те, кто вносил и ставил стулья, а когда он пошел вместе с Хиггинсом, то все время оставался в поле зрения последнего, так как тот лишь постучал в дверь Эвы Фарадей, но не входил туда, а только позвал Дарси, вместе с которым и вернулся на сцену. Пожарный пошел с ними и на сцене заговорил с осветителем, 8. *Ричардом Карутерсом,* который сидел у себя на балкончике и возился с мигающим прожектором до самого антракта, о чем свидетельствуют все, потому что он то выключал, то зажигал свет, что всех выводило из себя. Потом Карутерс спустился, встретил идущего к кулисам Дарси и, беседуя с ним, дошел до уборной. Но это не имеет значения, потому что Винси тогда уже был мертв, как показал Дарси.
9. *Джон Найт,* суфлер, и
10. *Малькольм Сноу,* рабочий, отвечающий за занавес, весь антракт обсуждали свой треклятый тотализатор.
11. *Эва Фарадей* и

12. *Сьюзен Сноу,* костюмерша, были весь антракт в уборной, потому что Эва нуждалась в поддержке. Костюмерша проводила ее до самой сцены...— Он поднял голову от листка.— Это все, Джо! Все! Больше никого в театре не было. У каждого из них есть твердое алиби... разве что у убийцы есть сообщник... Должен был быть... иначе придется поверить в чудеса. Во-первых, никто не мог убить Стивена Винси после спектакля! Стало быть, напрашивается мысль, что его убили раньше. Когда наконец выяснилось, что тут разыгралась совершенно фантастическая история, и покойник вышел на сцену, одновременно лежа в своей уборной с кинжалом в груди, подобно Цезарю, тут же оказалось, что автор этого неожиданного сюжета его убить не мог! То есть его должен был убить в антракте кто-то другой. И вот теперь получается, что это тоже не так. И что тогда?

Джо Алекс покачал головой.

— Нет, дорогой мой, Стивен Винси убит во время антракта.

Паркер с отчаянием посмотрел на него.

— Но никто же не мог его убить!

— Как же нет! Разумеется мог, раз убил.

— Это я понимаю, но если никто из этих людей не мог его убить, то...

Алекс усмехнулся.

— Бен, ты забываешь об убийце «Б». Я говорил тебе, что часть улик указывает на убийцу «А», а часть — на убийцу «Б». Убийцей «А» был Дарси. В конце концов, я же не мог предполагать, что невинный человек ни с того, ни с сего берется за такую безумно сложную задачу. Его действия затемняли картину и заслоняли обзор, ибо убийце «Б», например, не требовалась эта чертова маска, и он не в состоянии был сыграть за Винси, а убить мог только в антракте, то есть убийство должно было обнаружиться до начала второго действия. Дарси невольно создал алиби всем, кто мог убить Винси в антракте, хотя его заботило только алиби Эвы Фарадей. Теперь, когда Дарси мы уже не рассматриваем как возможного убийцу и проблема маски, а также посмертной игры Винси выяснилась, убийца «Б» остался один на поле сражения. Алиби всего персонала только резче обозначает его как черную кляксу на белом листе бумаги. Теперь убийцей может оказаться только он.

— А кто это? — спросил Паркер и нагнулся, чтобы расслышать получше, словно в этом театре слова могли исчезать или превращаться в другие.

Алекс сказал ему, *кто это.*

— О господи боже мой! — прошептал Паркер.— Как же я мог этого не заметить!

— Простая психологическая истина...— пробормотал Джо Алекс.— Банальное труднее заметить.

— Подожди меня здесь...— Паркер бросился к дверям.

— Хорошо,— кивнул Алекс. Когда двери за инспектором закрылись, он минуту сидел неподвижно, потом закурил еще одну сигарету, после чего быстро встал и пошел в вахтерскую, где сидел заспанный полицейский. Алекс попросил его на минуту выйти, набрал номер и сказал несколько слов... потом еще несколько... и положил трубку. Вернулся в комнату и стал медленно ходить взад-вперед, насвистывая какую-то простенькую сентиментальную мелодию. Потом остановился, вынул из корзины розу и понюхал. Наконец двери отворились. На пороге стоял Паркер. Медленно вошел и тяжело опустился на стул.

— Он мертв...— сказал Паркер.— Покончил с собой за минуту до нашего приезда... Оставил записку семье, в которой ни словом не упоминает обо всем этом...

— Думаю, что он поступил весьма разумно...— пробормотал Алекс.

Инспектор пристально посмотрел на него...

— Полицейский, который дежурит в комнате вахтера, доложил мне, что ты звонил кому-то в городе...

— Вот как?.. У меня вроде бы могут быть еще и свои личные дела, разве нет? — Алекс серьезно взглянул на Паркера. В руке он машинально вертел красный бутон розы на длинном прямом стебле.

— Разумеется...— Инспектор опустил глаза.— Конечно... Но послушай, Джо... Ведь я обязан...

— Мы все, как порядочные люди,— перебил его Алекс,— обязаны добиваться того, чтобы преступление не осталось безнаказанным. Да. Но важно также, чтобы

закон не причинял вреда порядочным людям только потому, что... что он закон.— Алекс поднес цветок к носу и опять понюхал. Потом улыбнулся.— Предупреждаю тебя, что если ты в своем благородном стремлении соблюсти букву закона, а не его смысл, который я чту не меньше твоего, надумаешь меня в чем-нибудь обвинить, то я сумею защититься.

— Ну, перестань,— махнул рукой инспектор.— Ничего не поделаешь. Свершилось. Сегодняшней ночью умерло двое: убийца и жертва. Круг замкнулся.

— И не будем его разрывать...— кивнул Алекс.— Большое тебе спасибо, Бен. Сэр Томас Додд был прав, когда сказал, что ты истинный джентльмен.

— Чепуха! — Паркер покраснел.— Если бы убийца был жив, то его уже посадили бы в камеру, независимо от того, что́ я о нем думаю!

— Да. Но это входит в твои служебные обязанности. Отпустить убийцу на свободу, исходя из собственного субъективного отношения к делу, было бы гнусностью, и этого ты бы не сделал. Но в нынешней ситуации, когда одна смерть оплатила другую, у тебя был выбор. И я рад, что ты избрал то, что тебе диктовали рассудок и совесть, а не сухие предписания.

— Все это ерунда! — опять махнул рукой Паркер.— Хватит об этом.— И быстро, чтобы перевести разговор, добавил: — Но как ты, черт бы тебя взял, разгадал эту задачку? Никак этого не уразумею. Конечно, правда была не так уж глубоко спрятана. Она лежала на поверхности, это точно. Немного стыдно, но у меня ни разу не мелькнула мысль об этой возможности. Внимание от нее отвлекали бесконечные сбивающие с толку факты и запутанные обстоятельства.

— Вот именно. Поэтому я и не смог сообразить раньше. Когда я понял, что Анжелика Додд не убивала Винси, а я с самого начала, как ты знаешь, был в этом убежден, мне осталась альтернатива: убийца «А» и убийца «Б». Убийцей «А» был тот, кто взял маску, а убийцей «Б» — тот, кто взял письма.

— Но ведь это мог быть один и тот же человек?

— Нет. Если наш преступник не маньяк, а способ совершения преступления свидетельствовал скорее о «нормальном» убийстве, то следовало проверять его поступки логикой. Маску мог взять только Дарси, так как он один соответствовал всем требованиям, необходимым для того, чтобы заменить Винси на сцене. Но просто невероятно, чтобы после убийства Винси он забрал бы письма, которые тот принес, чтобы обменять на драгоценности миссис Додд.

— Почему?

— Потому что: 1. он не мог знать их ценности, 2. не мог знать их содержания, 3. не знал, что Винси принесет их с собой в этот вечер, 4. *вообще не знал об их существовании*, 5. не успел бы прочесть их после убийства, 6. а если бы успел, письма Анжелики Кроуфорд двадцатилетней давности ничего бы ему не сказали. Значит: он не брал их с собой на сцену, позже он тоже не мог их взять, потому что больше не мог входить в уборную Винси. Из этого следует: убийца «А» взял маску, но не письма. Тем временем убийца «Б», взявший письма, не стал бы брать маску. В роли убийцы «Б» могли выступить только два человека: сэр Томас Додд и миссис Додд, поскольку только они знали о существовании писем и о том, что Винси принесет их с собой. Лишь для них эти письма были бесценны. Однако:

а) У сэра Томаса алиби с 9.20 и даже с 9.10. Хотя у него была машина, все же после убийства Винси ему потребовалось бы минут десять, чтобы доехать до доктора Эмстронга. Но сэру Томасу, будь он убийцей «Б», пришлось бы воспользоваться услугами Дарси, который должен был, в свою очередь, забрать маску, сыграть за Винси и таким образом обеспечить сэру Томасу алиби. Это было совсем странно и в первый момент казалось наименее правдоподобным.

б) Миссис Додд была в театре в 10.15 и могла забрать письма. Однако она сказала нам, что не нашла их. У нее не было причины лгать. Она была жертвой шантажа, письма были написаны ее рукой, поэтому, если бы она сказала, что нашла их, отвезла домой и там сожгла, никто бы из нас и глазом не моргнул. Ей можно верить еще и потому, что, говоря правду, она отводила подозрения от всех, кроме собственного мужа. А это совсем не входило в ее намерения. И я ей поверил.

И тогда мне осталось только двое убийц: убийца «А» — Дарси, который мог взять маску, но должен был оставить письма (кто тогда их взял?), и убийца «Б» — сэр Томас Додд — единственный, кроме миссис Додд, человек, который взял бы письма, но не маску. И вообще сэр Томас Додд мог убить Винси только при

условии, что после того, как он его убьет и заберет письма, явится Дарси, возьмет маску и сыграет роль Старика, заперев перед этим Винси на этот чертов ключ.

Ситуация складывалась нелепая: Додд мог взять письма только в том случае, если бы Винси убил режиссер. Но тогда ему надо было бы проникнуть через запертую дверь, ключ от которой Дарси взял с собой на сцену. А вот если Додд убил Винси и взял письма, тогда выходит, Дарси, ни в чем не повинный человек, берет маску и играет роль Старика вместо покойного!

Это казалось просто фантастикой. И прибавлялось все больше доказательств, я их уже перечислил, что Дарси — не убийца. Однако, если он не убивал и не играл после антракта, тогда и сэр Томас Додд не мог убить. Кто тогда взял маску и письма? — Алекс замолчал и рассмеялся своим невеселым, грубоватым смехом.— Потом, когда мы выяснили, что после спектакля в уборную никто не входил, кроме миссис Додд, а в антракте у него побывало только двое, Дарси и посыльный с цветами, все стало ясно.

а) Убийца — не миссис Додд, так как когда она вошла, Винси был мертв уже минут 15, что подтверждается данными вскрытия.

б) Убийца — не Дарси, так как он калека (и по тысяче других причин, которые я уже излагал).

в) Остался только *посыльный из цветочного магазина.*

Вот он-то и убил Винси, и забрал письма. А письма эти были нужны (кроме миссис Додд) еще только одному человеку, и только он, кроме нее, знал об их существовании и о том, что вечером они будут в уборной Винси — это сэр Томас Додд. И теперь его предыдущее алиби не имеет значения, потому что если он убил Винси в 9.05, то мог без помех успеть к 9.20 к доктору Эмстронгу, поскольку машина его стояла неподалеку от театра. Понятно также, почему он всю семью отправил в театр. Хотел быть один и взять свою машину, чтобы заехать в цветочный магазин, а оттуда в театр, не оставляя памяти о себе лондонским таксистам, которые назавтра прочитали бы о преступлении в газетах...

Остальное было, по-видимому, просто. На посыльного с цветами никто не обращает внимания, его никто не запоминает. Театральные вахтеры пропускают их, даже не взглянув. Риск был невелик. Сэр Томас предполагал, что Винси будет в одиночестве дожидаться прихода его жены. Если бы он был не один, сэр Томас просто отдал бы ему цветы, получил шиллинг на чай и ушел. Главное было — иметь пустой белый конверт...

— Зачем?

— Сэр Томас пришел, чтобы убить. Он собирался нанести удар в тот момент, когда Винси будет занят распечатыванием конверта.

— А чем он собирался нанести удар?

— Само собой, кинжалом! Ты же знаешь, что Винси был убит кинжалом.

— Подожди...— Паркер поднял руку,— ты говоришь, что сэр Томас приехал, чтобы убить. Почему же он не взял с собой орудие убийства? И кроме того, разве Винси позволил бы посыльному рыскать по уборной в поисках кинжала, ведь о том, что он лежит здесь, сэр Томас и знать не мог! Это абсурд!

— Браво! — сказал Алекс.— Я задал себе тот же самый вопрос и не сразу подобрал к нему ответ. Но раз сэр Томас был единственным человеком, который мог убить Винси, значит, объяснение существует, и притом простое и логичное.

— Какое же?

— Ну, слушай, как все это было. Стрелять сэр Томас не мог, и вряд ли удалось бы подсунуть Винси яд. Оставался кинжал — оружие бесшумное, длинное и острое. У сэра Томаса такой кинжал хранился давно, он взял его, поехал в цветочный магазин, купил корзину роз, перед этим, наверно, слегка загримировался, чтобы полиция не смогла пойти по следу этой корзины и купившего ее. Потом подъехал к театру, поставил машину среди множества других и, прикрепив к корзине пустой конверт, вошел в театр в фуражке посыльного, какие можно купить сколько хочешь в любом шляпном магазине. Он попал в самый подходящий момент — начался антракт. Сэр Томас точно рассчитал время своего прихода: если бы Винси был не в уборной, а на сцене, весь его план провалился бы. Винси был один, лежал на кушетке и отдыхал — его роль в «Стульях» была довольно утомительной физически из-за беспрестанного перетаскивания стульев. Сэр Томас подошел к кушетке, поставил цветы и подал Винси конверт. Винси (разумеется, не вставая) тут же начал

изучать содержимое конверта. Ведь в нем могло быть какое-нибудь известие от миссис Додд, закамуфлированное цветами. В этот момент посыльный, смирно стоявший у него в головах, вынул свой длинный, острый кинжал и изо всех сил нанес удар. Хоть он и был изнурен болезнью, но для того, чтобы ударить сверху по неподвижно лежащему телу, много сил не надо. Кинжал пронзил сердце, и Винси только успел схватить его левой рукой, а правой судорожно стиснуть лист бумаги. Через секунду он скончался. Тут сэр Томас бросился к ящику, чтобы отыскать письма. Не знаю, были они в шкафчике или в карманах Винси, но зато знаю, что он нашел второй кинжал! Он знал, что кинжалы одинаковые, потому что когда-то они их заказали вместе. Значит, ему не надо было извлекать из раны орудие убийства и прятать его. Достаточно было забрать кинжал Винси, что должно было еще больше затруднить следствие. Выходя из театра, сэр Томас мог предполагать, что совершил идеальное преступление. Никто в мире (кроме его жены, в молчании которой он мог быть уверен) не догадывался, что у него была причина убить Стивена Винси. Письма он забрал. Орудие убийства, которое он первоначально хотел унести с собой, теперь стало попросту кинжалом Винси, которым кто-то его убил. Жена его уже не встретится с Винси и не навлечет на себя подозрений, потому что антракт вот-вот кончится. Винси не выйдет на сцену, в театре забьют тревогу и обнаружат тело. Анжелика Додд вернется домой с драгоценностями, и никто из них больше словом не обмолвится на эту тему... Однако произошло то, чего он не мог предвидеть даже в кошмарном сне: представление продолжалось, а убитый Винси играл до конца и ушел со сцены под овации зрителей!!! Поэтому миссис Додд, разумеется, отправилась к нему в уборную. Там она писем не нашла, зато увидела кинжал и труп, а кроме того, привлекла внимание полиции к собственному семейству, которое иначе вовсе не попало бы в поле нашего зрения... Миссис Додд вернулась домой. Всякий на ее месте хотя бы мельком тут же заглянул бы в ящик. Кинжала, разумеется, не было, потому что муж еще не пришел от доктора Эмстронга. Тут она поняла, что муж каким-то образом оказался у Винси раньше ее, убил Винси своим кинжалом и забрал письма. Когда сэр Томас около одиннадцати вернулся домой, она не хотела его видеть и говорить с ним об убийстве. Она закрылась у себя под предлогом, что у нее болит голова. А когда прибыла полиция, она тут же решила, что возьмет на себя преступление мужа, потому что он совершил его только из любви к ней и Энн. Когда же я спросил о кинжале, она спокойно пошла к столу, где он обычно хранился, и, вытянув руку, показала пальцем... К ее безграничному удивлению, кинжал был на месте!!! Позже, когда она услышала, что с 9.20 и почти до 11 ее муж был у доктора Эмстронга, она вздохнула с облегчением. Стало быть, ее муж не мог убить Винси, потому что она сама видела живого Винси в 9.50, а в 10.15 убедилась, что он мертв.

— Боже мой! — Паркер чуть не застонал.— Что за мешанина! Какое невероятное стечение обстоятельств!

— Вовсе нет! — запротестовал Алекс.— Просто, когда убийца начал искать письма, то наткнулся на кинжал, а уж если наткнулся, надо было быть полным идиотом, чтобы не взять его. Этого требовала элементарная логика. Ничего иного в подобных обстоятельствах произойти не могло...

Он на минуту умолк и закурил новую сигарету.

— Остается мотив убийства. У сэра Томаса были более веские, чем у его жены, причины желать, чтобы Винси замолчал навеки. Во-первых, он его прекрасно знал и понимал, что тот все-таки когда-нибудь проболтается, и тогда Энн Додд узнает, что она не родная дочь сэра Томаса. Это было для него страшнее всего. Он ее по-настоящему любил, вырастил, а теперь, на пороге смерти, ему предстояло уйти в мир иной, зная, что его могила не будет для нее могилой отца. К тому же были бы скомпрометированы два его единственно любимых существа — жена и дочь, а в довершение всего они лишились бы огромного состояния. Ему же легче было бы уходить из жизни в уверенности, что его дочь и жена не только обеспечены до конца жизни, но и будут купаться в богатстве. И он ненавидел Винси, что, собственно, нельзя поставить ему в упрек. Да он и так почти ничем не рисковал. Знал, что смерть его недалеко. Рак был неумолимым убийцей и уже довершал свое дело в его истерзанном теле. Сэр Томас счел, что покидать земную юдоль стоит, забрав с собой этого самого отъявленного негодяя из всех, кто ему встречался в жизни. Примем также в расчет, что это убийство косвенным образом могло

осчастливить его близких и спасти их от тяжких невзгод, так что мотив для преступления был, безусловно, сильным. Но способен ли серьезный ученый-археолог в один миг перевоплотиться в стареющего посыльного из цветочного магазина? На этот вопрос нам ответил сам сэр Томас, рассказав, что они с Винси были звездами школьного драматического кружка. У него было актерское дарование, которое так и не раскрылось, потому что отец иначе распорядился его судьбой. Однако ни одно дарование не пропадает бесследно. Да и почти немая роль посыльного, собственно, требовала только костюма: не слишком новой одежды и фуражки с какой-нибудь эмблемой. Никто ведь не обращает на это внимания. Посыльный, несущий корзину с цветами,— это всего лишь посыльный. Скорее посмотрят на розы, чем на него. К тому же, судя по размерам корзины, сэр Томас легко мог скрыть за ней лицо, разговаривая с вахтером и Винси. Да и не виделись они лет двадцать... Это и был убийца «Б». Когда выяснилось, что убийца «А», а также никто из персонала театра Винси убить не мог, остался только он. И быть им мог только сэр Томас, так как: 1. только он мог подменить кинжал; 2. ему было важно предотвратить приход жены к Винси. Он, естественно, думал, что убийство обнаружится еще в антракте, когда Винси не выйдет на сцену, а жена его узнает обо всем, сидя в зрительном зале. И ей не придется отдавать эти драгоценности, что лишь укрепило бы над ней власть шантажиста; 3. у него не было алиби. Вернее, его алиби становилось доказательством его вины, потому что, следуя здравому смыслу, он должен был взять такси, а не ехать к врачу на собственной машине, ведь ему могло стать плохо, когда он был за рулем. Собственная же машина могла ему понадобиться только для того, чтобы никакой таксист не мог донести полиции, что возил его к Камерному театру; 4. мотивы для убийства у него были более вескими, чем у кого бы то ни было; 5. он знал, что обречен; 6. судя по поведению его жены, она понимала, кто убил Винси. Хотела взять на себя вину. Потом ее поразило, что кинжал лежит в ящике. Меня-то это не удивило; 7. таким образом, сэр Томас остался на поле боя в одиночестве. Всех остальных пришлось исключить,— Алекс усмехнулся.— Хотя... разумеется, преступление мог совершить кто-нибудь совершенно неизвестный! Это было бы невероятным стечением обстоятельств, многие события оказались бы загадочными... Но кто знает? — Он слегка улыбнулся.

Паркер вскочил.

— Я ведь знаю, что ты ему позвонил и предупредил, что к нему едет полиция. Поэтому он и принял яд! Наверное, это по твоему совету он оставил записку: что он умирает, потому что боится страданий, которыми угрожает ему болезнь. Я просто уверен, что ты это сделал!

— Если бы я ему позвонил...— прошептал Алекс,— то, без сомнения, посоветовал бы ему что-нибудь в этом роде. Тогда дело об убийстве Стивена Винси никогда не выяснится, потому что относительно умершего трудно что-либо доказать. Энн Додд получит свои миллионы и мужа, Анжелика Додд не станет добычей кумушек, именуемых дамами из лондонского высшего света, а душа сэра Томаса Додда встретится в потустороннем мире с душой Стивена Винси, и пусть они поспорят о том, кто из них более грешен. Но это уже не касается ни полиции, ни авторов детективных романов.

— Вот-вот! — Паркер щелкнул пальцами.— Ты все-таки позвонил!

— Этого я не говорил... и никогда не скажу. Ничего подобного ты от меня не услышишь.— Алекс зевнул.— Ну, нам пора... После кровавой ночи блеск утра землю золотит, как сказал поэт. Я страшно устал. Надеюсь, ты отвезешь меня домой?

— Отвезу, Джо...— кивнул Паркер.— А что мне делать с моим следствием?

— Об этом подумаем завтра, то есть уже сегодня. В четыре часа дня встретимся и выпьем кофе у «Дюфресна». Попытаемся выдумать что-нибудь суперубедительное, чтобы успокоить и твое начальство, и прессу, и семью убитого... Ах, да! У Винси же не было семьи. Ни сына, ни даже дочери... Никто о нем, бедном, не вспомнит... Бен, я тебя заклинаю, пойдем, а то я усну стоя!

И все еще держа красный бутон розы, он выскользнул из артистической уборной Стивена Винси, Паркер поневоле двинулся за ним.

Через четверть часа Алекс звонил в дверь своей квартиры. Подождал минуту. Потом услышал тихие звуки шагов босых женских ног.

— Кто там?

— Джо Алекс.

Сонная Кэролайн впустила его в темную прихожую. Алекс зажег свет и поцеловал ее в нос.

— Эта роза мне? — спросила она, протирая глаза.

— Да, разумеется...

— Где ты ее купил в такое время? Ты просто чудо, Джо.

— Ох,— сказал Джо.— Эту розу один покойник купил для другого. Теперь она осталась на свете совсем одна, а я большой друг всех сирот, милая Кэролайн... Большой друг сирот... как выясняется.— Он протянул ей розу, и Кэролайн воткнула ее в распущенные волосы.

МОРИС ЛЕБЛАН

Черная жемчужина

РАССКАЗ

Перевод с французского С. КУДРЯВИЦКОЙ

Оглушительный звонок в дверь разбудил консьержку дома номер девять по набережной Ош. Она пошла открывать, недовольно проворчав:

— Я думала, все давно дома. Уже ведь три часа ночи.

— Это, наверное, к доктору,— пробормотал ее муж.

Чей-то голос спросил:

— Доктор Арель на каком этаже?

— Четвертый этаж, налево. Но доктор на ночные вызовы не выезжает.

— И все-таки мне придется его побеспокоить.

Неизвестный господин вошел в дом, поднялся на второй, затем на третий этаж и, даже не взглянув на дверь докторской квартиры, продолжал подниматься выше. На шестом этаже он остановился и вынул два приготовленных заранее ключа. Одним он открыл замок, другим — защелку.

— Отлично! Не ожидал, что все будет так просто! Однако прежде, чем приступить к делу, позаботимся об отступлении. Достаточно ли прошло времени? Похоже ли, что доктор Арель уже меня спровадил? Рановато, пожалуй. Немного подождем. Наберемся терпения.

Минут через десять он спустился вниз и, честя доктора на все лады, постучал к консьержке. Она открыла ему парадное, и он вышел на улицу, захлопнув за собой дверь. Однако дверь осталась незапертой: неизвестный успел вставить в замочную скважину железную пластинку, чтобы замок не сработал. Минутой позже он приоткрыл дверь снаружи и юркнул в дом, проскользнув под самым носом у ничего не подозревавшей консьержки. Теперь отступление было обеспечено.

Войдя в квартиру, он неторопливо снял шляпу, пальто, положил их на стул в прихожей, затем уселся на другой стул и надел мягкие войлочные туфли.

— Ну вот! Очень удобно! И до чего же просто! Не могу понять, чем людям не нравится профессия вора — такая доходная и необременительная! Надо только не быть растяпой и уметь хоть немного логически мыслить. Прекрасное занятие для отца многодетного семейства... для кого угодно... поистине универсальное. Быть может, даже немного банальное.

Он развернул листок, на котором был начерчен подробный план квартиры.

— Сначала посмотрим, где мы находимся. Это прихожая. Со стороны улицы — гостиная, будуар и столовая. Не будем тратить на них время. Графиня, похоже, начисто лишена вкуса — ни одной ценной безделушки! Итак, прямо к цели! Этот коридор ведет к спальням. Через три метра должна быть дверь стенного шкафа, который сообщается со спальней графини.

Он аккуратно сложил листок, погасил карманный фонарик и пошел по коридору, считая, сколько сделал шагов.

— Метр, два, три метра. Вот и дверь. Как гладко все идет! Здесь на

высоте одного метра сорока сантиметров от пола должна быть задвижка. Сделаем на двери небольшой надрез и устраним это препятствие.

Он достал из кармана инструменты, но потом в нерешительности остановился.

— А вдруг она не заперта? Попробуем на всякий случай.

Он осторожно повернул ручку. Дверь отворилась.

— Милейший Арсен Люпен! Сегодня тебе улыбается удача. Ты ознакомился с топографией местности, где будешь работать. Ты знаешь, где спрятана черная жемчужина. А теперь, чтобы она стала твоей, ты должен быть незримым как ночь, стать самим воплощением тишины.

Целых полчаса потребовалось Люпену, чтобы открыть вторую дверь — на сей раз стеклянную дверцу шкафа, через которую можно было попасть в спальню графини. Он сделал это с такой осторожностью, что если б даже графиня бодрствовала, ни один подозрительный шорох ее бы не потревожил.

Оставались сущие пустяки: тихо проползти вдоль кушетки, от кушетки к креслу, оттуда — к столику возле кровати графини. На нем лежала коробка из-под почтовой бумаги. В ней-то и была спрятана черная жемчужина.

Опустившись на ковер, он нащупал ножку кушетки и медленно, ползком стал пробираться вперед. Обогнув кушетку, он остановился, чтобы унять биение сердца. Нет, страха он не испытывал, но какая-то смутная, непонятная тревога, быть может, вызванная неестественной тишиной в этой комнате, внезапно охватила его, и он никак не мог с ней совладать. Он удивился: раньше он совершенно спокойно переживал и не такое. А сейчас, когда ему не угрожала ни малейшая опасность, сердце его стучало как набат. Может быть, спящая рядом женщина так сильно волновала его воображение? Он прислушался. Ему послышалось в тишине ее ровное дыхание, и он сразу успокоился.

На ощупь отыскав кресло, он сделал еще несколько осторожных, бесшумных движений, оказался около столика и одной рукой нащупал его ножку. Наконец-то! Цель близка! Теперь надо встать, достать из коробки жемчужину и неслышно уйти. Он был рад, что все скоро кончится, потому что сердце вновь запрыгало у него в груди, как пойманный зверек, и застучало так громко, что, казалось, могло разбудить спящую женщину. Усилием воли подавив новый приступ тревоги, он уже хотел подняться, но тут рука его коснулась какого-то лежавшего на полу предмета. Ощупав его, он понял, что это опрокинутый подсвечник. Рядом валялись маленькие настольные часы.

Что все это значит? Он ничего не понимал. Подсвечник... Часы... Почему они не на своих обычных местах? Что случилось в мрачной тишине этой ночи?

Вдруг он вскрикнул, нечаянно дотронувшись до чего-то чудовищного, невообразимого... Нет... нет... не может быть!.. Наверное, разум его помутился со страху. Он застыл, онемев от ужаса; холодный пот выступил у него на висках, пальцы все еще дрожали после того жуткого прикосновения.

Пересилив себя, он вновь протянул руку. И вновь дотронулся до того же предмета. Он заставил себя ощупать его, чтобы убедиться в правильности ужасной догадки. Длинные волосы, лицо... На ощупь такое холодное, просто ледяное...

Но какими бы ужасными ни были обстоятельства, такой человек, как Арсен Люпен, перед ними не отступает, а, наоборот, сам повелевает ими, едва сумев в них разобраться. Он включил карманный фонарик. На полу лежала женщина, вся в крови; на шее и на груди виднелись чудовищные раны. Наклонившись, Люпен увидел: она мертва.

— Умерла,— произнес он, оцепенев при виде мертвенной бледности кожи, застывших глаз, открытого рта и крови, видимо, обильно хлынувшей на ковер, но теперь застывшей и почерневшей.

Он встал, щелкнул выключателем и при ярком электрическом свете обнаружил в комнате следы отчаянной борьбы. Постель была разворочена,

одеяла и простыни — скинуты на пол. Повсюду валялись разбросанные вещи, настольные часы лежали на полу рядом с опрокинутым подсвечником; стрелки показывали двадцать минут двенадцатого.

«А черная жемчужина?» — подумал он.

Коробка от почтовой бумаги лежала на месте. Он поспешно открыл ее и увидел футляр. Футляр был пуст!

— Черт возьми, дружище Люпен! Рано ты обрадовался. Графиня убита, черная жемчужина похищена. Положение отнюдь не блестящее. Уноси ноги, не то поплатишься головой!

Однако он так и остался стоять посреди комнаты.

— Любой другой на твоем месте, дружище, конечно, удрал бы не мешкая. Но ты ведь Арсен Люпен! Нет ли более достойного выхода из положения? Итак, по порядку. В конце концов совесть твоя чиста. Вообрази, что именно ты комиссар полиции, которому поручено расследование этого дела. Да, но на это нужны свежие силы, а ты сейчас так измучен!

И он упал в кресло, обхватив голову руками.

Убийство на набережной Ош — одно из любопытнейших дел в уголовной практике последних лет — вызвало живой интерес у самой широкой публики. Однако немногие догадывались, что исключительное, неповторимое его своеобразие связано с участием в нем Арсена Люпена. И уж во всяком случае, никому не была известна подоплека этой истории, до того странная и удивительная, что мне хочется поведать о ней читателю.

Кто не знал бывшую певицу Леонтину Зальти, супругу, а потом вдову графа д'Андило? Лет двадцать назад ее несметные богатства вызывали зависть всего парижского света; слава об ее уникальных драгоценностях — бриллиантах и жемчугах — распространилась далеко за пределы Парижа и гремела по всей Европе. О Леонтине говорили, что она носит на груди сокровище более ценное, чем золото Клондайка и капитал Ротшильда. И все это баснословное состояние в один прекрасный день пошло с молотка. От богатейшей коллекции уникальных драгоценностей осталась лишь знаменитая черная жемчужина, которая и одна могла составить целое состояние, если бы графиня решилась ее продать.

Однако бывшая певица не пожелала расстаться со спутницей своих лучших дней и продавать ее не стала, предпочтя ограничить себя во всем, жить в скромной квартирке с компаньонкой, кухаркой и служанкой, но сохранить эту бесценную вещь. На то имелись свои причины; впрочем, графиня их не таила: эту жемчужину когда-то преподнес ей в подарок сам император.

Почти разоренная, жившая скромно, едва ли не бедно, она пожелала оставить при себе сие вещественное напоминание о лучших временах.

«Пока я жива,— говорила она,— с ней не расстанусь».

Днем она носила жемчужину на груди, а ночью прятала в тайник, известный лишь ей одной.

Все эти подробности, приведенные в газетах, возбудили у читателей не меньшее любопытство, чем сами обстоятельства убийства. И тут обнаружился совершенно удивительный, непостижимый факт, хотя и показавшийся вполне закономерным тем, кто знал истинный смысл событий: арест убийцы не только не внес сколько-нибудь ясности в это дело, но лишь придал ему еще большую загадочность и окончательно запутал следствие, что донельзя заинтриговало парижскую публику.

Через день после убийства в газетах появилось следующее сообщение:

«Арестован Виктор Данегр, слуга графини д'Андило. Против него выдвинуты тягчайшие обвинения. На рукаве его ливреи, которую г-н Дюбуи, начальник сыскной полиции, обнаружил у него под матрасом, оказались пятна крови. Кроме того, на ливрее не хватает одной пуговицы. При обыске пуговица эта была обнаружена под кроватью убитой.

Вполне возможно, что после ужина Данегр, вместо того чтобы идти в свою комнату, незаметно проскользнул в стенной шкаф, который сообщается со спальней графини, и через стеклянную дверь подсмотрел, куда графиня спрятала жемчужину.

Однако следует признать, что никаких доказательств этого не обнаружено. Кроме того, остается неясным и другое обстоятельство. В семь часов утра Данегра видели у табачной лавки на бульваре де Курсель. Это засвидетельствовала и консьержка дома, где он жил, и продавщица из табачной лавки. Вместе с тем компаньонка и кухарка графини показали, что в восемь утра, когда они проснулись, входная дверь и дверь на кухню были заперты на два оборота ключа. Обе женщины, прослужившие у графини более двадцати лет, вне всякого подозрения. Возникает вопрос, каким образом Данегр мог выйти из квартиры? Может быть, он сделал дубликат ключа? Следствие должно прояснить эти загадочные подробности».

Но следствие ничего не прояснило. И хотя обнаружилось, что Виктор Данегр — опасный рецидивист, развратник и пропойца, который вполне способен убить человека, само дело, по мере того как продвигалось следствие, становилось все более туманным и обрастало все новыми противоречиями.

Во-первых, мадемуазель де Синклев, двоюродная сестра и единственная наследница убитой, заявила, что графиня за месяц до смерти рассказала ей в письме, где и как прячет черную жемчужину. Это письмо исчезло. Кто его украл?

Во-вторых, консьержка сообщила, что среди ночи открывала дверь какому-то человеку, который поднялся к доктору Арелю. Допросили доктора. Оказалось, к нему никто не заходил. Кто же тогда был этот человек? Сообщник?

Пресса и публика ухватились за версию о сообщнике. Ее разделял также — и, добавим мы, не без оснований — старый начальник сыскной полиции Ганимар.

— Здесь не обошлось без Люпена,— говорил он судье.

— Скажете тоже! Всюду он вам мерещится, этот ваш Люпен,— возражал судья.

— Да, потому что он как раз и орудует всюду.

— Лучше признайтесь, что он вам чудится всякий раз, когда попадается запутанное дело. Впрочем, в данном случае заметьте следующее: убийство произошло в одиннадцать часов двадцать минут вечера, а ночной визит, о котором рассказала консьержка, состоялся в три часа утра.

Правосудие нередко хватается за первую попавшуюся версию, что порою приводит к искажению событий и даже их последовательности, поскольку их слишком часто выстраивают по заранее намеченной схеме. Темное прошлое Виктора Данегра предопределило предварительное судебное заключение. И хотя не обнаружилось никаких новых данных, которые могли бы подкрепить обвинение, основанное на двух-трех поверхностных уликах, решение судьи осталось неизменным. Он закрыл следствие, передав дело суду присяжных. Через некоторое время началось публичное разбирательство.

Оно было долгим и томительным. Председатель вел его равнодушно, с прохладцей; прокурор тоже не особенно старался. Оказавшийся в выгодном положении адвокат умело повел защиту. Он вскрыл все противоречия и слабые стороны собранных следствием данных. Не было обнаружено ни одного вещественного доказательства вины подсудимого. Не было известно также, кто изготовил дубликат ключа, без которого Данегр, выйдя из квартиры в семь утра, не смог бы запереть входную дверь. «Видел ли кто-нибудь этот второй ключ и где он сейчас? — спрашивал адвокат.— Кто видел нож, которым орудовал убийца? Куда он исчез? И уж во всяком случае, совершенно не доказано, что в грабеже и убийстве повинен мой подзащитный, а не тот загадочный человек, который с неведомой целью проник в дом в три часа ночи. Вы скажете, что стрелки часов точно указывали время, когда было совершено убийство. Но разве нельзя их перевести на любой удобный для вас час?» — закончил адвокат.

И Виктора Данегра оправдали.

Он вышел из тюрьмы в пятницу вечером, подавленный, измученный и разбитый. Судебное следствие, шесть месяцев одиночного заключения,

публичное заседание суда и споры вокруг его участи — все это надломило его силы. Он впал в болезненное беспокойство, его терзали мучительные страхи, по ночам преследовали кошмары, мерещился эшафот. Он просыпался в поту, весь дрожа, охваченный ужасом.

Под именем Анатоля Дюфура он снял крошечную каморку на чердаке в районе Монмартра и с тех пор перебивался случайными заработками, не гнушаясь самой грязной работы. Трижды он нанимался на постоянное место, но его всякий раз прогоняли, как только становилось известно настоящее его имя.

Он стал замечать, что какие-то незнакомые люди украдкой преследуют его по пятам. Может быть, виной всему его больное воображение? Он не сомневался: полицейские ищейки готовят ему западню, и уже чувствовал на плече свинцовую тяжесть руки, которая рано или поздно схватит его за шиворот.

Однажды, когда он ужинал в местном трактире, незнакомый неряшливо одетый мужчина лет сорока сел к нему за столик и заказал себе суп, овощи и бутылку вина. Покончив с супом, незнакомец вдруг поднял глаза на Данегра и в упор на него посмотрел. Данегр побледнел. Несомненно, то был один из шпиков, которые в последние недели не спускали с него глаз. Что же ему нужно? Данегр попытался подняться и не смог — ноги не слушались.

Незнакомец налил себе вина и наполнил стакан Данегра:

— Чокнемся, приятель?

Виктор пробормотал:

— Да... конечно... ваше здоровье!

— Ваше здоровье, Виктор Данегр.

Данегр вздрогнул.

— Я... я... нет, клянусь вам...

— В чем вы клянетесь? Что вы — не вы? Не слуга графини?

— Какой слуга? Моя фамилия Дюфур. Спросите у трактирщика.

— Верно, для трактирщика вы Анатоль Дюфур, но для правосудия — Данегр, Виктор Данегр.

— Ложь! Чистейшая ложь! Вас ввели в заблуждение.

Незнакомец вынул из кармана визитную карточку и протянул ее Виктору. Тот прочитал:

«Гримоден, отставной инспектор сыскной полиции. Наводит справки. Выполняет секретные поручения».

Виктор содрогнулся.

— Вы из полиции?

— Я там больше не служу. Но работа эта мне нравится, и я продолжаю ею заниматься в одиночку, не без пользы для себя. Иногда случается отыскать выгодное дельце. Как, например, ваше.

— Мое?

— Да, ваше. Это дело стало бы просто бесподобным в моей практике, если б вы согласились оказать мне небольшую услугу.

— А если я откажусь?

— Придется согласиться. В вашем положении вы никак не сможете мне отказать.

Данегр смутно почуял опасность и с тревогой в голосе произнес:

— Говорите, в чем дело.

— Ладно, короче: меня прислала к вам мадемуазель де Синклев.

— Мадемуазель де Синклев?

— Наследница графини д'Андило.

— Зачем?

— Она поручила мне забрать у вас черную жемчужину.

— Какую черную жемчужину?

— Которую вы похитили.

— У меня ее нет!

— Она у вас.

— Если бы она была у меня, это значило бы, что я убийца графини.

— Вы и есть убийца.

Данегр принужденно рассмеялся.

— К счастью, суд присяжных был иного мнения, приятель. Меня единогласно, слышите, единогласно признали невиновным. А когда не только сознаешь свою правоту, но и заручаешься поддержкой двенадцати честных людей...

Бывший сыщик схватил Данегра за рукав.

— Не заливай, парень. Слушай меня внимательно — я тебе скажу кое-что интересное. Так вот, Данегр, за три недели до убийства вы украли на кухне ключ от входной двери и заказали его дубликат в слесарной мастерской Утара, дом двести сорок четыре по улице Оберкамп.

— Ложь! — взревел Данегр.— Никто этого ключа не видел. Его вообще не было.

— Вот он.

Наступила пауза. Гримоден первым прервал молчание:

— Нож, предназначавшийся для убийства графини, вы купили у уличного торговца на площади Республики в тот самый день, когда заказали ключ. Лезвие его широкое, с желобком посередине.

— Идиотская шутка. Чушь порете. Да и где этот нож?

— Вот он.

Данегр отшатнулся. Отставной инспектор продолжал:

— Здесь видны пятна ржавчины. Вам не надо объяснять, откуда они взялись.

— Ну и что? Вы раздобыли ключ и нож. Кто докажет, что они мои?

— Это докажет слесарь, который делал ключ, а также продавец магазина, где вы покупали нож. Я уже освежил их память. Они будут рады вас видеть.

Данегр съежился от страха. Человек этот прекрасно знал, что́ говорит, и держался уверенно. Никто из присутствовавших на суде — ни председатель, ни адвокат, ни судья — не воспроизводил столь точно подробности преступления, которые и сам-то Данегр уже едва помнил. Но этот человек припер его к стенке.

Данегр попробовал принять невозмутимый вид.

— И это все ваши доказательства?

— Есть еще одно. Убив графиню, вы вышли из ее спальни тем же путем, каким пришли туда. Когда вы добрались до стенного шкафа, вас охватил невыносимый ужас и силы изменили вам. На секунду вы прислонились к стене, чтобы не упасть.

— Как вы это узнали? — запинаясь, пролепетал Данегр.— Этого не может знать никто.

— Конечно, никому из господ судейских не пришло в голову зажечь свечу и осмотреть внутренние стенки шкафа. Но если бы они это сделали, то заметили бы там небольшое свежее пятнышко. Оно довольно бледное, однако нетрудно узнать в нем отпечаток вашего большого пальца, запачканного кровью. Для вас, конечно, не секрет, что отпечатки пальцев неоспоримо доказывают виновность подозреваемого.

Данегр побелел как полотно. Лоб покрылся капельками пота. Как безумный, смотрел он на странного человека, который рассказывал об этом преступлении так, словно был его незримым свидетелем.

Потом он опустил голову, побежденный и уничтоженный. В течение нескольких месяцев он успешно боролся против всего мира. Но против этого человека оказался бессилен.

— Если я вам отдам жемчужину,— тихо спросил он,— что я за это получу?

— Ничего.

— Как? Вы что, смеетесь? Я отдам вам драгоценность, которая стоит десятки, может быть, сотни тысяч, и ничего не получу взамен?

— Вы получите жизнь.

Несчастный задрожал всем телом. Гримоден добавил почти ласково:

— Послушайте, Данегр, жемчужина не имеет для вас никакой ценности. Вы все равно не сможете ее продать. К чему вам хранить ее?

— Есть скупщики краденого. Через некоторое время... за любую цену...
— Через некоторое время будет поздно.
— Почему?
— Потому что вас арестуют, дорогой мой. Я передам в распоряжение полиции все улики против вас, которыми располагаю: нож, ключ, сведения об отпечатках пальцев. И на сей раз ваша песенка будет спета.

Виктор обхватил голову руками и задумался. Он понимал, что погиб, погиб безвозвратно. Неимоверная усталость внезапно навалилась на него; ему захотелось забыться, расслабиться...

Он спросил:
— Когда я должен вам ее отдать?
— Сегодня же, не позже чем через час.
— Иначе...
— Иначе я прямо сейчас отправлю прокурору письмо мадемуазель де Синклев, доказывающее вашу вину.

Данегр налил вина в оба стоявших на столе стакана, выпил их залпом один за другим и, поднявшись, сказал:
— Заплатите по счету и пойдемте. Устал я от этого проклятого дела.

Настала ночь. Мужчины молча миновали улицу Лепик и по бульварам спустились к площади Звезды. Виктор сутулился; видно было, что он утомлен.

В парке Монсо он остановился.
— Это здесь, недалеко вон от того дома.
— Что за черт? Послушайте, Данегр! До ареста вы ведь выходили из дома только за табаком в ближайшую лавку.
— Жемчужина здесь,— глухо повторил тот.

Они обогнули решетку сада и пересекли улицу, на углу которой находилась та самая табачная лавка. Данегр сделал еще несколько шагов и тяжело рухнул на скамейку.
— Где же? — спросил его спутник.
— Здесь.
— Вы что-то хитрите, любезный.
— Она здесь.
— Послушайте, Данегр, я вам не советую...
— Говорю вам, она спрятана здесь.
— Где именно?
— Между двумя камнями мостовой.
— Между какими камнями?

Виктор помолчал, потом сказал:
— Поищите.
— Ах, вот как! Ты решил меня разыграть? Отлично!
— Нет... но... я ведь подохну с голоду.
— Ты никак не решишься? Ну хорошо. Я буду твоим благодетелем. Сколько тебе надо?
— Чтобы хватило на билет до Америки.
— Договорились. Я оплачу тебе дорогу.
— И еще сто франков на первое время.
— Получишь даже двести. Говори.
— Сосчитайте камни направо от сточной канавы. Она между двенадцатым и тринадцатым.
— В водостоке?
— Да, у края мостовой.

Гримоден осмотрелся. Мимо проезжали трамваи, спешили прохожие. Но кому же придет в голову искать здесь жемчужину?

Он достал перочинный ножик и в указанном месте воткнул его в землю.
— Ты точно знаешь, что она здесь?
— Если никто не видел, как я нагнулся и сунул ее сюда, то она здесь.

Мыслимо ли это? Черная жемчужина — в грязи, возле сточной канавы, под ногами у первого встречного! Черная жемчужина! Целое состояние!

— На какой глубине?

— Около десяти сантиметров.

В мокрой земле Гримоден сделал ножом небольшую ямку. Лезвие задело что-то твердое. Он пальцами углубил ямку.

Черная жемчужина была там!

— На, держи свои двести франков. Завтра получишь билет в Америку.

На следующий день в утреннем выпуске «Эко де Франс» появилось сообщение, которое тотчас же перепечатали все газеты мира:

«Со вчерашнего дня пресловутая черная жемчужина находится в руках у Арсена Люпена, отобравшего ее у убийцы графини д'Андило. В самом скором времени копии с этой знаменитой драгоценности будут выставлены в Лондоне, Петербурге, Калькутте, Буэнос-Айресе и Нью-Йорке.

Арсен Люпен ждет предложений, с которыми пожелают обратиться к нему коллекционеры и прочие заинтересованные лица».

— Порок, как видите, всегда бывает наказан, а добродетель торжествует,— такими словами завершил Арсен Люпен свой рассказ об этом удивительном происшествии.

— Наверное, явившись к преступнику под именем отставного инспектора Гримодена, вы выступили в роли посланца судьбы, позаботившейся, чтобы свершилось правосудие.

— Вы правы. Могу признаться, что этим делом я особенно горжусь. Сорок минут, которые я провел в комнате графини после того как обнаружил ее труп, были одними из самых странных и жутких в моей жизни. Оказавшись в безвыходном положении, я за эти сорок минут восстановил картину преступления и понял, что убийцей мог быть лишь кто-то из слуг. Тогда я придумал, как отобрать у него черную жемчужину. Во-первых, преступник должен был быть арестован именно по подозрению в убийстве — и я позаботился об этом, подбросив под кровать убитой пуговицу от лакейской ливреи. Затем он должен был быть оправдан и выпущен на свободу — для этого я ликвидировал слишком явные улики, унес с собой валявшийся на ковре нож и забрал оставленный в двери ключ. Кроме того, я запер этим ключом дверь на два оборота и стер отпечатки пальцев с внутренней стенки шкафа. Последние два действия были каким-то озарением.

— Не каким-то, а просто гениальным!

— О, если хотите, можно сказать и так... Во всяком случае, подобные озарения первого встречного не посещают. Я мгновенно решил сразу две задачи: арест и оправдание убийцы, а кроме того, прибегнув к помощи правосудия, заставил злодея трепетать от страха. Короче, выйдя на свободу, он тотчас угодил в подстроенную мной ловушку.

— В дьявольскую ловушку! И до чего хитроумную! Ведь на самом деле ему не угрожала ни малейшая опасность..

— О да! За одно и то же преступление дважды не судят.

— Бедняга!

— Это вы о Данегре? Вы, наверное, забыли, что он убийца? Было бы в высшей степени безнравственно, если бы он воспользовался плодами своего преступления. Ведь он и так остался цел и невредим, подумайте только, убийца остался на свободе!

— А черная жемчужина — у вас.

Арсен Люпен достал бумажник, вынул из потайного кармана жемчужину, любовно посмотрел на нее, лаская пальцами и взором, и наконец произнес со вздохом:

— Какой русский князь или индийский раджа, глупый и тщеславный, станет когда-нибудь владельцем этого сокровища? Кому достанется крошечная частица Красоты, сверкавшая некогда на белоснежной шейке Леонтины Зальти, в замужестве графини д'Андило?

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН

Машина ошибается

РАССКАЗ

Перевод с английского А. КУДРЯВИЦКОГО

Фламбо и его друг, маленький священник, в предзакатный час сидели на садовой скамейке в Темпл-гарденс. Подействовала ли на них окружающая обстановка или какие-то другие, случайные флюиды, неизвестно, но только разговор этих двоих зашел о правосудии. Признав, что перекрестный допрос обвиняемого адвокатом и прокурором заключает в себе элемент случайности, они заговорили о пытках, вспомнили древний Рим и средневековье, истязания по приговору французского магистрата и американский допрос третьей степени.

— Мне доводилось читать о пресловутой психометрии, то есть о детекторе лжи,— сказал Фламбо.— В последнее время по этому поводу подняли много шума, особенно за океаном. Вы, наверное, знаете, что́ я имею в виду: испытуемому надевают на запястье манжетку пульсомера, затем произносят вслух самые разные слова и ждут, не станет ли его сердце биться чаще после некоторых из этих слов. Что вы думаете об этом методе?

— На мой взгляд, он весьма занятен,— отозвался патер Браун.— Кстати, наш разговор напомнил мне одну интересную идею, возникшую в глубокой древности: в те времена верили, что, если убийца коснется тела жертвы, из ран хлынет кровь.

— Неужели вы хотите сказать, что считаете оба этих метода равноценными?

— Один стоит другого,— ответил маленький священник.— В мертвом ли, в живом ли теле кровь все равно течет то быстрее, то медленнее, и причин тут много. Тайна сия велика есть, и, боюсь, мы никогда в нее не проникнем. Могу лишь сказать вам о себе: скорее кровь человеческая затопит альпийский пик Маттерхорн, чем я решусь ее пролить.

— Но ведь американский метод превозносят крупнейшие заокеанские ученые! — не отставал Фламбо.

— Наивные они люди, эти ученые! — воскликнул патер Браун.— А самые наивные из них — именно американцы. Кому еще, кроме янки, могло прийти в голову судить о чем бы то ни было по частоте сердечных сокращений? Да эти ваши ученые не менее наивны, чем самонадеянный мужчина, полагающий, что если женщина краснеет в его присутствии, то, значит, любит его. Кстати, вот вам еще один тест, основанный на законах кровообращения, открытых великим Гарвеем. Такой же дурацкий, как и первые два.

— Но вы должны признать,— настаивал Фламбо,— что психометрия дает определенный результат: она прямо указывает, правду говорит человек или нет.

— А что хорошего в том, что она «прямо указывает»? — вопросил патер Браун.— Что́ это, в сущности, значит? Когда один конец указки на что-то нацелен, другой в это время показывает в совершенно ином направлении. Все зависит от того, сумеете ли вы взять указку за нужный конец. Один раз я уже попадал в такое положение и с тех пор не верю в пользу подобных методов.

И маленький священник приступил к рассказу о том, как его постигло разочарование.

История эта случилась лет двадцать назад, когда он служил капелланом в чикагской тюрьме, где томилось множество его единоверцев. Люди эти были одинаково способны на злодеяние и на раскаяние, так что работы у него было немало. Шерифом округа губернатор сделал бывшего сыщика по имени Грейвуд Ашер, бледного, молчаливого, склонного к философствованию янки, на лице которого обычное для него суровое выражение порой сменялось странной смущенной улыбкой. Патера Брауна этот человек любил и относился к нему немного покровительственно. Маленький священник платил ему такой же симпатией, хотя терпеть не мог его теорий, по сути весьма сложных, хотя и излагаемых достаточно просто.

Как-то вечером Ашер послал за капелланом. Тот, по своему обыкновению, молча сел у стола, заваленного бумагами, и стал ждать. Шериф извлек из кипы бумаг газетную вырезку и протянул ее Брауну. Тот внимательно прочел текст. Это был напечатанный на розовом фоне столбец светской хроники из одной американской газеты. В заметке говорилось:

«Самый блистательный из светских вдовцов снова появился в обществе, на этот раз — на «Обеде чудаков». Всем нашим именитым гражданам должен вспомниться другой обед, названный «Парадом детских колясок», на котором мистер Тодд, по прозванию Очередной Фортель, в роскошном своем особняке посреди поместья «Пруд пилигрима» дал возможность очаровательным дебютанткам этого сезона казаться даже моложе своих лет. Не менее радушным, нетривиальным и изысканным был и прошлогодний прием в особняке Тодда, получивший название «Завтрак каннибалов», на котором сласти по форме напоминали человеческие руки и ноги, а один из остроумнейших гостей вслух высказал желание съесть своего собеседника. Дух непринужденного юмора будет царить и на новом приеме, ибо он свойствен сдержанной манере поведения мистера Тодда, а может быть, таится и под сверкающими бриллиантами в булавках на галстуках самых высокопоставленных весельчаков нашего города. Говорят, на приеме будут пародировать манеру поведения и разговоры горожан, находящихся на противоположном полюсе социального спектра. Пародия обещает быть весьма выразительной — ведь перед гостеприимным мистером Тоддом стоит задача потешить не кого иного, как лорда Бекасла, знаменитого путешественника и чистокровного аристократа, чье родовое гнездо находится в самом сердце английских дубрав. Путешествовать лорд начал раньше, чем ему вернули полагающийся по праву рождения титул. В нашем отечестве он уже однажды побывал — в молодые годы,— и молва утверждает, что вернулся он к нам не без причины. С именем лорда связывают имя мисс Этты Тодд, одной из самых прекрасных и великодушных обитательниц Нью-Йорка, наследницы состояния, оцениваемого почти в сто миллионов долларов».

— Ну как,— спросил Ашер,— интересно?

— Даже говорить об этом не хочется,— отозвался патер Браун.— Трудно придумать что-нибудь менее интересное для меня, чем эта заметка. Не понимаю, зачем вы ее вырезали. Если только не собираетесь, конечно, сажать на электрический стул борзописцев, подобных ее автору.

— Гм-м,— недовольно хмыкнул мистер Ашер и положил поверх статьи еще одну газетную вырезку.— Ну, а *это* вас заинтересует?

Заметка была озаглавлена **«Зверское убийство охранника. Злодей на свободе».**

«Сегодня утром, на рассвете, в каторжной тюрьме в местечке Секва, штат Нью-Йорк, раздался крик о помощи. Охранники, подоспевшие к месту происшествия, обнаружили труп часового, дежурившего на вершине ограждающей тюрьму широкой стены. Северная часть стены — самая высокая, и этот участок считался самым труднопреодолимым для тех, кто мог бы задумать побег, поэтому здесь дежурил всего один охранник. Как раз его-то и сбросили со стены; он упал головой вниз, и мозги его брызнули во все стороны, словно их вышибли дубиной. Ружье охранника было похищено. На утренней поверке обнаружилось, что одного арестанта недостает. Пустующую камеру занимал некий угрюмый головорез, назвавшийся в свое время Оскаром Райаном. Ему дали небольшой срок за самое обычное для этих мест разбойное нападение, но он произвел на всех впечатление человека с жутким прошлым и совершенно непредсказуемым будущим. Когда забрезжил дневной свет, на стене над самым телом убитого обнаружили довольно невнятное послание, нацарапанное, очевидно, смоченным в крови пальцем: «Это самозащита — у него было ружье. Не желаю зла ни ему, ни другим, кроме одного человека. Когда попаду в «Пруд пилигрима», пуля у меня найдется. О.

Р.» Чтобы штурмовать такую стену, охраняемую к тому же вооруженным часовым, нужно быть отчаянным человеком или, на худой конец, иметь сообщников».

— Ну, что касается литературного стиля, эта заметка написана лучше,— усмехнулся маленький священник,— но все же не понимаю, чем тут смогу помочь я. Боюсь, если я пущусь вдогонку за этим атлетом-убийцей на своих коротеньких ножках, то буду являть собою жалкое зрелище. Да и вообще, сомневаюсь, что кому-нибудь удастся отыскать этого человека. Насколько я знаю, отсюда до каторжной тюрьмы в Секве тридцать миль по безлюдной пересеченной местности, да и вокруг дикие прерии. Этот человек может прятаться в любой яме, на каждом дереве.

— Он не в яме и не на дереве,— сказал шериф.

— Откуда вы знаете? — поинтересовался патер Браун, моргая.

— Хотите с ним поговорить? — спросил Ашер.

Маленький священник широко раскрыл свои наивные глаза:

— Да неужто он здесь? Как же ваши люди до него добрались?

— Добрался до него я сам,— медлительно проговорил американец, вытягивая длинные ноги к камину.— Подцепил крючком моей трости. Да-да, не удивляйтесь, именно так. Знаете, у меня есть обыкновение бродить вечерами на природе, подальше от этих мрачных мест. Так вот, сегодня вечером я поднимался в гору по аллее, с обеих сторон которой за живой изгородью были вспаханные поля. Луна освещала дорожку серебристым светом. И вот вижу: прямо по полю к аллее бежит человек. Пригнувшись бежит и с хорошей скоростью, как легкоатлет, специализирующийся в беге с препятствиями. Мне показалось, что он уже выдохся, однако, приблизившись к дорожке, он с ходу проскочил сквозь редкую изгородь, как сквозь паутину, или, вернее, как будто сам он был сделан из камня — я ведь ясно слышал треск ломающихся веток. Чуть только его силуэт показался на фоне луны на аллее, я бросил трость ему под ноги. Он споткнулся и упал. Я же достал свисток и во всю мочь засвистел. Тут подоспели наши ребята и скрутили этого типа.

— М-да, вот была бы история, если б оказалось, что это действительно какой-нибудь известный спортсмен,— заметил патер Браун.

— Никакой он не спортсмен,— мрачно пробурчал Ашер.— Мы вскоре узнали, что́ это за птица, хотя я все понял, как только его осветила луна.

— Вы решили, что это беглый каторжник, поскольку утром того самого дня прочли в газете о его побеге,— спокойно сказал священник.

— Ну, нет, у меня были более веские причины так думать,— холодно ответил шериф.— Отбросим даже самое простое: профессиональный спортсмен не стал бы бежать по вспаханному полю и продираться сквозь живую изгородь, рискуя выколоть себе глаза. Не стал бы он и пригибать голову, как побитый пес. Но были и еще кое-какие детали, не укрывшиеся от моего наметанного глаза. Одежда на этом человеке была ветхая и местами рваная, более того, он выглядел в ней на редкость уродливо. Когда его силуэт появился на фоне луны, огромный стоячий воротник показался мне горбом, а свободно свисающие длинные рукава создавали впечатление, что у этого человека нет рук. Мне пришло в голову, что ему каким-то образом удалось сменить тюремную робу на гражданскую одежду, вернее, на лохмотья, которые он кое-как на себя напялил. К тому же в лицо ему дул сильный ветер, но разметавшихся по ветру волос я, как ни старался, так и не заметил — значит, они было очень коротко острижены. Потом я вспомнил, что как раз за этим вспаханным полем располагается «Пруд пилигрима», в хозяина которого этот каторжник, как вы, должно быть, помните, собирался всадить пулю. И тогда я бросил ему под ноги мою трость.

— Блестящий образчик искусства моментально делать умозаключения,— отозвался патер Браун.— Однако скажите, было ли у него ружье?

Ашер, меривший шагами комнату, резко остановился, и священник добавил извиняющимся тоном:

— Боюсь, что без ружья всадить в кого-то пулю затруднительно.

— Нет, ружья у него не было,— хмуро ответил ему собеседник,— но,

очевидно, только по случайности или потому, что его планы изменились. Должно быть, он решил, что переодеться мало, надо еще избавиться от оружия. Скорее всего, он не раз вспоминал об окровавленной куртке охранника, оставшейся под стеною.

— Похоже, что так,— откликнулся патер Браун.

— Однако нам вряд ли стоит все это обсуждать,— заявил Ашер.— Теперь уже точно известно, что это тот самый человек.

— Как вы это узнали? — тихо прозвучал вопрос священника.

И тогда Грейвуд Ашер скинул со стола газеты и снова положил на него все те же вырезки.

— Ну, раз уж вы так дотошно вникаете во все мелочи, давайте начнем с начала. Если вы еще раз пробежите глазами эти две заметки, то обнаружите: их объединяет лишь одна вещь, а именно, упоминание поместья миллионера Айртона Тодда, которое, как вы знаете, называется «Пруд пилигрима». Вам также должно быть известно, что хозяин этого имения — человек в высшей степени необычный, один из тех, возвышению которых послужили...

— Загубленные души его ближних,— закончил за него патер Браун.— Да, мне это известно. Кажется, он нажил состояние на торговле бензином.

— Во всяком случае,— отозвался шериф,— пресловутый Тодд Очередной Фортель играет важную роль в этой загадочной истории.

Он снова уселся в кресло, протянул ноги к камину и продолжил свой рассказ — столь же эмоционально, но не упуская ни малейших подробностей.

— На первый взгляд, в деле этом теперь не осталось ничего таинственного. В том, что каторжник собирается явиться с ружьем в «Пруд пилигрима», нет ничего необъяснимого или даже странного. Мы, американцы, не похожи на англичан, готовых простить толстосума, если он не жалеет денег на больницы или на скаковых лошадей. Своей карьерой Тодд обязан самому себе, своим незаурядным способностям. Не сомневаюсь, что многие из тех, кому он эти способности продемонстрировал, жаждут продемонстрировать ему свои — по части искусства обращения с ружьем. Тодда вполне мог бы подстрелить человек, о котором он даже никогда не слышал,— какой-нибудь рабочий, уволенный им в числе других, или клерк фирмы, которая по милости Тодда обанкротилась. Очередной Фортель — человек с незаурядными умственными способностями и сильным характером, но в нашей стране взаимоотношения тружеников и работодателей очень напряженные.

Таким образом, складывается впечатление, что этот Райан направлялся в «Пруд пилигрима», чтобы покончить с Тоддом. Так мне казалось до того момента, когда развитие событий заставило меня вспомнить, что я не только шериф, но и детектив. Когда пленника увели в тюрьму, я поднял свою трость и пошел дальше. Извилистая аллея в конце концов привела меня к одной из боковых калиток в ограде вокруг владений Тодда. Калитка эта — ближайшая к пруду или озерцу, в честь которого, собственно, и названо поместье. Все это происходило часа два назад. Было около семи вечера, лунный свет стал ярче и высветил длинные белые полосы на таинственной черноте водоема, окаймленного сизыми илистыми берегами. Говорят, наши предки заставляли ходить по этому илу женщин, подозревавшихся в колдовстве, пока те не гонули. Я не помню, что еще говорили об этом месте — вы, наверное, представляете себе, где оно расположено. Если взять за ориентир особняк Тодда, к водоему надо идти на север, в сторону пустоши, которая начинается сразу за ним. Там еще растут два странных приземистых дерева, похожих на огромные грибы. Так вот, я стоял, завороженный мистическим видом этого пруда, когда мне вдруг померещилось: от дома к пруду кто-то идет. Однако то, что казалось мне человеческой фигурой, было настолько скрыто туманом, да и так далеко от меня, что я не только не мог присмотреться внимательнее, но даже засомневался, не привиделось ли мне это. К тому же мое внимание было отвлечено событиями, происходившими гораздо ближе ко мне. Я притаился за оградой,

которая тянулась от этого места до одного из флигелей огромного особняка. По счастью, в ней кое-где были дыры, как будто специально для того, чтобы мне удобнее было наблюдать за тем, что происходит по ту ее сторону. На темном фасаде флигеля вдруг мелькнул свет — открылась дверь, и в проеме показался темный силуэт. Человек, то ли укутавший голову платком, то ли накинувший капюшон, пристально вглядывался во тьму, при этом даже чуть нагнувшись вперед. Затем дверь закрылась, и по садовой дорожке стала перемещаться чья-то тень, перед которой двигалось желтое пятно света — очевидно, от фонаря. Я разглядел, что фигура женская. Незнакомка с фонарем закуталась в обтрепанный плащ и, должно быть, хотела остаться незамеченной. Все это было очень странно — и принятые ею меры предосторожности, и ее ветхая одежда, очертания которой вырисовывались в теплых желтых лучах света. Женщина осторожно свернула на извилистую садовую тропинку и вскоре оказалась от меня всего лишь в полусотне ярдов; затем она на мгновение остановилась у торфяной террасы, обращенной к илистому берегу пруда. Подняв фонарь над головой, она трижды повела им из стороны в сторону, очевидно, подавая кому-то сигнал. В этот момент фонарь осветил ее лицо. Оно было мне знакомо. Несмотря на неестественную бледность женщины и повязанную вокруг головы дешевую шаль, без сомнения, позаимствованную у кого-то из слуг, я узнал мисс Этту Тодд, дочь миллионера.

Подав сигнал, она сразу же пошла обратно, так же стараясь не привлекать к себе внимания, и вскоре дверь за нею закрылась. Я хотел было перелезть через ограду и последовать за мисс Тодд, когда мне вдруг пришло в голову, что детективный раж, подбивавший меня на подобную авантюру, чуть не заставил меня совершить недостойный поступок, к тому же совершенно ненужный — ведь у меня и так были все козыри на руках. Но только я собрался повернуть назад, как ночную тишину вдруг нарушил новый звук. В одном из верхних этажей распахнулось окно — оно было, очевидно, за углом, потому что я ничего не увидел,— и кто-то громовым голосом осведомился, куда подевался лорд Бекасл и почему его нет ни в одной из комнат. Голос этот, отчетливо выговаривавший слова и затопивший весь сад своими раскатами, я узнал сразу — слишком часто я слышал его на избирательных митингах и совещаниях воротил нашего бизнеса. Это был голос самого Айртона Тодда. Кто-то из обитателей дома, должно быть, подошел к окну или вышел в сад, после чего крикнул хозяину дома, что лорд час назад отправился на прогулку в направлении пруда и с тех пор его не видели. Тодд взревел: «Да его же убили!» — и с силой закрыл окно. Послышался топот ног по лестнице — хозяин дома, по всей вероятности, спускался вниз. Решив все-таки избрать прежний и, прямо скажем, разумный план действий, я постарался, чтобы меня не заметили при начинавшемся прочесывании местности, в результате чего благополучно улизнул и около восьми часов был уже здесь.

Теперь, прошу вас, вспомните ту маленькую заметку о нравах нашего высшего общества, которая показалась вам совершенно неинтересной. Если каторжник не собирался разделаться с Тоддом — а он, судя по всему, действительно изменил свои намерения,— то разумно было бы предположить, что он избрал жертвой лорда Бекасла. Похоже, он намеревался расквитаться со всеми, кто ему не по нраву. Трудно найти более подходящее место для убийства, чем берега этого зловещего пруда, где ил быстро засосет тело жертвы, и оно бесследно исчезнет. Таким образом, рискнем предположить, что наш коротко остриженный приятель явился к пруду, чтобы убить лорда Бекасла, а вовсе не Тодда. Хочу еще раз обратить ваше внимание вот на что: у многих людей в нашей стране есть причины разделаться с Тоддом, однако зачем американцу убивать английского лорда, лишь недавно прибывшего в нашу страну? Может быть, дело в том, что лорд этот, как было сказано в заметке, ухаживает за дочерью Тодда? Наш коротко остриженный приятель, хотя он и разгуливает в лохмотьях,— скорее всего страстный воздыхатель этой девицы.

Понимаю, это мое утверждение покажется вам нелепым, даже смеш-

ным, но это лишь потому, что вы англичанин. Мои слова для вас сравнимы лишь с утверждением, что дочь архиепископа Кентерберийского венчается в церкви святого Георгия на Ганновер-сквер с бывшим дворником, досрочно освобожденным из заключения. Не способны вы отдать должное неуемной энергии и жизненной силе наших замечательных соотечественников. Когда вы видите благообразного седого американца в смокинге, пользующегося большим влиянием в обществе и занимающего в нем видное положение, вам сразу приходит в голову, что он из родовитого семейства. А вот и нет! Вам трудно себе представить, что каких-нибудь два года назад вы могли бы обнаружить его в дешевых меблированных комнатах, а то и в тюрьме. Упускаете вы из вида нашу национальную черту — способность держаться на плаву, а при удобном случае выбираться на берег успеха. Многие из наиболее влиятельных наших граждан возвысились совсем недавно, причем в довольно немолодом возрасте. Дочери Тодда было уже восемнадцать, когда ее отец впервые загреб много денег. Так что не удивлюсь, если ее поклонником окажется человек из низов и она будет верна ему по-прежнему, что следует из эпизода с фонарем. Мне кажется, женщина с фонарем и мужчина с ружьем должны быть сообщниками. История эта, без сомнения, наделает много шума.

— Ну, и что же вы предприняли дальше? — спокойно спросил священник.

— Думаю, вас это шокирует,— отозвался Грейвуд Ашер.— Насколько я понимаю, вы не одобряете научный прогресс в некоторых областях человеческой деятельности. Мне была предоставлена полная свобода выбора, и я совершил довольно смелый поступок. Мне показалось, что данный случай как раз из тех, когда есть смысл применить детектор лжи. Я вам рассказывал, что́ это за штуковина. Теперь я убежден: эта машина не лжет!

— Машина и не может лгать,— заметил патер Браун.— Но и говорить правду не может тоже.

— Ну, в нашем случае она-таки сказала правду,— уверенно продолжал шериф.— Я усадил этого человека в удобное кресло, надел ему на запястье манжетку и стал писать мелом слова на грифельной доске; машина регистрировала частоту его пульса, я же наблюдал за его реакцией на разные слова. Весь фокус в том, что в беспорядочной их череде некоторые слова в большей или меньшей степени связаны с преступлением, которое, возможно, совершил подозреваемый, причем попадаться они должны неожиданно. Ну вот, я и написал сначала «цапля», потом «орел», затем «сокол»; когда же я начал писать слово «бекас», этот человек очень занервничал, а когда я вывел на конце слова букву «л», стрелку прибора зашкалило. У кого еще в Штатах найдется причина подскочить на стуле, прочтя фамилию только что прибывшего на наш континент англичанина, кроме человека, который его убил? Разве можно сравнить невнятное бормотание свидетелей с таким неопровержимым доказательством, как показания абсолютно надежного аппарата?

— Все почему-то забывают,— заметил маленький священник,— что надежным аппаратом всякий раз управляет аппарат ненадежный.

— То есть как? Что вы имеете в виду? — удивился шериф.

— Я имею в виду человека — самый ненадежный из всех известных мне аппаратов. Я не хочу быть невежливым и надеюсь, что вы не примете мои слова на свой счет. Я хочу сказать вот что: по вашим словам, вы наблюдали за поведением этого человека, но кто даст гарантию, что вы все сделали правильно? Вы говорите, подбор слов был естественным, но откуда вы знаете, что вели себя во время испытания должным образом? Если уж на то пошло, можете ли вы быть уверены, что он сам в это время не наблюдал за вами? Кто подтвердит, что вы не были в это время взволнованны? На вашем запястье ведь не было манжетки!

— Говорю вам, я был невозмутим, как пень! — вскричал взбудораженный американец.

— Преступник порою тоже бывает невозмутим, как пень,— усмехнулся патер Браун,— а иногда даже как шериф!

— Ну, уж этот спокоен не был,— заявил Ашер и швырнул на стол бумаги, которые держал в руках.— Ох, утомили вы меня!

— Прошу прощения,— отозвался маленький священник.— Я только указал вам на очевидную возможность ошибки. Если вы сумели по его поведению выделить слово, которое может привести его на виселицу, то почему бы ему по вашему поведению не догадаться: вот оно, роковое слово! На вашем месте я бы основывался на чем-нибудь более существенном, чем слова, когда решается вопрос о жизни и смерти.

Ашер грохнул кулаком по столу и вскочил с торжествующим видом.

— Ну, так я и выдам вам сейчас нечто более существенное,— воскликнул он.— Я потом проверял машину на других людях и могу сказать с полной уверенностью, сэр, что она не ошибается.

Он сделал небольшую паузу и затем продолжал уже с меньшим пылом:

— Хочу особо подчеркнуть, что до сих пор испытание машины интересовало меня лишь в качестве научного эксперимента. У меня не было никаких улик против этого человека. Хотя одежда его была потрепанной, наши бедняки обычно одеваются еще хуже, а он, судя по всему, из их числа. Больше того, если не считать пятен и маленьких дырочек на одежде — а он ведь, как вы, должно быть, помните, бежал по вспаханному полю и продирался сквозь изгородь,— этот человек был не так уж и грязен. Это, конечно, может означать, что он только недавно вырвался из тюрьмы, но мне почему-то это напомнило отчаянные потуги некоторых бедняков иметь благопристойный вид. Его манера поведения, должен признать, вполне подтверждала мое предположение. Он был молчалив и держался с достоинством, как все они; казалось, его терзает какая-то тайная печаль, а это вообще можно назвать отличительным признаком неимущих. О преступлении и вообще обо всем этом деле он якобы ничего не знал и с угрюмым нетерпением ждал каких-нибудь событий, которые дали бы ему возможность выйти из затруднительного положения. Не раз он просил у меня разрешения связаться по телефону с адвокатом, который когда-то давно помог ему в деле, связанном с некой сомнительной торговой сделкой. Вел он себя как совершенно невиновный человек. Против него не было никаких улик, если не считать стрелки детектора лжи, которая словно пальцем указала, что сердце его в тот момент стало биться чаще.

Затем, сэр, я проверил машину. Оказалось, она в полном порядке. Когда я вышел вместе с этим человеком в холл, где было много людей. ожидавших допроса, он, по-моему, надумал облегчить душу чем-то вроде признания. Повернувшись ко мне, он тихо сказал:

«Ох, не в силах я больше молчать! Если вам хочется, чтобы я подробно рассказал о себе...»

Но в этот самый момент одна из плохо одетых женщин, сидевших на длинной скамье, вскочила, показала пальцем на моего спутника и крикнула:

«Дурманщик Дэвис! Они сцапали Дурманщика Дэвиса!»

Никогда в жизни я не слышал более отчетливо произнесенных слов. Каждый слог был четок, как стук часов, и даже подвывающая интонация не помешала мне сразу разобрать, какие прозвучали слова. Тощий палец женщины, казалось, сейчас проткнет этого человека, как спица.

Все женщины, сидевшие на лавке,— а это были в основном воровки и проститутки,— повернули головы и обратили к моему спутнику примерно двадцать физиономий, на которых ясно читались ненависть и злорадство. Если б я даже не разобрал, что́ сказала женщина, то все равно бы понял, что человек, которого мы условно называли Оскаром Райаном, услышал свое настоящее имя. Не так я прост, как вы, возможно, изволите думать. Дурманщик Дэвис — закоренелый и бессовестный преступник, долго водивший за нос полицию. Не сомневаюсь, что на его совести не одна загубленная человеческая жизнь, даже если не считать историю со стражником. Но, как ни странно, его никогда не задерживали по подозрению в убийстве — быть может, потому, что он совершал эти преступления так же, как и остальные — менее тяжкие, но более гнусные,— за которые его, наоборот, арестовывали часто. Он статный, смазливый парень, по сей день таким

остался, хотя времени с тех пор, когда он начинал, прошло немало. Крутился он все больше среди молоденьких продавщиц и судомоек, тративших на него свои сбережения. Часто он преступал закон: опаивал своих подружек снотворным и очищал их кошельки. Потом как-то раз одну из его девиц нашли мертвой, но мотивы убийства выяснить не смогли, да и преступника, как обычно, не поймали. До меня дошли слухи, что Дэвис впоследствии избрал несколько иной род деятельности, можно сказать, противоположный прежнему — не отнимал у людей деньги, а давал их в долг под процент. Клиентура его осталась прежней: неимущие вдовы и девицы, которых он покорял своим обаянием и для которых все кончалось не менее плачевно, чем раньше. Вот каков он, этот человек, которого вы считаете невиновным, причем с такой уверенностью, что сомневаетесь в правильности показаний детектора лжи. С тех пор как он у нас, его опознали трое надзирателей и четверо заключенных. Они тоже наслышаны о его подвигах. Ну, так что вы теперь скажете о моей бедной, обиженной машине? Разве не она его разоблачила? Или вам приятнее думать, что его вывели на чистую воду мы с этой женщиной?

— Насчет того, куда или откуда вы его вывели,— отвечал патер Браун, встав и лениво потянувшись,— я бы сказал, что вывели вы его из-под виселицы. Едва ли найдется судья, который решится казнить Дэвиса на основании туманных россказней об умершей девице. Что же касается каторжника, который сбросил со стены надзирателя, его вы, без сомнения, упустили. Уж в этом-то преступлении ваш Дурманщик неповинен.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился шериф.— Почему он в нем неповинен?

— Почему, почему?! — воскликнул священник, которого неожиданно охватило возбуждение.— Да потому, что он виновен в других преступлениях! Странная у некоторых людей логика: им кажется, что все грехи на Земле хранятся в одном мешке. По-вашему, человек может в понедельник вести себя как последний скряга, а во вторник — как бесшабашный мот! Вы ведь сами сказали мне, что Дэвис месяцами обхаживал нуждающихся женщин, чтобы выманивать у них их жалкие гроши, что он пользовался в лучшем случае снотворным, а в худшем — ядом, что он стал мелким ростовщиком и обманывал таких же точно бедняков, действуя в той же манере — методично и спокойно.

Давайте на время допустим — в порядке предположения,— что он действительно все это делал. Если так, тогда я скажу вам, чего он не делал: не взбирался на отвесную стену, которую охранял вооруженный часовой; не делал надписи на стене, чтобы взять на себя ответственность за смерть этого человека; не объяснял, что это была самозащита и что он не имел ничего против несчастного часового; не изображал своих инициалов пальцем, смоченным в крови убитого. Господи помилуй! Неужели вы не понимаете, что это совершенно другой характер, иначе проявляющийся и в добре, и в зле, а следовательно, и другой человек?! Из особого теста, что ли, вы сделаны, не из того, что я? Можно подумать, сами вы никогда не грешили!

Ошеломленный американец не сразу сумел даже раскрыть рот, чтобы выразить протест, но тут в дверь его кабинета, смежного со спальней, кто-то забарабанил, причем так громко и неистово, что не привыкший к подобной бесцеремонности шериф вздрогнул.

Затем дверь рывком отворилась. Перед этим Грейвуд Ашер успел подумать, что маленький священник, должно быть, спятил. Но теперь ему показалось, что сходит с ума он сам: в комнату ворвался человек в совершенно непристойных лохмотьях и надетой набекрень засаленной фетровой шляпе, под которой яростно сверкали тигриные глаза. Остальная часть лица была скрыта клочковатой бородой и огромными бакенбардами, из гущи которых выглядывал нос; нижняя часть бороды уходила под повязанный вокруг шеи замусоленный красный шарф или платок. Мистер Ашер гордился тем, что повидал на своем веку — надо признать, прошедшем довольно спокойно — самое разное отребье рода человеческого, но такой

образины лицезреть ему еще не доводилось. К тому же это огородное пугало посмело заговорить с шерифом, и как заговорить!

— Послушай, Ашер, старый хрен, мне это надоело! — проорало чучело в красном платке.— Хватит играть со мной в прятки, тебе меня не провести. Оставь в покое моих гостей, иначе у тебя будет куча неприятностей. Если же сделаешь по-моему, не пожалеешь. Ты ведь знаешь, у меня неограниченные возможности.

Осанистый Ашер внимал этому рыкающему чудищу с изумлением, которое вытеснило все остальные чувства. Он был настолько поражен видом посетителя, что просто не понял смысла его слов. Наконец он пришел в себя и резко дернул шнур звонка.

Пронзительный звон еще не отзвучал, когда послышался тихий, но отчетливый голос патера Брауна:

— Мне кажется, я должен поделиться с вами своей догадкой. Она, правда, несколько обескураживающая. С этим джентльменом я не знаком... но... но мне кажется, что я его знаю. Да и вы его знаете... очень хорошо знаете... хотя на самом деле с ним незнакомы... Мои слова, разумеется, кажутся парадоксом.

— По-моему, весь мир спятил! — воскликнул Ашер и повернулся в кресле боком.

— Послушай, не суй нос в мои дела! — заорал незнакомец и грохнул кулаком по шерифскому столу. Голос его прозвучал как-то загадочно — это явно был голос разумного и воспитанного, хотя и совершенно необузданного человека.— Я хочу...

— Да кто вы такой, черт возьми?— возопил Ашер, внезапно сев очень прямо.

— По-моему, фамилия этого джентльмена — Тодд,— заявил священник. С этими словами он взял со стола газетную вырезку и сказал шерифу: — Боюсь, вы плохо читаете прессу,— после чего монотонно стал бубнить: «...или эту тайну хранят самые богатые и одновременно самые веселые из столпов нашего общества. Ходят слухи, что они сговорились пародировать представителей наших обездоленных социальных низов». Вчера вечером в поместье «Пруд пилигрима» состоялся «Большой трущобный обед», во время которого исчез один из гостей. Мистер Айртон Тодд, как и подобает хорошему хозяину, проследил дальнейший его путь до этого дома, мистер Ашер. Он даже решил не терять времени на то, чтобы снять свой маскарадный костюм.

— Чей путь?! О ком вы говорите?

— О мужчине в нелепых лохмотьях, который на ваших глазах бежал по вспаханному полю. Не пойти ли вам его проведать? Ему, должно быть, не терпится вернуться к недопитому шампанскому, в дом, от которого он с такой скоростью убегал, чуть завидев вдали каторжника с ружьем.

— Вы что, на самом деле хотите сказать...— начал было шериф.

— Знаете, мистер Ашер,— спокойно молвил патер Браун,— вы ведь сами заявили, что ваша машина не ошибается, и в известном смысле так оно и было. Однако ошиблась другая машина — та, которая управляла первой. Вы решили, что человек в лохмотьях подскочил при упоминании имени лорда Бекасла потому, что он его убил. На самом же деле это произошло по той причине, что он и есть лорд Бекасл.

— Так какого дьявола он это скрывал? — вопросил шериф и удивленно уставился на священника.

— Он понял, что вел себя не по-аристократически — струсил, да еще и бежал,— ответил патер Браун.— Так что первым его побуждением было скрыть свое имя. Впрочем, он уже собрался вам его сообщить, когда...— тут священник смущенно потупил взор,— ...когда та женщина назвала его другим именем.

— Да вы что, совсем спятили? По-вашему, лорд Бекасл и есть Дурманщик Дэвис? — спросил очень бледный шериф.

Патер Браун посмотрел на него с серьезным видом, и лицо его при этом было совершенно непроницаемым.

— Ну, я ведь этого не сказал,— отозвался он.— Все в ваших руках. Из этой розовой газетной вырезки следует, что титул он получил недавно, но на газеты ведь полагаться нельзя. Там говорится также, что юность свою он провел в Америке, но ведь вся эта история совершенно неправдоподобна. Как Дэвис, так и Бекасл — порядочные трусы, но ведь трусов на свете много. Я бы не стал в данном случае делать чересчур поспешных выводов. Однако хочу сказать вот что,— задумчиво продолжал священник, и голос его зазвучал еще тише:— Мне кажется, вы, американцы, чрезмерно скромны. Идеализируете вы нашу английскую аристократию — она кажется вам слишком уж благородной. Когда вы видите благообразного англичанина в смокинге и знаете, что этот человек — член палаты лордов, вам сразу же приходит в голову, что он всего достиг только за счет родителей. Упускаете вы из виду нашу национальную черту — способность держаться на плаву, а при удобном случае выбираться на берег успеха. Многие из наиболее влиятельных наших граждан выдвинулись совсем недавно, но...

— О, довольно, довольно! — ломая руки, как грешник в аду, взмолился Ашер, поджариваемый на нестерпимо жгучем пламени иронии.

— Да хватит вам болтать с этим помешанным! — яростно взревел Тодд.— Отведите меня к моему другу.

На следующее утро патер Браун снова появился в кабинете шерифа. В руке у него была еще одна розовая газетная вырезка.

— Боюсь, вы пренебрегаете чтением светской хроники,— проговорил он, кладя вырезку на стол.— Между тем, эта заметка может вас заинтересовать.

Ашеру бросился у глаза заголовок: **«Заблудившиеся участники застолья у Тодда Очередного Фортеля».**

В заметке было напечатано:

«Вчера вечером у гаража Уилкинсона произошел забавный эпизод. Дежурный полисмен заметил человека в одежде каторжника, который с самым невозмутимым видом садился за руль новенькой машины марки «Пэнхард». С ним была девушка, чье лицо скрывала рваная шаль. Когда полисмен и механики приблизились, девушка откинула шаль с лица, и все узнали дочь миллионера Тодда — она только недавно встала из-за стола после «Большого трущобного обеда», на котором и остальные гости были в подобных же déshábillé [1]. Эта дама и ее спутник, облачившийся в наряд каторжника, собирались, как обычно, отправиться на увеселительную прогулку».

Под этой заметкой Ашер обнаружил еще одну. Заголовок гласил: **«Ошеломляющее бегство дочери миллионера с каторжником после «Большого трущобного обеда». Парочке удалось скрыться».**

Шериф поднял голову, но патера Брауна в комнате уже не было.

---

[1] Здесь: туалетах (*франц.*).

ДЖЕЙМС ТЭРБЕР

Тайна убийства в «Макбете»

РАССКАЗ

Перевод с английского А. ЛИВЕРГАНТА

— Ужасно глупо получилось,— сказала мне американка, с которой я познакомился в зацтатной английской гостинице.— Книжка лежала на прилавке вместе с другими детективами, и я, решив, что это тоже детектив, ее купила. Представляете, что со мной было, когда я обнаружила, что это Шекспир? Ничего не подозревая, я пришла домой, улеглась в постель, устроилась поудобнее и тут только поняла, что у меня в руках трагедия «Макбет», издание для старшеклассников.

— Как «Айвенго»,— вставил я.

— Вот именно. Я-то рассчитывала провести ночь с моей любимой Агатой. Эркюль Пуаро для меня идеал сыщика.

— Да, он славный,— согласился я.

— «Славный»? Это не то слово. Он бельгиец. Вы, наверно, имели в виду Пинкертона, того самого, который помогает инспектору Буллю. Вот он действительно славный!

Американка начала было пересказывать мне какой-то необычайно запутанный детективный сюжет, но я ее перебил:

— Так вы прочли «Макбета»?

— А что мне оставалось делать? Что-то же читать надо.

— Ну и как, понравилось?

— Нет, конечно. Во-первых, это не Макбет.

Я тупо уставился на нее:

— Как не «Макбет»?

— Не Макбет убил короля. И супруга его тут тоже ни при чем. Вели они себя, слов нет, весьма подозрительно, но такие, как они, обычно не убивают, во всяком случае, не должны убивать.

— Да, но мне всегда казалось...— начал было я.

— Посудите сами,— перебила меня американка,— нельзя же, чтобы читатель сразу обо всем догадался. Шекспир совсем не так глуп, как кажется. На Гамлета ведь сначала тоже не подумаешь.

— Кого же вы подозреваете? — выпалил я.

— Макдуфа.

— О Боже,— пролепетал я.

— Макдуфа, кого же еще. Эркюль бы его сразу раскусил.

— Как вы догадались?

— Не сразу, врать не буду, но догадалась. Поначалу я подозревала Банко. Но потом его убили. Это, кстати, очень неплохой ход. Тот, кого вы подозреваете в первом убийстве, должен, по закону жанра, обязательно сам стать жертвой второго.

— Вот как,— пробормотал я.

— Еще бы, читатель детектива всегда в дураках. Даже после второго убийства я не сразу поняла, в чем дело.

— А что вы думаете о Малькольме и Дональбайне, сыновьях короля? — полюбопытствовал я.— Насколько я помню, сразу после убийства отца они скрылись, это подозрительно.

— Ерунда, тот, кто скрывается, обычно невиновен. Уж вы мне поверьте.— И тут моя собеседница с горящими глазами и дрожащей чашкой в руке придвинулась ко мне вплотную и прошептала мне в ухо: — Помните, кто обнаружил тело Дункана?

Я ответил, что, к сожалению, забыл.

— Макдуф, вот кто. Увидев труп, он сбежал по лестнице и закричал во всю глотку: «Убийство святотатственно взломало господень храм помазанный и жизнь святилища похитило» [1]. И что-то еще в том же духе. Так вот, все это было отрепетировано. Такие напыщенные фразы просто так не говорятся.— Она торжествующе посмотрела на меня.

Я пробормотал что-то нечленораздельное.

— А вы как думали? — вскричала американка.— Все это было заранее продумано и отрепетировано. Как бы прореагировал человек, будь он в это дело не замешан? «Господи помилуй, да он мертв»,— воскликнул бы он, но распинаться не стал бы. Нет, все это неспроста.— И она откинулась на спинку стула.

Я глубоко задумался.

— Как же в таком случае объяснить появление Третьего Убийцы? Ученые уже триста лет бьются над этой проблемой.

— Бьются, потому что забывают про Макдуфа,— сказала американка.— Я убеждена, это он. За наемным убийцей всегда кто-то стоит.

— А как же тогда сцена пира? Как вы объясните поведение Макбета, когда Призрак Банко вошел и сел на стул?

Американка громко расхохоталась:

— Да не было никакого Призрака, понимаете, не было! С чего это вдруг здоровому, сильному мужчине будут являться привидения, да еще в ярко освещенном зале, при большом стечении народа? Нет, наверняка Макбет кого-то прикрывал.

— Кого же это он прикрывал? — недоумевал я.

— Миссис Макбет, вот кого,— рассеяла мои сомнения американка.— Любой муж на его месте повел бы себя точно так же. Ведь он-то знал, что за ней следят.

— А монолог леди Макбет во сне?

— А это она его прикрывала. Она ведь и не думала спать. Помните ремарку: «Входит леди Макбет со свечой»? Так вот, лунатики никогда не зажигают света, понятно? Вы когда-нибудь видели лунатика со свечой?

— Не приходилось,— признался я.

— Она просто хотела отвести от мужа подозрения.

Я встал.

— Не знаю, может быть, вы и правы. Если можно, дайте мне «Макбета» на ночь — хочется перечитать.

— Почитайте, почитайте — увидите, что я была права.

Ночью я внимательно перечитал пьесу, а утром, позавтракав, отправился на поиски американки. Я нашел ее на площадке для игры в гольф, подошел к ней сзади на цыпочках и коснулся ее плеча. Она вскрикнула от ужаса.

— Можно вас на минуту? — шепотом спросил я, и мы отошли в сторону.

— Ну что? — Она сгорала от нетерпения.

— Теперь я знаю, кто убийца.

— Неужели не Макдуф?

— Макдуф так же не причастен к этому убийству, как Макбет с Макбетихой.— Пьеса была у меня с собой, и я открыл ее на втором действии, второй картине.— Смотрите,— я не скрывал своей гордости,— леди Макбет говорит: «Их кинжалы я положила на виду. Не будь он во сне похож на моего отца, я бы сама все кончила». Ну неужели непонятно?

— Нет.— Американка тупо смотрела в текст.

— Но ведь это так просто, даже странно, что мне раньше не приходило

---

[1] «Макбет» цитируется в переводе М. Лозинского.

в голову: спящий Дункан напомнил леди Макбет ее отца потому... что это и был ее отец!

— Не может быть,— простонала американка.

— Отец леди Макбет убил короля,— пояснил я,— и, услышав, что кто-то идет, затолкал тело под кровать, а сам улегся под одеяло.

— Да, но в детективах не бывает, чтобы убийца появился только один раз. Это не по правилам.

— Полюбуйтесь,— сказал я, перелистывая несколько страниц,— вот, читайте: «Входят Росс и Старик». Так вот, я совершенно уверен, что неизвестный старик и есть тесть Макбета, который пошел на все, чтобы его дочка стала королевой. Чем не мотив для убийства?

— И все-таки,— американка не сдавалась,— он слишком незаметный персонаж для настоящего убийцы.

— Да, но вы не учитываете, что Вторая Ведьма — это тоже он. Вспомните, как он выражается: «Прошлый вторник взлетевший гордо сокол был настигнут совой, мышей ловящей, и убит». Не узнаете?

— Да, похоже на ведьму,— вынуждена была признать моя собеседница.

— То-то и оно.

— Может, вы и правы...

— Конечно, прав,— сказал я.— И знаете, какой у меня в связи с этим возник план?

— Нет,— сказала американка.

— Разгадать тайну убийства в «Гамлете».

Глаза моей собеседницы загорелись:

— Так вы считаете, это дело рук самого Гамлета?

— Маловероятно.

— Тогда кого же? Кого вы подозреваете?

Я загадочно посмотрел на нее.

— Всех,— сказал я, повернулся и ушел.

ТЕОДОР КРАМЕР

Вырезки из газет

КРИМИНАЛЬНЫЕ БАЛЛАДЫ

Перевод с немецкого ***ЕВГЕНИЯ ВИТКОВСКОГО***

От переводчика

Судьба не была снисходительна к Теодору Крамеру. Он родился в 1897 году в крохотной австрийской деревушке на берегу озера Нойзидлерзее,— по которому, кстати, с 1918 года и по сей день проходит граница Австрии и Венгрии,— в семье сельского врача. Он не смог получить высшее образование, был солдатом первой мировой войны, перенес тяжелое ранение, позже был продавцом в книжной лавке, поденщиком-маляром, сезонным рабочим на виноградниках, некоторое время журналистом,— впрочем, он писал для газет только стихи! — а позже оказался безработным, которого кормили друзья и поклонники его дарования. Наконец, покинув Австрию в 1939 году, за считанные дни до начала второй мировой войны, и перебравшись в Англию по выхлопотанному Томасом Манном разрешению, очень скоро превратился в политического заключенного, ибо не имел английского гражданства, а британцы были напуганы немецким вторжением во Францию. Через десять месяцев Крамер был выпущен на свободу — и снова стал безработным, которого скудно подкармливал австрийский ПЕН-клуб в Лондоне. В 1943 году Крамер получил место библиотекаря в маленьком городке Гилдфорде в техническом колледже, где и прослужил до середины пятидесятых годов. После объявления Австрии независимым нейтральным государством Крамер вернулся на родину — чтобы прожить в Вене оставшиеся ему полгода жизни, притом на пенсию, определенную ему лично федеральным канцлером Бруно Крайским. 3 апреля 1958 года поэт умер от инсульта.

Это — только вехи, только внешняя канва жизни человека, который всю жизнь был поэтом, писавшим ежедневно по стихотворению, а то и по два-три. Исследователи творчества Крамера уже давно установили, что если в его тетрадях обнаруживается пропуск в несколько месяцев, то причин две: или же поэт был в это время болен, или же тексты не сохранились. Вдохновение не оставляло его никогда. Результат такой работы оказался воистину поражающим воображение: после Крамера осталось около двенадцати тысяч стихотворений, из которых даже последнее, самое полное, трехтомное издание вместило лишь немногим более двух тысяч. На три четверти Крамер остается неизданным, и нет оснований думать, что эти неизвестные тысячи стихотворений заметно слабей того, что уже издано. В уже изданном — есть стихи замечательные, есть просто хорошие. Плохих нет.

Еще в середине двадцатых годов Крамер по-своему разрабатывает жанр баллады, в поэзии до него довольно редкий,— повествовательное стихотворение, чаще всего в три восьмистишия. Этот жанр ближе всего к драматургии. Не удивительно, что лучшие немецкие драматурги XX века, сперва Франк Ведекинд (1864—1918), позже Бертольт Брехт (1898—1956), были незаурядными поэтами, и их баллады часто органически входили в текст сценического действия, а в других случаях сами по себе представляли как бы законченные «пьесы», часто детективного содержания: «Бригитта Б.» Ведекинда, «Апфельбек, или Лилия в долине» Брехта, к примеру. Баллады первого — и, вероятно, лучшего — поэтического сборника Брехта «Домашние проповеди» (1927) можно отнести к тому же жанру. Но для Ведекинда и Брехта баллады — эпизод в их творческой биографии, для Крамера — единственное дело его жизни.

Порою Крамер позволял себе использовать в сюжетах баллад такое, что и в прозу-то не всякий автор согласится допустить. Так сложился цикл стихотворений «Вырезки из газет», не вполне законченный и в соответствии с последней прижизненной редакцией опубликованный лишь в 1985 году во втором томе «Собрания стихотворений» Крамера. Сам автор планировал включить в цикл около пятидесяти баллад, известны тексты тридцати. Обнаружены сюжетные источники некоторых баллад — сообщения о конкретных судебных процессах, опубликованные в венских и берлинских газетах. Но то, что в газетной хронике было бесстрастным сообщением о криминальном происшествии — Крамером претворено в баллады.

Хотя Крамер декларативно и заявлял, что вся его поэзия — о тех и для тех, кто «не споет сам о себе», общественная позиция его далеко не однозначна. В 1953 году он писал критику Гарри Цону: «Я и сейчас внутренне остаюсь социалистом. *Но не испытываю излишнего расположения ни к какому талмуду, даже когда на нем написано: „Карл Маркс. Капитал“*». Крамер был не столько социалистом, сколько поэтом «униженных и оскорбленных» в самом традиционном понимании этих слов — по Достоевскому.

Крамера трудно читать в оригинале не только германисту, но даже природному немцу или австрийцу, ибо поэт использовал ненормативную и простонародную лексику — ее порой не отыщешь ни в каком словаре. Поэтому автор прилагал к сборникам страничку-другую словарика, разъясняющего самые непонятные слова и малоизвестные реалии.

Стихи Крамера изданы и на японском, и на польском, и на английском, и на итальянском языках,— да и на русском. Впервые перевод из Крамера появился в журнале «Интернациональная литература» еще в 1938 году, после печально памятного аншлюса, совершенного гитлеровцами, в результате которого даже само слово «Австрия» оказалось надолго стерто с карт Европы. С середины 1970-х годов публикации переводов на русский язык возобновились и с той поры не прекращались.[1]

Этот удивительный поэт вряд ли будет когда-нибудь изучен и до конца понят. Он жил в самой глуши народной беды, но от великих событий истории был оторван. Достаточно сказать, что он, имея в жилах три четверти еврейской крови и лишь четверть арийской, в момент аншлюса попросту забыл об этом, не понял, что из страны, занимаемой нацистами, ему нужно бежать. Почти полтора года он скрывался у друзей — даже в психиатрической больнице — и вырвался в Англию лишь чудом. Самый «земной» поэт был в чисто житейском плане совершенно «не от мира сего».

А сегодня перед нами — лишь одна сторона его дарования. «Криминальные баллады» — горький, жесткий жанр.

«Когда б вы знали, из какого сора...»

Марта Фербер

Марту Фербер стали гнать с панели —
вышла, мол, в тираж,— и потому
нанялась она, чтоб быть при деле,
экономкой в местную тюрьму.
Заключенные топтались тупо
в камерах, и слышен этот звук
был внизу, на кухне, где для супа
Марта Фербер нарезала лук.

Марта Фербер вдоволь надышалась
смрада, что из всех отдушин тек,
были в нем и тошнота, и жалость,
дух опилок, пот немытых ног.
В глубину крысиного подвала
лазила с отравленным куском;
суп, что коменданту подавала,
скупо заправляла мышьяком.

Марта Фербер дожидалась: рвотой
комендант зашелся; разнесла
рашпили по камерам: работай,
распили решетку — все дела.
Первый же, еще не веря фарту,
оттолкнул ее да наутек —
все, сбегая, костерили Марту,
а последний сбил кухарку с ног.

Марта Фербер с пола встать пыталась;
воздух горек сделался и сух.
Вспыхнул свет, прихлынула усталость,
сквозняком ушел тюремный дух.
И на скатерть в ядовитой рвоте
лишь успела искоса взглянуть,
прежде чем в своей почуять плоти
рашпиль, грубо распоровший грудь.

---

[1] См.: «ИЛ», 1987, № 12; сборник «Золотое сечение: Австрийская поэзия XIX—XX вв. в русских переводах», М., «Радуга», 1983; альманах «Поэзия», № 59.

Горбун

Жил калека в мансарде с косым потолком;
сыро, холодно — всё не беда.
Пансиона хватало на хлеб с табаком,
так что он не ходил никуда.
Но двоих шантажистов попрешь ли взашей,
если силы иссякли давно?
Вот и тратился он из последних грошей
на грудинку, на сыр, на вино.

Понемногу пришлось распродать гардероб,
оловянную утварь со стен;
и в затылке калека с отчаяньем скреб,
ожидая дурных перемен.
Он рубаху жевал и пытался уснуть,
только было совсем не до сна,
если парни дрались, утихали чуть-чуть
и шпыняли, смеясь, горбуна.

А однажды устроили гости погром,
увидав, что все меньше доход:
обмотали калеку гардинным шнуром
и до дна обшмонали комод.
Уложив небольшой узелок барахла,
порешили: мол, дело с концом.
Весь табак горбуна докурили дотла
над его посиневшим лицом.

Три паренька

Мы трое — голодные, мы — оборванцы,
конечно, почтенный судья!
Один — от папаши сбежал, от пощечин,
другой же — чахоткой измаялся очень,
а третий опух,— это я.

Конечно, конечно, еще раз подробно:
мы прятались за валуны,
девчонка по гравию шла и похожа
была бы на лань, каб не вялая кожа,
а темя-то — вши, колтуны.

Так сладко брела она сквозь забытье;
ну, тут мы, понятно, поймали ее,
смеркалось, темнело;
мы справили дело,
а слезы... ну, будто она не хотела!..

Какая-то птица затенькала тонко,
порой, как монетки, звенела щебенка,
а так — тишина,
одна тишина,
как будто и жизнь-то уже не нужна.

На рану ее мы пустили рубашки;
поймают — мы знали — не будет поблажки.
Вот весь мой рассказ...
О свет моих глаз,
о девочка, разве болит и сейчас?

Почтенный судья, все же сделай поблажку,
скорее всех нас упеки в каталажку,
там вечный мороз,—
а если всерьез —
так лучше не помнить ни мира, ни слез.

Рента

Джон Холмс и Билл, его сынок,
уютно жили: шла
по почте рента Джону, в срок —
тридцатого числа.
Случился грустный номер:
родитель взял да помер.
Такие вот дела.

«Джон Холмс! Я так тебя
любил!
Без ренты мне — беда!»
И обложил папашу Билл
солидным слоем льда,
заклеил щели, фортки,
темнела в белом свертке
отцова борода.

Билл закупал двоим еду —
отец хворает, чай.
Воняло,— Билл на холоду
варганил завтрак, чай,—
а почтальон клиенту
носил все ту же ренту,
ну что ж, хворает, чай.

Уже зима невдалеке —
а Холмсы всё вдвоем:
Билл — в уголке, Джон — в леднике,
и каждый — при своем.
На дверь, на стены, на пол
сынок духов накапал
и замерзал живьем.

«Джон Холмс,— шептал ночами
Билл,—
любимый мой отец!
Тебя я вовсе не убил,
мне жаль, что ты — мертвец!
Не надо гнить, не надо!
Ведь я рехнусь от смрада,
коль ты сгниешь вконец!»

И все-таки пришел каюк
терпению сынка.
Джон Холмс во всё, во всё вокруг
проник исподтишка.
Нашли висящим Билла,
и рента, видно было,
торчит из кулака.

По поводу насильственной сметри одного владельца табачного киоска

Лавочник-табачник, из воды
у плотины всплывший поутру,—
были губы у тебя худы
и дрожали в холод и в жару.
Вышла смерть тебе — последний сорт,
да и жизнь — не шибко хороша:
был ножной протез, как камень, тверд,
и усы торчали, как парша.

Жил один ты долгие года,
тишина звенела в голове;
ставню опускал ты, лишь когда
улицы тонули в синеве.
Но порой нырял ты в темноту,
у тебя захватывало дух:
у канала, на пустом мосту,
ты ловил подешевевших шлюх.

И, над ними обретая власть,
средь клопов, с отстегнутой ногой,
ты желал повеселиться всласть,
расплатившись кровною деньгой.
Знал ты этой публики пошиб,
ты наутро звал себя ослом,
потому, когда серьезно влип,
понял: заработал поделом.

Эту дочерь городского дна
ты узнал, дрожащий, в тот же миг,
как тебя окликнула она,
мертвой хваткой взяв за воротник;
вынырнул босяк из темноты,
вынул нож — и был ты с босяком
(в миг последний так подумал ты)
вроде как бы даже и знаком.

И, умело спущенный в канал
даже без нательного белья,
ты в воде про то уже не знал,
как наличность плакала твоя,
вся истаяв к утренним часам;
оба руки вымыли в реке,
а потом, как ты бы сделал сам,
пили и дрожали в кабаке.

Двое затравленных

Мой братец, Лейба Люмпеншпитц,
ответь: ну почему
ты удавился — чтобы
теперь меня трясло бы
средь улиц и в дому?

Я опасался за тебя:
ты целый день молчал,
был очень независим,
но груды злобных писем
так часто получал.

Ты стал как зверь в своей норе,
и дик, и одинок:
ты вздрагивал от звона
злодея-телефона
и трубку снять не мог.

Ты дверь на стук не открывал —
о, ты хлебнул с лихвой!
Тряслись мои поджилки,
но я носил посылки
в дом зачумленный твой.

А что лежало, Лейба, в них —
какая чепуха!
В четверг — хвосты крысиные,
а в пятницу — гусиные
гнилые потроха!

Я слух вчерашний счел одной
из худших небылиц:
кто мог бы знать заране?
Повесился в чулане
ты, Лейба Люмпеншпитц!

Со страху, Лейба Люмпеншпитц,
легко в удавку влезть!
Кровь холодеет в жилах,
и я давно не в силах
ни выпить, ни поесть.

Ты был со мной, я был с тобой,
ответь: ну почему
ты удавился? Чтобы
взамен — меня трясло бы
средь улиц и в дому?

ХЭНК МЕССИК, БЕРТ ГОЛДБЛАТ

Бандитизм и мафия

История организованной преступности в Америке

Перевод с английского К. СТАРОСЕЛЬСКОЙ

Американский Гангстер вслед за Американским Ковбоем прочно вошел в пантеон массовой культуры XX века. Да и не только массовой, свидетельством чему может служить роман Э. Л. Доктороу «Билли Батгейт», недавно опубликованный на страницах «ИЛ» (№ 5—7, 1991). Благодаря литературе и, конечно же, в еще большей степени Голливуду несимпатичные и в общем-то довольно заурядные злодеи, все эти немцы шульцы, аль капоне, счастливчики лучано и багси сигелы, обрели громкую, надолго пережившую их славу, стали героями современной мифологии, а их малопочтенные биографии легли в основу мощного жанра — гангстерского романа, кинофильма, телесериала. Иностранному читателю и зрителю не так-то просто разобраться в коллизиях и закулисных тонкостях криминальной хроники Соединенных Штатов, в мешанине разноплеменных имен и экзотических кличек, в запутанных правилах этого американского варианта игры в казаки-разбойники. Своего рода путеводителем по истории гангстеризма, мини-энциклопедией американской организованной преступности можно назвать книгу Х. Мессика и Б. Голдблата. В ней не только представлены все основные действующие лица и герои многочисленных книжных, кинематографических и телевизионных саг, но и дана краткая аналитическая история эры Большой Американской Преступности, прежде всего самой знаменитой ее главы, посвященной Мафии.

Однако исследование Х. Мессика и Б. Голдблата, считающееся классическим и часто цитируемое в популярных и научных книгах о «Коза ностре», представляет для нас сегодня интерес не только как справочное пособие. При всех исторических, политических и прочих отличиях экономическая и нравственная ситуация в современной России имеет немало общих черт с той, что существовала в США в эпоху Сухого закона и Великой депрессии: то же размывание границ между дозволенным и недозволенным, моральным и аморальным; первые шаги еще не успевшего цивилизоваться предпринимательства; обнищание широких слоев населения; национальная миграция: образование этнических и региональных преступных группировок. Перед вами летопись возникновения, расцвета и постепенного перемещения в легальный бизнес одной из таких организаций — итало-американской Мафии. Когда она вошла в истеблишмент, ее сменили новые этнические преступные сообщества: кубинские торговцы наркотиками, позднее — колумбийский Картель (о нем читайте в документальном романе «Кокаиновые короли»: «ИЛ», 1991, № 3).

Книга Х. Мессика и Б. Голдблата дает нам богатую пищу для размышлений, сопоставлений и прогнозов на будущее — ведь история, как известно, имеет свойство в сходных обстоятельствах повторяться.

Преступность — это разновидность поведения человека; борьба с ней — попытка изменить умы и души людей.

Президентская комиссия по обеспечению соблюдения законов, 1967.

ВСТУПЛЕНИЕ

К сожалению, в неорганизованном обществе не существует общепринятого определения организованной преступности. В результате неудачных попыток найти точную формулировку родилось множество легенд и мифов, написаны миллионы почти ничего не значащих слов. Это, впрочем, неудивительно. Только разгадав природу организованной преступности, мы поймем, почему для нее не удалось найти определение.

В исследовании, вынужденно ограниченном по объему, важнее постараться постичь суть организованной преступности, чем дать ей формулировку. Мы в своей работе примем определение Нью-Йоркского объединенного законодательного комитета по преступности, которое гласит: «Организованная преступность — это постоянный тайный заговор в целях приобретения богатства и влияния с применением незаконных методов экономического и физического принуждения, с помощью коррупции общественных структур и частных лиц в условиях системы свободного предпринимательства».

Едва гангстеры утратили романтический ореол, проявилось их сходство с бизнесменами, действующими в рамках закона. Они не меньше последних ограничены в своей предпринимательской деятельности, и их организации столь же неоднородны по этническому или национальному составу. Теория этнического единства справедлива лишь в отношении рядовых исполнителей, главные же роли в преступном мире всегда играли и продолжают играть люди самого разного происхождения.

Во многом организованная преступность — продукт исторической случайности. Человек всегда видел в преступлении кратчайший путь к обогащению; возникновение национального преступного синдиката стало возможным благодаря ряду случайных совпадений. К ним относятся: наличие в стране миллионов голодных иммигрантов; доступность легких заработков в эпоху Сухого закона; Великая депрессия (кризис 1929—1930 гг.), когда банкам не хватало средств на кредиты, а наличные деньги сосредоточились в руках бутлегеров [1]; разрушение политических структур во многих крупных городах с введением Нового курса президента Рузвельта; фактический альянс преступности и политики; утрата миллионами граждан традиционных нравственных и социальных устоев.

Наш краткий исторический экскурс дает лишь общее представление об организованной преступности. Из-за недостатка места мы не можем проследить за возникновением преступных синдикатов в каждом городе, описать тысячи убийств в среде гангстеров и сотни политических скандалов. Читателю также не следует ждать рассказа о Мафии в стиле «Крестного отца». Но возможно, преднамеренные ограничения впервые позволят увидеть за деревьями лес.

В последние годы общую картину здорово исказили некоторые официальные органы, сильно преувеличившие значение Мафии. Любому серьезному исследователю тайного общества, управляемого законами вендетты, нетрудно убедиться, что Мафия не способна играть приписываемую ей роль. Предлагалось множество разнообразных формальных схем мафиозных «семей», но все они были изначально ошибочными и устаревали прежде, чем успевали высохнуть чернила,— истинная структура Мафии напоминает тарелку спагетти. Отдельные «макаронины» связаны друг с другом, а вот разобраться в этих связях невозможно. По существу, Мафия — это особая ментальность, сплав гордыни, алчности и невежества. Она обречена на исчезновение, ибо изменились социальные условия, которые вызвали ее к жизни.

Истории организованной преступности известны многие внутренние конфликты между личностями разного склада — так сказать, между необузданными

[1] Бутлегеры — подпольные торговцы спиртным в эпоху Сухого закона. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

страстями и холодным умом. Большинство главарей Мафии принадлежит к первой категории, хотя это касается далеко не всех американских гангстеров итальянского происхождения. У Джона Торрио и Чарльза «Счастливчика» Лучано мозги отлично варили (по определению Мейера Лански), и они крайне неодобрительно относились к сумасбродным выходкам своих коллег. В то время как общественное внимание занимали всякие капоне и багси сигелы, здравомыслящие воротилы преступного мира обрабатывали политиков и промышленных магнатов, делая преступление неотъемлемым элементом нашей социально-экономической системы. Организованная преступность — отнюдь не прыщик на прелестном личике мисс Свободы, а злокачественное заболевание крови. Понимая это, видишь, что все обещания политиков разделаться с гангстерами и установить законность и порядок не более чем пустые слова. Общественность никогда по-настоящему не стремилась ни искоренить преступность, ни знать о ней слишком много. Гораздо интереснее наблюдать за верхушкой айсберга и обсуждать очевидное, нежели пытаться проникнуть вглубь.

1. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

В 1903 году Никола Джентиле, уроженец Сикулианы, Сицилия, отказавшись от бесплодных попыток обучиться ремеслу на родине, сел без билета на корабль и, совсем еще молодым человеком, прибыл в Америку. Едва умея читать и писать, он тем не менее — по собственным словам — обладал «необыкновенной силой воли и умением внушать страх», что позволило ему быстро занять высокое положение в Мафии.

«Я мало чем отличался от множества других бедных итальянских иммигрантов, высаживавшихся в нью-йоркском порту с одним мешком за плечами и в низко повязанном красном в крапинку носовом платке на голове,— вспоминал Джентиле много лет спустя.— На сушу я, правда, ступил с истрепанным чемоданчиком, обмотанным веревкой. Один матрос отвел меня в дом номер 91 по Элизабет-стрит к моему земляку Доменико Таормине, который дал мне билет до Канзас-Сити, куда я приехал на поезде, забитом иммигрантами; путешествие длилось целых шесть дней».

Никола разыскивал своего старшего брата, который переселился в Штаты раньше и, подобно тысячам других иммигрантов, работал в Канзасе на железной дороге. Юного сицилийца ошеломил вид «бесчисленных верениц домов, бесконечных улиц», но больше всего его поразили люди. Все куда-то спешили; у Джентиле создалось впечатление, будто каждый «торопится по какому-то неотложному делу».

«Какой контраст с жителями моего родного города! — писал он.— Там люди следят за своими движениями, и неторопливая походка придает им важность: они шествуют, засунув палец правой руки за пояс, низко надвинув шляпу на правый глаз, стараясь выглядеть как можно надменнее, чтобы вызывать всеобщее уважение».

Эта характеристика соотечественников Джентиле во многом объясняет, почему такое тайное общество, как Мафия, расцвело именно на Сицилии и могло быть перенесено в гетто Нового Света. Однако в ней угадывается и причина неизбежной гибели Мафии в условиях, когда новые иммигранты начали проявлять не меньшую активность, чем те, что пустили корни значительно раньше. Любопытно познакомиться с рассказом Джентиле об этой организации — «Почетном обществе», как он стал ее называть на склоне лет:

«Организация зародилась давным-давно, в древности; она была средством защиты собственного достоинства, опорой слабых и гарантией соблюдения человеческих законов. Когда сегодня газеты и общественное мнение называют ее язвой, расползающейся по нашей стране, это не так уж неправильно, потому что они (члены Мафии) нынче выродились и нагло тянут руки к источникам производства и создают что-то наподобие монополий.

Все организации при своем возникновении руководствуются твердыми принципами и гуманными целями, но среди их членов обязательно находятся такие, которые начинают рваться к наживе. Я не хочу извиняться за Почетное общество,

или Мафию, как его принято называть; это бы выглядело так, будто я признаю существование государства в государстве. Почетное общество всегда помогало своим членам, поэтому я бы сравнил его с масонами. Однако учение масонов — мистическое или теологическое, Почетное же общество строится на терроре и насилии. Его создали землевладельцы для наведения порядка в самой отсталой части Сицилии, откуда оно было перенесено в те районы Америки, где жили сицилийцы, калабрийцы и неаполитанцы.

Члены Общества назывались fratellos (братья); подчинялись они избираемым из своей среды capo (глава, шеф). Каждый капо затем подбирал себе consigliari (советников), помогавших ему вершить правосудие и выносить решения. Когда кто-либо из fratellos попадал в затруднительное положение, Общество старалось его поддержать.

Со временем такие организации возникли во всех городах Америки. В одном только Нью-Йорке и Бруклине их было пять. Главари отдельных borgates (семей) избирали верховного капо, называвшегося capo di capi re, или королем, то есть правителем Почетного общества. В пяти borgates Нью-Йорка и Бруклина насчитывалось 2 000 членов.

Мой темперамент,— заключает Джентиле,— обрек меня на жизнь, полную приключений. Отвага, которой наделила меня природа, бесстрашная натура и властный характер, а также принципы, которым я следовал, привели меня в Почетное общество».

В первые годы своего существования американская Мафия была очень похожа на сицилийскую: она обирала не состоявших в ней соотечественников. Не знающие языка, законов и традиций Соединенных Штатов иммигранты становились легкой добычей вымогателей: их нетрудно было заставить выплачивать проценты со скромных заработков, что они, впрочем, делали и на своей бывшей родине. «Знаком» Мафии служил черный отпечаток пятерни, и в течение нескольких лет тайное общество было известно под названием «Черная рука». Члены организации, разумеется, вычеркивались из списка потенциальных жертв, и это привлекало в нее новых добровольцев.

Джентиле рассказал, каким простым способом был положен конец вражде между двумя родственниками: дядей и племянником. Племянник был принят в члены Почетного общества, где уже состоял дядя. Дядюшка, грозившийся убить сына своего брата, сменил гнев на милость, и «родственники возлюбили друг друга». Никола добился, чтобы связи между членами организации были сильнее кровных.

Если верить словам Джентиле, он благодаря своим дипломатическим способностям постепенно стал главным специалистом по улаживанию конфликтов в американской Мафии. Поскольку предательство и вендетта были естественны для каждого мафиозо, потребность в миротворце оказалась велика. Долгие годы «Дядюшка Кола», как стали именовать Джентиле, курсировал между Нью-Йорком и Сан-Франциско, решая внутренние проблемы, а в некоторых городах фактически выполняя обязанности капо.

На обетованную землю Америки устремились не только итало-сицилийцы. Еще раньше туда, спасаясь от голода и преследований на религиозной почве, хлынули немцы, ирландцы и евреи из Восточной Европы. Между новыми и старыми иммигрантами возникали конкуренция и даже конфликты, однако, пожалуй, труднее всего вновь прибывшим было принять обязательную «неофициальную религию» американского общества — пуританскую этику.

Идеалы этой этики были взлелеяны белыми англосаксонскими протестантами — первыми иммигрантами, захватившими земли индейцев. Пуританская этика строилась на вере в то, что Господь и на земле, как потом на небесах, вознаградит тех, кто будет соблюдать Его заповеди, упорно трудиться и служить для других примером. Рост благосостояния, соответственно, рассматривался как доказательство милости Господней и свидетельство высоконравственного образа жизни.

Не приходится сомневаться, что эта вера, скроенная на потребу пионерского общества, была очень удобна. Столь же очевидно, что в практическом воплощении ее догматов было много лицемерия. Однако любой историк подтвердит, что в среде новых американских граждан с каждым поколением росло уважение к пуританской этике, а успехи и процветание Соединенных Штатов приписывались ее благотворному влиянию.

За два десятилетия до первой мировой войны в этот стабильный, упорядоченный и самодовольный мир влилось огромное множество представителей различных вероисповеданий. Заполонившие города Восточного побережья новые иммигранты, прожив некоторое время в гетто, мало отличавшихся от мест их прежнего обитания, перебирались в центральную часть страны, как только подворачивалась возможность найти там работу. Маршруты, по которым двигались в поисках работы свежеиспеченные американцы, были весьма причудливы. Итальянцы, строившие железные дороги в Новой Англии, оседали там и открывали бакалейные лавки. Креветочный промысел сулил обладателям умелых рук неплохие заработки на побережье Мексиканского залива; так в Билокси возникла итальянская колония. Добыча губок привлекла большое число греков в Тарпон-Спрингс на Западном побережье Флориды. Сталелитейные заводы в долине Огайо нуждались в дюжих парнях, и многие жители Южной Европы обрели работу и дом в Янгстауне, Питтсбурге и Гэри. Бостон — родина пуританской этики — был поделен на этнические кварталы. Старую Северную церковь, известную каждому школьнику со времен революции, плотным кольцом обступили дома итальянских колонистов — казалось, будто здание церкви переместилось в Рим.

Что же произошло, когда новые иммигранты вплотную столкнулись с пуританской этикой? Вот что говорит по этому поводу Уилл Херберг: «Новый иммигрант предполагал, что, когда он станет американцем, в его жизни произойдут большие перемены: изменится национальность, язык, культура. Одного только он никак не ожидал — изменения религии». Согласно пуританской этике религия связана с экономикой: Господь вознаграждает высоконравственного человека, даруя ему материальные блага. Для новых переселенцев Америка поистине была Землей Обетованной, местом, где даже иммигрант может быстро разбогатеть. И в ожидании обещанного вознаграждения он начинает следовать навязываемым ему пуританским нормам поведения, не принимая — а подчас и не понимая — их сути.

Первые переселенцы не представляли себе всей сложности вставшей перед ними проблемы. Непривычная свобода многих пугала; этих людей вполне удовлетворяла жизнь в гетто, язык и обычаи которых им были знакомы. Самый трудный барьер предстояло преодолеть их сыновьям, привезенным в Америку в младенчестве или в ней родившимся. Детей, завороженных богатством Нового Света и социальными свободами, начал раздражать образ жизни родителей. Если для быстрого завоевания положения в обществе требовалось пренебречь нормами пуританской этики, они готовы были это сделать. Исповедуя свою собственную, более либеральную религию — или попросту отвергая любую мораль,— молодежь восставала против установленных людьми законов, служивших помехой на пути к легкой наживе.

Эти молодые люди вскоре убедились, что прибывшие раньше их белые англосаксы, обустроившись, изобрели множество ханжеских правил для защиты личных интересов. И — следуя тому, что Джентиле называл «человеческим законом»,— присвоили себе право хватать все, что попадается под руку. Фактически они ввели в обиход закон джунглей, оправдывающий сегодняшнюю организованную преступность. Кое-кто прибегал к более изощренным аргументам, утверждая, что богач может «заслужить» Господне благословение, потратив часть состояния на добрые дела. В последующие десятилетия многие университеты неплохо поживились за счет приверженцев этой теории.

В первом двадцатилетии нашего века существовало не так много коллективных способов для быстрого — и значительного — обогащения, и тем не менее организованная преступность начала формироваться. Одну из многообещающих возможностей открывала торговля женским телом, а «войны» между продавцами газет за «выгодные» места на улицах послужили неплохой школой для будущих главарей преступных синдикатов. Эти разновидности «бизнеса» были взаимосвязаны: сенсационные репортажи о работорговле привлекали новых читателей, а владельцам газет было небезразлично, кто какой угол улицы контролирует.

Так называемая «торговля белыми рабынями», по сути, была следствием затянувшегося демографического взрыва, подогреваемого иммиграцией. «Покупателями» в основном являлись трудящиеся в поте лица переселенцы, оставлявшие своих жен на родине, пока не удастся заработать на их приезд. Время от времени им требовалась женщина, и, вполне естественно, каждый искал такую, которая была бы похожа на его жену или по меньшей мере говорила на одном с ним языке. И среди

проституток было много дочерей иммигрантов: не сумев найти мужа, они вступали на путь греха, рассчитывая столь несложным способом добиться лучшей жизни. Некоторые попадали в лапы «арканщиков»: девушек завлекали хитростью или обещаниями хорошо оплачиваемой работы в отдаленных районах. В таких городах, как Чикаго, появились настоящие казармы, где обучали или «портили» новеньких. Строптивиц, пытавшихся сопротивляться, «специалисты» по многу раз насиловали, пока их не удавалось сломить. Наиболее привлекательные девушки проходили специальную подготовку, после чего их отправляли в публичные дома, обслуживавшие состоятельных клиентов. В казармах время от времени устраивались «аукционы», и девушки, пользовавшиеся наибольшим успехом, продавались тем, кто предлагал самую высокую цену.

Чтобы отыскать и обманом завербовать достаточное количество молодых женщин, требовались довольно большие организации. Такие организации постепенно возникли на всем континенте, начиная от городов Среднего Запада и кончая портами на обоих побережьях. Для транспортировки и обучения новых рабынь тоже нужны были значительные средства и многочисленный персонал. Так закладывались основы будущих синдикатов. Столкнувшись с этой, постоянно усугубляющейся, проблемой, конгресс в 1910 году принял закон о торговле «белыми рабами», запрещающий перевозку «товара» из одного штата в другой. Закон этот, более известный как «закон Манна», не отменен по сей день, однако ударяет он в основном по бизнесменам, вынужденным пересекать границы штатов в поисках мотеля. Считается, что проведение в жизнь нового закона — заслуга созданного двумя годами ранее Бюро расследований (впоследствии ФБР); этот прецедент позволил ФБР в дальнейшем вмешиваться в любые конфликты, связанные с торговлей между штатами.

Пожалуй, самым известным работорговцем — прославившимся благодаря тому, что он проторил путь Джону «Лисе» Торрио и Аль Капоне,— был Джеймс «Большой Джим» Колосимо. Родившийся в 1871 году в Италии, Колосимо обскакал многих своих соотечественников, прибыв в Соединенные Штаты еще в 1881 году. Отец привез его в Чикаго, в район домов с красными фонарями, известный под названием «Леви». Уже в 1902 году «Большой Джим» приобрел некоторое влияние в обществе. Он женился на хозяйке борделя и вскоре стал владельцем целой сети публичных домов. Для постоянного пополнения заведений свежими телами ему пришлось организовать банду, скупающую живой товар. В помощь себе он выписал из Нью-Йорка племянника, Джона Торрио; постепенно к тому перешло все дело Колосимо, и он превратил его в настоящую империю.

Торрио вместе с Арнольдом Ротштайном и Мейером Лански были истинными творцами Национального преступного синдиката, успешно развивавшегося на протяжении последующих пятидесяти лет. Гениальность этих людей заключалась в умении угадывать момент, когда — в силу экономических или социальных причин — требовалось сменить один вид рэкета на другой. Торрио, например, своевременно почуял, что, хотя эксплуатация секса всегда будет прибыльной, особые обстоятельства, придающие *логический* смысл торговле белыми рабынями, вскоре исчезнут. Впереди замаячила новая возможность: незаконная торговля спиртным. Когда Колосимо утратил умение — или охоту — приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, Торрио 11 мая 1920 года просто-напросто его убил и стал главой синдиката. По сути, это событие ознаменовало собой бунт американцев второго поколения против идей Старого Света, исповедуемых стариками — так называемыми «усачами».

Когда в страну влились миллионы новых полноправных граждан и началось естественное перемещение сельских жителей в города, политики принялись изобретать новые методы влияния на избирателей. Пресса могла — и готова была — им помочь, но для этого ей надлежало сделаться дешевой и интересной. Вскоре распространители газет затеяли настоящую войну, в большей мере спровоцированную политиками, чем поддерживавшими их издателями. Даже сегодня редакторы газет воображают себя могущественными «делателями королей» — желание «поиграть в политику» подчас непреодолимо. Но и в те времена реальное воздействие прессы на умы зависело от способа подачи новостей, а не от мелькающих на страницах газет сенсаций.

Все это дало Горацио Элджеру материал для нескольких увлекательных книг.

В одной из них — «На скорую руку» — речь идет о юных газетчиках, воевавших за место на улице и за право продавать газеты по два цента; на поверку эта конкурентная борьба оказалась далеко не героической.

В 1913 году в отдел распространения кливлендской газеты «Ньюс» был принят некий Артур Б. «Микки» Макбрайд. Он работал в паре с Джеймсом Рейдженом, распространителем кливлендского «Лидера». Обе газеты принадлежали семье Марка Ханны, впоследствии крупного политического босса. У Макбрайда и Рейджена был опасный конкурент — заведующий отделом распространения кливлендского «Плейн Дилера» Томас Дж. Макгинти.

Макбрайд, родившийся в 1886 году в Чикаго, пользовался репутацией «крутого парня» и превосходного организатора; в жизни он потом много раз проявлял эти свои качества. Бросив газетное дело, Макбрайд стал королем кливлендских таксистов, расправляясь с конкурентами столь же методично, как делал это в период «газетных войн». В 1940 году, когда Мозес Анненберг, создатель всеамериканской телеграфной службы для букмекеров, попал в тюрьму, Макбрайд и его старинный друг Рейджен прибрали телеграфное агентство к рукам и дали ему новое название — «Континентал пресс». После убийства Рейджена Макбрайд остался единоличным владельцем разросшегося агентства и управлял им вплоть до его закрытия комиссией Кефовера в 1951 году. К тому времени он успел создать профессиональную футбольную команду «Кливленд Браунс», продемонстрировав умение извлекать прибыль не только из насилия, но и просто из физической силы. Впоследствии Макбрайд продал команду Солу Зильберману, владельцу подконтрольного Синдикату ипподрома в Майами, и отошел от дел.

Его соперник Макгинти родился в Кливленде в 1892 году, восьмым по счету ребенком в семье докера. Потеряв в раннем детстве отца, он воспитывался в доме старшей сестры и ее мужа, кливлендского пожарного. Вначале Макгинти занимался распространением газет, но, будучи человеком бойцовского склада, стал профессиональным боксером. Однажды он был нокаутирован «Драчуном Шульцем» и лежал в углу ринга, а тренер уговаривал его подняться и принять следующий удар. И тут молодого ирландца осенило: он решил сам сделаться боксерским менеджером, благо «спортивная» карьера была вполне доступна. Начав весьма скромно, Макгинти в конце концов стал владельцем ипподромов, ночных клубов и игорных домов на огромной территории — от Кливленда до Майами, от Лас-Вегаса до Гаваны. Со временем он перестал заниматься делами и поселился в своем дворце на берегу океана в Палм-Бич, штат Флорида.

В 1913 году, однако, оба соперника собрали по армии шпаны — юных хулиганов, которые, вооруженные кастетами и железными трубами, сражались за лучшие для продажи газет места на кливлендских улицах. В этих войнах начинали такие гангстеры, как Альфред «Большой Эл» Полицци, Фред Ангерсола, Морис «Размазня» Векслер и многие другие, впоследствии ставшие крупными фигурами в мире организованной преступности. То, что творилось в Кливленде, тогда происходило и в других больших городах. В эпоху Сухого закона создать армию головорезов не составляло труда.

Кливленд притягивал иммигрантов больше, чем какой-либо иной город. Поначалу стал заселяться его район Вудленд: сперва там появились ирландцы, а затем — в интересующий нас период — евреи и итальянцы. В 1917 году больше половины учащихся в школах говорили на каких угодно языках, кроме английского. К 1923 году количество англосаксонских детей в государственных школах составляло всего 35,4 процента. В Кливленде была четвертая по величине еврейская община в Соединенных Штатах.

По мере того как иммигранты приспосабливались к новой жизни и достигали некоторого благополучия, они целыми этническими группами перемещались в предместья, оставляя Вудленд следующей волне иммигрантов. Место евреев заняли итальянцы; в 1920 году они составляли 14,9 процента населения Вудленда. Однако с 1930 года итальянцы снова стали переселяться в пригороды, оседая в районе Мейфилд-роуд, а на смену им пришли с крайнего юга негры.

Чтобы легче было следить за дальнейшим развитием организованной преступности, расцвет которой начался лишь с введением Сухого закона, приведем несколько цифр. Из 998 убийств, совершенных в Кливленде в период с 1918 по 1930 год, 213 приходятся на Вудленд. Из 373 публичных домов, обнаруженных в ходе восьми отдельных проверок, 98 располагались в Вудленде.

Подобные районы были во всех крупных городах, привлекавших большое число иммигрантов, и в каждом городе происходили аналогичные перемещения населения. Территория любого гетто — независимо от расовой или национальной принадлежности его обитателей — была рассадником преступности. Искушение приобщиться к «американскому образу жизни» легким путем, вопреки предписаниям пуританской этики, усиливалось с каждым поколением.

Заманчиво — вслед за многими другими авторами — утверждать, будто банды возникли с введением Сухого закона или — если верить выдвигаемой ФБР версии — в период экономической депрессии 30-х годов. Но даже поверхностное ознакомление с историей позволяет увидеть ошибочность обоих этих предположений.

Этническая однородность банд, возникших до Сухого закона, облегчала их сплочение в преступные организации, характерные для эпохи бутлегерства. Уличные шайки, как правило, объединяли подростков одной национальности. Они создавались для защиты своих членов и территории от других этнических групп и предлагали юным хулиганам «достойный» способ избавления от комплексов, порождаемых ущемленным самолюбием.

Возглавляемые Джоном Диллинджером, Элвином Карписом и другими, банды 30-х годов по духу были ближе к Джесси Джеймсу [1], чем к преступным синдикатам. Всеобщая разочарованность и нищета наступившего вслед за Гражданской войной периода Реконструкции подготовили почву для создания на западе страны нескольких бандитских группировок, члены которых сейчас признаны народными героями. В атмосфере всеобщей разочарованности и нищеты Великой депрессии возникли шайки грабителей банков, тоже считающихся чуть ли не национальными героями, типа Бонни и Клайда [2]. И в девятнадцатом веке, и более полувека спустя бандиты жили и умирали (в основном насильственной смертью), полагаясь исключительно на себя и свои пистолеты и не имея ничего общего с гангстерами из синдикатов, которые, находясь в сравнительной безопасности — ибо старательно угождали публике,— зарабатывали в миллион раз больше.

За два десятилетия до введения Сухого закона в каждом крупном городе имелись собственные банды. В Нью-Йорке больше других преуспевали «гопники» — возможно, потому, что объединяли молодежь из разных этнических групп. Эта банда стала прообразом «сообществ» третьей стадии Сухого закона. Успехами она обязана своему вожаку — появившемуся на сцене примерно в 1910 году Оуни «Убийце» Мэддену.

Мэдден родился в Англии — редкость среди бандитских вожаков — и был привезен в Штаты одиннадцатилетним ребенком. Кличку «Убийца» он приобрел еще до того, как в восемнадцать лет стал главарем «гопников». Великолепно сложенный, красивый, надменный, Оуни прекрасно стрелял из револьвера и из рогатки и умело обращался с обрезком железной трубы, завернутым в газету. Ему неоднократно предъявляли обвинения в убийстве, но свидетели всякий раз таинственно исчезали. Оуни оставался на свободе, и слава его росла.

6 ноября 1912 года в зале на Пятьдесят второй улице неподалеку от Седьмой авеню в разгар танцев появился Мэдден. Музыка мгновенно умолкла. Улыбающийся Оуни выдержал долгую паузу и снисходительно помахал рукой перепуганным оркестрантам.

— Продолжайте веселиться,— сказал он,— сегодня я не собираюсь никого отправлять на тот свет.

Музыканты поспешно заиграли; танцы возобновились. Мэдден, усевшись за столик на балконе, наблюдал за танцующими. Его внимание привлекла одна из девушек, и он утратил бдительность. Воспользовавшись этим, на балкон бесшумно поднялись одиннадцать человек и обступили Мэддена сзади. Встав и повернувшись к ним лицом, Оуни сказал:

— Валяйте, ребята. Вы хоть раз смогли кого-нибудь прикончить?

Грянули выстрелы, и Мэдден упал с шестью пулями в теле. В соответствии с традициями преступного мира, он отказался давать объяснения полиции. «Неважно, кто засадил в меня пули,— это мое личное дело»,— заявил он полицейским. Не прошло и недели — Оуни еще отлеживался в больнице,— как три вожака банды, покусившейся на его жизнь, были убиты.

---

[1] Джесси Джеймс (1847—1882) — американский бандит, возглавлявший вместе с братом одну из банд, занимавшихся разбоем и грабежом.

[2] Знаменитые грабители, герои одноименного голливудского фильма.

Некоторое время спустя, когда Оуни добился всеобщего признания и никто не осмеливался оспаривать его лидерство, некая девица — его подружка,— решив за что-то отомстить возлюбленному, донесла на него полиции. Мэддена посадили в Синг-Синг на срок от десяти до двадцати лет. Он был условно освобожден в 1923 году — в самый подходящий момент, чтобы включиться в новый, только еще разворачивающийся рэкет, связанный с незаконной торговлей спиртным. Без малейших колебаний Оуни бросил банду юных головорезов и перешел в синдикат, занимающийся бутлегерством. Впоследствии он столь же легко переметнулся в игорный бизнес. В историю организованной преступности «Убийца» вошел как очень крупная и — на определенном этапе — всеми почитаемая фигура.

Однако Мэдден — да и любой другой главарь бандитов,— конечно же, намного уступал Арнольду «Голове» Ротштайну, «человеку, нападающему из-за угла», «Королю игроков».

Ротштайн родился в 1882 году в Нью-Йорке; он был вторым сыном Абрахама и Эстер Ротштайнов, чьи родители перекочевали в Штаты из Бессарабии. Абрахам, торговец мануфактурой, упорным, честным трудом добился в своем деле скромных успехов. Склонность младшего сына к неправедному образу жизни очень огорчала старика, которого учили «уважать всех людей и любить их как братьев». Арнольд же никак не мог полюбить своего старшего брата, Гарри: еще трехлетним младенцем он пытался его зарезать. С годами вражда между братьями усиливалась. Гарри блестяще учился и готовился стать раввином; Арнольда не интересовали ни ученье, ни религия. Отец пытался знакомить его с еврейской историей, однако Арнольд — как и подобало молодому американцу — неизменно заявлял:

— Кому нужна эта чепуха? Мы живем в Америке, а не в Иерусалиме. Я американец. Пускай Гарри будет евреем.

В возрасте шестнадцати лет Ротштайн бросил школу и занялся самообразованием на улице. Азартный по природе, он увлекся подпольной лотереей — игрой в числа. Быстро овладев этим искусством, Арнольд проявил недюжинную смекалку и начал тратить часть своих выигрышей на выпивку для ребят, которые были старше его и сильнее. Таким способом он «покупал» себе защитников — а защита была ему необходима на пути к быстрой карьере. В ту пору в стране широко распространились азартные игры, и Арнольд, поднакопив деньжат, стал крутиться возле игроков, по мере надобности ссужая их различными суммами. Должнику давалась неделя для возврата денег из расчета пять долларов за каждые четыре, полученные от Ротштайна. Если кто-нибудь неожиданно отказывался платить долг, Ротштайн применял силу. Обязанности «сборщика» исполнял Монк Истмен, главарь одной из самых могущественных уличных банд и конкурент Оуни Мэддена.

Это была первая афера Ротштайна, занятие, которое с годами превратилось в миллиардный бизнес. Ростовщичество, как известно, всегда сопутствовало предпринимательству, однако именно Ротштайн модернизировал его и сделал частью национальной экономики.

В 1971 году постоянная сенатская подкомиссия по расследованию, возглавляемая сенатором Джоном Макклелланом, подняла шум в связи с рэкетом «нового типа» — кражей ценных бумаг из маклерских контор Уолл-стрита. Арнольд Ротштайн разработал этот вид рэкета еще в 1918 году.

В последний год первой мировой войны рэкетиры обратили внимание на чрезвычайно ценные облигации военного займа («Либерти бондс»). Грабители нападали на мальчишек-рассыльных прямо на улице, по пути из маклерской конторы в банк, и, избив, отнимали бумаги. Полиция вскоре заподозрила, что многие из рассыльных завербованы «вдохновителем» аферы. Следы вели к некоему «мистеру Арнольду», а поскольку стоимость украденных бумаг исчислялась уже миллионами долларов, Ротштайн оказался под угрозой ареста.

Обеспечивший себе к тому времени надежную защиту, «Голова» ухитрился свалить вину на Джулса У. Арндт-Стейна, мужа звезды Бродвея Фанни Брайс, известного прессе и полиции под именем Никки Арнстейна. В последний момент Ротштайн предупредил Никки и посоветовал убраться из города.

Арнстейн полетел в Кливленд, который тогда уже прослыл убежищем для преступников. И тут — пожалуй, впервые — стали вырисовываться смутные очертания будущей организации. Нью-йоркцы передали похищенные облигации в распоряжение двух таинственных богачей, которые впоследствии стали банкирами,

обслуживавшими Кливлендский синдикат. Ими оказались кливлендцы: Сэм Хаас — в прошлом соратник Тома Макгинти по газетным войнам — и компаньон Хааса по разного рода сделкам И. П. Стронг. Нью-йоркская полиция с горечью констатировала, что «влиятельные политики в Кливленде тесно связаны с сообщниками Арнстейна, завладевшими краденными облигациями стоимостью свыше двух миллионов долларов». Замешанные в организованное Ротштайном похищение ценных бумаг нью-йоркские политики упомянуты не были.

Хорошо «прикрывшись», Ротштайн предоставил беглецу облигации на сумму 100 тысяч долларов и своего адвоката, Уильяма Дж. Фэллона. Никки вернулся в Нью-Йорк, где предстал перед судом. Пока мисс Брайс с Фэллоном поджидали его в близлежащем баре, кто-то угнал ее автомобиль, припаркованный у входа. Бармен не проявлял желания помочь, пока ему не сказали, что мисс Брайс покровительствует сам Арнольд Ротштайн. Тогда он поспешил к телефону. Четверть часа спустя машину вернули, и Монк Истмен лично принес Фанни свои извинения. Его ребята не знали, что машина принадлежит «другу А. Р.».

Пропавшие «Либерти бондс» еще долго появлялись в разных местах, в том числе в Англии, в Канаде и на Кубе, где ими расплачивались за нелегальные морские перевозки спиртного. Позднее часть из них всплыла во Франции и Швейцарии при оплате транспортировки наркотиков. Объяснялось все очень просто: Арнольд Ротштайн, положивший начало контрабанде крепких напитков, впоследствии переключился на международные перевозки наркотиков.

Несмотря на большие «достижения», Ротштайн запомнился потомкам прежде всего как человек, который в 1919 году «организовал» результаты мирового чемпионата по бейсболу и чуть не загубил эту игру в зародыше. Сейчас, по прошествии многих лет, невозможно сказать, сколько игроков студенческих команд были подкуплены, сколько бейсбольных, футбольных и баскетбольных матчей были «проданы», сколько бейсболистов намеренно проигрывали. Зато известно, что эту разновидность рэкета ввел в обиход Ротштайн. По иронии судьбы, когда Национальная футбольная лига в конце 60-х годов создавала систему защиты от мошенничества, ее представители обратились за консультацией к человеку, который по общему мнению был преемником Ротштайна, а именно к Джилберту Ли Бекли, больше известному под кличкой «Джил Голова». Насколько полезными оказались его советы, остается тайной НФЛ, однако, пока профессиональные команды принадлежат людям, связанным с миром организованной преступности, Лига будет хвататься за любую помощь.

Во всех видах рэкета (включая спортивные тотализаторы), с которыми связывают имя Ротштайна, он только указывал направление, только открывал глаза на потенциальные источники наживы, превосходящей самые смелые мечты дельцов преступного бизнеса. Не приходилось сомневаться, что другие юные американцы поспешат воспользоваться преимуществами проложенных Ротштайном путей. Америка поистине была Землей Обетованной, и Сухой закон обещал первые баснословные барыши.

2. ВЕЛИКИЙ ШАНС

«Сухой закон был принят 1 января 1920 года. Еще до того, как он вступил в действие, я предсказал, что на бутылке виски можно будет заработать большие деньги. Я умолял всех своих друзей в Питтсбурге и окрестностях заполнить кладовые, где они хранят фрукты, запасами виски и обещал платить им по семьдесят пять центов за бутылку. Я договорился с Пеппино Лонардо (Джозеф Лонардо) из Кливленда, штат Огайо, чтобы он организовал на крупных фермах хранение заказанных мною партий виски. Поскольку Пеппино Лонардо был капо кливлендской Мафии, ни один фермер не мог отказать ему в этой услуге.

По мере проведения в жизнь Сухого закона я обнаружил, что попал в точку: закон спроса и предложения — как и в других подобных случаях — начал действовать, едва спрос превысил предложение. Цена бутылки подскочила до десяти долларов. Как я и рассчитывал, стоимость запасенных мною бутылок составляла теперь сотни тысяч долларов...»

Так — довольно сумбурно — описал начало эпохи Сухого закона Никола Джентиле, объяснив, какой великий шанс появился у него и у всех тех, кто готов был во имя быстрого обогащения преступить «человеческие законы».

Вопреки распространенному мнению, Сухой закон ни для кого не оказался неожиданностью. Созданная в 1869 году в Чикаго Национальная партия за запрещение алкоголя уже в 1876 году потребовала ввести запрет на торговлю спиртными напитками посредством соответствующей поправки к конституции. Через месяц после вступления Соединенных Штатов в войну (1917 год) конгресс запретил продавать спиртное военнослужащим. В декабре 1917 года конгресс представил Восемнадцатую поправку, запрещающую торговлю спиртным, на утверждение штатам, и к январю 1919 года она была ратифицирована необходимым большинством — тридцатью шестью штатами. Закон Волстеда, устанавливавший правовые нормы для проведения в жизнь этого конституционного акта, был принят конгрессом вопреки вето президента Вудро Вильсона. Поправка и закон вступили в силу 16 января 1920 года. Этот же день правительство — конечно, не случайно — выбрало для вручения четырех с лишним миллионов бронзовых медалей в честь победы всем, кто во время войны находился на военной службе.

Принятию запретительных законов способствовал всплеск идеалистических настроений — тут не обошлось без влияния президента Вильсона, мечтавшего о создании мира без войны. По сравнению с этой целью установление «эры разумной трезвости» казалось сущим пустяком.

Если «антиалкогольные силы», воспользовавшись временно овладевшими страной идеалистическими настроениями, преуспели в своей борьбе за введение Сухого закона, то впоследствии, когда настала пора проводить этот закон в жизнь, им пришлось гораздо труднее: чувство долга и высокие цели уступили место стремлению к личному обогащению и прочим радостям жизни. Новая атмосфера не только обратила в фарс мечту Антисалунной лиги [1] о всеобщем добровольном подчинении закону, но и сокрушила надежды Вильсона на поддержку Лиги Наций.

Политические лидеры и законодатели полагали, что американцы — хотят они того или не хотят — будут исполнять новый закон столь же послушно, как они платят налоги. Эффективное проведение закона в жизнь без поддержки общественности было нереально: точно так же сегодня провалится любой закон, направленный на борьбу с наркотиками, если большая часть граждан внезапно решит, что имеет священное право стать наркоманами. Границы страны протяженностью в 18 700 миль предоставляли контрабандистам на выбор множество безопасных сухопутных, морских и воздушных путей для ввоза нелегального товара. Запрет на торговлю спиртным тоже удавалось всячески обходить. Тысячи аптекарей имели право отпускать спиртовые растворы по рецептам врача; фармацевтов и медиков зачастую нетрудно было подкупить или как-то уговорить, а рецепты — подделать или украсть. Производство технического спирта легко превращалось в производство запретного зелья. По-прежнему не возбранялось изготовлять безалкогольное пиво. Но из настоящего пива нетрудно было извлечь спирт — способ обещал стать весьма прибыльным. Наконец, широко распространилось домашнее винокурение. Бедняки гнали самогон еще до «спиртного бунта» [2]. Это было выгодно и не подвластно никакому контролю.

Несмотря на всю свою спорность, Сухой закон мог бы стать «благородным экспериментом» и продержаться несколько лет до постепенной отмены. Даже сейчас никто не рискнет утверждать, что тяга к спиртному столь же неодолима, как половое влечение. Если бы американский народ в 1920 году избрал в правительство самоотверженных и честных политиков, способных создать атмосферу высокой нравственности, все бы, возможно, пошло по-другому. Однако поддавшиеся реакционным настроениям избиратели предпочли Уоррена Гардинга с его «Огайской бандой», а новые власти в своем стремлении к послевоенной «нормализации» жизни вовсю поощряли корыстолюбие и нечистоплотность.

Можно ли было рассчитывать на соблюдение гражданами Сухого закона, если чуть ли не каждый в стране знал, что у президента Гардинга есть собственный бутлегер, Элиас Мортимер, и что спиртное в Белом доме подается так же свободно, как и в знаменитом «Зеленом домике на Кей-стрит», где «Огайская банда» обделывала свои делишки, связанные со спекуляцией виски, нефтепродуктами, оправдательными приговорами, постельным бельем из госпиталей для ветеранов и бог весть чем еще? Хорошо осведомленного обывателя интересовало, что и сколько пьет его президент, а на закон ему было плевать.

---

[1] Организация, выступавшая за введение запрета на продажу алкогольных напитков.

[2] Бунт, вызванный введением правительством акцизного налога на виски (1791).

Когда гражданин получает право решать, какие законы обязательны к исполнению, а какие — нет, он неизбежно начинает пренебрегать любыми законодательными актами, которые, по его мнению, ущемляют право человека быстро обогащаться. «Главное дело страны — бизнес»,— это произносилось с гордостью, а вовсе не в порядке самооправдания.

В атмосфере растущего цинизма и упадка морали стремительно расцветало искусство раздувания сенсаций. Некогда власти Древнего Рима, дабы отвлечь внимание сограждан от царящей в верхах коррупции, развлекали их, демонстрируя, как львы пожирают христиан; американцы, желая убежать от реальности, занимали себя обсуждением «Малыша» Рута, Реда Грейнджа или Джека Демпси [1]. Настало время, которое можно назвать эпохой надувательства; люди верили всему и не верили ничему — за исключением, разумеется, того, что завтра или на следующей неделе Господь ниспошлет удачу и богатство.

Развитие организованной преступности в эпоху Сухого закона прошло через четыре стадии. На первой (вспомним о деятельности Джентиле) спиртное сосредоточилось преимущественно в частных руках. При первой же возможности миллионы галлонов крепких напитков выбрасывались на рынок. Во многих случаях (точнее, во многих тысячах случаев) это делалось законным путем — с помощью так называемого «разрешения на изъятие». Получившие такие разрешения счастливцы изымали спиртное со складов неоплаченных товаров. Формально считалось, что оно будет использовано в лечебных целях. Поскольку владелец виски никаким другим способом продать свои запасы не мог, он, естественно, особо не приглядывался к обладателю официального разрешения, который выкладывал за покупку наличные.

Пожалуй, самым крупным дельцом этого типа был Джордж Римус, известный как «кроткий жулик» и «тихий взяточник». Он родился в Германии в 1873 году и трехлетним ребенком был привезен родителями в Чикаго. В девятнадцать лет необычайно честолюбивый юноша получил специальность фармаколога и, прибавив себе два года, добился разрешения на практику. Работая фармацевтом, Римус параллельно изучал право и вскоре был принят в адвокатуру. Выступая на протяжении последующих двух десятков лет защитником по уголовным делам, он завоевал репутацию прекрасного адвоката. Когда был принят Сухой закон, Римус решил совместить обе свои специальности — фармакологию и правоведение. Выкинув книги по юриспруденции, он перебрался в Цинциннати, географический центр винокуренной промышленности, имея при себе около ста тысяч долларов наличными, и занялся бизнесом, сразу поставив дело на широкую ногу. За два года Римус продал скопившееся на складах виски на сумму в 70 миллионов. В 1924 году, давая показания сенатской комиссии по расследованию, он объяснил, как просто это было сделать:

«Я организовал компании по производству и оптовой продаже медикаментов и получил надлежащие разрешения. Это давало право изымать спиртные напитки с винокуренных заводов и таможенных складов в соответствии с законом Волстеда... Легально полученные разрешения, естественно, позволяли продавать спиртное. Каждая из таких компаний (по производству медикаментов) обошлась мне в сумму от 50 до 325 тысяч долларов».

Столь же легко, по его словам, оказалось купить винокуренные заводы вместе со складами. Римус вспомнил, что в 1924 году владел семью такими заводами, но их вполне могло быть и больше. Со складов спиртное крупными партиями вывозилось по железной дороге.

С частью прибыли Римусу, разумеется, приходилось расставаться. В интересах дела он вынужден был покупать у должностных лиц разрешения на изъятие или, точнее говоря, давать взятки чиновникам; кроме того, он покупал «защиту» местных властей. По собственным подсчетам, Римус истратил на взятки 20 миллионов долларов; с его «помощью» коррупция стала нормой общественной жизни трех штатов: Огайо, Кентукки и Индианы. Разумеется, он не пренебрегал и другими источниками доходов. После проведения «чистки» в Цинциннати в маленьких городишках Кентукки еще несколько десятилетий сохранялись притоны и подпольные игорные дома; многие из них принадлежали Римусу.

На правительственном уровне Римус вел дела непосредственно с «Огайской бандой» в Вашингтоне. Он поддерживал связь с Джессом Смитом, закадычным

[1] Популярные спортсмены 20-х годов.

другом президента Гардинга и генерального прокурора Гарри Догерти. Впоследствии Смит покончил с собой; кое-кто, правда, считает, что его убили ради сохранения репутации Гардинга. Когда вокруг этой истории разгорелся громкий скандал, Римус дал показания против Догерти.

Завоевавший титул «короля бутлегеров», Римус некоторое время жил, как настоящий король, во дворце на берегу реки Огайо. Дом, забитый привезенной из Европы бесценной живописью и предметами искусства, с дверными ручками и арматурой в ванной из чистого золота, обошелся ему в миллион с лишним долларов. В этом дворце на Прайс-хилл Римус поселил свою королеву, Имоджин, и в ее честь закатывал такие приемы, какие не снились и Великому Гэтсби, герою романа Фицджеральда. Однажды хозяин в знак своего расположения подарил всем приглашенным на обед гостям по дорогому автомобилю. К столу подавались, естественно, только лучшие напитки и изысканнейшие блюда; «Долина смерти» — штаб-квартира, откуда Римус руководил операциями по незаконной торговле спиртным за пределами Цинциннати,— казалось, была очень далеко. Однако внезапно с безоблачного неба грянул гром.

Неподкупленные правительственные агенты из других штатов устроили налет на «Долину смерти». Римус был привлечен к уголовной ответственности и в конце концов угодил за решетку. Когда он вышел из тюрьмы, его ждала бумага о разводе. Имоджин влюбилась в следователя, занимавшегося делом мужа. Римус, обожавший жену, в отчаянии поспешил домой и обнаружил, что его дворец разграблен. Имоджин вывезла все ценное, включая дверные ручки. И тогда отчаяние Римуса сменилось яростью.

Он разыскал свою бывшую супругу и, выследив ее машину в цинциннатском Иден-парке, убил Имоджин выстрелом из пистолета. В ходе следствия Римус был признан психически невменяемым и оправдан. Одна из цинциннатских газет так прокомментировала это событие:

Римус выпутался лихо:
Бац! — и превратился в психа.
А простого бедняка
Ждал бы стул наверняка.

Римус женился вторично. Остаток жизни — несколько десятилетий — этот патриарх преступного мира провел в тишине и покое. Изобретенная им система коррупции пережила своего создателя.

Римус был королем бутлегеров, типичным же представителем сотен дельцов, разбогатевших на первой стадии Сухого закона, следует считать Абрахама Ауэрбаха. В Соединенные Штаты он вместе с братом Луисом приехал в 1900 году и в 1906 году добрался до кливлендского Вудленда. Успевшие за это время овладеть парикмахерским ремеслом братья открыли несколько салонов. Дела их шли превосходно. К 1912 году Луис наладил производство укрепляющих средств для волос, а Абрахам купил мебельный магазин и обрел множество друзей среди молодоженов, которым охотно продавал в кредит подержанные кровати и письменные столы.

После введения Сухого закона спирт, на основе которого Луис изготовлял средство для укрепления волос и туалетную воду «Полюби меня, киска», открыл ему и Абрахаму путь к обогащению. В 1922 году, когда была разоблачена первая, но далеко не последняя крупная алкогольная афера, братьев Ауэрбах обвинили в том, что они употребили предназначенный для косметики спирт стоимостью около миллиона долларов на производство крепких напитков. Оба угодили в тюрьму. За решеткой Абрахам не терял времени даром: он выучился писать по-английски, причем так хорошо, что его высокопоставленные друзья уговорили президента Калвина Кулиджа смягчить наказание. Абрахам вернулся в Кливленд, где связался с какими-то контрабандистами и получил срок по обвинению в их убийстве. В тюрьме Ауэрбаха определили на работу в парикмахерскую; через некоторое время он покончил с собой, перерезав горло бритвой.

Подобные истории случались, конечно, не только в штате Огайо. Джекоб Стейн, бывший адвокат из Нью-Йорка, человек, которому довелось сыграть любопытную роль в развитии организованной преступности, пролил свет на некоторые из них. В данных под присягой показаниях он описал свою встречу с Гастоном Б. Минсом, другом и ближайшим сотрудником Уильяма Дж. Бернса, возглавля-

вшего тогда Бюро расследований. Встреча состоялась в Нью-Йорке в ноябре 1922 года. Стейн рассказал следующее:

«По словам Минса, мистер Уильям Дж. Бернс сообщил ему, что в течение ближайших двух дней при министерстве юстиции будет создано Управление по контролю за выполнением Сухого закона, и обещал назначить его, Минса, главой этого управления, что позволит ему изымать спиртное с любых складов и винокуренных заводов страны, меня же Минс попросил по возможности выяснить, какие винокурни хотят от своих запасов избавиться.

Минс утверждал, что цена спиртного составит 200 долларов за баррель и что я буду получать свою долю от владельцев винокурен или любых других лиц, желающих его продать, а эти 200 долларов распределятся следующим образом: 50 — Уильяму Дж. Бернсу, 50 — генеральному прокурору, 50 — Республиканскому комитету по проведению выборов и 50 — ему. Минс также сказал, что ящик будет стоить 20 долларов. Еще он сообщил, что, если покупатели захотят вывозить спиртное со складов или винокуренных заводов на государственном транспорте, им это обойдется по 50 долларов за баррель, а груз будет доставлен куда требуется».

Минс был, конечно, отъявленным лжецом, однако документы свидетельствуют, что Бернс действительно использовал его как посредника и что он был близок к Догерти и даже к президенту Гардингу. Также не приходится сомневаться, что высокопоставленные чиновники и главари «Огайской банды» действительно совершали сделки, подобные той, которую описал Стейн. Минс был близко знаком с Дж. Эдгаром Гувером, в то время заместителем директора Бюро расследований, хотя защитники Гувера задним числом утверждали, будто на самом деле Гувер не любил Минса.

Неудивительно, что при такой активной поддержке властей запасы виски и спирта вскоре истощились. Началась вторая стадия эпохи Сухого закона — производство низкосортных алкогольных напитков на сотнях тысяч маленьких винокуренных заводиков, разбросанных по всей стране.

Производить спиртное было проще простого, и для этого вовсе не требовались крупные начальные капиталовложения. Торговать крепкими напитками тоже было делом нехитрым. Ситуация, однако, требовала от дельцов, обладающих достаточными средствами или реальной силой, умения проникать в нужные районы и «организовывать» там бизнес. Таким умением обладали главы различных мафиозных «семей».

Удобнее всего было действовать по линии этнических общин. Капо, привыкшие ворочать делами в итало-сицилийских гетто, без труда взяли под свой контроль домашнее самогоноварение в поделенных по национальному признаку трущобах больших городов. Самогонщик нуждался в помощи для приобретения сырья, для сбыта продукции, для откупа от полиции. Все это ему могли обеспечить капо.

В некоторых городах, например в Чикаго, началась война между вожаками конкурирующих этнических банд. В Детройте борьбу не на жизнь, а на смерть вели враждующие еврейские банды, в Кливленде же междоусобица разгорелась внутри Мафии.

Одну из нескольких независимых от Мафии чикагских банд возглавлял Джонни Торрио. Прибыв в Чикаго из Бруклина и организовав убийство своего дяди, торговца живым товаром Джима Колосимо, он через пять месяцев после введения в жизнь закона Волстеда стал вожаком влиятельной банды. Продолжая наживаться на проституции и азартных играх, Торрио занялся торговлей пивом и крепкими напитками, используя в качестве базы сеть своих кабаков и борделей. Летом 1920 года он провел ряд совещаний с руководителями других банд, уговаривая их заняться исключительно бутлегерством. Умея трезво оценивать обстановку, Торрио заключал сделки и с честными гражданами, беря под свое попечение принадлежавшие им пивоваренные заводы. Кроме того, он постепенно прибрал к рукам тысячи самостоятельных мелких винокурен.

Взяв под контроль запасы спиртного, Торрио без труда установил партнерские отношения с бандами, которые прежде в основном занимались снабжением розничной торговли. Весь округ Кук, включая Чикаго, был разделен на «территории», и на короткий срок там воцарились мир и благоденствие. Поскольку Торрио был занят более высокими материями, всю работу, требующую применения силы — когда в этом возникала необходимость,— он поручил Аль Капоне.

Аль Капоне говорил: «Когда я торгую спиртным, это называют бутлегерством. Когда же мои клиенты подают его на серебряных подносах в фешенебельных апартаментах, это — гостеприимство». К 1927 году чистый доход этого популярного мафиози по самым скромным подсчетам составлял 60 миллионов долларов в год — в основном за счет торговли спиртными напитками. В 1931 году он был арестован за неуплату налогов. Капоне сфотографирован в поезде на пути в тюрьму.

«Меченый Аль», толстый коротышка, родился в 1899 году в Бруклине, Нью-Йорк. В школе на Адамс-стрит с ним учился парень, впоследствии приобретший дурную славу под именем «Счастливчика» Лучано. Капоне, кстати, считал его своим троюродным братом. Оба подростка попали под влияние Торрио, который был старше Капоне на семнадцать лет. Перебравшись по приглашению дяди в Чикаго, Торрио сохранил нью-йоркские связи и, когда ему понадобился надежный исполнитель, послал за Капоне. Аль, подозреваемый в совершении в Бруклине убийства, охотно ухватился за возможность уехать на Запад. Торрио поначалу определил его вышибалой в публичный дом, а затем «повысил в должности», сделав своим заместителем по «силовому давлению».

Капоне всячески подражал новому итальянскому кумиру — Бенито Муссолини. Он обожал красивую жизнь: женщины, хорошая еда, напитки, бриллианты, шелковое белье... Был неравнодушен к лести и щедро одаривал льстецов. Но если кто-нибудь становился ему поперек дороги, впадал в безудержную ярость и, говорят, разбил бейсбольной битой головы нескольким своим дружкам, которых заподозрил в предательстве.

Торрио, предпочитавший укреплять свою власть, оставаясь при этом в тени, нуждался в таком «боевике». Умение действовать ценилось больше способности разрабатывать планы, а для управления «войсками» необходимо было держать их в страхе и уважении. В период расцвета своего могущества Торрио командовал — при посредничестве Капоне — семью с лишним сотнями гангстеров, 95% из которых родились за пределами Америки; «армия» состояла из шестисот тридцати итало-сицилийцев, семидесяти пяти евреев и тридцати семи ирландцев. Несмотря на малочисленность евреев и ирландцев, многие из них — например, Джейк «Жирный Палец» Гузик и Муррей «Верблюд» Хамфрис — входили в руководство банды; возможно, именно поэтому для поддержания дисциплины среди рядовых членов Торрио понадобился такой человек, как Капоне.

Самым ярким примером дипломатических игр, которые вел Торрио, опираясь на насаждаемый Капоне террор, пожалуй, может служить завоевание Сисеро, западного предместья Чикаго, в действительности являвшегося пятым по величине городом в Иллинойсе. В конце 1923 года, совершив ряд ходов на своей шахматной доске, Торрио вынудил главарей преступных банд Вест-сайда — братьев О'Доннел, Майлса и Клондайка,— заключить с ним мирный договор. Сделка, разумеется, совершилась с согласия городских властей в лице дружественного политика Эдди Фогеля, который попутно «опекал» владельцев игральных автоматов.

Фогель держал в руках правительство города, официально возглавлявшееся мэром Джозефом З. Кленхой. В начале 1924 года, когда власть Кленхи оказалась под угрозой в связи с выборами, Капоне мобилизовал свои «войска» и двинулся с ними в город, дабы принудить горожан проголосовать за республиканцев. Дело дошло до настоящих сражений. С некоторым опозданием в Сисеро была направлена чикагская полиция, предпринявшая тщетные попытки защитить демократию. В одной из схваток полицейскими был убит Фрэнк Капоне, брат «Меченого». Тем не менее результаты голосования оказались неутешительными для добропорядочных горожан. Кленха с помощью гангстеров одержал сокрушительную победу, и Сисеро еще целых сорок лет оставался «твердыней Синдиката». Каждая очередная республиканская администрация старалась всячески приукрасить облик города: власти

кичились тем, что Сисеро якобы «самый освещенный» город в стране, и следили, чтобы «респектабельные» увеселительные заведения закрывались достаточно рано — дабы посещавшие их честные работяги убирались с улиц до открытия принадлежащих Синдикату ночных притонов. Сисеро со своими широкими улицами и парками внешне не отличался от любого другого американского города, однако распоряжались в нем преемники Капоне.

В отличие от Сисеро, в северном районе Чикаго (Норт-сайде) — на «территории» ирландского гангстера Дайона О'Бэньона — дела шли плохо. О'Бэньон пожаловался Торрио, что шесть братьев Генна наводнили его владения низкосортным виски домашнего изготовления, который продают вдвое дешевле, чем О'Бэньон свой гораздо более качественный товар. Братья Генна были сицилийцами — заносчивыми, невежественными, вероломными и очень религиозными; они исправно посещали церковь и вместе с пистолетом носили в кармане четки. Виски для них гнали из кукурузного солода сотни мелких производителей в районе доходных домов вблизи Тейлор-стрит в западной части города. Месячная выручка от продажи достигала 350 тысяч долларов; весь цикл операций контролировал Торрио. Поэтому к жалобам О'Бэньона никто не прислушался, и ирландец решил действовать на свой страх и риск. Он угнал и ограбил принадлежащий братьям Генна грузовик. Только вмешательство Майка Мерло, уважаемого чикагского капо, заставило братьев отказаться от немедленного объявления войны. Мерло был одним из тех немногих главарей Мафии, кто придавал больше значения соблюдению кодекса чести Почетного общества, нежели традиции кровавого террора. Преемником Мерло после его смерти 8 ноября 1924 года стал Анджело Генна. Два дня спустя О'Бэньон, предложивший «поганым сицилийцам» убираться к чертовой матери, был убит в своей цветочной лавке.

Организованное Торрио содружество стало распадаться. В начале 1925 года сам он был ранен вооруженными бандитами, действовавшими по приказу Хайми Вайса (Вайцеховского), нового «хозяина» Норт-сайда, сменившего О'Бэньона. «Чикаго недостаточно цивилизованный город»,— решил Торрио, после больницы проведший несколько месяцев в безопасном убежище — тюрьме округа Лейк, куда попал по какому-то пустяковому обвинению. Еще находясь в тюрьме, он формально передал власть над своей империей Аль Капоне. Выйдя на свободу, Торрио покинул опостылевший ему Чикаго и, опасаясь преследования, совершил долгое путешествие по Тихоокеанскому побережью. К тому времени его состояние оценивалось в 30 миллионов долларов, однако деньги как таковые никогда не приносили Торрио удовлетворения. Ему нужна была сильная власть. Вернувшись в Нью-Йорк — свое первое пристанище,— он связался с людьми близких ему взглядов и вместе с ними занялся созданием общенационального содружества региональных «сообществ».

По иронии судьбы слава подручного Торрио затмила славу босса. Капоне действительно был очень яркой личностью, человеком крайне вспыльчивым и самовлюбленным. Тщеславие заставляло «Меченого» искать известности. Чикагская пресса всячески ему способствовала — газеты с материалами о Капоне шли нарасхват. Однако без организации, которую Торрио кропотливо сколачивал на протяжении пятнадцати лет, Капоне остался бы всего лишь заурядным бандитом. Его попытки добиться силой того, чего Торрио не сумел достичь с помощью здравого смысла, были заведомо обречены на провал. Правда, в результате «деятельности» Капоне погибло множество людей — некоторые от его собственной руки,— и благодаря несметному количеству трупов на своем пути Капоне еще при жизни стал героем легенд. В лучшие времена он контролировал лишь несколько провинциальных городов и не более четверти территории Чикаго и тем не менее завоевал репутацию самого могучего зверя в этих своеобразных джунглях. Учитывая общенациональную известность Аль Капоне, Мафия сделала исключение и, изменив правила приема, допустила его — несицилийца — в свои ряды. Однако чикагским капо он не стал, и унаследованная им от Торрио организация так и осталась «свободным сообществом». Таковым Чикагский синдикат является и по сей день, а совершавшиеся внутри него не один десяток лет убийства только подтверждают отсутствие единовластия. Кровопролития, как известно, прекращаются, едва одна банда подчиняет себе другие, в среде же соперничающих гангстеров жестокие расправы неизбежны.

В Чикаго главари самостоятельных банд жили как феодальные князья: каждый единолично правил на своей территории и всячески старался расширить владения за счет других. Благодаря блестящему уму Торрио, Капоне некоторое время был самым могущественным из них, и тем не менее ему не удалось одолеть весьма заурядного гангстера по имена Багс Моран. Попытки устранить Морана привели к «бойне в день Святого Валентина», после которой репутация Капоне еще больше упрочилась. В этот печально известный день в гараж при штаб-квартире Морана вошли пятеро. Обезоружив семерых находившихся там мужчин, они поставили их к стенке и расстреляли из автоматов, однако Морана среди них не было. В последнюю минуту, уже приближаясь к западне, он смекнул, что дело нечисто, и повернул обратно. Нанятые Капоне убийцы, считая, что поймали Морана, прикончили людей, которые, если и не были совсем уж безвинны, наверняка не представляли для босса серьезной опасности. Капоне тем временем сидел в конторе юрисконсульта округа Дейд в солнечном Майами — превосходное алиби! По воле судьбы Моран намного пережил «Меченого» и умер от рака легких.

Возможно, Чикаго просто оказался слишком большим городом, чтобы хозяином в нем мог стать один человек или одна организация. Нью-Йорк же был еще больше, и проблема, соответственно, сложнее. Наряду с пятью мафиозными «семьями» там существовали этнические банды, представлявшие все сколько-нибудь значительные национальные меньшинства: евреев, ирландцев, китайцев, сирийцев, греков, поляков, негров и других. Обычным явлением была не только внутренняя борьба за власть, но и войны между бандами. Территория была столь велика, столь богата и многолюдна, что среди нью-йоркских гангстеров распространилось не лишенное оснований мнение, будто всего хватает на всех. Первое время никто даже не пытался навести в этом хаосе порядок. Понятно, что на той стадии и у Торрио возможности были ограниченны и в силовой поддержке таких людей, как Капоне, он не нуждался.

Так продолжалось до тех пор, пока Арнольд Ротштайн не обратился за помощью к налетчику «Краснобаю» Даймонду — тут-то и началось движение к централизации.

Ирландец Джон Т. Ноланд (настоящее имя Даймонда), человек без предрассудков, в 1919 году начал работать у Ротштайна боевиком, а в 1921-м организовал финансируемую и опекаемую тем же Ротштайном банду, похищавшую спиртное, меха, наркотики и вообще все, что плохо лежало, у тысяч мелких разрозненных предпринимателей, не имевших материальных средств для личной защиты. Дела Даймонда шли настолько успешно, что к нему в банду вступили такие люди, как Чарльз Лучано, впоследствии прославившийся под именем «Счастливчика» Лучано, и Артур Флегенхаймер, более известный как «Немец Шульц».

Действие порождает противодействие, и налеты Даймонда открыли дорогу еще одной яркой личности — человеку, которому предстояло сделать для рождавшейся в муках организованной преступности больше чем кому-либо: он превратил ее в сложную и эффективную систему. Человеком этим был Мейер Лански, квалифицированный автомеханик и друг Лучано; вместе с Багси Сигелом он основал организацию, получившую известность под названием «Банда Багса и Мейера». Возникнув как фирма по прокату автомобилей, она постепенно превратилась в отборную команду боевиков, за деньги охранявших транспорты спиртных напитков или — за особую плату — грабивших конкурентов. Эта группа стала предшественницей «Акционерного общества убийств» («Мёрдер инкорпорейтед»).

В 1971 году, отсиживаясь в Израиле и вспоминая дни своей молодости, Лански заявил, что «Банда Багса и Мейера» была всего лишь группой еврейских парней, которую он организовал для защиты других молодых евреев от жестоких ирландских банд. Опасаясь выдворения из Израиля, он всеми возможными способами старался доказать свою преданность еврейскому народу. На самом деле Лански поистине гениально умел наводить мосты между разными этническими группировками. Его дружба со «Счастливчиком» Лучано имела чрезвычайно большое значение для развития организованной преступности. Не менее важным было его сотрудничество с Полом «Официантом» Риккой, занявшим место Торрио — Капоне в Чикаго, с Джо Массеи и Питером Ликаволи в Детройте, с Фрэнком Милано и «Большим Элом» Полицци в Кливленде. Лански также поддерживал добрые отношения с ирландцами, о чем свидетельствует их совместная «работа» в нью-йоркских доках, и водил дружбу с такими людьми, как Томас Макгинти и Сэм

Гарфилд. Сигел и Лански были отличной парой. Сигел был выше своего друга и на несколько лет моложе. Красивый, агрессивный, неугомонный, он обожал быть в центре внимания, тогда как Лански предпочитал пребывать в тени. В течение многих лет Багси выполнял приказания Мейера; лишь однажды он попробовал поступить по-своему и нажил крупные неприятности: Синдикат обвинил его в неповиновении. Напоминанием о Сигеле остались отель и казино «Фламинго» в Лас-Вегасе.

Продолжим, однако, наш рассказ.

Развернувшаяся в 1924 году в Нью-Йорке контрабанда спиртных напитков ознаменовала начало третьей стадии эпохи Сухого закона. Хотя контролируемое Мафией производство низкосортного виски на тысячах винокурен продолжалось, оно перестало быть главным источником наживы и гарантом политического влияния. Ротштайн отказал Даймонду в поддержке, и банда последнего распалась, но сам «Краснобай» пережил своего покровителя почти на три года. Бандит из бандитов, он охотно применял силу, когда дело касалось собственных интересов. И невольно сыграл роль свирепого волка, страх перед которым заставляет овец дружно искать защиты у пастуха.

В Кливленде тем временем производство самогона сосредоточилось в Вудленде, где попало в руки братьев Лонардо. «Большой Джо» Лонардо, толстяк, весивший больше трехсот фунтов, приехал в Кливленд примерно в 1900 году и открыл там магазин. Вскоре к нему присоединились его братья, Джон и Фрэнк; к моменту введения Сухого закона братья Лонардо были чуть ли не самыми преуспевающими и влиятельными фигурами в итальянском гетто. Свой новый бизнес они начали с того, что взяли под контроль основное сырье для самогоноварения — кукурузный солод, а вскоре совершили следующий, логически оправданный шаг: создали «брокерскую фирму».

Братья Лонардо снабжали дешевым оборудованием и сырьем тысячи живущих в трущобах Вудленда итало-сицилийцев. Те изготовляли низкосортное спиртное и поставляли его своим благодетелям для продажи. За труды и предоставление помещений под самогонные установки обитатели Вудленда получали комиссионные в виде процента от прибыли. Это во многом напоминало прежние времена, когда они кое-как перебивались, работая издольщиками на каменистых полях родной Сицилии, однако теперь работать стало гораздо легче.

Лонардо начали безудержно богатеть; при этом росла их популярность среди тысяч свежеиспеченных горожан, видевших в братьях своих покровителей — «крестных отцов». К несчастью для них, это вызвало естественную зависть других, наиболее агрессивных членов Почетного общества, которые полагали, что «человеческий закон» позволяет им убрать своего капо, Джо Лонардо, и наложить руку на его доходы.

Отравленную доступностью легкой наживы Мафию раздирала внутренняя борьба, необычно яростная даже для этой организации, живущей по закону вендетты. Никола Джентиле, старый «миротворец», с присущей ему прозорливостью предусмотрел развитие событий, которые в конечном итоге должны были завершиться гражданской войной по всей стране.

Энергично запасая спиртное в канун введения Сухого закона, Джентиле перенапрягся, и врач кливлендской Мафии прописал ему полный покой. Когда в Нью-Йорке стало известно, что Никола лежит в больнице, все, недолго думая, решили, что он ранен. Его друг Умберто Валенте поспешил к одру «раненого», желая помочь ему разработать детальный план вендетты.

«Поняв, что ошибся в своих предположениях,— рассказывал Джентиле,— Валенте забеспокоился, как бы кто-нибудь не воспользовался моей болезнью, чтобы преподнести мне неприятный сюрприз».

Джентиле решил «еще немного отдохнуть в тишине и покое на Сицилии», где в свой предыдущий приезд женился и стал отцом. Но и на родной земле ему — увы! — не суждено было обрести покой. Некий итало-американец по имени Франческо Ла Палья, будучи тяжело ранен, перед смертью назвал его своим убийцей. У прибывшей на родину знаменитости «хватило ума немедленно спрятаться».

Джентиле в его тайном убежище посетила прибывшая из Америки делегация, возглавляемая Умберто Валенте. В числе визитеров был Пидду «Рука Загребущая» Морелло, которого незадолго перед тем сменил на посту capo di capi te Тото

Д'Акилья. Причина переизбрания Морелло казалась вполне обоснованной: он был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения. Д'Акилья, естественно, стремился упрочить свое новое положение — он не мог чувствовать себя в безопасности, пока Пидду был жив и на свободе. Как-никак суды Соединенных Штатов свято чтили такие абстрактные понятия, как справедливость и доказанность вины, так что всякое могло случиться. Поэтому Морелло и его ближайшие друзья были приговорены своими сподвижниками к смерти.

Валенте, считавшийся законным преемником Морелло, числился первым в списке приговоренных. Он пользовался репутацией человека опасного и неуловимого. «Благодаря своей жестокости и умению заметать следы, он получил кличку Lo Spirito (Призрак)»,— рассказывал Джентиле.

Гангстеры надеялись, что Никола обладает достаточным влиянием, чтобы сформировать комитет, имеющий право созвать всеамериканскую генеральную ассамблею Мафии и отменить вынесенный Морелло смертный приговор. Мафия, хотя и полагалась главным образом на силу и террор, по-прежнему — если отказывали иные средства — приводила в действие свой традиционный механизм. Джентиле пообещал делегации выполнить ее просьбу после того, как уладит личные дела. Спустя шесть месяцев он тайно пробрался в Бостон, но агенты Д'Акильи вскоре напали на его след. По законам Мафии, Джентиле автоматически продолжал оставаться под защитой сицилийской «семьи», в которую «перевелся» из питтсбургской, когда вернулся на родину. Однако в Штатах рассчитывать на эту защиту не приходилось, и Джентиле было просто необходимо вступить в могущественную американскую организацию. Свой выбор он остановил на бруклинской «семье», возглавляемой Николасом Скирио, с которым издавна поддерживал добрые отношения; к тому же бруклинский капо в конфликте Д'Акильи и Морелло сохранял нейтралитет. Джентиле получил из Сицилии необходимое nulla osta (разрешение) и «таким образом обрел душевный покой, ибо теперь мне никто ничего не мог сделать».

Приобретя официальное положение, Джентиле тайно встретился в Бостоне с Валенте, обсудил с ним планы создания комитета, а затем отправился в Кливленд. Джо Лонардо, капо, принял его с должными почестями и «повез в свой новый дом, на строительство которого угрохал около 120 тысяч долларов. Один из роскошных апартаментов этого дворца Лонардо предназначил мне. Спустя несколько дней он взял меня в свой магазин, где продавал кукурузный солод, из которого бутлегеры гнали спирт. Короче, он торговал всем необходимым для производства самогона».

Хотя успехи Лонардо и произвели на Джентиле большое впечатление, он понял, что «Большой Джо» «находится под сатанинским влиянием Тото Д'Акильи и готов боготворить своего capo di capi re». Лонардо пробовал склонить Джентиле изменить отношение к Д'Акилье и сделал ему подарок: банковский счет на сумму 75 тысяч долларов. Джентиле предупредил Лонардо, чтобы тот особенно не хвастался своими успехами, так как Д'Акилья содержит целую армию тайных агентов, готовых уничтожить любого капо, который, приобретя богатство и популярность, может стать его потенциальным конкурентом. В конце концов Джентиле отчаялся и отказался от попыток уговорить Лонардо помочь ему в создании комитета.

Позднее он напишет: «Необходимо было обратить общее внимание на то, что Лонардо не только невежда, но еще и тугодум. Мафия в большинстве своем состояла из таких людей: в родных городах они считались важными шишками, в Нью-Йорке же и, соответственно, на ассамблее ровным счетом ничего не решали».

Сальваторе Кальдароне, питтсбургский капо, готов был посодействовать отмене вынесенного Морелло смертного приговора, однако рекомендовал Джентиле не вступать в открытую борьбу с Д'Акильей без гарантии победы. Последовав совету Кальдароне, Джентиле поехал в Чикаго, чтобы заручиться поддержкой Майка Мерло-младшего, уважаемого капо этого города. Под началом у Мерло была «сотня отборных парней, поэтому его боялись и он мог навязывать другим свою волю». Но Мерло в это время «отправился в Италию поразвлечься». По возвращении он, по словам Джентиле, был застрелен «в одном из уголков Чикаго, известном под названием "Закоулок смерти"».

«Я сообщил Валенте о провале своей дипломатической миссии и посоветовал ему держаться подальше от Кливленда»,— писал Джентиле впоследствии.

Борьба внутри Мафии продолжалась. Д'Акилья вскоре был убит людьми

Валенте — Джентиле, руководимыми Джо «Боссом» Массериа. Почва для всеобщей гражданской войны была подготовлена.

Тем временем у «Большого Джо» Лонардс и его братьев в Кливленде появились соперники в лице семи братьев Порелло, которые постепенно ценой больших усилий прибрали к рукам производство и продажу самогона. 13 октября 1927 года «Большой Джо» принял приглашение братьев Порелло зайти к ним для деловой беседы и был застрелен в подсобке принадлежащей Порелло парикмахерской. На свою беду, он отправился на эту встречу без телохранителей, поскольку двое из его «наемных дружков», как их окрестили в прессе, были схвачены полицией по подозрению в убийстве. Братья «Большого Джо» также вскоре были убиты. Порелло одержали победу. Джо Порелло назначил сам себя кливлендским капо; для утверждения его в этом звании 5 декабря 1928 года в гостинице «Статлер» собрался верховный совет Мафии. Кто-то предупредил полицию, и она совершила налет на гостиницу. Двадцать три человека были арестованы; им приказали убраться из города и больше туда не возвращаться. Это было первое в Америке официальное собрание Мафии, о котором стало известно полиции; как и ряд последующих, оно завершилось провалом.

Поскольку самогон к тому времени стал совсем никудышным, увеличился спрос на высококачественное спиртное. Когда потребность в нем была удовлетворена, контролируемые Мафией самогонщики потеряли бóльшую часть покупателей. Контрабандный ввоз алкогольных напитков, характерный для третьей стадии эпохи Сухого закона, требовал нового типа мышления, международных кредитов и согласованных действий — такое могло быть под силу лишь крупной преступной организации. В Кливленде на смену банде братьев Порелло пришла новая — так называемая «Банда Мейфилд-роуд»; ей удалось выжить благодаря сотрудничеству с бутлегерами из развивающегося Кливлендского синдиката. В Нью-Йорке новые главари Мафии заключили деловой союз с «Сообществом», которому вскоре предстояло стать Восточным синдикатом.

Мафия упустила великий шанс занять господствующее положение в мире организованной преступности, однако перед ее членами, пожелавшими забыть свое прошлое во имя будущего, замаячили не менее широкие перспективы.

3. ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ

Арнольд «Голова» Ротштайн сказал однажды какому-то репортеру: «Хотите знать, как я делаю деньги? На каждого умного рождается два миллиона дураков. Вот вам ответ».

Характерная для третьей стадии эпохи Сухого закона контрабанда спиртного, зародившись в Нью-Йорке, быстро распространилась по всей стране в силу двух основных причин. В таком огромном городе, как Нью-Йорк, спрос на спиртное невозможно было удовлетворить путем незаконной продажи местных запасов и самогоноварения в домашних условиях, а Ротштайн «работал» в Нью-Йорке. В значительной степени благодаря ему первые три стадии Сухого закона совпали во времени, хотя постепенно, по мере организации синдикатов, контрабанда перестала быть главным источником настоящего виски.

Транспортировкой горячительных напитков начал заниматься «Большой Макси» Гринберг из Детройта. Почти сразу же после принятия Сухого закона он стал ввозить спиртное через озеро Эри, однако для развития этого бизнеса ему не хватало средств, и он обратился за помощью к своему старому приятелю Уокси Гордону (Ирвинг Векслер). У Гордона наличных тоже не оказалось, но он знал человека, имевшего деньги и падкого на идеи, сулящие большие доходы. Этим человеком был Ротштайн, на которого Уокси работал до введения Сухого закона — в основном в качестве штрейкбрехера на предприятиях швейной промышленности, где «Голова» первым занялся рэкетом в среде рабочих.

Встреча произошла на скамейке Центрального парка осенним днем 1920 года. Ротштайн обдумал идею и тут же ее усовершенствовал — Гринберг о таком и не мечтал. Не лучше ли, решил «Голова», вместо Канады закупать спиртное в Англии, где его гораздо больше?

Почему бы и нет? Гринберг без колебаний покинул озеро Эри и связался с делающей первые шаги детройтской «Грязной бандой» и Кливлендским

Фрэнк Костелло в 1915 году отсидел за ношение оружия. В тюрьме ему не понравилось, и поэтому он решил стать важной шишкой — «белым воротничком» в преступной среде, а не «шестеркой» с пистолетом.

синдикатом. Взяв у Ротштайна взаймы 175 тысяч долларов, он перебазировал весь свой транспорт и склады в окрестности Детройта. (Уокси Гордон выговорил для себя небольшую долю в деле, что позволило ему со временем стать независимым и безжалостным конкурентом «Немца Шульца».) Постепенно склады в Нассо заполнились ящиками с виски, доставляемыми морским путем из Англии; там дожидались переброски в Штаты. Спиртное скапливалось на побережье «далеких островов», и Багамы начали процветать — впервые после поражения Юга в Гражданской войне, завершившего одну из эпох контрабандного бизнеса.

Тем временем европейский агент Ротштайна Гарри Матер закупил в Англии 20 тысяч ящиков шотландского виски и нашел корабль для его перевозки. Ротштайн приобрел целую флотилию быстроходных катеров; каждый брал на борт до тысячи ящиков. Выгрузили спиртное на Лонг-Айленде, где у Ротштайна, имевшего там игорный дом, были налажены дружеские отношения с полицией и береговой охраной. Все прошло по задуманному плану. Охранники помогли разгрузить катера, а мотоциклетный полицейский эскорт сопроводил ящики на склад, снятый Ротштайном в Лонг-Айленд-сити.

Таким способом спиртное перебрасывалось еще одиннадцать раз, а затем Ротштайн, решив, что одному человеку за всем сразу не уследить, сосредоточился исключительно на контрабанде наркотиков и бриллиантов. Гордон же и Гринберг продолжали заниматься бутлегерством; к ним присоединились Уильям «Большой Билл» Дуайер, Фрэнк Костелло, Оуни Мэдден и другие. Ротштайн приспособил «Краснобая» Даймонда для ограбления чужих транспортов спиртного, однако и это бросил, едва начали вырисовываться контуры будущей организации. Игрок по натуре, Ротштайн не злоупотреблял везением. Да и зачем было ловить судьбу за хвост, когда перед умным человеком открывалось столько широких путей к обогащению?

Однако, сколь бы тщательно игрок ни просчитывал наперед ходы, в каждой игре остается элемент случайности, способный все испортить. Не повезло и Арнольду Ротштайну: 4 ноября 1928 года в одиннадцатом часу вечера его нашли с пулей в животе у служебного входа нью-йоркской гостиницы «Сентрал-парк». Два дня спустя он умер. Судьба сыграла с ним злую шутку: проживи Ротштайн на день больше, он бы выиграл 570 тысяч долларов, поскольку в предвыборной кампании сделал ставку на Герберта Гувера, баллотировавшегося в президенты, и на Франклина Д. Рузвельта, кандидата на пост губернатора Нью-Йорка. Убийство осталось нераскрытым.

В 1925 году гангстеры — по крайней мере, на некоторое время — лишились политической поддержки властей. Неожиданная смерть президента Гардинга 3 августа 1923 года послужила прелюдией к скандалу. Демократы, предвидя грядущие изменения и намереваясь оплатить некоторые политические долги, рьяно занялись разоблачением деятельности «Огайской банды». Притчей во языцех стали, в частности, Джекоб Стейн и Гастон Б. Минс. Скандал долго не затихал, и официальные блюстители законности сочли за лучшее подождать и посмотреть, не приведут ли «шум и ярость» к каким-нибудь реальным реформам. Дж. Эдгар Гувер получил повышение и из заместителя директора Бюро расследований превратился в директора. При президентах Кулидже и Гувере Бюро продолжало защищать интересы республиканской администрации, как и раньше стремившейся к максимально быстрому обогащению. Правда, в связи с разными скандальными историями сотрудникам Бюро посоветовали умерить свою общественную активность.

Одной из жертв мира, пронизанного преступностью и коррупцией, был Фрэнк Костелло (настоящее имя Франческо Кастилья). Он родился в 1891 году в итальянской деревушке Ларопола; четыре года спустя его отец-фермер перевез семью в Нью-Йорк, где вложил свои сбережения в бакалейную лавочку. По прошествии многих лет Костелло жаловался, что «рос, как сорняк»,— такими тяжелыми были условия жизни в гетто. Бросив в возрасте четырнадцати лет школу, он продавал газеты, служил рассыльным, промышлял игрой в кости и наконец, проболтавшись так три года, нанялся палубным матросом на корабль, курсировавший с грузом бананов по Карибскому морю. Тропики, однако, Фрэнку не понравились, и через два года он вернулся к прежнему прозябанию в Нью-Йорке. Ничего не изменилось, если не считать того, что Костелло женился, попал на учет в полицию и завязал деловые отношения с рядом известных лиц, среди которых был Джо Дото (предпочитавший, чтобы его называли Джо Адонисом, а близкие друзья — «Джо А.»). Адонис возглавлял «Бродвейскую банду», занимавшуюся нелегальным ввозом спиртного. Осенью 1925 года Костелло было предъявлено обвинение в контрабанде спиртных напитков, но он сумел избежать наказания, проявив недюжинную сообразительность, за что и получил впоследствии кличку «Политик».

Фрэнка никогда особенно не заботил установленный за ним полицейский надзор. Его супруга со временем «купила» мужу покровителей из Внутреннего налогового управления, однако своим «взлетом» Костелло был обязан связям с такими людьми, как Адонис.

Вокруг «Бродвейской банды» Адониса начали вертеться гангстеры всех мастей. Большинство из них в конце концов «определились» и вошли в более крупную организацию.

Одной из таких организаций была «Банда Багса и Мейера» — шайка вооруженных людей, охотно поставлявшая как легковые автомобили и грузовики, так и опытных водителей и квалифицированных убийц всякому, кто соглашался платить. Лански, Сигелу, командовавшему боевиками, да и непосредственным исполнителям было безразлично, какая перед ними ставилась задача: обеспечить охрану транспорта спиртных напитков или его ограбить. Когда «Бродвейской банде» требовались дополнительные силы для крупных операций, нанимались молодчики из «Банды Багса и Мейера». Адонису, Костелло и остальным понадобилось всего три месяца и два дня, чтобы убедиться: установить партнерские отношения с Лански и Сигелом выгоднее, чем платить им гонорары. Лански же, войдя в организацию, начал быстро продвигаться к ее вершине. Первое, что он для этого сделал,— завел дружбу со «Счастливчиком» Лучано.

«Счастливчик» в то время не очень высоко котировался в преступном мире, но в Мафии явно набирал силу. Объявив себя «молодым американцем», он заключил союз с Лански, задавшись целью отнять власть у «усачей» любого этнического происхождения. Мафию, как обычно, раздирали внутренние противоречия, и Лучано, поддерживаемый боевиками из «Банды Багса и Мейера», только ждал удобного случая, чтобы осуществить задуманное. В своих планах «Счастливчик» отводил важное место Лански; впрочем, желание укрепить союз было обоюдным. «Бродвейская банда» нуждалась в мире и стабильности, и Лански мог помочь ей в этом, предложив не только свою дружбу, но и людей, умеющих применять силу.

Немаловажную роль в становлении организации сыграл Синдикат Райнфельдов. Райнфельды прибыли в Соединенные Штаты в канун 1910 года и работали барменами и портными до тех пор, пока введение Сухого закона не подарило и им «великий шанс». Вместе с живущими в Канаде братьями Бронфман они быстро наладили безотказную систему ввоза контрабанды. Перебрасывать в Штаты закупленные в Канаде спиртные напитки запрещалось законом, поэтому товар отправляли на французские острова Сен-Пьер и Микелон в заливе Св. Лаврентия. Оттуда груз «реэкспортировали» якобы в различные пункты назначения, а на самом деле — в «спиртные ряды» вблизи Бостона, Нью-Йорка и других городов Восточного побережья. Французов это не волновало. «Спиртные ряды» находились в трех—двенадцати милях от тех мест, на которые распространялась юрисдикция Соединенных Штатов. Ввозить в эти пункты горячительные напитки официально было разрешено. Сухой закон не нарушался, пока спиртное не попадало в американские территориальные воды. Суда становились на якорь неподалеку от «спиртных рядов», и доставленный ими товар легально продавался бутлегерам, которые

погружали его на быстроходные катера и отправляли на какой-нибудь безлюдный берег, в маленькую бухту или — при наличии надежных гарантий — прямо в док. Там уже поджидали грузовики; из них формировались колонны, и ценный груз под охраной перевозили на склады, откуда спиртное продавалось для последующей торговли в розницу — вероятно, после неоднократной предварительной «обработки» с целью увеличения количества за счет качества.

«Бродвейская банда» покупала привозимое Синдикатом Райнфельдов спиртное, и со временем две эти организации слились. Абнер «Верзила» Цвиллман, начинавший как водитель грузовика в Нью-Джерси, постепенно приобрел большой вес в Синдикате, а затем и в укрупненной организации. При поддержке Лански он стал самой влиятельной персоной в Нью-Джерси, предварительно разделавшись с упорно защищавшими свою независимость Уокси Гордоном и «Немцем Шульцем». Но этому еще предстояло произойти.

«Бродвейская банда» не только приобретала славившийся своим высоким качеством товар у таких оптовиков, как Синдикат Райнфельдов и «Банда Билла и Маккоя», но и сама занималась ввозом спиртного. Лански в роли «коммивояжера» курсировал между Багамскими островами и Канадой, заглядывая в портовые города: Майами, Саванну, Филадельфию, Бостон, Кливленд и Детройт. Храня верность идеям сотрудничества, которые с ним разделял «Счастливчик», Лански завербовал немало смекалистых парней и установил продержавшиеся десятилетиями связи с такими людьми, как Ниг Розен в Филадельфии, Джо Линсей в Бостоне, Мо Далиц в Кливленде, Джо Массеи в Детройте, Идди Блюм в Миннеаполисе и Сан-Поле. Дружба с ними не только помогла самому Лански добиться власти, но и способствовала рождению в будущем общенационального синдиката.

Схема, по которой развивались события, повсюду была примерно одинаковой. Смышленая и голодная молодежь, в большинстве своем американцы в первом поколении, восстала против стариков и потребовала модернизации преступного бизнеса. Не всем удалось добиться успеха. Особенно не повезло, пожалуй, детройтской «Грязной банде»; спустя некоторое время она распалась, хотя название пережило ее на несколько десятков лет.

«Грязная банда» возникла еще до Сухого закона — тогда это была шайка юных хулиганов, грабивших лавки в еврейском гетто в деловой части Детройта. Возмущенные тем, что молодежь обкрадывала и лишала покоя своих соплеменников, лавочники окрестили бандитов «грязными». Название прижилось.

Входившие в банду головорезы в начале 20-х годов закалились в «войне» между профсоюзами работников прачечных и красилен и хозяевами. Владельцы различных компаний нанимали бандитов, чтобы те «убеждали» рабочих не вступать в профсоюзы, пытавшиеся в тот период навести порядок в промышленности. Одним из «работодателей» был Мо Далиц, который вместе со своим братом Луисом открыл чуть ли не первую прачечную в Детройте. Далиц постоянно пользовался услугами «Грязной банды». Со временем она была вовлечена в нелегальную торговлю спиртным, в частности, занялась контрабандным ввозом. На свою беду, некоторые из самых юных членов банды проявляли излишнюю горячность, и Далиц — «старик» в свои двадцать с небольшим лет — не сумел уберечь их от неприятностей. У «грязных» появились соперники — шайка контрабандистов «Малый еврейский флот». Обе стороны пользовались услугами «наемников», в основном молодых итало-американцев из других городов; «Грязная банда», например, завербовала братьев Ликаволи, Томаса и Питера, из Сент-Луиса. Между бандами началась война наподобие гангстерских войн в Чикаго. После резни в доходном доме «Милафлорес» в 1926 году Мо Далиц порвал с «грязными» и переехал в Акрон, штат Огайо.

«Грязные» продолжали свою шумную кровавую деятельность, пока, после убийства ими трех человек во время перестрелки в Коллингвудском квартале, полиция не взялась за них всерьез. Банда прекратила свое существование. Кое-кто из ее членов угодил за решетку, остальные покинули Детройт, чтобы начать новую жизнь в других городах. Разбежались даже руководимые братьями Ликаволи наемники, однако вскоре Питер Ликаволи сколотил новую команду, и пресса в Детройте и других местах отождествила ее с «Грязной бандой». Очень уж колоритным было название, чтобы исчезнуть без следа.

В Акроне Мо Далиц договорился с тремя другими бутлегерами — Морисом

Клейнманом, Сэмом Таккером и Луисом Роткопфом; объединив средства, они монополизировали контрабандный ввоз спиртного по озеру Эри. В 1936 году Сэм Таккер в связи с приобретением земельной собственности обратился в Налоговое управление Соединенных Штатов с ходатайством, где кратко изложил историю развития синдиката:

«В начале 30-х годов Мо Далиц, Сэм Таккер, Луис Роткопф и Морис Клейнман занялись совместной деятельностью в нескольких областях, (...) создав некую структуру для осуществления разного рода сделок, касавшихся прачечных, недвижимости, ночных клубов и казино. В сделках они всегда выступали как равноправные партнеры».

В анналах истории организованной преступности не найти определения, которое бы лучше характеризовало новое формирование. «Некоей структурой» был Кливлендский синдикат, продержавшийся четыре десятилетия, невзирая на все экономические, политические и социальные потрясения. Успехи синдиката были во многом обусловлены убежденностью его главарей в том, что «добычи» хватит на всех. Руководствуясь этой теорией, кливлендские боссы, естественно, обрели союзников в лице Лучано и Мейера Лански в Нью-Йорке и других молодых людей в разных городах; так было положено начало межрегиональному сотрудничеству, породившему Общенациональный синдикат. Питеру Ликаволи с его командой, например, давние связи с Далицем помогли влиться в общую организацию, которая под управлением Кливлендского синдиката подчинила своему влиянию огромную территорию от Детройта до Буффало.

Группа Далица в поисках стабильной и надежной базы переключила внимание на Кливленд, где тогда одна из банд Мафии, известная под названием «Банда Мейфилд-роуд», боролась за власть с братьями Порелло, одержавшими победу над братьями Лонардо. Главарями «Банды Мейфилд-роуд» были Тони, Фрэнк и Питер Милано, а также Эл и «Чак» Полицци. Обретя политическую защиту, купленную Далицем и его союзниками, Фрэнк Милано устранил братьев Порелло и стал капо в Кливленде. К тому времени уже никто не сомневался, что при Сухом законе самым прибыльным делом является контрабанда спиртного. Прошлый опыт подсказал, что «Банде Мейфилд-роуд» следовало бы вступить в войну с еврейскими главарями Синдиката, однако этого не произошло.

Между сильными соперниками постепенно установилось деловое сотрудничество; немалая заслуга в этом принадлежит Чарльзу «Чаку» Полицци. Спекулируя на своем родстве с «Большим Элом» Полицци, «Чак» добился влиятельного положения в «Банде Мейфилд-роуд». Вопреки общему мнению, «Чак» не был итальянцем. Родителей, евреев по происхождению, он потерял в раннем детстве. Жившие в Вудленде родственники «Большого Эла» неофициально усыновили сироту и воспитывали как члена семьи. Сменив несколько имен, он в конце концов назвался Чарльзом, и в «Банду Мейфилд-роуд» — при поддержке всеми почитаемого «кузена» Эла — был принят как один из Полицци. Далиц и компания, осведомленные о его происхождении, также признали «Чака», и когда в 1933 году Морис Клейнман был арестован за неуплату налогов, «Чаку» Полицци предложили занять освободившееся место. После возвращения в 1936 году отсидевшего свой срок Клейнмана «Чак» остался в качестве младшего партнера и наживался на проектах Синдиката больше, чем любой другой обладатель нееврейской фамилии. По сути дела, он — к взаимной выгоде — служил связующим звеном между двумя соперничающими этническими группировками.

Жители Кливленда имели все основания благодарить судьбу. Внезапно прекратились убийства, по числу которых местные банды одно время не уступали чикагским; теперь добропорядочные горожане спокойно посещали свои излюбленные заведения, где из-под прилавка торговали спиртным. Больше того: они могли покупать хороший канадский виски вместо доморощенного вудлендского самогона. Полицейские обрели постоянный надежный и безопасный источник побочных доходов, а политики — новых финансовых покровителей. Перед искушением не устоял даже Элиот Несс, некогда прославившийся в Чикаго своей «неподкупностью»: прежде чем заняться частной практикой (когда ему довелось обслуживать многих весьма интересных клиентов), он некоторое время служил начальником кливлендского управления безопасности. В 50-е годы фамилия Несса замелькала на телеэкранах, но к тому времени его уже не было в живых.

В мае 1929 года в отеле «Президент» в Атлантик-Сити, штат Нью-Джерси, собрался первый представительный съезд гангстеров. Посланец чикагских мафиози Аль Капоне восторженно приветствовал вернувшегося из своих странствий Джонни Торрио, активно включившегося в нью-йоркский рэкет. На съезде присутствовали наблюдатели даже из таких отдаленных мест, как Канзас-Сити, однако в центре внимания были главари банд с Восточного побережья. Торрио, обретя рьяного союзника в лице Мейера Лански, выступал — как и прежде в Чикаго — за деловое сотрудничество между отдельными организациями. В конце концов участники съезда пришли к согласию и был создан совет, вошедший в историю под названием «Большой семерки», хотя объединил он более дюжины лидеров преступного мира. Бостон в «Большой семерке» представлял Чарльз «Царь» Соломон, Филадельфию — Ниг Розен, Нью-Джерси — «Верзила» Цвиллман. Торрио ввел в совет Дэниела Уолша из Провиданса, штат Род-Айленд, своего партнера Фрэнка Загарино и «Немца Шульца», которого финансировал в бизнесе с подпольной лотереей. От «Бродвейской банды», единственной крупной фракции, в «Большую семерку» вошли Лански, Адонис, Костелло и маленький человечек — Луис «Лепке» Бухалтер, имя которого в скором времени стало внушать всеобщий страх.

По заключенному соглашению на Восточном побережье устанавливались твердые цены на спиртное и фиксированные квоты на его ввоз: отныне никто не мог ввозить больше, чем требовалось, и продавать дешевле, чем конкуренты. Стороны также условились объединять запасы в случае нехватки «товара» в том или ином районе. В Нью-Йорке была открыта центральная клиринговая палата для регистрации всех закупок, поставок и производства платежей.

Хотя соглашение получилось не таким всеобъемлющим, как хотелось Торрио и Лански, был сделан огромный шаг вперед на пути к полной консолидации. Исследователи Мафии диву давались, как гангстеры, действующие в обход закона, умудряются устанавливать столь сложные и перспективные связи,— больше того: как независимым и алчным дельцам, разбросанным по всему побережью протяженностью в тысячу с лишним миль, удалось мирно договориться. Лучано решительно потребовал окончания междоусобицы внутри Почетного общества, поскольку она мешала осуществлению открывающихся грандиозных возможностей.

Бунт против нового capo di capi re, Джо «Босса» Массериа, фактически был спровоцирован убийством Гаспаре Милаццо, детройтского капо, уроженца сицилийского города Кастелламмаре-дель-Гольфо. Сальваторе Маранцано, земляк убитого, обратился ко всем бывшим кастелламмарцам с призывом отомстить за Милаццо. Он сколотил группу fuoriusciti (головорезов) и объявил войну Массериа. Последний в ответ вынес смертный приговор всем уроженцам Кастелламмаре-дель-Гольфо. Палермские мафиози, чьим прежним главарем был предыдущий capo di capi re Тото Д'Акилья, опасаясь потери влияния, объединились с набиравшим силу Маранцано, и вендетта приобрела характер священной войны. Вот как описывает эти события их очевидец Никола Джентиле:

«Группа молодежи, жаждущей отомстить за своих друзей, сплотилась вокруг Маранцано. Их становилось все больше и больше. Так называемые головорезы собирались на фермах, принадлежащих их друзьям. Там они разрабатывали операции «по чистке» (устранению тех, кого невзлюбил Маранцано) и привлечению новых союзников. Таким способом Маранцано удалось проникнуть во многие города Штатов, повсюду насаждая террор. Молодые люди вступали в его группы или вносили крупные суммы денег».

Джентиле, личность широко известная и популярная, вознамерился, воспользовавшись ситуацией, создать третью силу и возглавить Почетное общество, когда его члены устанут от кровопролития. Он подозревал, что «Счастливчик» Лучано задумал то же самое, но это его не тревожило. Не зная о тайном соглашении, которое Лучано заключил с Лански, Джентиле решил, что имеет дело с заурядным начинающим юнцом, не пользующимся авторитетом за пределами Нью-Йорка.

Бунт отличался от других сражений внутри Мафии только масштабами. В прежние времена национальных лидеров свергали именно те люди, которым они больше всего доверяли. Маранцано не пытался устраивать переворот — он вел войну на истощение. И продолжал расширять свое влияние, переманивая к себе все больше людей Массериа. Джентиле с друзьями сочли, что настало время решительных действий. Они созвали в Бостоне генеральную ассамблею Мафии. Никто не

сомневался, что ни Массериа, ни Маранцано участия в ней не примут. Ассамблея назначила специальную комиссию, поручив ей организовать встречу с Маранцано и уполномочив пойти на некоторые уступки во имя прекращения войны. Комиссия собралась в Нью-Йорке в отеле «Пенсильвания», однако Маранцано на встречу не явился.

И тут Мафия впервые начала ощущать давление общественного мнения. В Нью-Йорке, по словам Джентиле, «то и дело убивали какого-нибудь fratello, а заодно нередко и безвинных обывателей. Нью-йоркские газеты подняли шум, требуя, чтобы правительство положило конец войне гангстеров, стоившей жизни многим добропорядочным гражданам». Начальник полиции вызвал Массериа и «самым решительным образом велел ему кончать эти дикие распри. Он (начальник) добавил, что, если на улицах не прекратится стрельба из автоматов, он издаст специальный приказ и все будут арестованы».

Угроза начальника полиции произвела впечатление. Массериа велел своим людям прекратить стрельбу, разрешив прибегать к оружию только для самообороны. Мятежник Маранцано не счел нужным подчиниться этому распоряжению, и его головорезы продолжали уничтожать сторонников Массериа. Общественное мнение внутри Мафии — всегда сочувственное победителю — начало оборачиваться против Массериа. В конце концов Маранцано тайно встретился с комиссией и сумел расположить к себе всех ее членов, за исключением Джентиле, не захотевшего поступиться собственными амбициями. Была назначена новая генеральная ассамблея. На этот раз Маранцано в окружении телохранителей явился в гостиницу на горном курорте — каком, Джентиле не уточняет. Маранцано яростно обрушился на Массериа и к перечню прежних преступлений отсутствующего босса добавил еще одно, новое. Он заявил, что Массериа опозорил Почетное общество, допустив в него Аль Капоне, «человека, всю жизнь содержавшего casa di tolleranza (публичный дом)».

Маранцано, склонив на свою сторону делегатов ассамблеи, фактически одержал победу над Массериа; он даже потребовал, чтобы генеральная ассамблея формально аннулировала тяготеющий над ним смертный приговор и вынесла новый — Массериа. Джентиле настоял на временной отсрочке решения. Он пытался доказать, что главари соперничающих банд друг друга стоят, и уговаривал делегатов упразднить должность capo di capi re. Контроль над Мафией, по его мнению, следовало поручить «комитету», который Джентиле, будучи в расцвете сил, рассчитывал подчинить своему влиянию. Под его нажимом в работе ассамблеи был устроен перерыв.

Но тут наконец начал действовать Лучано. Зная, что его поддерживают как боевики из «Банды Багса и Мейера», так и «Сообщество», он рискнул заманить Массериа в ловушку — пригласил пообедать в один из бруклинских ресторанов. Пока «Счастливчик» мыл руки в мужском туалете, боевики под командованием его подручного Вито Дженовезе всадили в «Босса Джо» шесть пуль. Это произошло 15 апреля 1931 года.

Джентиле, сам рассчитывавший на помощь Лучано, поспешил к «Счастливчику» домой. Туда же Лучано вызвал Винсента Труайа, друга Маранцано.

«Дон Виченцо,— сказал «Счастливчик»,— сообщите своему товарищу Маранцано, что мы убили Массериа не для того, чтобы оказать вашему приятелю услугу, а по собственным соображениям. Скажите ему, что отныне, если он кого-то убьет, даже нашего личного врага, мы будем вести войну до конца. Скажите ему, что не позднее чем через двадцать четыре часа он должен дать согласие на встречу в том месте, которое мы укажем...»

Так устами «Счастливчика» Лучано заговорило «Сообщество», что однозначно свидетельствовало о появлении в этот переходный период новой силы, с которой нельзя будет не считаться. И Маранцано, хотя и не отказался от собственных честолюбивых планов, быстро смирился с реальностью.

Встреча состоялась на следующий день. В Чикаго была созвана новая генеральная ассамблея; расходы по ее организации согласился взять на себя Капоне — троюродный брат Лучано. Джентиле сделал последнюю попытку заменить институт capo di capi re комитетом, однако «герой дня» Маранцано провалил это предложение, и Джентиле, несмотря на все свое красноречие, не сумел убедить соратников воздержаться от избрания бывшего головореза «боссом всех боссов». Лучано не

Прославившийся своей жестокостью босс Мафии Вито Дженовезе.

стал вмешиваться, чтобы не вносить раскол в Мафию, пока ее члены не успели оценить нового лидера. Он не сомневался, что Маранцано будет следовать кровавым традициям Почетного общества, и потому имеет смысл подождать. И оказался прав.

Новый capo di capi re поселился в роскошных апартаментах за отелем «Коммодор», неподалеку от Центрального вокзала, где всегда было полно народу и полиции. В таком месте, рассудил Маранцано, врагам будет непросто его убить. Свой кабинет он превратил в караулку, где постоянно дежурили две группы охранников, сменяющихся каждые двенадцать часов. Другая крепость, в которой была его контора, находилась в доме № 230 по Парк авеню; Маранцано ездил туда в бронированном автомобиле. Хотя выслуживающиеся перед боссом капо постоянно снабжали его деньгами, Маранцано составил список «смертников», где значилось шестьдесят фамилий. В список попали Лучано, Адонис, Дженовезе и почти все влиятельные капо.

В этот переломный момент Лучано пустил в ход свое секретное оружие — «Банду Багса и Мейера». Ни с одним из членов Мафии он не чувствовал себя в безопасности. Ланский и Сигел денно и нощно заботились об охране «Счастливчика», пока не сочли, что пора перейти в наступление.

Опытные убийцы, сопровождаемые одним итальянцем, который мог опознать Маранцано, постучали в дверь офиса «Игл билдинг корпорейшн» в доме № 230 по Парк авеню и предъявили удостоверения федеральных агентов. Их впустили. Угрожая револьверами, они поставили телохранителей Маранцано лицом к стене. О том, что произошло дальше, Джентиле рассказал следующее:

«Когда люди Маранцано замерли под дулами пистолетов, один из евреев вышел в коридор и позвал итальянца, велев ему указать, кто здесь Маранцано».

Маранцано узнал итальянца и, считая, что это налет блюстителей Сухого закона, сказал:

«Пеппино, ты знаешь, что я Маранцано и что это моя контора. Пускай ищут где хотят: никакой контрабанды здесь нет. Это коммерческий офис».

Дальнейшее, по словам Джентиле, происходило следующим образом:

«Только удостоверившись, что в их руки попал настоящий Маранцано, евреи отвели его в (личный) кабинет и, чтобы избежать шума, попытались удушить. Потом они вытащили ножи, но приговоренный, который был очень силен, а отчаяние еще удвоило его силы, раскидал убийц и стал бешено сопротивляться. Тогда они открыли огонь из пистолетов — Маранцано был убит на месте».

Произошло это 10 сентября 1931 года. Маранцано «правил» пять месяцев без пяти дней. На его теле было обнаружено четыре огнестрельных и пять ножевых ранений. «Банда Багса и Мейера» умела делать свое дело.

Случившееся послужило сигналом к новым убийствам. На улице налетчиков ждали люди Лучано. Узнав, что операция прошла успешно, они бросились к телефонам и «сообщили ребятам в разных уголках Нью-Йорка, что можно приступать к чистке». Началась «резня Сицилийской вечерни».

Кровавые события не ограничились Нью-Йорком. На следующий день во всей стране «молодые американцы» Мафии при поддержке и участии (в случае необходимости) местных банд, действуя по тщательно разработанному плану, расправились с «усачами». Поскольку учет подобного рода убийств не входил в компетенцию региональных властей, а Бюро расследований не верило в существование такой организации, как Мафия, официальные данные о числе жертв долго оставались неизвестными, и лишь в 1970 году бывший генеральный прокурор Рэмси Кларк назвал цифру — сорок. Об источнике информации он умолчал.

«Американизированная» Мафия постепенно стала играть партию второй скрипки в залах заседаний многонационального «Сообщества». В Чикаго была

созвана очередная генеральная ассамблея; на этот раз «усталые и умудренные опытом» делегаты под нажимом Лучано упразднили систему capo di capi re и передали властные полномочия совету. По свидетельству присутствовавшего на ассамблее Джентиле в совет вошли:

Лучано, капо «семьи», ранее возглавлявшейся Массериа; Винсент Маньяно, капо бывшей «семьи» Д'Акильи; Джо Профачи, капо бруклинской «семьи»; Пеппино (Джо Бананас) Боннано, капо нью-йоркской «семьи»; Капоне, босс части Чикаго, в то время дожидавшийся процесса в федеральном суде; Гаэтано Гальяно, капо нью-йоркской «семьи», сменивший Гаэтано Рейну; Фрэнк Милано, кливлендский капо и союзник Кливлендского синдиката.

Джентиле никак не отблагодарили за его долголетнюю службу, о чем он сокрушался во всеуслышание. Истинным боссом — первым среди равных в совете — стал Лучано. Однако Лучано вынужден был поддерживать добрые отношения с Лански и прочими членами «Большой семерки». «Американизация» Мафии была важным фактором, который не могли не учитывать в своих планах на будущее такие люди, как Лански и Торрио: ведь это гарантировало конец внутренних междоусобиц, мешавших бизнесу и подогревавших «охоту» на гангстеров со стороны властей. Лучано понимал, что его положение в Мафии автоматически обеспечит ему место в совете директоров любой крупной компании, а это его вполне устраивало. Мафия осталась тем, чем была,— обществом, братством, состоящим из рассеянных по разным городам автономных «семей», связанных только традициями и кровными узами. Некоторые капо в последующие десятилетия сколотили большие состояния и укрепились на своих территориях, но ни один из них не стал фигурой национального масштаба лишь благодаря членству в Почетном обществе. Лучано, Адонис, Костелло и им подобные завоевали широкое признание в основном потому, что тесно сотрудничали с Национальным преступным синдикатом.

Необходимо отметить, что пятеро из семи членов совета принадлежали к нью-йоркскому региону, где Лучано, естественно, был очень силен. Это свидетельствует не только о том, как «Счастливчик» заботился о своем личном положении, но и указывает, сколь малое значение он придавал другим районам страны. Что же касается двух «чужаков», представлявших в совете «глухую провинцию», то один из них — Капоне — состоял в родстве с Лучано и к тому же через несколько дней после своего избрания в члены «Большой семерки» был приговорен к восьми годам тюремного заключения. Чикагский синдикат сохранил прежнюю влиятельность, кливлендская же Мафия отступила на задний план. Представитель Кливленда Милано по сути дела являлся ставленником Мо Далица и его партнеров, и тамошнее отделение «Сообщества» было тесно связано с Мейером Лански. Впоследствии Милано удалился в свое поместье неподалеку от Веракруса в Мексике, а его преемник, «Большой Эл» Полицци, перебрался в Майами, где несколько лет спустя стал компаньоном Чарльза «Бебе» Рибоцо, политического советника президента Ричарда М. Никсона. Капо Кливленда в конце концов стал Джон Скалиш, до того долго служивший клерком в игорных домах Кливлендского синдиката, что, впрочем, никого не смутило.

Никола Джентиле пытался приспособиться к новому порядку, однако не добился ни материальных выгод, ни почета. Новое поколение не нуждалось в его талантах миротворца. Со временем он напишет:

«Эти люди забыли обо мне — человеке, благодаря которому выпутывались из многих рискованных ситуаций. Между тем плоды моих трудов пожинали те же самые негодяи, продолжавшие меня использовать, перебрасывая из одного конца Соединенных Штатов в другой. О людская неблагодарность!»

В конце концов Джентиле вынужден был заняться контрабандой наркотиков — самым опасным и унизительным изо всех видов рэкета, которые ввел в обиход Арнольд «Голова» Ротштайн. В 1937 году Никола был арестован в Новом Орлеане — гордость заставила его утверждать, что по ложному обвинению,— и освобожден под залог. По приказу своих боссов — так низко он к тому времени пал! — Джентиле бежал из Штатов и тайно вернулся на Сицилию, где принялся строить планы мести обидчикам и обдумывать, как бы заставить Мафию расплатиться за оказанные ей услуги. Двадцать с лишним лет спустя один из этих планов воплотился в жизнь: все главари преступного мира — кроме окончательно забытого Джентиле — оказались в центре внимания федеральных властей. Таким неожиданным способом Никола был отомщен.

Между тем экономические и политические события позволили осуществиться заветной мечте Лански, Торрио, «Лепке» и — да, да! — Лучано: в 1934 году в одном из нью-йоркских отелей был создан Национальный преступный синдикат. Из множества брошенных в плавильный котел компонентов возник единый конгломерат.

4. БОЛЬШАЯ ОХОТА

29 ноября 1971 года Мартин Леви, исполняющий обязанности заведующего отделом борьбы с организованной преступностью в министерстве юстиции, признал связь преступности с экономикой. Цитируем:

«Организованная преступность — не просто присваивание денег. Когда бизнес развивается вяло, открывается простор для организованной преступности. Начавший кредитором становится партнером».

Умозаключения Леви, хоть и были связаны с текущим моментом, абсолютно применимы к ситуации, сложившейся в стране после 29 октября 1929 года — «Черного вторника». В этот день Уолл-стрит охватила паника, и эпохе, начавшейся с Гардинга и «возвращения к нормальной жизни» и включившей в себя период «гуверовского процветания», неожиданно пришел скандальный конец.

В последовавшие за «Черным вторником» месяцы и годы Великая депрессия постепенно охватила всю страну, неся с собой безработицу, банкротство, нищету. Условия жизни неуклонно ухудшались; кризис достиг наивысшей точки в начале 1933 года, когда захлопнулись двери последних уцелевших банков. Деньги — по горькой иронии судьбы — сохранились лишь у бутлегеров.

Это был самый важный момент в истории организованной преступности, который проморгали блюстители законности; первым обратил на него внимание только Леви в 1971 году. У бутлегеров скопились наличные деньги — многие миллионы долларов, спрятанных в коробках от обуви под кроватями, в домашних тайниках, в чуланах, в зарытых во дворе консервных банках. Иными словами, появились ликвидные, то есть легко реализуемые средства.

Дельцы, пытавшиеся поставить преступный бизнес на организованную основу, успели разбогатеть до наступления «Черного вторника», что, конечно же, давало определенные преимущества, хотя и не слишком значительные: многие бизнесмены, не нарушавшие законов, тоже обладали немалыми состояниями. Другое дело — иметь наличные, когда ни у кого больше их нет, когда банкиры, брокеры, крупнейшие воротилы бизнеса выбрасываются из окон своих контор или, укрывшись от людских глаз, пускают себе пулю в лоб.

В дальнейшем на протяжении трех лет — пока Франклин Д. Рузвельт не убедил своих сограждан, что бояться им некого, кроме самих себя,— тысячи дельцов, не наложивших на себя руки, поневоле стали обращаться к единственным кредитоспособным людям — а такими людьми были гангстеры. Бизнесмены приходили к ним униженными просителями и уходили, обзаведясь оборотным капиталом и партнерами. Вот тогда организованная преступность начала проникать в большой бизнес, особенно в те его отрасли, где происходила постоянная циркуляция наличных денег (например, в сферу потребления: кинопроизводство, швейную и пищевую промышленность, рестораны и прочее). Начав с малого, лидеры организованной преступности подчинили себе целые компании. Превосходной стартовой площадкой для этого оказалось бутлегерство. Когда после отмены Сухого закона в 1933 году — уже совершенно легально — стали возникать новые компании, в правления многих из них вошли такие люди, как Торрио, Лански и Костелло.

Происшедшие за это время существенные перемены на политическом фронте также определялись диктатом денег. Прежде политики обращались к бизнесменам, когда нуждались в средствах для проведения предвыборных кампаний. Гангстер тоже в той или иной степени зависел от избранного должностного лица. До введения Сухого закона политические лидеры часто прибегали к помощи городских банд для укрепления внутрипартийной дисциплины. Однако внезапно рычаги управления оказались в руках у гангстера. Теперь он отдавал распоряжения политику. Больше того: со временем он стал указывать партиям, каких выдвигать кандидатов. Отныне кандидаты домогались поддержки гангстеров и в случае победы на выборах расплачивались за прошлую и будущую поддержку не словами, а делами.

Изменение традиционных порядков наглядно проиллюстрировал съезд Демо-

кратической партии, состоявшийся в 1932 году в Чикаго. Подавляющее большинство делегатов считали, что выдвинутый съездом кандидат станет очередным президентом. Претендентов было двое: Рузвельт и «веселый боец» Эл Смит, баллотировавшийся в президенты на выборах 1928 года. В нью-йоркской делегации произошел раскол. Элберт С. Маринелли из Таммани-холла возглавил группу, выдвинувшую Смита, а вест-сайдский лидер Джимми Хайнс — другую, намеренную бороться за Рузвельта. В этом не было ничего необычного, но на сей раз Элберта Маринелли поддерживал «Счастливчик» Лучано, а Хайнса — Фрэнк Костелло. Кто бы ни выиграл в этой борьбе, у гангстеров в лагере победителя имелись надежные друзья.

После победы в Чикаго и затем на всеобщих выборах Рузвельт приступил к планомерному подрыву могущества политических магнатов в больших городах. Сосредоточив управление благотворительными программами в Вашингтоне, он лишил боссов старого пошиба одного из источников популярности: бедняки привыкли рассчитывать на их помощь — или деньгами при крайней нужде, или углем в суровую зиму. Больше того — при Рузвельте разведывательной службе Бюро внутренних доходов было поручено искоренить банды гангстеров в крупных городах. Первым делом специальные агенты занялись Хью Лонгом, губернатором Луизианы, поскольку тот одно время грозил превратиться в опасного соперника Рузвельта. Другой мишенью был Накки Джонсон, председательствовавший на съезде гангстеров в Атлантик-Сити в 1929 году. Под обстрел попала также организация Пендергаста в Канзас-сити.

Все эти акции, хотя и преследовали прямо противоположные цели, сыграли на руку гангстерам. По мере разрушения старых порядков последние все активнее выходили на сцену и мало-помалу захватывали невидимые бразды правления. Перемены в разных городах и штатах протекали по-разному, однако в целом порочный союз преступности, бизнеса и политики упрочился (что было недоступно пониманию среднего американца). Одно, правда, оставалось неизменным: всеобщее стремление к максимально быстрому обогащению.

Другим переломным моментом этого переходного периода стала отмена Сухого закона. Самые здравомыслящие лидеры преступного мира, предвидя, что золотой поток рано или поздно иссякнет, приготовились к неизбежному. Хотя Дж. Эдгар Гувер предупреждал, что основным видом рэкета теперь станет похищение людей, такие мудрецы, как Лански, переключились на азартные игры. Эксплуатация этого, схожего с пьянством социального порока — при отсутствии реального противодействия общества (если не считать формальных ограничений со стороны закона) — сулила большие прибыли. На секс и азартные игры, полагал Лански, можно ставить всегда. Эту точку зрения разделяли его друзья из Кливленда: на четвертой, и последней, стадии эпохи Сухого закона Кливлендский синдикат занялся игорным бизнесом.

Тем временем наличные капиталы истощались, а налоги на легальное производство и торговлю спиртным грозили стать непомерно высокими для страны, страдающей от экономической депрессии. Отсюда следовало, что рынок сбыта дешевых, но качественных напитков сохранится даже после отмены Сухого закона. Новым связанным с торговлей спиртным компаниям, многие из которых контролировались гангстерами, понадобятся большие количества товара, и они не станут интересоваться его происхождением.

25 ноября 1933 года — дата официального рождения акционерного общества «Моляска»; ровно через десять дней торговля алкогольными напитками вновь обрела законные права. Председателем правления «Моляски» стал Джон Дрю (настоящее имя — Джейкоб Стейн) — человек, в «благопристойные» времена президентства Гардинга заключивший тайный союз с Гастоном Б. Минсом. Позднее обнаружилось, что и другие члены правления — за одним исключением — были ставленниками главарей Кливлендского синдиката: Далица, Таккера и «Чака» Полицци. Исключение составлял Мозес Сайтрон из Нью-Йорка, помощник казначея. Он оказался тестем Мейера Лански.

Таковы официальные данные. Впоследствии кропотливое расследование показало, что с «Моляской» были связаны и другие главари банд как Восточного побережья, так и Среднего Запада: Питер Ликаволи, «Большой Эл» Полицци, Джо Адонис, «Верзила» Цвиллман и прочие. В действительности акционерное общество «Моляска» стало стартовой площадкой для образования Национального

преступного синдиката — с его помощью был проведен заключительный эксперимент на пути установления межрегионального сотрудничества.

Целью «Моляски» было создание и эксплуатация больших подпольных винокуренных заводов — самых крупных из когда-либо существовавших в Штатах. Главный из них в конце концов был обнаружен в Зейнсвилле, штат Огайо; другой, почти такой же большой,— в Элизабет, штат Нью-Джерси. Сколько осталось невыявленными, известно только руководителям Синдиката. Не исключено, что некоторые действуют и по сей день. На этих заводах производились и разливались миллионы галлонов высококачественного спиртного. Не облагаемое налогом виски выгодно было продавать даже за половину официальной цены. Но и такие огромные винокурни не могли полностью удовлетворить спрос. На зейнсвиллском заводе в бродильные чаны загружалось 48 600 фунтов сахара и 15 200 фунтов «моляски». («Моляска» — торговое название дегидратированной мелассы, заменителя сахара, который акционерное общество «Моляска» якобы должно было производить.) Из этих ингредиентов вырабатывалось 36 506 галлонов сусла в день. Непрерывный процесс производства позволил получать 5000 галлонов стоградусного спирта в сутки. Оптовая его цена была 2 доллара за галлон, а розничная — 2.50 за кварту. Себестоимость — с учетом охраны, затраченного труда, топлива и сырья — составляла 50 центов за галлон.

Завод в Зейнсвилле, целиком размещавшийся под землей, туннелем соединялся с подвалом соседнего дома, где жила женщина, на которую возлагалась «единственная задача: в случае необходимости обеспечить бегство по туннелю». Там, кроме всего прочего, имелось оборудование, рассчитанное на производство 35 506 галлонов пива в день. Вывозилось пиво, как и крепкие напитки, в крытых товарных вагонах, стоявших на запасных путях близлежащей железнодорожной станции. Полная стоимость завода составляла «по меньшей мере 250 тысяч долларов»; такой завод был лишь одним из многих.

Представители закона, как правило, терялись при столкновении с организованной преступностью. Взять хотя бы такой забавный факт: в то время как одно финансовое управление пыталось доказать, что зейнсвиллский винокуренный завод принадлежит Кливлендскому синдикату, другое обсуждало с членами Синдиката, какое возмещение тем причитается за ущерб, нанесенный в результате налета полиции. Бизнесмены преступного мира прекрасно умели обходить острые углы. Не жалея денег, они нанимали к себе на службу лучших адвокатов и финансистов.

Спиртное, производившееся как законным, так и незаконным путем, оставалось важным источником дохода Синдиката, однако существование «Моляски» как совместного предприятия доказывало, что общенациональная организация не только возможна, но и рентабельна, поскольку позволяет объединять ресурсы. По мере развития игорного бизнеса в стране росла популярность игры в «совместные предприятия» внутри общей системы.

Идея объединения сил преступного мира оказалась необычайно мудрой. Лучший тому пример — соперничество между желавшими сохранить независимость Уокси Гордоном и «Немцем Шульцем», от которого выиграл только отдел разведки Бюро внутренних доходов. Гордон, старейший гангстер, управлявший нелегальными маклерскими конторами Арнольда Ротштайна в канун введения Сухого закона, разбогател, занявшись — раньше других — контрабандой спиртных напитков. Правда, с ростом конкуренции Гордон переключился на пиво и обосновался в Нью-Джерси.

Шульц был одним из немногих главарей первых банд, которые могли похвастаться, что родились в Америке. Его мать, Эмма Флегенхаймер, особа набожная и мечтательная, не случайно назвала ребенка Артуром — в ее воображении витал образ короля Артура из Камелота. Однако бесплатная средняя школа № 12 на Фрисби-стрит в Нью-Йорке оказалась неподходящим заведением для воспитания будущих королей, и мальчик связался с уличной «Бандой Бердженсов». После того как он показал себя с наилучшей стороны, участвуя во многих ограблениях и просидев пятнадцать месяцев за решеткой, Бердженсы прозвали его «Немцем Шульцем» — в честь известного буяна, прославившегося на улицах Бронкса своей жестокостью. После введения Сухого закона «Немец» собрал целую армию головорезов и создал собственную державу. Начав с торговли спиртным, он постепенно расширил дело, занявшись бегами, подпольной лотереей, контрабандой наркотиков,

ресторанным и прочими видами рэкета, и в конце концов решил, что сможет без труда прибрать к рукам пивную империю Гордона. Вскоре между Гордоном и Шульцем завязалась борьба не на жизнь, а на смерть; развивающийся Синдикат оба игнорировали. Каждый, естественно, надеялся после отмены Сухого закона стать легальным монополистом.

Меньше чем через две недели после того как торговля пивом была разрешена законом, в номер гостиницы «Картрет» в Элизабет, штат Нью-Джерси, где жил Гордон, ворвались нанятые Шульцем убийцы. Уокси выскочил из окна и скрылся; двое его людей, спавших в соседней комнате — Макси Гринберг и Макс Хассел,— были убиты. Спустя десять дней, 23 апреля 1933 года, Гордон был обвинен по четырем статьям закона в неуплате налогов. Его годовой доход превышал два миллиона, а в налоговых декларациях он указывал сумму в 8125 долларов. Специальные агенты обнаружили, что Уокси снимал за 6000 долларов в год квартиру, где была библиотека, оцениваемая в 3800 долларов; ни одна из книг ни разу не раскрывалась.

Гордона разыскали и приговорили к десяти годам тюремного заключения. Вскоре он был условно освобожден, однако снова угодил за решетку за махинации на черном рынке во время второй мировой войны. Шульцу пришлось гораздо хуже. Он явился с повинной и в конце концов был оправдан, но, пока Бюро внутренних доходов собирало материал для нового обвинения, «Немец» пал первой жертвой только что созданного «Акционерного общества убийств» — «Мёрдер инкорпорейтед». Попытка помешать объединению гангстеров не осталась безнаказанной...

Ранней весной 1934 года произошло то, о чем так много говорили «идеалисты» Лански и Торрио. В одной из нью-йоркских гостиниц — по слухам, в «Уолдорф Астории» — был образован Национальный преступный синдикат. Так он, разумеется, не назывался. Сторонних лиц, не входивших в состав Мафии, вполне устраивал непритязательный «Синдикат» или «товарищество», члены же Почетного общества предпочитали название «Комбиниш».

Торрио, имевший опыт «руководящей работы» в Нью-Йорке и в Чикаго, председательствовал на большей части заседаний, тогда как Лански — «коммивояжер» из «Бродвейской банды» — активно действовал в кулуарах. Из Кливленда прибыл его друг Мо Далиц, из Миннеаполиса и Сан-Пола — Изадор Блюменфельд, печально известный «Малыш Кенн», брат Идди Блюма. На заседаниях присутствовал также недавно назначенный боссом Нового Орлеана Филипп «Денди Фил» Кастел, начинавший служащим маклерских контор Арнольда Ротштайна. В числе делегатов был Хаймен Эбрамс, близкий друг Лански, сменивший «Царя» Соломона в Бостоне, когда тот стал проявлять диктаторские замашки. На встречу прибыл и Гарри «Ниг Розен» Стромберг, представитель Лански в Филадельфии. Делегатом от Нью-Джерси был «Верзила» Цвиллман. Пол «Официант» Рикка, которого Лански считал мозговым центром Чикагского синдиката, присутствовал в качестве наблюдателя. Чикагские гангстеры, по мнению Торрио, все еще были недостаточно цивилизованны для участия в общенациональной ассоциации, однако оставалась надежда, что со временем они повысят свой уровень.

Мафия была представлена, безусловно, лучшими своими людьми — Лучано, Адонисом, Костелло и Вито Дженовезе,— однако их рассматривали скорее как партнеров из нью-йоркского «сообщества», а не как главарей самостоятельной организации. Если бы Лучано пожелал продемонстрировать силу Почетного общества и навязать собранию свою волю, ему бы это не удалось. Как впоследствии довелось убедиться Альберту Анастасиа и Антони «Маленькому Оджи» Карфано, влияние Лански не ограничивалось Нью-Йорком, а его союзники в провинции были гораздо богаче и лучше вооружены, чем головорезы Большого Города.

Отчеты о том, что происходило на заседаниях, довольно туманны. Составлявшие их осведомители нью-йоркской полиции оказались в таком же положении, как Джо Валачи в 1963 году. Знаменитый перебежчик в ответ на вопрос об обстановке в Де-Мойне, штат Айова, заявил, что никогда не слышал о такой местности. Подобным образом в 1934 году осведомители становились в тупик, когда их спрашивали о том, что делается за пределами Бруклина и Джерси-сити. У гангстеров, заговоривших много лет спустя, тоже были провалы в памяти, ослабевшей от времени и перегруженной последующими событиями. Тем не менее основные темы, затрагивавшиеся делегатами в своих выступлениях, стали известны.

Лучано рассказал, как произошла «американизация» Мафии, и пообещал, что этот факт в дальнейшем сыграет конструктивную роль. Еще он сообщил, что любой член организации, имеющий претензии к местному капо, сможет обратиться с жалобой в «Верховный совет» — такое пышное название получил руководящий орган,— и вопрос будет решен по справедливости. Выступление Лучано было встречено бурными овациями.

Адонис описал процесс эволюции «Большой семерки», отдав должное заслугам Торрио, а Далиц, говоря о деятельности «Моляски», выразил благодарность Мейеру Лански. Цвиллман поведал о кровавой и — с его точки зрения — бессмысленной войне, которую вели в Нью-Джерси Гордон и Шульц. В доказательство необходимости строгого контроля в преступном мире он привел историю по сей день не раскрытого похищения Чарльза А. Линдберга-младшего. Нет сомнений, заявил Цвиллман, что это дело рук дилетантов, однако страсти так накалились, что ему самому пришлось назначить вознаграждение за поимку похитителя. Капоне и некоторые арестованные члены «Грязной банды», добавил он, не смогли тут ничем помочь, даже в обмен на собственное освобождение.

Другие ораторы обсуждали структуру новой организации, используя терминологию Нового курса Рузвельта. Общенациональный синдикат предлагалось построить по схеме Национальной администрации восстановления промышленности. Для контроля за всеми видами его деятельности предусматривалось создание региональных советов, а также верховного органа для рассмотрения жалоб. Решено было установить и неукоснительно соблюдать четкие территориальные границы. Большие города тоже предполагалось разделить в соответствии со спецификой рэкета в том или ином районе: проституция, азартные игры, ростовщичество, охрана, наркотики, вымогательство и т. п. Всячески поощрялось создание совместных предприятий для освоения новых территорий, а некоторые области — такие, как Майами,— было предложено считать полностью «открытыми».

Все участники встречи согласились, что такое огромное сообщество не может возглавляться одним человеком, каждой региональной группе гарантируется местная автономия. Пост «босса всех боссов» отменяется. На высшем уровне устанавливается полное равенство: главари регионов и «организаторы» различных видов рэкета будут собираться для совместного рассмотрения жалоб и выработки общей линии поведения. Каким же образом верховный орган станет проводить в жизнь свои решения? На эту тему высказался Луис Бухалтер.

Бухалтер, известный просто как «Лепке», был маленьким человечком с улыбчивыми глазами, ямочкой на левой щеке и покладистым характером,— впрочем, так только казалось его почтенным родителям. Он родился в 1897 году в Нью-Йорке и там же провел молодость. К 1922 году «Лепке» успел отбыть два срока в тюрьме Синг-Синг за связь с группой профессиональных штрейкбрехеров. Это привело его в банду рэкетиров, контролировавших профсоюзы, и в конечном счете он подчинил своему влиянию практически всю нью-йоркскую швейную и хлебопекарную промышленность. Попутно «Лепке» установил контакт с Лански, который в свою очередь был в добрых отношениях с Лучано. Каждый из них по отдельности обладал немалым могуществом, вместе же эти «Три Л» сумели стать в Нью-Йорке полновластными хозяевами.

«Лепке» предложил организовать специальную бригаду по образцу давней «Банды Багса и Мейера», готовую оперативно выполнять любые заказы со стороны. Предполагалось, что местные боссы, когда им потребуется кого-то убрать, будут заключать с бригадой «контракты на убийство», а исполнять задания станут опытные профессионалы. Это не только гарантирует качество «работы», но и уменьшит риск для «работодателей», а также избавит банды от расходов на содержание специальных групп боевиков. Однако ни один человек, сколь бы обоснованной ни была его обида, не получит разрешения на убийство за пределами своей территории. Если чья-то жалоба будет сочтена справедливой, а виновник — заслуживающим смертного приговора, такой приговор вынесет высший орган.

Делегатам идея понравилась, и «Лепке» был уполномочен создать группу убийц, впоследствии приобретшую известность как «Мёрдер инкорпорейтед».

Все шло очень гладко — вероятно, потому, что идея родилась в подходящее время. Для согласования технических деталей были созданы специальные комиссии. Споров — даже о разделении территорий — было немного: ведь фактически утверж-

Луис «Лепке» Бухалтер, глава «Акционерного общества убийств» — «Мёрдер инкорпорейтед».

далась существующая реальность. Пять лет спустя Дикси Дейвис, адвокат «Немца Шульца», писал:

«Мо Дейвис (в Нью-Йорке Далица знали как Дейвиса) стал первым лицом в Кливленде, и всякому, кто посмел бы в этом усомниться, пришлось бы иметь дело со «Счастливчиком», Мейером и Багом (Сигелом)».

Дикси Дейвис был одним из немногих свидетелей создания Синдиката, которому было что рассказать. Не в пример позднейшим известным «перебежчикам» типа Джозефа Валачи, Дейвис своими показаниями действительно помог осудить ряд важных особ, однако историки организованной преступности вскоре о нем забыли. И очень жаль, поскольку Дейвис сам по себе был весьма интересной фигурой и родоначальником новой категории юристов, обслуживавших Синдикат.

Родившийся в 1904 году в Нью-Йорке и окончивший Сиракузский университет и Колумбийскую юридическую школу, Дж. Ричард Дейвис благодаря своей сладкоречивости и непринужденным манерам получил прозвище «Дикси» («Южанин»). Адвокатскую карьеру Дикси начинал, защищая — за умеренное вознаграждение — мелких жуликов, зарабатывавших на подпольной лотерее, однако вскоре познакомился с одним из лидеров преступного мира — «Немцем Шульцем». За спиной Шульца, естественно, стоял Джон Торрио, и их компания показалась подходящей честолюбивому юристу, от внимания которого не укрылся немаловажный факт: связь Шульца с влиятельным политическим дельцом Джеймсом Дж. Хайнсом.

Дейвис самозабвенно защищал Шульца от федеральных властей, но с убийством «Немца» его карьере пришел конец. В конечном счете Дикси дал показания против Хайнса и в награду получил всего лишь год тюремного заключения по обвинению в тайном сотрудничестве с рэкетирами, наживавшимися на подпольной лотерее. После освобождения он написал ряд статей о зарождении Синдиката, в которых привел даты, цифры и назвал имена Лански, Лучано, «Лепке» и других. Однако его никто не услышал, и всеми забытый Дейвис вместе с женой, бывшей артисткой варьете «Хоуп Даун», переехал в Калифорнию. 30 декабря 1970 года он умер от сердечного приступа, после того как вооруженные налетчики ограбили его дом и грозились убить жену и внука. Дикси никогда не любил насилия.

Национальный преступный синдикат, по сути, возник, когда несколько умных людей из разных концов страны решили сохранить то, что имели, и поняли, что для этого необходимо объединиться. Сработал давний тезис Лански — Торрио: хватит для всех. Вскоре, однако, началась «большая охота», заставившая многих гангстеров устремиться в еще не освоенные области Америки с их громадным неиспользованным потенциалом.

Действие порождает противодействие: политики не замедлили воспользоваться открывшимися возможностями. С одной стороны, время благоприятствовало походу против организованной преступности, и Томас И. Дьюи готов был этот поход начать. С другой стороны, сам Дьюи, честолюбивый политик, способствовал созданию атмосферы, необходимой для такой акции.

Профессия банкира, булочника, мелкого ремесленника после 1929 года перестала считаться уважаемой. Восстановлению общественного доверия никак не способствовали сомнительные доходные сделки, с некоторых пор ставшие привилегией гангстеров. Однако при вечно улыбающемся Рузвельте в Штатах всколыхнулась новая волна идеализма. Ширилось недоверие к старому порядку, к теории финансовой элиты, к лозунгу «Дело страны — бизнес». Некоторые оппозиционеры из числа республиканцев утверждали, что Новый курс — результат коммунистического заговора; таких, правда, было немного. Нападки Рузвельта на политических боссов крупных городов, хоть и способствовали развитию преступного синдиката, все же привлекли внимание общественности к взяточничеству и коррупции. При этом представления о двадцатых годах как о веселом и беззаботном периоде не выдержали проверки временем.

Дж. Эдгар Гувер, директор реорганизованного Федерального бюро расследований,

Слева направо: Дж. Эдгар Гувер, Уильям Стенли — исполняющий обязанности генерального прокурора и Мелвин Парвис — глава Чикагского бюро расследований в 1934 году. Парвис докладывает своему руководству о деле Джона Диллинджера.

Томас И. Дьюи приносит присягу судье Фрэнку Колеману при вступлении в должность генерального прокурора Соединенных Штатов.

уловил настроение американцев и обрушился на последователей Джесси Джеймса — независимых грабителей, обворовывавших банки не только ради денег, но и «из любви к искусству». Пока ФБР охотилось за Джоном Диллинджером и Элвином «Гаденышем» Карписом, подлинные главари преступного мира создавали могучую империю с неограниченными возможностями развития.

Инициаторами давления на Национальный преступный синдикат были Элмер Ирей, руководитель разведывательной службы департамента внутренних дел, и Томас И. Дьюи. Люди Ирея арестовали в Чикаго Аль Капоне и начали кампанию против нью-йоркских гангстеров. Первой жертвой стал Уокси Гордон; именно тогда Дьюи, в то время помощник генерального прокурора Соединенных Штатов, обратил на себя внимание, успешно выступив обвинителем на процессе Уокси, привлеченного к суду за неуплату налогов.

Крестным отцом Дьюи на профессиональном поприще можно считать Джорджа З. Мидали, генерального прокурора, который в марте 1931 года убедил молодого юриста перейти на государственную службу. Пять месяцев спустя Дьюи осудил грозного налетчика «Краснобая» Даймонда, но тот был убит во время обжалования приговора. Правда, Дьюи не сумел доказать вину Чарльза Б. Митчелла, бывшего председателя Национального муниципального банка и активного республиканца. Трудно сказать, было ли это дело заранее обречено на провал или

начинающий юрист смотрел далеко вперед... В ходе суда над Уокси Гордоном в ноябре 1933 года республиканец Мидали смирился с политической реальностью и заявил о своей отставке. Дьюи добился обвинительного приговора и затем тоже ушел в отставку. Казалось, его расчет сделать карьеру на борьбе с рэкетом провалился — по крайней мере, пока республиканцы не вернутся к власти.

Однако судьба распорядилась иначе. Большому жюри присяжных, пытавшемуся разобраться с подпольной лотереей в Нью-Йорке, надоело бесплодно топтаться на месте, и оно затребовало себе в помощь специального государственного обвинителя. Подпольная лотерея почти полностью была в руках «Немца Шульца», а тот находился под надежным крылышком политиков и Джимми Хайнса. Вероятно, догадываясь об этой политической подоплеке, официальный прокурор округа предпочел не ставить свою партию под удар.

Для гарантии честного расследования губернатор-демократ Герберт Г. Леман предложил возложить руководство работой Большого жюри на четырех республиканцев. По неизвестной причине его предложение было отклонено, и выбор в конце концов пал на Дьюи, нужного человека на нужном месте и в нужное время.

Дьюи разоблачил Хайнса и добился его осуждения. Справиться с Шульцем оказалось труднее. Агенты Ирея арестовали его, но на первом судебном разбирательстве суд не смог принять единодушного решения, а на втором вынес Шульцу оправдательный приговор. Тогда за дело взялась «Мёрдер инкорпорейтед».

23 октября 1935 года Шульц зашел в туалет ресторана «Палас Чопхаус» в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Когда он мыл руки, некий Чарльз «Клоп» Уокман, его предполагаемый убийца, приоткрыв дверь в туалет, выстрелил; Шульц упал. Застрелены были также трое его телохранителей. Умирая, «Немец» вспомнил мать с ее возвышенными мечтами. «Мать — самая надежная защита, она не позволит сатане слишком быстро тебя уволочь»,— слабеющим голосом пробормотал он.

Шульц был человеком горячим, властным и при этом подлым и скаредным, так что никто его особенно не жалел. Главари Синдиката поделили немалую державу «Немца». Хватило всем; даже Кливлендскому синдикату достался ипподром вблизи Цинциннати — тот самый, который Шульц использовал для игры в числа. Смерть «Немца» ознаменовала собой окончание войн между независимыми группировками и стихийной конкуренции.

Упустив Шульца, Дьюи сосредоточил огонь на «Счастливчике» Лучано, которого прочили на пост нового капо «Итальянской организации» — так тогда называли Мафию немногие посвященные, имевшие право хоть как-то ее называть. Дьюи начал действовать, зная, что Фьорелло Ла Гардиа, став в 1934 году мэром, первым делом распорядился арестовать Лучано. Доказательствами Ла Гардиа не располагал, но растущая известность «Счастливчика» подсказывала, что в мире организованной преступности тот занимает высокое положение. Дьюи охотно включился в игру, и они с Ла Гардиа превратили Лучано в сущего монстра, хотя сам он считал себя всего лишь скромным исполнителем. Дьюи, впрочем, намеревался к моменту его ареста собрать весомые улики.

Год понадобился для того, чтобы обвинить Лучано как заместителя босса нью-йоркской мафии по девяносто одной статье за вымогательство и принуждение к проституции. «Счастливчик» утверждал, что его оклеветали, что он — жертва честолюбивых замыслов Дьюи и доказательства получены частным образом из близких к тому источников. Так или иначе, арест «Счастливчика» помог Дьюи одержать победу на выборах прокурора округа в 1937 году; авторитет его упрочился, чем он и пользовался, выступая в роли специального государственного обвинителя. Для преступного синдиката могли бы настать черные дни, удовлетворись Дьюи достигнутым, но он метил выше. Окружной прокурор мечтал стать президентом, а для этого необходимо было пройти промежуточный этап — занять пост губернатора штата Нью-Йорк.

Если осуждение Лучано открыло дверь перед Дьюи, Мейеру Лански оно помогло вовлечь Мафию в более тесное сотрудничество с Национальным преступным синдикатом. Лански — давний друг и соратник «Счастливчика» — пообещал Лучано вызволить его из тюрьмы. Перед тем как отправиться отбывать свой срок от тридцати до пятидесяти лет, «Счастливчик» отдал Почетному обществу последнее распоряжение: «Сотрудничайте с Мейером». Возглавившему Мафию Джо Адонису вменялось в обязанность помогать Лучано и исполнять приказания Лански,

Звезда «Счастливчика» Лучано закатилась в 1936 году. По разным статьям он был приговорен в общей сложности к 50 годам тюрьмы.

однако вся ответственность была возложена на «Малыша», как ласково называли Мейера друзья. И первоочередной задачей Мафии стало освобождение босса. Времени для этого потребовалось больше, чем предполагалось, главным образом из-за такого неожиданного события, как вторая мировая война, и все же в конце концов Лански выполнил свое обещание.

Расправившись с Лучано, Дьюи занялся «Лепке» Бухалтером; победа над этим гангстером сулила ему высокую награду: признание прессы и общественности. «Лепке», возглавлявший боевиков Синдиката, представлял собой идеальную мишень для честолюбивых политиков. Федеральное бюро по борьбе с наркотиками тоже за ним охотилось, и даже директор ФБР Гувер публично объявил «Лепке» «самым опасным преступником на территории Америки». Гувер был не дурак: он понимал, что Дьюи и Ирей подрывают его репутацию главного борца с преступностью. Тем временем «Лепке», заявив, что его нельзя осудить при отсутствии свидетелей, скрылся и нанял убийц из «Мёрдер инкорпорейтед», поручив им убрать кое-кого из бывших дружков, которых он считал наиболее для себя опасными. Началась своего рода гонка с преследованием: «Лепке» пытались отыскать прежде, чем он успеет расправиться со всеми свидетелями. Охота приняла буквально всемирный масштаб, но шли месяцы, а «Лепке» все еще оставался на свободе в Нью-Йорке.

Это было время «большой охоты», и многим гангстерам пришлось искать безопасное убежище в отдаленных уголках страны. Главари, поняв, что политикам выгодно искоренить банды в Нью-Йорке, стали подыскивать новые базы в глухой провинции. Лански приступил к созданию империи на Кубе. С диктатором Фульгенсио Батистой он был знаком еще со времен Сухого закона; эти два человека, добившиеся успеха исключительно собственными силами, относились друг к другу с уважением. Гавана была излюбленным местом отдыха богатых туристов, и Лански решил прибрать к рукам тамошние игорные дома и ипподромы. Партнер Лански, Багси Сигел, перебрался в Лос-Анджелес с намерением завоевать Калифорнию и Неваду. Фрэнк Костелло, войдя в долю с Лански и Кастелом, заключил сделку с Хью Лонгом и развернул широкую сеть игорных домов в Новом Орлеане. Внимания удостоились даже пески Аризоны: нью-йоркские и кливлендские гангстеры, объединившись, начали вкладывать в этот район капиталы.

Лански, Торрио и некоторые другие понимали, что крупные города — всего лишь малая часть огромной страны, однако большинство бандитов восприняли необходимость покинуть насиженные места в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Чикаго и Кливленде как тяжкий удар судьбы. Тем не менее многие из них быстро приспособились к новым обстоятельствам. К освоению «песков и ящериц» Таксона, по выражению одного из гангстеров, они не были готовы, но их привлек внешний блеск Беверли-хиллс и Золотого берега во Флориде. Особенно им пришелся по душе Голливуд, штат Флорида, расположенный примерно в двенадцати милях к северу от Майами-Бич; многие известные воротилы преступного мира купили или построили там дома.

Аль Капоне приобрел дом на Пальм-Айленд в Майами-Бич, где и поселился после освобождения из тюрьмы. Он умер, не успев завоевать в тех краях репутацию филантропа, однако другим в последующие годы это вполне удалось. Гангстеры, бывшие в первую очередь опытными дельцами, вскоре убедились, сколь выгодно осваивать курортные местности, и принялись вкладывать свободные средства в земельные участки, гостиницы и ночные клубы. Местные бизнесмены, все еще жаждавшие обогащения, приветствовали такие вложения, видя в них гарантию грядущего процветания. Никто особо не интересовался, каким способом нажито состояние вкладчика. Деньги вызывали безоговорочное уважение.

Заработанные бутлегерами в больших городах доллары рассеялись по стране как семена. Со временем им предстояло не только принести огромные барыши, но

и способствовать росту коррупции, что в свою очередь было чревато новыми преступлениями. Кольцо вокруг «Лепке» сжималось, однако преступность уже пустила прочные корни, и судьба отдельного человека не имела никакого значения.

В тот период, когда охота на «Лепке» ужесточилась, когда преследования гангстеров стали ощутимо препятствовать их повседневной деятельности и планируемой экспансии, в дело вмешался совет руководителей Синдиката. Его члены — правда, неохотно, но единодушно (за исключением Альберта Анастасиа) — приняли решение пожертвовать старым товарищем во имя общего блага.

«Лепке» предоставили нехитрый выбор: либо сдаться властям, что было бы для него наилучшим выходом, либо расстаться с жизнью.

Лански убедил «Лепке», что тому будет легче выпутаться, если он добровольно отдастся в руки федеральных агентов. Горячее всех возражал против этого Анастасиа — «Лепке» был его кумиром. «Большой Альберт» нелегально прибыл в Соединенные Штаты в 1917 году и накачал мышцы в доках Бруклина. Затем он возглавил бруклинскую банду головорезов, продававших свои услуги любому, кто в состоянии был платить. Джо Адонис всячески использовал Альберта и продвигал его по «служебной» лестнице Синдиката, но Анастасиа сохранял верность «Лепке».

В период «большой охоты» Анастасиа по собственной инициативе взял на себя заботу об удобствах и безопасности «Лепке». Осуждая Мейера Лански за решение отдать Бухалтера в руки правосудия, он объявил вендетту, что в конечном итоге привело к серьезному обострению отношений между Синдикатом и Мафией, а карьере Анастасиа мгновенно пришел конец. При посредничестве газетного фельетониста Уолтера Винчелла «Лепке» ночью 24 августа 1939 года сдался Дж. Эдгару Гуверу; на этом «большая охота» завершилась. Гуверу «Лепке» не был нужен: его нельзя было обвинить даже в нарушении запрета перелетать из штата в штат, поскольку он не покидал Нью-Йорка. Бухалтер был передан Федеральному бюро по борьбе с наркотиками, которое выдвинуло против него ряд обвинений. Однако не это Бюро решило его судьбу: разоблачил «Мёрдер инкорпорейтед» и отправил «Лепке» на электрический стул за убийство помощник прокурора бруклинского округа Бертон Теркус.

«Лепке» был единственным из крупных главарей банд, которого за всю полувековую историю Синдиката государство приговорило к смертной казни. Лански, например, считал себя глубоко несчастным, когда в 1953 году ему пришлось провести три месяца в нью-йоркской тюрьме. Случившееся с «Лепке» послужило уроком на будущее: гангстеры поняли, что перемены неизбежны и необходимо приспосабливаться к новым условиям. «Лепке», в двадцатые годы прославившийся своим умом, слишком долго опирался на террор. Лански, который был еще умнее, оставался в тени, ожидая дальнейшего разворота событий и по возможности влияя на их развитие. Он недолго горевал о «Лепке», друге молодости, считая, что тот сам виноват в своей печальной участи. Обладая большой внутренней дисциплиной и умеренными аппетитами, Лански умел извлекать выгоду из слабостей отдельных людей и всего общества. По его глубокому убеждению, разумный человек способен любую ситуацию обернуть в свою пользу; и «большая охота» в этом смысле не составляла исключения.

То же можно сказать о судьбе «Мёрдер инкорпорейтед», хотя многим гангстерам казалось, что после расправы с «Лепке» настал конец света. Полоса невезений для «Акционерного общества убийств» началась в 1940 году, когда некий заурядный и сумасбродный гангстер Гарри Рудольф, который еще во время войны между бандами мечтал «убрать» одного из своих дружков, наконец нашел человека, пожелавшего его выслушать. Помощник окружного прокурора Бертон Теркус, не придав рассказу Рудольфа слишком серьезного значения, все же позволил ему расправиться с тремя бандитами. Одним из них был Эйб Рилз по кличке «Малыш Твист», в прошлом член «Банды Багса и Мейера», занимавший довольно высокую должность в новой организации убийц.

Среди гангстеров были такие, которые по многу лет работали на контору Дьюи осведомителями в обмен на снисходительность властей, и Рилз — как только его хитростью убедили в грозящих ему неприятностях — попытался сыграть в подобную игру с Теркусом. Теркус пошел на это, и «птичка запела». Однажды нарушившему неписаный закон Рилзу ничего не оставалось, кроме как выдавать своих коллег, так что его рассказ сильно затянулся и продолжался двенадцать дней.

В результате он описал в мельчайших подробностях восемьдесят пять убийств и дал информацию о тысяче других.

Рилз прямо назвал по меньшей мере трех главарей Синдиката: «Лепке», Багси Сигела и Альберта Анастасиа. «Лепке», как уже говорилось, попал на электрический стул. Сигел был арестован, но избежал наказания благодаря внезапной смерти Рилза — главного свидетеля. Анастасиа, хотя ему были предъявлены «неоспоримые» обвинения в убийстве, вышел сухим из воды. Теркус старался изо всех сил, но его шеф, окружной прокурор Уильям О'Дуайер, был очень честолюбив, а голоса итальянцев много значили на выборах в Нью-Йорке. (Таково, во всяком случае, простейшее объяснение.)

Подробности деятельности «Мёрдер инкорпорейтед», став достоянием гласности, вызвали сенсацию, но, как обычно, полная ясность так и не была достигнута. Общественность, черпавшая информацию из прессы, которая в свою очередь ссылалась на официальные источники, путала боевиков Синдиката с самим Синдикатом, и название «Мёрдер инкорпорейтед» было перенесено на всю организацию в целом. (Точно так же двадцать лет спустя Мафия в глазах многих стала синонимом организованной преступности.) Поэтому общественное мнение решило, что после расправы с бандой убийц рассыпался и весь Синдикат и теперь о нем можно забыть. Больше того: с тех пор как имя Дьюи стало ассоциироваться с разгромом банд в Нью-Йорке. бóльшая часть населения страны уверовала в то, что успехом этой операции народ обязан именно ему. Много лет спустя после смерти Дьюи некоторые крупные газеты — в частности, майамская «Геральд» — упомянули в числе его заслуг ликвидацию «Мёрдер инкорпорейтед».

В действительности же потеря армии боевиков больше помогла Синдикату, чем повредила. Наемные убийцы нужны были только на первых порах, когда в состав организации еще входили такие независимые личности, как Шульц, и между ее членами существовали разногласия на почве территориальных притязаний. Устранение сильных личностей — Лучано и «Лепке» — упростило контроль над остальными без применения насилия. Могущество Лански крепло не потому, что в его распоряжении были вооруженные формирования, а совсем по иной причине: он указывал другим главарям гангстеров пути к обогащению и не мешал делить «дивиденды». Взятка уже давно заменила пулю в отношениях с политиками и полицейским начальством; теперь она становилась главным средством поддержания внутренней дисциплины.

Разоблачение «Мёрдер инкорпорейтед» оказалось прекрасным спектаклем для обывателей, получивших моральное удовлетворение и лишний раз удостоверившихся, что преступление не остается без наказания. Их бдительность — по крайней мере, на ближайшие десять лет — была усыплена.

Эйб Рилз — птичка, умевшая петь, но не летать,— был выброшен из окна гостиницы «Хаф Мун» 12 ноября 1941 года, хотя находился под защитой крепких телохранителей и стальных дверей. Меньше чем через месяц японцы разбомбили Пёрл-Харбор, и внимание американцев переключилось с внутреннего врага на внешнего.

Война, кроме всего прочего, помогла Мейеру Лански сдержать обещание и вызволить Лучано из тюрьмы.

5. ЭПОХА КАЗИНО

Еще до событий в Пёрл-Харборе поток туристов на Кубу иссяк, и Мейер Лански закрыл свое казино в гаванском отеле «Насьональ». «За счет кубинцев не проживешь»,— заявил он.

Но и после Пёрл-Харбора в Штатах ситуация оставалась неблагоприятной. Прожить за счет «местных мужланов» — по крайней мере так, как привыкли жить члены Синдиката,— было невозможно. Немногочисленные притоны (rug joints), рассчитанные на очень богатых людей, правда, продолжали существовать, а дешевые кабаки (bust-out joints) — как, например, в Феникс-Сити, штат Алабама,— выкачивали деньги из военнослужащих. Однако исполнение вынашиваемых Лански и его друзьями грандиозных планов пришлось отложить до конца войны. Пока же стоило подумать о черном рынке, где можно было заработать большие деньги. По окончании войны следовало ожидать реакции, подобной той, которая

наступила после первой мировой войны, когда множество людей бросилось наверстывать упущенные возможности. Вот тогда придет время азартных игр.

Среди тех, кто ждал наступления этих счастливых дней, были давние соратники Лански по Кливлендскому синдикату. Мо Далиц и компания на протяжении нескольких лет приобретали игорные дома в Кливленде и окрестностях; самым доходным из них был Маундс-клуб. После гибели «Немца Шульца» в 1935 году дельцы преступного бизнеса прибрали к рукам ипподром «Кони-Айленд» на северном берегу реки Огайо, за пределами Цинциннати, и переименовали его в «Ривер Даунс». Кроме того, они вложили деньги в несколько небольших казино поблизости, в том числе в Эрроухед-клуб, владельцем которого вскоре стал Сэм «Игрок» Миллер, специальный уполномоченный по разрешению конфликтов. Зрелище с другого берега мутной Огайо открывалось захватывающее. Ньюпорт и Ковингтон, маленькие городишки, отрезанные от остальной части Кентукки грядой холмов, казались призрачными, хотя на самом деле были вполне реальными этническими и культурными центрами. Эта местность еще в эпоху Сухого закона получила название «Маленький Мехико»; там царил культ пистолета, а коррупция была распространена не меньше, чем при Джордже Римусе, короле бутлегеров. По существу, заправилами в ньюпортской империи азартных игр были бывшие помощники Римуса, Питер Шмидт и Бак Брэди. Шмидту принадлежало самое престижное заведение — Беверли-хиллс-клуб, расположенный к востоку от города у дороги, ведущей во Фрэнкфорт. Громадное и шикарное казино переманивало клиентов из игорных домов Цинциннати и других городов Огайо. Брэди владел не столь роскошным, но довольно популярным Примроуз-клубом в Уайлдере, предместье Ньюпорта, превосходящем сам городок по размерам. С этим заведением Синдикат мог не торопиться. Ясно было, что на пути к завоеванию Кентукки стоит Питер Шмидт: упрямый старый голландец не желал продавать свое дело.

Синдикат решил с помощью местных головорезов сжечь Беверли-хиллс-клуб. Для начала была убита молодая девушка, дочь сторожа, который в межсезонье жил в помещении клуба. Шмидт тем не менее продолжал упорствовать. Он перестроил свое заведение, не скупясь на затраты; на открытие клуба после ремонта были приглашены губернаторы трех штатов. Однако и Синдикат не испытывал нужды в деньгах, и «волынка», как говорили местные гангстеры, продолжалась. Со временем у Шмидта начались трудности с наймом крепких ребят для охраны кассы и клиентов, и он волей-неволей стал брать на работу негров. А многие из свеженспеченных белых американцев, которым обязательно надо было презирать кого-то, стоящего ниже на социальной лестнице, считали, что снабжать черных автоматическим оружием не только опасно, но и унизительно.

В начале 1940 года Шмидт был вынужден сдаться. Синдикат, приобретя «Беверли-хиллс», переоборудовал его и стал приглашать голливудских и бродвейских звезд. Клуб превратился в «национальную достопримечательность», предмет гордости местных жителей.

Завоевание Беверли-хиллс-клуба было всего лишь первым шагом. Синдикат назначил управляющим клубом Сэма Таккера; для него еще был приобретен и принадлежавший Джимми Бринку «Кукаут-хаус» в соседнем Ковингтоне. Бринк, именовавший себя почетным гражданином Кентукки и коннозаводчиком, называл Таккера «авантюристом из Кливленда», однако противиться не стал, и ему была оставлена небольшая доля дохода. Столь же легко Синдикат скупил более скромные игорные дома в центре Ковингтона и Ньюпорта. Один лишь Брэди, не желая расставаться с клубом «Примроуз», оказал сопротивление. После уличной перестрелки, во время которой были изуродованы два автомобиля и на поле боя остался раненый наемник Синдиката, Брэди был обнаружен с запасом оружия в близлежащем туалете. Он заявил, что его вконец затравили. Расчувствовавшиеся главари Синдиката щедро заплатили владельцу «Примроуза», чтобы он убрался во Флориду.

Азартные игры в Кентукки были строжайше запрещены, однако принадлежащие Синдикату притоны функционировали так же открыто, как бакалейные лавки или кафе. Заполучив «Беверли-хиллс», банда вскоре пристроила группу своих людей в ньюпортский муниципалитет, где те благополучно продержались двадцать с лишним лет. Куплено было и руководство штата. Губернатор Э. Б. «Везунчик» Чандлер имел в виду не одного себя, когда провозглашал «право ньюпортцев жить в грязи», если им это нравится.

Параллельно Синдикат пытался обуздать проституцию и мошенничество, понимая, что нарушение норм морали может вызвать недовольство местного населения и привести к взрыву. На этот раз, правда, главари Синдиката столкнулись с большими трудностями. Слишком многих требовалось взять под жесткий контроль, к тому же полицейские, привыкшие взимать дань с игорных домов, не видели причин, почему бы им не собирать мзду с хозяек борделей и владельцев притонов. Публичные дома, впрочем, удалось довольно четко поделить на дневные и ночные. Дневные предназначались в основном для местных бизнесменов, желавших, чтобы их «быстренько обслужили» во время обеденного перерыва или после работы, перед тем как отправиться домой к супруге. Ночные бордели открывались с наступлением темноты, и посещали их приезжавшие в Цинциннати по делам коммивояжеры и юные искатели приключений из Луисвилла и Индианаполиса. По сложившейся традиции ни одну девственницу не допускали «к работе», если она не прошла «проверки» у начальника ньюпортской полиции. Тому даже не надо было далеко ходить: большинство борделей располагалось в соседних с полицейским управлением кварталах. Стоило кому-либо из почтенных граждан пожаловаться на обстановку в городе, ему тотчас напоминали о Беверли-хиллс-клубе, об устраиваемых там представлениях с участием звезд и о доходе, который он приносил в казну. «С паршивой овцы хоть шерсти клок»,— смирялись обыватели.

Так Кливлендский синдикат распространял свое влияние, пользуясь тем, что цены были низкими, а население поглощено своими заботами: люди начинали заново строить жизнь, надеясь, что после войны история повторится. Гангстеры тоже с новым пылом принялись за дело. Багси Сигел, который в период «большой охоты» перебрался в Лос-Анджелес, «положил глаз» на Лас-Вегас. Разрешенный законом игорный бизнес необязательно был прибыльнее или безопаснее незаконного (еще только предстояло убедиться, что политическая обстановка по-прежнему будет ему благоприятствовать), зато имел одно уникальное преимущество: гарантировал уважаемое положение в обществе. Начинавших в молодости бутлегерами гангстеров по достижении зрелого возраста потянуло к респектабельности. Да и под прикрытием легального бизнеса проще было заниматься незаконной деятельностью. И Багси, посоветовавшись с Лански, остановил свой выбор на Лас-Вегасе — грязном городишке в южной Неваде, куда — в отличие от расположенного севернее Рено — было легче добираться из такого крупного центра, как Лос-Анджелес.

Одним из первых добился положения в обществе Оуни Мэдден. За ним числилось слишком много убийств, чтобы он мог чувствовать себя в безопасности в Нью-Йорке при новых порядках. Синдикат разрешил Мэддену «удалиться» в Хот-Спрингс, штат Арканзас,— уединенный, но популярный курорт, который мог послужить прекрасным убежищем. Там, кстати, скрывался Лучано, когда Дьюи добился разрешения на его арест; чтобы вырвать «Счастливчика» из-под крылышка полицейских Хот-Спрингс, потребовался отряд арканзасской конной полиции. Мэдден женился на дочери местного политика и занялся делом: открыл увеселительные заведения для заезжих гангстеров и богатых подагриков, поправлявших здоровье на целебных водах. Развлечений в Хот-Спрингс было немного: тотализаторы на бегах и спортивных соревнованиях да небольшие игорные дома, но Мэдден верил в потенциальные возможности города и ждал лишь окончания войны, чтобы начать их реализацию. Лански готов был, если понадобится, выделить дополнительные ассигнования.

Заманчивые перспективы открывались также в Новом Орлеане, Саратога-Спрингс и, разумеется, на Золотом берегу во Флориде, но Лански не сумел ими воспользоваться, так как вскоре оказался втянут в одну из самых странных историй времен второй мировой войны. Речь идет о так называемой операции «Дно», которая поможет Мейеру выцарапать Лучано из тюрьмы.

Честолюбивый Дьюи на время отказался от преследования «Лепке», в 1937 году вступив в борьбу за пост губернатора штата Нью-Йорк. Республиканская партия выдвинула его своим кандидатом, но на выборах он потерпел поражение. Лански очень огорчился: для его планов, связанных с освобождением «Счастливчика», было жизненно важным, чтобы Дьюи стал главой исполнительной власти штата. Когда же Дьюи в 1940 году решительно двинулся к своей заветной цели — президентскому креслу, Лански испугался. Однако на Общенациональном съезде

республиканцев Дьюи неожиданно обскакала «темная лошадка» — Уэндел Уилки. Два года спустя Дьюи удалось стать губернатором благодаря обещанию не баллотироваться на президентских выборах в 1944 году. В должности окружного прокурора его сменил Фрэнк Хоган, который и оставался на этом посту до конца своих дней.

Операция «Дно» началась в 1942 году, еще до избрания Дьюи губернатором, но после того, как стало ясно, что его ждет победа. Военно-морской разведке якобы потребовался Лучано для очистки доков Нью-Йорка и Нью-Джерси от немецких и итальянских агентов. Только «Счастливчик» пользовался достаточно большим влиянием, чтобы приказать Мафии, фактически распоряжавшейся в доках, помочь разведке. По такому неотложному случаю руководство военно-морскими силами, естественно, обратилось к Дьюи. Посоветовались с Мозесом Полякоффом, служившим адвокатом и у Лучано, и у Лански; к тому же он был личным другом последнего. Полякофф заявил, что один лишь Лански может уговорить Лучано сотрудничать с разведкой. Мейеру Лански разрешили встретиться со «Счастливчиком», который, разобравшись в ситуации, разумеется, дал свое согласие. Мафия получила приказ связаться с Лански, который готов был оказать помощь военно-морским силам, рассчитывая, что так ему будет легче освободить босса.

Трудно сказать, насколько успешным оказалось такое сотрудничество. Нигде не сообщалось о случаях саботажа в доках, однако неизвестно, кого следует за это благодарить: Мафию или ФБР. На самом деле свою роль, вероятно, сыграли и те и другие.

Существует мнение, что Лучано способствовал еще и успеху вторжения союзников на Сицилию, хотя кое-кто оспаривал у него эту славу. Никола Джентиле, опальный уполномоченный по разрешению конфликтов, утверждал, что сделал для этого больше, чем кто-либо другой.

В 1971 году Лански, пребывавший в Израиле и всеми силами добивавшийся официального разрешения на жительство в этой стране, дал интервью, которое опубликовала одна из израильских газет. Интервью было отправлено в Соединенные Штаты, но, к сожалению, английский перевод страдает некоторыми неточностями. Вот как, находясь в Тель-Авиве, Лански по прошествии без малого тридцати лет вспоминал об операции «Дно»:

«Когда Италия вступила во вторую мировую войну, в Америке распространилось мнение, что некоторые итальянцы не слишком патриотичны. Разведывательное управление военно-морских сил опасалось, что докеры-итальянцы и плавающие на американских судах итальянские рыбаки сотрудничают с врагом... Окружным прокурором в Манхэттене был в то время Хоган. Он позвонил адвокату «Счастливчика» Лучано — мистеру Мо Полякоффу — и сказал: «Вы — адвокат «Счастливчика» Чарльза, повидайтесь с ним и поглядите, не может ли он оказаться полезным». «Счастливчик» тогда сидел в тюрьме. Полякофф заявил, что хочет пойти к Лучано вместе со мной и Фрэнком Костелло. На следующее утро Полякофф повел меня к окружному прокурору, который объяснил мне ситуацию. Я немедленно связался с Фрэнком Костелло, рассказал ему все и поинтересовался его мнением. Патриотически настроенный Фрэнк считал, что помощь оказать нужно. Тогда мы решили пойти на «святую ложь» и сказать Чарли, что, если он согласится помочь разведке, ему будет легче выбраться из тюрьмы... У «Счастливчика» Чарли сохранились все связи (sic!), и он немедленно передал несколько слов своим людям, пообещав отблагодарить их, если они выполнят его указания, потому что это может здорово ему помочь. Чарли очень уважали в тред-юнионах, и они его послушались...»

По поводу вторжения на Сицилию Лански сказал своему интервьюеру:

«В морской разведке меня попросили собрать как можно больше картинок и открыток из личных альбомов итальянских иммигрантов с видами Сицилии, чтобы изучить ее топографию. Я охотно согласился; помню, сколько итальянцев мы нагнали в министерство военно-морского флота на Черч-стрит в Нью-Йорке — контора была буквально набита сицилийцами. Я выполнял еще одно государственное поручение: вербовал в некоторых районах Нью-Йорка осведомителей, чтобы они следили за шпионами в соседних кварталах, заселенных немецкими иммигрантами. После войны власти забыли об услугах, которые мы им оказывали».

Вспоминая в 1971 году минувшее, Лански, вероятно, покривил душой. Долгие

годы считалось, что за оказанные услуги ему было обещано прекращение судебного преследования, подобно тому как Лучано посулили отпустить на поруки. Если это правда, труд Мейера Лански по сбору открыток с видами Сицилии можно считать щедро оплаченным. Необходимо отметить, что он первый сказал об участии Костелло в операции «Дно». Даже в отчетах Комиссии Кефовера в 1951 году имя Костелло не упоминалось. Не зря Фрэнка называли «Политиком».

В любом случае Лучано был вознагражден за приписываемые ему военные заслуги. В начале 1946 года его условно освободили и депортировали в Италию. Лански, Костелло и свора политиканов проводили «Счастливчика» в доки, где портовые грузчики силой отбили его от газетчиков. Вскоре Лучано пробрался на Кубу и попытался из этого теплого местечка руководить Мафией в качестве capo di capi re. Но тут вмешалось правительство Соединенных Штатов — так же власти вынуждены были поступить спустя два десятилетия, когда Лански уехал в Израиль,— и Лучано пришлось вернуться в Италию. Перед отъездом он наказал Мафии повиноваться Лански, который, по сути дела, стал настоящим боссом Почетного общества. Патриотизм Мейера Лански тоже был хорошо оплачен.

В то же время другие члены Мафии решали собственные проблемы. 18 марта 1943 года Федеральное большое жюри потребовало предать суду главарей Чикагского синдиката: Фрэнка Нитти, Фила Д'Андреа, Пола Рикка, Джона Росселли и нескольких других. Их обвинили в заговоре с целью вымогательства денег у дельцов, которые занимались коммерческими операциями между штатами, в основном в области кино и эстрады.

Вернемся в 1935 год, когда Синдикат, в котором ключевые позиции захватили чикагские гангстеры, предпринял наступление на Голливуд. У крупных продюсеров путем шантажа были изъяты сотни тысяч долларов; не меньше вымогатели выудили у прокатчиков в разных концах страны. Возможно, в этом виноваты создатели гангстерских фильмов, заполонивших кинорынок после успеха «Лица со шрамом» и «Маленького Цезаря», и пострадали они прежде всего потому, что поверили в придуманные самими же истории. Когда Багси Сигел явился в Голливуд в качестве представителя Синдиката на Западе, напуганные местные толстосумы встретили его с великими почестями. Другой соратник Мейера Лански, «Верзила» Цвиллман, вложил кучу денег в такие картины, как «Временная жена». Демонстрируя безумную влюбленность в Джейн Харлоу, он пытался купить волосы с ее лобка, которые якобы были сбриты перед срочной аппендоктомией.

Но времена изменились, и в 1943 году Фрэнк «Боец» Нитти страшно испугался возбужденного против него и его сообщников уголовного преследования. Он уже отсидел один срок за неуплату налогов, и тюрьма ему совсем не понравилась. Поэтому Нитти предпочел покончить с собой. Другие угодили за решетку, и по окончании трети десятилетнего срока были условно освобождены за примерное поведение. Это вызвало очередной скандал, но парни уже были на свободе.

Во время войны гангстеры получили хороший навар на военных контрактах и снабжении мирного населения товарами черного рынка. В этом им весьма пригодился опыт эпохи Сухого закона, и в страну вновь хлынул поток контрабандного спиртного. Немалые доходы приносила «доставка со складов» — возникший в военное время эквивалент «разрешения на изъятие». История более или менее повторилась. Потребность в спиртном резко возросла, и торговцы заламывали за него цены, намного превышавшие официально установленные Комитетом по ценообразованию.

В одной из афер оказался замешан Батиста, кубинский диктатор и друг Мейера Лански. Афера заключалась в следующем: к дешевому кубинскому рому добавлялось чуточку хорошего бурбона (кукурузный или пшеничный виски), и этот «гибрид» продавался под видом «смешанного» виски. Бочки из-под бурбона на кораблях переправляли в Гавану. Как выяснилось, ром, если его перед спуском в док выдержать несколько дней в этих бочках на жарком солнце, приобретает некоторые свойства бурбона. Комментарии излишни.

Батиста, владелец рома, предложил транспортировать выдержанную на солнце смесь во Флориду и предоставил для этого свою яхту, старую американскую канонерку. Когда же груз был поднят на борт, он потребовал за ром дополнительно 10 000 долларов.

Наконец «виски» попал на винокуренный завод Сидар-Вэлли в Вустере, штат

Огайо, где был разлит по бутылкам. Никто никогда не узнал, какая его часть была продана принадлежащим Синдикату кабакам в Огайо и других местах. В конечном итоге правительство конфисковало все, что удалось обнаружить, на том простом основании, что содержимое бутылок не соответствовало этикеткам. Искусство изготовления поддельных этикеток — а также бутылок, пробок, коробок и ящиков — достигло совершенства в эпоху Сухого закона, и теперь это «снаряжение» продавалось отдельным бутлегерам вместе с «чипсами» — соскребавшимися со стенок пустых бочек остатками добавок для улучшения аромата низкосортного виски. Сделкам благоприятствовала специфика военного времени. Торговля ромом — по крайней мере, на первых порах — оказалась достаточно прибыльным делом.

По окончании войны психология американцев, как и следовало ожидать, изменилась. Люди бросились приобретать все подряд, чего прежде не могли себе позволить: дома, автомобили, яхты; многие стремились проводить отпуск в экзотических местностях. Спрос способствовал подъему деловой активности, деньги текли рекой — вот теперь действительно можно было праздновать национальную победу. Роскошные игорные дома стали просто насущной потребностью.

Эпоха казино, наступление которой предвидели Далиц, Кастел, Сигел, Лански и другие домо́рощенные социологи Синдиката, по своему размаху и великолепию превзошла их самые смелые ожидания. Игорные дома в Ньюпорте, штат Кентукки, и окрестностях процветали, и шикарные заведения, ранее закрывавшиеся на зиму — когда игроки перебирались во Флориду,— теперь работали круглый год. На Золотом берегу не осталось свободного места, после того как Лански покинул Майами, уступив район Майами-Бич владельцам совместных предприятий, и открыл новые игорные дома — «Колониал инн», клубы «Гринакрс» и «Бохим» — в Броурдском округе к северу от Гольфстрим-парка. Преуспевающие экстравагатные клубы усеяли побережье Мексиканского залива в Билокси, а Беверли-клуб вблизи Нового Орлеана стал жемчужиной игорной империи Джефферсона Пэриша. В Нью-Джерси, возле моста, ведущего в Нью-Йорк, преспокойно функционировало громадное казино, а к северу от Саратога-Спрингс на нескольких известных стадионах устраивались бега.

Между тем Багси Сигел в Лас-Вегасе не терял ни минуты даром. В то время как ветераны войны не могли найти материала для постройки домов, Багси на деньги, вырученные Синдикатом на черном рынке, возвел у дороги в Лос-Анджелес ночной клуб «Фламинго» (эта местность затем получила название «Ленты»). Сигела в его грандиозных начинаниях поддерживала подружка, Вирджиния Хилл, которая, возможно, и считала себя «самой сексапильной особой в мире», однако, вопреки молве, никогда этим не хвасталась. Кливлендский синдикат отказался от намерения построить огромный казино-отель в Уайт-Салфар-Спрингс, штат Виргиния, и приобрел вместо этого «Дезерт инн». Дэнди Фил Кастел, оставив Новый Орлеан на попечение Карлоса Марчелло и Сеймура Вайса, выстроил «Тропикану» в честь своей возлюбленной — девушки, которую он нашел во Французском квартале.

Другие гангстеры, охваченные золотой лихорадкой, следом за Сигелом устремились в легальный игорный бизнес, сам же Багси по злой воле судьбы не успел насладиться своим триумфом. Ночью 20 июня 1947 года в гостиной дома в Беверли-хиллс, который снимала Вирджиния, в него выстрелил наемный убийца Синдиката. Роковая пуля попала Багси в правый глаз.

Исследователи организованной преступности поначалу выдвинули предположение, будто Сигелу отомстили, поскольку он поддерживал не тех, кого нужно, в войне за «Службу новостей» — борьбе за контроль над Общенациональной службой новостей, нелегально распространявшей по стране сведения о выигрышах и призерах на бегах. Однако дивиденды от этой аферы не шли ни в какое сравнение с теми выгодами, которые можно было извлечь из «Фламинго». Сигела — как впоследствии выяснилось — наказали за нечестную игру с коллегами по Синдикату, слишком много вложившими в шикарные игорные дома курорта.

Приказ о расправе с членом Верховного совета Синдиката был отдан в первый, но не в последний раз. Синдикат завладел «Фламинго», а в 1971 году обвинил Мейера Лански и еще нескольких человек в сговоре с целью присвоения 36 миллионов приносимой казино безналоговой прибыли. Сигел воистину открыл в песках Невады золотоносный источник.

Действие, противодействие... К 1950 году смрад коррупции начал забивать сладкий аромат успеха. Республиканцы, испытавшие горькое разочарование, когда Гарри С. Трумэн в 1948 году одержал победу над Дьюи, оспорили результаты выборов, как это делали демократы в 20-е годы. Скандал, связанный с Трумэном, был не таким громким и не имел столь далеко идущих последствий, как скандал, разразившийся вокруг Гардинга, однако спровоцировал всплеск новых настроений в обществе. В 1950 году сенатор Эстес Кефовер, молодой человек из Теннесси, сумел уговорить своих коллег вплотную заняться расследованием роли преступных организаций в торговле между штатами. Кефовер обладал некоторым опытом борьбы с преступностью и коррупцией: сенатором он стал после того, как ликвидировал организацию «Босса Крампа» в своем родном штате. Собрав группу образованных молодых людей, Кефовер убедил их, что обстоятельства открывают перед ними блестящие перспективы. Если бóльшую часть проводившихся сенатом расследований можно было сравнить с боронованием уже вспаханной почвы, то команда Кефовера взялась за обработку целины. Его соратники, в частности Джозеф Л. Неллис, возглавлявший расследование деятельности Кливлендского синдиката, за очень короткий срок собрали громадное количество новых материалов.

Слушание дела стало телевизионной сенсацией — настолько громкой, что кое-кем из гангстеров, появившихся в качестве «звезд» на экранах, вероятно, овладели смешанные чувства. Такие люди, как Лански и Костелло, охотно вкладывали средства в новые виды индустрии, в том числе в телевидение. Однако инстинкт самосохранения заставлял некоторых пренебречь уже сделанными капиталовложéниями, и они отказывались говорить перед телевизионной камерой.

Группа Кефовера, изучив события прошлого, включая эпоху Сухого закона, убедилась в существовании альянса преступности, политики и большого бизнеса, начало которому положил «черный вторник» 1929 года. Подобного рода «деловые связи» обнаруживались в одном городе за другим. Подтвердилась роль Мафии — не как огромной контролирующей организации, а как «цементирующего начала», объединяющего самые разные интересы. На свет божий были извлечены — по крайней мере, частично — материалы операции «Дно» и выявлены связи администрации района Ньюпорта—Ковингтона с преступным миром. Открылась грязная подоплека деятельности Синдиката на громадной территории — от Лас-Вегаса, где комиссия расследовала убийство Сигела, до Майами-Бич, где ее внимание сосредоточилось на попытках Чикагского синдиката силой разделаться с местной фракцией, известной под названием «Эс и Джи Синдиката». Но кто прислушался к выводам комиссии?

Американцы наблюдали за развитием драмы так, словно это был очередной душещипательный телесериал. Поколению, которому внушили, что ФБР давно расправилось с гангстерами и что политики, произносящие высокие слова о Знамени и Отечестве, не могут совершать неблаговидные поступки, трудно было поверить в реальность того, о чем ему рассказали. Правда, рядовые граждане стали организовывать комиссии по борьбе с преступностью, а репортеры некоторых газет даже получили звание «специалистов по преступлениям», но в целом интерес общества к этой стороне жизни иссяк столь же быстро, сколь пробудился.

Сенатор Джозеф Маккарти, с 1948 года накапливавший эффектную, хотя и не всегда достоверную информацию, постепенно вытеснил со страниц газет Кефовера, и многие с облегчением вздохнули. Куда патриотичнее было бороться с красной опасностью, чем разоблачать американских парней, которые всего-то-навсего хотели иметь немножко больше свободы в своей предпринимательской деятельности. В шумихе, поднявшейся в период маккартизма, об открытиях Комиссии Кефовера почти забыли.

Однако кое-какие ощутимые результаты работа комиссии все же принесла. Фрэнк Костелло, представленный общественному мнению как «премьер-министр преступного мира», оказался ненужным Синдикату. Лански вынужден был закрыть свои нелегальные казино на Золотом берегу во Флориде. И прошлое Джо Адониса в конце концов сыграло против него. Джо долгое время обманывал блюстителей порядка, утверждая, что родился в США, тогда как в действительности его привезли из Италии в Нью-Йорк семилетним ребенком. В 1956 году, опасаясь привлечения к ответственности за ложные сведения и понимая, что тайна его рождения разоблачена, Адонис дал согласие на депортацию и уехал в Италию.

Хотя Синдикат не свернул своей деятельности в Ньюпорте, Хот-Спрингс, Гретне (Новый Орлеан), Янгстауне, Сисеро, Билокси, Бомонте и т. д., а Лас-Вегас продолжал разрастаться с феерической быстротой, потеря Флориды нанесла преступному миру ощутимый удар. Возникла необходимость в организации нового игорного центра в этом регионе. Лански, заглядывая вперед, просчитал, что нелегальный игорный бизнес на территории любого штата — предприятие чересчур рискованное и недостаточно застрахованное от обвинений в безнравственности. Со временем, рассуждал он, возможно, и удастся создать новые центры законным путем, но пока лучше убраться подальше. В период действия Сухого закона основным средством передвижения для гангстеров служил автомобиль, позволяя совершать деловые операции между штатами. Теперь самолет, который уже перенес тысячи любителей острых ощущений в Лас-Вегас, мог переправлять их в другие экзотические местности, например на Кубу. Синдикату гостеприимный остров был хорошо знаком, только обстановка там была недостаточно стабильной. В 1944 году Батисте пришлось разрешить свободные выборы, на которых он потерпел поражение и уехал во Флориду, не теряя, впрочем, надежды заново обрести власть. Лански решил поставить на бывшего кубинского диктатора. Меньше чем через год после роспуска Комиссии Кефовера Батиста действительно вернулся на Кубу, а Лански приступил к созданию новой игорной империи еще большего масштаба.

Гавана стала Лас-Вегасом Карибских островов. Синдикат вложил миллионы в строительство небоскребов, совершенно изменивших облик кубинской столицы; в городе быстро расплодились всевозможные виды рэкета. Лански по своему обыкновению позволял другим наживаться, осуществляя общее руководство, чему способствовала его личная дружба с диктатором. Но, естественно, далеко не всем в Мафии это пришлось по вкусу — многие, как, например, Альберт Анастасиа, хотели бóльшей свободы. Получив решительный отпор, Анастасиа взбаламутил весь Синдикат, настроив часть гангстеров против Лански. Мобилизовав свои силы в разных концах страны, тот без труда усмирил бунтарей, когда же Анастасиа, не желая сдаваться, созвал на совещание недовольных членов Мафии, Лански приказал его убрать. Анастасиа был убит 25 октября 1957 года в парикмахерской той же самой гостиницы, где двадцать девять лет назад было совершено нападение на Арнольда Ротштайна. Репортеры, придававшие большое значение подобным совпадениям, не знали, что в 20-е годы Ротштайн был компаньоном Чарльза А. Стоунхэма, владевшего рядом игорных домов и ипподромов в Гаване. Но даже если б и знали, вряд ли стали бы об этом говорить: Стоунхэма помнили прежде всего как спортсмена и владельца нью-йоркской бейсбольной команды «Джайнтс».

Убийство Анастасиа напугало кое-кого из членов Мафии, и они на конференцию не явились, однако множество гангстеров в назначенное время прибыли в дом Джозефа Барбары в небольшой деревушке Апалачи штата Нью-Йорк. Местная полиция устроила облаву, делегаты попрятались в кустах... Охота на Мафию приобрела невиданный доселе размах.

Министерство юстиции создало «специальную группу» для борьбы с организованной преступностью. Благодаря ее усилиям перед судом в Италии предстал Никола Джентиле; не забывшего давние обиды стареющего экс-уполномоченного по улаживанию конфликтов обманом вынудили подробно рассказать о его прошлом. «Специальная группа» считала необходимым продолжать кампанию против Синдиката, но администрация Эйзенхауэра проигнорировала ее рекомендации. Когда шум по поводу апалачинского сборища утих, «специальная группа» была распущена. По иронии судьбы, после того как в 1961 году президентом стал Джон Ф. Кеннеди, основные ее разработки были использованы на новом этапе войны с преступностью.

Между тем бородатый кубинец по имени Фидель Кастро оказался более опасным для гаванской империи Мейера Лански, чем Анастасиа и Мафия. В Штатах все, включая администрацию Эйзенхауэра, умудрялись много месяцев не замечать стараний Кастро поднять на Кубе мятеж, зато бесправный и беззастенчиво эксплуатируемый кубинский народ видел в нем национального героя. К концу 1958 года недовольство Батистой и его союзниками-гангстерами резко усилилось. Кубинская армия отказалась защищать своего президента, и ранним утром 1 января 1959 года Батиста во второй раз отправился в изгнание. Лански последовал за ним. Кубинцы в ожидании нового диктатора, которому отныне предстояло заботиться об их благе,

первым делом уничтожили счетчики для оплаты стоянки автомобилей, а затем разбили и сами машины.

Летя над сине-зелеными водами в свой дом, расположенный позади Гольфстрим-парка к северу от Майами, Лански строил планы создания империи на Багамских островах. Реактивные самолеты открывали доступ сколь угодно далеко — в Лондон, Париж, в Португалию и любые другие уголки земного шара, привлекательные для богатых бездельников.

6. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИНДИКАТ

Восьмого ноября 1960 года в 6 часов 25 минут пополудни в штаб, расположенный в коттедже Роберта Ф. Кеннеди в поместье семьи Кеннеди в Хайаниспорте, поступили первые неутешительные известия о результатах выборов.

Известия пришли из округа Кэмпбелл: штат Кентукки, главный город — Ньюпорт, основная индустрия — нелегальный игорный бизнес и иные формы порока.

Несколькими месяцами ранее усталый Роберт Кеннеди стоял у окна в номере гостиницы в Цинциннати и смотрел на противоположный берег реки Огайо, обещая себе объявить войну преступности, если его брат будет избран президентом.

Выборы в округе Кэмпбелл интересовали штаб кандидата в президенты не случайно: жители округа на протяжении ста с лишним лет ухитрялись угадывать победителей. Поначалу сообщения звучали оптимистически — в подсчитанных бюллетенях, составлявших половину от общего числа, голоса были отданы Джону Кеннеди, а не Ричарду Никсону.

Четыре года назад республиканцы легко выиграли в Кэмпбелле, получив 64% голосов избирателей. Можно ли было считать, что новая тенденция означала переворот в национальном сознании?

С каждым часом надежды на победу Кеннеди уменьшались: именно в округе Кэмпбелл он утратил первоначальное преимущество, Никсон получил там 54,2% голосов. В масштабе всей страны, однако, Кеннеди — с очень небольшим, правда, перевесом — вышел победителем.

Промашку избирателей округа Кэмпбелл — в том числе и ньюпортцев — следовало посчитать дурным предзнаменованием. Через несколько месяцев Роберт Кеннеди, став министром юстиции Соединенных Штатов, избрал Ньюпорт главной мишенью в объявленной им «координированной борьбе с преступностью».

Если Роберту Кеннеди и удалось в войне с организованной преступностью сделать больше, чем любому другому министру юстиции, то своими успехами он был обязан по меньшей мере двум особым обстоятельствам. Во-первых, за время сотрудничества с постоянным сенатским подкомитетом по расследованию Кеннеди сумел досконально изучить проблему; во-вторых, как брат президента США, он пользовался большим политическим влиянием.

Работая юрисконсультом в подкомитете, более известном как «Комиссия Макклеллана», Кеннеди занимался профсоюзом водителей грузовиков и двумя его коррумпированными лидерами: Дэйвом Бекком и Джеймсом Р. Хоффой. Бекк был посажен в тюрьму, с Хоффой же справиться оказалось непросто. В результате длительного расследования все же удалось установить, что пенсионный фонд профсоюза служил главным источником финансирования Синдиката. На деньги водителей грузовиков были построены отели-казино в Лас-Вегасе, ночные клубы в Майами-Бич и множество иных заведений в окрестностях. Хоффа состоял в приятельских отношениях с такими людьми, как Далиц, а тщательно подобранные им профсоюзные деятели во всей стране тесно сотрудничали с преступными организациями.

Став министром юстиции, Роберт Кеннеди создал в рамках министерства юстиции два специальных подразделения: «Бригаду по делу Хоффы» и «Отдел по борьбе с организованной преступностью и рэкетом». Атмосфера в обоих подразделениях во многом напоминала ту, что царила десять лет назад в Комиссии Кефовера: юношеский идеализм сотрудников сочетался с ощущением реальной силы, обусловленной положением шефа.

Новый дух просочился даже в засекреченные коридоры ФБР. Профессиональный бюрократ Дж. Эдгар Гувер понял, что впервые с 1933 года ему грозят серьезные личные неприятности, и во избежание этого решил изменить тактику.

Министр юстиции Роберт Ф. Кеннеди, возглавивший весьма эффективную кампанию борьбы с организованной преступностью.

Раскрыв перед Гувером карты, Кеннеди рассчитывал на быструю победу, которая позволила бы ему доказать свою правоту циникам и приступить к осуществлению собственной программы. Пока он выбирал тактику, события подсказали, что начинать следует с Ньюпорта, штат Кентукки.

Недовольство жителей Ньюпорта назревало уже с 1957 года. Фитиль к пороховой бочке поднес некий Монро Фрай, опубликовав в «Эсквайре» статью, где назвал Ньюпорт «греховным городом». Этот ярлык — еще сравнительно сдержанный — и некоторые пикантные подробности шокировали немногих добропорядочных обитателей города на берегу Огайо. И все же мобилизовать общественное мнение на борьбу с преступностью было нелегко: большинство честных, работящих, набожных ньюпортцев отказывались верить, что их родной город заражен коррупцией. Они редко заглядывали в центр, где не было ни магазинов, ни гостиниц, ни культурных учреждений, способных конкурировать с подобными заведениями Цинциннати, отделенными всего лишь рекой. Двери казино и дешевых притонов были открыты для всех, однако мало кто из богобоязненных прихожан хоть раз переступал их порог. Когда в местной газете промелькнуло случайное упоминание об игорных домах и проституции, городские власти поспешили выступить с опровержением, назвав заметку «газетной уткой». Поверить, что чиновники лгут, выгораживая гангстеров, от которых получают взятки, оказалось не под силу почтенным обывателям. Гораздо проще было согласиться с тем, что газетчики руководствуются корыстными соображениями.

Другое дело — статья Фрая в солидном журнале. Так, по крайней мере, считал Кристиан Зайфрид, ньюпортский почтальон средних лет. Посоветовавшись со своим духовным отцом, он заручился его поддержкой и организовал «Комитет общественных действий». С благословения пасторов других протестантских приходов небольшая группа «мирян» и молодых священнослужителей занялась изучением обстановки в Ньюпорте. Члены комитета посетили легальные казино, дешевые притоны и даже проникли в бордели, соседствующие с полицейскими участками. Убедившись, что дела действительно обстоят неважно, но с прежней наивностью неправильно оценивая причины неблагополучия, они отправились к властям Ньюпорта и округа Кэмбпелл с весомыми доказательствами нарушения закона. Вначале от них пытались отделаться туманными обещаниями, потом выгнали. Однако священники неторопливо и педантично продолжали расследование и через год обратились в большое жюри Кэмпбелла. Их ждало новое разочарование: большое жюри полностью подчинялось прокурору штата Уильяму Дж. Уайзу, повторно занявшему этот пост после того, как весь район перешел под контроль Кливлендского синдиката. Опять неудача.

Но Зайфрид и его небольшая команда не сдавались. И когда осенью 1958 года центральная газета штата «Курьер-джорнэл» направила репортера из Луисвилла за сто миль в Ньюпорт, Крис искренне поверил, что Бог внял его молитвам. Появившаяся в луисвиллской газете ядовитая заметка не только взбудоражила общественное мнение, но и заставила не желавшие отставать от конкурентов цинциннатские газеты включиться в эту кампанию. На протяжении 1959 и 1960 годов возмущение жителей Ньюпорта неуклонно нарастало. Преступные дельцы и коррумпированные власти недооценили степень недовольства общества и своими ответными действиями только подлили масла в огонь. На беду, боссы Кливлендского синдиката в то время были заняты своими делами в Лас-Вегасе и Гаване, и Ньюпорт оставался в руках их заместителей.

Весной 1961 года мятежные настроения заразили горстку местных дельцов,

понимавших, что подпольный игорный бизнес и прочие формы наживы на пороке тормозят развитие города. Население Ньюпорта по статистическим данным 1960 года за последние пятьдесят лет несколько уменьшилось. Пока еще Ньюпорт оставался самым большим городом округа, однако за его пределами численность населения возросла в два с лишним раза. Наиболее практичные из местных бизнесменов, убедившись в связи политиков с гангстерами, решили, что изменить ситуацию можно только одним способом: избрав на ключевые административные должности честных людей. Как раз приближались выборы шерифа; на этот пост уговорили баллотироваться Джорджа Рэттермана, адвоката и биржевого маклера, в прошлом звезду профессионального футбола. И вновь воротилы игорного бизнеса и их политические союзники перестарались. Они накачали Рэттермана наркотиками, отвезли в ньюпортский Тропикана-клуб и сунули в постель к стриптизерке. Купленные полицейские по телефонному звонку нагрянули в Тропикана-клуб. Застукав ничего не соображавшего Рэттермана без штанов, они завернули его в простыню и доставили в участок. Однако сфабрикованные дела для жителей Ньюпорта к тому времени уже не были новинкой, и в эту историю никто не поверил. Больше того: у команды Кеннеди появилась долгожданная возможность вмешаться — ведь были попраны гражданские права Рэттермана [1].

Началась долгая драматическая борьба, закончившаяся победой добропорядочных ньюпортцев: в ноябре Рэттерман был избран шерифом. Кеннеди в своем ежегодном отчете президенту смог с полным основанием заявить:

«Игорному бизнесу в самом крупном его центре — Ньюпорте, штат Кентукки, практически положен конец».

ФБР, в чьи полномочия входило расследование случаев нарушения гражданских прав, в ньюпортской истории заняло верную позицию и тем самым доказало, что знаменитое агентство может внести свой вклад в борьбу с преступностью, если Гувер включится в нее с полной отдачей. Руководителю ФБР связывало руки сделанное некогда заявление о том, что никакой организованной преступности не существует. Если б теперь ему удалось обнаружить новую организацию и получить за это кредит доверия, он бы вздохнул свободно.

Еще при предыдущей администрации «специальная группа» хитростью заставила Николу Джентиле выложить все, что тот знал. Его рассказ о первых шагах Почетного общества занял толстый том, однако «специальная группа» была распущена прежде, чем успела пустить в дело полученную информацию. Теперь Гувер сумел бы извлечь пользу из исповеди Джентиле, если б слова последнего были подтверждены живым свидетелем. Такой свидетель был найден: им стал Джозеф Валачи, заурядный гангстер из нью-йоркской Мафии, в 30-е годы замешанный в борьбу между Маранцано и Массериа. Валачи идеально подходил на роль «перебежчика» — он убил в тюрьме человека и готов был пойти на сделку. Кроме того, ему представлялся случай свести счеты с человеком, которого он ненавидел со всей страстью сицилийца. Человеком этим был Вито Дженовезе, глава одной из пяти нью-йоркских «семей».

Оставался пустяк: подыскать название для новой грозной организации. Термин «мафия», после того как Гувер публично заявил, что такого зверя не было и нет, естественно, не годился. Название всплыло из бесед, записывавшихся ФБР при помощи запрещенных законом электронных «жучков». Члены Мафии между собой называли свою организацию «Коза ностра», что буквально означало всего лишь «Наше дело». Убедить общественное мнение в существовании новой опасности невозможно было без активной поддержки прессы, а скромное «Наше дело» не подходило для броских газетных заголовков. Тогда к названию решили добавить еще одно слово. «Ла коза ностра», по сути, означало то же самое — определенный артикль «ла» ничего не менял,— однако у аббревиатуры ЛКН были шансы стать не менее популярной, чем ФБР. Уловка сработала, но со временем циничные газетчики вернулись к доброй старой Мафии, и ЛКН сохранилась только в официальных отчетах ФБР.

Валачи был передан ФБР, а записи Джентиле — Валачи. Что из этого вышло, могли увидеть зрители телевизионных репортажей со слушаний в комиссии Макклеллана, вызвавших настоящую сенсацию. ФБР добилось своего: «Ла коза ностра» стала темой номер один. Все, что ставило под сомнение ее существование, либо

[1] Согласно законам США, дела, касающиеся попрания гражданских прав, входят в ведение на местных, а федеральных властей.

извращалось, либо попросту игнорировалось. Помощники Кеннеди сардонически усмехались. «Гувер готов назвать Мафию хоть ХСЖМ (Христианский союз женской молодежи),— говорили они,— только бы ФБР приобрело ореол борца с организованной преступностью». Те же помощники нисколько не переоценивали роли Мафии, или ЛКН, в руководстве всей организованной преступностью. Они видели Почетное общество таким, каким оно было в действительности,— небольшой, сплоченной романтической организацией с непременной атрибутикой в форме скрепленных кровью клятв, омерт [1] и вендетт. Но Национальный преступный синдикат был слишком велик, слишком разбросан и слишком прочно укоренен в политической и экономической жизни страны, чтобы это могло уложиться в уме среднего обывателя. Как и в Ньюпорте до 1957 года, защитой организованной преступности служила сама ее фантастичность. Верить легче в простые вещи, а «Ла коза ностра» как раз этому требованию отвечала. Соратники Кеннеди ничего не смогли доказать: ФБР уверовало в созданный им самим миф и сосредоточило внимание на людях с итальянскими фамилиями. Это было нетрудно: все знали, что ЛКН — враг, а членом ЛКН может быть только американец итальянского происхождения. Правда, по мере накопления информации об организованной преступности понадобилось объяснить роль таких людей, как Лански, Далиц и «Соня Луи» Левинсон, и тогда ФБР изобрело новый термин — «ассоциированный член».

Если б Джон Кеннеди не был убит, бурную деятельность ФБР можно было бы контролировать. Однако Роберт Кеннеди после смерти брата в 1963 году стал, по определению Джеймса Хоффы, «всего-навсего обыкновенным прокурором» и потерял контроль над Гувером. Члены Синдиката облегченно вздохнули: широкомасштабная координированная борьба с преступностью выродилась и превратилась в преследование ФБР гангстеров с итальянскими фамилиями. Пока общественные страсти бушевали вокруг «Коза ностры», Лански преспокойно создал новую империю азартных игр на Багамах. К Золотому берегу она была даже ближе, чем гаванские казино.

Потеря Ньюпорта в 1961 году и последующее вынужденное закрытие игорных домов в Хот-Спрингс, Бомонте, Сисеро и других местах доказали, в частности, сколь прозорлив был Лански, предвидевший крах региональных центров подпольного игорного бизнеса в Штатах. Начавшаяся эпоха активной международной деятельности гангстеров стала просто следующим этапом непрекращающегося развития организованной преступности. К моменту ее расцвета условия в США — по мнению главарей Синдиката — неизбежно должны были измениться в пользу узаконенных азартных игр. В то время как во Фрипорте и Нассо, в Лондоне и Португалии открывались новые казино, в Майами-Бич, Атлантик-Сити, Нью-Йорке и других американских городах появилась тенденция к организации легальных игорных центров, открывавших возможность законного получения больших доходов.

Лански, памятуя полученный в Гаване урок, когда он лишился теплого местечка, потому что опирался на одного-единственного человека, решил на Багамах поставить игорный бизнес на более прочную основу. Азартные игры на островах долгое время были запрещены законом, но столь же долго власти смотрели на них сквозь пальцы, дабы не отпугивать богатых туристов, приезжавших на Багамы в зимний сезон. Вознамерившись завоевать острова, Лански заключил союз с сэром Стаффордом Сэндсом, огромным толстяком, одержимым жаждой наживы. Будучи лидером «парней с Бэй-стрит» — небольшой группы белых коммерсантов, управлявших черным большинством,— Сэндс внес изменения в закон о «льготных сертификатах», разрешив использовать их в игорном бизнесе. Официально считалось, что это делается ради легализации Багамского клуба — действовавшего уже не первый год шикарного маленького казино,— однако новый закон оставлял лазейку для выдачи желающим и «сертификатов» иного назначения. Сэндс не сомневался, что без труда заставит прочих «парней с Бэй-стрит» выразить такое желание, и последующие события подтвердили его правоту.

Другой толстяк, канадец Луис Чеслер, приятель и опекун некоторых гангстеров, в том числе «Горячего Майка» Копполы, много сделал для игорного бизнеса, выступая в качестве подставного лица. Он способствовал развитию нескольких новых городов во Флориде; в сосновых лесах Большого Багамского

[1] Омерта — обет молчания и круговой поруки.

острова на имя Чеслера был приобретен участок под строительство отеля «Лукайан Бич». Один из залов в отеле, по плану предназначенный для игры в гандбол, отвели под казино. Лански, одобривший эту идею, помог подобрать соответствующее оборудование. Общее руководство бизнесом на Большом Багамском острове осуществлял Уоллес Гроувс, бывший делец с Уолл-стрит, отсидевший за налоговые махинации. Он был близким другом Сэндса, однако выразил желание сотрудничать с Чеслером и Лански, когда его собственные мечты о создании безналогового промышленного рая на острове рухнули и пришлось переключиться на туризм и игорный бизнес. Гроувса — по крайней мере, на первых порах — называли «королем Большого Багамского острова»: при поддержке сэра Стаффорда он действительно приобрел там неограниченную власть.

Пышное открытие первого большого казино состоялось 22 января 1964 года; ради рекламы туда приглашены были сотни богатых и известных «прожигателей жизни». Сэр Стаффорд Сэндс привел миссис Улли Лиллас, блондинку с великолепной фигурой, долгое время бывшую неофициальной Первой Леди Багамских островов. Прием был поистине роскошным, и никого не смущало, что некоторые из блиставших на нем юных красоток — девицы легкого поведения, доставленные вертолетом из Майами.

Вскоре после торжественного открытия начало проясняться истинное положение вещей. Общественность узнала, что на приеме присутствовали профессиональные гангстеры, в основном бывшие служащие подконтрольных Лански игорных домов; властям пришлось спешно давать объяснения. Кое-кто из пользовавшихся особенно дурной славой бандитов попал в списки «нежелательных лиц», и им было предложено убраться; хорошую замену им найти оказалось не так-то просто.

У Чеслера, чью связь с гангстерами не удалось утаить, внезапно начались финансовые затруднения, и он был изгнан из нескольких компаний, а затем и с Большого Багамского острова. Некоторые наблюдатели высказывали предположения, что Лански, пытаясь отвести от себя подозрения, оборвал все свои явные связи, но как они могли это доказать? Лански недаром прослыл «человеком-невидимкой». Когда в 1967 году королевская комиссия начала выяснять, какова была его роль в развитии игорного бизнеса на Багамах, она отметила:

«На одном из этапов расследования у нас возникли сомнения, не является ли имя Мейер Лански грандиозной журналистской уткой — столь загадочной и мифической личностью он казался».

В конце концов комиссия все же решила, что Лански — фигура вполне реальная.

Первоначальная программа освоения Большого Багамского острова включала в себя не только строительство роскошных отелей-казино, но и продажу тысяч жилых участков, выдачу лицензий, проведение канализации, водопровода, электричества и линий телефонной связи для обслуживания нового города — Фрипорта. Большая часть задуманного была осуществлена, но центром развивающегося бизнеса оставалось казино «Монте-Карло» с его залами для игры в рулетку и кости.

Как это ни странно, Гроувс и Чеслер, не побоявшись конкуренции, допустили лакокрасочную компанию «Мэри Картер» к участию в строительстве и торговле домами в Королевской бухте. Те, кого удивило такое великодушие, понятия не имели, что бóльшая часть акций компании «Мэри Картер» принадлежала Томасу И. Дьюи, бывшему губернатору Нью-Йорка и политическому спонсору Ричарда М. Никсона в период его борьбы за пост вице-президента в 1952 году.

Хотя Большой Багамский остров вполне подходил для размещения на нем казино и вскоре там построили второй игорный дом — «Эль Казино», подлинной целью Синдиката был Нассо — столица Багамских островов, курорт, издавна пользовавшийся популярностью среди толстосумов. Лучшего места для казино, чем остров Хог в гавани Нассо, трудно было найти. Оставалось только придумать острову новое название, соединить его мостом с городом и добиться освобождения от налогов. За несколько лет до проникновения легального игорного бизнеса на Багамы остров Хог купил Хантингтон Хардфорд, сумевший оценить все его недостатки и преимущества. Он дал ему название «Райский остров» и построил небольшую гостиницу, однако в своих попытках раздобыть льготный сертификат и начать сооружение моста потерпел неудачу: на пути у него, естественно, встали «парни с Бэй-стрит». Неожиданно выяснилось, что к Райскому острову проявляет интерес не один Хардфорд.

8 июня 1965 года сэр Стаффорд Сэндс попросил льготный сертификат для строительства на Райском острове казино. В секретариат кабинета министров он сообщил, что является представителем компании «Мэри Картер» и пяти новых акционерных обществ. Сертификат, которого с таким упорством добивался Хардфорд, был преспокойно выдан Сэндсу. По мнению королевской комиссии, это содружество представляло собой «союз компаний, довольно свободных во взаимных обязательствах, что должно было позволить им с выгодой для себя производить финансовые операции — такие, как при строительстве комплекса на Большом Багамском острове».

Одна из новых компаний собиралась строить платный мост между Райским островом и Нассо.

Несколько месяцев спустя Роберт Пелокуин, один из ведущих юристов Отдела по борьбе с организованной преступностью, тщательно изучил ситуацию и изложил полученные результаты в пространной памятной записке. Его вывод гласил:

«Кажется, пришло время заняться Лански».

Многое, однако, оставалось неясным, пока «Уолл-стрит джорнэл» 6 октября 1966 года не приоткрыл завесу над соглашениями, заключенными — в благодарность за выдачу первого льготного сертификата — «консультантами» воротил игорного бизнеса с багамскими властями, начиная с премьера и кончая мелкими чиновниками. Скандал, получивший широкую огласку, грозил подорвать влияние «парней с Бэй-стрит». Черное большинство во главе с Линденом О. Пиндлингом потребовало новых выборов и создания королевской комиссии для проверки сделки. И то и другое требование было удовлетворено. Первое слушание состоялось 13 марта 1967 года; затем комиссия продолжала работать до конца лета. Сэр Стаффорд Сэндс, правда, заявил, что мистер Гроувс отстранен от участия в проекте по обустройству Райского острова и «Мэри Картер» придется действовать в одиночку.

Сэр Стаффорд практически попал в безвыходное положение. «Парни с Бэй-стрит» потерпели поражение на выборах. Новым премьер-министром стал Пиндлинг, и сила черных настолько возросла, что уже пошли разговоры о разрыве с Англией и объявлении британской колонией независимости.

Однако бесправное прежде черное большинство для осуществления планов социального развития островов нуждалось в деньгах. Строительство дорог, проведение канализации, водопровода и электричества облагались высокими налогами. А единственным источником дохода был легальный игорный бизнес, то есть казино.

Сравнивая ситуацию, сложившуюся в Нассо в 1967 году, с ситуацией в Гаване в 1957-м, нельзя не согласиться, что на Багамах роскошные игорные дома создавались на более прочной основе. На Кубе все зависело от личных прибылей горстки людей, здесь же на игорный бизнес ставили политическая партия и весь народ. Короче, казино на островах опирались на ту же базу, что в штате Невада, лишенном иных источников дохода.

Процесс консолидации продолжался. «Мэри Картер» продала свои лакокрасочные предприятия и поменяла название на «Международные курорты». Два миллиона долларов были затрачены на создание «Интертела» — агентства, обеспечивающего независимость игорного и прочего бизнеса от грозной Мафии. После убийства Роберта Кеннеди в 1968 году агентство возглавил тот самый Роберт Пелокуин, который раскрыл махинации на Райском острове. Пелокуин собрал команду из бывших полицейских и открыл филиалы «Интертела» по всей стране и в Канаде.

Самым успешным маневром «Интертела» было обещание блюсти чистоту легального игорного бизнеса. Когда компания «Международные курорты», чрезвычайно заинтересованная в расширении своего влияния, взяла опцион на собственность в Нью-Джерси, «Интертел» отправил своих представителей в законодательную комиссию добиваться окончательной легализации игорного бизнеса. Агентство заверило законодателей, что Мафия будет вытеснена из игорных домов, управляемых компанией «Международные курорты». Тем не менее законопроект о легализации был провален, хотя все понимали, что к этому вопросу еще придется вернуться.

По-настоящему же удача улыбнулась «Интертелу», когда таинственный мультимиллионер Говард Хьюз препоручил агентству заботу о безопасности своих казино в Лас-Вегасе, а сам под опекой агентов «Интертела» на самолете

переправился на Райский остров, где доверил им охрану баснословно дорогих личных владений. Возможно, Хьюз посчитал, что раз Лански сумел обосноваться на Багамах, оставаясь невидимкой, ему нетрудно будет сделать то же самое.

Хьюз приехал в Лас-Вегас в 1967 году, купил у Кливлендского синдиката «Дезерт-инн» и, развернув бурную деятельность, вскоре стал одним из самых крупных владельцев казино в Неваде. Его появление в тех краях приветствовалось: общественность усмотрела в этом начало новой эпохи, свободной от влияния Синдиката. То же самое говорили три года спустя, после его отъезда,— с помощью «Интертела» Синдикат реально прекратил свое существование. Газета «Сан» (Лас-Вегас), отнюдь не отличавшаяся объективностью, предположила, что «Интертел» был частным полицейским агентством Синдиката, однако Пелокуин и его помощники категорически это отрицали.

Поверить в конец Синдиката помогло одно важное обстоятельство: его члены, начинавшие бутлегерами, устали и состарились. Их теснило следующее поколение. Новые лидеры были хорошо образованны; за спиной у них не было преступного прошлого. Должно было пройти двадцать лет, прежде чем новый Джентиле согласился заговорить устами нового Валачи и потрясти американцев новыми подробностями о деятельности Синдиката. В 1971 году «Интертелу» и ФБР не составило труда заявить, что Мафия сокрушена. Многие из прежних капо попали за решетку, однако мало кто понимал, что даже в расцвете своего могущества они управляли лишь частью Синдиката. Газеты во всей стране вторили центральной нью-йоркской прессе, на страницах которой информация о преступном мире долгие годы сводилась к составлению генеалогических деревьев мафиозных «семей» и размышлениям о том, кто из капо в данный момент является боссом всех боссов. В 70-е годы нью-йоркцы в большинстве своем столь же плохо разбирались в истинном положении дел, как и в дни войны Массериа с Маранцано. Задолго до того такие люди, как Лански и его близкий друг Винсент «Голубоглазый Джимми» Эло, поняли: стоит им убраться из Нью-Йорка, как интерес к ним угаснет и на первых полосах газет замелькают куда менее крупные гангстеры с итальянскими фамилиями. Каждые десять — пятнадцать лет в Нью-Йорке созывались «специальные жюри присяжных», которые всякий раз обнаруживали, что полицейские управления заражены коррупцией, что азартные игры и проституция расплодились по всей стране, что взяточничество стало нормой жизни. Это было настолько очевидным, что даже неопытный репортер шутя бы во всем разобрался,— если б неопытным репортерам поручали подобные задания, чего, по-видимому, никогда не случалось. А преступность и коррупция продолжали цвести.

Ощутимый прогресс в борьбе с Мафией был достигнут главным образом благодаря применению «силового давления» — способа, предложенного генеральным прокурором Рамси Кларком. Это напоминало начатую Робертом Кеннеди «координированную борьбу» с одним лишь отличием: руководители новой кампании методично «стреляли по площадям», вместо того чтобы применять тактику специально разрабатываемых для каждого случая «точечных уколов».

На свою беду, Кларк не угодил Никсону, который во время предвыборной кампании 1968 года пообещал в случае победы заменить его «настоящим» борцом с преступностью. Кларка сменил Джон Митчел. Главное, что сделал новый генеральный прокурор,— увеличил команду, осуществлявшую «силовое давление», и заставил Дж. Эдгара Гувера разрешить ФБР хотя бы символически с ней сотрудничать.

Именно Митчел поддался политическому нажиму со стороны итало-американцев и приказал ФБР изъять из обихода названия «Мафия», «Ла коза ностра» и даже «ЛКН». Итало-американцы последовали примеру еврейской Антиклеветнической лиги. Такие гангстеры, как Лански, годами прятались за спиной этой лиги, крича на всех углах, что причина их преследования — скрытый антисемитизм. Итало-американские мафиози, поумнев, начали применять ту же тактику. Престиж капо Джо Коломбо, заставившего ФБР сдать свои позиции, настолько возрос, что стало ясно: кто-нибудь из соперников неминуемо попытается его скинуть. Что ни говори, Почетное общество осталось братством завистников, управляемым законами вендетты.

Однако Мафия умирала, причем вовсе не благодаря стараниям ФБР. Закат ее начался после того, как «Банда Багса и Мейера» убрала Маранцано, посадив на его

место «Счастливчика» Лучано. Когда на сцене появились американцы в третьем и четвертом поколении, когда они вышли за пределы своих гетто — короче, американизировались,— нужда в Мафии отпала и ничто больше не оправдывало ее существования. Условия, породившие Мафию на Сицилии и позволившие ей укорениться в Америке, бесповоротно изменились.

Лучшим свидетельством развала Мафии в 60-е годы стали события в районе Майами, где легких путей к обогащению начало искать новое национальное меньшинство. Федеральные власти назвали его «Кубинской мафией».

«Кубинская мафия» зародилась в Гаване, когда Лански помог Батисте туда вернуться и создал на острове игорную державу. Заключив союз с кубинскими гангстерами, он воспитывал их, обучал, подкупал — если они еще не были подкуплены. Когда Батиста удрал от Кастро, местные гангстеры тоже стали подыскивать себе новые пристанища. Те, у кого лежали деньги в швейцарских банках, отправились в Испанию или Южную Америку, те же, у кого денег не было, приехали в Майами. В последующие годы тысячи кубинцев бежали от коммунистического режима, и оказавшиеся среди них гангстеры поспешили выдать себя за патриотов. Пока истинные патриоты погибали в 1961 году в Заливе Свиней при злополучной попытке вторжения на Кубу, гангстеры отсиживались в Нассо и других портах Карибского моря, выжидая, когда можно будет вслед за войсками вернуться в Гавану и снова открыть там игорные дома.

Однако надежды обрести былое благополучие на Кубе рухнули, и изгнанники стали осматриваться в поисках другого источника быстрой наживы. Такой источник нашелся: контрабанда кокаина. В отличие от других наркотиков, легально кокаин применялся редко, и производство его не было налажено. Получали кокаин из листьев коки — кустарника, произрастающего в Андах (Южная Америка), то есть вдалеке от традиционных районов деятельности Мафии.

Рассеянные по всему миру кубинские гангстеры, объединив финансы, установили контакт со старыми дружками из Синдиката, которых знали еще по Гаване. Кокаин начал появляться в Майами; количество его неуклонно увеличивалось, а цена оставалась стабильной, тогда как цены на героин — поскольку спрос превышал предположение — росли. Через несколько лет кокаин уже продавали вдвое дешевле, чем героин, и он становился все более и более популярным.

Федеральные агенты, специализирующиеся на борьбе с наркотиками, насторожились, предвидя неизбежность войны между бандами, как только организация, называемая ими «Итальянской мафией», обнаружит, что существование конкурентов слишком дорого ей обходится. Однако ничего подобного не произошло. Вскоре выяснилось, что мафиози старой закалки прекрасно уживаются с начинающими кубинцами. Они не только позволяли последним торговать кокаином, но и передали в их руки значительную часть контрабанды героина.

Расследование дало некоторое, весьма смутное, представление о международной организации, действующей в Европе, Южной Америке и Соединенных Штатах. Но составлением генеалогического древа «Кубинской мафии» газеты смогут заняться еще не скоро. Агенты догадываются о существовании «международного босса» и «отечественного босса», но более точными данными не располагают.

Мало того: как только отпали сомнения в реальности новой организации, наблюдатели заметили, что по пятам за ней следует другая группа, которую они назвали «Пуэрто-риканской мафией». Затем появилась и «Черная мафия», хотя в изменившихся социальных условиях воплощение в жизнь «Американской мечты» легкими способами перестало быть уделом только национальных меньшинств. Пока такие способы существуют и дают ощутимые результаты, организованная преступность будет оставаться частью социально-экономической жизни американского общества.

Десятилетиями миллионы миллионов долларов помещались в швейцарские банки и вкладывались в бизнес по всему миру. Гангстеры оказывали влияние на международную политику, финансировали революции, избирали сенаторов и губернаторов, а возможно, и президентов. Их боссы занимали ключевые позиции в промышленности и коммерции и при этом слыли «порядочными людьми» и «филантропами».

Обыватель не может сказать, где кончается легальное предпринимательство и начинается мошенничество. На самом деле он просто не желает этого знать.

И это, вероятно, величайшее достижение организованной преступности.

Критика

УИЛЬЯМ КИТТРЕДЖ, СТИВЕН М. КРАУЗЕР

ВЕЛИКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Первое настоящее сыскное агентство создал в Париже в 1833 г. Франсуа Эжен Видок, уголовный преступник, в прошлом осужденный по приговору суда, и заодно осведомитель полиции, который набрал штат из воров и бывших собратьев по ремеслу, чтобы заняться теми делами, которые полиция брать не могла или не хотела. Видок опубликовал четыре увлекательных и романтических тома мемуаров, известных Эдгару Аллану По. Это под их влиянием По вывел первого в художественной литературе частного сыщика в рассказе «Убийство на улице Морг», напечатанном в апреле 1841 г. в «Грэмс мэгэзин», спустя девять лет после открытия бюро Видока.

Несмотря на эту историческую связь между настоящим и вымышленным детективами, литературный сыщик представляет собой плод фантазии; такой характер не мог существовать в американском обществе, хоть и претендовал на соответствие ему. За 137 лет развития детективный рассказ приобрел статус мифа: сыщик в его центре, как всякий мифологический герой, представляет собой отклик на нужды общества, которое его породило. Он всегда был и остается поныне чрезвычайно популярным, так как являет улучшенный образец высоконравственного правдолюбца, каким хотели бы стать и мы.

Самый первый сыщик был и самым надуманным. Шевалье Огюст Дюпен Эдгара По в высшей степени эксцентричен: если бы не его блестящие успехи в искусстве логического рассуждения, его бы, скорее всего, упрятали в сумасшедший дом. Он живет со своим безымянным компаньоном в разрушающемся жилище, не принимает гостей, избегает дневного света, делая вылазки на улицу лишь после наступления темноты. Его предыстория романтична до невозможности: принадлежа к знатному семейству, он беден по убеждению, живет на скудный доход от небольшого наследства, и книги — та единственная роскошь, которую он себе позволяет. Его характеризуют склонность к рисовке, интеллектуальность, надменность, всезнание и властность; он явно способен существовать без тех удобств, которые все остальное человечество почитает необходимыми.

Эдгар По справедливо считается изобретателем всех условностей детективного повествования, из которых наиболее существенны две. Первая связана с невероятными способностями Дюпена к умозаключениям и напряжению интеллекта, что постулируется в замечательном эпизоде начала «Убийства на улице Морг». Пройдя по дороге четверть часа в полном молчании, Дюпен словно невзначай дает понять, что он самым явственным образом читает мысли своего спутника. Когда изумление последнего наконец улеглось, Дюпен объяснил, что он всего лишь следовал за сменой его мыслей, внимательно наблюдая его жесты, выражение лица и направление взгляда. Само собой, это просто смехотворно. Как и в случае со многими знаменитыми умозаключениями Шерлока Холмса, от нас ждут, что мы пренебрежем очевидной истиной — ведь любой другой умный человек, основываясь на тех же приметах, закономерно извлечет из них совершенно иной, но не менее обоснованный логически набор фактов. Однако дело не в этом. Важно то, что Дюпен, как и Холмс, никогда не ошибается, и так рождается правило: что́ бы ни происходило в ходе расследования, в конце детектив решает загадку, и решает правильно.

Второе важное изобретение По — следствие первого: детектив не просто преуспевает в своем расследовании, он к тому же единственный персонаж, способный преуспеть. Этот его уникальный статус прежде всего призван оправдать его вмешательство в дело и описывается через противопоставление частного детектива полицейским властям, которым он помогает. Полицейские — люди выдержанные и честные, но лишены воображения и подчинены организации: столкнувшись с трудным случаем, они вынуждены искать помощи одаренного индивидуума, не принадлежащего к системе, но принявшего сторону закона. Официальный партнер Дюпена, префект полиции Г *, согласно описанию самого Дюпена, человек «хитроумный» и «славное существо», но он не соответствует стоящей перед ним задаче. Он и сам это сознает и не только жаждет призвать Дюпена на помощь, но однажды даже нанимает его для расследования за пятьдесят тысяч франков. В этом противопоставлении Дюпена и Г * впервые была задана концепция, которую разрабатывают и поныне: подразумеваемая связь блестящего интеллекта и индивидуализма — с одной стороны, и вялости ума и регламентации — с другой.

Две характеристики — неизбежный успех и превосходство над официальными силами правопорядка — составляют самую яркую черту американского сыщика: его неколебимое представление о себе как единственном защитнике общественных установлений. Из этой приблизительной схемы рождаются три четко различающихся типа литературного сыщика, причем каждый из них явно представляет собой трансформацию предшествующего. Более того, детективный жанр в этом отношении уникален — появление каждого типа можно совершенно точно датировать, а их создателей — поименовать.

За героем, изобретенным По в 1841 году, закрепилось понятие «классического сыщика». Он чаще всего любитель, и даже если он согласен принять плату, всем очевидно, что данным делом он занялся ради интеллектуальной встряски или повинуясь нравственно-

му чувству, но никак не для денег. Он — существо высшее, и благодаря тому, что в обыденном сознании гений часто ассоциируется с эксцентричностью, он может быть надменным, романтичным, педантом, может иметь идиосинкразии по части одежды, употреблять наркотики и даже отличаться некоторой двусмысленностью в сексуальном отношении. Напротив, полицейский чин, которому помогает сыщик, зауряден в своих данных и стиле. Он — человек порядочный, нравственный, преданный делу — короче говоря, идеализированный американский человек труда,— но ему не хватает силы ума, чтобы подняться над своим положением, и, похоже, он сам это понимает. Его ограниченность помогает оправдать высокомерие сыщика: ведь превосходство последнего над «официальным» двойником и в самом деле неоспоримо.

Классический сыщик в действии оказывается не менее далеким от реальной жизни. Для него рассматриваемые дела — скорее логические задачи, чем преступления; если говорить о его личностных качествах, то страх перед преступником в нем всегда слабее, чем стремление защитить жертву, которая часто, в лучших традициях готики, оказывается добродетельной молодой женщиной. В намерения автора, как правило, не входит прорисовка характера жертвы, поскольку ему необходимо отвлечь внимание читателя от трагедии и направить в сторону задачи. И наконец, список действующих лиц обычно невелик, они составляют закрытый, обособленный, как на острове, круг связанных между собою людей, куда и вступает наше существо высшего порядка. Часто сама обстановка задается таким образом, чтобы усилить эту структуру; отсюда распространенное клише: загородная усадьба, в библиотеке которой находится труп, и подозрительно вездесущий дворецкий.

Как писал английский критик Джулиан Симонс, классическая детективная история — это, в сущности, сказка. То обстоятельство, что в ее фокусе помещается преступление,— это лишь столкновение, никак не связанное с цивилизованным миром вокруг. Когда сыщик находит решение загадки и разоблачает преступника, он восстанавливает привычный, временно пошатнувшийся порядок вещей и заново утверждает общепринятые социальные ценности.

Классический сыщик занял прочное положение как ключевая фигура в массовой литературе с появлением первых журнальных публикаций о Нике Картере в Соединенных Штатах в 1886 году и о Шерлоке Холмсе в Англии в 1887 году. Благодаря огромной, стремительно нараставшей популярности приключения обоих продлились десятилетия. Но если рассмотреть разницу между двумя великими сыщиками, то мы увидим, что американец уже тогда начал отклоняться от классического архетипа.

И Холмс, и Картер — сверхчеловеки, но Картер уже свободен от надменности, предпочитая благоприличную американскую скромность, лишенную классовых признаков. Холмс не вдается в объяснения, по какой причине он так низко ставит Лестрейда из Скотленд-Ярда, которого он в лучшем случае называет «энергичным». Лестрейд, в свою очередь, принимает и уважает сыщика-консультанта, хотя очевидно, что необходимость полагаться на человека со стороны вызывает в нем досаду и сопротивление. Ник Картер, наоборот, непосредственно связан с властями. Хотя у него есть частная сыскная практика, он при этом поддерживает постоянную связь с полицией, которой помогает охотно и бесплатно. Он носит полицейский значок, и его авторитет служащие сил правопорядка признают без вопросов.

«Ник резко засвистел в свисток. Через минуту появился полисмен в форме.

— Отвезите эту женщину на вокзал,— сказал сыщик.

Он подал тайный знак, по которому полицейские могли узнать этого великого сыщика, когда он переодет.

— Слушаюсь, сэр,— сказал полисмен».

Если Холмс — супермен, во всем существенном далекий от реальной жизни читателя, то Картер — лишь преувеличение, воплощение того, чем мог бы стать любой читатель рубежа веков, будь он чуть-чуть сообразительней, сильней и выносливей. Холмс позволяет себе разнообразные причуды: его невразумительные монографии, приступы ипохондрии, кокаин — все его поведение на грани декадентства. Картер — это, скорее, Джек Армстронг на респектабельной должности, воплощение американского парня; в его характере вместо идиосинкразий — физическая, эмоциональная и интеллектуальная сила.

«Он мог свалить быка одним ударом своего небольшого крепкого кулака. В глазах старого Сима Картера физические упражнения были одной из важнейших наук в жизни его сына. Но только одной из них. Голова юного Ника была набита знаниями — знаниями особого рода. Его серые глаза были, как у индейца, натренированы на то, чтобы мгновенно схватить взглядом мельчайшую необходимую деталь. Его богатый густой голос владел полным диапазоном звуков — от надтреснутого ворчливого старушечьего визга до низких хриплых нот могучего бандюги... Он был мастер маскарада и умел преображаться настолько, что даже старый Сим не мог его узнать. А ум его, от природы острый, как лезвие бритвы, приобрел невероятную силу благодаря надлежащему развитию, о котором пекся проницательный старик».

Картер, несомненно, превосходит по части физической силы и спортивности своего британского коллегу. Хотя Холмс силен и отважен (в «Пестрой ленте», например, он разгибает руками кочергу и с риском для жизни нападает на ядовитую змею), в представлении случайного читателя он ассоциируется прежде всего с возможностями логического умозаключения. Картер тоже демонстрирует способности к дедукции, но обычно в его приключениях на первом плане — действие и маскарад.

Ник Картер — сознательное претворение американского идеала той эпохи. Он служил образцом для юношества и безусловным источником удовольствия для взрослой аудитории. Кроме того, он был первым городским героем Америки. Его предшественники, начиная с Кожаного Чулка Фенимора Купера, Дэдвуда Дика, Энни Оукли и Буффало Билла [1] и кончая героями романов в дешевых

[1] Дэдвуд Дик, Энни Оукли и Буффало Билл — персонажи американского фольклора.

изданиях, все претерпевали свои приключения за пределами формирующегося городского сообщества. Каждый из них был просвещенной личностью, предпочитавшей существование вне цивилизации. Но ко времени Картера цивилизация перехлестнула былую границу, и социализация быстро вытесняла беззаконие. Фокус массовой литературы начал сдвигаться в сторону городов на востоке, разбухавших от индустриализации и эмиграции, терзаемых социальными проблемами, которые обычно сопровождают прирост населения.

Новый литературный герой был призван отразить заботы и мечты урбанизированной Америки, и смена моделей, происходившая в начале XX века, привела к появлению нового варианта американского сыщика.

1 июня 1923 года издающийся на дешевой бумаге журнал «Черная маска» опубликовал рассказ Кэролла Джона Дэйли под названием «Рыцари открытой ладони». Эта история примечательна своим героем, который представляется читателю следующим образом:

«Рэйс Уильямс, частный сыщик»,— гласила табличка с золотыми буквами на двери моей конторы... Что до моего бизнеса, то я ни то ни се — что-то между сыщиком и уголовником. О, само собой, и фараоны, и уголовники берут меня на прицел, а я их — нет, строго говоря. Бывает, конечно, приходится немного пострелять самым добропорядочным образом, но исключительно из интересов бизнеса. Моя совесть при этом чиста — я ни разу не прихлопнул никого, кто бы на это сам ни напрашивался. И я всегда беру над ними верх — еще бы, ведь я знаю об уголовниках больше, чем они сами о себе знают. Эге, вот так-то, Рэйс Уильямс, частный сыщик, вот он я!»

В этом персонаже Дэйли представил первый образчик нового частного сыщика, жесткого и крутого. Писательская манера Дэйли была грубовата, а его образы — двумерны, поэтому его влияние быстро затмили более одаренные литераторы, но, подобно Эдгару По, он внедрил ряд важных нововведений в формулу жанра. Примечательно, например, что Дэйли в этом фрагменте на сто слов дважды употребляет слово «бизнес». Упоминание указывает на главное различие между «классическим» и «крутым» сыщиком. Последний уже не дилетант, предающийся своему хобби, но трудовой человек, который сам себя нанял для своего маленького бизнеса. Он — частица той городской среды, в которой действует, его небогатая контора — на окраине, а сам он живет в анонимной многоэтажке. Как и его противники, он вооружен, и у него прекрасно развит инстинкт самосохранения. Он не стремится к насилию, но оно часто само находит его; и если ему приходится убить человека, его совесть так же чиста, как и его моральный облик. Подобно классическим сыщикам, он тоже разгадывает тайны и разоблачает преступников, но ему это удается благодаря упорству и непрерывной беготне, путем проб и ошибок, а не за счет почти мистической силы логики.

Но классическая и крутая формулы различаются не только фигурой детектива. Жесткий сыщик соответствует более сложному, более демократическому обществу, которое нельзя определить через прямолинейные понятия типа «закон» и «правопорядок» или через социальные касты. Под влиянием таких факторов, как трэд-юнионизм, подъем современного капитализма, становление протестантской трудовой этики и послевоенное процветание двадцатых годов, американская городская культура стала более хаотичной, в ней повысился уровень состязательности и насилия. Реагируя на эти перемены, а также желая избавиться от чересчур уж фантастических аспектов классического детективного жанра, литература крутого детектива сознательно тяготела к «ползучему» реализму, к такому изображению насилия, которое требовало от читателя эмоционального отклика на события в жизни отдельного человека и общества, а не только на интеллектуальную загадку. Школа жесткого детектива «вернула убийство тому разряду людей, которые совершают его по определенным причинам, а не просто для того, чтобы снабдить сюжет трупом, и совершают теми орудиями, что у них под рукой, не прибегая к дуэльным пистолетам ручной работы, кураре и тропическим рыбкам»,— написав эти слова, Реймонд Чандлер одновременно расписался в том, что преступление было фактом американской жизни. Мир только что был растревожен первой вполне индустриализованной войной, наглядно продемонстрировавшей технологический потенциал производства смерти и насилия. В мирное время это насилие частично продолжалось. В течение десятилетия, которое до сих пор вспоминают как «бешеные двадцатые», XVIII поправка к конституции превратила миллионы простых граждан в преступников. Провал Сухого закона был очевиден: подпольные ночные забегаловки действовали безнаказанно, а производство спиртных напитков осталось почти на том же уровне, что и до акта Волстеда, если не считать того, что теперь производителями были не капиталисты, а преступники. Это открытое и явное пренебрежение законом было беспрецедентным социальным явлением. В этот период произошло восхождение Аль Капоне и Арнольда Ротштайна; новым феноменом жизни города стала открытая война между бандами. Но дело не ограничивалось тем, что одни мерзавцы убивали других — в Вашингтоне во время яростной перестрелки между бутлегерами и силами ФБР был тяжело ранен один вермонтский сенатор.

Крутой герой ближе к обычному человеку, чем сверхсущество, но зато у него есть два наиболее важных качества, позволяющих ему взаимодействовать с этим новым, более мрачным вариантом американского общества: он человек умелый, и он человек нравственный. Когда в журнале «Черная маска» был опубликован первый рассказ Дэшила Хэммета об оперативнике из детективного агентства «Континентал», а произошло это всего четыре месяца спустя после первого появления Рэйса Уильямса, характер жесткого сыщика обрел законченность. Оперативник Хэммета — прототип работающего в поте лица частного детектива. Коренастый коротышка среднего возраста, двадцать лет прослуживший следователем в полиции, теперь он расположился в сан-францисской конторе агентства «Континентал». Ему нравится его работа, и он гордится тем, что она ему удается.

В серии рассказов о своем оперативнике Хэммет наметил кодекс поведения, которому

крутые сыщики следуют до сих пор. В «Потрошении Коуффигнэла» оперативник разъясняет свои принципы русской княгине-эмигрантке, подозреваемой в убийстве и ограблении, когда та пытается подкупить его.

«— Давайте-ка я вам кое-что разъясню,— перебил я.— Оставим пока в стороне вопрос о том, насколько я честен, насколько предан своим нанимателям и прочее в том же роде... Вся штука в том, что я сыщик, и вышло так, что мне нравится моя работа... А если работа тебе нравится, тебе хочется ее сделать как можно лучше. А то и смысла нет браться. Вот в таком я переплете. И больше я ничего не умею, меня больше ничто не радует, да я и не хочу знать ничего другого и другому радоваться. Вот и поставьте все это против любой суммы денег...

— Вы говорите только о деньгах,— сказала она.— Я же говорю вам, вы можете получить все, что захотите.

Это уже был перебор. Не знаю, откуда у женщин берутся такие идеи.

— Вы все никак не разберетесь,— сказал я резко.— Вы думаете, что я мужчина, а вы женщина. Это ошибка. Я преследователь, а вы — то, что от меня убегает. В этом нет ничего человеческого. Вы же не ждете от собаки-ищейки, что она, поймав лису, затеет с ней игру в блошки...»

В этом суть его кодекса: мораль сыщика должна быть неколебимой. Взявшись за дело, он обязан довести его до конца и не может допустить, чтобы деньги, секс, дружба или личные пристрастия совлекли его с пути праведного.

Рассказ об оперативнике формирует также жесткое отношение к насилию. Для него насилие — не удовольствие и не порок; это обыденность, столь же естественное следствие сыскного дела, как циничный взгляд на ближнего своего. Когда оперативник предупреждает гангстера, что прострелит ему колено, если тот шевельнется, он именно это и хочет сказать и приводит свою угрозу в исполнение. Даже гангстер принимает это условие; позже, лежа на больничной койке, он говорит оперативнику: «Да что мне возникать — я сам нарвался». Голос оперативника-повествователя холоден, бесстрастен, лишен сантиментов, даже когда оперативнику приходится убить продажного полицейского, чтобы завоевать доверие банды преступников.

«На той стороне улицы из дверей вышел Ник-толстяк, готовясь обеими руками накачать нас железом.

Я пристроил поудобнее на полу рукоятку пистолета. Фигура Ника показалась прямо передо мной. Я схватил пистолет. Ник перестал стрелять. Он перекрестил свои пистолеты на груди и свалился мешком на тротуар».

Жесткость характеризует не только отношение сыщика к насилию; она отражает его реакцию на общество в целом. В душе жесткий сыщик — романтик, да иным и быть не может, потому что все время получает по зубам за свое грандиозное оптимистическое заблуждение, будто он в одиночку может установить порядок в обществе. Как указывает Росс Макдональд, мы почти что вправе «назвать жесткие романы чувствительными. Их постоянные темы — одиночество в большом городе и мучительные терзания человека с душой, который имеет дело с самой мерзкой частью продажного общества». Чувствительный сыщик вынужден предстать худшим циником, чем он есть, чтобы защитить себя от неизбежного разочарования в своей главной мечте. Самый большой вклад в образ сыщика как жесткого идеалиста внесли два калифорнийских мечтателя — Сэм Спэйд и Филип Марлоу.

Их образы — это типы жесткого сыщика-жертвы. Спэйд Хэммета извлекает максимум из своей очевидной нравственной двойственности. «Вы зря думаете, что я такой растленный, каким меня считают,— говорит он в «Мальтийском соколе».— Моя репутация помогает бизнесу... легче иметь дело с врагом». Но в том же романе иметь дело с врагом оказывается самым трудным делом в жизни Спэйда, когда он вынужден передать в руки властей любимую женщину, совершившую три убийства. Кодекс, который он для себя избрал, не допускает никакой двойственности: в ущерб себе сыщик обязан помочь обществу.

Марлоу Чандлера пребывает в том же конфликте с миром, в котором действует. Он неоднократно сталкивается с продажностью и тупостью южнокалифорнийских властей, Голливуда, киноиндустрии, нуворишей, полиции. Его постоянный язвительный цинизм — защита от собственной неподкупности, и пусть даже он измучен до крайнего предела, ранен, одурманен наркотиками или получил приказ от бандитов, полиции или клиента оставить дело, он все равно идет до конца и иначе, по-видимому, не может. К середине «Большой спячки» Марлоу выполняет данное ему поручение — остановить шантажистов, допекавших его клиента. Но гораздо больше его занимает тайна, разгадывать которую ему не поручали,— исчезновение зятя клиента, что, по мнению Марлоу, дело рук мошенника Эдди Марса. И когда клиент дает ему понять со всей определенностью, что считает дело законченным, Марлоу выдает свою типичную реакцию:

«Я потянулся за бутылкой, которую всегда держу на службе, отхлебнул и позволил моему чувству собственного достоинства пуститься вскачь в любом направлении. Я просчитал его на пальцах... В течение двадцати четырех часов я скрывал убийство и придерживал улики, но пока что я был на свободе и ожидал прибытия пятисотдолларового чека. Самое умное было хлебнуть еще и позабыть про весь этот балаган.

Поскольку это было самое умное, я позвонил Эдди Марсу и объявил ему, что собираюсь... поговорить с ним. Вот, значит, какой я умный».

Но Марлоу, как и Спэйду, в награду за одержимость достаются страдания. В тот же вечер Марлоу, вернувшись домой, застает в своей постели обнаженную дочь клиента — нимфоманку. Он требует ее немедленного ухода, девушка же впадает в истерическую ярость:

«Она осыпала меня разными непристойными словами. Я не имел ничего против. Мне было все равно, как назовет меня она или кто-нибудь еще. Но в этой комнате мне надо было жить. Это все, что у меня имелось в качестве домашнего очага. Здесь находилось то, что мне принадлежало, было со мной связано, все мое прошлое, все, что играло для меня роль семьи... Я не мог больше терпеть ее здесь. И бранные клички, которыми она меня награждала, лишь напомнили мне об этом».

Марлоу пришлось пригрозить применить силу, и девушка в конце концов ушла.

«Я подошел к окну, поднял шторы и широко распахнул створки. Ночной воздух вплыл в комнату, сладковато-затхлый, со следами выхлопных газов и запахов городских улиц... Я вернулся к кровати и осмотрел ее. Подушка еще хранила отпечаток ее головы, а простыни — ее развратного тельца.

Я поставил пустой стакан и с бешенством разодрал постель в клочья».

Необычная реакция Марлоу, жесткая и одновременно сентиментальная, весьма показательна для его характера. В последних романах он все яснее осознает, что защищает, скорее, себя самого, чем какого-нибудь другого человека или организацию. Такова цена, которую он вынужден платить,— суровая, насильственная эмоциональная самоизоляция от всех, кто может растлить его душу, пусть даже искушение велико. В вышеприведенном примере его искушают сексом, в «Долгом прощании», самом длинном и психологическом романе Чандлера,— дружбой. Марлоу поставил на карту работу, репутацию и жизнь, чтобы помочь Терри Ленноксу, одному из немногих, с кем он был связан тесными личными отношениями. Но к концу Марлоу понимает, что из-за бездействия Леннокса погиб хороший человек. И когда Леннокс возвращается к нему из Мексики, где он скрывался, Марлоу наотрез отказывается возобновить дружбу, хотя его переживания по этому поводу очевидны.

«Он повернулся и пошел к выходу. Я смотрел, как за ним закроется дверь. Потом слушал звук его удаляющихся шагов по коридору из искусственного мрамора. Скоро они стали едва различимы и вовсе пропали. Но я все прислушивался. Зачем? Может быть, я хотел, чтобы он остановился, вернулся ко мне и убедил меня относиться ко всему иначе? Как бы там ни было; он этого не сделал. Больше я его не видел».

Одержимость такого сыщика, его суровый моральный кодекс, сама его жесткость — это тот изъян, который приговаривает его к романтической изоляции. Он может быть уверен в себе, тверд духом, ему может быть тошно от всего и всех вокруг, но он не способен отказаться от своей жажды нравственного порядка, как не способен изменить своим методам ведения дел. И пусть шаги едва различимы, он обречен на то, чтобы все время прислушиваться.

Два десятилетия между двумя мировыми войнами были эпохой сосуществования жесткого сыщика и классического детектива, хотя все более очевидным становилось преобладание первого и упадок второго. Некоторые сыщики классического типа в этот период быстро устаревали и уходили в небытие; другим удавалось приспособиться к новому реалистическому климату и на протяжении десятков лет захватывать читательское воображение. Четверо самых популярных в Америке классических сыщиков 20-х и 30-х представляют направления, по которым развивалась классическая формула, и степени успеха, которого они добились.

Фило Вэнс, придуманный С. С. Ван Дайном, фигурирует в двенадцати повестях между 1926 и 1939 годами. Подобно лорду Питеру Уимси у Дороти Сэйерс, появившемуся в 1923 году, Вэнс — дилетант, который начинает заниматься расследованиями, лично столкнувшись с запутанной ситуацией; кроме этого, им движет интеллектуальный интерес к психологии преступлений. Он — выпускник Гарварда, алчущий знаний, терпеть не может полиции, и его обычная аффектированная поза — иронический цинизм. Характер Вэнса никак не соотнесен с современным ему обществом, и эта выдумка на краткий срок завоевала громадную популярность, но нынешнему читателю Вэнс уже кажется анахронизмом, к тому же узкоместного значения.

Чарли Чань номинально служит в полиции, но так как расследование порой уводит его из родного округа в Гонолулу в другие места, находящиеся под чужой юрисдикцией, он нередко выступает как частный сыщик, оказывая помощь собратьям-следователям. Чаня создал Эрл Дэрр Биггерс, рассудивший, что в литературе уже существует немало зловещих негодяев восточного происхождения, таких как доктор Фу Маньчу, но нет добродетельных героев. В шести романах, написанных между 1925 и 1932 годами, Чань предстает как тихий, застенчивый человек, но при этом сыщик с воображением и хваткой. Книги Биггерса стали бестселлерами скорее благодаря характеру Чаня, поразившему читательское воображение, а не благодаря сюжетам, кстати довольно скучным, или авторской манере письма. Китайско-гавайский сыщик был отснят более чем в пятидесяти фильмах — больше, чем любой другой, не считая Шерлока Холмса. Хотя эти романы в значительной мере забыты, фильмы остаются в числе самых популярных на кабельном телевидении, они часто служат материалом для постановок по всей стране, а вкрадчиво-вежливый сыщик-китаец являет собой один из самых любопытных курьезов американского массового вкуса.

Эллери Куин, впервые появившийся в 1929 году, не только духовный брат Фило Вэнса, но и его собрат по Гарварду, хотя нигде не записано, что они были знакомы. Высокий, стройный, он хорош собой, держится особняком; с той же независимо отчужденной интеллектуальной позиции он расследует разные случаи, которые, в духе классической традиции, рассматривает скорее как вызов уму, чем нарушение нравственности. Но в отличие от Вэнса Куин популярен и действует и поныне. Истории о расследованиях Куина с самого начала были более чем остроумны и элегантно написаны; загадки в них отличались фантастичностью, сложностью, требовали огромного воображения, но излагались с безукоризненной писательской честностью. Другая важная причина непреходящей популярности Куина — это благоразумно предпринятая писателем модификация своего персонажа: он более человечен и не столь надменен. Например, классический сыщик избегает лирических ситуаций, порой даже с некоторым женоненавистничеством, иногда граничащим с патологией. Куин же к сорока годам пережил два длительных романа — с Полой Пэрис, голливудской фельетонисткой, и Никки Портер, своей нью-йоркской секретаршей. Он также проявляет интерес к спортивным событиям, светской жизни в провинциальном городке, патриотическим праздникам и прочим вполне демократичным вещам. Позволив своему герою созреть, Эл-

лери Куин-автор создал особый и долговременный вариант формулы: классический сыщик, но приветливый и любезный.

В 1934 году столь же уникальный вклад в развитие этого классического персонажа внес Рекс Стаут, соединив в пару классического детектива и жесткого сыщика. Ниро Вулф Стаута — позер из позеров, сыщик в кресле, чьи способности к умозаключениям отточены до такой степени, что у него нет нужды покидать свою контору в интересах расследования. Подобно Дюпену Эдгара По, брату Шерлока Холмса Майкрофту или Старому-Джентльмену-в-Углу баронессы Окси, Вулф наделен многими идиосинкразиями: по сути, он самый эксцентричный из современных сыщиков. Дела, которые он ведет, следуют классической формуле: замкнутый круг жертв и подозреваемых, и на виновного мелодраматически указуют перстом в ударной заключительной сцене, когда все персонажи собираются в конторе Вулфа.

Чтобы создать Вулфа, требовалась несомненная отвага, но самая большая удача Стаута — это Арчи Гудвин, потому что только благодаря Гудвину дела Вулфа все же как-то увязываются с реальностями общества. Гудвин, посыльный Вулфа и повествователь историй о его расследованиях,— жесткий сыщик в высшей степени. Он — красивый высокий молодой человек, который молниеносно пускает в ход свои кулаки, мозги и мужские чары. Вулф правит островной империей, а Гудвин видит весь мир. Когда он покидает аристократический особняк Вулфа, он тут же погружается в атмосферу окраинного Манхэттена с его такси, транспортными пробками, конторами, многоэтажками, гостиницами и полицейскими участками,— в мир, где этот городской герой чувствует себя как рыба в воде.

Тот факт, что Гудвин значит в повествовании гораздо больше, чем Ватсон, свидетельствует о точности восприятия автором его аудитории. Трудно было бы ожидать от Америки периода Депрессии, что она застынет в благоговейном трепете перед жирным гурманом с чистыми руками без мозолей и большим запасом денег и самомнения. Гудвин — рабочая лошадка; он человек подчиненный, но у него множество достоинств, и он насущно необходим для того, чтобы дела шли гладко. У него бывают полосы независимости: он обижается, когда его квалификацию ставят под сомнение, а особенно возмущен, если Вулф утаивает от него какие-то детали расследования. Поскольку считает, что это бросает тень на его умственные данные и способность хранить секреты. Если его слишком уж провоцировать, он способен послать босса к дьяволу. Всякий раз при этом, разумеется, лояльность приводит блудного сына назад, но он добивается своего — дает понять, что на определенной стадии великолепие и блеск превращаются в надменность, и когда ситуация достигает такого градуса, Арчи не позволит, чтобы его водили за нос.

Стаут прозорливо предвидел будущее, открывая свою счастливую карточную комбинацию из этих двух форм, что подтвердилось происходившим тогда упадком чисто классического детективного повествования. К середине тридцатых аудитория Ван Дайна начала редеть, а Эллери Куин уже понемногу преобразовывал характер своего героя в более зрелый, соответствующий урбанизированной индустриальной Америке, начавшей перед войной новое ускорение. Эскапизм детективной загадки с ее хитросплетениями и триллера из дешевых журналов с его стремительным действием уступил место реальности второй мировой войны, самого массового насилия в истории. После него в стране воцарилась иная атмосфера, давшая жизнь третьему важному типу американского сыщика.

Послевоенное развитие характера американского детектива тесно связано с параллельной ему эволюцией американских вестернов в литературе и кино. Как и сыщик, герой вестерна — реализация архетипического протагониста Нового Света, герой-одиночка. Сначала Кожаный Чулок, затем приключения Дикого Билла Хикока и Паникерши Джейн в дешевых обложках, потом рассказы Макса Брэнда, Дзэйн Грэй и Льюка Шорта в бульварных журналах, потом фильмы с У. С. Хартом, Томом Миксом, Рандольфом Скоттом, Джоном Уэйном и Клинтом Иствудом — все они представляли версию индивидуалиста, которая 150 лет оставалась популярной в литературе и 75 лет — в кино.

Примечательно, как этот характер изменился в новых социальных условиях. Герой классического вестерна, например Шейн Джека Шеффера, с самого начала пребывает вне общества. И по собственной вине, потому что в прошлом он избрал жизнь, связанную с насилием, направленную против общественного порядка. Обычно такой герой — бывший бандит или исправившийся грабитель. Но его ситуация парадоксальна: прежде чем сложить оружие, он должен применить его еще раз для защиты общества, в которое он теперь намерен вступить. Тогда люди оценят его прежде для них неприемлемые таланты, но если он их использует, то должен будет или впредь отказаться от них, или снова покинуть общество.

Однако в той вариации кинематографического вестерна, которая приобрела популярность в сороковые годы, героем стал мститель. В таких лентах Джона Уэйна, как «Дилижанс», «Красная река» и «Искатели», герой и общество меняются местами: в начале герой предстает как преследуемый член общества, а в конце ему приходится выйти за его пределы, чтобы мстить. Он вынужден действовать в одиночку, потому что общество оказывается чересчур слабым, или слишком громоздко устроенным, или слишком равнодушным, чтобы вступиться за него. Но его насильственные действия не принимаются людьми, и снова он должен спасаться бегством, если только в последнюю минуту не отказывается от мести.

В конце 60-х родилась новая вариация вестерна, окончательно выведшая героя за рамки общества. Впервые она появилась не в нашей стране, а в «долларовых» фильмах с Клинтом Иствудом («За пригоршню долларов», «За несколько лишних долларов», «Хороший, плохой, злой»), поставленных итальянским режиссером Серджо Леоне. Их герой — хладнокровный профессионал: в лучшем случае, он щедрый авантюрист, в худшем — обычный уголовник. Общество лишь случайно соприкасается с его миром, противники его — или воротилы бизнеса

и правительственные шишки, или же собратья-головорезы. По ремеслу он спекулянт, ищущий тем больший доход, чем больше его риск, но, отчуждая себя от структур общества, он также лишается и его утешений. Он может быть яростным и почти трагичным, как Пайк Бишоп из «Дикой банды» Уильяма Холдена, или по-мальчишески добродушным, как герой фильма «Буч Кассиди и Малыш Санданс». В любом случае его удел — изгнание и нередко преждевременная смерть.

В параллельной сфере детектива XX века классическому герою вестерна аналогичен жесткий сыщик. Такой, как Спэйд или Марлоу, он настаивает на своем одиночестве, подсознательно стремясь при этом быть принятым обществом, которое он демонстративно отвергает. В прошлом ему доводилось иметь дело с оружием, может быть, он даже бывший полицейский. И если он не присоединяется к обществу по завершении расследования, то единственно потому, что, как он знает, вскоре совершится новое преступление и вновь потребуются его особые способности. Ему никогда не выпадает возможность ускакать верхом в сторону заката; выбрав себе образ жизни, он не может от него отказаться. Он напоминает Джимми Ринго Грегори Пека в фильме «Стрелок», репутация которого не позволяет ему уклониться от схватки с вооруженным бандитом, но только для сыщика в этом сюжете не столь ощутима моральная деградация, которая так характерна для современного ему американского города.

В детективную повесть о жестком сыщике мотивы мести ввел дебютировавший в 1947 году Майк Хэммер — герой Микки Спиллейна. Названия двух ранних романов Спиллейна подчеркивают тему мести: «Я, присяжный заседатель» и «Аз воздам», с подтекстом — «рек Господь», что со всей определенностью свидетельствует о первоначальных намерениях Хэммера. В первой книге Хэммер, частный нью-йоркский сыщик, отдаленно напоминающий Рэйса Уильяма Дэйли, начинает розыски убийцы своего однополчанина, Джека Уильямса: «Парень, с которым мы два года делили койку на войне, в вонючей топи джунглей... он сказал, что отдаст за друга правую руку, и отдал, когда японский недоносок собрался разрубить меня пополам». Хэммер говорит своему приятелю, полицейскому Пэту Чемберсу: «Я доберусь до того, кто это сделал», — и далее объясняет свои мотивы: «Джек был мне самым близким другом за всю мою жизнь. Мы вместе жили и вместе воевали. И, клянусь Богом, я не дам убийце пройти через тягучий судебный процесс. Черт подери, ты же знаешь, что тогда будет. Они найдут лучшего адвоката, все вывернут наизнанку и еще сделают из убийцы героя. Мертвые не могут позаботиться о себе. Они не в состоянии рассказать, как было дело. Может ли Джек передать присяжным, что он чувствовал, когда какой-то недоумок резал ему внутренности? Никто из них не поймет, что такое умирать или каково тебе, когда твой убийца ржет тебе в лицо. У него была одна рука. Дьявол, что это значит? За это он получил медаль «Пурпурное сердце». А попробовали бы они тащиться по полу к пистолету с этой одной рукой, да еще когда твои потроха истекают кровью, с единственным проклятым желанием — чтоб тебя поскорей пристрелили. О, тогда бы они были на все готовы, чтобы найти убийцу. Нет уж, пошли они все к дьяволу. Присяжные хладнокровны и бесстрастны, как им и полагается, а наглый адвокат выжимает из них слезу рассказом о том, что его клиент в эту минуту был невменяем или стрелял для самозащиты. Отлично. Закон прежде всего. Но на этот раз законом буду я, а я не собираюсь быть хладнокровным и бесстрастным».

Методы Хэммера насильственны и незаконны; в его мотивациях есть привкус психопатии и сексуального садизма. Само его существование — угроза демократическому общественному устройству. И есть большая доля иронии в том, что при этом он оказывается прав с точки зрения морали, потому что цель не только желательна, она еще и утверждает общественные установления, что находится в парадоксальном контрасте с его методами. Читатель мало-помалу уверяется, что убийство Джека Уильямса было злодейским, умышленным и садистским и что оно было задумано и исполнено таким образом, чтобы убийца был застрахован от преследования со стороны закона. Поэтому когда Хэммер исполняет свой обет, посылая в живот убийцы пулю из пистолета 45-го калибра, читатель не только принимает это, но и становится сочувствующим сообщником. К тому же его симпатия к психотику Майку Хэммеру еще подкрепляется общественным и художественным одобрением мести, восходящим к Ветхому Завету. Каковы бы ни были представления по части цивилизованного поведения, месть высокодейственна и бывает справедливой. И Спиллейн умело манипулирует этой традицией, предлагая убедительный литературный аргумент в пользу собственной, крайней точки зрения на закон и порядок при демократии. В процессе развертывания действия моральные проблемы делаются столь сложными, что читатель наконец принимает этого полупреступника и признает его героем, потому что этот персонаж все-таки пытается как-то навести порядок.

Возможно, в ответ на популярность спиллейновского мстителя образ традиционного жесткого сыщика с середины 50-х все более сдвигался от насилия к психологической усложненности. Наиболее явственно этот процесс отразился в романах о Лью Арчере Росса Макдональда и о Трэвисе Макги Джона Д. Макдональда. Сам Росс Макдональд считает свой роман об Арчере 1959 года «Дело Гэлтона» несомненным поворотным пунктом, первым образчиком литературы «низких» жанров, где ему удалось ввести важные темы. Но чем глубже разрабатывает мотивации Макдональд, тем больше Арчер вовлекается в дела, которые расследует. Его сыскная деятельность становится все более головной, более задевающей его лично, и в результате в книге ощущается недостаток действия. Макдональд отмечает этот сознательный сдвиг фокуса в своем эссе «Писатель как герой детектива» (1973): «Арчер — такой герой, который подчас граничит с антигероем. Когда он выступает как человек действия, его цель — собрать воедино биографии людей и понять их значение. Он меньше действует, больше расспрашивает, и в его сознании определяется суть жизни другого человека. Так постепенно сложилась концепция сыщика как сознающего разума в романе. Может быть, это мой основной вклад в данную, особую, область

литературы. Нужно было внести некоторую утонченность в концепцию детектива, для того чтобы сблизить этот жанр с целями и уровнем основного потока художественной литературы».

В романе «Спящая красавица» (1973) хитроумная загадка разгадывается исключительно путем психологического расследования, в нем вовсе нет никакого действия. Неудивительно, что у читателя остается ощущение незавершенности. Оно связано с его собственным опытом: читатель знает, что решения, к которым приходят в результате долгих обсуждений, часто неполны, искусственны или временны. Кроме того, действие в жестком детективном романе, по-видимому, неотъемлемая часть его формулы; без него даже в искусных руках какого-нибудь Росса Макдональда роман делается скучным.

Хотя Трэвис Макги, появившийся из-под пера Джона Д. Макдональда, более деятелен, чем Арчер, он не менее Арчера склонен к самоанализу. Например, он не так сдержан в сексуальном отношении, как большинство его литературных коллег, но он настаивает на том, чтобы привносить глубокие чувства и нравственную весомость в свои романы, которые ему, по-видимому, довольно трудно оправдать. То обстоятельство, что его клиенты часто являются его друзьями, скорее запутывает, чем усиливает мотивации его вмешательства в расследование. Он также любит впасть в двухстраничный монолог на темы экологии, большого бизнеса, доминирующих тенденций в обществе, и в лучшем случае это постороннее вмешательство в повествование, а в худшем — нравоучения и скука.

Как все виды наших популярных развлечений, от странички юмора в газете до телевизионных «мыльных опер» и профессиональных футбольных матчей, массовая литература основывается на эскапизме. Она может оставаться эпической и изощренной, как в «Пейтон-плейс», «Крестном отце», романах Жаклин Сьюзен, Харолда Роббинса, Артура Хейли, Джеймса Митченера, но чрезмерная психологическая усложненность снижает ценность произведения для массового потребителя. Воцарившаяся тенденция к сложным образам в жестком романе была, по-видимому, основной причиной создания нового героя-сыщика, более прямолинейного, с мотивировками попроще.

Другим поводом для изменений в характере жесткого сыщика стало размывание границ между функциями героя и преступника. Мы уже видели, как ранний Майк Хэммер завоевал нашу поддержку и даже восхищение, выйдя за рамки закона. Примерно в то же время в романе «Пруд утопленников» (1950) Росс Макдональд решает эту проблему под иным углом зрения. Арчер только что прижал к стене особо гнусного и тупого негодяя, члена банды, занимающейся похищением людей и собирающейся вскоре совершить суд Линча. Арчер презирает этого человека, но его мучает неотвязный страх, что он сам может поддаться духовному разложению.

«— Твое лицо обманчиво,— сказал я.— Если бы я не знал, как обстоит дело, я бы подумал, что оно принадлежит живому человеку. Оно прямо просит, чтоб по нему прошлись пистолетом.

— Что ж, попробуй,— сказал он лениво.— Посмотрим, что у тебя получится.

Мне хотелось причинить ему боль, но память о той ночи горела в мозгу безобразным пятном. Должна же быть какая-нибудь разница между мною и противником, иначе мне придется изъять зеркало из ванной. А это единственное зеркало в доме, и мне оно необходимо для бритья».

Однако к 1962 году представления героя о нравственных нормах его игры делают поворот на 180 градусов. Герой, находящийся вне рамок закона, больше не нуждается в мести для самооправдания; он может набрасываться на кого угодно и нападать на что угодно только потому, что это в его глазах угроза обществу, и он идет в атаку без всяких сдерживающих барьеров. В поразительном фрагменте из книги «Охотники за девушками» Спиллейна Майк Хэммер пытается объяснить разницу между хорошими и плохими дядями. Сначала он дает характеристику негодяям, которыми в данном случае выступают коммунисты:

«Пусть эти вонючие гады отправляются к дьяволу! Они и их философия! Смерть и разрушение — больше ни на что не способен этот кремлевский сброд. Они знают цену насилию и смерти и прибегают к нему вновь и вновь в своем сумасшедшем желании смести с лица земли всех, кроме им подобных...»

Затем, в следующем параграфе, Майк обрисовывает собственный план:

«Но было кое-что, чего они не знали. Они не знали, как обращаться с этой штукой, когда она вернется к ним и взорвется у них перед глазами. Если она (пропавшая девушка Хэммера Велма) умерла, *подумал я,* я начну свою собственную охоту. Они считают, что *они* умеют охотиться? Дерьмо они, и все. Они не знают, что такое ярость *на самом деле.* Смерть? Я достану их, всех и каждого, большого и малого, где бы они ни были. Я их покрошу в такой винегрет, что у них от одного страха дух отшибет, и те, кто еще дожидается своей очереди, не будут знать покоя ни минуты, пока их головы не разлетятся во все стороны».

Внутренняя противоречивость здесь просто поразительна: по методам Майк и коммунисты как родные братья. Подобно врагу, Майк знает цену насилию и смерти, и, по его собственным словам, он гораздо лучше разбирается в том, как смести все и всех на его пути к цели.

Для сравнения рассмотрим следующие два описания героев из двух разных популярных романов.

«Я стою здесь, на горе, потому что человеческий и божественный законы не совпадают. Были бы они одинаковыми и справедливыми, мало кто нарушал бы их. Но они разные и несправедливые, поэтому робкие покоряются и трепещут; бессильные подчиняются и страждут; дерзкие, свободные, сильные, решительные падают ниц перед законами Господа и ведут войну с человеческой несправедливостью».

«Он не принимает правил нашего общества, потому что тогда он был бы обречен на жизнь, не соответствующую его человеческому типу, наделенному мощью и силой характера... Он отказывается жить по правилам, установленным другими, обрекающим его на жизненное поражение. Но его главная цель — войти в общество, имея определенную власть, раз общество само

не способно защитить своих членов, лишенных собственных сил. А пока он действует сообразно этическому кодексу, который, по его мнению, далеко превосходит легальные социальные структуры».

Первая цитата — из романа Дж. П. Р. Джеймса «Разбойник» (1841 г.), вторая — из невероятно популярного фильма Марио Пьюзо «Крестный отец» (1970). Оба произведения описывают героя, безусловно, находящегося вне закона. Тем не менее этот персонаж описан не как продукт или жертва общества, его скорее превозносят как умную, рациональную и внутренне мотивированную реакцию на общество. Тенденция к превращению зловещих убийц в романтических бунтарей — регулярно воспроизводящийся подвид американского массового мифа, под влиянием которого настоящие убийцы, такие, как Билли Малыш и Джесс Джеймс в XIX веке и Джон Диллинджер, Красавчик Флойд, Бонни Паркер и Клайд Бэрроу в XX-м, становятся народными героями.

Когда герой мифа — юрист, что бывает, если он становится сыщиком, — начинается еще более странная этическая неразбериха. Это мы видим в обожествлении Дикого Билла Хикока и Уайатта Эрпа, которых принято считать двумя великими защитниками народа на фронтире. По сути, оба они профессиональные игроки, политики и позеры, использовавшие свое положение и репутацию в корыстных целях. И оба — убийцы: Хикок стал известен благодаря тому, что застрелил человека в спину из-за занавески в задней комнате; а перестрелка в коррале была, по сути дела, засадой, во время которой Эрп с братьями перебили членов группы Клэнтона. Собственно говоря, один из универсальных символов честной игры — перестрелка с быстрым вытягиванием пистолетов из карманов — была изобретена для бульварных романов и кинематографа; в реальности исторического Запада такого никогда не случалось. Все это, как в зеркале, отражает преобладающий в Америке оптимизм — легенды остаются, а факты заволакиваются туманом: если у нас есть выбор, мы предпочитаем видеть в человеке благородство, а не моральную деградацию.

В усложненных условиях современного городского общества герой, находящийся вне закона, может быть самым обычным гражданином. В инсценировке романа Брайана Гарфилда «Желание смерти», например, Чарльз Бронсон играет роль архитектора, который становится ночным стражем-виджиланте города, отыскивающим и убивающим нью-йоркских хулиганов. Подвигло его на это начинание убийство его жены и изнасилование дочери в их собственной квартире, но персонаж Бронсона вовсе не стремится отомстить, поскольку он не делает попыток найти преступников, погубивших его семью. В книге его поступки объясняются тем, что архитектор мучился от бездействия, а также считал, что убить хулигана означает принести пользу обществу. Тот же импульс, но, пожалуй, в более обаятельном преломлении улавливается и в рассказе Джека Ритчи «За всех грубиянов». Его герой, молодой человек, которому осталось всего несколько месяцев жизни, начинает наказывать людей за грубость убийством. Результат обнадеживает: герою не только горячо сочувствуют по городу прокатывается волна учтивости. Таким образом, он не просто выступает в героическом ореоле — его действия полезны, успешны и вносят вклад в укрепление общественного порядка.

Два этих персонажа — незавершенные версии третьей трансформации американского частного сыщика. Мы называем такого героя Агрессором, чтобы подчеркнуть его самое существенное отличие от предшественников. Классический детектив, строго говоря, дает лишь ответную реакцию: ему предъявляется некая задача, и он ее решает. Такую же позицию по отношению к обществу занимает жесткий сыщик. Пусть его поиски оказываются более сложными, а переливы этики — более тонкими, он тоже лишь реагирует — как человек, вовлеченный в поиски решения некоей уже существующей загадки.

В противоположность этому Агрессор — активная сила, выступающая за нравственный порядок. Его кампания — следствие не какой-либо конкретной тайны, а внезапного понимания, обычно осеняющего его, когда он попадает в ситуацию жертвы, — тогда он сознает, что в обществе нарастает и распространяется некое зло.

Его последующая реакция сводится к тому, что он перестает считаться с проблемой вины или невиновности отдельного человека и начинает неуклонную борьбу с обобщенным источником коррупции.

Агрессор, до конца осознанный в этом качестве, впервые появляется в романе Дона Пендлтона «Война против мафии» (1969), где автор впервые выводит Макса Болана Палача. Болан полностью лишен как бесстрастия классического детектива, так и сантиментов жесткого сыщика; его прямолинейные мотивации не оставляют для них места. И все же по характеру Болан — плод неравного брака между сверхсуществом и обычным человеком; то есть сам он заурядного происхождения, но развил свои физические, умственные и нравственные данные до предела. Таким образом, этот характер описал полный круг: в лице Макса Болана мы видим современную версию Ника Картера.

Подобно сотням и тысячам других молодых людей, Болан воюет во Вьетнаме, но он — боец суперкласса, его способности общепризнаны, ему дают особо опасные поручения. Когда же срок контракта кончается и близится дембель, Болан явно должен отказаться от своих по преимуществу антисоциальных талантов и вновь присоединиться к обществу. Однако же, вернувшись на родину, Болан, как описано в начале «Войны против мафии», видит социальный хаос, столь же неохватный, как и во Вьетнаме. Его отец, мать и сестра погибли от рук мафии, и Болан, бывший снайпер, понимает, что должен снова «взяться за оружие», прежде чем ему можно будет вернуться в лоно общества. Но, расправившись с мафией в родном городе, Болан осознает, что результат не столь уж и велик: мафия держит американское общество гораздо более цепко, чем это казалось Болану в его городке в Новой Англии. Болан превращается из мстителя в профессионального героя, когда решает продолжать свой крестовый поход, затевая сражения везде, где есть мафия, пусть даже эта кампания окончится его гибелью.

В книге «Вашингтон, я тебе должен», три-

надцатом из тридцати с лишним романов этой серии, Болан изъясняет свою философию и мотивы:

«Похоже, я бился не с тем врагом... Зачем защищать фронт в восьми тысячах миль отсюда, когда настоящий враг дома перемалывает все, что тебе дорого? Насколько я понимаю, фокус в том, что все правила ведения войны составлены не в пользу полицейских. Мало знать, кто враг. Надо еще доказать, что он враг, и даже тогда он еще может вывернуться. Значит, требуется непосредственное действие, стратегически спланированное, а всякие там инструкции пусть горят синим пламенем. Разыскать и уничтожить врага. Искоренить его. Думаю, что пора объявить войну на домашнем фронте. Такую же, как мы вели в Наме. Точно такую же».

Болан, без сомнения, заблуждается: его крестовая война столь же мало соотносится с Вьетнамом, как война Майка Хэммера — с коммунизмом. Личная война Болана — нравственная, а не политическая, она ведется против одной социальной силы, против коррупции и эксплуатации — в интересах другой, связанной с понятиями порядочности и нравственных норм. Философское отступление Болана свидетельствует, что он воюет уже не ради мести, теперь им движет стремление к социальному порядку и недовольство общепринятыми методами его поддержания.

За его поступками кроется еще несколько причин, более практических. Он занимается тем единственным, что умеет делать; по сути, он жертва обстоятельств. Страна обучила его ремеслу искусного убийцы (а на счету Болана девяносто семь убийств во Вьетнаме), и та же страна, можно сказать, плюет ему в лицо, так как не может защитить его семью, пока он воюет. У Болана, как у классического преступника, есть средства убийства, возможность совершения преступления и мотив, но у него есть еще и моральное оправдание. Его первое нападение на мафию в родном городке — это именно то, чего можно ждать от американского героя этого типа. А раз уж он начал, то остановиться не может. Как и жесткий сыщик, Болан взял на себя моральное обязательство, но прибавил к нему еще и практическое: если он не будет начеку или хотя бы ослабит свое наступление, то неминуемо будет убит. У него нет оснований предполагать, что общество защитит его надежнее, чем его семью:

«...мафия представилась ему в виде алчной пиявки, присосавшейся к горлу его нации, чудовищем, фантастически разжиревшим от неутолимого голода и жажды богатства и власти... В Чикаго... он получил личный доступ к властным структурам общества, где бизнесмен — это политик, политик — преступник, а преступник — бизнесмен. Эта «несвятая троица» попала в фокус в Лас-Вегасе, где неучтенные миллионы теневых долларов медленно текут из золотых копей в коррумпированные залы правительства и финансовой верхушки... Как раз шла Карибская забастовка, когда Болан примерно уяснил себе, как выглядит тот конгломерат, который он назвал «четвертой властью», — международная аполитичная сила, твердо решившая завладеть миром... синдикат, преданный только «зелененьким», чья единственная политическая цель — власть, чья мораль выстроена на подкупе, алчности и ненасытности».

Недавние разоблачения показали с достаточной убедительностью, что все это существует на самом деле, и высказывания Болана — нечто большее, чем навязчивый бред. В недавнем рассказе о Палаче Болан сталкивается с одним из осведомителей из числа мафиози, который готов дать показания против банды. Болан узнает, что «слухи с Капитолийского холма (благодаря показаниям осведомителя) связываются с тремя членами президентской администрации, Центральным разведывательным управлением, Бухтой Свиней, смертью одного президента и провалом другого». Цитата содержит намек на истинные события, внятные большинству читателей.

Болан осознает романтизм и тщету своей яростной борьбы против превосходящих сил. «Его война священна, хоть это звучит банально». Он тоже понимает это и стойко играет свою роль, потому что знает: в глазах тех, с кем стоит считаться, он — крестоносец.

«Болан... не ждал, что его наградят орденом за участие в этой необъявленной войне. Он с самого начала отдавал себе отчет в том, что его кампания официально будет считаться аморальной и противозаконной: он был готов принять приговор общества».

Человек рациональный и нравственный, Болан не станет наносить ответного удара:

«Однако с точки зрения Болана, полицейские не были его врагами. Он старательно избегал столкновений с полицейскими властями, никогда не вступал в перестрелку с силами правопорядка и не позволял себе никаких других враждебных действий по отношению к полиции».

За это молчаливое признание ценности данного общественного института Болана тоже одобряют:

«На самом деле многие офицеры полиции тайно симпатизировали войне Болана... и, бывало, полицейские закрывали глаза на происходящее и сознательно избегали конфронтации с этим неистовым бойцом... Ближайший друг Болана и его осведомитель в Управлении был тайным агентом, занимавшим высокое место в иерархии преступного синдиката. Другой связной Болана / — в разведке — был крупным чиновником в министерстве права Соединенных Штатов».

В формуле Агрессора не только герой, но и преступник претерпел значительные изменения. Хотя в классическом детективном сюжете иногда встречается князь тьмы, самый яркий пример тому — метящий Холмсу профессор Мориарти, все же классический преступник чаще всего обычный человек, как правило, чем-то связанный с жертвой. Среди его мотивов: жадность, ревность, страсть или страх — нормальные эмоции, которые переживали все мы, хотя редко доходили до фазы убийства. В преступнике жесткого детектива есть определенная двойственность, он предстает жертвой или своего социального статуса, или давления среды. Убийцей может быть женщина, истерзанная изменами мужа, полицейский, замешанный в расследуемое дело, или богатый человек с полным набором всякой всячины, включая преступную тайну, и в каждом случае они в конце концов вызывают читательское сочувствие.

Но если образу Агрессора отводится роль отдушины для наших фрустраций по поводу собственной неспособности противостоять давящим сложностям общества, то тогда его

враг должен представлять собой безусловное зло. Однако сопереживание Агрессору, удовольствие от формы становятся неизмеримо слабее, если читатель сначала должен разобраться, все ли в порядке с нравственным обликом самого героя. Поэтому мафия — наиболее часто встречающаяся мишень для таких Агрессоров, как Палач, Мясник, Лазутчик, Мститель и Одинокий Волк. Мафию равно презирают все, от консерватора до либерала и прочих. За исключением какого-нибудь случившегося мафиозо мало кто из массовой аудитории станет выступать в защиту организованной преступности.

У Агрессора есть качества, которых нет у общества,— целесообразность, успешность, действенность, и в этом его притягательность. Жизнь делается день ото дня труднее, наши тревоги и проблемы многообразней, решения же их слишком часто оказываются неудовлетворительны и неполны. Полная победа добра над злом, совершающаяся в книгах об Агрессоре, смягчает наши внутренние конфликты. Такая победа способна также оправдать наши тайные движения души: ведь даже самый большой либерал когда-нибудь да испытывает позыв «схватиться за оружие», если застанет воришку, улепетывающего через окно *с его* телевизором.

В основе своей частный сыщик всегда аутсайдер. Он может быть надменным и высокомерным, как Огюст Дюпен или Фило Вэнс; он может быть жертвой собственной запутанной морали, как Сэм Спэйд, Филип Марлоу или Лью Арчер; он может быть вне закона, как Болан. В каждом случае его позиция выбирается в соотнесении с обществом. Частный сыщик он и есть частный, а не общественный. Он решил действовать отдельно от официальной полиции, часто после того, как на личном опыте убедился, что вне системы может работать успешнее: Картер, Марлоу, Вулф, Арчер и Болан — все в некотором смысле были полицейскими в прошлом.

Его успех заключает в себе парадокс: значит, обществу нужны люди, стоящие вне рамок закона. Общество связано собственными предписаниями; во имя демократии оно сковало себя наручниками и не способно идти самой прямой и надежной дорогой к установлению порядка и искоренению разрушительных элементов. По Болану, «организованная преступность — это та цена, которую люди платят за демократию». Или, как жалуется Майк Хэммер, «полицейский не имеет права сломать какому-нибудь типу руку, чтобы заставить его говорить, или вышибить ему зубы рукояткой пистолета 45-го калибра, чтобы он понял, что ты не дурака с ним валяешь». Разумеется, такие социальные институты, как демократия и судебное право, необходимы; если они и не оказываются самым эффективным средством наказания виновного, зато обеспечивают систему защиты невинного, «предохраняющую от дураков». Но когда мы за пределами этой системы пребываем в убеждении, что некто виновен, тогда мы способны сочувствовать жалобе Майка Хэммера. Мы даже согласимся, чтобы человек вне закона играл роль стража справедливости, если сами уверены в том, что преступнику, коль он этого заслуживает, следует сломать руку и выбить зубы.

И в этом тоже притягательность частного сыщика, а также причина его долгого и популярного царствования. Мы доверяем ему как арбитру социального порядка; мы принимаем его моральные установления, потому что в самом основном они совпадают с нашими. В некотором смысле, как указывал Реймонд Чандлер, сыщик обречен на поражение, потому что сколько бы он ни восстанавливал порядок в одной, маленькой, части общества, цивилизация в целом продолжает идти по неверному пути. И все же мы утешены, мы гордимся этим героем и верим ему. И Филип Марлоу будет по-прежнему встречать саркастическими шуточками женщину, входящую в его обшарпанную контору, и тем не менее примется потом за дело и не раз схлопочет ради нее по башке. Эллери Куин с неизменным энтузиазмом отнесется к очередной, ставящей в полный тупик загадке. Макс Болан, не переставая сокрушаться о тщетности своей приватной войны, переедет в следующий город, чтобы бороться с мафией. Наши же собственные ценности благодаря их стараниям переживут новый подъем, а наше доверие к обществу и самим себе получит новое оправдание.

Перевод с английского Л. ЕРМАКОВОЙ

НАТАЛИЯ ИЛЬИНА

АГАТА КРИСТИ НА ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНЕ

Английская семья — родители и две дочери — проводит лето во Франции. Старшей 17 лет, младшей семь. Отец и старшая дочь часто совершают верховые прогулки. Однажды решились взять с собой младшую. Девочка была счастлива. Рядом с ее пони шагал гид-француз. Время от времени он рвал цветы и прикалывал их к ленте шляпки «маленькой мадемуазель». Но внезапно мадемуазель начала плакать. На вопросы «Что с тобой?» не отвечала, плакала и плакала. «Кто приколол бабочку к ее шляпке?» — спросила мать, когда кавалькада вернулась домой. «Наш гид!» — ответила старшая сестра. И мать сразу поняла, в чем дело. «Она трепыхалась и тебе было за нее больно?» — «Да, да! Она дергалась, она дергалась, но гид такой добрый, и я не могла сказать!» Девочка чувствовала в эти минуты огромное облегчение. С нее сняли груз, освободили от молчанья, теперь она могла объяснить причину своих слез, никого не предав, никого не обидев. А обидеть доброго гида было тем более трудно, что он был лицом подчиненным.

«Со слугами надо обращаться с особой вежливостью,— учила мать,— они делают работу, которую ты сама не могла бы выполнить без долгой тренировки. Запомни: на твою грубость они не могут ничего ответить. Всегда следует быть вежливыми с теми, чье положение ЗАПРЕЩАЕТ им ответить тебе грубостью!»

Это происходило в последнем десятилетии минувшего столетия. Отец девочки, Фредерик Миллер, был американцем из состоятельной семьи. Женившись на англичанке, поселился в Англии, где было куплено загородное поместье. Туда, проведя лето во Франции, и вернулась семья. Американское происхождение Миллера на жизнь его близких никакого влияния не оказало.

Миллера вполне устраивала жизнь английского сквайра в викторианской Англии. Играл в карты в местном клубе, был любящим мужем и отцом. Обе его дочери получили домашнее образование, куда входили французский язык, игра на фортепиано, пение и танцы. Затем, для «окончательной отделки», как тогда выражались, девушку отправляли в Париж. После возвращения в родной дом от нее требовалось лишь одно: приличное замужество. Иными словами — найти себе мужа из такого же процветающего английского среднего класса. Старшей сестре Мэдж это вскоре и удалось. Человек одаренный, она писала недурные рассказы, родные думали, что она станет писательницей, но писательницей стала младшая, застенчивая и робкая, от которой, кроме приличного замужества, никто ничего не ждал. Когда ей исполнилось двенадцать, умер отец, финансовое положение семьи пошатнулось, но рента, получаемая матерью, была достаточно велика, о бедности и речи не было. Однако выйти замуж за человека обеспеченного теперь было особенно необходимо. Но в двадцатидвухлетнем возрасте она влюбилась в своего сверстника, летчика, чинов у него не было, денег тоже, и, по понятиям тех лет, жениться он права не имел. И ее и его родные неодобрительно отнеслись к этому взаимному увлечению, надеялись: пройдет, рассосется. Но спустя два года молодые люди все-таки поженились. Это была скоропалительная свадьба военного времени, летчик получил несколько дней отпуска, его невеста работала медицинской сестрой. После окончания войны он ушел из авиации, ему повезло больше, чем многим его отвоевавшим сверстникам, работу он нашел, молодой семье на скромную жизнь хватало. Его звали Арчибальд Кристи. Фамилией мужа Агата и подписала свой первый роман, опубликованный в 1920 году.

Этот роман, «Таинственное дело в Стайлсе», был написан на пари с сестрой Мэдж. Сестры, воспитанные на Диккенсе и Вальтере Скотте, позже увлеклись Эдгаром По, Уилки Коллинзом и открыли для себя Конан Дойла — одного из главных создателей классического детектива. Мэдж утверждала: написать хороший детективный роман очень трудно. Агата вызов приняла и — написала. Затем осмелилась предложить свое произведение для публикации. Шесть издательств роман отвергли, седьмое — рискнуло. Продано было две тысячи экземпляров, сочинительница получила всего 25 фунтов. И внимания никто на этот роман не обратил — а сколько же раз он был с тех пор переиздан! (Кстати, я его на днях перечитала с удовольствием, ибо забыла, КТО убил!) Впервые появляется Эркюль Пуаро. Впервые читатель видит имя Агаты Кристи. Рождение «королевы детектива» прошло незамеченным. Но писать она продолжала.

Она скончалась в 1976 году в возрасте 85 лет. За почти шесть десятилетий ею написано 68 романов, сотни рассказов и 17 пьес. Труды ее переведены на 103 языка. В 1977 году посмертно увидела свет книга, названная «Автобиография».

Семилетней девочкой она плакала над умирающей бабочкой, боялась сознаться в причине своих слез, чтобы не обидеть человека, желавшего доставить ей удовольствие. Эту деликатность в обращении с людьми, умение понять их чувства и щадить их сохранила на всю жизнь. Ее детство прошло в викториан-

кой Англии, в загородном доме, около любящих родителей. На долю ее поколения выпало две мировые войны, но в общем жизнь она провела счастливую, событиями небогатую. Прекрасно воспитанная, хорошо образованная английская дама, никогда, между прочим, не имевшая дела с полицией и вряд ли когда-нибудь встречавшая настоящего преступника. Но в каждом из написанных ею романов совершается два-три, а то и больше убийств.

* * *

В «Комсомольской правде» (4 февраля 1992 г.) опубликовано интервью журналиста со знаменитым драматическим актером.

— Читаете ли вы детективы? — спрашивает журналист.

Актер сознается, что иногда читает, но интересуется ими мало, ибо «реальная жизнь переигрывает все литературные коллизии».

Второй вопрос журналиста таков: замечал ли его собеседник «коварную особенность жанра»? Факт убийства человека или нескольких человек не воспринимается нами трагически. Из шкафа вываливается хорошо одетый труп, или герой спотыкается обо что-то, смотрит — удушенная леди. И странное дело: охватывает вовсе не ужас, а даже тайная радость, азарт, предчувствие. Безнравственно, да?..

(Почему не просто «труп», а «хорошо одетый»? Зачем не просто задушенная женщина, а кто-то об нее спотыкается? А это для красоты слога. Легкая издевка над жанром, не умеющим пробудить у читателя сочувствие к «факту убийства человека»)

Актер объясняет этот «факт» тем, что человеку свойственно «абстрактно воспринимать трагедию, тебя непосредственно не касающуюся». К тому же особенность искусства: следишь за процессом переживания, за логикой борьбы. Важно, не как задушена Дездемона, а почему.

Создается впечатление, что упомянутая журналистом «удушенная леди» ставится на одну доску с шекспировской Дездемоной!

«О смерти можно сказать по-разному,— вычитала я когда-то не помню где. — Можно как Лев Толстой. А можно и так: «Шел трамвай двадцатый номер, на площадке кто-то помер, тянут, тянут мертвеца Ламца дрица, а ца-ца!» (цитирую по памяти).

Почему же можно и ТАК сказать о смерти? Не потому ли, что этого требует особый жанр, ничего общего не имеющий ни с трагедиями Шекспира, ни с сочинениями Льва Толстого? К этим трагедиям и этим сочинениям не имеет отношения и жанр детектива. Задушенные, отравленные и застреленные на страницах детективного романа на сочувствие читателя не претендуют. Они и должны вызывать «тайную радость и азарт», которые смущают журналиста: ах, не безнравственно ли это? Нет-нет, — успокаивает его актер, — это вполне нормально, вспомните историю с Дездемоной...

Из этого диалога ясно: собеседники, решившие поговорить о детективе, понятия не имеют о предмете своего разговора.

От актера мы слышим еще и вот что: «...стали мы такими закономерно, нас дурно развратили...» Речь тут о том, что советского читателя призывали сочувствовать безработным и обездоленным чужих стран, закрывая глаза на кошмары нашей действительности. Это совершенно справедливо, спорить тут не о чем, но задающий вопросы журналист непременно хочет продолжить беседу о детективах. Спрашивает актера, не кажется ли ему, что «приключенческий жанр не очень ограничен нашей культуре». Ибо «нашего героя не существует без раздумий, рефлексий».

Журналист пытается сказать, что авантюрный роман — как называли этот жанр в старину — для России не типичен, не на ее просторах возник. И полагает, что это говорит о напряженной духовной жизни русских, предъявляющих к литературе требования более высокие, чем чужеземцы...

Автор статьи «Книжный беспредел» («Известия», 23 марта 1992 г.) пишет: «Как ни навязывали нам безграмотные издатели низкопробное детективное чтиво, российский читатель остался неразвращенным. Он по-прежнему любит Лермонтова, Достоевского, Пастернака... То, что наше частное и государственное книгоиздательство на сто порядков отстает от великой, читающей и культурной страны, меня нисколько не удивляет. Раньше они травили нас «идейным соцреализмом», теперь душат порнухой и развлекаловкой. Им и в голову не приходит, что кому-то нужен Шекспир».

Почти со всеми высказываниями автора этой статьи трудно не согласиться. Однако меня насторожило упоминание Шекспира. Почему всплывает это имя в связи с разговором о детективе? По контрасту, быть может? С одной стороны, великий драматург, чьи трагедии до сегодня волнуют читателя, а с другой — спрятанные в шкафу трупы, никого не волнующие. А кроме того, всякий ли детектив заслуживает презрительных слов «низкопробное чтиво»?

В своей работе «Человек и время» («Новый мир», № 3, 1975 г.) Мариэтта Шагинян утверждала, что детективы охотно читают академики, ученые, профессора и еще «сотни людей, занятых непрерывным умственным трудом... Разумеется, я имею в виду НАСТОЯЩИЕ детективы, а не те гангстерские или шпионские трескучки, которые подсовывают вместо них».

Дело, значит, обстоит совсем не так просто, как его пытаются изобразить авторы, выше мною процитированные. «Коварный жанр», — издевательски говорит один. «Развлекаловка», — с негодованием говорит другой. Русскому человеку, с его склонностью к рефлексии и раздумьям, этот жанр чужд, — говорит один. Культурной, читающей стране подобное чтиво не нужно, — говорит другой.

А вот Шагинян говорит, что к этому «чти-

ву» прибегали для отдыха сотни людей, занятых умственным трудом.

Я готова это подтвердить. Детективы любила Анна Ахматова. В переделкинском кабинете Корнея Чуковского целая этажерка уставлена детективными романами и рассказами. Я не была знакома с академиками Тарле и А. А. Сидоровым, но мне известно они любили детективы. В доме, где я живу свыше тридцати лет, среди моих соседей были переводчики высокой квалификации М. Ф. Лорие, Е. И. Калашникова, М. П. Богословская, Т. А. Озерская. Они обменивались друг с другом детективными романами, а Т. А. Озерская однажды, из чистого энтузиазма, чтобы порадовать друзей и знакомых, не знающих английского языка, перевела роман Агаты Кристи «Карты на стол!», и я помню, как по квартирам дома ходил этот манускрипт, затрепанный, зачитанный, на него записывались в очередь.

Это происходило в конце пятидесятых годов. В то время Агату Кристи на русском языке прочитать возможности не было. Ее произведения привозились из-за границы и продавались в букинистических магазинах. Доступны они были лишь тем, кто владел иностранными языками. Владели немногие. В сталинское время знание чужих языков не поощрялось. Этим объясняется то, что до сегодня есть среди нас немало лиц с высшим образованием, которые по незнанию языка не могли прибегнуть для отдыха к чтению «хорошего детектива», как советует М. Шагинян.

Начиная с 1963 года стали делаться робкие попытки донести до советского читателя произведения Агаты Кристи. Я говорю «робкие», ибо появлялись эти произведения на страницах в основном периферийных журналов, таких как «Дон», «Сибирь», «Литературный Азербайджан», «Советский Дагестан». В 1965 году один из романов Кристи увидел свет на страницах столичного журнала «Наука и религия», полагаю, что для поднятия тиража этого вряд ли процветавшего издания. Решились подарить Агату Кристи своим подписчикам и журналы «Смена», «Сельская молодежь», «Вокруг света».

А что «Иностранная литература»? Не долг ли этого журнала был приобщать читателя, сидевшего за железным занавесом, к чужеземной литературе? Журнал свой долг и выполнял, понимая его, однако, так, как в недавние годы и полагалось: знакомить нашего читателя с не-нашей литературой следовало осторожно, строго следя за его диетой. «Королева детектива» не входила в эту диету. Язвы капитализма не вскрывала, чужой образ жизни не бичевала, да и воспевала что-то не то. Что же именно?

К. И. Чуковский утверждает, что лучшие произведения авторов, работающих в жанре классического детектива, звучат как «...гимны во славу победоносного ума человеческого». В «Лунном камне» Уилки Коллинза и во многих сказаниях о Шерлоке Холмсе гремит

Агата Кристи

вся та же слава интеллекту и его благотворным триумфам. С тех пор появилось несметное количество книг, посвященных этой своеобразной тематике, и в каждой из них выступают проницательные, вдумчивые люди, разгадывающие житейские тайны силою аналитической мысли. Это раньше всего Эркюль Пуаро, чудаковатый герой Агаты Кристи, по праву гордящийся своим «мозговым веществом», это хитроумный патер Браун, подвигам которого (опять-таки в области интуитивной и аналитической логики) Гилберт Кийт Честертон посвятил пятьдесят (!) новелл. (К. Чуковский. Собрание сочинений, том 6, стр. 148.)

Речь идет о классическом детективном жанре, особенно характерном для английской литературы. Его золотой век пришелся на время между первой и второй мировыми войнами. В этом жанре начала работать и его развивать Агата Кристи, до конца своих дней оставаясь верной интеллектуальному детективу-загадке.

После войны появились новые авторы, нередко с полицейским и шпионским прошлым, возникли триллеры, гангстерские романы, секс и прочее. В «Автобиографии», будучи уже старой женщиной, Агата Кристи напишет:

«Никому в голову не могло прийти, что настанет время, когда детективы будут читаться из-за описываемых в них сцен насилия, ради получения садистского удовольствия от жестокости ради жестокости».

В романах Агаты Кристи сцен жестокости и насилия не встретишь. Говорить о деталях преступления она избегает, ограничиваясь сухой и необходимой информацией. В ее

романах отравленные встречаются чаще, чем зарезанные, застреленные и задушенные. В молодости она была медсестрой, а затем ученицей фармацевта и в ядах разбиралась...

После войны кончился золотой век классического детектива, у Агаты Кристи появились многочисленные конкуренты. Но эта конкуренция оказалась для нее неопасной. Ничто не смогло погасить читательского интереса к старомодной «королеве детектива». Один из ярких примеров — неслыханный и самого автора поразивший успех пьесы Кристи «Мышеловка». Премьера состоялась в 1952 году, и затем пьеса шла на лондонской сцене КАЖДЫЙ ВЕЧЕР вплоть до начала восьмидесятых — больше тридцати лет! Мне удалось трижды побывать в Лондоне между 1967 и 1975 годами, и, выходя из автобуса на улице Чаринг-Кросс, я видела огромные буквы «МАУСТРАП» над театром, названия которого не помню...

Работая над первым романом «Таинственное дело в Стайлсе», она поняла, что ей нужен свой частный сыщик, свой Шерлок Холмс. В годы первой мировой войны в Англии проживало немало беженцев из Бельгии. Среди них вполне мог оказаться отставной полицейский инспектор. Эта мысль понравилась Агате, и она тут же придумала его наружность: небольшого роста, лысый, голова яйцевидной формы, пышные усы, предмет его гордости, необыкновенно опрятный, аккуратный, расставляющий по местам и вещи, и факты. И фамилию придумала: Пуаро. А имя этому маленькому человеку дала Эркюль (Геркулес), имя ироническое. Итак, в первом романе Пуаро появляется уже немолодым, уже отставным, о чем позже писательница горько сожалела. Она не могла тогда предвидеть, что напишет еще множество романов, что с Пуаро не расстанется еще десятки лет. Ведь еще в «Таинственном деле» друг Пуаро капитан Гастингс, плохо понимая, как работает интеллект опытного сыщика, не в силах угнаться за работой его «серых клеточек», не раз заподозрит Пуаро в наступающем склерозе: дескать, он уже не тот, что был прежде!

Зачем Агате Кристи понадобился честный и туповатый капитан Гастингс? А затем же, зачем понадобился Конан Дойлу доктор Ватсон. В. Шкловский в статье «Новелла тайн» («Теория прозы», издательство «Круг», 1925 г.) пишет:

«Ватсон играет двоякую роль: во-первых, он рассказывает нам о Ш. Холмсе... сам он не участвует в процессе мышления Шерлока, и тот лишь изредка делится с ним полурешениями. Ватсон, таким образом, тормозит действие, обращая струю событий в отдельные куски. Во-вторых, Ватсон нужен как «постоянный дурак» и разделяет в этом случае участь официального сыщика Лестрейда. Ватсон неправильно понимает значение улик и этим дает возможность Шерлоку Холмсу поправить его. Ватсон — мотивировка ложной разгадки».

Между первым и вторым романами Агаты Кристи был перерыв в два или три года. Но затем она втянулась в эту работу, которую в своей «Автобиографии» сравнит с вышиванием. Она считает, что не только сочинение музыки, книг, писание картин, занятие скульптурой, но и искусное вышивание, приготовление вкусной еды — все это требует воображения и основательного знания своего ремесла, и во всем этом есть место творчеству. Она была убеждена, что в «ремесле» (а писательство она упорно называла «ремеслом») прежде всего следует освоить «техническую сторону дела», а затем «подчинить свои творческие идеи дисциплине существующей формы». По ее мнению, любители, которые не боятся труда, могут иной раз сравняться с профессионалами, и сама это доказала. Вторым ее мужем был археолог Макс Мэллоуэн. Археология заинтересовала Агату, она стала всерьез этим заниматься и через какое-то время стала авторитетным знатоком древней керамики. Супруги много путешествовали, подолгу жили в Багдаде, отсюда, кстати, и причина того, что действие некоторых романов Агаты Кристи происходит не в Англии, а в далеких экзотических странах...

Дар изобретать сюжеты (без чего детектив не существует!) был дан Агате Кристи от природы. Она его развивала, работая над языком, подчиняя дисциплине формы, то есть интеллектуальному детективу-загадке. Своего Холмса и своего Ватсона она придумала сразу же — они появляются в ее первом романе. Однако Гастингс ей скоро надоел, и в каком-то из ранних романов она женила его и отправила в Аргентину. Гастингса уже нет в романе «Убийство Роджера Акройда» (1926), принесшего Агате Кристи известность и материальную независимость.

Один из персонажей этого романа, Каролина Шеппард, старая дева, живо интересующаяся делами соседей, по собственному признанию Агаты Кристи, послужила как бы толчком для создания мисс Марпл. Чудаковатого бельгийца Пуаро Агата Кристи в некоторых романах заменяет типичной англичанкой мисс Марпл.

Как и Каролина Шеппард, мисс Марпл — старая дева, живущая в одном из «зеленых уголков» Англии, в городке Сант-Мэри-Мид. Ее возраст колеблется между 65 и 75 годами. В отличие от Пуаро мисс Марпл — не сыщик-профессионал, она, быть может, даже не слишком образованна, однако вся ее прелесть, наверное, именно в этом и заключается — в торжестве обыденного сознания, «домашнего» здравого смысла, постоянной ориентации и опоре на собственный жизненный опыт, на опыт своих родственников и соседей по провинциальному городку, на опыт соседей и их соседей, родственников и их родственников. Незаурядная наблюдательность позволяет ей сравнивать и сопоставлять различные поступки, различные проявления человеческих характеров и на этой основе при-

ходить к таким тонким выводам, вскрывать такие убедительные психологические мотивировки людских поступков, какие не придут в голову самому искушенному юристу. Эркюль Пуаро — бельгиец, он видит Англию глазами иностранца, многое ему непривычно, многое забавляет его, и это дает возможность Агате Кристи говорить об английском обществе со свойственной ей иронией. Мисс Марпл — плоть от плоти этого общества, она стара, на ее глазах совершался закат Британской империи, и в ее уста Агата Кристи вкладывает тоску по «доброй старой Англии». Но мисс Марпл, так же как и ее создательница, относится к происходящему трезво, понимая, что перемены — неотвратимы. «Путь назад невозможен, никто и не должен идти назад, суть жизни — в движении вперед. Жизнь — это фактически улица с односторонним движением»,— слова мисс Марпл из романа «Отель «Бертрам». Об этой своей героине Агата Кристи говорит с симпатией, но и с иронией: мисс Марпл чужда культуре. Попадая изредка в Лондон, она не стремится ни в музеи, ни в театры, ни в картинные галереи. Ее интересуют магазины — посуда, столовое и постельное белье, шерсть для вязания — мисс Марпл искусная вязальщица.

Эта типичная представительница английского среднего класса полюбилась читателям не меньше, чем Эркюль Пуаро. Два сыщика-любителя чередуются в романах Кристи, а она, овладев ремеслом, стала писать регулярно, нередко по книге в год. Как всякий ремесленник — подчинялась требованиям рынка, среди ее романов попадаются слабые, «проходные», вызывающие у читателя разочарование, чувство, что его обманули, словно бы обокрали. В самом деле: следил, анализировал, соображал, пусть и зная заранее, что либо Пуаро, либо мисс Марпл обведут его, читателя, вокруг пальца, однако не до такой же степени! Ибо в предпоследнем абзаце выясняется, что убийцей оказался кто-то уж совершенно невозможный, к тому же сумасшедший. Прибегать к безумию преступника — прием, скажем прямо, небогатый! Однако написать, не истощаясь, десятки романов, пьес и сотни рассказов — не так-то просто!

* * *

Агате Кристи я обязана тем, что начала читать в оригинале прозу английских и американских авторов. В начале тридцатых годов харбинская газета «Заря» предложила моей матери перевести роман «Убийство Роджера Акройда», собираясь давать подвалы с продолжениями. Я еще не окончила школу, жилось нам трудно, мать весь день бегала по урокам, переводила вечерами, засиживаясь до глубокой ночи, я часто засыпала под скрип ее пера... Диккенса, любимейшего писателя моих отроческих лет, я читала в переводах, брала книги в библиотеке, Агаты Кристи там не достанешь, ее тогда еще не переводили, а так хотелось знать, что там дальше! Книга, где все это интересное было написано, лежала дома, под рукой. «Вот и читай сама!» — сказала мать. Словарем она пользоваться не советовала, знала, что рысканье по мелкому шрифту его страниц может охладить. «Пропускай незнакомое слово, иди дальше и все поймешь!» И выяснилось, что я все понимаю, особенно диалоги, а Кристи — мастер диалогов. Очень была собой довольна, а мать, пока я не остыла, тут же подсунула мне рассказы Сомерсета Моэма. Моэм — писатель иного уровня, иной темы, но с Агатой Кристи его объединяет простота и ясность изложения. Эта не та простота, которая хуже воровства. Это — сознательное стремление к ясности, достигаемое лишь теми, кто безупречно владеет языком.

Позже, живя в Шанхае, я открыла для себя еще ряд авторов, пишущих в классическом жанре английского детектива: Найо Марш, Дороти Сэйерс, Джозефин Тэй. Каждая из них была женщина с образованием: одна с театральным, другая с философским, третья — с историческим. Целиком детективу они себя не посвятили, продолжали работать и в своих профессиях (Джозефин Тэй, например, под другим псевдонимом написала ряд исторических пьес), однако и у себя на родине, и в других странах они получили известность именно как мастерицы детектива.

* * *

В 1971 году я написала фельетон под названием «Загадочный жанр». К англо-американскому детективу слово «загадочный» никакого отношения не имеет. «Загадочным» я назвала нечто совсем иное, а именно ту литературу, с которой впервые столкнулась осенью 1955 года.

Той осенью ко мне обратилась «Литературная газета» с просьбой написать пародию на сельскохозяйственные очерки. Написала. После чего мне предложили познакомиться с рассказами для юношества в тонких журналах. Познакомилась и написала вторую пародию.

Обе имели успех. Я была счастлива, но и изумлена. Возникало ощущение, что я — единственная, что пародиями до меня тут никто не занимался, почему? Понадобилось время, чтобы я догадалась: тех, кто умел писать пародии не хуже, а то и лучше меня, давно от этого отучили. В сталинские времена, которые я застала почти «под занавес», сатирики в чести не были, одних заставили молчать, других превратили в воспевателей режима. Участок, на который я ступила в годы начинавшейся оттепели, был еще недавно заминирован, оттого и пуст.

А в «Литгазете» меня уже просят написать пародию на романы «приключенцев» и вручают семь или восемь книг. Вот тогда я и стала впервые знакомиться с произведениями авторов отечественного детектива.

В статье «Новелла тайн» В. Б. Шкловский пишет:

«Один из критиков объяснял постоянную неудачу казенного следствия, вечного торжества частного сыщика у Конан Дойла тем, что здесь сказалось противопоставление частного капитала государственному. Не знаю, были ли основания у Конан Дойла противопоставлять английское чисто буржуазное по своему классовому признаку государство английской же буржуазии, но думаю, если бы эти новеллы создавал какой-нибудь человек в пролетарском государстве, будучи сам пролетарским писателем, то неудачный сыщик все равно был бы. Вероятно, удачлив был бы сыщик государственный, а частный путался бы зря. Получилось бы, что Шерлок Холмс оказался на государственной службе, а Лестрейд добровольцем, но строение новеллы (вопрос, занимающий нас сейчас) не изменилось бы».

Шкловский ошибался.

Хотя в пролетарском государстве появятся произведения этого типа (поиски преступников), но «строение новеллы» изменится неузнаваемо. Дело в том, что «строение» не только не интересовало пролетарского писателя, но он об этом строении и слыхом не слыхивал. Лица, вопросами строения интересующиеся, были разогнаны. Метод, каким они пытались разбирать творчество писателя, назывался «формальным». Формалисты занимались композиционным анализом, считая, что точное ОПИСАНИЕ литературного произведения предпочтительнее свободных и притянутых за уши толкований. Была создана Государственная академия художественных наук (ГАХН), но в те же двадцатые годы пролеткульт академию закрыл. Пролетарской культуре эти изыски были ни к чему.

Но торжествовали пролеткультовцы недолго, вскоре они и сами были разгромлены. Советские писатели покидали свои группы, стремясь к единомыслию. В тридцатые годы оно наступило: была выработана единственно верная теория социалистический реализм. Писателей призвали описывать жизнь в ее революционном развитии, то есть в движении к коммунизму.

Формалисты с их ученостью непременно полезли бы объяснять, что именно этот призыв означает, но их можно было не опасаться: формализм стал словом не менее ругательным, чем «вредитель», а значит, с этим течением у нас было покончено.

Предсказание бывшего формалиста Шкловского, что строение «новеллы (романа) тайн» под пером пролетарского писателя не изменится, звучит попросту смешно. Произведения «приключенцев» к классическим иностранным детективам имеют лишь то отношение, что и там, и здесь сыщики занимаются поисками преступников.

Начав знакомиться с такого рода отечественной литературой, я выяснила: преступниками в этих «романах» являются либо скрывающиеся от возмездия бывшие немецкие полицаи, либо засланные к нам шпионы, завербованные иностранными разведками из числа «перемещенных лиц». Удачлив, конечно, сыщик государственный (представитель милиции), а вот частного сыщика, который, как полагал Шкловский, «путался бы зря»,— и вообще нет. Частный сыщик не нужен. На помощь милиции стремится весь народ! От дряхлых стариков до малых детей. От доярок и санитарок до учителей и академиков. Эта всенародная помощь, это незатухающее желание поделиться с родной милицией каждым возникшим сомнением, не говоря о подозрении, показалось мне тогда основной особенностью отечественного «романа тайн». Советские литераторы, отвергнув жанр классического детектива, шли своим, советским, непроторенным путем... Это я и пыталась отразить в пародии «Следы на насыпи».

В «Литгазете» пародию одобрили и отправили в набор. Она должна была появиться в январе. Но в первых числах этого месяца я была телефонным звонком вызвана в редакцию. Оказалось: произошла смена главных редакторов, с 1 января 1956 года главным был назначен В. Кочетов. В обширный кабинет Главного мне и предложили зайти. В первый (и в последний) раз в жизни я видела этого человека с фанатическим блеском в карих глазах. На столе — гранки моей пародии. Для начала Кочетов выразил неодобрение деятельностью литературного отдела вверенной ему газеты: о чем они там думали, ТАКОЕ приняв и ТАКОЕ набрав? Затем мне было сделано строгое внушение. В дни, когда враг все больше оживляется (были приведены какие-то конкретные примеры оживления), в дни, когда наш народ должен быть особо бдительным, — подобные произведения (щелчок ногтем по гранкам), где автор позволяет себе издеваться... И в этом духе.

Спустя несколько месяцев я, однако, решилась предложить свою пародию «Крокодилу». Все повторилось: понравилось, отправили в набор, а затем, вызванная на редколлегию, я услыхала от Д. Заславского почти те же слова, что от Кочетова. Выступил и тогдашний ответственный секретарь журнала, поблагодарив Давида Иосифовича за то, что тот открыл ему глаза: «Теперь я понимаю, почему эта вещь царапала мое сердце советского человека!»

И все же через год эта пародия увидела свет в первом номере только что созданного журнала «Молодая гвардия». Смельчаки, пародию опубликовавшие, были вызваны в ЦК ВЛКСМ, где им выразили неудовольствие. А затем на страницах «Комсомольской правды» было сказано, что мое художественно несовершенное произведение омрачило первый номер молодежного журнала.

Так со второй половины 50-х и вплоть до начала семидесятых я занималась борьбой с псевдолитературой. Если в этой области

мне удалось кое-чего достигнуть, то этим я обязана «Новому миру» Твардовского, где к авторам предъявлялись высокие требования. Одновременно на страницах в основном «Литературной газеты» стали появляться мои фельетоны на темы быта. Я писала о муках и унижениях, какие мы все испытываем в разнообразных ремонтных мастерских, химчистках, прачечных, магазинах и т. п. Абсурдность экономической системы социализма потрясала меня — ведь то, с чем мы ежедневно сталкиваемся, невыгодно ни населению, ни государству. Это я и рвалась доказывать, ибо КОМУ это выгодно, на ЧЕМ все это держится — в то время еще не понимала. А почему мои опусы, где я обличала не «отдельные недостатки», а пороки системы, попадали в печать, — я поняла гораздо позже.

В 60-е годы между Косыгиным и Сусловым шла борьба за экономическую реформу. Победил Суслов. В начале семидесятых мне еще удалось прорваться с тремя «автомобильными» фельетонами, на чем мои обличения и кончились. Сначала экономические, а затем и литературные...

Сегодня я спрашиваю себя: понимала ли я тогда, что ТАКОМУ строю были нужны именно ТАКАЯ экономика и именно ТАКАЯ литература? Думаю, что если и понимала, то смутно, не отдавая себе в этом отчета.

Приключенческая литература из поля моего зрения в те годы выпала, а она развивалась, набирала силу, и вот уже на ТВ появляются «Знатоки», которые «ведут следствие», и еще разные фильмы, поставленные по сценариям авторов, пишущих «остросюжетные» произведения. Число авторов растет, и «Литературная газета» решает посвятить целую полосу дискуссии об этом жанре, собрав под своей кровлей писателей-«приключенцев». В свое время я читала эту полосу с большим интересом, но, к сожалению, не сохранила ее, и год, когда это произошло, могу указать лишь приблизительно — либо 1969, либо 1970. Избавлю себя от труда рыться в подшивках газеты, пытаясь установить точную дату, ибо главное я запомнила, а некоторые, особо поразившие меня выступления участников дискуссии цитировала в фельетоне «Загадочный жанр».

Поразило меня то, что многие писатели, выступившие на дискуссии, не столько говорили о жанре, сколько пытались от жанра отмежеваться...

В своей работе «Новелла тайн» Шкловский, упоминая об одном из приемов такой новеллы (подслушанный разговор), вспомнил Свидригайлова, подслушавшего признание Раскольникова, и тут же обрывает себя: «Но неудобно говорить о Достоевском в статье о Конан Дойле». Шкловскому — неудобно. А участникам дискуссии о детективе это казалось очень даже удобным. Один из них заметил, что ведь Достоевский ТОЖЕ писал о преступлениях! Другой сообщил, что Лев Толстой ТОЖЕ «черпал свои сюжеты из скупых строчек судебных хроник». Третий заявил, что произведения советских авторов, «занятых изображением жизни и труда человека в милицейской форме», ни в коем случае не следует называть «детективами». А четвертый, разгорячившись, потребовал вообще запретить слово «детектив», как унижающее достоинство советского писателя. Сказал:

«Речь нужно вести не о том, что существует детективная литература, а о том, что в настоящее время многие писатели создают литературные произведения, в основе которых лежат преступления и поиски преступников».

Они обижены, эти авторы, и что-то детски-трогательное мне почудилось в этой обиде.

С чего это вдруг вздумали «создаваемые нами литературные произведения» называть не нашим словом «детектив»? Это они там, на Западе, стряпают «детективы», воспевая частных сыщиков, а наше творчество посвящено подвигам родной милиции, не путайте нас с буржуазными писаками! Да, в основе наших произведений «лежат преступления», но ведь в ряде романов Достоевского лежит то же самое, чем же мы так уж от Достоевского отличаемся?! Особенно тронул меня призыв «запретить!» и магическая вера в это слово. Стоит, скажем, министерству культуры вмешаться, термин запретить, и читатель, глотая страницу за страницей, так и не догадается, ЧТО перед ним: Лев Толстой или кто-то из наших «приключенцев».

Много лет спустя, в начале 80-х годов, я вспомнила эту дискуссию, читая «Автобиографию» Агаты Кристи. Она была уже известной писательницей, когда одна из ее пожилых родственниц посоветовала ей оставить детективный жанр и написать «что-нибудь серьезное». В ответ Агата Кристи сказала, что была бы счастлива, если б умела писать так, как Грэм Грин и другие крупные писатели, но на это она не способна. Ее дар — придумывать сложные головоломки, задавать загадки, держать читателя в напряжении, обманывать его. Между прочим, один английский критик свою статью, посвященную Агате Кристи, так и озаглавил: «Талант обманывать».

И критики, и многие читатели относились к произведениям Агаты Кристи как к добротному, хорошим языком написанному, но чисто развлекательному чтению. Она не мастер психологической прозы. Она — мастер игры. Ибо подлинный детектив — это игра между автором и читателем. Автор выигрывает тогда, когда ему удается вплоть до последней страницы держать читателя в неведении относительно того, кто совершил преступление.

Вновь процитирую М. Шагинян: «Кровь, смерть, убийство во всех его видах, трупы зарезанных, удушенных, застреленных не действуют на воображение, воспринимаются УСЛОВНО, подобно договоренности в игре: скользите мимо по страницам, как в театре — убитый сейчас поднимется и вам

поклонится. Эта как бы УСЛОВНОСТЬ самой смерти, нужная для темы «раскрытия загадки» в процессе «детекта» (то есть расследования), тоже отличает подлинный детектив от макулатуры».

Но если детективный роман — игра, если мир, в котором действуют его персонажи, условен, то почему же Агату Кристи вдруг взволновал возраст ее любимого сыщика? Пусть бы этот неумирающий Пуаро так навсегда и остался бы пятидесятилетним! И, однако, это невозможно, ибо детективный роман не только игра, но и ЛИТЕРАТУРА.

Это означает, что происходящее на страницах романа должно убеждать читателя, вызывать его доверие. Читатель должен поверить, что некая старушка, которая вышивала гладью и писала письма друзьям, могла кого-то убить, имела для этого веские причины, а главное, была способна провести эту операцию так ловко, что даже знаменитый сыщик со всей его проницательностью пребывал в заблуждении до самой последней страницы. Хитроумная злодейка, маскировавшаяся под невинную старушку, должна быть обрисована автором с психологической убедительностью. Убедительны должны быть и остальные персонажи, с их внешностью, манерой говорить. И обстановку, в которой происходит действие, надо уметь описать, и какая тогда была погода. Все это — требования литературы.

Агата Кристи этим требованиям отвечала. Ее персонажи несколько одномерны, как бы картонны, но им в классическом детективе такими и полагается быть! Сюжеты ее романов быстро забываются, зато по прошествии нескольких лет их можно перечитывать почти что с прежним удовольствием. Но бывало, что «королева детектива», стремясь любой ценой запутать читателя, подчиняла все игровому моменту, жертвуя и логикой, и психологической убедительностью. В своем широко известном романе «Смерть на Ниле» Кристи чрезвычайно облегчает задачу преступника: тому удается сбегать убить кого следует, вернуться, прострелить собственное колено (чтобы отвести от себя подозрение!), и все это остается совершенно незамстным для окружающих!

Главные достоинства Агаты Кристи-литератора — трезвый ум, наблюдательность и юмор. Этот несколько суховатый, близкий к Диккенсу юмор великолепно уравновешивает напряженность действия. Агате Кристи удалось сделаться точным ироническим летописцем обширной прослойки современного ей английского общества. Общества, на глазах которого разрушалась, уходила в небытие «добрая старая Англия». В романах Кристи отражается быт одного из классов английского общества, класса уходящего... «Вечер с детективом — это прекрасно! — говорила Анна Андреевна Ахматова.— Тут и быт, тут и светская жизнь». Эти слова относятся именно к романам Агаты Кристи. К старомодным романам старомодной Кристи, которые переиздаются и сегодня, и читательский интерес к ним никакие триллеры с гангстерами и сексом погасить не смогли. Чем объяснить поразительную прочность этого успеха?

Но пока я вернусь к отечественным «приключенцам». Вернусь к тому времени, когда на страницах «Литгазеты» я прочитала эту дискуссию, надеясь найти там хотя бы попытки объяснить наш советский жанр детектива, но вместо этого нашла там лишь одно: стремление отмежеваться от жанра и даже призыв изъять из обращения термин «детектив». Запретить!

За нашей приключенческой литературой я долго не следила. Решив познакомиться с новыми достижениями в этой области, я, как и прежде, одним романом не ограничилась. Еще читая дискуссию, я поняла, что если не все авторы, то многие — бывшие сотрудники МВД. Кто следователем работал, кто милиционером. А в особо сложных случаях, в тех, когда преступники связаны с иностранцами (пытаются им продать украденные произведения искусства, к примеру), на сцену выпускают и работников «органов», как любят называть себя сотрудники КГБ, и, видимо, каким-то авторам знакома изнутри деятельность этого учреждения.

В романах середины 50-х годов рассказ часто начинается с появления засланного к нам шпиона. В романах 60-х годов такое начало уже почти не встречалось. Налицо приближение к западному детективу: труп возникает на первых же пяти страницах, а затем идут розыски преступника. В этой роли по-прежнему встречались скрывавшиеся от возмездия бывшие немецкие полицаи, но появился и новый тип злодея: лица, живущие на нетрудовые доходы. Гоняться за ними, их разоблачать помогает милиции работник ОБХСС. Это, быть может, одна из причин, почему наши «приключенцы» умоляли не называть их творения иностранным словом «детектив». У нас действуют преступники, неизвестные Западу из-за отсутствия там «социалистической собственности», а значит, с отсутствием тех, кто эту собственность крадет, и учреждением, эту собственность защищающим. Мы живем в обществе развитого социализма, наше общество на голову выше западного, а следовательно, выше и литература, эту жизнь отражающая. Миллионеры у нас, к примеру, только подпольные!

Да и сыщик в романах наших «приключенцев» сильно отличается от Холмса, Пуаро или, скажем, Ниро Вулфа, героя американского писателя Рекса Стаута. Деньги, полученные от клиента, эти частники кладут в собственный карман, от государства не зависят, свободны от него настолько, что Ниро Вулф однажды не дрогнул вступить в борьбу с таким мощным учреждением, как ФБР. Что касается сыщиков, действующих в Англии, то Скотленд-Ярд им не указ, и его сотрудников они нередко ставят в довольно-таки глупое положение...

Ничего подобного, разумеется, в произведениях наших авторов встретиться не может. Сыщики, как и все остальное население страны, являются государственными служащими. Мало того. Подразумевается, что сотрудники МВД или КГБ в своей борьбе против шпионов, вредителей, грабителей и убийц сражаются за чистоту социалистического общества, где, по идее, должны отсутствовать причины, вызывающие преступления, и в светлом будущем исчезнут непременно. Но пока не исчезли, и кто-то должен взвалить на себя опасную работу, охотясь за нарушителями. Эти «кто-то», кроме признательности и жажды оказывать им постоянную помощь, никаких иных чувств у населения вызывать, конечно, не могут. Да и как иначе? Они еще и добры! Вот, к примеру, майор милиции из одного романа. Идучи в больницу по долгу службы, майор идет не с пустыми руками, а покупает дыню и виноград. Это смутило больничный персонал, майора с его дыней пропускать не хотели, не верили, что он по делу пришел, персонал мыслил примитивно: или служба, или дыня. Кроме того, майор имеет питомцев среди раскаявшихся уголовников, пишет им письма, гуляет на их свадьбах. Эти качества сотрудников МВД и прочих органов привели к тому, что кабинеты следователей в романах и кинофильмах наших «приключенцев» нередко напоминают исповедальни. Гуманно допросив преступника и заметив в нем искру раскаяния, следователь читает ему проповедь. А на стене кабинета вместо иконы — портрет Феликса Эдмундовича.

Среди наших «приключенцев» нашлись авторы, которым удалось придумать своего постоянного сыщика, кочующего из романа в роман. Но это не простоватый майор Дубровский из моей старой пародии. Новый советский сыщик молод, красив и образован. То Гёте упомянет, то Шекспира, то Сократа, а то и Шопенгауэра. Из его уст мы также слышим названия предметов, героям романов 50-х годов неизвестные.

— Пропали мои итальянские мокасы! — восклицает инспектор милиции, оступившись в лужу. Фамильярное сокращение («мокасы» вместо «мокасины») говорит о привычке инспектора к дорогим вещам. На страницах романов мелькают такие слова, как «Мальборо», «Кент», «Пелл-Мелл», персонажи пользуются зажигалками «Ронсон», носят дакроновые и терилоновые костюмы, рубахи «гавайки», пьют коньяк, кратко именуя его «Камю». Однако все эти прекрасные вещи (за исключением «мокас» инспектора милиции) приобретены на нетрудовые доходы, зажигалками «Ронсон» щелкают, прикуривая «Мальборо», подпольные миллионеры. Охотясь за ними, сыщики знакомятся с их преступным образом жизни и усваивают названия всех этих предметов. Таким образом, в романах 60-х годов по сравнению с романами 50-х — значительное расширение лексикона.

Авторы зарубежных детективов, чтобы читателя не слишком подавляла наблюдательность и логика разгадчика тайны, «утепляют» его некоторыми слабостями, как бы приближая к простым смертным. Так, Пуаро любит прихвастнуть своим «мозговым веществом» и тщеславится своими пышными усами. Ниро Вулф, гурман и любитель орхидей, чудовищно толст. Шерлок Холмс склонен к неврастении. Мисс Марпл провинциальна и не слишком образованна. Склонность к «утеплению» наблюдается и у наших авторов, хотя их герои аналитическим талантом и пронзительным умом читателя не подавляют. Но наши сыщики — не частники, а сотрудники ответственных учреждений. Ирония, даже легкая, по их адресу неуместна. Поэтому нашего сыщика «утеплять» возможно лишь милыми слабостями. Так, инспектор милиции, кочующий у одного автора из романа в роман, любит сладкое, но стесняется этого и пьет воду с двойным сиропом, лишь когда рядом нет знакомых. А его помощник, гроза жуликов, задумчиво спрашивает:

«— Куда уходят поезда метро?.. Я, еще когда совсем маленький был, интересовался этим вопросом».

На что образованный инспектор отзывается так:

«— В тебе еще не завершилась мутация. Детство в одном месте играет».

Этим вот играющим в одном месте детством и «утеплен» гроза жуликов.

Написать одну общую пародию на романы и повести «приключенцев» 60-х годов мне не удалось бы. В одних романах сыщики сильно повысили уровень своего образования, а авторский язык затейлив до изумления. В других романах сыщики простоваты (но добры!), а авторский язык примитивен тоже до изумления.

«— Приехали?

— Почти,— согласился Леднев.

— Вы любите свою жену?

— Конечно,— сразу согласился Голубев.

— Разве так приглашают? — возразил Леднев.

— Какой он из себя? — уточнил Джураев».

Не так, оказывается, просто расставить по местам все эти «возразил», «уточнил» и «согласился». Милиционер к протоколам привык, где не надо выбирать между «сказал», «сообщил», «вымолвил». Там нужно одно-единое слово: «показал». Обвиняемый, свидетель, потерпевший — все они «показывают». Но вот сотрудник милиции решил заняться литературой, понуждаемый, думаю, своими домашними и друзьями. Он, милиционер, время от времени делился интересными случаями из своей практики с окружающими, а те хором кричали:

— Пиши! Пиши!

— Да не умею я! — застенчиво отнекивался рассказчик.

— Чего тут уметь! — кричали окружающие.— Протоколы-то писать можешь? И с повестушкой справишься!

И милиционер справился. В том смысле, что его произведение с подзаголовком «Из будней милиции» было принято и опубликовано. Полагаю, что автора вскоре приняли в Союз писателей и прежнюю профессию он оставил.

А вот пример из романа другого автора, тоже бывшего сотрудника МВД, но хорошо поработавшего над языком. Так хорошо, что вместо простеньких слов «За дверью было тихо» сказано: «За дверью плавало длинное безмолвие»... Голоса не просто слышны в телефонной трубке, но «бьются в мембране телефона»; «молнии судорогой сводят небо»; персонаж (отрицательный) «сшивает сухую прорезь рта в одну нитку» и тому подобное.

Но есть и авторы, которых ни в беспомощности не упрекнешь, ни в попытках постоянно «говорить красиво». Язык их произведений особых нареканий не вызывает. Вполне возможно, что среди «приключенцев» тех лет были лица, обладающие литературным даром, не их вина, что эти тексты мне под руку не попались. Но я убеждена, что и в их произведениях присутствовала та особенность, которая делает советские «детективы» совершенно непохожими на западные «новеллы и романы тайн».

В поисках преступника государственному сыщику помогает все окрестное население. Эту всенародную любовь к милиции, это стремление ей помочь я отметила еще в пародии 1956 года, где главный герой майор Дубровский с чувством повторяет:

«— Какие у нас люди, какие люди!»

С тех пор советские люди, шагнув в развитой социализм, стали еще сознательнее. Они не только рвутся бескорыстно помочь родной милиции, но не обижаются, если их случайно путают с виновными! Вот, к примеру, майор Леднев из повести о буднях милиции, разыскивая преступника, чуть было не арестовал его однофамильца, человека ни в чем не повинного. Неповинный отдыхал в кругу семьи. Недоразумение тут же выясняется.

«— Я, наверное, ошибся, — самокритично сказал майор».

А что неповинный? А неповинный воскликнул:

«— В любом (?) случае без чая я вас не отпущу!»

И майора потчуют пирожками.

Или вот пример из другого романа. Стало известно, что разыскиваемый преступник прячется в Останкине, туда и явились оперативники. В поисках им помогает останкинская старожилка. Она поздоровалась с оперативниками «просто, как со старыми знакомыми», протянула им пачку вафель и сказала:

« – Подумаем, в каком доме это может быть, а вы пока погрызите».

И оперативники, присмирев, как дети, грызут вафли, а старожилка рыскает по домам...

Эти цитаты я взяла из своего фельетона, где утверждала, что под пером советских «приключенцев» родился новый жанр, и советовала назвать его так: «пасторали, оживленные трупами».

Но не прошло и года, как «приключенцев», опасавшихся, что их произведения о подвигах милиции причислят к второсортному жанру детектива, поправила авторитетнейшая газета «Правда». Автор статьи «В чем секрет жанра?» («Правда», 22 октября 1973 г.) пишет:

«Очевидно, над причинами успехов и поражений в общедоступном и ЛЮБИМОМ НАРОДОМ жанре стоит поразмышлять» (подчеркнуто мною.— Н. И.). Эти слова явно направлены на то, чтобы утешить «приключенцев»: не теряйтесь, ребята, не отрекайтесь от жанра — он любим народом! Сейчас я вам попросту, без формалистических выкрутасов объясню, что такое детектив: «Подлинный детектив — это всегда интересно задуманный конфликт идей и столкновение мировоззрений...» (Ничего себе! — подумала я.). А автор продолжает размышлять: «Но, по всей видимости, невозможно создать полноценный детектив, игнорируя законы жанра, проверенные десятилетиями». Какие законы? Какие десятилетия? Закон относительно «конфликта идей» и «столкновения мировоззрений» сформулировал сам автор статьи, он первооткрыватель, десятилетия тут совершенно ни при чем! Затем автор просит «не возводить в абсолют» и «не превращать в догмы» законы жанра и «жанровые особенности». Но каковы эти законы (кроме столкновения мировоззрений), а тем более каковы особенности — не объясняет. В заключение читаем: «...секрет успеха жанра состоит в верности ему (чему?), верности его особенностям (каким?) и что детектив не должен выходить из сферы искусства содержательного, увлекательного, жизнеутверждающего».

Итак, «секрет состоит в верности особенностям и что детектив не должен выходить...» Странным языком выражает свои мысли автор статьи! Впрочем, такого рода мысли другим языком выразить, полагаю, невозможно.

Ах, как все меняется! В начале девяностых годов детектив называют «чтивом» и требуют не отравлять этой развлекаловкой культурный советский народ, желающий читать Шекспира. А в начале семидесятых «Правда» утверждала, что детектив — жанр, народом любимый.

Однако в те годы народ в своем любимом жанре мог читать почти исключительно произведения отечественных «приключенцев». Иностранцев переводили мало. Первое место среди переводимых занимал Сименон с его Мегрэ. Чиновникам, от которых зависело, ЧТО переводить, а ЧТО нет, Мегрэ был, видимо, приятен тем, что он — сын народа, прошедший путь от простого полицейского до начальника уголовного розыска. И по страницам симеоновских романов разгуливают простые французы — продавщицы, портнихи, консьержки, страховые агенты... Им, а не богачам, не титулованным лицам сим-

патизирует автор вместе с Мегрэ. Но, между прочим, и Агата Кристи, с ее двумя сыщиками, богатых недолюбливала и сурово осуждала идею успеха любой ценой. И титулы для нее значения не имели. Но именно она вызывала раздражение нашей печати.

Сегодня было бы интересно прочитать «Литгазету» со статьей, где всячески клеймилась Агата Кристи. Даты появления статьи не помню, думаю, это середина семидесятых. Зато помню, что «королева детектива» была названа «апологетом буржуазности», защищающей так называемые общечеловеческие ценности, которые буржуазное общество на каждом шагу попирает погоней за богатством. Борьба за наследство — один из главных мотивов убийства в романах Кристи. А еще ее подозревали в «имперских амбициях». Видимо, так истолковывалась ее грусть по «доброй старой Англии»...

Лишь в 1986, «перестроечном», году вышел у нас сборник, состоявший исключительно из произведений Кристи,— три романа, несколько рассказов и знаменитая пьеса «Мышеловка».

Но еще в начале семидесятых наше самое передовое издательство «Прогресс» выпустило несколько сборников иностранных авторов любимого народом жанра. В основном это были авторы из родственных нам по духу социалистических стран. Для перевода отобрали и книги нескольких писателей из стран, еще не расставшихся с капитализмом, а именно тех, в чьих произведениях бичевались язвы этого строя. Так, в 1973 году вышел сборник трех знаменитых американских «приключенцев». Предисловие к этому сборнику предложили написать мне. Я согласилась. Хотелось не в фельетоне, а в серьезной статье изложить мою точку зрения на жанр детектива. В издательстве меня попросили обратить особое внимание на обнажившиеся в этих романах «горячие точки» американской действительности.

Обратила. Уведомила читателя, что в одном романе говорится о власти денег (богатые нередко остаются безнаказанными), в другом — о растущем проникновении ФБР в частную жизнь граждан США и, наконец, в третьем — о нерешенной расовой проблеме на юге Америки.

Я писала это, а сама думала о наших собственных «горячих точках». Нам ли возмущаться безнаказанностью богатых, когда у нас никто ни за что не несет ответственности, директора заводов, председатели колхозов делают что хотят, это не говоря о высокопоставленных чиновниках, которым вообще море по колено! Нам ли, опутанным сетями КГБ, сочувствовать американцам с их ФБР? Что касается расовых проблем, то и у нас их предостаточно!

Короче говоря, я работала так, как в те годы работали многие мои собратья по перу: два пишем, три в уме. И утешала себя теми же соображениями: дескать, об ЭТОМ умолчу, ведь все равно не напечатают, но ЗАТО СКАЖУ О ТОМ. Я зато и сказала, что настоящий детектив — это игра плюс литература. Игра невозможна без правил — правила перечислила. Однако — и литература: тут слово, язык. Затем я отметила разницу между американским и английским детективом и сообщила, какой из трех представленных в сборнике авторов ближе других стоит к классическому, «конан-дойловскому», жанру.

Сборник вышел, был немедленно расхватан, я была своим предисловием довольна, но нашим «приключенцам» оно удовольствия не доставило. Видимо, было решено противопоставить моему легкомысленному определению детектива советский взгляд на жанр. И в июне 1974 года «Литературная газета» предложила мне встречу с одним из литераторов, давно и успешно в этом жанре работавшим. Нашему диалогу, озаглавленному: «Детектив: игра и жизнь», газета посвятила целую полосу.

Мой собеседник сразу же поставил меня на место, заявив, что впрягать в одну телегу игру и литературу — недопустимо. Это — западные штучки! У советского детектива особый способ исследования жизни и приемы, свойственные именно ему!

Я живо поинтересовалась: что это за способы и каковы эти приемы? Вместо ответа мне рассказали несколько случаев из жизни преступников, добавив, что преступления, увы, у нас еще имеют место, выдумывать их не нужно, а тем более в них «играть»!

— Не может быть детектива без правильного построения,— упорствовала я.— Форма — это важно!

Меня тут же перебили, попросив не путать отечественный детектив с западным. «Мы ищем чего-то большего, нащупываем социальные и общественные проблемы. Советские авторы нагружают детективы куда большим нравственным и социальным общественным багажом, чем западные авторы! Видимо, это еще и традиция великой русской литературы...»

(Знакомая песня! Мы, советские писатели, духовнее, глубже западных! Опять, значит, намек на Толстого и Достоевского, которые — ТОЖЕ — писали о преступлениях! Однако найдите мне хоть одно произведение великой русской литературы, где бы воспевались «мундиры голубые»! В советской же литературе и кинофильмах главным героем, рыцарем без страха и упрека нередко является чекист. Его любить и уважать, перед ним преклоняться постоянно учат читателя и зрителя. Лицо главы этого «святого воинства», Феликса Эдмундовича, знакомо каждому советскому школьнику — фотографией на белой стене...)

Так я думала. Но вслух сказала:

«— Нагружать — это, конечно, хорошо. Но прежде всего следует знать ремесло, то есть владеть пером, уметь строить сюжет. Чего у ряда ваших коллег я, извините, не

заметила. И между прочим: кто будет играть роль преступника в советских детективах, когда вымрут бывшие немецкие полицаи?

— Мы подошли к очень важной теме! — воскликнул мой собеседник. И поведал мне о нашем очередном достижении: лет десять или двенадцать тому назад у нас возникла наука, называемая «криминология». Эта передовая наука занимается изучением причин, толкающих на преступный путь советского человека. А прежде считалось, что причины только одни: пережитки прошлого в сознании людей, а также влияние капиталистического окружения...

— Эти причины существуют, роль их велика,— бестрепетно продолжал мой собеседник («Боже мой, Господи!» — думала я),— но ограничиваться ими нельзя, надо серьезно изучать проблему. Выяснить, почему «парень с нашей улицы» мог совершить преступление,— нелегко. Тут надо покопаться!

— А надо ли ко всем вашим заботам прибавлять еще и поиски причин преступности? — осторожно (и трусливо) сказала я.

Мне сурово ответили: надо! Ибо советские «приключенцы» поднимают серьезные вопросы из жизни общества. Читая их произведения, отдохнуть и развлечься никому не удастся!

(«Что верно, то верно»,— подумала я.)

А в заключение напомнила, что мы ведь собирались выяснить, КАК каждый из нас понимает жанр. Но мой собеседник от этой конкретной темы уклонился. И добавил не без ехидства:

«— Все, что вы говорили, очень мило, но это не об Агате Кристи!»

Прошло без малого двадцать лет!.. Уже нет на свете моего оппонента. А будь он жив, ему, полагаю, было бы сегодня совестно читать свои слова о «пережитках прошлого» и «влиянии капиталистического окружения». Неужели он верил в эти «пережитки» тогда? Вряд ли. Хитрил и подлаживался, как это делали и многие другие, зарабатывая хлеб насущный.

И мне неловко читать этот диалог хитреца с глупцом. Глупцом была я. Не безрассудным, однако. Вслух того, что думала, не говорила. Но ведь уже в те годы я понимала, что настоящий детектив у нас, где всюду вторгается идеология, невозможен вообще. Наши «приключенцы» работали в русле того же социалистического реализма, «правдиво изображая жизнь в ее революционном развитии», выявляя в ней «ростки нового» и призывая население к доносительству. А раз понимала, могла предвидеть, ВО ЧТО выльется диалог, и глупо было на него соглашаться! Видимо, мне хотелось довести свои взгляды на детектив до широких читательских кругов, выставить на всеобщее обозрение непрофессиональность, а порою и малограмотность некоторых наших «приключенцев». Но все это я уже «выставила» в фельетоне, написанном в 1971 году. И что? И ничего.

Не прошло и года, как «Правда» дала свое авторитетное разъяснение, сообщив, что конфликт идей — главный признак детектива. Что и было подтверждено в диалоге моим собеседником. Мне-то уж зачем было вылезать с моим несоветским пониманием жанра?..

В шестидесятые годы имя Агаты Кристи мелькало лишь на страницах в основном периферийных журналов. Зато советские «приключенцы» издавались широко. За идейность им прощали и неумелое построение сюжета, и малограмотность. Малограмотность, впрочем, прощалась не только «приключенцам», но и другим авторам, писавшим идейные стихи и идейную прозу, иначе говоря — верным методу социалистического реализма. Этот метод был благодатной почвой для тех, кто писать не умел, но числиться писателем, с рядом вытекающих из этого звания привилегий,— желал.

Желающих с каждым годом становилось все больше, и к недавнему времени число членов Союза достигло ошеломляющей цифры: свыше десяти тысяч. Среди них немало таких, кто, вступив в Союз, расстались с прежним ремеслом (если таковое у них было) и решили жить исключительно на литературные заработки, несмотря на полное отсутствие профессионализма в этой области. И многим это удавалось благодаря «неповторимым чертам» нашей системы...

Но изменилось время, изменились и неповторимые черты.

И сегодня, с растущей инфляцией, с ценами на бумагу, на типографские и почтовые расходы, когда на грани краха очутились серьезные, всеми уважаемые журналы, когда даже известным, талантливым писателям трудно издать свои произведения (см. интервью с Виктором Конецким, «Литгазета» от 6 мая 1992 г.), то этим, этим, ничего толком делать не умеющим,— этим тысячам — куда прикажете деваться?..

Прекрасно, что соцреализм уходит в небытие и успех того или иного произведения будет определяться читательским спросом, но и до этого нам, оказывается, далеко! Ибо в частных и государственных книгоиздательствах нередко «заправляют все те же растерявшиеся бюрократы». Они рассылают запросы «по магазинам, где продавцы и продавщицы в меру своего понимания «определяют», что нужно и что не нужно им для продажи. Если же учесть, что в государственном книжном магазине им вообще ничего не нужно, кроме гарантированной зарплаты, можно понять, насколько безграмотна и нелепа наша книгоиздательская практика» (статья «Книжный беспредел»).

Вот в каком положении очутилась наша литература в результате семи трагических десятилетий! После разгона формалистов о жанрах вообще годами разговора не было. Поэтому литературоведы и критики, серьезно относящиеся к своему делу, стали уклоняться

от занятий советской литературой, сосредоточившись на русской словесности минувших веков, а также на литературе других стран. Находились, однако, и такие, кто пытался анализировать произведения советских авторов, но расположением начальства эти аналитики не пользовались, ибо их взгляды часто со взглядами начальства не совпадали. Преуспевающими критиками стали лица, кратко излагавшие содержание рецензируемого произведения и выносящие ему оценку либо положительную, либо отрицательную, доказательствами себя не затрудняя. Это уже давно стало нормой и привело к тому, что ориентировки утратились полностью. И вот уже авторы «остросюжетных» произведений требуют термин «детектив» запретить, а их именовать «последователями Достоевского». Вмешивается «Правда» и утешает родных «приключенцев», утверждая, что советский детектив — жанр особый и любим народом. А сегодня, по прошествии двух десятилетий, журналисты презрительно именуют детективы «чтивом», «развлекаловкой», отравляющими культурную, читающую страну. Которой нужен Шекспир.

Все смешалось в доме Облонских.

К. И. Чуковский, успевший проявить свой острый, ни на кого не похожий талант критика в дореволюционные годы, был вынужден позже от главного своего дела отойти, заняться другим... Летом 1969 года (последнее лето его жизни) он писал статью о детективах, западных, разумеется. Статья не была закончена. Ее фрагмент под заголовком «Триллеры и чиллеры» появился на страницах «Книжного обозрения» (№ 3, 1991 г.).

«Для самых талантливых и серьезных писателей, работающих в этом экзотическом жанре, в Лондоне еще в 1929 году был основан весьма фешенебельный клуб под председательством самого Честертона. После Честертона председателем был его друг Эдвард Бентли, автор превосходного романа «Последнее дело Трента» (1913). Я не оговорился,— продолжает Чуковский.— Хотя подобные романы и повести в большинстве случаев сочиняют халтурщики, но и здесь порою встречаются книги очень высокого литературного качества».

Добавлю от себя, что с 1958 по 1976 (то есть до смерти!) председателем Клуба была Агата Кристи. Члены Клуба обязаны в своих сочинениях соблюдать ряд правил, как это и полагается в игре. Вот некоторые из них.

Начисто исключаются все сверхъестественные силы. Нельзя пользоваться ядами, до сих пор не открытыми, а также средствами убийства, требующими длинных научных объяснений. Никакие случайности не должны помогать сыщику. Сам сыщик не должен быть преступником. Не должен быть преступником тот, от чьего лица рассказ ведется.

Это правило было нарушено Агатой Кристи в романе «Убийство Роджера Акройда». Роман был написан в 1926 году, когда фешенебельного Клуба еще не существовало. Но это нарушение одного из правил ей простили и даже сочли достойной Клуб возглавлять.

Таким образом, есть детективы и детективы. Но у нас этими различиями никто всерьез не занимался. Отсюда, с одной стороны, презрительное отношение к жанру («чтиво!»), а с другой — непомерные претензии «приключенцев».

Агату Кристи, настоящего профессионала, изучившего свое ремесло и, как всякий профессионал, знавшую свои границы, у нас почти не переводили. Но вот в 1986 году выходит сборник произведений Кристи, а к началу девяностых множество издательств, и столичных и периферийных, включили «королеву детектива» в свои планы. Началось торжественное шествие Агаты Кристи по нашей стране. Ее, однако, сопровождали гангстерские, шпионские и прочие трескучки, вполне заслуживающие названия «чтиво».

В 1969 году Чуковский писал:

«Но теперь, мне кажется, в литературе этого ЗАКОННОГО жанра на Западе появились особенности... И первая особенность — баснословно широкий, поистине океанский размах этого, в сущности, ОЧЕНЬ УЗКОГО жанра» (подчеркнуто мною.— Н. И.). Почему многие сочли эту тему единственно любимой и желанной? Тут массовый психоз, эпидемия...»

Сегодня эта эпидемия угрожает и нам. Она тем опаснее, что мы, ввиду нашей отсталости, понятия не имеем об этом узком жанре. А ввиду инфляции, нехватки того и сего может случиться так (да уже и случается!), что на издание серьезной литературы и вообще не останется средств.

«Детективное чтение — наименее бьющее по нервам, наиболее здоровое современное чтение. Это сказка для взрослых» (М. Шагинян).

«Хочется взять авантюрный роман и в чужих бедах забыть о своих!» — слова моей бабушки в письме из Ленинграда начала тридцатых годов.

И Шагинян, и бабушка имели в виду настоящие произведения этого узкого жанра, которые они читали на языке их авторов.

Однако здоровое чтение может превратиться в нездоровое, если читатель «доходит до такой ошалелости», что у него «пропадает способность питать свой отравленный мозг какой-нибудь духовной пищей» (К. Чуковский).

Поскольку мы ни в чем не знаем меры, то при сегодняшнем наводнении рынка литературой исключительно развлекательно-отвлекательной, к тому же подбираемой издателями, не умеющими отличить настоящий детектив от подделок, «ошалелость» становится реальной угрозой. Вредными могут оказаться и интеллектуальные романы-загадки Агаты Кристи, на которые нынче дружно кинулись

многочисленные издательства всей страны. Я слышала, что уже будто бы вышел ее десятитомник, а какое-то издательство планирует выпустить двадцатитомник! Не много ли? К тому же я сильно подозреваю, что переводить на русский язык романы Кристи частенько берутся не профессионалы, а любители, которые английский язык знают кое-как и не в ладах с родным языком. А это означает, что от русского читателя будут скрыты ирония Агаты Кристи, ее тонкий юмор и манера говорить ее персонажей — язык каждого отражает его положение в обществе... И получится то, что мне лет пятнадцать назад довелось прочитать в переведенном на русский произведении Сомерсета Моэма: «Это надо же! — воскликнула герцогиня.— А ты как думала! — отозвалась леди такая-то». И в этом духе...

Но и хорошо переведенный классический детектив ни в коей мере не может заменить духовную пищу. Агата Кристи прекрасно понимала, что тот УЗКИЙ жанр, в котором она работала, должен занимать в жизни читателя определенное время и место. Детектив помогает человеку переключиться, давая отдых усталому мозгу, и отключиться, забыть о своих бедах, заботах. А также — помогает убить время. Детективы хорошо читать дома, вечером на сон грядущий, затем — в приемных врачей и различных учреждений, а также в разнообразных видах транспорта, лучше всего — в самолетах и поездах. Если же находятся ленивые умы, неспособные воспринимать никакую литературу, кроме «остросюжетной»,— то это не вина Агаты Кристи. Это вина издателей, наводняющих рынок легким чтением, а заодно и чтивом, и тех остановившихся в своем развитии лиц, кто на эту удочку попадается.

Что касается Агаты Кристи, то она свои границы знала, переступать их не пыталась, стремясь хорошо делать то, что делать умела. И это вызывает к ней глубокое уважение.

В детстве она плакала над умирающей бабочкой, а в романах ее одно убийство следует за другим. Свою позицию она объяснит в «Автобиографии»:

«Детектив — рассказ о преследовании и расследовании, а также рассказ С МОРАЛЬЮ. Я всегда была против преступника и за невинную жертву».

Для ее сыщиков, Пуаро и мисс Марпл, поиски преступника — нравственная потребность. Они должны покарать зло и восстановить справедливость. Этим и объясняется привязанность к ним миллионов читателей всех континентов. Живущая в каждом из нас жажда справедливости неизменно бывает удовлетворена. Агате Кристи до Диккенса далеко, но надежна она так же, как Диккенс.

И сегодня, в нашем раздираемом противоречиями, сотрясаемом войнами страшном мире, Агата Кристи, с ее верой в торжество добродетели и наказание порока,— по-прежнему любима читателем. В ее старомодных романах он ищет и находит опору. Этим, полагаю, и объясняется поразительная прочность ее успеха.

Публицистика

АЛЕКСАНДР МЕЩЕРЯКОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ: ЯПОНСКИЙ ВАРИАНТ

Завсегдатай нынешних видеосалонов, насмотревшись японских фильмов о самураях и тамошней мафии, будет, боюсь, удивлен при знакомстве со статистикой преступности в этой стране. В пересчете на сто тысяч населения в Японии совершается убийств в пять раз меньше, чем в США, ограблений — в двадцать раз, случаев воровства — в шестнадцать, изнасилований — в восемь и т. п. Сравнение с другими странами даст, может быть, не столь контрастную, но все же достаточно впечатляющую картину.

А как же мафиози, с ног до головы покрытые цветными татуировками, изображающими воинов, цветы и драконов? Как быть с отрезанными пальцами гангстеров, которые они подносят своему «крестному отцу» в знак вечной преданности? Как быть с потоками экранной крови? Разве японцы не жестоки и кровожадны?

С цифрами, однако, не поспоришь, и это лишний раз свидетельствует о том, что судить о ежедневной жизни страны по массовой продукции кинокомпаний и телевидения следует с большой осторожностью. Из статистики явствует, что сцены насилия демонстрируются по японскому телевидению не реже, чем по американскому. Однако сюжеты оказываются совершенно различными.

Для американских фильмов типична ситуация, когда преступление совершает главный герой, а содеянное насилие служит ему незаменимым средством для достижения собственных целей. Иными словами: зритель, который идентифицирует себя с героем на экране, видит, что насилие может быть полезно. В противоположность этому создатели японских картин делают акцент на трагических последствиях преступления, калечащих судьбу самого преступника и наносящих ущерб ни в чем не виновным людям. Таким образом, преступление рассматривается (сколь бы красочно оно ни было снято) как имеющее скорее отрицательные, нежели положительные результаты. К тому же обстоятельства совершения преступления зачастую не имеют никакого отношения к повседневной жизни — они или совершенно надуманны или же перенесены в средневековье, как это происходит в бесконечных самурайских сериалах.

Уже из того немногого, что было сказано, видно, что американизация Японии, о которой столько говорилось в последние годы,— явление все-таки во многом поверхностное; она не затрагивает основ японского менталитета и жизнеустройства, а опасения ревнителей самобытной японской культуры преувеличены.

В любом преступлении задействованы три стороны: сам преступник, общество, против которого преступление совершено; полиция, обязанная раскрывать преступление.

Начнем с полиции.

После окончания второй мировой войны Япония была оккупирована американскими войсками, и американские эксперты выступали в качестве советников по проведению крупномасштабных реформ. Естественно, что и полиция была одним из объектов преобразований. Исходя из собственного опыта и культурных традиций, американцы рассуждали приблизительно так: раз США — демократическая страна, а цель реформ как раз в утверждении демократии, чтобы силы правопорядка охраняли ее от посягательств тоталитаризма, то и все социальные институты, включая полицию, должны быть устроены на американский манер.

Безоружный полицейский — вещь немыслимая в Америке. Там полицейскому вменяется в обязанность ношение револьвера даже в свободное от работы время, и он применяет его при малейшей опасности. И потому глава оккупационной администрации генерал Макартур приказал, чтобы каждый полицейский имел при себе револьвер — впервые в японской истории. Приказ фактически не был выполнен. И хотя ныне каждый полицейский формально имеет табельное оружие, подавляющее большинство служащих полиции за все время службы так ни разу и не вынимали его из кобуры — за исключением, разумеется, учебных стрельб.

Полицейский в Японии стремится решать свои проблемы в рукопашной схватке — если уж возникла необходимость в применении физической силы. Эта традиция восходит по крайней мере ко второй половине XIX века. Именно в то время формировались новые полицейские силы. Самураи тогда были лишены своих сословных привилегий, в том числе и самого очевидного из них — ношения мечей. Вынужденные искать средства к пропитанию (воинские дружины феодалов были распущены), многие самураи пополнили ряды полиции. Они принесли с собой и кодекс самурайской чести, согласно которому «настоящий мужчина» должен противостоять сопернику в честном и равном противоборстве. Поскольку же владение огнестрельным оружием в Японии строжайшим образом регламентировано, то преступники, как правило, огнестрельным оружием не располагают и вооружены ножами, цепями и т. п. Применение полицией огнестрельного оружия в этих условиях считается морально неоправданным. Хорошо тренированные в дзюдо и кэндо (фехтование на деревянных мечах), японские полицейские предпочитают обезоруживать преступника в рукопашной схватке с применением дубинок — резиновых, металлических и деревянных.

Нежелание, с которым силы охраны общественного порядка прибегают к огнестрельному оружию, может быть проиллюстрировано на примере драматических обстоятельств — знаменитой осады виллы Асама-Сансо.

В феврале 1972 года полиция предприняла ряд операций, направленных на обезвреживание молодежных левацких группировок, которым удалось совершить несколько террористических актов. Одна из операций проводилась в заснеженных горах центральной Японии, где находилась база террористов. После длительного преследования полицией пятеро из них ворвались в виллу Асама-Сансо, взяв в заложники жену сторожа.

Преступники были вооружены и немедленно открывали огонь при приближении полиции. Поскольку главным предметом для беспокойства было сохранение жизни заложницы, полиция оставила планы прямой атаки и приступила к длительной осаде. Предпринимались отчаянные попытки, чтобы узнать судьбу женщины. Преступники отказывались от любого контакта. Подслушивающие устройства, размещенные в стенах виллы, не дали ожидаемого эффекта. Рассматривалась возможность анализа мочи, поступавшей с виллы (чтобы определить, находится ли там женщина), но к коллектору подобраться не удалось. Прямые репортажи телевидения держали в напряжении всю страну, и в полицию поступало множество предложений (включая весьма экзотические) о том, каким образом можно занять здание, не причинив при этом ущерба заложнице. Кто-то предлагал снять крышу виллы с помощью вертолета, кто-то — подсыпать в водопровод снотворное. Все эти планы были отвергнуты как ненадежные.

Полиция применила другую тактику. Были насыпаны брустверы. Каждый день прибывали специализированные автомобили, которые запускали в дом слезоточивый газ, дым и потоки воды. Муж заложницы и матери двух подростков, находившихся в здании, обращались к террористам через громкоговоритель. Время от времени запускались магнитофонные пленки, имитирующие приготовления к атаке. Ночью, чтобы лишить террористов сна, на полную мощь транслировались завывания сирен, грохот поезда, шум моторов, крики демонстрантов.

И только на десятый день, когда все средства убеждения и психологического давления были исчерпаны, приняли решение о штурме. Рано утром подогнали мощный кран, который стал разрушать верхний этаж здания с помощью массивной «бабы». Штурмовой отряд, получив строгое приказание не использовать оружие, ворвался в дом. Через полтора часа после начала атаки один полицейский был застрелен. Только тогда нападавшим разрешили использовать оружие внутри виллы. В конце концов террористы сдались. И хотя в результате было убито двое полицейских, а еще пятнадцать — ранено, ни один из преступников не пострадал, а заложницу нашли живой и невредимой.

Для полиции чуть ли не всех остальных стран мира терпение, проявленное японцами, просто немыслимо. Ведь заранее было известно, что придется иметь дело с безжалостными убийцами, что и подтвердилось во время штурма. Тем не менее решение о применении оружия было принято только после того, как среди сил охраны порядка появилась первая жертва.

Не вняли японцы и другому совету оккупационных властей — максимально использовать патрульные машины. Их сирены и проблесковые огни (наряду с револьвером) также считаются американской полицией неотъемлемой частью ее повседневной жизни. Однако в узких улочках японских городов скоростные преимущества автомобиля сводятся почти на нет (только 13% токийских улиц пригодно для двустороннего движения). Но даже не это самое важное.

В Японии вооруженный и моторизованный страж порядка воспринимается обывателем скорее как нарушитель спокойствия, нежели его охранитель. И самое главное: при автомобильном патрулировании неизбежно ослабляется контакт между полицией и населением. А именно это принято полагать наиболее важным в работе полиции. Считается, что для стабильности в обществе важнее предупреждение преступности, ибо само понятие «преступник» появляется уже после того, как преступление совершено, т. е. полиция не сумела его предотвратить. Поэтому работа японского полицейского чрезвычайно рутинна и лишена ореола детективной романтики.

Организационная основа японской полиции — так называемый кобан («будка») — небольшой полицейский участок, расположенный среди жилых кварталов. Полицейский каждодневно обходит свой участок, беседует с жителями, многих из которых он знает в лицо, фиксирует мельчайшие изменения в своем околотке, обращает внимание на неправильно припаркованные автомобили, на подозрительных личностей и т. п. Такая тактика показала себя очень эффективной — 40% преступников выявляется полицией во время пешего патрулирования. Пеший образ жизни полицейского закреплен и в обращении, ему адресуемом — «омавари-сан» — «господин-обходящий-округу».

Все это создает почти деревенскую атмосферу особой доверительности — в случае малейшей необходимости жители без колебаний обращаются в полицию. Причем они предпочитают это делать не по общеполицейскому телефону 110, а прямиком направляются к своему участковому, чтобы в личном контакте оповестить о случившемся.

Помимо ежедневного пешего патрулирования еще одной привычной обязанностью полицейского является опрос жителей околотка. Дважды в год в каждый японский дом стучится страж порядка и предлагает ответить на длинный список вопросов. Сколько здесь проживает людей? В каких отношениях они состоят? Сколько им лет? Где они работают? Имеется ли автомобиль? Какой марки? Какой у него номер? Какие ценные вещи имеются в доме? Появились ли новые люди в квартале? Замечено ли что-нибудь подозрительное? Не беспокоят ли соседи? Довольны ли вы муниципальными службами? Полицейский может также осмотреть запоры на дверях и окнах и дать надлежащий совет.

Так поддерживается постоянная обратная связь между населением и полицией. Полицейские в других странах часто жалуются, что по большей части им приходится иметь дело с весьма неприятными персонами — алкоголиками, проститутками, скандалистами, во-

рами, хулиганами, грабителями и т. д. Опыт японского полицейского совершенно противоположен — обычно он общается с нормальными людьми и только сравнительно редко — с нарушителями порядка. Дэвид Бейли, американский специалист по криминалистике, метко заметил, что полицейский в США подобен пожарному — он действует, когда уже что-то случилось; японский же полицейский больше похож на мирного почтальона.

Собственно говоря, институт участковых в России исходит приблизительно из тех же предпосылок, что и кобан в Японии. Беда, однако, заключается в том, что этот институт (равно как и многие другие) пришел в упадок и перестал работать. Идея кобан проста, но вот последовательно воплотить ее в жизнь оказывается сложно.

Важнейшей задачей кобан является упорядочивание повседневной жизни, создание комфортных для населения условий. Может быть, заметнее всего это в трущобном токийском районе Санъя, где обитают неквалифицированные рабочие, неудачники, бомжи, не имеющие постоянного места работы (справедливости ради заметим, что таких мест в Японии очень немного). Каждый день работодатели являются туда и вербуют этих людей для выполнения какой-нибудь временной работы. Так как обитатели этого района слишком бедны и многие не имеют наручных часов, местный кобан соорудил большие светящиеся часы на фронтоне участка. Поскольку в Японии очень популярно разведение рыбок, но жители Санъя не имеют возможности содержать аквариумы дома, то полиция построила бетонный пруд перед входом в участок, куда люди выпускают своих рыбок, к которым они время от времени наведываются, принося заработанные гроши на покупку корма.

В полицию обращаются по самым разным житейским поводам: спрашивают дорогу, обращаются за разъяснениями закона, изливают душу. Издержавшиеся граждане могут попросить денег в долг, чтобы добраться до дому. Для этой цели в будках есть специальный ящик с мелочью, которая выдается без лишних формальностей. Процент возврата при этом очень высок — около 80%.

Несут в кобан и найденные вещи. Дети, играющие на улице, часто приносят свои маленькие находки. Для их поощрения заведены карточки, в которые вписываются имя ребенка, дата и наименование найденной вещи. Текст на карточке просит родителей похвалить ребенка. Обладание такой карточкой — престижно, и время от времени какой-нибудь несмышленыш приносит вещь из собственного дома — чтобы быть официальным образом отмеченным.

Так воспитывается хваленая японская честность. Любой иностранец подтвердит вам, что потерять в Японии что-нибудь — трудно. Сам я однажды оставил или обронил небольшую сумочку с деньгами и документами. Опомнился же только ночью в номере гостиницы. Вычислив, что, по всей вероятности, это могло быть в ресторанчике, в котором я обедал днем, рано утром отправился туда. Заведение было еще закрыто, но приготовления к приему посетителей уже начались. Услышав о моей неприятности, немедленно позвали хозяина, который долго извинялся за своих людей, которые не обратили внимания на забытую вещь сразу же. Теперь же у него словно груз с плеч свалился — он радовался моему появлению, пожалуй, больше, чем я — обретению сумки. Ведь, по его словам, вернуть потерянную вещь иностранцу — очень трудно, ибо требуется немало времени, чтобы узнать, в какой гостинице он остановился.

В нашем лексиконе слово «бескомпромиссность» синонимично «принципиальности» и имеет положительный смысл. Две величайшие трагедии в истории России — раскол и октябрьская революция семнадцатого года — были осуществлены руками бескомпромиссно принципиальных людей. Безусловно уважая твердость характера, японцы тем не менее в сфере человеческих отношений проявляют осознанное стремление к компромиссам. Кто наблюдал японские собрания, где вопрос решается голосованием, может засвидетельствовать: решение принимается обычно единогласно. Но бывает единогласие и единогласие. Если в советское время единогласие было вызвано авторитарными методами управления и страхом перед наказанием за другую точку зрения, то единогласие по-японски обеспечивается совсем другим: тщательнейшей подготовкой собрания, во время которой происходит зондаж мнений и учет интересов всех групп, отражаемых в окончательном решении. Компромисс, таким образом, воспринимается как средство гармонизации различных мнений и устремлений.

Японцы исходят из логики пословицы: «В споре виноваты обе стороны». Утверждение о том, что мир движется противоречиями, японцам чуждо. К каждой проблеме они подходят с другой стороны: миром движет стремление к гармонии.

В определенных пределах японская полиция также весьма терпима и не любит доводить дело до открытого конфликта. Небольшое превышение скорости обычно не карается. Пьяный (а подгулявших на улицах города в вечерние часы не меньше, а может быть, и больше, чем у нас), если он не представляет прямой опасности для окружающих,— скорее объект заботы, чем наказания. Проституция запрещена законом, но тем не менее публичные дома существуют почти открыто. Часто практикуемое наказание за мелкое нарушение (например, за неправильную парковку) — не штраф, а письменное извинение нарушителя, где он обязуется в будущем вести себя примерным образом. Общество, а вслед за ним и полиция как бы признают за человеком право на маленькие слабости, но одновременно следят за тем, чтобы они не выходили за разумные рамки.

К пьяному пешеходу относятся снисходительно, но к пьяному водителю — безжалостно строго. Абсолютно немыслимо и употребление спиртных напитков в рабочее время. Наркотики преследуются неукоснительно — и их употребление почти так же редко, как обладание огнестрельным оружием. Мужчина может завести роман на стороне (и это не будет вызывать осуждения), но должен проявлять всестороннюю заботу о благополучии своей семьи.

Когда в свое время Коммунистическая партия Японии обвинила премьер-министра Танаку в том, что он в течение многих лет имел любовницу, от которой родилось двое детей, и второе семейство он содержал, то

это разоблачение произвело совсем не тот эффект, на который рассчитывали коммунисты. Танака публично признался в своих грехах и слабостях и заработал сочувствие публики. Коммунистов же стали критиковать за невоспитанность и дурные манеры.

Японцы, кажется, очень хорошо усвоили, что в этом мире все (или почти все) — относительно. Есть такая детская игра — дзянкэмпон.

Ее участники выбрасывают на пальцах определенные фигуры, которые обозначают «камень», «бумагу» и «ножницы». Камень можно обернуть в бумагу, и потому «бумага» — сильнее «камня»; ножницы тупятся о камень, и потому «камень» — сильнее; однако ножницы режут бумагу — и в этом случае «ножницы» одерживают верх над «бумагой». Получается, что каждая вещь проявляет свои лучшие свойства только в определенной ситуации. Так же обстоят дела и в обществе — то, что позволено в одной ситуации, нетерпимо в другой.

Японским детям разрешено достаточно много. Я сам неоднократно наблюдал, как 4—5-летние малыши носятся по вагону метро, явно создавая неудобства для взрослых пассажиров. При этом никто — ни пассажиры, ни родители — не проявляет признаков беспокойства или недовольства. Представим себе аналогичную ситуацию в метро московском: пассажиры будут делать раздраженные замечания, а мамаша — кричать. При этом достаточна вероятность того, что ребенок будет продолжать шалить. А происходит это потому, что количество ограничений, которые пытаются наложить родители на своих детей (начиная с самого нежного возраста), не поддается учету, и сами родители не в состоянии уследить за их выполнением. Для детей же наступает девальвация запрета. Как это всем нам знакомо: туда не ходи, в лужу не наступай, с мячиком не играй — он грязный, кофточку не снимай (а на улице жарко!), и так без конца.

Японским же детям разрешается все, что не представляет угрозы для жизни. Но если уж ребенок слышит «нельзя!», он знает, что это действительно так.

Нечто похожее происходит и во взрослом обществе. Полиция ведь — только инструмент его охраны и не может быть не похожа на общество, которое ее породило.

Задумывая противоправное действие (или же задумываясь о нем), японец испытывает страх не столько перед полицией, сколько перед реакцией окружающих его людей. С самого детства будущего гражданина заставляют смотреть на себя глазами других. Мать внушает ребенку, что его поступки не могут идти вразрез с интересами группы: окружающие непременно должны оценивать эти поступки положительно — а иначе задразнят, засмеют. Будь как все, не высовывайся, и все будет хорошо — учат ребенка. Детская непосредственность — чем дальше, тем больше — сменяется множеством правил, необходимых для общежития. Это сдерживает эгоистический и антиобщественный потенциал, но одновременно и нивелирует личность. Так, класс японских школьников после объяснения учителя на его вопрос: «Все ли понятно?» — отвечает единодушным «да» не потому, что всем понятно все, а потому, что учитель ожидает именно такого ответа. В свою очередь учитель, видя усердие всех учеников, часто ставит всем одинаковые оценки — чтобы не выделять никого. Гению японское общество предпочитает усердного и послушного исполнителя.

Не правоохранительные органы, а социальная группа (семья, община соседей, детский сад, школа, фирма) является наиболее мощным гарантом законопослушного поведения. Наказания, выносимые японским судом,— сравнительно мягки (намного мягче, чем, скажем, в России) и, за исключением закоренелых преступников, японцы охотно признают свою вину. Не боятся наказания, похоже, в США, где достаточно суровый уголовный кодекс не в состоянии остановить непрерывно увеличивающуюся преступность (около 70% американцев, отправляемых судом в тюрьму, получают срок от пяти лет и больше; в Японии эта цифра колеблется между 1 и 2%). Значит, дело не в суровости наказания, а в чем-то другом. Наиболее явная причина — четкость работы японской полиции, т. е. неотвратимость наказания; раскрывается около 80% совершаемых преступлений (по тяжким преступлениям цифра еще выше — 97%). В других странах этот процент существенно ниже. И это при том, что на одного полицейского в Японии приходится 552 жителя, в то время как в США — 363 жителя, Великобритании — 401, во Франции — 284. Но все-таки самым существенным фактором является моральный климат, господствующий в японском обществе.

Осуждение группой и изгнание из нее — вот что самое страшное для японца. В Европе и Америке провинившегося ребенка держат взаперти дома, не разрешая гулять, в Японии — не пускают домой, временно изолируя от семьи. Принадлежность к определенной социальной группе рассматривается как невозобновляемый ресурс, которым можно полноценно воспользоваться только один раз. Так, японская система найма на работу предполагает, что на всех сколько-нибудь крупных и солидных предприятиях гарантируется занятость от начала трудовой карьеры и до ее конца. Работник и фирма как бы приносят друг другу формально нигде не закрепленную клятву верности.

Работник обязуется соблюдать полную лояльность по отношению к фирме, а фирма — всесторонне заботиться о нем и не увольнять ни при каких обстоятельствах (препятствием к выполнению этого обязательства может служить только банкротство). Сам же работник по своей воле никогда не сменит места службы, ибо его уход будет расценен как предательство, а другие работодатели знают — предавший один раз может предать снова. Даже в японской мафии самым серьезным наказанием считается изгнание провинившегося. И если такое решение принято, то во все «заинтересованные» преступные кланы отправляется извещение с фотокарточкой изгнанника — это служит достаточной гарантией, что никто не примет его в свои ряды.

Еще одним мощным фактором, ограничивающим рост преступности, является относительная гомогенность населения Японии – имущественная, национальная, культурная, образовательная. В криминалистике давно замечено, что большая часть преступного мира рекрутируется из бедных, социально угнетенных, необразованных и пришлых.

В Японии же национальный пирог разрезается более или менее равномерно; общеобразовательный уровень — один из самых высоких в мире (около 90% японских юношей и девушек имеют двенадцатилетнее среднее образование, из них более 40% продолжают учебу в университетах и колледжах); в течение длительного времени Япония не знала систематического притока представителей других народов (до сих пор японский закон запрещает всякую иммиграцию, включая политическую).

В Японии существует лишь две относительно небольшие группы населения, которые выпадают из общего ряда. Это, во-первых, корейская и китайская общины, образовавшиеся в результате ввоза рабочей силы во время второй мировой войны, и, во-вторых, японские «отверженные» («буракумин», или «эта») — потомки тех лиц, которые исторически были связаны с «нечистыми» профессиями,— мясники, кожевенники. Корейцы и китайцы, несмотря на то, что многие из них родились уже в Японии, до сих пор лишены японского гражданства и, следовательно, не являются полноправными членами общества. Что же касается «буракумин», то их дискриминация запрещена законом, но фактически они продолжают жить в обособленных поселениях и их возможности для получения образования и работы сильно ограничены. Неудивительно поэтому, что именно эти две группы поставляют повышенный процент нарушителей закона.

Россия и Япония не похожи во многих отношениях: разная история, разная культура, разные традиции... Однако все же стоит обратить внимание на чрезвычайно успешный опыт борьбы Японии с преступностью и, главное,— предупреждения ее. Преступность процветает не там, где слабы силы правопорядка, а там, где социальные условия и нравственный климат благоприятствуют этому. Среднестатистический японец не нарушает закона и не позволяет это делать другим. Япония сильна прежде всего неформальными методами контроля над поведением личности. Эту страну часто называют раем для детей и пьяных, но для преступников — это сущий ад.

Руководители отечественной милиции справедливо жалуются, что им не хватает автомобилей, средств связи, современного стрелкового оружия. При этом они нередко указывают на внушительную фигуру американского полисмена, увешанного всевозможными приспособлениями, способными устрашить и обуздать преступника. Но, может быть, и почти домашний омавари-сан заслуживает не меньшего уважения, и его опыт применим не только на Японских островах. Особенно учитывая нашу нынешнюю стесненность в средствах...

У книжной витрины

РОБЕРТ ГОДДАРД
Долг Бесчестья

Robert Goddard. Debt of Dishonour. **«Poseidon Press»**

«Долг бесчестья» — пятая по счету книга Роберта Годдарда, одного из любимых писателей британского премьер-министра Джона Мейджора. Ее начало вызывает в памяти роман Голсуорси «Собственник» из «Саги о Форсайтах». Главный герой, архитектор Джеффри Стэддон, получает заказ на постройку загородного дома для семьи Виктора Кесуэла — промышленника, разбогатевшего на добыче каучука в Бразилии, где, помимо состояния, он нашел красавицу жену Консуэлу. Та, ради которой строится усадьба, влюбляется в архитектора; впрочем, Стэддон вскоре бросает любовницу.

Двенадцать лет спустя жена Стэддона Анджела между прочим сообщает ему, что Консуэла арестована по обвинению в убийстве племянницы своего мужа. При этом следователи полагают, что Консуэла убила ее по ошибке, ибо жертвой преступления должен был стать муж. Когда одиннадцатилетняя дочь Консуэлы приходит к Стэддону и просит спасти ее мать от тюрьмы, Стэддон соглашается помочь. Однако его одолевают противоречивые чувства: он уверен, что Консуэла невиновна, но ему не хватает ни мужества, ни желания довести до конца собственное расследование, чтобы оправдать понадеявшуюся на него прежнюю любовницу... Развязка романа весьма неожиданна, и автор тщательно готовит ее с помощью намеков, ложных версий и психологических ловушек.

ТЕРЕЗА КАРПЕНТЕР
Гангстерша

Teresa Carpenter. **Mob Girl. A Woman's Life in the Underworld. «Simon & Schuster»**

Тереза Карпентер — опытная журналистка. Она получила Пулицеровскую премию за серию статей об убийстве фотомодели Дороти Стреттен, на основе которых был снят фильм «Звезда-80».

Героиня книги «Гангстерша» — Билли Батгейт в юбке. Арлин Бринкман выросла среди рэкетиров нью-йоркского Ист-сайда, но ее влекли «крутые» ребята из итальянской мафии. Она погружается в опасную и рискованную жизнь гангстеров — сначала выполняет их мелкие поручения, затем начинает свое дело: открывает подпольное казино. Когда ее арестовывают, Арлин резко меняет свою жизнь и становится осведомителем ФБР...

Книга Т. Карпентер основана на документальном материале: именно помощь и свидетельские показания Арлин Бринкман помогли полиции упрятать за решетку босса одной из крупнейших нью-йоркских мафиозных «семей».

САРА ПАРЕЦКИ
Ангел-хранитель

Sara Paretsky. **Gardian Angel. «Hamish Hamilton»**

У Сименона — Мегрэ, у Конан Дойла — Шерлок Холмс, а у американки Сары Парецки — В. Я. Варшавски, частная сыщица с пистолетом в кармане, богатым запасом жаргонных словечек и еще более богатой сексуальной жизнью. В лучших традициях жанра она кочует из романа в роман и всюду борется с преступностью, тяжелыми временами, ненадежными поклонниками и всеобщей коррупцией. В седьмом по счету триллере «Ангел-хранитель» все начинается с малого: испорченная до мозга костей элитарная молодежь под видом благотворительности проворачивает махинации с пенсионным фондом. Последствия оказываются плачевными: два убийства, несколько жестоких нападений и дикая расправа с безвинными собачонками одной старой дамы. И вновь В. Я. Варшавски не подкачала, несмотря на то что от расследования ее постоянно отвлекают весьма запутанные отношения с друзьями, любовниками, прессой и чикагской полицией. Преступники разоблачены, пенсионный фонд спасен, и даже старая леди получила двух собачек взамен убиенных.

ГОРДОН ХОНИКОМБ
Песнь сирены

Gordon Honeycombe. **Siren Song. «Hutchinson»**

Честному человеку и в голову не придет, на какие аферы пускаются мошенники, чтобы выкачать деньги из доверчивых простаков.

Не подозревал об этом и герой книги Гордона Хоникомба «Песнь Сирены». Простодушный моряк по имени Дэвид как-то с тоски ответил на объявление о знакомстве, вычитанное в газете. Так завязалась переписка с некой Дианой из Саутгемптона, 20 лет, среднего роста. Судя по письмам, девушка — просто находка: незамужняя, богатая, да еще и красавица. Впрочем, Дэвиду так и не удается получить от нее фотографию или поговорить по телефону, потому что всеми делами Дианы, в том числе и личными, ведает ее старший брат — человек бывалый и суровый. Зато ее письма полны игривых намеков, постепенно переходящих в эротические фантазии. Кроме писем почта приносит Дэвиду нижнее белье подруги, что вносит дополнительную смуту в истомившуюся душу молодого матроса. В результате он доверяет мифической красотке свои немалые личные сбережения. Окончательно отношения выясняются уже в зале суда.

ПОЛ БЕГГ, МАРТИН ФИДО, КИТ СКИННЕР

Джек-Потрошитель от «А» до «Я».

Paul Begg, Martin Fido, Keith Skinner. **Jack the Ripper A to Z. «Headline»**

За прошедшие сто лет весьма запутанному делу Джека-Потрошителя было посвящено около тридцати книг (помимо многочисленных полицейских мемуаров и газетно-журнальных публикаций). Все обилие материалов можно условно разделить на две группы: в одних излагаются и анализируются факты, в других — создаются и укрепляются мифы. Новая книга трех исследователей, безусловно, принадлежит к первой группе. В ней подробно, высокопрофессионально рассматриваются все известные на сегодняшний день факты и теории, касающиеся нашумевшего дела. В частности, авторы вновь ставят проблему точного определения личности Джека-Потрошителя. Прежде считалось, что это некий Монтегю Джон Друт, однако потом подозрение пало на польского еврея по имени Аарон Козминский. И хотя М. Фидо, П. Бегг и К. Скиннер склонны поставить его во главе списка подозреваемых, они сомневаются в правильности своей гипотезы, поскольку следственные данные о Козминском довольно противоречивы. Как бы там ни было, расследование дела Джека-Потрошителя сейчас идет активнее, чем когда-либо; и вполне возможно, что скоро на все вопросы будут получены окончательные ответы.

ПАТРИК МАРНЕМ

Человек, который не был Мегрэ

Patrick Marnham. **The Man who wasn't Maigret. «Bloomsbury»**

Новая, и наверное не последняя, биография Жоржа Сименона написана по принципу «только факты». Судьбу будущего классика детективного жанра решило знакомство с редактором «Газетт де Льеж», который предложил 11-летнему мальчику написать какую-нибудь заметку, и тот вдохновенно излагает историю о лошадиной подкове. Статью публикуют под псевдонимом «Жорж Сим». Через несколько месяцев юный корреспондент уже ведет в газете собственную рубрику.

1922 год: отслужив в армии, Жорж приезжает в Париж, где начинает писать детективные рассказы для журналов «Фру-фру», «Плезир» и «Пари-флит». 1923 год: Жорж берется за многотомные романы, сотрудничая одновременно с шестью издательствами. Произведения выходят под двадцатью четырьмя псевдонимами, среди которых все тот же «Жорж Сим», а также «Кристиан Брюлль», составленный из имени старшего брата и девичьей фамилии матери. К 1928 году число опубликованных романов достигает сорока четырех.

1973 год: мэтр объявляет о завершении писательской деятельности и затем, в самом деле отказавшись от пера, надиктовывает 25 томов мемуаров. 1989 год стал последним в долгой, полной перипетий и тревог жизни Жоржа Сименона.

Великобритания

КОНАН ДОЙЛ, ОН ЖЕ ШЕРЛОК ХОЛМС, ОН ЖЕ...

В 1903 году Конан Дойл сумел, наконец, избавиться от своего порядком надоевшего детища: отправив Шерлока Холмса на пенсию — разводить пчел, сэр Артур сам принялся за расследование загадочных убийств, а также случаев ложного обвинения и несправедливого судебного решения. Интерес писателя к последней теме — как в книгах, так и в жизни — вполне объясним. В молодости он сам чуть было не попал за решетку: начинающего эскулапа Конан Дойла обвинили в неправильном лечении, в результате которого скончался пациент. К счастью, местный медицинский эксперт подтвердил диагноз, поставленный подозреваемым, и инцидент был исчерпан. Видимо, тогда-то и родилось в будущем мастере детективного жанра сострадание к собратьям по несчастью.

Однако успехи на криминалистическом поприще оказались более скромными, чем на литературном, а хваленый метод дедукции Холмса одинаково помогал и мешал сэру Артуру. Так, в деле об убийстве на птицеферме в Кроуборо он не продвинулся дальше заключения, что преступник — левша и ботинки его подбиты гвоздями; полиция же почти сразу же установила и задержала убийцу. Возможно, именно поэтому сыскная деятельность писателя не удостоилась пристального внимания его биографов. Питер Костелло — один из немногих, кто представил Конан Дойла как коллегу знаменитого литературного героя, невольно сыграв при этом роль доктора Ватсона. В своей книге «Подлинный мир Шерлока Холмса. Преступления, расследованные Артуром Конан Дойлом» автор приводит также любопытные биографические подробности — свидетельства возраставшего интереса Конан Дойла к преступному миру. Школьником Артур посещает «комнату ужасов» в музее мадам Тюссо; в студенческие годы он находится под влиянием своего преподавателя — профессора медицины Джозефа Белла, который сотрудничает в экспертном отделе Эдинбургского полицейского управления; позднее ставит химические опыты с наркотиками. А вот уже некто расхаживает в своих апартаментах, где царит холостяцкий беспорядок: на хозяине ярко-красный халат, в руках — забитая пеплом трубка... Это — тот же Конан Дойл, в котором читатели легко узнают Шерлока Холмса.

А. Конан Дойл

(Еженедельник «Таймс литерари сапплмент»)

ДЕЛО МАРЛО ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

30 мая 1593 года в городе Детфорд скончался от ножевого ранения в глаз английский поэт и драматург Кристофер Марло. Его убийца Ингрэм Фризер был оправдан, так как нанес удар в целях самозащиты. Как показали Николас Скиэрс и Роберт Поули — единственные очевидцы, зачинщиком пьяной драки в харчевне был сам потерпевший, а спор разгорелся из-за оплаты счета за эту дружескую попойку четырех мужчин. Такова официальная и единственная версия происшедшего, которая устраивала всех.

Однако четыре столетия спустя появился человек, который заявил о своем несогласии — это Чарлз Николл. В книге «Расквитались» он обращает внимание читателей на целый ряд логических и фактических нестыковок принятой версии. Начать с того, что хозяйка заведения, где разыгралась трагедия, имела достаточно высокое положение в обществе и могла держать только приличный ресторан, который никак не назовешь «харчевней». Далее, с какой стати Марло и Фризер взялись спорить о деньгах, если ужин был заказан и оплата оговорена заранее? Допустим, они все же повздорили — но почему двое других не вмешались, не разняли? Наконец, что заставило литератора провести

весь тот роковой день в столь странной компании? Ведь Роберт Поули был тайным агентом сэра Роберта Сесила, Николас Скиэрс — человеком графа Эссекса, ну а Ингрэм Фризер мог работать на кого угодно, в том числе и на любую из первых двух враждующих сторон. Вероятнее всего, считает исследователь, Кристофер Марло стал разменной монетой в крупной политической игре, поскольку и сам был причастен к миру шпионажа и заговоров. Даже если в тот вечер действительно произошла ссора из-за оплаты счета, то, как сказано у Шекспира, в тесной комнатушке расквитались по-крупному.

(Журнал «Магазин литтерер»)

США

«УДАР В СЕРДЦЕ» — «ДАБЛДЕЮ»

Как известно, в любом деле, связанном с коммерцией, надо поторговаться. В издательском тоже. Однако далеко не всякое творение собирает на аукционе одиннадцать солидных издательств, готовых выложить более полумиллиона долларов за одну идею, как в случае с книгой Микала Гилмора «Удар в сердце».

«Помогли» начинающему писателю, можно сказать, родственные связи. Микал Гилмор — брат знаменитого убийцы Гэри Гилмора, на чьем кровавом счету не одна невинная жертва. Он стал первым преступником, казненным в 1977 году после десятилетнего перерыва. Для американцев рассказы об убийцах не новость, да и про Гилмора они уже читали в романе Нормана Мейлера «Песнь палача» (получившего Пулицеровскую премию в 1980 г.) и даже фильм про него смотрели. Но Микал Гилмор хочет написать про другое, о чем свидетельствует подзаголовок — «История американской семьи в убийствах»,— который и привлек издателей. В одном из интервью Микал заявил: «Мы живем в мире, где насилие кажется лучшим способом решения проблем. Многие думают, что если засадить всех преступников за решетку, все будет отлично. Нет, насилие и жестокость не исчезнут. Надо наконец понять, почему люди убивают, и то, что в некотором смысле мы все — соучастники». Человек не становится убийцей сам по себе, семена зла прорастают задолго до преступления — в семье, в обществе, в культуре. Гилмор не считает свою семью «ненормальной», хотя сам многие годы после смерти брата пытался отгородиться от нее. Двадцать лет он писал исключительно о музыке для журнала «Роллинг стоун», но вдруг понял, что его книга должна быть именно о том, как в обычной американской семье вырос убийца.

Итак, самым щедрым оказалось издательство «Даблдей», которое намерено выпустить «Удар в сердце» в 1993 году. Автор надеется, что читателей заинтересует не его печально известная фамилия, а те проблемы, над которыми он размышляет, и издатели полагают, что книга станет не только бестселлером, но и классикой... а «ИЛ» подождет, когда это случится, и, может быть, подумает о следующем криминальном номере.

С МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК НЕ ЗАСКУЧАЕШЬ

Шестидесятитрехлетняя американка Мэри Хиггинс Кларк по праву считается «королевой интриги» и неспроста была избрана президентом Ассоциации детективных писателей. Ее знают и любят миллионы читателей во многих странах; по ее романам сняты захватывающие телефильмы; издатели покупают ее рукописи, даже не поинтересовавшись темой или названием, ибо уверены: успех обеспечен. Но, как ни странно, публике почти ничего не известно о самой М. Х. Кларк, и в недавнем интервью парижскому журналу «Лир» писательница немного рассказала о себе.

Уроженка Нью-Йорка, она рано начала работать: секретарша в рекламном агентстве, стюардесса, репортер в «Вашингтон пост», автор фельетонов и исторических очерков для радио... Первой книгой была солидная биография Джорджа Вашингтона. Постепенно накапливался материал для художественных произведений, осмыслялись впечатления от многочисленных путешествий (Сирия, Чехо-Словакия, Конго, Индия...).

«Интерес к криминальному жанру появился у меня очень давно,— говорит писательница.— Еще в детстве меня потрясла история похищения и убийства сына Чарльза Линдберга. Буквально вся страна следила тогда за развитием событий — ведь судьба ребенка может взволновать больше, чем ограбление банка или поезда».

Мэри Хиггинс Кларк невероятно тщательно работает над каждой новой книгой. «Я стараюсь быть как можно точнее во всем, даже в мельчайших деталях, ибо считаю, что детектив должен отличаться максимальной правдоподобностью. Для этого приходится не раз проверять факты, даты, имена, советоваться с учеными, врачами, рыться в архивах и библиотеках...» Писательница убеждена, что это совершенно необходимо, поскольку читатель изменился — стал требовательным, информированным, дотошным. «Сегодня читатель — прежде всего телезритель. Он нетерпелив и хочет, чтобы интрига (фильма или книги — все равно) захватывала его с самого начала и не отпускала до конца. Скучать он не желает и не будет».

М. Х. Кларк это прекрасно понимает и не разочаровывает своих поклонников. Ее последний роман «По всему городу» почти сразу же вошел в число бестселлеров. Героиня его, студентка, обвиняется в убийстве университетского преподавателя. Еще в детстве ее похитили, а после этой тяжелой психической травмы девушка страдает раздвоением личности. Она думает, что убийство совершено одним из ее воплощений. Однако, когда следствие близится к завершению, в городке появляются похитители несчастной девушки, чтобы заставить ее умолкнуть навсегда...

Франция

ДЕТЕКТИВНЫЙ РЕНЕССАНС НАБИРАЕТ СИЛУ

Любителей остросюжетного жанра можно поздравить: угасавшая в последнее время «Черная серия» издательства «Галлимар» возрождается. Этот источник забил в 1945 году стараниями Марселя Дюамеля, а теперь свежую струю внес романист, сценарист и журналист газеты «Монд» Патрик Рейналь. Вместо четырех ежемесячных новинок «Галлимар» публикует две — как французские, так и зарубежные, а освободившиеся два места отводит для переиздания мировой детективной классики. Благодаря этому Патрик Рейналь смог основательнее заняться криминальной тематикой, а также открыть серию в серии. В списке ее авторов популярные ныне Крамли, Остер, Маншетт, Ледезма. Объединенные в ковую серию книги не являются детективами в строгом смысле, но схожи с ними: тот же интригующий сюжет, те же неожиданные повороты. Эти издания в эффектной черно-желтой обложке искушают читателя, помимо содержания, оригинальным графическим оформлением.

Творческий поиск ведут и другие издатели детективной литературы. Так, Жан-Батист Бароньян готовится выпустить серию «Криминальная история», в которую войдут документальные повести; Франсуа Гериф (изд-во «Риваж»), открыв для Франции американских авторов (Дж. Эллрой, Т. Хиллерман), успешно издает и поддерживает своих соотечественников (М. Вийяр, Ю. Паган).

Но как бы ни были ярки новые вспышки, им не затмить неувядающих «криминальных дам»: Агата Кристи, Мэри Хиггинс Кларк, Ф. Д. Джеймс и Патрисия Хайсмит возглавят каталоги крупнейших издательств. В нынешнем сезоне в этот англоязычный круг вошла дебютантка — француженка Паскаль Фонтено.

ПУБЛИКОВАТЬ ЛИ ДНЕВНИКИ УБИЙЦ?

Этот вопрос мучает издателей разных стран, наверное, еще со времен зарождения книгопечатания. Новая волна споров охватила сейчас Францию в связи с делом Патрика Анри. Этот сорокалетний детоубийца, находящийся в заключении, предложил нескольким крупным издательствам написанные в тюрьме мемуары. «Я их даже читать не стану! — возмутился директор издательства «Грассе».— Потому что не собираюсь сотрудничать с махровым уголовником». «Что ж, я, пожалуй, и сам ознакомлюсь, и коллег ознакомлю — из моральных соображений,— сказал глава издательства «Галлимар».— Но публиковать не возьмусь — тоже из моральных соображений». «Решительно отказываюсь как читать, так и публиковать,— заявил основатель издательства «Франсуа Бурэн».— Надо же совесть иметь и соблюдать хоть какую-то издательскую этику». «Конечно прочту — ведь никого нельзя ущемлять; возможно, даже напечатаю, только прежде с юристом посоветуюсь,— ответил руководитель издательства «Кальман-Леви».— У нас подобная литература уже печаталась, правда, не без скандала в прессе».

Попытка подойти к этому вопросу с точки зрения морали сама обернулась проблемой, французская же Фемида на сей счет безмолвствует. А вот американские законодатели рассудили просто: преступник не имеет права публиковаться, потому что он не должен наживать барыши на содеянном зле. (Известны случаи, когда гонорары исчислялись сотнями тысяч долларов.) Кстати, подобного рода произведения, по оценке специалистов, художественными достоинствами не блещут, так что мировая литература ничего не потеряет.

Существует и еще одна сторона вопроса. По заключению медиков, большинство осужденных людоедов, детоубийц, садистов-насильников были в момент совершения преступления невменяемы. Выпущенные на свободу, они вновь грозят обществу, если оно не удостоит их повышенного внимания. Характерную для этих личностей жажду славы может вполне удовлетворить спрос на их книги, интервью, приглашения на телепередачи, статьи в журналах — словом, желанная популярность.

«Я теперь писатель. А когда пишешь, то уже не до убийств»,— сказал Джерард Шэфер, автор «Записок убийцы». Однако остается вопрос: правильно ли поступил издатель Жак Бертуан, заключив договор на публикацию книги этого преступника?

По материалам газеты «Нью-Йорк таймс бук ревю» (США), еженедельника «Таймс литерари сапплмент» (Великобритания), журналов «Мир», «Магазин литтерер» (Франция)

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
за 1992 год (№ 1—12)

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Алекс Джо — Смерть говорит от моего имени (Роман. Перевод с польского Л. Юрьевой. Вступление А. Ермонского), № 11-12.

Апдайк Джон — Рассказы. (Перевод с английского О. Алякринского), № 10.

Байетт А. С.— Розовые чашки (Рассказ. Перевод с английского Л. Беспаловой), № 7.

Борхес Хорхе Лунс — There Are More Things... (Рассказ. Перевод с испанского В. Левина), № 3.

Бридж Энн — «Бьюик» (Рассказ. Перевод с английского Ольги Варшавер), № 3.

Буало-Нарсежак — Рассказы (Перевод с французского К. Алексашиной, А. Куличковой, М. Стебаковой), № 11-12.

Вудхаус П. Г.— Эссе. Рассказы (Перевод с английского и вступление А. Ливерганта), № 7.

Галеано Эдуардо — Первые голоса (Мифы, легенды, пророчества. Перевод с испанского и предисловие Ю. Ванникова), № 8-9.

Грабал Богумил — Я обслуживал английского короля (Роман. Перевод с чешского и послесловие Д. Прошуниной. Вступление Радко Пытлика), № 1.

Грабиньский Стефан — Месть огнедлаков (Рассказ. Перевод с польского Л. Ермиловой), № 3.

Грин Грэм — Конец одного романа (Роман. Перевод с английского Н. Трауберг), № 5-6.

Дал Роалд — Семейный пансион (Рассказ. Перевод с английского А. Ливерганта), № 7.

Джеймс Ф. Д.— Неестественные причины (Роман. Перевод с английского И. Бернштейн, Л. Мотылева и Г. Чхартишвили), № 11-12.

Джонсон Чарльз — Рассказы (Перевод с английского и вступление Инны Стам), № 4.

Донливи Джеймс Патрик — Франц Ф (Рассказ. Перевод с английского В. Бошняка), № 8-9.

Исигуро Кадзуо — Остаток дня (Роман. Перевод с английского и вступление В. Скороденко), № 7.

Кадарэ Исмаиль — Вестник беды. Islama nox (Новелла. Перевод с албанского О. Колпаковой), № 8-9.

Камю Альбер — Счастливая смерть (Роман. Перевод с французского Ю. Стефанова. Послесловие В. Лакшина). Записные книжки. Март 1951 — декабрь 1959 (Перевод с французского Ярослава Богданова), № 2.

Кеннон Барри — Распутывая леску. В пуэбло (Рассказы. Перевод с английского и предисловие В. Голышева), № 10.

Кундера Милан — Невыносимая легкость бытия (Роман. Перевод с чешского Нины Шульгиной), № 5-6.

Лавкрафт Говард Ф. — Болото Луны (Рассказ. Перевод с английского В. Бернацкой), № 3.

Леблан Морис — Черная жемчужина (Рассказ. Перевод с французского С. Кудрявицкой), № 11-12.

Майринк Густав — Майстер Леонгард (Новелла. Перевод с немецкого В. Крюкова), № 3.

Маламуд Бернард — Жильцы (Роман. Перевод с английского В. Смирнова), № 10.

Манганелли Джорджо — Эссе и «романы» (Перевод с итальянского и вступление Натолии Ставровской), № 4.

Миллер Генри — Время убийц. Этюд о Рембо (Перевод с английского и примечания Инны Стам. Вступление А. Зверева), № 10.

Моэм Уильям Сомерсет — Рассказы (Перевод с английского и вступление А. Кудрявицкого), № 7.

Музиль Роберт — Душевные смуты воспитанника Тёрлеса (Роман. Перевод с немецкого и вступление С. Апта), № 4.

Папини Джованни — Невозвращенный день (Рассказ. Перевод с итальянского Ю. Балтрушайтиса), № 3.

Поссе Абель — Райские псы (Роман. Перевод с испанского Н. Богомоловой), № 8-9.

Рассказы молодых писателей, № 10.

Реймерс Герд — Жены и музы. Портреты спутниц великих мужей (Фрагменты книги. Перевод со шведского Н. Френкель), № 1.

Рэй Жан — Черное зеркало (Рассказ. Перевод с французского С. Зенкина), № 3.

Сад Донасьен Франсуа де — Из книги «Преступления любви» (Перевод с французского Е. Морозовой), № 1.

Тэрбер Джеймс — Тайна убийства в «Макбете» (Рассказ. Перевод с английского А. Ливерганта), № 11-12.

Уильямс Теннесси — Расшитый бисером ридикюль. Вьюнок. Песок (Рассказы. Перевод с английского Наталии Падалко), № 8-9.

Хласко Марек — Петля (Повесть. Перевод с польского Е. Твердисловой), № 8-9.

Хьюз Ричард — Незнакомец (Рассказ. Перевод с английского В. Голышева), № 3.

Честертон Гилберт Кийт — Машина ошибается (Рассказ. Перевод с английского А. Кудрявицкого), № 11-12.
Шнейер Джош – Боксер. Как это сказать? (Рассказы. Перевод с английского и предисловие В. Голышева), № 10.
Щипёрский Анджей — Начало, или Прекрасная пани Зайденман (Роман. Перевод с польского Л. Бухова), № 2.
Эверс Ханс Хайнц — Паук (Рассказ. Перевод с немецкого), № 3.
Элиаде Мирча — Девица Кристина (Роман. Перевод с румынского Анастасии Старостиной), № 3.
Эстерхази Петер — Новеллы. Эссе (Перевод с венгерского В. Середы и Ю. Гусева. Вступление В. Середы), № 4.

СТИХИ

Борхес Хорхе Луис — Три стихотворения (Перевод с испанского Бориса Дубина), № 8-9.
Гинзберг Аллен — Стихи из книги «Белый саван» (1980—1983) (Перевод с английского Андрея Сергеева), № 10.
Гойтисоло Хосе Агустин — Стихи (Перевод с испанского и вступление Натальи Ванханен), № 4.
Грох Эрик — Стихи (Перевод со словацкого А. Макарова-Кроткова), № 1.
Данн Дуглас — Стихи (Переводы с английского Г. Кружкова, В. Орла, А. Грибанова. Вступление А. Грибанова), № 7.
Из бразильской поэзии (Перевод с португальского Валерия Перелешина. Вступление Е. Витковского), № 8-9.
Ийеш Дюла – Одной фразой о тирании (Стихи. Перевод с венгерского Александра Грибанова. Предисловие В. Середы), № 5-6.
Иллакович Казимира — Стихи (К 100-летию со дня рождения. Перевод с польского Натальи Астафьевой. Вступление Владимира Британишского), № 4.
Киплинг Редьярд — IF (Вглубь одного стихотворения). Переводы с английского М. Лозинского, Вл. Корнилова, А. Грибанова, Аллы Шараповой. Вступление А. Зверева), № 1.
Крамер Теодор — Вырезки из газет (Криминальные баллады. Перевод с немецкого и вступление Евгения Витковского), № 11-12.
Легенова Татьяна – Стихи (Перевод со словацкого М. Файнермана), № 1.
Лейно Эйно — Синий крест (Стихи. Перевод с финского Владислава Ходасевича. Вступление А. П.), № 3.
Лилиенкрон Детлеф фон – Стихи (Перевод с немецкого Евгр. Раевского), № 3.
Молодые поэты Словакии. Вступление Яна Замбора, № 1.
Опперман Дидерик Йоханнес — Брандан (Цикл сонетов. Перевод с африкаанс Евгения Витковского), № 3.
Подрацкая Дана — Стихи (Перевод со словацкого М. Файнермана), № 1.
Пять веков английского афоризма, № 7.
Ралин Радой Самосевки (Афоризмы. Перевод с болгарского и вступление М. Тарасовой), № 4.
Слауэрхоф Яи Якоб — Корабль дураков (Стихи. Перевод с нидерландского Евгения Витковского), № 3.
Сюпервьель Жюль — Стихи разных лет (Перевод с французского и вступление И. Кузнецовой), № 2.
Урбан Йозеф — Стихи (Перевод со словацкого М. Файнермана, А. Макарова-Кроткова), № 1.
Энрайт Деннис Джозеф — Стихи (Переводы с английского А. Казарновского, А. Грибанова, А. Кудрявицкого. Вступление А. Кудрявицкого), № 7.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Вордсворт Уильям — Слабоумный мальчик (Баллада. Перевод с английского и вступление А. Карельского), № 8-9.
Исса (Перевод с японского и предисловие Т. Соколовой-Делюсиной), № 5-6.
Сент-Винсент Миллей Эдна — Стихи. К 100-летию со дня рождения (Перевод с английского И. Грингольца и М. Редькиной. Вступление А. З.), № 10.
Чосер Джеффри — Троил и Крессида (Фрагмент поэмы. Перевод с английского и вступление М. Бородицкой), № 7.
Эйкен Конрад — Снег несказанный, снег сокровенный (Рассказ. Перевод с английского и вступление И. Багрова), № 10.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Бэр Эдвард — Целуй руку, которую не можешь укусить (Перевод с английского И. Прохоровой. Вступительная статья Н. Морозова), № 4, 5-6.

ВЕРА И МОРАЛЬ, № 1

Голдблат Берт — См. Мессик Хэнк, № 11-12.
Дали Сальвадор — Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим (Фрагменты книги. Перевод Н. Малиновской), № 5-6, 8-9.
Джонг Эрика — Ведьмы (Перевод с английского О. Варшавер; вольный перевод стихов А. Харитоновой), № 3.
Лао-цзы — Книга Пути и Благодати (Перевод с древнекитайского, парафраз и предисловие И. Лисевича), № 1.
Мессик Хэнк, Голдблат Берт — Бандитизм и мафия. История организованной преступности в Америке (Перевод с английского К. Старосельской), № 11-12.
Серна Рамон Гомес де ла — Чудища, призраки, колдуньи (Из книги «Гойя». Перевод с испанского Н. Малиновской), № 3.
Хейг Джон – Моя исповедь (Перевод с французского О. Ротенберг), № 3.

ПУБЛИЦИСТИКА

Клоэнс Стюарт — Труп в зеркале: поминки по Уорхолу (Перевод с английского и вступление О. Алякринского), № 10.
Мещеряков Александр — Преступление и наказание: японский вариант, № 11-12.

МИФЫ И МИФОТВОРЦЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ, № 8-9.

Оруэлл Джордж — Англия, ваша Англия (Фрагмент эссе. Перевод с английского В. Воронина), № 7.
Паркер Т. – Жизнь после жизни. Интервью с двенадцатью убийцами (Фрагменты. Перевод с английского О. Алякринского), № 2.

ПО СТРАНИЦАМ ЕЖЕГОДНИКА «ЛУЧШИЕ АМЕРИКАНСКИЕ ЭССЕ», № 10.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО, № 2.

РУБЕЖ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ. № 4.

Савицкий В.— Такая ускользающая справедливость, № 2.
Сосновский Н.— Хайле Селассие, песенки рэгги и мифы исторического сознания, № 8-9.
Хоугленд Эдвард — Небо и земля. (Перевод с английского и вступление О. Алякринского), № 10.
Якимович Александр — Пансион мадам Гайар, или Безумие разума (Проблема тоталитаризма в конце XX века), № 4.

КРИТИКА

Американская литература на страницах «ИЛ» (краткая библиография), № 10.
Английская литература на страницах «ИЛ», № 7.
Бродский Иосиф — Меньше единицы (Перевод с английского В. Голышева), № 10.
Бьяльке Хенрик — «Литература — это новости, которые не устаревают» (Перевод с датского Норы Киямовой и Алекса Фришмана), № 7.
Дубин Борис — Милош о Сведенборге, удвоении мира и ереси человекобожества, № 8-9.
Зверев Алексей — Распавшийся ансамбль. Знаем ли мы американскую литературу?, № 10.
Зверев Алексей, Степанян Карен — Проза конца века: Россия и Запад (попытка прогноза), № 4.
Знакомьтесь: «Земля иеведомая» (Интервью подготовила А. Соколинская), № 3.
ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ, № 1.
ИЗ БЕСЕД В РЕДАКЦИИ, № 4.
Ильина Наталия — Агата Кристи на отечественном литературном фоне, № 11-12.
Интервью, № 3.
Кейн Майкл — Премия «Букер» приходит в Россию (Перевод с английского О. Басинской), № 7.
Киттредж Уильям, Краузер Стивен М.— Великий американский детектив (Перевод с английского Л. Ермаковой), № 11-12.
Краузер Стивен М.— См. Киттредж Уильям, № 11-12.
Курбатов Валентин — О пользе интерпретации, № 1.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ — «ЗА» и «ПРОТИВ» (ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АЛЕКСЕЯ ЗВЕРЕВА), № 1.
Лукин А., Рынкевич Вл.— В магическом лабиринте сознания. Литературный миф XX века, № 3.
Манн Томас — Страдая Германией. (Дневники 1933—1936 гг.) (Перевод с немецкого, составление, вступительная статья и комментарий М. Харитонова), № 1.
Милош Чеслав — Достоевский и Сведенборг (Перевод с английского Б. Дубина), № 8-9.
Недошивин Вячеслав — См. Чаликова Виктория, № 2.
РЕЛИГИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ, № 5-6.
Робертс Джон — Долой «мир и дружбу»! Да здравствует доброжелательство!, № 7.
Рынкевич Вл.— см. Лукин А., № 3.
Салганик Мариам — Гармония ислама. Заметки на полях одной книги, № 5-6.
Сведенборг, Достоевский и Милош: уравнение с тремя неизвестными, № 8-9.
Сведенборг Эмануэль.— Из книги «Истинная христианская религия», № 8-9.
Сонтаг Сузан — Против интерпретации (Перевод с английского В. Голышева), № 1.
Степанян Карен — см. Зверев Алексей, № 4.
Чаликова Виктория, Недошивин Вячеслав — Неизвестный Оруэлл (Диалог), № 2.
Шекспир Никлас — Грэм Грин (Перевод с английского Н. Трауберг), № 7.

У книжной витрины, № 1, 2, 3, 5-6, 7, 8-9, 10, 11-12.
Курьер «ИЛ», № 4, 5-6, 7, 8-9, 10, 11-12.
К нашим читателям, 5-6.
Авторы этого номера, 1—12.
К нашим иллюстрациям, № 4.

Авторы этого номера

ФИЛЛИС ДОРОТИ ДЖЕЙМС (PHYLLIS DOROTHY JAMES; род. в 1920 г.) — английская писательница. Член Королевских обществ литературы и покровителей искусств, входит в Совет директоров Би-би-си и Совет по искусствам Великобритании. Кавалер ордена Британской империи (1983). В 1968—1979 гг. занимала ответственные посты в Министерстве внутренних дел. Автор детективных романов, переведенных на многие иностранные языки: «Закройте ей лицо» («Cover Her Face», 1962), «Саван для соловья» («Shroud for a Nightingale», 1971; награда «Серебряный кинжал», присуждаемая за достижения в развитии детективного жанра; премия Э. По в США), «Не женское дело» («An Unsuitable Job for a Woman», 1972; премия Э. По в США; рус. пер. 1990), «Черная башня» («The Black Tower», 1975; награда «Серебряный кинжал»), «Кровь неповинна» («Innocent Blood», 1980), «Вкус к смерти» («A Taste for Death», 1986) и др.
Роман «Неестественные причины» вышел в Англии в 1967 году (Ph. D. James. «Unnatural Causes». London, Penguin Books in association with Faber & Faber).

БУАЛО-НАРСЕЖАК (ПЬЕР ЛУИ БУАЛО — PIERRE LOUIS BOILEAU, 1906—1989; **ТОМА НАРСЕЖАК — THOMAS NARCEJAC,** наст. имя Пьер Эро, род в 1908 г.) — французские писатели детективного жанра. С 1952 г. под двойной фамилией Буало-Нарсежак написали множество романов, новелл, сценариев, в том числе «Волчицы» («Les Louves», 1955; рус. пер. 1988), «Лица в тени» («Les Visages de l'ombre», 1953), «Мое целое — это человек» («Et mon tout est un homme»; Гран-при за произведение «черного юмора», 1966), «Белая горячка» («Delirium», 1969; рус. пер. 1990), «Я была привидением» («J'ai été un fantôme», 1989).
Обоснование своих новаторских позиций они изложили в историческом и теоретическом очерке «Полицейский роман» («Le Roman policier», 1964).
Публикуемые рассказы взяты из сборника «Хитросплетения» («Manigances». Paris, Denoël, 1971).

ДЖО АЛЕКС (JOE ALEX; псевдоним, наст. имя Мачей Сломчиньский; род. в 1920 г. в Варшаве) — польский писатель, автор книг для детей и юношества, специалист по английской литературе, переводчик. С 1959 г. под псевдонимами Джо Алекс и Казимеж Квасьневский в Польше вышло более десяти детективных романов Мачея Сломчиньского, в том числе «Я скажу вам, как он погиб» («Powiem wam, jak zginął», 1959), «Ты всего лишь дьявол» («Jesteś tylko diabłem», 1960), «Где и заповедей нет» («Gdzie przykazań brak dziesięciu», 1968); по-русски издан под названием «Убийца читал Киплинга» (М., 1991).
Роман «Смерть говорит от моего имени» вышел в 1960 г. Публикуется по изданию 1974 г. («Smierć mówi w moim imieniu». Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1974).

МОРИС ЛЕБЛАН (MAURICE LEBLANC; 1864—1941) — французский писатель. Автор детективных и приключенческих романов: «Хрустальная пробка» («Le bouchon de cristal», 1912), «Восемь часовых ударов» («Les huit coups de l'orloge», 1923), «Калиостро мстит» («Cagliostro se venge», 1935) и др. Создал образ изощренного вора Арсена Люпена в романах «Арсен Люпен, вор-джентльмен» («Arsène Lupin, gentleman-cambrioleur», 1907), «Арсен Люпен против Шерлока Холмса» («Arsène Lupin contre Sherlock Holmes», 1908), «Признания Арсена Люпена» («Les confidences d'Arsène Lupin», 1923).
Рассказ «Черная жемчужина» был впервые напечатан в журнале «Je sais tout» в 1906 году, впоследствии вошел в сборник «Арсен Люпен, вор-джентльмен».

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН (GILBERT KEITH CHESTERTON; 1874—1936) — английский прозаик, поэт, эссеист. Начал печататься на рубеже XIX и XX вв. и вскоре стал одним из популярных писателей Англии. Многие его произведения переведены на русский язык: романы «Наполеон из Нотинг-хилла» («The Napoleon of Notting Hill», 1904; в русск. перев. «Наполеон из пригорода», 1925), «Человек, который был Четвергом» («The Man Who Was Thursday, 1908; рус. пер. 1914 и в Библиотеке «ИЛ», 1989), «Перелетный кабак» («The Flying Inn», 1914, русск. перев. 1927). Автор пяти сборников детективных рассказов о патере Брауне, «детективе в сутане». По-русски сборники его рассказов выходили в 1958, 1967, 1974 гг. «Избранные произведения» в трех томах изданы в 1990 г. Рассказ «Машина ошибается» был впервые опубликован в Англии в сборнике «Мудрость патера Брауна» («The Wisdom of Father Brown», 1914).

ИЛЬИНА НАТАЛИЯ ИОСИФОВНА — русская писательница, автор романа «Возвращение» (кн. 1—2, 1957—1965), нескольких сборников сатирических фельетонов и пародий: «Иными глазами. Очерки шанхайской жизни» (Шанхай, 1946), «Внимание: опасность!» (М., 1960), «Не надо оваций!» (М., 1964), «Светящиеся табло» (М., 1974), «Белгородская крепость» (М., 1989), автобиографической прозы: «Дороги и судьбы» (М., 1991), а также публицистических статей.

МЕЩЕРЯКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (род. в 1951 г.) — доктор исторических наук, японовед, поэт, переводчик; заведует сектором отдела Древнего Востока Института востоковедения Российской Академии наук. Основные труды: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм» (1987), «Герои, творцы и хранители японской старины» (1988), «Древняя Япония: культура и текст» (1991). Выпустил сборник лирических стихов «Линия жизни» (1990).

Pan
Agatha CHRISTIE
THREE ACT TRAGEDY
A HERCULE POIROT MYSTERY
NEW IN PAPERBACK
AGATHA CHRISTIE
POIROT'S EARLY CASES
AGATHA CHRISTIE
le cheval pâle
Agatha Christie
Cartes sur table

2 а - 112

НОМЕР ВЫПУЩЕН ПРИ СОДЕЙСТВИИ
БАНКА «ДЕЛОВАЯ РОССИЯ»

70394

Уважаемые читатели!

Если вы не успели оформить подписку на журнал
«Иностранная литература»,
не огорчайтесь.
Номера журнала можно приобрести
в магазине «Мультимедиа» Культурного центра
Всероссийской государственной библиотеки
иностранной литературы имени М. И. Рудомино
по адресу: 109189, г. Москва, ул. Ульяновская, д. 1.

Здесь же **ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ**
НА ЖУРНАЛ «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
НА ЛЮБОЙ СРОК.

Иногородним подписчикам журнал будет
высылаться по почте
на условиях предварительной оплаты.
Одновременно принимается подписка на журналы
«Диапазон», «Британо-советский бизнес», «Телерадиоэфир»,
газету «Япония сегодня» и другие периодические издания.

Магазин является распространителем литературы
издательства «Жизнь с Богом» (Бельгия) на территории СНГ.

ISSN 0130-6545 Иностранная литература, 1992, № 11-12 1—320